Российская академия наук

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-ЭТНИЗАЦИЯ

Этнокультурные и этноязыковые процессы

Книга II

НАУКА

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-ЭТНИЗАЦИЯ

Этнокультурные и этноязыковые процессы

В двух книгах

Книга II

МОСКВА НАУКА 2006

inslav

УДК 39
ББК 63.5
Г54

Ответственный редактор
доктор филологических наук Г.П. НЕЩИМЕНКО

Рецензенты:
доктор филологических наук В.А. ВИНОГРАДОВ,
доктор филологических наук Ю.А. СОРОКИН

Редколлегия:
М.Б. ЕШИЧ, А.Ф. ЖУРАВЛЕВ, Я. КОРЖЕНСКИЙ,
Г.П. НЕЩИМЕНКО (отв. редактор), Е.Ф. ТАРАСОВ,
С. ЧМЕЙРКОВА

Глобализация – этнизация : этнокультур. и этнояз. процессы : в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нещименко] ; Науч. совет РАН "История мировой культуры" ; Ин-т славяноведения РАН. – М. : Наука, 2006. – ISBN 5-02-035613-1.

Кн. 2. – 2006. – 461 с. – ISBN 5-02-035614-X (в пер.).

Монография выполнена в рамках поэтапной реализации международной научной программы по изучению феноменов "язык–культура–этнос" (предшествующие публикации по названной программе: Язык–Культура–Этнос. – М.: Наука, 1994; Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000; Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002). Работа над программой осуществляется на основе двустороннего международного сотрудничества Института славяноведения РАН и Института чешского языка Чешской АН.

Для филологов, культурологов, историков, этнологов.

Темплан 2005-II-43

ISBN 5-02-035613-1
ISBN 5-02-035614-X (кн. 2)

© Научный совет РАН "История мировой культуры", 2006
© Институт славяноведения РАН, 2006
© Редакционно-издательское оформление. Издательство "Наука", 2006

inslav

IV. ЯЗЫК, ЭТНОС, КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ЭТНИЗАЦИИ

Светла Чмейркова
(Чехия)

ОНИ НАШИ ИЛИ ЧУЖИЕ? О РЕПАТРИАЦИИ ВОЛЫНСКИХ ЧЕХОВ

1. В КАЧЕСТВЕ ВВЕДЕНИЯ

Целью статьи является анализ категорий "наши – чужие" на материале бесед, состоявшихся с волынскими чехами в Бутовси в Йичинском крае, куда они переселились из деревни Мала Зубовщина на Украине в 1991 г. При этом мы исходили из рассказов самих волынских чехов после их возвращения в чешскую среду, дополненных сведениями, почерпнутыми из письменной хроники, которую вела в течение всей своей жизни на Украине одна из семей. Оба источника – устный и письменный – являются прямой фиксацией языковой биографии представителей самого старшего из живущих поколений; несколько вскользь упоминаются и языковые биографии представителей более молодых генераций. Данный материал дополнялся в результате анализа записей бесед с волынскими чехами, сделанными чешскими средствами массовой информации (радио, телевидение, кино). Предметом нашего внимания является сосуществование и столкновение языков культур, восприятие чужого языка и культуры, адаптация среды, стремление сохранить языковую и культурную идентичность и восприятие своей непохожести.

2. ИСТОРИЯ ЧЕШСКОЙ КОММУНИТЫ НА УКРАИНЕ

Чешское поселение на Украине возникло после 1868 г., когда чешские крестьяне и ремесленники начали покупать дешевую землю в западной Украине. Большинство чешских колонистов осели в Волынской, а некоторые – в Киевской губерниях. Первые колонисты, а затем и последующие поколения достигли на Украине хороших экономических результатов, их жизненный

inslav

уровень был гораздо выше жизненного уровня украинского населения. [Valášková–Uherek–Brouček 1997]. Дестабилизация ситуации в послереволюционном Советском Союзе, а также материальная нужда заставили колонистов задуматься о возвращении на родину. Большинство колонистов воспользовались возможностью репатриации на основе договора между Чехословакией и Советским союзом после 1945 г. В период 1945–1950 гг. этой возможностью воспользовалось около 40 000 человек, проживавших в 638 сельских поселениях на Украине [Hofman 1995; Vaculík 1993]. Соглашение о репатриации распространялось, однако, лишь на жителей Волынской губернии, просьба о репатриации населения из других колоний советским правительством была отвергнута.

Po zdlouhavých jednáních došlo k přesídlení Čechů, žijících na území bývalé Volynské gubernie (kolem 40 tisíc). Avšak pro malou Zubouščinu to byl svátek na sousední ulici, ona zůstala za plotem, t.j. za čárou (přesně 2 km od čáry), která oddělovala Volynskou gubernii od Kyjevské... A zase na dlouhá léta se o nějakém odjezdu nemohlo ani snít.

Таким образом, в 1989 г. на Украине находилось примерно 9000 чехов, живших в деревнях и городах Мала Зубовщина, Коростен, Малиновка, Малин, Новаки, Пухов, Стремигород, Львов, Киев и т.д. Потомки чешских колонистов были полностью или почти полностью интегрированы в местные условия, зачастую они жили в смешанных браках. И тем не менее они осознавали свое чешское происхождение, иногда сохраняли и более или менее хорошее знание чешского языка, и некоторые культурные признаки, которые они считали чешскими или, во всяком случае, отличающимися от языковых и культурных особенностей окружающей их среды [Dluhošová 1992: 11–13; Uherek 1998: 137–138].

Dyž sme žili tam na Ukrajině tak jsme stejně furt cejtili že sme Češi. Nejen vod toho že sme měli každej napsany v pase že sme Čech. Aj proto že nam to chvilema nam to i škodilo...

Знание чешского языка и этническое осознание чешского происхождения лучше всего сохранилось в сельских колониях Мала Зубовщина и Малиновка в Житомирской области, находившихся примерно в 80 километрах от Чернобыльской атомной электростанции. В конце 1989 г. чехи, проживавшие в этой области, затронутой последствиями ядерной катастрофы и повышен-

inslav

ной радиоактивности, обратились за помощью к чешским дипломатическим органам на территории бывшего СССР, а затем и к президенту Вацлаву Гавелу.

To nás těšilo, že se o nás ti Češi zajímali. Tak to příjemný když o vás trochu stojeji....

Их просьба о возможном переселении на историческую родину завершилась репатриационной программой, воспринятой как гуманитарный акт. Репатриация проходила, начиная с апреля 1991 и до конца 1993 г., и финансировалась чехословацким правительством. Эта программа коснулась 1811 человек, из которых 1731 человек были из Украины и 80 – из Белоруссии. В Чехословакию вернулись 586 семей, которые нашли себе новый дом в 56 населенных пунктах в Чехии и Моравии.

Česká vláda uďala ušechno tak, abysme mohli tady začinat hospodařit, dali nam tady po štyri a pul tisice na osobu, no a dali nam byty a dali nam praci, no my věřime u Haula moc, se začalo todleto přesidleni prave vod prezidenta Havla, my si velmi važime toho postoje pana prezidenta...

Репатрианты обосновались на своей исторической родине, влившись к мажоритарное чешское население.

Muj pradědeček byu z Hradec Králove rodem i babička taki a hdysi voni svy kořeny vytrhli z československy pudy tak teďka ja sem přijeu svou manželkou ty kořeni nazpátky sadit...

Скорее всего, эти люди никогда бы не вернулись на свою старую родину, если бы не Чернобыльская ядерная катастрофа.

Důvod neni v tom, že jim byuo špatně. Ešče nevi se, co s nima bude dal konečně, jestli to vydýchaj tu katastrofu či ne, či se to vodrazi na zdravi. To bylo hlavnim moťivem co sme sem prijeli'. To bylo zdravi děti nebo Luděčka i Viťa voba maj zvěčeny štitny žlazy...

Несмотря на то, что причины возвращения чехов на родину были главным образом чисто внешние, тем не менее репатриация активизировала их внутреннее ощущение языковой, культурной и этнической сопричастности. Они начали по-новому осознавать, как в их жизни переплетались те культуры, к которым они принадлежали, с которыми они себя идентифицировали или же от влияния которых они хотели дистанцироваться. А потом они снова стали задумываться над вопросом, что же это такое “свое” и “чужое”, что находится здесь, что было там.

inslav

... je nam tady dobře, to jenom že někdy dyž jako se něco přizda, no ňakej sen a pak se ráno probudíš a přemyšliš se na to, že seš tady a chvilema se chce prostě aspoň na chvilečku podivat tam...

Některy sou dobre, některy, no nic nam špatně nedělaj, ale divaj se na nas jako na cizinci...

3. ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью исследования было отразить аспекты выживания языка и языковой группы в мажоритарной среде другого языка или же других языков (украинского и русского), т.е. описать языковую ситуацию чехов, проследить, как она формировалась и развивалась в течение их жизни на Украине и, наконец, выявить итоговую языковую компетенцию чехов. Была и еще одна задача – установить, как были встречены репатрианты на своей исторической родине, нынешней Чешской республике, приняли ли их за "наших", т.е. за своих или же за "чужаков". Важно было выяснить и то, какую роль играют языковые барьеры и как с этой ситуацией справляются репатрианты. Положение осложнялось тем, что если за границей этих людей воспринимали как носителей чешского языка и чешской культуры, то на их исконной родине неожиданно стали заметны отличия их узуса.

4. МАТЕРИАЛ

Объектом изучения стали реэмигранты из Украины, происходившие из поселка Мала Зубовщина, и поселившиеся впоследствии в Бутовси в Чехии. Языковая специфика данной группы населения заключается в том, что эта группа реэмигрантов была переселена в сущности туда, где некогда жили их предки. Все интервью происходили в домашней обстановке, в них, как правило, принимали участие двое респондентов и лишь в исключительных ситуациях возникала ситуация коллективного рассказа. Вопросы касались жизни чешского меньшинства на Украине, а также жизни этой группы населения после реэмиграции. Интервью были в какой-то мере направляемыми (вопросы касались, помимо прочего, и реалий из жизни сельского населения на Украине, причем они формулировались таким образом, чтобы все реалии назывались так, как это было принято в жизни колонии). Интервью ставили своей целью расположить респондентов, настроить их на

inslav

спонтанный рассказ о жизни в колонии, причем акцент делался на языковом поведении ее жителей. Результатом этого взаимодействия был рассказ, который можно было бы определить как наративное интервью [Schütze 1987].

После этапа устных интервью с репатриантами, членами их семей и другими людьми (в этот же жилой массив в Бутовси были переселены несколько семей из одной и той же украинской колонии), наступил этап, когда один из респондентов, господин Орнст, послал автору этой статьи два письменных документа, в которых он стилизовал свой рассказ уже письменно. Темой его первого рассказа была жизнь колонии на Украине (текст "А"); темой второго рассказа (текст "Б") был чешский язык, способ и сферы его использования в колонии, его сохранение и вытеснение другими языками, вначале из школ, а затем и из частной жизни, особенно в смешанных браках, при учебе в школах высшего типа и т.п. Отметим, что респондент написал эти тексты еще в период, когда происходило устное интервью.

R2: *my čistě budeme zkoumat, jakým způsobem vy mluvíte, a hledat tam prvky ukrajinský nebo ruský, dívat se, co přežilo z češtiny vašich předků, který tam přišli, abychom si udělali takovej obrázek, jak ten jazyk se v tak zvláštním prostředí vyvíjí. Pro nás je to velmi vzácná příležitost vlastně vidět ten jazyk takhle v pohybu, to se stává málokdy.*
Pan O: *já sem vám i připravil, tam sem trochu napsal, takovýho rozprávění.*
R2: *to je báječný*
Pan O: *=ale mám to načerno, ne- nestih sem to napsat na-načisto*
R2: *s tím se netrapte, to my si*
Pan O: *já vám to přepišu, a pak vám to asi možná dám kromě toho co teda dneska*

Ориентация на текст лишь одного респондента сузила бы ракурс рассмотрения и интерпретацию действительности, поэтому в статье я стараюсь приводить, хотя и несколько на втором плане, и другие интерпретации, другое видение действительности. Это помогает получить более пластичный и менее гомогенный образ ситуации чехов на Украине и дома в Чехии (так, например, цитации, воспроизводимые в исторической части статьи, в большинстве были получены от других респондентов, репатриированных из Украины).

inslav

5. ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ И НАДЕЖНОСТИ МАТЕРИАЛА

При анализе наративного дискурса необходимо учитывать стимулы, реакции и другие обстоятельства, сопутствующие возникновению рассказа. Сам по себе рассказ является фактом социальным: интеракционные моменты и общий социальный контекст являются внутренним компонентом рассказа. В нашем конкретном случае, помимо прочего, существенно было и то, что в качестве эксплораторов выступали исследователи из Института чешского языка (автор этой статьи) и Института славистики АН Чешской республики (Р. Шишкова). В связи с этим вполне естественно, что специфика научных интересов так или иначе оказывала влияние на респондентов и их дискурс. Впрочем, здесь сказывалась не только профессиональная ориентация эксплораторов. Как впоследствии выявилось, господин Орнст, наш респондент, также имеет свои собственные профессиональные интересы и прошлое:

R1: *a vy ste tam dělal co? Jako co ste byl zaměstnanej?*
Pan O: *sem učitel*
R1: *učitel?*
Pan O: *ředitel školy sem byl*
R1: *aha?*
Pan O: *dvaadvacet let ((smích)) tady*
R2: *ano.ano (.) no tak vy ste byl zřejmě u zrodu, všech těch snah vo ty- vo ty školy tam, že jo?*
Pan O: *no to jo ((smích))*
R2: *hm.ano. to se taky vysvětlujou ty vaše obrovský znalosti toho*
R1: *tý historie*
R2: *tý historie vaší*
R1: *jako co bylo, kdy,*
Pan O: *no jo no*
R2: *protože normálně asi čovek nepátrá, tak často po, po těch kořenech vlastních, a po tom, jak věci byly, že jo*
R1: *hm, co ste učil?*
Pan O: *ruštinu*
R1: *ruštinu*

Итоговый рассказ, как будет показано ниже, несет на себе отпечаток всех этих дополнительных факторов.

Как полагают Спайкард и Берроус, для понимания этнической и языковой специфики применение таких форм как рассказ

inslav

имеет, наряду с преимуществами, и определенные ограничения. Употребленная в книге метафора разъясняет границы подхода, при котором рассказ функционирует в качестве ключа для понимания этнических особенностей как индивидуума, так и групп индивидуумов.

> "Нам следовало бы помнить о старинной буддистской поговорке, которая нас учит не путать перст, указующий на луну, и саму луну. Перст, т.е. рассказ указывает на опыт человека, на то, как он воспринимает этничность. Однако рассказ не есть сам этот опыт, это восприятие. То, что мы должны изучать, так это человеческие жизни, которые стоят за этим рассказом, а также социальный и исторический контекст этих жизней. С помощью рассказа мы можем в той или иной степени понять эти жизни и этим все ограничивается. Текст есть посол сообщения, а отнюдь не само сообщение, это перст, указующий на луну, а отнюдь не сама луна" [Spickard, Burroughs 2000: 249]. (Перевод наш. – *Г.Н.*).

Истинность этой поговорки особенно отчетливо постигается при изучении этнических процессов. В связи с тем, что нас интересуют не только этнические, но и языковые процессы, не трудно убедиться в том, что граница между тем, что является послом или же носителем сообщения и сообщением как таковым, отнюдь не столь отчетлива. Действительно, перст приближается к луне, но тем не менее его не следует с ней отождествлять.

Вслед за Дензином (1989), Конопаском (1998), Неквапилом (2003) и др. я исхожу из того, что рассказ, письменный или же устный, дает нам информацию не только об объективном состоянии вещей, но и о субъективном восприятии вещей. Мало того, он предоставляет информацию (в нашем случае о языковой ситуации в колонии и состоянии чешского языка). Рассказ совершенно непроизвольно информирует о себе самом, о способе, каким он выстроен, о языке, с помощью которого он формулируется. Иными словами, он заключает в себе информацию как о тексте. Текст нас информирует и потому, что говорит сам за себя.

В связи со сказанным при анализе фиксаций устных интервью и письменных документов меня будет интересовать сопоставление информации, которая в них имеется непосредственно (намеренно, осознанно, эксплицитно) и которая в них содержится ненамеренно, т.е. непроизвольно, имплицитно.

Как отмечает Дензин [Denzin 1989: 30], из рассказа респондентов можно узнать следующее:

inslav

1) как “вещи” *были*, как события *происходили* (сведения из области “реальности жизни”);

2) как респонденты “вещи” и события *воспринимали* (сведения из области “реальности субъекта”);

3) как респонденты о данных “вещах” и событиях *рассказывают* (сведения из области “реальности текста”).

Социолингвистику чаще всего интересуют первые два вопроса и, соответственно, ответы на них. Однако для нас (особенно, если учесть изучение лингвистической компетенции) релевантной является и информация третьего порядка, поскольку текст сам по себе определенным образом модифицирует информацию о том, что происходило на самом деле с вещами.

Граница между реальностью жизни, реальностью субъекта и реальностью текста подвижна, ее трудно определить, а поэтому она и спорна. Это обусловлено тем, что жизни присущи атрибуты текста, а текст имеет атрибуты жизни. Если респондент ситуацию определенным образом видит, воплощая ее в тексте, это означает, что он выбирает из реальности жизни определенные аспекты (оставляя другие в стороне) – в этом мы уже имели возможность убедиться. Впрочем, вполне реально и другое: тот факт, что говорящий или же пишуший индивидуум является автором текстового воплощения, что он определенным образом вещи классифицирует, может вести к жизненно важным шагам (социальным актам).

Кроме того, можно предположить, что аналогичным образом воспринимали и воспринимают ситуацию и многие другие члены коллектива украинских чехов, что весьма значимо. Мало того, информанты в своих рассказах, очевидно, учитывают рассказы, которые они в течение всей своей жизни слышали из разных источников и которые, взятые в совокупности, отражаются в их жизненном опыте.

Именно поэтому рассказ содержит как черты автобиографические, так и в какой-то мере коллективный исторический опыт. В рассказе пана Орнста целенаправленно отражается не только его собственная автобиография, но и история чехов на Украине в целом, причем заметно, что он опирается на хроники и другие источники, имеющие принципиальное значение для жизни коммуниты.

Я решила проанализировать и прокомментировать первыми именно письменные “повествования”. Они передают все особенности, присущие именно письменному тексту: целостность, со-

inslav

блюдение хронологического хода событий (это наиболее характерно для текста "А"), рельефность тематической структуры (текст "А" и "Б"). По ним видно, что автор осознанно отбирал наиболее значимые моменты, очевиден и целенаправленный подбор фактов, столь же понятна и не подлежит сомнению перспектива, которой подчинены формулировки.

В рассказах четко просматривается авторский замысел представить чешскую коммуниту на Украине как коммуниту именно чехов (текст "А") с сохраненным, хотя, возможно, и несколько модифицированным чешским языком.

6. ПИСЬМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О КОММУНИТЕ (ТЕКСТ "А")

(А 1)
Ale tady zasáhl Černobyl. Ne, rok 1986 ještě nebyl rozhodující. Po prvním úleku vláda a úřady ještě uklidňovaly veřejnost a obyvatelstvo kolem Černobylu, že všechno je v pořádku a že je potřeba vystěhovat se z této nebezpečné zóny. Ale jedná věc to je pro Ukrajince, jiná – pro Čecha. Nemohlo se uvažovat o vystěhování do jednoho místa, a co by znamenalo rozptýlit se po celé obrovské Ukrajině? To, oč zatím byly jenom obavy, stalo by se prakticky ihned.
A tak zas se probudila spasitelná myšlenka o návratu do staré vlasti. Nemluvilo se o tom vázně ale po listopadové revoluci v Československu – ano.
Až konečně se přesídlení uskutečnilo.
Jestli se pokusit dělat nějaké závěry, tak by se mohlo říci alespoň toto:
Češi na Ukrajině prošli svou životní cestu důstojně, těšili se dobré pověsti a dobrou pověst českého národa nenechali klesnout. Splnili jakousi určenou úlohu a splnili dobře.
Přestěhovalci do Ruska měli k tomu své důvody a poslední generace si vlast nevybíraly ale když přišla doba rozhodnuti, přihlásily se ke svému národu a jsou tím hrdí.
Rozhodnutí o reemigraci bylo správné a včasné. Takových 100 let je optimální (anebo maximální) doba života v cizině pro poměrně uzavřenou a početnou skupinu, aby si zachovala příslušnost k své národnosti (s. 11–12).

Нужно, конечно, учесть, что рассказ отражает актуальную ситуацию, в которой находится рассказчик. Хотя в нем и модели-

inslav

руется ситуация пребывания на Украине, тем не менее сам он создавался уже в период жизни в Чехии. Переселение в Чехию или же в Моравию, возможно, производит впечатление чего-то давно задуманного, судьбоносного, того, о чем мечталось. Заметим в этой связи, что массовое переселение произошло в результате чернобыльской катастрофы, т.е. по причинам исключительно внешним, а отнюдь не по внутренним мотивам развития жизни колонии, как это следует из высказываний некоторых репатриантов:

Pan V: *Nebýt toho Černobylu, tak bysme tady nebyli asi, no ale takhle. Tak sme.jo*
Paní P: *My sme neplánovali jet nebýt toho Černobylu.*

Господин Орнст как в устном, так и письменном рассказе, только упоминает о чернобыльской аварии, ее последствия не детализируются. Когда господин О. рассказывает о жизни на Украине и рассматривает историю чехов на Украине, он имеет в виду исключительно свою этническую принадлежность и сохранение чешского языка. Именно эти моменты однозначно являются темой его рассказа:

Сохранение этнической идентичности чехов

(A 2)
A tady jsne u otázky, zda se snažili přestěhovalci zachovat své češství (anebo naopak – pospíchali zplynout s okolím, aby nebýt bílými vránami). I se vší důrazností potřeba podotknout, že snaha zůstat samými sebou, Čechem byla hlavním a spasitelným v chování každého...

Целенаправленное укрепление знания чешского языка

(A 3)
Byly přivezeny stovky knih, kalendářů, zápisníků, učebnic. Žádná škola zatím v okolí nebyla a proto školení bylo domácí a to tedy v češtině.

Устное воспроизведение, народная словесность

(A 4)
Od rodičů děti přejímaly bezpočetné množství krásných lidových písní (babička Gabrielová jich věděla více než 600), pohádek (babička Horáková mohla pasáčkům celé léto vyprávět každý den několik nových), veršů, koled, hádanek.

inslav

Народные традиции, обычаи

(A 5)

V rodině se pečlivě udržovaly národní obyčeje, kuchyň, svátky.

Атрибуты чешской культуры

(A 6)

Oblíbeným místem odpočinku byla hospoda (existovala až do 20. let) a dechový orchestr byl jediným v několika sousedních okresech (až do poválečných let).

Сожаление над изменением вероисповедания

(A 7)

Neblahou výjimkou bylo donucení za cára Alexandra III k přijetí pravoslavné víry.

Употребление чешского языка в сопоставлении с другими языками

(A 8)

Ponejprv připomeneme, že kolonie byla dosti uzavřenou komunitou. Styky s ukrajinskými sousedy museli být dosti časté, bylo potřeba učit se ukrajinské a ruské řeči ale ve stycích mezi sebou se používal jen a jen mateřský jazyk.

Прекращение использования чешского языка в качестве языка обучения

(A 9)

Vysvětlit proč bylo zrušeno vyučování v češtině v tomto roce (1938), je dosti choulostivou záležitostí. Počítá se, že to byl obyčejní administrativní zásah kvůli úplné unifikaci. Někdo to ale spojuje s tím, že byl poměrně velký počet osob, které po ukončení školy šly studovat dál ale bylo jim to obtížné v ruštině nebo ukrajinštině a proto rodiče požádali o zavedení vyučování v ukrajinštině. Považovat to jedním správným vysvětlením můžeme s velkou opatrností. V této době příliš mnoho brutálních zákroků se činilo "na přání pracujících". Velkou neomluvitelnou chybou ale bylo, že nezůstal ve škole český jazyk jako předmět anebo aspoň nepovinný předmět (a že jenom až v šedesátých letech byl organizován kroužek, kde vyučovali český jazyk zájemci).

Ограниченность сферы использования письменного чешского языка

(A 10)

Stále se zmenšoval počet starých českých knih které si možno bylo půjčovat a číst a pořídit si nové nebylo jak. Totéž je nutno říci o novinách a časopisech, které si už předpláceli jen odvážní jednotlivci od

inslav

šedesátých let. Jinak řečeno pro jazyk psaný byly podmínky přespříliš nepříznivé. Nic ale neomezovalo mluvenou řeč. Ta se používala doma v rodině, na ulici, v obchodě a všech veřejných místech (mimo úředních aktů: valných hromad, slavnostních schůzí apod.).

Этническая замкнутость

(A 11)
Počítalo se vůbec nemožným, aby někdo se odvážil uzavřít manželství s příslušníkem jiné národnosti (jen po mnoha desetiletích, už v meziválečném období došlo k pěti smíšeným manželstvím, ale to uchazeč se musel zcela počeštit. Ještě v 40. a 50. letech smíšené manželství bylo nežádoucí, nevítanou výjimkou).

Опасения влияния мажоритарного этноса

(A 12)
Léta 60. až začátek let 80-ch jsou smutnější kapitolou. Pozastavíme se nad hlavním charakteristickým rysem tohoto období, který u mnohých vyvolává nespokojenost: nejdříve pomalu, pak patrněji se na lecčems ztrácí český ráz...

Опасения утраты этнической идентичности

(A 13)
Je v tuto dobu velký příliv do vesnice pracovníků obyvatel ukrajinské národnosti. A naopak – mnohé, především mládež po vystudování na vysokých a odborných školách (v tom nebylo žádné omezení, natož diskriminace) byli zaměstnáváni a pracovali mimo Malou Zubouščinu (někdy i na velké vzdálenosti). A to častěji a častěji má důsledkem smíšené manželství a už to nevede k nezbytnému počeštění manžele jiné národnosti jako v předešlé doby. Děti v takových manželstvích už neměly češtinu od narození a když navštěvovaly babičku a dědečka, tak se v rodině také nemluvilo česky. Jistým důvodem pro smíšené manželství bylo i to, že skoro všichni za 100 let ve vesnici byli zpříbuzněni. A tak někdy na české svatbě zní víc nečeských písní než českých (třeba že obřadní jsou povinné a obřad se dodržuje).
To je (ať neúplná) odpověď na otázku, snažili-li se přestěhovalci zachovat své češství a co jim v tom bránilo.

Мысли об исторической родине

(A 14)
Touha, myšlenka o návratu do staré vlasti asi nejednou znekldňovala mnohé. Vypráví se, (byť to není potvrzeno jistými doklady), že někteří

inslav

o tom pomýšleli a docela se i navrátili už po střetnutí s prvními potížemi v novém neznámém světě (a oni jak víme opravdu byly velké). Nicméně většina brzy dosáhla dobrých výsledků a byla spokojena. Znova probudily bolestné rozjímání a myšlenku o návratu bouřlivé události revoluce, občanské války a dvacátých let. Byli zájemci a jednotlivcům se to i podařilo, což bylo zcela nemožné v letech třicátých a dalších (bylo by to zhodnoceno jako zrádcovství), tak to nemohlo přicházet v úvahu. Avšak události a výsledky druhé světové války zase mnoho změnily. Československá vláda nabídla ruským Čechům, kteří bojovali v Československém armádním sboru v SSSR, a jejich rodinám návrat do původní vlasti a také předložila při jednání o připojení Podkarpatské Rusi k SSSR požadavek o přesídlení Čechů, žijících na území bývalé Volynské gubernie (kolem 40 tisíc). Avšak pro Malou Zubouščinu to byl svátek na sousední ulici, ona zůstala za plotem, t.j. za čárou (přesně 2 km od čáry), která oddělovala Volynskou gubernii od Kyjevské. 13 vojínů – svobodovců se navrátili ke svým rodinám (zůstali v Čechach 2 svobodní) a podařilo se odjet jen několika rodinám k blízkým příbuzným... A zase na dlouhá léta se o nějakém odjezdu nemohlo ani snít.

Является ли этот убедительный подытоживающий письменный рассказ объективным, отражаются ли в нем личные чаяния и чувства господина О., его стремление представить возвращение чехов как воссоединение миноритыс мажоритой – это вопросы, на которые нелегко ответить.

Pan V.: *víte, nikdy sme si nemysleli, že SEM přijedem.*
Pan M: *kdyby se nestau ten prokletej Černobyl tak mně sem na tu Rounu žádnej ani traktorem nezatáh.*

Мы понимаем, что погружение в рассказ может нас увести от социального контекста этнического и языкового поведения. И хотя человек хорошо помнит события своей жизни, тем не менее их селекция и соотнесение друг с другом, равно как и интерпретация, не всегда бывают объективными, эти процессы отмечены субъективным намерением рассказчика.

> "Когда наше внимание сосредоточено на тексте – рассказе, мы можем упустить жизнь, о которой нам рассказывают, а также контекст, в котором жизнь проходит" [Burroughs, Spickhard 2000: 248].

Это общая проблема, она обусловлена переломом в литературе, произошедшем в исследованиях социальных и культурных явлений в последнее время. В нашем же случае нельзя исклю-

inslav

чить, даже наоборот следует подчеркнуть, что какая бы ни была действительность, "реальность жизни", события, о которых пишет господин Орнст, сыграли роль в решении чехов из Украины переселиться именно в Чехословакию. Это станет особенно ясным, если мы примем во внимание, что именно господин Орнст вместе с некоторыми другими представителями чехов на Украине был инициатором стремления к репатриации, он же сыграл и важную роль в самой репатриации.

Рассказ господина Орнста является не только источником сведений об этническом самосознании чехов из Украины, но и источником сведений о языковой ситуации в колонии, какой она была при жизни господина Орнста. То тут, то там здесь говорится о предшествующей языковой ситуации (основание чешских школ в 19 в., роль первых чешских учителей), о языковой ситуации последующего периода, с которой господин Орнст смиряется очень тяжело и с явным неудовольствием (все более расширяющаяся конкуренция украинского языка). Здесь отражается прежде всего языковая ситуация семьи господина Орнста, в которой говорили по-чешски, а также других подобных семей. Вместе с тем мы узнаем и о том, что пять членов колонии волынских чехов заключили смешанные браки – в этих семьях языковая ситуация, очевидно, была более сложной и дифференцированной, поскольку вхождение в колонию чехов для представителей украинской национальности означало стать чехами. Какова же познавательная ценность рассказов, подобных тем, какие нам предоставил этот респондент? Они говорят о ситуации в Малой Зубовщине так, как он ее видит. Можно утверждать, что языковой опыт господина Орнста может восприниматься как опыт целого поколения, он отражает языковый опыт большей части колонии. Рассказы моделируют с большей или меньшей степенью приближенности ситуацию и в других регионах проживания чехов.

Несомненно нужно принимать во внимание то, что языковая ситуация в различных колониях не всегда совпадала. Различие было обусловлено тем, что языковая ситуация в Малой Зубовщине по сравнению с другими колониями была более гомогенной. Чехи здесь составляли абсолютное большинство, в то время как, например, в Малиновке, наряду с чехами, жило много украинцев.

Поскольку общение на родном языке и сохранение чешского языка как коммуникативного средства являлось основой сплоченности колонии и составляло ее отличие от окружающего мира, рассказ о языке входил и в общий рассказ о жизни чешской

inslav

колонии за границей. Вместе с тем языковой ситуации посвящен и самостоятельный текст господина Орнста.

6. ПИСЬМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ЯЗЫКЕ (ТЕКСТ Б)

Я уже отмечала, что использование рассказа, т.е. текста как источника познания реальности жизни и реальности субъекта, имеет то преимущество, что текст сам по себе определенным образом модифицирует информацию, сообщая, как на самом деле обстояли дела. Невольно он предоставляет информацию о себе самом, о способе его выстраивания, о языке, с помощью которого он формулируется, т.е. о себе как о тексте. Это касается текста "А" и особенно текста "Б", темой которого является употребление чешского языка в период эмиграции и в конечный период, отражающий состояние чешского языка в период реэмиграции.

(Б 1)

Zamýšlíme-li se nad tím? V jaké podobě se zachova mateřský jazyk repatriovaných českých rodin z Malé Zubouščiny od Černobylu, do jaké míry je ovlivněn jazykem prostředí, ve kterém donedávna žily, pak nejprve musíme vzít v úvahu všeobecné podmínky, ve kterých on fungoval...

Jestli se pokusit o nějaké závěry, tak je zřejmé, že určité a podstatné odlišnosti v řeči Čechů potomků dávných přesídlenců na Ukrajinu jsou pod vlivem podmínek a ukrajinskeho nebo ruského jazyka především ve slovni zásobě. Jsou to (1) velmi mnohá přejatá slova z nutnosti ale také (2) přejatá místo vytlačených českých bez zřejmé nutnosti a docela (3) počeštěná ruská nebo ukrajinská bez jakékoliv nutnosti. Dále (4) jsou to slova, která se přestala používat anebo nedostala nový význam jako v Čechách a přestala se používat anebo (5) nezapomenutá ale nepoužívaná a také (6) zachráněná v cizině ale nepoužívana ve vlasti. Patrnou odlišnosti je (7) používání slov v užším smyslu a konečně (8) používání slov v jiném významu.

Jsou dále jisté ale nesrovnatelně menší odlisnošti v tvarosloví. A to (1) existence jiných tvarů slov a (2) jiný poměr hovorových a spisovných tvarů (malý vliv spisovného jazyka na hovorový).

Ve skladbě odlišnosti prakticky nejsou.

Информация о языке украинских чехов по своему характеру приближается к систематическому и продуманному повествова-

inslav

нию, оно представляет собой специальное рассуждение о языке, обнаруживающее знакомство с лингвистическими пособиями (господин Орнст, как мы знаем, был учителем). Данный текст имеет и другие примечательные особенности.

Какие же языковые отличия наиболее существенны для господина Орнста? Естественно, что, прежде всего, это лексика: для новых реалий, появляющихся в жизни колонии, нужны были соответствующие новые обозначения:

(Б 2)
Vždyť do jazyka přicházelo tolik nového, což potřebovalo pojmenování. Ale šel ten rozvoj poněkud jinak než ve vlasti. To znamená, že se zachoval základ jazyka ve vší jeho kráse ale nemohly nevzniknout a také vznikly jisté odlišnosti.

В ходе последующего изложения будет показано, как на современное восприятие языка колонистов на фоне чешского языка влияет прежнее восприятие того же языка на фоне языка украинского.

(Б 3)
Ale pro mnohé se v Čechách používala jiná (než mezinárodní) pojmenování a Čech v cizině to zdaleka ne vždycky mohl vědět. Šťastnou náhodou jízdní kolo u nás nazývali prostě kolem a ne velosipedem anebo velomašinou jako v okolí ale už lokomotivu (železnice nedaleko české osady byla vybudována v r. 1903) nazývali parovozem, vlak pojezdem, osobní vlak jen pasažerským, nákladní vlak továrným a rychlík skorým, jízdenku (jako i letenku) biletem, průvodčího provodníkem atd.

Носители чешского языка на Украине с гордостью отмечают факт сохранения в их узусе и архаических слов, и историзмов, исчезнувших в чешском языке мажоритарного социума.

(Б 4)
Může to připadat divné, ale máme i opačný jev. Totiž slova zapomenutá v Čechách a používaná v cizině. Záhadou pro první pražští novináře, které navštívili Malou Zubovštinu, bylo slovo kaltoun. Jeden z nich (jak psal později ve své reportáži), aby se ujistit, zda to není něco ruského nebo ukrajinského, se konzultoval s filology v Moskvě. A napadlo ho, že by bylo spolehlivěji zalistovat v Slovníku jazyka českého Fr. Trávníčka.

Письменный язык господина Орнста является культивированным, литературным, это язык человека начитанного, образо-

inslav

ванного, привычного создавать письменные тексты. Ошибок в них крайне мало, за исключением некоторых упущений в пунктуации и диакритике, возникших по недоразумению. Незначительные колебания в количестве гласных в языке украинских чехов возникли под влиянием мажоритарных языков, соотношением долготы в чешском языке и ударением в русском и украинском языках (*bojovát, strách, cár, vystava podminky, ona spolehala, jista privilegia, dechovy orchestr, jejích hospodaření, jejích zkušenosti a schopnosti, s dostatečnou věrohodnosti, se vší důraznosti, s určitou nechuti, významnou události*). Что касается морфологии в письменных высказываниях господина Орнста, то здесь все также почти без изменений, может быть, за исключением склонения числительных (*dvacetim se podařilo být vojíny Československého armádního sboru*).

Небезынтересно сопоставить высказывания господина Орнста о языке и выводы, к которым приходим мы сами, наблюдая за его речью. Текст интересен не только тем, что из него напрямую вытекает, но и тем, что в нем содержится непроизвольно. Так, например, господин Орнст не осознает синтаксических изменений, он прямо говорит, что *ve skladbě odlišnosti prakticky nejsou*. На самом же деле они там есть.

Из текста господина О. видно, что его писал человек, имеющий навыки в стилизации письменных текстов на чешском языке, из него также видно, что в нем отражается значительное влияние русского или же украинского языков. Это особенно касается синтаксиса предложения, сложного предложения, построения текста, модальности и образного строя. Когда мы читаем написанный им чешский текст, то ощущаем в его формулировках русскую дикцию профессиональных высказываний, заметны русские и украинские синтаксические обороты, модальные слова. Мы не можем не обратить внимания на глагольное управление (*výsledky své práce a svého hospodaření lidé byli spokojeni; spokojenost dosaženými výsledky; prvními tam přišli jako agenti; a to častěji a častěji má důsledkem smíšené manželství*), на неустойчивую эквивалентность оценочных глаголов как русских, так и украинских с помощью слов *považovat, počítat, počítat se (lze považovat, že přesídlení se asi mohlo konat až po uzavření této smlouvy; rok 1870 se všeobecně považoval jako rok zrodu osady; považovat to jedním správným vysvětlením můžeme s velkou opatrností; počítalo se vůbec nemožným; počítá se, že by se to podařilo mnohým nebo všem; počítalo se, že vyučování má být v ruštině)*, на синтаксис инфинитивных кон-

inslav

струкций (*Pokusíme se prozkoumat tyto otázky, dát na ně nějakou odpověď, alespoň takovou, jaká se nabízí, jestli objektivně zhodnotit třeba historii jednoho ostrůvku v ukrajinském moři vesničky Malá Zubovština; aby nebýt bílými vránami; aby se ujistit, jestli se pokusit dělat nějaké závěry)*, модальность *(Stále se zmenšoval počet starých českých knih, které si možno bylo půjčovat; Jak by to nebylo, ale dopadlo to tak)*, на образный строй *(Pro Malou Zubouščinu to byl svátek na sousední ulici, ona zůstala za plotem)*, на цепочечное соединение высказываний с помощью аддитивного коннектора "*i*" (*I zase musíme zopakovat; I se vší důrazností potřeba podotknout; I asi přirozené bude předpokládat*).

Несмотря на все перечисленные черты (нужно при этом также учитывать, что они говорят не только о влиянии русского языка, но одновременно отражают и следы архаического чешского языка), следует признать, что письменный язык господина Орнста является поразительным примером сохранения в иноязычной среде письменного языка в культивированном и чистом виде.

8. УСТНАЯ РЕЧЬ ВОЛЫНСКИХ ЧЕХОВ

Предпримем попытку составить представление о речи репатриантов. Для этой цели используем магнитофонные записи устной речи. Нами будут отобраны фрагменты, затрагивающие ту же тематику, о которой шла речь у господина Орнста. Анализ устной речи позволит нам получить целостную картину языковой ситуации и языковой компетенции. Примечательно, что если в письменной речи особенно заметны приметы русского и украинского языков, то в устных высказываниях отчетливо проступают черты исходного диалекта, усиленные влиянием прежде всего украинского языка.

Вместе с тем здесь снова встречается ряд русизмов и украинизмов, особенно в синтаксисе и структуре текста, в модальных частицах и общем интонационном рисунке высказываний.

Речь украинских чехов, таким образом, является маркированной с точки зрения трех определяющих аспектов: в ней соприкасаются друг с другом архаический диалект чешского языка и влияние украинского и русского языков.

О смешении трех близких славянских языков говорит уже само название чешской колонии на Украине – Малая Зубовщина:

Budeme-li hodnotit nejdůležitější etapy, události anebo výsledky dalšího vývoje české kolonie Zubouščiny (bylo nařízeno jmenovat

inslav

osadu kolonie a vlastni jméno jí bylo dáno podle nejbližší ukrajinské vesnice Zubouščina), pak se pozastavíme alespoň nad těmito momenty...

В речи разных людей, равно как и в речи одного и того же человека, мы встречаемся с вариантами названия колонии, в которых варьируются западно- и восточнославянские альтернанты *št/šč/č*, т.е. *Zubovština* (скорее всего новая адаптация на чешской почве), *Zubovščina, Zubovčina* и, наряду с этим, консонант "*v*" / гласный "*u*", т.е. *Zubouščina* и *Zuboučina* (эти варианты встречаются чаще всего), лишь в единичном случае отмечено *Zubiuščina*.

Произношение "*u*" вместо "*v*" в речи украинских чехов является очень выразительным, причем характерно, что украинские чехи эту артикуляционную особенность даже не замечают (утверждая это, я опираюсь на опрос информантов из Малой Зубовщины). То же самое замечает у реэмигрантов и Янчакова [Jančáková 1995].

Проанализируем коротко генезис их речи.

1. В речи украинских чехов обращают на себя внимание приметы более ранних этапов развития чешского языка, которые не были затронуты ни более поздним развитием литературного языка, ни стиранием диалектных различий устной речи. В речи чехов, уехавших на Украину, в законсервированном виде сохранился северо-восточный диалект, причем в том виде, в каком он находился в 70-е годы прошлого столетия. Речь изолированного поселения на Украине не была затронута диалектным выравниванием, поэтому и дифференциальные признаки в ней выражены очень отчетливо. К числу наиболее характерных особенностей относится произношение билабиального "*w*" или "*u*" на месте "*v*" (*ke mně lidi jezdili i z Kijeua, našim dětem a našim unukam bude dobře, my vjéřime u Haula, ja sem tak poudala, ani se někery neuratili, tak ho vzali na hřbitou, voni nás ze ušeho vyváděj, v osud lidskej ja vjéřiu sem i dříu, no a u dobro vjéřim, zbau nas od zleho*). Произношение "*u*" мы находим также на месте слогового "*r*" и "*l*" (*mame pruniho studenta, láska to je nejprunějši co má bejt, přivezla mně dva pouny tašky*). Из морфологических явлений обращает на себя внимание диалектное окончание "*oi*" (*ja sem tatínkoi taky vykala, chlapi jezdili prezidentoi, ja už sem manželoi poidala, dau papoi hubičku, dej tatoi pusu, má rok a dva měsíce hošíčkoi, no tak chci mit chazajstvo a žit v panelakoi, to ně*), замена аккузатива и номинатива (*budeme hlídat pravnuci, už mám kamarádi*), дательный у одушевленных существительных (*Novákom, Kovářom*) и многое другое [Ср.: Jančáková 1995,

inslav

1996, 1997, 1999, Šišková 1993]. Все эти черты происходят либо из северо-восточночешского диалекта, либо поддерживаются влиянием украинского и русского языков. К ним относятся, напр., и изменения в количестве гласных (*u dobro vjéřím, už tady sem vjék, bréčela sem, tak sme u toho všecky bréčili, budu čékat, já sem prósila pána Háula*), которые могут быть как диалектного происхождения, так и могут быть обусловлены влиянием восточнославянской просодии.

2. В результате контакта с украинской языковой средой северо-восточночешские диалектные фонетические и морфологические черты еще более усилились. И в украинском "*v*"тоже произносится как билабиальная гласная в начале слова перед согласной, в середине слова после гласной и в конце слова (*учора, діучата, быу*). Как показала Шишкова, в украинском языке нашли опору и другие северночешские диалектные черты, встречавшиеся в чешских колониях на Украине: это прежде всего украинское реликтовое твердое "*l*", отличающееся от чешского среднего "*l*". Речь украинских чехов, таким образом, характеризуется широким произношением конечного "*u*" на месте "*l*" (*šeu past kravy, byu hlad velkej, třicet třetí rok byu hroznej, tam nikdy nevyšeu ven abys nenačinau kašlat, zkoušky nevydržeu, co budeme dělat dau, jak bude dau se učit, čtu bibli, protože u Rusku jsem ji dokonce ani jednou nedržeu u rukach, je to naš syn Igor, kerej nem dneska zavolau, že vydržeu zkoušky na pravovou fakultu Karlovy univerzitety, Rostik spinkau, abysme na Ukrajině měli takovejdle život jako maj Češi a ukrajinskej narod taky toho zasloužiu*). Широким является протетическое "*v*" (*voni se vod nás nevodkazujou*). Параллельно с украинским и в северо-восточночешском диалекте наблюдается утрата гиатового и протетического "*j*" (*ít, iskra, přeinačit, ešče, istota, inyho*). Прямое влияние украинского языка заметно в произношении "*h*" вместо "*g*" (*henerálný konzulát, prohresivní, trahický*).

Смешение диалектного чешского языка и украинского происходит совершенно непроизвольно, это проявляется не только на фонетическом, но также и на всех других уровнях.

Естественным является и заимствование лексики (*za štyri mesice se ňák vypravila situace k lepšímu, já sem si už dávno přál dobrat se do Československa, sem přečuvánej chazájnuvat, maminka si polici zakazala u truhláře, no dyž se rozbohatili tak zas je rozkulačili a vyslali na Sibir na vysilku*). Украинское и русское влияние в области лексики иногда проявляется очень заметно, иногда же оно менее заметно (*zanemocněu, načau sa dešť velikyj, blesk ho zastřelil, postoupit*

inslav

v školu, popad do rusky školy, tak nam to zapreščali, zahrádky sme si zavedli, čet matematiku, trhal se vodtamtuď, vodstupoval, spasali za druhyho, složilo se to, předložili mně, ja si ji sochráňam, ja už se asi nepřižiju, nenadějný, spasitelný, dyž sem se vodávala v církvi, přátelé ve významu příbuzní, chýtrý ve významu mazaný и т.д.).

3. Влияние украинского и русского языков нелегко отличить друг от друга. Значительную часть приводимых выше изменений в лексике можно отнести на счет обоих языков. То же касается морфологических и синтаксических явлений; ср., напр., распад парадигматики, где в равной степени действуют оба фактора одновременно (*po kamarádach, máme tady mnoho problém, v demokratickejch státach, v některých případach, měřili tam radiáciju, umim tu manuálni terapiju* и т.д.). Явное влияние русского и украинского языков следует усматривать в отсутствии склонения у числительных (*třicet třeti rok, v štyricet devátym roku, ve dvacet osmým roku, ve třicet švrtým roku*). Под влиянием обоих языков повышается и частотность личных местоимений в функции подлежащего (*já sem byla z toho v šoku protože já nejsem k tomu zvyklá, a ty se nedivej na ty co lepši žijou a ty se divej na ty co huř žijou, bude ti lehčejc*). Нельзя не заметить непрочности позиции возвратного местоимения *se* у глагола (*už jsme zvykli, mně to libi, lidi přistěhovali, my jsme dozvěděli, přemysliš se na to, my to ani si nevšímali*), неразличение функций *jaký/který* (*bratra mam tam pochovanyho jakyj zemřel trahicky, bude vařit ukrajinsky červený boršč jaky sme slyšeli že tady v Československu hodně zajimavej*) и самое главное это глагольное управление (*dyž sme byli malejma, smáli se tady ze mně, stejská se mi za domovem, já sem byu zamestnanej na porcelánce, lidem, který se o tom zabývaj, nijak sem si to nemohl vložit do hlavy*). Изменения в управлении связаны с заменами лексических единиц, особенно глаголов (*pracuju tady velitelem, to ja sem ďála operační sestrou*).

О русском и украинском влиянии свидетельствуют конструкция без глагольной связки (*tuto polici to ještě památka po mé mamince, manželove Češi vo hodně lepči vod manžel Ukrajincu*), инфинитивные конструкции (*všechny dnes zajímá jedno jediný aby ňákym zpusobem vydělat si penize aby netahnout od vyplaty do vyplaty aby mít ňákou istotu, že se toho dobývaj že aby jet do Československa, aby nás zařadit do programu*). К вопросу о влиянии на письменный язык мы еще вернемся ниже, сейчас же в связи с устным языком я хотела бы отметить смешение чешских, украинских и русских вводных конструкций и частиц (*bylo takovy, to ještě není tak, nu, no, to, tak, jo, už* и т.д.).

inslav

Устная речь в целом находится под влиянием восточнославянской просодии, что проявляется в различной постановке ударения в отдельных словах (*Palácký, autóbusem, óblasti, prostóry, stěhováli, pomoháu*), а также в общем интонировании высказывания (*tak manželka má byla hotová jet nejenom do Československa aj na Sibiř i kam by to nebylo, no potřeba bylo načinat život nanovo, potřeba bylo se vobžít, potřeba bylo jít k práci, potřeba bylo si najít kamarádi...*).

9. ЯЗЫКОВАЯ НЕПОХОЖЕСТЬ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ

Речь нынешних украинских чехов отличается от современного чешского языкового узуса. Это отличие обусловлено влиянием разных факторов, многие из которых, если учесть общую славянскую основу, усиливают действие друг друга. Окружающие люди обращают внимание на отличие речи репатриантов, поэтому последние в той или иной мере реагируют на это обстоятельство.

My sme si za ten cas co sme bydleli na Ukrajině a a naše (.) predky a to, tak sme si svoji řeč vynašli. No, a neni to ani česka, ani ukrajinská, a takový svý, za těch sto let

Чаще всего они говорят о какой-то наиболее бросающейся в глаза особенности – обычно это употребление иных лексических единиц.

No řeč sme nezapomněli. českou. řeč sme nezapomněli ale, kolik tady je takovejch slou, že my (.) vubec jich im ani nerozumime. Musime se ptát, Mileny, či Zdeňka. Mileno, co ste to povidala? Jo, ani tomu nerozumime, co to sou za slova, jo. To eště neni tak, ale v PRÁci jak je těžko. Když dyž my všecky všecky terminy vime na ukrajinštině, techničny, a tady to je po česky...

Реже они осознают специфику в произношении и просодии, обусловленные влиянием украинского и русского языков:

Byly takovy řeči že přízvuk hrozný mám že to vadí že to bude vadit...

Некоторые особенности своей речи репатрианты осознают лишь, ощущая реакцию своего окружения:

No, dem do obchodu, ptaji se. Dem na ples, taky se nás ptaji. No všude sme k poznání, že sme, jako dyž to máme napsaný na čele.

Специфика языковой компетенции украинских чехов заключается также в том, что их компетенция в устном языке в целом

inslav

является более высокой, чем компетенция в языке письменном. Для сохранения компетенции в письменном языке существенны возрастные, профессиональные и пр. различия. Впрочем, в 90-е годы ситуация быстро меняется. Некоторые из реэмигрантов среднего поколения посещают курсы повышения квалификации, а также образовательные курсы. Дети репатриированных чехов, посещающие чешские школы, приобретают письменные навыки быстро и в целом без проблем.

R: *co vám teď dělá problémy největší (.) v učení?*
O: *čeština. ta čeština. jako, přízvuk a tak, ještě máme jinej přízvuk*
R: *měli jste nějaké problémy, když jste sem přišli? Do školy?*
L: *docela jo*
O: *neuměli jsme rozeznat tvrdý í s měkkým i,a ((pousmání)) čárky*
R: *a co diktáty?*
S: *no, ty tam moc nejdou.*
R: *dodnes nejdou?*
S: *no, teď už to je trochu lepčí...*

О жизни чешских колоний на Украине можно судить на основании комплекса данных, извлекаемых из устных рассказов и письменных фиксаций, из рассказов, раскрывающих в большей степени монологические намерения автора, а также рассказов, в значительной степени модифицированных элицитационными намерениями эксплоратора.

10. ЭТНИЧЕСКОЕ МИРООЩУЩЕНИЕ ЧЕХОВ ИЗ УКРАИНЫ

Этническое мироощущение репатриантов формировалось в течение всей их жизни на Украине в контрасте по отношению к украинскому (да и к русскому) этносу. Сохранение чешского языка и культуры способствовало формированию чувства этнического родства и этнической гордости. Чехи на Украине считали себя этнической группой, обладающей высокой степенью общественной, экономической и культурной престижности [ср. также: Valášková-Uherek-Brouček 1997: 35].

Když to byl Čech, tak to bylo něco...

Вернувшись на свою историческую родину, репатрианты, конечно, встретились с другой чешской культурой по сравнению с той, которую они в течение столетия сохраняли, осознавая свое отличие.

inslav

A ty starši lidi když hodnoti uroveň ty kultury jo narodniho vědomi svědomi abych pojmenoval no to byli nositeli tych staročeskych tradici oni na nich zvykli oni v nich pokračuji ale bohužel některy věci tady už neexistuji...

Реакция на возвращение домой была, конечно, индивидуальной:

Já sem si už dávno přál dobrat se do Československa, ale dřív nebyly na to ňák takový nápady ite. No, no protože sem Čech, všude mě přijimali strašně pěkně i já se toho ani nebojim, že mě tady můžou přijmout špatně. Já se počítám že sem Čech ite. A myslim že sem přijel k Čechum že sem přijel domu...

Важным шагом в интеграции чехов из Украины стало получение ими гражданства Чешской республики, что во многих отношениях, особенно практических, облегчило репатриантам экономическую и социальную жизнь, не устранив, однако, у них внутреннего ощущения собственной непохожести.

Už sme Češi ale my jsme dycky počitali se i tam Čechama. Jenže ta naše řeč a to všechno nas zatím liši od těch Čechu...

После возвращения на историческую родину репатрианты столкнулись даже с тем, как это ни парадоксально, что их стали отождествлять с этносом, от которого они отличались.

Bylo takový jednou kluk řikal že mu řikaji Rusák přišel domu s brekem tady jeden známej tady ze Zubouščiny no ale teď tak ne to. Vite děti co to maj. Děti to maj od rodičů. Ale teď já myslim že dá...

Чувство разочарования в связи с тем, как их встретила "историческая родина", особенно остро испытывает старшее поколение.

Některy sou dobre, některy, no nic nam špatně nedělaj, ale divaj se na nas jako na cizinci...

Впрочем, по словам репатриантов, была и обратная реакция. Примечательно, что чехи из Украины начинают смотреть на самих себя глазами мажоритарного населения. Это проявляется в том, что они начинают говорить о себе как об иностранцах.

Ňaky tady sou vic takovy upřimnějši, vic hodnějši lidi... chtěji nam udělat dobře abysme se cejtili jako doma, aby nam tady nebylo těžko... pro mě to je něco nemožnyho, no, sověcky člověk neni k tomu zvyklej, tak to je ...

Já sem sem šel s náději jenom s jedinou že mý děti už budou žít normálně jako žijou lidi v demokratických státách. A co se týká nás takle

inslav

staršího pokolení počítáme s tím. že do konce ma už se nestaneme takovejma lidma jako ste vy. Protože přeci my s tema svejma sověckejma komplexama asi musíme i zemřít ((smích)...

Ощущение собственной непохожести отражается и в частом употреблении категории *мы* и *они*, *наше* и *ваше*, *здесь* и *там*...

No učime se vařit po vašem. A zas vaše žensky zas se učej po našem vařit. No a moc pěkně se tady vaři. Protože tady je všecko...

Jestli my k nim a voni k nam dobře no tak...

Стирание различий и полная интеграция репатриантам представляется вполне естественно как позитивная цель:

Teď ko řikaj naše a vaše a ja povidam někdy budeme všichni stejni a nebudou naše a vaše...

Не следует, впрочем, игнорировать и положительную оценку непохожести, тенденцию сохранить двойственное культурное восприятие, принадлежность к двум языковым, культурным, этническим общностям:

Já ovšem vždycky řikám podivejte se. Stořicet roků vodjeli z Čech na Ukrajinu naši prarodiče a schránili tu všecku všecku kulturu česku. A teď ka my sme přijeli z Ukrajiny tam sme vyrosli vyučili sme se a teď ka zapomenout pro to všechno. To taky se nesmí tam taky je hodně čeho dobryho...

Осознание непохожести и принадлежности к двум социумам в речи украинских чехов проявляется с разной степенью определенности:

Je nam tady dobře, to jenom že někdy dyž jako se něco přizda, no ňakej sen a pak se ráno probudiš a přemyšliš se na to, že seš tady a chvilema se chce prostě aspoň na chvilečku podivat tam...

Domou muj je tady ale jako podívat se, já tam mám bráchu, takže bysem chtěl...

No já taky. já bysem jela ale doma mam tady. a bysem chtěla podivat za našima kamaradkam a kde sem žila...

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приводимые мною устные и письменные тексты являются свидетельством этнического самоощущения чехов из Украины и их языковой компетенции. Они фиксируют отличия, обусловленные 1) индивидуальными особенностями лиц (особенно возраст-

inslav

ными различиями, а также характером их интересов и профессий); 2) ситуацией, при которой возникал текст (ситуация непосредственной фиксации устного слова и ситуации продуманного приготовленного письменного высказывания); 3) опытностью информантов (компетенция информанта в письменной и устной речи обнаруживает различные черты и влияния); 4) констеляцией дискурса (монологическая форма письменного высказывания обнаруживает аспекты, существенные с точки зрения информанта, в то время как диалогическая форма интервью делает явными интересы исследователей).

Восприятие своего и чужого имеет в языке украинских чехов двойственную реализацию. Фоном, на котором воспринимается собственный язык, первоначально был украинский или же русский язык. И лишь впоследствии им стал чешский язык мажоритарного социума, т.е. чешский язык на территории Чехии и Моравии. Поскольку чешское меньшинство жило в украинской языковой среде долго, восприятие различий между чешским и украинским или же русским языками постепенно уменьшалось, соответственно чешский язык поддавался влияниям извне очень естественно и незаметно. Зато после реэмиграции в Чехию сразу же резко проявились все чуждые черты, проникшие в чешский язык. У молодого поколения эти черты постепенно стираются. Интеграция чехов из Украины позитивно поддерживается и предыдущей интеграцией волынских чехов, реэмигрировавших в Чехословакию еще в 1948 г. То, как их принял мажоритарный социум, является своего рода моделью для принятия новой группы реэмигрантов из Украины:

Proč mám ty volyňský Čechy ráda. protože sem je poznala jako pracovitý dobrý lidi. Můj muž byl Volyňák, že jo aj rodiče jeho byli volyňský Češi a byli to velký hospodáři, který doopravdy rozuměli hospodážství, jo, milovali přírodu, milovali zvířata, měli rádi, že jo, no a taky hlavně lidi...

Vím jak ty naši vyprávěli, když votamtať z toho Ruska se přistěhovali, že dyž přišli přes hranice sem, že to bylo jak noc a den, voni říkali no tak dyž tam přídou k Vám, tak ale koukej bejt nápomocná, protože víš, co to je v těhle letech začínat znovu...

ЛИТЕРАТУРА

Brouček S., Uherek Z., Valášková N. Adaptace přesídlenců v české společnosti // Český lid. 1995. 82. 1–17.

inslav

Burroughs W.J., Spickard P. Ethnicity, Multiplicity and Narrative: Problems and Possibilities // Burroughs W.J., Spickard P. (eds.) We are a People. Narrative and Multiplicity in Constructing Ethnic Identity. Philadelphia: Temple University Press. 2000. 244–254.

Čmejrková S. Naše a cizí v jazyce a kultuře Čechů z Ukrajiny // Naše a cizí v interetnické a interpersonální komunikaci. Ostrava: Filozofická fakulta Ostravské univerzity. 2001. 137–156.

Čmejrková S. The categories of our own and foreign in the language and culture of Czech repatriates from the Ukraine // International Journal of the Sociology of Language / J. Nekvapil, S. Čmejrková (eds). 2003. 162, 103–123.

Denzin N.K. Interpretive Biography. Newbery Park; London; New Delhi, 1989.

Dluhošová H. Stav etnicity přesídlenců z Ukrajiny v předemigračním období // Češi v cizině 6. Praha: Ústav pro etnografii a folkloristiku AV ČR. 1992. 11–13.

Heroldová I. Etnografické zvláštnosti ve způsobu života a kultuře volyňských Čechů // Český lid. 1957. 44, 2–6.

Hofman J. Volynští Češi. Praha, 1995.

Jančáková J. Dnešní stav mluvy českých reemigrantů ze Žitomirska na Ukrajině // Slovo a slovesnost. 1995. 56, 110–118.

Jančáková J. Královéhradecko jako východisko kolonizace českých osídlenců ze Žitomirska na Ukrajině // Jazyk a jeho užívání. FF UK. 1996. 129–138.

Jančáková J. Uchování staršího nářečního úzu na jazykových ostrovech (na základě mluvy reemigrantů z Ukrajiny) // Přednášky z XXXIX. 1997. běhu LŠSS. Praha: FF UK, 50–55.

Jančáková J. Archaické nářeční rysy v mluvě jazykových ostrovů (Srovnání mluvy českých reemigrantů z Ukrajiny s mluvou na zaniklém ostrově střelínském v Polsku // Prace filologiczne. 1999. Tom XLIV. Warszawa, 239–244.

Konopásek Z. Text a textualita v sociálních vědách // Biograf. Časopis pro biografickou a reflexni sociologii. 8. Praha, 1996. 9–23.

Nekvapil J. Z biografických vyprávění Němců žijících v Čechách // Slovo a slovesnost. 2000. 61, 1, 30–46.

Nekvapil J. Language biographies and the analysis: on the life of the German community in the Czech Republic // J. Nekvapil, S. Čmejrková (eds.) International Journal of the Sociology of Language. 2003. 162. 63–85.

Schütze F. Das narrative Interview in Interaktionsfeldstudien I, Hagen, 1987.

Spickard P. – Burroughs W.J. (eds.) We are a People. Narrative and Multiplicity in Constructing Ethnic Identity. Philadelphia: Temple University Press, 2000.

Šišková R. Роль мовних і позамовних чинників у збереженні та асиміляції мови національного острівка // Другий міжнародний конгресс україністів. Доповіді і повідомлення. Мовознавство. Львів, 1993. 153–157.

Uherek Z. We lived in the area affected by the nuclear catastrophe // Ecology and Folklore III. Published by the Institute of Ethnology of the Academy of Sciences. Prague, 1998. 133–139.

Valášková N. K adaptaci současné reemigrační vlny Čechů z Ukrajiny // Český lid. 1992. 79. 193–206.

Valášková N., Uherek Z., Brouček S. Aliens or One's Own People. Czech Immigrants from the Ukraine in the Czech Republic. Prague Occasional Papers in Ethnology, N 4. Published by the Institute of Ethnology of the Academy of Sciences. Prague, 1997.

Перевод Г. Нещименко

inslav

М. Елинек
(Чехия)

О ЧЕШСКОМ ЯЗЫКОВОМ ПУРИЗМЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Разговор о чешском языковом пуризме, очевидно, следовало бы начать с анализа тенденций освоения заимствований в древнечешском языке, а также путей создания новых чешских терминов в эпоху гуманизма. Пуристическую мотивацию имеют и многие неологизмы, возникшие в эпоху барокко, т.е. в XVII и XVIII вв. И все-таки главным импульсом создания новых чешских обозначений в этот период было не стремление к "очищению" культурного чешского языка от иностранных, чаще всего латинских и немецких элементов, а желание показать выразительные возможности чешского языка, его равенство с другими европейскими языками, считавшимися наиболее развитыми (см. Б. Унбегаун 1932, Р. Якобсон 1932, Р. Оти 1973, О. Шевчик 1974/1975, Дж. Томас 1989, А. Стих 1993 и др.). Вплоть до эпохи Возрождения образование чешских неологизмов носило характер некоторой игры с родным языком, ее смысл заключался в том, чтобы представить их автора как человека образованного, способного найти для привычного понятия новое средство выражения, почерпнутое именно из родного языка.

ПУРИЗМ В ЧЕШСКОМ ЯЗЫКЕ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Начало возникновения чешского пуризма в собственном смысле этого слова скорее всего можно отнести к началу эпохи Возрождения. Его осознанной целью было "очищение" культурного языка от иностранных элементов, причем особенно решительно он восставал против германизмов. Неологизирование Я. Пола, автора чешской грамматики 1756 г., и М. Шимека, впервые издавшего свою грамматику в 1785 г., мы склонны рассматривать скорее как отзвуки игры в слова, столь характерной для эпохи барокко, чем как рационально мотивированную пуристическую деятельность. И все-таки вряд ли можно оспорить факт, что постепенное восстановление коммуникативных функций чешского языка в эпоху Возрождения могло обойтись без новых

inslav

средств выражения и прежде всего без пополнения терминологии различных научных дисциплин.

Й. Добровский был первым, кто осознал невозможность продолжения языкового произвола эпохи барокко, все еще дававшего о себе знать и в период раннего Возрождения. Поэтому он и решил опубликовать в 1799 г. подробное описание словообразовательной системы чешского языка, вышедшее под названием "Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der böhmischen Sprache dargestellt". Пусть нас не смущает то, что в названии работы говорится о том, что речь идет о "словообразовании славянского языка". Тогда среди интеллигенции славянских стран преобладало мнение о том, что славянские национальные языки на деле являются всего лишь диалектами единого славянского языка и что в них гораздо больше признаков, подтверждающих славянское единство, чем их отличие друг от друга.

Поразительно точно проанализировав словообразовательную систему чешского языка, Добровский оказал огромную услугу деятелям Возрождения в их стремлении скорейшим образом уравнять выразительные возможности чешского языка с доминирующим немецким языком. Мало того, он приостановил образование неологизмов, не имевших опоры в словообразовательной системе чешского языка. Это, конечно, не означало, что подобные неологизмы уже не могли появляться, в том числе и в эпоху Возрождения, однако благодаря авторитету Добровского их количество было существенно ограничено. Добавим к сказанному, что словообразование чешского языка было подробно описано и в книге Й. Добровского "Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache" (1809), где оно занимает более половины текста.

В отличие от барокко, образование неологизмов в эпоху возрождения имело сильно выраженную национальную подоплеку: необходимо было освободить чешский язык от влияния иностранных языков, причем не только от германизмов. Только так можно было доказать равенство возможностей чешского языка и языков, развивавшихся в более благоприятных условиях. О различиях между пуризмом эпохи Барокко, Возрождения и последующего периода писали многие авторы, занимавшиеся историей литературного чешского языка. Назовем хотя бы М. Вайнгарта (1934 г.), Б. Гавранека (1936 г.), Й. Галлера (1937 г.), Р. Оти (1979 г.), М. Елинека (1971, 1999/2000, 2000 гг.), Дж. Томаса (1989, 1991г.).

inslav

Поборники языковой "чистоты" ополчались прежде всего против германизмов, проникших в разговорный язык, а также против чешско-немецкого макаронизма в городах. От внимания пуристов эпохи Возрождения, впрочем, зачастую ускользали языковые средства, возникшие путем словообразовательного или же семантического копирования немецкого языка. Да и кальки, созданные по подобию греческих и латинских терминов, для пуристов также не были "засорением" языка, они их даже использовали при освоении в чешском языке интернациональной терминологии. Так, в чешском языке эпохи Возрождения появился целый ряд сложных слов с компонентом *-pis* (*zeměpis* по аналогии с *geographia* или же *Erdbeschreibung*, *cestopis – Reisebeschreibung*), *-sloví* (*tvarosloví* по аналогии с *morphologia*, *dušesloví* по аналогии с *psychologia*), *-zkum* или же *-zpyt* (*přírodozkum* по аналогии с *Naturforschung*, *slovozpyt* по аналогии с *Wortforschung*) и пр. В тех случаях, когда немецкие композиты были образованы по подобию греко-латинских терминов, трудно установить наверняка, был ли использован в качестве прототипа для чешского сложного слова немецкий или же исконный греко-латинский термин. Определенно можно считать германизмами композиты, не имеющие в немецком языке греко-латинского прототипа, напр., *chvalořeč* < *Lobrede*, *vlastnoruční* < *eigenhändig*, *cizojazyčný* < *fremdzüngig* или же *fremdsprachig*, *sněhobílý* < *schneeweiss*, *ohleduplný* < *rücksichtsvoll*, *každopádně* < *jedenfalls* и т.д.

Й. Добровский выступал против замены международных терминов чешскими неологизмами. Так, в 1779 г. он предостерегал: "Máme se pečlivě chránit před vynalézáním nových slov. Nic není pro řeč tak nevýhodné jako nemírné vymýšlení nových slov". Несколько лет спустя (в 1787 г.), он рекомендовал сохранять в языке слова, которые, хотя и возникли под иностранным влиянием, однако получили в чешском языке широкое распространение: "Taková slova, která už jednou přijal celý národ, jimž zároveň propůjčil domovské právo, není třeba nahrazovat jinými, uměle vytvořenými". Вместе с тем тот же Добровский предостерегал в 1780 г. от неологизмов, образованных по немецкой модели, особенно от сложных слов: "Čeština se nedá všude ohýbat podle němčiny, neboť každý jazyk má něco svého. Ani latinik nemůže německé složeniny překládat jedním slovem; musí si posloužit opisem. Když budeme jako dosud pokračovat, nebudeme psát česky, ale českými slovy německy". Вряд ли можно, конечно, отрицать,

inslav

что неприязнь Добровского к неологизмам, разжигаемая, судя по всему, словообразовательным произволом эпохи барокко и раннего возрождения, все же выходила за допустимые границы. Так, он отвергал даже такие языковые средства, которые не противоречили закономерностям словообразовательной системы чешского языка. Выступал он, например, и против тогдашних неологизмов *událost* и *určit*, хотя не могло быть никаких сомнений в том, что эти слова нужны литературному чешскому языку.

Когда же, примерно с двадцатых годов XIX в., чешская специальная литература стала все более разрастаться, приобретая большее разнообразие, неологизмы, предлагаемые некоторыми авторами взамен уже привычных интернациональных терминов, начали препятствовать ее пониманию. Тогда-то и стало происходить обратное: интернационализмы вновь стали приходить на смену не прижившимся обозначениям, появившимся в литературном языке по соображениям языковой престижности. Изменение отношения к иностранным терминам проявилось, например, при редактировании текста второго издания "Словесности" Й. Юнгмана. Так, если в первом издании (1820 г.) греко-латинские термины по возможности заменялись чешскими, то во втором издании (1845 г.) международные термины зачастую были вновь восстановлены: например, вместо неологических прилагательных *libomudrecký* и *milomudrecký* Юнгман вернулся к интернационализму *filosofický*, слову *rozumnický* он предпочел *logický*, неподходящий термин *herná báseň* заменил международным термином *drama* и т.д.

Осознавая, по-видимому, непрочность положения пуристических неологизмов в словарном составе чешского языка, Юнгман не включил значительную часть новых терминов в свой "Slovník česko-německý" (1834–1839). О вытеснении неологизмов из узуса специального и административного языка свидетельствуют и два официальных терминологических словаря 50-х годов: "Juridisch-politische Terminologie" (1850) и "Německo-český slovník vědeckého názvosloví" (1853). Большие заслуги в этом отношении принадлежат словаку П.Й. Шафарику. Несмотря на то, что большинство пуристических неологизмов и вышли из употребления еще в эпоху Возрождения, тем не менее в литературном чешском языке с тех пор сохранилось немало новых слов и словосочетаний, заполнивших имевшиеся в чешском языке лексические лакуны.

inslav

БОРЬБА С ГЕРМАНИЗМАМИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX в.

Если мы отвлечемся от высказываний некоторых авторов эпохи Возрождения о чрезмерном влиянии немецкого языка на чешский и о необходимости защиты славянского характера чешского языка, то сможем убедиться в том, что в первой половине XIX в. было довольно мало свидетельств конкретных нападок пуристов на германизмы. Иная ситуация сложилась, однако, в последней трети XIX в., когда достигнутые экономические, культурные и, наконец, политические успехи обострили борьбу чехов с чешскими немцами за национальный престиж. В Моравии и Силезии этот процесс развивался более медленно, тем не менее и здесь ситуация менялась в пользу представителей чешской национальности. В их борьбе с немцами речь шла о равноправном положении обоих земельных языков.

Сравнивая литературный чешский язык с другими славянскими языками, особенно с польским и русским, чешские интеллектуалы вынуждены были признать, что чешский язык воспринял значительное количество немецких элементов и тем самым отдалился от своей славянской основы. Да и сами немцы временами утверждали, что из всех славянских языков чешский является наиболее германизированным. При характерном для чешской интеллигенции двуязычии приток немецких заимствований продолжался и в последней трети XIX в., однако, это уже были не макаронизмы, а копирование немецких образцов.

Настроения чешской интеллигенции отражает обращение, написанное в 1871 г. В. Зеленым и опубликованное в "Чешской Матице" патриотическим культурным обществом, в задачи которого входило, помимо прочего, издание памятников чешской литературы: "Kdokoli bedlivě si všímá literárního rozvoje našeho za poslední desítiletí, toho nemůže býti tajno, že kdežto písemnictví české množstvím i rozmanitostí plodův nad doby minulé předčí, jazyk náš pořád více pozbývá původního rázu a kazí se tou měrou, že jest opravdu obávati se, aby v něm pravý duch český zúplna nevyhynul a nezbyl z něho leč pouhý prázdný zvuk". В обращении приводилась и причина этого неблагоприятного положения: "Aniž pak nesnadno vysvětliti si žalostný ten stav. Spisovatelé naši, nabyvše při posavadním zřízení škol našich větším dílem nedostatečné znalosti jazyka svého a přijímajíce vědomosti obecné i odboru svého zvláštního jazyky cizími, zejména německým, přelévají myšlenky cizí v řeč naši obraty cizími, jež přečasto duchu jazyka našeho docela se příčí".

inslav

Некоторые чешские интеллектуалы, усматривая причину "порчи чешского языка" во влиянии языка немецкого, считали своей задачей германизмы разоблачать и из литературного языка устранять. Это "очищение" языка называлось "шлифованием" (*broušení*), поэтому и те, кто занимались этой деятельностью, назывались *brusiči*, т.е. "шлифовальщики". Вначале в этих терминах не было ничего унизительного и только позже, когда усердие "шлифовальщиков" превзошло все возможные границы, у слова *brusič* появился оскорбительный оттенок.

Среди "правщиков" литературного чешского языка, к числу которых принадлежали и некоторые преподаватели средних школ, были как довольно хорошие специалисты по истории чешского языка и его современному состоянию, так и дилетанты, принявшиеся за "шлифовку" языка, не имея необходимых познаний, а исключительно из патриотических побуждений. К первым относились авторы книги "Brus jazyka českého" ("*brus*" означает 'брусок, точило'. – *Прим. пер.*), впервые изданной в 1877 г. Матицей чешской: Ф.Ш. Котт, Й. Лепарж, Я. Нидерле, В. Свобода, К. Тифтрунк и В. Зеленый. И хотя большая часть запретов и указаний "Бруса", особенно его третьего, значительно расширенного издания 1894 г., на дальнейшее развитие чешского языка не повлияла, тем не менее его авторы формулировали свои претензии к языковым "неправильностям" в довольно сдержанной форме. Обосновывая свою оценку, они обнаруживали довольно хорошее знание языка. В этом, очевидно, сказывались и результаты совместных обсуждений и дискуссий по поводу литературности или же нелитературности тех или иных языковых средств, проходивших в редакции "Бруса". Хорошей филологической подготовкой отличались и авторы некоторых других пуристических изданий. Назовем среди них хотя бы автора работ по синтаксису и диалектологии мораванина Ф. Бартоша, историка литературы Ф. Бачковского и философа К. Воровку.

Однако гораздо больше было пуристов, не имевших для этой деятельности соответствующих данных, поэтому своими пособиями и статьями они вносили в язык скорее хаос, чем порядок. К числу пуристов-дилетантов можно отнести Й. Явурека, Ф.Ц. Кампелика, О. Микеша и В. Прасека. Однако по своим результатам деятельность пуристов как более образованных, так и дилетантов, особенно не отличалась. В обоих случаях это приводило к обеднению литературного языка, к расшатыванию его нормы. Положение усугублялось и тем, что во взглядах пуристов не было единства. От внесения в литературную норму еще большей сумятицы спасал лишь относительный авторитет "Бруса", изданного Матицей.

inslav

Какими же принципами руководствовались чешские пуристы последней трети XIX в.?

Суть их была сформулирована в предисловии к "Брусу" 1877 г., изданному Матицей. В связи с написанием "Бруса" комиссия постановила "aby měřidlem správnosti jazykové byla spisovná řeč starších dob až do času Komenského, zejména tedy čeština klasická tak řečená, avšak i mluva obecná lidu československého, a kde to nestačí, i analogie ostatních jazyků slovanských".

Принцип исторической преемственности, предписывавший соблюдение нормы языка XVI и начала XVII в. в качестве образца для современного чешского языка, для языковой культуры уже не годился, поскольку со времени чешского языка эпохи гуманизма условия коммуникации существенно расширились и изменились. То, что подходило для периода рубежа XVI и XVII в., уже не могло быть нормой последней трети XIX в. Мало того, если придерживаться принципа исторической преемственности, то правильность слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, не нашедших своего подтверждения в "образцовом" столетии, оказывалась сомнительной.

Вместе с тем, брусичи не принимали во внимание то, что культурный чешский язык эпохи гуманизма находился под сильным влиянием латыни. Это было особенно заметно в синтаксисе, однако множество латинизмов можно обнаружить и в образовании абстрактной лексики. Для авторов гуманистических текстов было в порядке вещей пополнять словарный состав чешского языка путем калькирования латинских терминов, хотя, надо признать, делали они это с удивительно тонким пониманием специфики семантики и словообразовательных особенностей чешского языка. Что касается синтаксиса чешского языка периода гуманизма, то он находился под сильным влиянием латинского синтаксиса – это проявлялось в использовании средств конденсации и особенно в копировании структур, отличающихся значительной синтаксической когерентностью, в образовании вербономинальных конструкций и особенно в воспроизведении схем порядка слов. Поскольку пуристы рассматривали влияние латыни как непременный компонент культивирования чешского языка, они не препятствовали перенесению этих особенностей в чешский язык эпохи Возрождения. Можно даже утверждать, что примерно до середины XIX в. чешские тексты (за исключением некоторой части произведений художественной литературы) в синтаксическом отношении лишь незначительно отличались от латинизированных текстов XVI и начала XVII в.

inslav

Были у пуристов проблемы и с соблюдением второго принципа – назовем его принципом народности. Тот, кто знает чешские диалекты, особенно из региона бывшего чешско-немецкого пограничья, легко может привести значительное количество лексических и синтаксических германизмов. Кроме того, соблюдению принципа народности мешали и различия в коммуникативных функциях диалектов и литературного языка. В литературную норму нельзя было вводить те средства выражения, которые в народных говорах использовались совершенно для других коммуникативных целей.

Наконец, и третий принцип – назовем его принципом славянской взаимопомощи – не мог уберечь чешский язык от иностранных, неславянских влияний. Установлению соответствия между литературным чешским языком и другими славянскими языками – в сущности речь шла о польском и русском языках – мешало то, что эти языки, особенно в их современном состоянии, значительно отдалились друг от друга. Пуристы же в своем большинстве не владели в достаточной степени другими славянскими языками, поэтому и не видели в них, особенно в польском, довольно много заимствований.

О том, что заимствованиям из других славянских языков сложно было закрепиться в чешском языке, после относительной стабилизации его нормы в 40-е годы XIX в., говорит и судьба большинства полонизмов из "*Словаря польского языка*" С.Б. Линде, включенных Юнгманом в его "*Чешско-немецкий словарь*". Несмотря на все попытки фонологической и морфологической адаптации этих слов в чешском языке, они стояли особняком в его словарном составе. В еще большей степени это касается заимствований из русского языка. Таким образом, принцип славянской взаимопомощи в деле "очищения" и пополнения литературного чешского языка, в сущности, был принципом во многом декларативным.

О ВЛИЯНИИ НЕМЕЦКОГО ПУРИЗМА НА ПУРИЗМ ЧЕШСКИЙ

К парадоксам Центральной Европы относится то, что чешский пуризм последней трети XIX в. находился под влиянием пуризма немецкого. Впрочем, стоявшие перед ними задачи были различны: в то время, как немецкий пуризм ополчался прежде всего против галлицизмов, а вкупе с ними и против элементов

inslav

греко-латинского происхождения; чешский пуризм, напротив, считал своей целью "очищение" родного языка главным образом от германизмов. Общим врагом чешских пуристов и их коллег из Германии и Австрии были интернационализмы. Непосредственное подтверждение того, что чешские пуристы шли по стопам пуризма немецкого или же австрийского, можно найти в книге "Rukověť správné češtiny" (1891), написанной филологом и этнографом Ф. Бартошем [Bartoš 1891].

По мнению этого весьма своеобразного моравского "брусича", чехи должны были брать пример с немецкого пуристического журнала "Der Sprachwart" (буквальный перевод: "Хранитель языка"), каравшего прегрешения против нормы литературного немецкого языка, главным образом, в административных текстах. Не было пощады и "загрязнению" языка художественной литературы. Из множества немецких пуристов Бартошем упоминаются Й.Фр. Гейнатц, К.Фр. Беккер, Д. Сандерс, Хр.Фр. Рот, А. Лейман, К.С. Келлер, Т. фон Сосноски, К. Франке и т.д. В своем пуристическом словаре "Nová rukověť správné češtiny" (1901) [Bartoš 1901] Бартош высказывает симпатии немецкому пуристу Г. Вустману, рекомендуя чешским авторам познакомиться с его книгой "Allerhand Sprachdummheiten" (в переводе: "Всяческие языковые глупости").

И хотя, как нам кажется, некоторые суждения немецких пуристов действительно могли быть примером для чешских пуристов, тем не менее вряд ли есть основания говорить, что чешские "брусичи" черпали свое вдохновение из работ немецких пуристов. Фактом, однако, остается, что некоторые чешские пуристы, особенно наиболее крупные из них, следили за деятельностью немецких пуристов, рекомендуя своим соотечественникам столь же активно участвовать в "очищении" языка. Поражает, впрочем, не только сходство мыслей о "чистом" языке, но и сходство, а иногда и тождество критических замечаний по поводу отдельных языковых средств. Сказанное подтверждает и анализ, предпринятый немецким лингвистом Г. Энгельгардтом [Engelhardt 2001].

Приведем хотя бы два примера. Немецкий пурист Г. Вустман (1896 г.) относил к "безвкусным и ненужным новшествам" прилагательные и наречия с суффиксом *-los*, например, *parteilos 'беспристрастный'*, а также *'беспартийный'*, *fraglos* 'бесспорный', *debattenlos* 'бесспорный' и т.д. Пуристы из Матицы чешской соответственно изгоняли прилагательные и наречия, образованные от падежной формы с предлогом *bez čeho*, приписывая их распро-

inslav

странение в современном чешском языке влиянию немецких прилагательных с формантом *-los* (например, *bezvadný – tadellos, beztrestný – straflos, bezkonečný – endlos*). Другой немецкий пурист О. Шредер [Schroeder 1889] негативно оценивал отсылочные слова *letzter* и *letzterer*. В "Брусе", изданном Матицей, не рекомендовались для употребления в той же функции и прилагательные *poslední* и *poslednější*, расценивавшиеся как германизмы. Так, в сложном предложении *V krajině bydleli zemané a rolníci; avšak poslednější stali se časem dlužníky oněch* слово *poslednější* рекомендовалось заменить местоимением *tito*. Добавим к сказанному, что Бартош восхищался деятельностью "Der allgemeine deutsche Sprachverein" ("Всеобщий немецкий языковой союз"), похвально высказываясь по поводу поддержки, оказываемой ему немецкими властями. Особенно ему импонировала германизация интернациональных слов, уже укоренившихся в немецком языке; ср.: *Redaktion – Schriftleitung, Telegramm – Drahtnachricht, Antiquar – Altverkäufer* и т.п.

НЕКОТОРЫЕ НАИБОЛЕЕ ОБЩИЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ ПУРИСТОВ

Список чешских языковых средств, которые, по мнению пуристов, следовало устранить из литературной нормы, наверняка, превышает пять тысяч единиц (точность этих данных зависит от того, насколько учитывались отдельные варианты отвергаемых языковых средств, в каком объеме они фиксировались и какие критерии принимались во внимание при разграничении полисемии). Объектом нападок пуристов по большей части были смысловые смещения, обусловленные, как им казалось, иностранным и в первую очередь немецким влиянием, копирование чуждых словообразовательных и синтаксических моделей, привнесение в чешский язык не-чешских идиомов.

По естественным причинам нам не удастся перечислить здесь все то, что, по мнению пуристов последней трети XIX в., "засоряло" литературный язык. Остановимся поэтому лишь на некоторых, самых общих предубеждениях пуристов с тем, чтобы с их помощью показать, насколько чешский пуризм обеднял выразительные возможности языка, и насколько он игнорировал разнообразие коммуникативных функций.

1. Первым таким предубеждением было утверждение, встречающееся практически во всех "Брусах", о том, что чешский

inslav

язык носит более "конкретный" характер, чем язык немецкий. В первом издании "Бруса" Матицы (1877) категорически провозглашается: "Naše řeč ukazuje se naproti němčině býti konkrétnější; odkudž také pochodí, že Čech octne se často v nesńazích, maje překládati zvláště abstraktní spisy německé do češtiny". Если следовать "Брусу", абстрактный характер немецкого языка, помимо прочего, проявляется в частом употреблении отглагольных существительных. Если же чех и вздумает это копировать, ему придется непросто, так как чешское отглагольное существительное не имеет различающихся форм от номинатива до локатива ед.ч. Впрочем, уяснив, что в этом случае речь идет прежде всего о специфике стилистической, составители "Бруса" смягчили свою рекомендацию, отметив, что употребление отглагольных существительных все же допустимо в научном стиле: "Netřeba sice, abychom se takovým jménům podstatným, zvláště ve slohu vědeckěm, vyhýbali; dodávajíť slohu druhdy náležité stručnosti" (с. 61). Сейчас мы, конечно бы, подчеркнули семантическую емкость абстрактных существительных, отвергая упрек в том, что чешские авторы, злоупотребляя их частым использованием, "нарушают присущую чешскому языку бóльшую конкретность".

Добавим к сказанному, что в третьем издании "Бруса" (1894 г.) вина за "абстрактизацию" чешского языка возлагается не на научный стиль, а на стиль административный и публицистический. Здесь еще более категорично провозглашается, что абстрактность выражения мыслей присуща духу немецкого языка, чешский же язык "любит конкретные слова и обороты" (с. 70). Автор другого "Бруса", М. Гаттала, даже заключает: "My stýkajíce se od nepaměti s Němci a učíce se od nich více než od ostatních sousedů svých ..., přivykli jsme ovšem i odtaženému způsobu mluvení více než ostatní Slované" [Hattala 1870: 273].

Следует признать, что по употреблению отглагольных существительных в деловых стилях немецкий язык действительно превосходит чешский, однако это не имеет ничего общего с "духом" языка, а обусловливается спецификой самих этих стилей. А вообще-то для построения интеллектуализованных высказываний чешский язык в такой же мере нуждается в отглагольных существительных, как и немецкий. Поэтому любое подобное ограничение ставило бы чешских авторов в заведомо невыгодное положение перед авторами немецкими. Нет никаких разумных оснований для того, чтобы заменять отглагольное существительное во фразе *Upomínání dlužníka bylo by marno* (в современном

inslav

чешском языке здесь было бы *marné*) на инфинитив *upomínat*. Точно так же нельзя согласиться с изменением предложения *Pomáhali při vyhledávání knih* → *Pomáhali vyhledávat knihy*. Значительное усиление книжности стиля повлекла бы за собой замена отглагольных существительных на деепричастия: *Při vyučování budiž dbáno mluvy přesné* → *Učitel vyučuje dbej mluvy přesné* и т.п.

Неприязнь, испытываемая пуристами к отглагольным существительным, способствовала пополнению словарного состава чешского языка за счет включения других видов существительных со значением действия. В первом издании "Бруса" Матицы рекомендовалось употреблять *chov* (скота) вм. *chování*, *lom* вм. *lámání*, *náprava* вм. *napravení*, *záliba* вм. *zalíbení*. Среди существительных со значением действия, которые должны были бы прийти на смену отглагольным существительным, встречаются и архаизмы типа *kot* (вм. *kácení*) или же *změť* (вм. *změtení*).

Антипатия пуристов в отношении отглагольных существительных распространилась и на вербономинальные конструкции типа *činiti pokání (káti se)* или же *pokračovati ve vypravování (dále vypravovati)*. Пуристы вообще считали вербономинальные конструкции этого вида (даже если среди них встречались существительные со значением действия, образованные по иной модели) проявлением иностранного влияния, прежде всего немецкого. Поэтому они предостерегали от употребления словосочетаний типа *udělati návštěvu*, рекомендуя использовать вместо них глагол *navštívit*. В действительности же в подобных случаях речь идет не о германизмах, а о мультивербальных конструкциях, важных для структуры текста – данные словосочетания имеются практически во всех европейских языках. Трудно, конечно, было бы отрицать влияние немецкого языка на выбор глаголов широкого смыслового содержания, составляющих грамматическое ядро вербономинальной конструкции (например, *provést výběr, doznat změny*). Однако это никак не могло служить основанием для их устранения из литературного чешского языка, как на этом еще в 1946 г. настаивал Й.В. Бечка [Bečka 1946].

2. Мы уже упоминали о неприятии пуристами сложных слов, поскольку расценивали их (в большинстве случаев совершенно справедливо) как подражание немецким композитам. В этом они, конечно, могли найти поддержку у Й. Добровского (1809): "Čech nesmí úzkostlivě napodobovat německé složeniny, protože je může dostatečně nahrazovat jednotlivými jednoduchými slovy nebo může rozloženě vyjadřovat určovací slovo adjektivem" (с. 62). Различие

inslav

между немецким и чешским языками Добровский иллюстрирует на примере слов типа *Ziegelhütte – cihelna, Glockengiesser – zvonař, Weingarten – vinice; Hausherr – domácí pán, Hauptstadt – hlavní město, Kreuzweg – křížová cesta* и пр. Более уместным он считал описательное обозначение немецких композитов: например, вместо *Haarpuder* рекомендовалось словосочетание *prach na vlas*; осуждал он и неологизм *vlasoprach*. Под влиянием Добровского отверг это слово и Юнгман, не включивший его в свой словарь.

Указаниями Добровского руководствовались все "Брусы". Так, например, Фр. Микеш (1872) перевел композитум *Eisenbahn* дериватом *železnice, Elfenbein* – сочетанием существительного с адъективным определением *slonová kost*, а *Dampfdestillation* передавалось как *překapávání parou*. И все-таки автор полностью не исключал возможность использования словосложения как способа пополнения все еще недостаточно богатого словаря чешского языка. В качестве примера он привел сложное слово *kalolis* в качестве эквивалента для немецкого композита *Filterpresse*.

Довольно большой раздел "Бруса", изданного Матицей в 1877 г., посвящен рассмотрению сложных слов в чешском языке. И это авторитетное пособие по правильности чешского языка также разделяет точку зрения Добровского, предлагая заменять немецкие сложные слова дериватами или же конструкциями с определением. Так, например, вместо немецкого композита *Gasanstalt* рекомендуется дериват *plynárna*, вм. *Sonnenuhr – sluneční hodiny*, вм. *Kartenspiel – hra v karty*. По мнению авторов "Бруса", чешскому языку не подходят сложные слова, состоящие из двух существительных, например, *řekovoda* (ср. *Flusswasser*) или же *hrachopole* (*Erbsenfeld*). По этой причине были отвергнуты сложные слова *koloběh* (в соответствии с *Kreislauf*), *parostroj* (*Dampfmaschine*), *časoslovo* (*Zeitwort*), *stromořadí* (*Baumreihe*) и многие другие. В последнем случае пуристы отдали предпочтение адаптированному галлицизму *alej*, а не калькирование немецкого композита.

Подвергнуты остракизму были и сложные прилагательные, первый компонент которых находился в отношении сравнения с другим компонентом: *sněhobílý* (*schneeweiss*), *skalopevný* (*felsenfest*) и пр. Несмотря на то, что этот тип сложных прилагательных широко использовался особенно в поэзии (см., например, *medosladký* у Я. Коллара, Св. Чеха, Й.В. Сладка и других), пуристы настаивали на том, чтобы сравнение передавалось описательно (*sladký jako med*). И хотя пуристы снисходительно относились к сложным сло-

inslav

вам, первый компонент которых был адъективного происхождения, а второй – субстантивного или же адъективного, в отдельных случаях они все же рекомендовали отдать предпочтение иному способу образования. Так, композит *ostrovtip*, слишком напоминавший пуристам немецкое слово *Scharfsinn*, они предлагали заменять простыми словами типа *vtip, důvtip, důmysl, bystrost*. То, что каждый из этих синонимов имел иной семантический или же стилистический оттенок, для них было несущественно. Ненужным "импортом" из немецкого языка они считали сложные слова с компонентом *malo-* и *velko-*: *malorolník, maloživnostník, velkoobchodník* и пр. Пуристы, конечно, заблуждались, полагая, что чешский язык вполне может обойтись сочетанием прилагательного с определяемым существительным: *malý rolník, velký obchodník* [подробнее об изгоняемых композитах см.: Jelínek 1997].

Некоторые чешские авторы понимали, что объявленная пуристами война сложным словам обедняет выразительные возможности литературного чешского языка. Еще в 1873 г. Й. Дурдик заявлял: "...že by složená slova slovančině nesvědčila, jest předsudek, jejž jazyk sám nejlépe vyvrací. Pohled'me jen na jména míst v Čechách a jinde" [Durdík. Kalilogie 1873: 27]. А Фр. Бачковский (1879), хотя и сам принимал активное участие в шлифовке чешского языка, тем не менее высказал сомнения по поводу искоренения сложных слов, к чему призывал "Брус" Матицы. Так, он обратил внимание на то, что некоторые "заменители" имеют иное значение [Bačkovský 1889: 56].

3. Пуристы были убеждены в том, что подражание немецкому языку ведет к чрезмерной эксплицитности чешского языка. Во многих случаях, когда для передачи значения направленности или же фазовости действия достаточно было лишь одного глагольного префикса, чешские авторы по примеру немецкого языка вставляли в высказывание наречия. Так, вместо *trochu se smáti* чеху предлагалось *pousmáti se*; вместо *trochu se zdržeti – pozdržeti se*. Точно также при обозначении степени качества чешскому автору предлагалось употреблять префиксы *na-* и *při-* в комбинации с соответствующими прилагательными: *poněkud* (*trochu*) *černý* можно лучше передать словом *načernalý; poněkud hloupý* – словом *přihlouplý*.

Бартош рекомендовал вместо словосочетания *být hotov s čím* употреблять глаголы с префиксом *do-* или *u-*. Он полагал, например, что по-чешски лучше сказать *došil jsem* вместо *jsem hotov se šitím* или же *utratil jsem peníze* вместо *jsem s penězi hotov*. Утверж-

inslav

далось также, что чешский язык слишком расточительно обращается с глаголом *dosíci*, который вдобавок зачастую неправильно сочетают с аккузативом вместо генетива, хотя имеются "более выразительные" глаголы с префиксом *do-*: например, вместо эксплицитного *dosahovati výše dvacíti stop* авторам следовало бы удовольствоваться глаголом *dorůstati dvacíti stop*. "Брусичей" не смущали даже такие случаи, когда комбинация глагола с префиксом *do-* была совершенно непривычной: *réva dopíná se okna*. Они полагали, что духу чешского языка более соответствовало бы, если бы начало действия обозначали посредством "зачинательных глаголов", а отнюдь не просто глаголом *počínat*: например, вместо *les počínal hořeti* чех должен был бы предпочесть конструкцию *les chytal* или же вместо высказывания *začíná pršeti* лучше было бы употребить слова *krápe* и *poprchává*.

Пуристы ошибочно считали, что комбинация некоторых глаголов с наречием *dohromady* представляет собой простое подражание немецким отделяемым префиксам, поэтому требовали опустить это наречие у глаголов типа *slepiti, sloučiti, složiti*, т.е. у глаголов с префиксом s. Подобное прегрешение они усматривали и в соединении глаголов с наречиями *dolů* и *nahoru*, что им также слишком напоминало немецкие префиксы. В отличие от немецкого аналитического высказывания *špína nejde dolů*, чех должен был бы использовать более чешскую форму *nepouští*. Для того, чтобы избавиться от якобы немецкого сочетания *cukr jde nahoru*, пуристы даже пытались восстановить архаизмы типа *cukru připlatilo* или же *přiskočilo*. Разонравилось им и повседневное выражение *hodiny jdou napřed*: вместо него они предложили использовать глаголы *pospíchají* или же *předbíhají*. Вряд ли нужно специально доказывать, что во всех этих случаях они лишали чешский язык необходимой ему синонимики. Хуже всего было то, что они изгоняли из чешского языка и те средства, которые в нем появились скорее всего в ходе его независимого развития.

4. Характерная для пуристов тенденция противопоставлять немецкому аналитизму чешский синтетизм, конечно, имела свои границы. Как только в чешском языке появлялись новые синтетические способы, отличавшиеся реальным или же кажущимся сходством с немецким, пуристы тотчас же против них восставали, как если бы это были действительно германизмы. Эта участь постигла, например, прилагательные на *-telný*, которые с начала эпохи возрождения стали широко использоваться в качестве син-

inslav

тетического средства для обозначения качества, включающего модальность возможности (например, *pochopitelný* 'тот, которого можно понять'). Пуристы видели в прилагательных на *-telný* подражание немецким прилагательным на *-bar* или же *-lich* (*begreifbar, begreiflich*), поэтому они начали добиваться их устранения из литературного чешского языка. При этом они не заметили два обстоятельства, которые говорили в пользу этого словообразовательного типа: во-первых, имеется достаточное количество примеров с прилагательными с суффиксом *-telný*, относящимися к чешскому языку периода гуманизма; во-вторых, это не германизм, а европеизм, который под влиянием латинского суффикса *-bilis* или же французского *-ble* получил распространение в европейских языках. Если бы по пуристическим соображениям в чешском языке он перестал использоваться, то лишился бы очень нужного языкового средства.

Другим таким синтетическим средством, ставшим мишенью для пуристов, был адъективный тип, образовавшийся из существительного с предлогом *bez čeho*: *bezdůvodný* ← *bez důvodu, bezohledný* ← *bez ohledu* и т.д. Хотя, возможно, на их появление и повлияли немецкие прилагательные на *-los* (*grundlos, rücksitslos*), однако они имеют иную словообразовательную структуру. Можно предполагать, что распространение этого способа словообразования в чешском языке нового времени обусловлено влиянием русского языка, но это ничуть не противоречит чешской словообразовательной системе. Если бы требование пуристов было удовлетворено, чешский язык лишился бы весьма нужного словообразовательного типа – ср. его защиту Б. Гавранеком [Havránek 1928/1929].

"Брусу" Матицы пришлось признать, что поскольку некоторые прилагательные, образованные от существительного с предлогом *bez čeho*, встречаются уже в древнечешском языке, например, *bezbožný, bezdušný, bezelstný, bezprávný* и пр., их нельзя отвергать и в современном языке. В 3-ем издании "Бруса" приводятся примеры, в которых прилагательное с префиксом *bez-* по своему значению отличается от адъективного типа с отрицанием, который брусичами предлагался взамен прилагательных с *bez-*. Речь идет о парах типа *nemocný* и *bezmocný, nectný* и *bezectný* и пр.

В пуристических пособиях как германизмы рассматривались и производные с префиксом *proti-*, безотносительно к тому, обозначали ли они нечто действительно противоположное как, на-

inslav

пример, *protivítr* (более правильным, по их мнению, было *protivný vítr*) или же, напротив, фиксировали проявление некоторой услужливости (например, *protislužba* вм. *odměnná služba*). В качестве аргумента "брусичи" приводили то, что эти дериваты в своем большинстве возникли только в новейшее время, причем, как правило, под немецким влиянием. Впрочем, "Брусу" Матицы пришлось все же признать, что некоторые слова с префиксом *proti-* являются более раннего происхождения (например, *protimyslný*), другие же, недавно образованные, "не оскорбляют чешский слух". А раз это так, они "могут остаться в употреблении" (например, *protilehlý*). Впрочем, и в этих случаях пуристы советуют отдавать предпочтение иностранным словам (например, слову *antikritika* перед *protikritika*).

5. Возрастающая интеллектуализация содержания, потребовавшая адекватных чешских средств, активизировала расширение функций более ранних неисконных предлогов, равно как и новых слов предложного характера. Поскольку в этом случае авторы нередко копировали немецкий язык, пуристы все эти новые средства отвергали. Так, они отрицательно относились к предлогу *proti čemu*, передающему отношение компенсации (например, vrátit něco *proti náhradě*), они исправляли предлог *mezi čím*, обозначающий временные рамки действия (vzpomněl si *mezi oblékáním* na svůj slib), они считали ошибкой предлог *dík(y) čemu* при обосновании чего-либо (*díky sousedově obratnosti* bylo dítě zachráněno) и пр.

Сопротивление "брусичей" вызвали и новые слова с предложной функцией, появившиеся в чешском языке вместе с притоком европеизмов, однако в большинстве своем они проникали через посредство немецкого языка (перечень этих средств составила Л. Кроупова [Kroupová 1985, об их вытеснении из чешского языка пуристами писал М. Елинек – Jelínek 1999]. Так, например, был отвергнут предлог *(na)vzdor čemu* со значением уступительности, *s ohledem na co* в значении отношения к чему-либо, *následkem čeho* в причинном значении. Вместо выражения *u porovnání k čemu* рекомендуется старый неисконный предлог *proti čemu*. В числе слов, заподозренных в копировании иностранных образцов, оказался и предлог *během čeho* и пр.

6. Как известно, система чешских модальных глагольных средств была перестроена по немецкому образцу еще в древнечешском языке, продолжался этот процесс и в новейшей истории чешского языка. Пуристы, для которых любое влияние немецкого языка было бельмом на глазу, было здесь где развернуться. Впрочем, в этом они не слишком преуспели, так как новые мо-

inslav

дальные средства уже вошли в литературный узус. Мало того, некоторые их рекомендации не были надлежащим образом обоснованы. Так, например, в высказывании *Nemohu pochopiti, jak se věc udála* "брусичи" советовали выбросить модальный глагол, невзирая на то, что здесь он выполняет основную модальную функцию: фиксацию невозможности глагольного действия *pochopit*. Если мы опустим модальный глагол, высказывание лишится смыслового оттенка "невозможности", который автор высказывания, очевидно, хотел эксплицитно передать. Глагол *moci* пуристы считали "плохим " в сложных предложениях, в которых первое предложение обозначало уступительность. Например, сложное предложение *Lidé mohou kárati, nikdo si jich nevšímá*, по мнению пуристов, следовало бы переделать так, чтобы в первом предложении появился императив с идиоматическим включением, фиксирующим его несущественность: *Lidé kárejtež si, jak kárejte...*, или же выбирается пожелательная форма *ať kárají*. Вряд ли нужно специально доказывать, что здесь имеет место произвол "брусичей", в результате которого из высказывания было устранено эксплицитно выраженное значение "возможности".

Еще более сурово поступали "брусичи" с глаголом *musit*, взаимосвязь которого с немецким *müssen* совершенно очевидна. Вместо него пользователи чешского языка должны были довольствоваться индикативом, императивом или же кондиционалом глагола. Напр., высказывание *Musím připomenout, že...* по-чешски будто бы будет лучше звучать в виде *Připomínám, že...*; вместо *Musíme obrátiti pozornost jinam* следует предпочесть выражение с императивом *Obraťme pozornost jinam*! Соответственно в высказывании *To bych musil krásti* можно избавиться от глагола *musit*, переделав его следующим образом: *To bych leda kradl*.

Не устоял даже модальный глагол *mít* в своем исконном значении долженствования. Вместо него пуристы рекомендовали, как и в случае глагола musit, императив или же оптатив, или же, наконец, они стремились оживить некоторые архаические конструкции. Напр., высказывание *Voják má poslouchati rozkazů představených svých* можно избавить от подозрительного модального глагола тем, что долженствование будет передано с помощью императива (*Voják poslouchej...*!) или же оптатива (*ať poslouchá*), или же, наконец посредством архаической конструкции с дативом (*jest mu poslouchati*). Даже такое очень книжное модальное прилагательное как *dlužen* представляется пуристам более чешским, чем глагол *mít* (*Voják jest dlužen poslouchati...*). По

inslav

мнению пуристов, авторам не следует употреблять глагол *mít* в вопросительных высказываниях – будто бы здесь достаточно одного инфинитива (ср. *Co mám činiti*? с вариантом *Co činiti*?).

Глагол *směti'* в составе отрицания, по мнению "брусичей", был допустим лишь при усиленном запрете. В других же случаях он был излишним (например, *Nesmíte si mysliti* нужно было переделать в *Nemyslete si*!).

Как явный германизм расценивали "брусичи" употребление глагола *musiti* в тех случаях, когда речь шла о выражении лишь предположения (напр., *Přítel tvůj nemusí býti bohat)*. Как более уместный они рекомендовали индикатив смыслового глагола с модальными частицами *asi, snad, bohdá* или же вводное предложение с глаголами *tuším, trvám* (*Tvůj přítel není asi bohat* либо *není tuším bohat*). По мнению "брусичей", для чешского языка было столь же недопустимо, чтобы недостоверное содержание передавалось сочетанием глагола *mít* с инфинитивом (*Dnes mělo se státi neštěstí*). Вместо этого сомнительного способа в чешском языке используются частицы *prý* или *asi*, либо в состав высказывания вставляются предложения типа *povídá se, vypravují, jde pověst* и пр.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ И В ВАЛЕНТНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Не было у пуристов доверия и к средствам выражения, которые вошли в чешский литературный язык с начала 19 века. В том случае, если такое языковое средство меняло свое значение, а иногда и свою валентность таким образом, что становилось похожим на германизм, они объявляли его германизмом, стараясь устранить из литературной нормы. В качестве компенсации предлагались архаизмы из чешского языка периода гуманизма или еще более раннего времени. Еще чаще – рекомендовались синонимы, подтвержденные примерами из ранних периодов существования нашего языка. Впрочем, зачастую рекомендуемые языковые средства по своей семантике и стилистике отличались от изгоняемых средств, поэтому печальным результатом подобной сомнительной "шлифовки" становилось то, что чешский язык лишался столь необходимых для него средств выражения. Значительная часть отвергнутых выражений, заподозренных в сходстве с немецким языком, вообще не имела никакого отношения к германизмам. Это были европеизмы, которые, укрепившись в

inslav

немецком языке, затем уже из него распространялись далее в языки Центральной Европы. Истинным источником этих выражений была средневековая латынь или же, особенно с начала XVI в., французский и итальянский языки.

1. Пуристы приписывали немецкому влиянию многочисленные изменения в валентности средств выражения. Вначале обычно происходила подвижка значения, а потом уже и изменение валентности. Следует, однако, отметить, что в целом ряде случаев выравнивание с немецким языком осуществлялось путем саморазвития чешского языка. Так, например, "брусичи" полагали, что в чешском языке под влиянием немецкого языка уменьшалось количество глаголов с генетивным управлением; на самом же деле в данном случае аккузатив одерживал победу над генетивом в результате действия общей тенденции употребления аккузатива в объектной позиции. Это было особенно заметно у глаголов с отрицанием, у которых первичный родительный отрицания уже в начале эпохи Возрождения воспринимался как архаическая конструкция (он сохранялся лишь тогда, когда одновременно имел партитивное значение). Во вред литературному чешскому языку пуристы советовали заменять аккузатив генетивом – так, например, в высказывании *Nevidí les pro stromy* они вставляли архаический генетив *lesa*. Точно также они требовали употреблять генетив в высказывании *Nemůžeme si koupiti nový šat*.

У ряда глаголов без отрицания они добивались возврата к первоначальному генетивному управлению. Это касалось, напр., глаголов *prosit, žádat, hledat, šetřit, hájit* и т.д. К этому следует добавить, что тенденция к использованию в качестве дополнения аккузатива, проявлялась, хотя и гораздо реже, у исконного датива (напр. *učit se latinu* вместо *latině*).

Более вероятным было влияние немецкого языка на те изменения валентности, когда в позиции дополнения беспредложный падеж заменялся предложным или же когда происходила замена предлога. Однако в большинстве подобных случаев речь идет об европеизмах, которые проникали в чешский язык через посредство языка немецкого. Именно так обстоит дело, напр., у глагола *zvyknout čemu*, где утвердилось управление *na co* или же *bát se koho*, где стало распространяться управление *před kým*.

2. В отношении ряда лексических средств пуристы, хотя и справедливо, отмечали изменение их значения под влиянием немецкого языка, однако устранить их из языка было уже поздно, так как к этому времени они уже прочно укоренились в литера-

inslav

турном узусе. Так, влияние немецкого языка усматривалось в изменении значения слова *bod*, хотя точно такая же подвижка значения ('*část, složka*') произошла и в ряде европейских языков (уже в средневековой латыни существовало слово *punctum*, во французском и английском *point* и т.д.). Опасение мнимых германизмов побуждало пуристов заменять это слово такими словами как *stať, část, oddíl, místo* и пр. Вполне естественно, что подобные заменители не могли передать новое значение слова в таких случаях как *Řečník přešel k dalšímu bodu*.

Прилагательное *sporý* под влиянием немецкого *spärlich* приобрело новое значение ('skrovný, řídký'). Указание "брусичей" о том, чтобы вместо сочетания *sporý vlas* (здесь ко всему еще отвергалась возможность использования сингуляра вместо плюраля) отдавалось предпочтение сочетанию *řídké vlasy*, вступило в противоречие с узусом. Первоначальное значение прилагательного 'hojný, vydatný' было вытеснено новым значением, оно сохранилось, собственно говоря, только в идиоматическом сочетании (*člověk*) *malý, ale sporý*.

Германизмом пуристы считали глагол *odpadnout* в новом значении 'nekonat se, sejít z čeho', поэтому они считали нарушением нормы "чистого языка" такие высказывания как *To číslo programu odpadne* или же *Časopisu odpadlo mnoho odběratelů*. Следует, правда, признать, что чешский глагол *odpadat/odpadnout* в своих новых значениях соответствует немецкому *entfallen* или *wegfallen*. Нельзя, однако, исключить и возможность параллельного развития обоих языков. Да даже если бы чешский язык действительно воспринял немецкую метафору, то не было бы оснований ее отвергать, скорее наоборот: чешский язык обогатился нужным ему средством выражения.

Очевидно, немецкий язык способствовал переоценке значения глаголов *nalézat se, nacházet se* (*sich befinden*), их превращению в глаголы, наделенные прежде всего функцией связки (т.е. синтаксической), а не лексической. Именно так обстоит дело в высказывании *V tom lese nalézí se // nachází se mnoho zvěře*. По мнению пуристов, чех, радеющий за "чистоту" языка, должен был бы употреблять глагол *jest*. Впрочем, пуристы допускали также возможность замены глагола-связки более конкретным глагольным средством. Так, например, в высказывании *Na skále nachází se // nalézá se hrad* можно отдать предпочтение глаголам, имеющим суженное значение *strmí, vypíná se* и т.д. Хотя есть вероятность того, что глаголы *nacházet se, nalézat se* приобрели в чеш-

inslav

ском языке функцию связки под влиянием немецкого языка, однако сам немецкий язык заимствовал это средство из французского (*se trouver*). Поскольку и в других европейских языках подобный связочный глагол имеется, у нас есть основания рассматривать его как европеизм.

Пуристы отвергали как германизм наречие *každopádně*, невзирая на то, что оно стало частью чешского разговорного узуса. Они видели в нем подражание немецкому *jedenfalls*, при этом даже не заметили, что словообразовательная структура чешского наречия отличается от структуры наречия немецкого, представляющего собой застывшую форму генетива. Поскольку пуристам не слишком нравилось сходное смещение значения основы *-pád-* (ср. немецкое *Fall*), они старались найти замену в других лексических средствах (*na všechen způsob, vším způsobem, všemožně, buď jak buď* и т.д.). И здесь нам вновь приходится констатировать, что смещение значения в основе *-pád-* носит европейские масштабы (ср. лат. *casus*, франц. cas, итал. *caso*, польск. *przypadek*).

Мы могли бы привести сотни других примеров устранения лексических европеизмов, с помощью которых чешский язык, равно как и немецкий, пополнял свой словарный состав. И хотя часть этих средств действительно имеет немецкое происхождение, вряд ли их можно подвергать остракизму по соображениям языковой "чистоты", поскольку они обычно позволяли выравнивать лексические диспропорции среднеевропейских языков.

3. Пуристы полагали, что необходимо сохранять своеобразие "образных поговорок", так как "národ každý dle zvláštních svých názorů pravdy obecné a myšlénky vůbec obrazně vyjadřuje". От внимания "брусичей", однако, не могло ускользнуть, что "názory jsou u příbuzných národů někdy stejné, a tudíž i stejná přísloví a fráze" [Mat. Brus 1877: 150]. Типичным примером сходства образных "поговорок" являются идиомы из классических языков и библии. Хотя, с одной стороны, мы должны согласиться с пуристами в том, что идиоматические сочетания обычно нельзя переводить буквально; с другой стороны, необходимо считаться и с тем, что в языках, находящихся друг с другом в более тесном контакте, идиомы могут заимствоваться или же попросту подражательно воспроизводиться. Мы можем это показать на нескольких примерах, когда идиомы, отвергнутые в "Брусах" последней трети 19 в., тем не менее вошли в узус литературного чешского языка.

"Брус" Матицы рекомендовал избегать употребления идиома *čistého vína někomu nalíti*, потому что он воспринимался как пере-

inslav

вод с немецкого *reinen Wein jemandem einschenken*. Вместо этого метафорического средства рекомендовалось словосочетание не образное: *pouhou* или *holou pravdu někomu říci*. Очевидно, что образное изречение возникло в немецком языке, в других европейских языках оно не представлено. В чешском языке это выражение обосновалось примерно в конце 19 в.

Сходным образом "Брусы" осудили метафорический идиом *lámati si něčím hlavu*, так как он им напоминал немецкое изречение *sich den Kopf über etwas zerbrechen*. И в этом случае были предложены неадекватные замены, лишенные образности: *přemítati o něčem* или же *starati se o něco*. "Брусичи" были не правы, расценивая это изречение как германизм. Раньше, чем в немецком языке, оно стало употребляться во французском языке (*se casser la tête à cause de quelque chose*), оттуда оно распространилось в другие европейские языки. Почему же нужно было исключать чешский язык из этого конвергентного процесса?

Пуристы выступали против изречения *vzíti něco za bernou minci*, полагая, что оно попало в чешский язык лишь в результате подражания немецкому идиому *etwas für bare Münze nehmen*. По их мнению, чех, которому дорога языковая "чистота", должен удовольствоваться не образным, а обычным высказыванием *ujmouti něco za jistou pravdu*. И в этом отношении чешский язык обеднялся по сравнению с другими европейскими языками, в которых имелись различные варианты этого образного изречения. Можно думать, что причиной всего был французский идиом *pfendre quelque chose pour argent comptant* (ср. английское *take a thing at its face value*, русск. *принять что-нибудь за чистую монету* и пр.).

В некоторых случаях "брусичи" старались хоть как-нибудь изменить используемую поговорку с тем, чтобы она отличалась от немецкого. Например, вместо идиома *sáhnout do vosího hnízda*, полностью совпадавшего с немецким *in ein Wespennest greifen* или *stechen*, они предлагали взамен *drážditi na sebe sršně*. Это изречение, хотя и можно проиллюстрировать примерами из текстов XVI в., однако оно не относилось к часто употребляемым выражениям. Вполне возможно, что идиом *sáhnouti do vosího hnízda* впервые появился в немецком языке (его нет, например, во французском, который для этой цели использует другой образ: *réveiller le chat qui dort*), однако немецкий "образ" можно найти в других европейских языках (ср. русск. *разворошить осиное гнездо*).

Доказательств того, насколько бессмысленным было устранение словосочетаний, заподозренных в немецком происхожде-

inslav

нии, имеется великое множество, однако приведенные примеры достаточно красноречиво говорят о пуристическом произволе. Из чешского языка искусственно устранялись языковые средства, ставшие неотъемлемой составной частью словарного состава и которые были скорее европеизмами, чем германизмами.

ОСЛАБЛЕНИЕ ПУРИЗМА С НАЧАЛА 20 в.

В конце XIX в. по мере повышения научного уровня чешского языкознания деятельность "брусичей" стала постепенно ослабевать. В этом была бесспорная заслуга Я. Гебауера и его учеников, которые ставили перед чешским языкознанием иные цели, чем просто искоренение германизмов. Хотя сам Гебауер и занимал пуристическую позицию в отношении некоторых чешских языковых средств, тем не менее он был убежден в том, что "брусичи", занимаясь "исправлением" литературного чешского языка, все же заходят слишком далеко. В статье, опубликованной в 1894 г., он высказывался о пуристах в целом одобрительно: "Mám pro ně všechny omluvu, že jsou vedeni chvalitebnou snahou o zdokonalení a povznesení jazyka našeho spisovného; při tom však zacházejí daleko a podávají i návrhy, kterými se správná a staletou tradicí dochovaná forma a jednota jazyka spisovného zbytečně porušuje" [Gebauer 1894: 140]. В числе языковых средств, которые Гебауер считал неправильными, находились, например, глаголы *obdivovati co* (вм. *obdivovati se čemu*) и *předati / předávati komu co* (вм. *odevzdávati, postupovati komu co*) или же сочетание с предлогом *ode dne ke dni* (в соответствии von *Tag zu Tag* вм. *den ode dne*) и т.д.

Количество этих будто бы неправильных элементов еще больше возросло в изданной в 1924 г. В. Эртлем грамматики Гебауера – "*Mluvnice česká*", хотя не ясно, как бы сам Гебауер отнесся к исключению этих элементов из литературного чешского языка. Так, например, отвергается слово *prostředky* (*Mittel*) в значении 'деньги', *být dobře naložen* (*gut aufgelegt sein*) вм. *býti dobré mysli* или же *v dobré míře, docíliti čeho* (*erzielen*) вм. *dosíci* или *dojíti čeho, doručiti co* (*einhändigen*) вм. *dodati co, doznati změny* (*erfahren*) вм. *změniti se, platiti za boháče* (*gelten*) вм. *pokládati se, postrádat co* (*entbehren*) вм. *nemíti co, prodělati nemoc* (*durchmachen*) вм. *prožíti, blíže prozkoumati* (*näher*) вм. *zevrubněji* и т.д.

Даже основание осенью 1916 г. журнала по языковой культуре "Naše řeč", а также возникновение самостоятельного государства в октябре 1918 г. не смогли вдохнуть в пуризм новую жизнь,

inslav

хотя во всех сферах жизни чешского народа действовал лозунг освобождения от австрийского влияния. Многие чешские средства выражения после основательного изучения истории чешского литературного языка были реабилитированы. Большую роль в этом сыграли прежде всего два выдающихся языковеда Й. Зубатый и В. Эртл, возглавившие журнал "Naše řeč".

Несмотря на то, что Й. Зубатый во время своей инаугурации в качестве ректора в декабре 1919 г. произнес тревожную речь "*O úpadku našeho knižního jazyka*", однако в большинстве своих статей, опубликованных в журнале "Naše řec", он защищал языковые средства, изгоняемые пуристами из языка. Особенно отрицательно он относился к утверждениям пуристов о том, что слова, словосочетания и конструкции, заподозренные ими в немецком происхождении, являются "излишними" и что их можно заменить безупречными синонимами. Особенно резко обрушивался Й. Зубатый на дилетантский пуризм. Об этом свидетельствует, напр., его высказывание, относящееся к 1918 г.: "Jsou u nás oprávcové jazyka, kteří jazyk mrzačí svými výmysly, otravují jeho zdravého ducha způsoby mluvení, jimž prostý Čech ani nerozumí. Slyšeli nebo čtli, že ukazovací zájmeno bývá zbytečné, a učí je všude škrtati; slyšeli nebo čtli, že slovo *jeden* bývá zbytečné, a brzy budou učiti, že se má říkati *seděl* [místo *jeden seděl*], *druhý ležel*" [Zubatý 1918: 175].

Решающее значение для включения того или иного средства выражения в литературную норму для Й. Зубатого имел узус культивированной языковой коммуникации (впрочем, термин *узус* он не употреблял). Обращает на себя внимание его вера в целесообразность развития языка: "Jazyk sám, tj. tisíciletá práce duše a mluvícího ústrojí, jejímž ovocem je hotový jazyk, jest moudřejší než nejučenější filolog: natvořil si mnoho věcí, o kterých pak teprv filolog v potu tváři uvažuje, proč jsou" [Zubatý 1918: 172]. В ряде своих статей Й. Зубатый высказывался против искусственного оживления архаизмов, хотя он и признавал, что литературный язык есть и должен быть более консервативным, чем язык повседневного общения. Он считал, напр., неумной замену глагола *musit*, заимствованного чешским языком из немецкого, на архаичную конструкцию *jest mi* + инфинитив (напр., *musím jít – jest mi jíti*).

Что же касается языковых новшеств, то Зубатый их тщательно анализировал, прежде чем дать согласие на включение в литературную норму. Так, например, он критиковал новообразование *lhu* вм. *lžu*, отвергал генитив *ničeho* после глаголов с отри-

inslav

цанием (в старом языке сохранилась форма *nic*, например, *nemám nic*). Искусственным образованием он считал предлог *oproti čemu* (вм. *proti čemu*), выступил он против неологизма *obhajoba* и т.д. От пуристов Й. Зубатый унаследовал недоверие к прилагательным типа *bezdůvodný* (он призывал, например, заменять прилагательные *bezúčelný, bezvýminečný, bezvýsledný*). Как не нужное модное нововведение он охарактеризовал образование глаголов от прилагательных типа *zdůvěrnět, zpokornět, zrozpačitět* и т.д. За пуристами он следовал и отрицая новые слова с предложной функцией *pomocí, včetně čeho, vůči čemu*. Он осуждал как германизмы отсылочные слова *následující* и *ten samý* и т.д.

Более строгим противником пуризма был второй редактор журнала "Naše řeč" В. Эртл. О "брусичах" 70–90-х годов XIX в. он высказался: "Se skutečným bylím germanismů vyplela příliš horlivá ruka brusičů i mnohý poctivý a starý výraz český, někdy i původem starší než výraz německý, za jehož imitaci byl prohlašován (např. *co je to za člověka*), pro podezření z germanismu vyloučili z jazyka nejeden správný výraz, který se jim zdál vedle jiného výrazu nepodezřelého zbytečným, ač lepši znalec cítí mezi oběma patrný rozdíl (např. *více ne*, tj. 'už nikdy', a *už ne*)" [Ertl 1929: 35].

В. Эртл решительно выступал против включения в литературную норму диалектизмов, полагая, что ценнейшим достоинством литературного языка является его единство. Он был убежден, что литературные средства нельзя заменять на заимствованные из народных наречий, а уж тем более не из диалектов моравских и словацких.

Поскольку прежние критерии языковой правильности – отечественное происхождение языкового средства, его историческая преемственность, народный узус – себя не оправдали, В. Эртл пытался (в 1929 г.) найти критерии новые. И действительно, он нашел их в узусе так называемых хороших писателей. Ему принадлежит и определение, что представляет собой "хороший автор": "Rozumí se jím ne autor vynikajících hodnot uměleckých, nýbrž spisovatel, jehož jazyk jest tak čistý a správný, že může být vzorem a pramenem poučení všem, když se chtějí naučiti bezvadnému jazyku spisovnému" [Ertl 1929: 42].

Несмотря на то, что в целом В. Эртл придерживался антипуристской ориентации, тем не менее неприятие пуристов в отношении некоторых языковых средств и конструкций он все же разделял. Их перечень можно найти в книге Гебауера "Mluvnice česká pro školy střední…", издание которой он подготовил в 1924 г.

inslav

НОВАЯ ВОЛНА ПУРИЗМА В ПЕРИОД РЕДАКТИРОВАНИЯ Й. ГАЛЛЕРОМ ЖУРНАЛА "NAŠE ŘEČ"

В 1930 г. ответственным редактором журнала "Naše řeč" стал Й. Галлер, под руководством которого журнал, в сущности, возвратился к пуризму 70–90-х годов XIX в. Под влиянием пуристических настроений он упрекал ведущих представителей чешской культуры в языковых ошибках. Так, напр., Й. Галлер безжалостно раскритиковал в прессе тексты В. Незвала, "Мемуары" Й.С. Гута-Ярковского, эссе О. Фишера. Фр. Оберпфальцер-Илек предал анафеме "языковую небрежность" переводов В. Матезиуса. Й.В. Бечка обвинял в незнании литературного языка прозаика В. Кршку и т.д. И хотя публикацией статьи "Problém jazykové správnosti" (1930–1931) Й. Галлер присоединился к умеренной позиции Й. Зубатого и В. Эртла, тем не менее как языковой критик он разделял пуристические предубеждения прошлого столетия.

Подтверждением того, что он не сумел полностью освободиться от пуристического историзма при обосновании правильности языковых средств, служил, помимо прочего, его призыв к современным авторам, чтобы они были более осмотрительны при оценке слов и конструкций, не зафиксированных в XVI и начале XVII в. У Галлера мы находим и утверждение о том, что "lidová řeč je po stránce jazykové čistoty a svéráznosti mnohem zachovalejší než jazyk knižní", поэтому он рекомендовал, чтобы "чистота" литературного языка устанавливалась путем сравнения средств литературных и народных. Он ставил под сомнение критерии "хорошего автора", предложенные В. Эртлом, поскольку, по пуристическим меркам, и хорошие авторы допускают ошибки.

В качестве доказательства справедливости своего утверждения о том, что и видные писатели нарушают "чистоту" чешского языка, он приводил примеры германизмов, обнаруженных в их литературных текстах. Отметим сразу же, что по большей части это были германизмы мнимые, потому что те же языковые факты встречаются и в других европейских языках и, в первую очередь в средневековой латыни и французском языке. Так, напр., Галлер упрекал Й. Голечека в том, что он будто бы вслед за немецким прилагательным *unerschütterlich* употребил слово *neochvějný* в переносном значении 'neústupný, pevný'. Между тем такая семантическая подвижка встречается уже в классической латыни (*inconcussus*), распространена она и во французском (*inébranlable*). Я. Гербена он, например, отчитывал за употребле-

inslav

ние сложного прилагательного *úzkoprsý*, напомнившее Галлеру немецкий композитум *engbrüstig*. Хотя вполне вероятно, что импульсом для немецкого языка явился в этом случае французский язык, где имеется поговорка *être d' esprit étroit*.

Разумеется, в тех случаях, когда Галлер упрекал авторов в том, что они действительно употребляли германизмы, для него было не существенно, насколько они вошли в узус воспринимающего языка. Сошлемся здесь на компетентное суждение Я. Якубеца, высказанное им в 1893 г. по поводу искоренения германизмов: "celý proces s mnohými [germanismy] je v jazyce již vykonán; slova i uśloví s jazykem naším srostla již tak pevně, že by bylo marno proti nim bojovat. Znamenalo by to chtíti z těla odstraňovat výrůstky, které jsou sice následek jistého chorobného stavu, ale s tělem tak se spojily, že mu naprosto nepřekážejí... K operaci byl čas, dokud to byl průběh skutečně chorobný" [Цит. по: Naše řeč, 1, 1917: 11]. Поэтому, конечно, было неверно, что Й. Галлер определил как языковое прегрешение употребление Ал. Ирасеком прилагательного *přehnaný* (ср. немецкое *übertrieben*), которое уже стало частью повседневного чешского узуса, заполнив существующую лакуну в средствах выражения.

Если же собрать все запреты и указания, опубликованные Галлером в таких изданиях как *Naše řeč* и *Naše úřední čeština*, а также в других местах, то вышел бы довольно объемистый словарь. В большинстве случаев, вмешиваясь в литературный чешский язык, он опирался на "Брусы" 70–90-х годов XIX в., а также на ежегодные выпуски журнала "Naše řeč" (1–16 тома). Целью его языковой коррекции главным образом были явления синтаксиса и идиоматики.

Что касается синтаксиса, то он отрицательно относился к прилагательным, замещающим несогласованные определения, напр., *mluvidlové hnutí* вм. *hnutí mluvidel, úkonový průběh* вм. *průběh úkonu, příběhový článek* вм. *článek o příběhu* и т.д. Введение подобных ограничений в сфере словообразования, конечно, могло негативно сказаться на образовании терминов. Он считал "излишними и искусственными" адъективированные деепричастия прошедшего времени, напр., *spisovatelé v té době vystoupivší*. Негативно относился Галлер к образованию относительных наречий типа *valutově různé země, polohově obměňované verše*. Он рекомендовал употреблять страдательное причастие вместо наречий: *vešel rozrušeně do pokoje*, более правильным было бы *rozrušen*.

Галлер критически относился к вербономинальным словосочетаниям, которые, по его мнению, вносят в текст "чрезмерную

inslav

абстрактность", поэтому он рекомендовал их заменять глаголами: *nastalo vyjasnění situace* (будто бы лучше было *situace se vyjasnila* и тому подобное), *došlo k ujednání dohody* вм. *byla ujednána dohoda, provést hlasování o návrhu* вм. *hlasovat* и т.д.

Галлер отвергал как заимствование именную конструкцию с дополнением (*Odchovanec a stoupenec nových směrů, miloval vrcholné zjevy klasiky*), советуя употреблять в этих случаях деепричастие *jsa odchovancem*. Вместо конструкции с дополнением, включающей страдательное причастие (Галлер считал ее галлицизмом), он рекомендовал отдать предпочтение страдательному деепричастию: *Vyhnán už ze svého ráje vnitřního, byl teď Byron vypovídán také z vlasti*. По его мнению, будто бы было лучше *byv vyhnán..*; *Tento problém, takto vymezen, nepůsobí nesnází*, лучше было бы *jsa takto vymezen...*

Отстаивая, как и пуристы XIX в., тезис о том, что чешский язык избегает абстрактных средств, он заменял компактные существительные придаточными предложениями, например, *Po uslyšení této zprávy dav vypukl v jásot* (лучше было бы *když dav tuto zprávu uslyšel*); *Dělá to k uchránění své rodiny od bídy* (лучше было бы *dělá to (proto), aby svou rodinu uchránil od bídy*). Особенно советовал он устранять те компактные существительные, в которых автор использовал предложные слова типа *následkem, při příležitosti, v důsledku, v pádu, v případě, ve směru, v zájmu, za cenu, za příčinou, za účelem čeho*; очевидно, он считал эти слова германизмами, хотя на самом деле речь идет о типичных европеизмах.

Он ставил в вину авторам употребление не подходящих относительных предложений, усматривая в этом влияние французского языка. Например, вместо сложного предложения с относительным предложением *Stovka vojáků stačila na postrašení krále, který 6. června 1820 podepsal provolání* он рекомендовал сложносочиненное предложение ... *na postrašení krále a on podepsal provolání* и т.д.

В целом перечень лексических средств, искореняемых Галлером из-за их действительного или же мнимого немецкого происхождения, соответствует списку из третьего издания "Бруса", изданного Матицей. В некоторых случаях он этот перечень даже дополнил. Так, например, он отверг глаголы *doručit* (по типу *einhändigen*) и *prolistovat* (*durchblättern*), поставил под сомнение определение *úzký* в словосочетаниях типа *úzké styky* (*enge Beziehungen*). Галлер считал калькой идиом *hrát úlohu* (*Rolle spielen*). В несоответствии чешскому языку он обвинил множество других слов и словосочетаний.

inslav

Как и пуристы XIX в. Й. Галлер преследовал сложные слова. Вместо *hornolužičtina* он требовал употреблять *horní lužičtina*, слово *dřevoprůmysl* он охарактеризовал как "безобразное составное слово", осудил он прилагательное *ohleduplný* и как грубый германизм отверг наречие *každopádně*.

АНТИПУРИСТИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ В ПРАЖСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ КРУЖКЕ В 1932 г.

Пуристическая практика журнала "Naše řeč" начала 30-х годов XX в. вызвала протест чешских писателей и авторов научных и научно-популярных публикаций, причем не только тех из них, язык и стиль которых подвергся уничтожающей критике педантов. Против новой, чаще всего дилетантской, "шлифовки" чешского языка резко выступили и видные чешские языковеды, объединенные, начиная с 1926 г., в Пражском лингвистическом кружке. Это были прежде всего В. Матезиус, Б. Гавранек и М. Вайнгарт. К ним присоединился русский лингвист Р. Якобсон и теоретик литературы Я. Мукаржовский. По инициативе этих филологов в первой половине 1932 г. Пражский лингвистический кружок провел цикл лекций о языковой культуре, вызвавший большой интерес общественности. В. Матезиус говорил о принципе гибкой стабильности в литературном языке, Б. Гавранек – о различных функциях литературного языка, а также о принципах современной языковой культуры, Р. Якобсон – о вреде, нанесенном пуризмом языковой культуре, Я. Мукаржовский – о праве художественной литературы на актуализацию языка, наконец, М. Вайнгарт затронул проблему звуковой культуры литературного чешского языка. Впоследствии лекции были изданы в виде сборника "Spisovná čeština a jazyková kultura", в который было включено и изложение совместной позиции членов Пражского лингвистического кружка по поводу культуры литературного языка (основная часть этого текста была написана Гавранеком).

Авторы сборника понимали задачи дискуссии шире, чем просто критику чешских "брусичей", негативно повлиявшую на развитие литературного языка, особенно в период с 1870 по 1890 г. и затем снова в начале 20-х годов XX в. Своей главной задачей пражские структуралисты, поддерживаемые и большинством лингвистов из других городов, например, лингвистом Фр. Травничеком из Брно, считали разработку принципов культуры языка,

inslav

а также основ функциональной стилистики. Это повлекло за собой возникновение принципиальных разногласий с традиционным чешским пуризмом, который из-за своего историзма тормозил развитие литературного языка, изолировал чешский язык от европейского культурного процесса. Не учитывали пуристы и разнообразие коммуникативных функций литературного языка.

Благодаря выступлению структуралистов в 1932 г. было покончено с пуризмом как принципом чешской языковой культуры. Журнал "Naše řeč" еще какое-то время продолжал традиции пуристов, однако под давлением общественности он все же постепенно воспринял новые принципы языковой культуры. Так что, если после 1932 г. и появлялись пуристические статьи и публикации, они оставались за пределами основного направления развития языковой культуры. Это касается как незавершенной рукописи Галлера "Rukověť mateřského jazyka I". 1940 г., так и двух попыток возродить пуризм после второй мировой войны – к ним относится перечень "грехов, допущенных по отношению к нашему дорогому родному языку" под названием "Nikoli ..., nýbrž", изданный Антонином Оправилом в 1945 г., а также написанная В. Мюллером в 1946 г. "Rukověť správné češtiny".

На анализе отдельных слов, словосочетаний и конструкций, отвергаемых пуристами, пражские структуралисты показали, что по большей части это не германизмы, а европеизмы, подтверждающие культурную общность Европы. Впрочем, о том, что эти явления вполне прижились в литературном чешском языке, убеждал своих читателей еще Й. Дурдик в своей "Kalilogii" (1873): "Obraty, které shledáme ve všech jazycích vyvinutějších, tedy zejména v německém, francouzském, anglickém, které mimoto v českém znění jsou pěkné, srozumitelné a nevyhnutelně potřebné, mají své právo; nevylučujeme jich, nechť by starší spisovatelé jich nebyli užívali" [Durdík 1873: 19].

Выступая в антипуристической дискуссии 1932 г., Б. Гавранек подчеркнул определенную конвергентность европейских литературных языков. Некоторые примеры европеизмов, ошибочно отнесенные чешскими пуристами к германизмам, привел в своей статье "O dnešním brusičství českém" Р. Якобсон. Назовем хотя бы слово *řada* из-за его столь удобной неопределенности значения или же глагол *listovat* – оба слова имеют эквиваленты в ряде европейских языков.

Какие же принципы культуры литературного языка были сформулированы пражской лингвистической школой?

inslav

1. Культивирование литературного языка должно основываться на изучении современного языкового узуса в интеллектуальной коммуникации. При установлении критерия языковой правильности нельзя исходить ни из ранних этапов истории литературного языка, ни из произвольно выбранных диалектов. Это означает, что языковую культуру нужно рассматривать с синхронной точки зрения.

2. Учитывая то, что язык представляет собой целостную систему, нельзя ни одно языковое явление оценивать изолированно, в отрыве от его отношения к остальным компонентам языковой системы. Таким образом, языковая культура должна базироваться на системном подходе.

3. При установлении правильности и уместности использования языковых средств необходимо принимать во внимание многообразие коммуникативных функций, поскольку именно они предъявляют к языковой системе различные требования. Необходимо стремиться к тому, чтобы отбор языковых средств соответствовал данной коммуникативной функции. Этот критерий можно определить как критерий функциональный.

4. Критерий языковой "чистоты" в ее историческом понимании в языковой культуре имеет второстепенное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Auty R. The Role of Purism in the Development of the Slavonic Literary Languages // Slavonic and East European Review. 1973. 51.

Auty R. Language and Nationality in East European Review. 1979. 51.

Bačkovský Fr. Nové výzkumy a návrhy v příčině české mluvnice. Přídavkem k "Brusu matičnímu". Praha, 1885.

Bačkovský Fr. Mluvnické rozpravy k užitku všem, kdo jakkoliv obírají se mluvnicí českou, vůbec a brusičům zvláště. Král. Vinohrady, 1889.

Bačkovský Fr. Oprávce poklésků mluvnických neboli Brus jazyka českeho. 4 vyd. Praha,1894.

Bartoš Fr. Rukověť správné češtiny. 1 vyd. Telč, 1891.

Bartoš Fr. Několik slov o broušeni jazyka českého // Rukověť správné češtiny. 2 vyd. Telč, 1893.

Bartoš Fr. Nová rukověť správné češtiny. Telč, 1901.

Bečka J.V. Vyjadřování slovesné a jmenné // První hovory o českém jazyce. 3 vyd. Praha, 1946.

Brus jazyka českého. 1 vyd. Praha, 1877.

Brus jazyka českého. 2 vyd. Praha, 1881.

Brus jazyka českého. 3 vyd. Praha, 1894.

Cuřín Fr., Novotný J. Vývojové tendence současné spisovné češtiny a kultura jazyka. Praha, 1974.

inslav

Dobrovský J. Die Bildsamkeit der slawischen Sprache an der Bildung der Substantive und Adjektive in der bömischen Sprache dargestellt. Praha, 1799.

Dobrovský J. Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Praha, 1809.

Dobrovský J. Výbor z díla. Praha, 1953.

Durdík J. Kalilogie čili o výslovnosti. Praha, 1873.

Engelhardt G. Český a německý purismus z konce 19. stol. // Naše řeč. 2001. 84.

Ertl V. O germanismech a Dobrý autor // Časové úvahy o naší mateřštině. Praha, 1929.

Gebauer J. Šetřme jazyka spisovného // Kalendář učitelstva československého na rok 1893. Praha, 1892.

Gebauer J. Některé novoty v češtině spisovné // Listy filologické. 1894. 21.

Gebauer J., Ertl V. Mluvnice česká pro školy a ústavy učitelské. 8 vyd. Praha, 1924.

Haller J. Problém jazykové správnosti // Výroční zpráva Českého stát. reformního reál. gymnázia v Ústí n. L., 1929–1930; 1930–1931.

Haller J. Spisovný jazyk český // Slovanské spisovné jazyky v době přítomné. Praha, 1937.

Hattala M. Brus jazyka českého. Praha, 1877.

Havránek B. Příspěvek k tvoření slov ve spisovných jazycích slovanských (Adjektiva s významem latinských adjektiv na *-bilis*) // Slavia 7, 1928–1929 (= Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963).

Havránek B. Ukoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1932 (= Studie).

Havránek B. Vývoj spisovného jazyka // Československá jazykověda. R. II. Praha, 1936.

Havránek B. Zásady Pražského lingvistického kroužku a nová kodifikace spisovné češtiny // Slovo a slovesnost 10. 1947–1948.

Jakobson R. O dnešním brusičství českém // Spisovná čeština a jazyková kultura. 1932.

Jakubec J. Gebauer brusičem // Naše řeč. 1917. 1.

Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1974.

Jelínek M. O českém purismu // Přednášky ve XIV běhu Letní školy slovanských studií v r. 1970. Praha, 1971.

Jelínek M. Český jazykový purismus a jeho překonání // Přednášky a besedy z XXVII. běhu Letní školy slovanských studií. Brno, 1994.

Jelínek M. Puristické tažení proti kompozitům // Slovo (PedF. MU). Č. 4 Brno, 1997.

Jelínek M. Tažení českých puristů proti novým výrazům s předložkovou funkcí // Sborník prací Filozofické fakulty Ostravské univerzity – Jazykověda 3, Ostrava, 1999.

Jelínek M. Der Purismus in der Entwicklung der tschechischen Schriftsprache im 19. und 20. Jahrhundert // Deutsch-tschechische Sprachbeziehungen. Regensburg, 2000.

Jungmann J. Slovesnost aneb Sbírka příkladů s krátkým pojednáním o slohu. Praha, 1820.

Jungmann J. Slovesnost aneb Nauka o výmluvnosti prozaické, básnické i řečnické. 2 vyd. Praha, 1845.

Kroupová L. Sekundární předložky v současné spisovné češtině. Praha, 1985.

Mikeš Fr.O. Strážce jazyka českého. Praha, 1872.

Schroeder O. Vom papiernen Stil. Berlin, 1889.

Spisovná čeština a jazyková kultura. Uspořádali B. Havránek a M. Weingart. Praha, 1932.

Stich A. Česká spisovnost a nespisovnost – kořeny a přítomnost // Spisovná čeština a jazyková kultura. Praha, 1993.

inslav

Ševčík O. [= *Jelínek M.*] Český jazykový purismus z hlediska funkční teorie spisovného jazyka // Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity – Řada jazykovědná 22/23. 1974–1975.

Thomas G. The relationship between Slavic nationalism and linguistic purism // Canadian Review of Studies in Nationalism. 16. 1989.

Thomas G. Linguistic purism. London; New York, 1991.

Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // Revue des études slaves 12. 1932.

Vorovka K. Strážce jazyka. Slovníček gramaticko-frazeologický, jenž jest zároveň brusem jazyka českého. Praha, 1896.

Weingart M. O zásadách jazykového brusičství a O germanismech // Český jazyk v přítomnosti. Praha, 1934.

Wustmann G. Allerhand Sprachdummheiten. 2. Aufgabe. Leipzig, 1896.

Zubatý J. Jeden // Naše řeč. 1918. 2.

Zubatý J. O úpadku našeho knižního jazyka (Z instalační řeči rektorské ze dne 3. prosince 1919) // Naše řeč. 1920. 4.

Перевод Г. Нещименко

О. Мюллерова

(Чехия)

ДИНАМИКА ЛИТЕРАТУРНОГО И ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОГО ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА В НЕКОТОРЫХ ТИПАХ ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ[1]

Многие из чешских лингвистов и зарубежных богемистов пытались разобраться в довольно интересной и сложной чешской языковой ситуации, создав некую модель, которая могла бы служить ее адекватным отражением. В наши задачи не входит создание еще одной такой модели. Мы постараемся на материале различных текстов продемонстрировать явление, столь характерное для современного чешского языка, а именно: показать смешение литературных и нелитературных элементов, выявить его возможные причины и коммуникативную значимость[2].

---

[1] Статья написана в рамках проекта 405/03/0133, поддержанного Агентством по грантам Академии наук Чешской республики.

[2] Настоящая статья опирается на более раннюю нашу статью [J. Hoffmannová, O. Müllerová 1994].

inslav

Чередование, смешение, переключение различных кодов считается универсальным языковым и коммуникативным явлением [ср.: Ramat 1995]. Чаще всего для его обозначения используется английский термин code-switching, а также термины code shifting, code fluctuation, style shifting [ср.: Auer 1976; 1990]. При этом имеется в виду переключение как с одного языка на другой (безотносительно к тому, идет ли речь о языках типологически отдаленных или же генетически близких, но впоследствии разошедшихся), так и с литературного языка на более или менее близкий диалект и наоборот. Проблематика code-switching связана с проблематикой билингвизма, вместе с тем она затрагивает и отношения литературного языка и диалектов. Так, А. Рамат [Ramat 1995] определяет итальянцев, владеющих литературным итальянским языком и некоторым из итальянских диалектов, как билингвов. Очевидно, здесь играет роль степень различия обоих кодов, поскольку та же А. Рамат ссылается на некоторые немецкие работы, авторы которых квалифицируют различия между южно-немецкими диалектами и литературным немецким языком не как отличие двух самостоятельных систем, а как явления, находящиеся в едином континууме речевых форм. Что же касается чешской языковой ситуации, то в ней понятие code-switching может означать как переключение с литературного чешского языка на обиходно-разговорный (или же диалект), так и чередование литературных и нелитературных форм и слов в одних и тех же текстах.

Одна из характерных особенностей чешского языка состоит в том, что различия между литературным и нелитературным чешским языком (обиходно-разговорным и диалектным) хотя и достаточно очевидны, тем не менее в целом между обоими вариантами все же больше сходства, чем различий. Это значит, что в текстах всегда есть "нейтральные" места, в которых не обнаруживаются какие-либо различия. Это "двойное" использование чешского языка обозначается термином диглоссия [ср. по этому поводу: Daneš 1988].

Напомним кратко некоторые исходные посылки интерпретации чешской языковой ситуации. До недавнего времени наиболее распространенной и наиболее значимой была стратификационная модель строения чешского языка. В составе этой модели самое высокое иерархическое положение занимает литературный язык как общенациональная форма, обладающая престижными коммуникативными функциями. Ему противостоят, по мнению ряда

inslav

авторов [ср., например, Chloupek 1974], традиционные территориальные диалекты, в числе которых находятся и региональные интердиалекты, включая феномен *obecná čeština*[3]. Другие авторы [например, Sgall – Hronek 1992; 1996; Sgall 1994] идиом *obecná čeština* выделяют из территориальных диалектов, противопоставляют его литературному чешскому языку, приписывая ему все более возрастающую коммуникативную значимость. С точки зрения этих ученых, чешский язык имеет две основные формы существования: литературный чешский язык и феномен *obecná čeština*. Что же касается традиционных территориальных диалектов, то их выводят на периферию стратификационной организации языка. Большинство чешских богемистов сомневаются в правомерности вычленения феномена *hovorová čeština* как одной из структурных разновидностей чешского языка.

Исследователи единодушно полагают, что реальное состояние коммуникации на чешском языке не соответствует представлению об упорядоченной системе языковых средств, полагая, что использование стратификационной модели препятствует адекватному описанию коммуникации [ср.: Kořenský 1984]. В этом же духе высказывается и А. Рамат [ср.: Ramat 1995], полагающая, что выбор между языками или же языковыми вариетами в большей степени обусловливается социальными и психологическими, чем внутриязыковыми факторами. Иными словами, она придерживается той точки зрения, что социолингвистический подход здесь более уместен, чем структурный и грамматический.

К описанию использования чешского языка можно подходить и иначе, т.е. исходить не из форм существования национального языка, не имеющих к тому же четкой дифференциации, а опираться на данные анализа широкого спектра коммуникативных (микро)ситуаций, пытаясь установить, как "выглядит" чешский язык в реальной коммуникации.

Подобный подход позволяет получить необычайно интересную и во многих отношениях неожиданную картину современной коммуникации. Результаты анализа подтверждают правомерность высказываемых сомнений об однозначно доминирующем положении литературного чешского языка [ср.: Müllerová–

[3] Примечание переводчика: феномен *obecná čeština* является старейшим, наиболее консолидированным интердиалектом, городским койне Праги. Он обслуживает всю территорию Чехии, без большей части Моравии. Из всех разговорных идиомов он имеет наиболее широкую сферу функционального использования.

inslav

Schneiderová 1988; Müllerová–Hoffmannová–Schneiderová 1992]. Другой вопрос, как в дальнейшем обобщить результаты мозаичного описания употребления чешского языка.

Компромиссной в этом отношении является коммуникативная модель этнического (национального) языка, представленная в монографии Г. Нещименко [Нещименко 1999; 2003]. Автор исходит из того, что всю коммуникацию можно расчленить на две (в определенной степени взаимопроницаемые) области (коммуникативные ареалы). Первая область – это коммуникация официальная (и полуофициальная) публичная и (полупубличная), основной чертой которой является отсутствие между коммуникантами непринужденных спонтанных отношений, при наличии различных психологических барьеров – именно здесь чаще всего отмечаются монологические высказывания. Вторая область манифестируется непринужденным (повседневным) общением. Это коммуникация неофициальная, непубличная, обычно диалогическая, сопровождаемая непосредственным контактом участников при значительном подключении невербальных средств.

Важным компонентом официального и публичного общения является регулирование речевого поведения посредством или самоконтроля, т.е. контроля за своим собственным речевым поведением, или внешнего контроля (путем редактирования, внесения исправлений и пр.). При непринужденном спонтанном общении говорящий либо вообще не регулирует свое речевое поведение, либо регулирует его очень незначительно.

Доминирующим идиомом в официальной публичной коммуникации является литературный язык; при непринужденной спонтанной коммуникации эту роль выполняет нелитературный вариант (в чешских условиях это *obecná čeština* или же некоторый территориальный диалект).

Следует отметить, что для полноценной и успешной коммуникации во всех языковых ситуациях (при известном упрощении их можно отнести либо к официальной, публичной, либо к непринужденной, повседневной области коммуникации) пользователь чешского языка должен владеть как литературным языком, так и одним из его нелитературных вариантов. Это означает, что он должен быть диглоссным, уметь соответственно ориентироваться в любой коммуникативной ситуации с тем, чтобы сообразно ситуации пользоваться или литературным, или же нелитературным кодом. Составной частью его коммуникативной компетенции должна быть способность диглоссной дистрибуции [ср.: Ramat 1995].

inslav

Как уже говорилось, между областью высказываний официальных публичных (полуофициальных полупубличных) и высказываниями непринужденными повседневными отсутствует четкая граница, поэтому существуют типы коммуникативных ситуаций, в которых говорят как литературно, так и не литературно в зависимости от коммуникативных факторов и особенно от идиолекта индивидуума. Так, например, при совершении покупок можно услышать как неформальный нелитературный чешский язык, так и литературную речь продавца и покупателя. В строго определенных публичных и особенно официальных высказываниях (телевизионные новости, торжественные выступления, профессиональные лекции и т.п.) немаркированным является лишь литературный чешский язык и, напротив, нелитературные высказывания будут восприниматься в этой ситуации как знак плохого образования, неумения себя вести и т.п. Дома же, в частном, интимном общении использование литературного чешского языка будет не только признаковым, но и в определенной ситуации даже неуместным.

Таким образом, говорящий должен хорошо ориентироваться в любой ситуации и в соответствии с ситуацией, а также со своим коммуникативным намерением выбирать тот или иной код. Эта постоянная "оценка" ситуации, а также целенаправленное переключение с литературного чешского языка на нелитературный и наоборот для индивидуума, говорящего по-чешски, может быть порой обременительным, вместе с тем, однако, это может служить и средством выражения оттенков иронии, шутки, сохранения дистанции и т.д.

Динамика отношений между литературным чешским языком и одним из его нелитературных вариантов проявляется также и на другом уровне, т.е. непосредственно при создании текста. Как показал проведенный нами анализ устных высказываний, зафиксированных в различных коммуникативных ситуациях, за небольшим исключением отсутствуют тексты, имеющие только литературный характер, т.е. не включающие хотя бы отдельные нелитературные фонетические и морфологические формы. Соответственно нет и текстов полностью нелитературных, т.е. не включающих хотя бы отдельные формы и слова из литературного языка. Даже в тексте, который в целом производит впечатление литературного, могут встретиться и нелитературные компоненты и наоборот. Мы отдаем себе отчет в том, что дифференциация текстов на "в целом литературные или же в целом нелитературные" является расплывчатой и что для ее

inslav

уточнения необходимо провести дополнительное статистическое и социально-психологическое исследование. В отношении этих случаев Г. Нещименко [Нещименко 1999; 2003] использует понятие "смешанные тексты". Можно лишь согласиться с ее утверждением, что это универсальное явление в современной чешской коммуникации. В этом отношении особенно примечательны тексты, зафиксированные в ситуации непринужденного повседневного общения.

Возникает вопрос, каковы причины этого явления? Очевидно, что ответ на этот вопрос следует искать в прошлом, в развитии чешского языка, результатом которого явилось возникновение значительной дистанции между чешским языком литературным и нелитературным, отличающей его, например, от русского или же польского языков [ср.: Нещименко 1999; 2003].

В публичных официальных высказываниях литературный чешский язык воспринимается как престижный, более высокий тип речи. Учитывая это, многие стремятся к этому или же полагают, что к этому следует стремиться. Для любого индивидуума важно, в какой степени он способен говорить литературно, устраивает ли его чисто литературное "говорение", не чувствует ли он себя этим слишком связанным в своем естественном речевом проявлении. Конечно, есть лица, которые отказываются говорить полностью литературно. Мало того, все время возрастает численность людей, которым безразлична разница между литературной и нелитературной речью, они смешивают литературные и нелитературные формы без всяких правил, чисто случайно. Разумеется, нет необходимости в каждом употреблении нелитературной формы в литературном контексте и наоборот усматривать какой-то умысел или какую-то специфическую функцию. Встречаются и такие лица, которые на публике и в официальных ситуациях принципиально говорят нелитературно. Здесь может играть роль специфика подхода и оценки как адресатов, так и слушателей. Иногда устное литературное высказывание воспринимается буквально как симптом неестественности поведения, заносчивости и т.п. И, наоборот, нелитературные элементы в речи оратора или же модератора в средствах массовой информации одними участниками коммуникации могут восприниматься как позитивное контактное средство, а у других, наоборот, это может вызывать осуждение. Спектр отношения пользователей чешского языка к литературной и нелитературной речи является весьма разнообразным, это, несомненно, может стать темой для боль-

inslav

шого социолингвистического и психолингвистического исследования[4].

Характер речевого поведения индивидуума в публичной ситуации определяется действием множества социально-психологических факторов. Мало того, наличие потенциальной вариативности форм некоторых чешских слов может ставить говорящего в трудные условия постоянного выбора, когда ему приходится решать, как и что следует сказать. Многое зависит и от того, насколько точно улавливает индивидуум различия между вариативными формами чешского языка, воспринимает ли он литературные формы как более высоко ранжированные (официальное, публичное, престижное высказывание) и, напротив, нелитературные – как сниженные, неофициальные, доверительные, частные.

В ситуации повседневного спонтанного общения дилемма выбора между литературными и нелитературными формами уже не столь существенна. Говорящий свободно употребляет нелитературный идиом чешского языка, являющийся составной частью его идиолекта. Что же касается литературных слов или же их форм, то он их использует либо цитатно, либо с каким-то определенным намерением.

Смешение литературных и нелитературных форм наблюдается и в отдельных высказываниях. В них по соседству друг с другом одно и тоже слово и одна и та же форма могут находиться как в литературном, так и нелитературном обличье. Очень часто именно это и происходит, например, с предлогом *o* или же личным местоимением *on*, которые могут употребляться как в литературной, так и в нелитературной огласовке: *vo, von* (из идиома *obecná čeština*): *včera si mi* ***o*** *tom říkal / no přece* ***vo*** *tom zájezdu;* ***ona*** *předčila očekávání* ***vona*** *je taková*. Причины подобного смешения, а также его мотивацию исследовали Л. Гаммерова [Hammer 1985; 1993], Ф. Данеш [Daneš 1986], О. Мюллерова [Müllerová 1991], Я. Гоффманнова и О. Мюллерова [Hoffmannová, Müllerová 1994; чешская

[4] Проводя социолингвистический анализ, богемистка Л. Байерова [Bayerová 2003] поставила перед собой задачу сопоставить отношение к феномену *obecná čeština* и литературному чешскому языку группы пользователей чешского языка из Праги и западной Чехии. В частности, ее интересовало, как в формальных и неформальных высказываниях используются формы этих идиомов. Помимо имеющихся в ее работе конкретных наблюдений за употреблением этих разновидностей чешского языка, она предложила и методы, с помощью которых можно изучать сложную языковую ситуацию чешского языка.

inslav

версия 1999; Müllerová, Hoffmannová 2000a; 2000b; Müllerová, Hoffmannová 2001]. Можно привести и другие случаи, когда отчетливая мотивация отсутствует и когда для говорящего этот способ речи стал уже привычным, естественным, неосознаваемым.

Рассмотрим ниже некоторые тексты из области публичной коммуникации. При этом мы постараемся установить, происходит ли в них смешение литературных и нелитературных форм чисто случайно или же за этим стоит некоторая мотивация.

ПЕРЕДАЧИ ПО РАДИО

Здесь следует разграничивать государственное вещание и вещание частных радиостанций. Для вещания государственного чешского радио характерно предпочтительное использование литературного языка. Это позволяет делать передачи более нейтральными в эмоциональном отношении, обеспечивает высокий уровень их языковой культуры. Сказанное соответствует добрым традициям чешского государственного радиовещания, которое отличают солидность, серьезность, осознание значимости своей деятельности, стремление к объективности, уважение традиций, ответственность за сообщаемую информацию. Многое, разумеется, зависит от жанра передачи. Так, зачитываемые по радио новости и комментарии написаны на литературном языке. Передачи, посвященные практическим советам (например, садоводам), по своей стилистике являются более живыми, в них чаще отмечается диалогизация текста, сопровождаемая включением, помимо элементов разговорного синтаксиса, также некоторых разговорных или нелитературных форм. Что касается развлекательно-информационных программ, то они в языковом отношении не однородны, т.е. могут быть как чисто литературными, так и иногда – особенно на фоне общего языкового уровня государственного вещания – даже провокационно нелитературными, вызывая критику радиослушателей. Впрочем, в эфире государственного радио подобное случается довольно редко.

Дискуссии и беседы с интересными людьми с точки зрения соблюдения в них литературной нормы также не однородны: все зависит от индивидуальных привычек, а также от намерения участников этих передач придерживаться либо литературной нормы, либо разговорного кода. В ряде случаев, причем это наблюдается все чаще, отмечается неосознанное, произвольное смешение литературных и нелитературных форм.

inslav

Модераторы и журналисты чешского радио стараются всегда говорить литературно: ощущая себя представителями своего учреждения, они считают своей профессиональной обязанностью умение создавать качественный литературный текст. Именно это является для них престижным, именно такого речевого поведения ожидает от них и общественность. Несоблюдение модераторами литературной нормы могло бы восприниматься как проявление непрофессионализма.

Исключение составляют репортажи с места событий, когда журналист может употребить разговорную или же нелитературную форму, реагируя на "нелитературную" реплику ребенка, пожилого человека и т.д. Подобное использование нелитературных форм в этом случае является функциональным, оно обусловлено стремлением найти общий язык с собеседником, войти в его положение, создать дружескую атмосферу.

Вещание частных радиостанций, хотя они и отличаются друг от друга, также относится к публичной коммуникации, однако в их задачи входит создание атмосферы неформального, даже частного общения. Отличительной особенностью этого вида вещания является стремление дистанцироваться от официальных норм, придать характер доверительности общению с (незнакомыми) радиослушателями, завоевать их доверие всеми возможными способами, создать атмосферу оптимизма, искренности, непринужденности, легкости. Все это создает предпосылки для смешения литературных и нелитературных форм в речи модераторов. Последние в большинстве случаев не регулируют свою речь, а подчиняют ее цели вещания: развлечь и развеселить радиослушателя, что-нибудь ему предложить или даже навязать. В отличие от литературных форм нелитературные или же комбинация литературных и нелитературных форм лучше подходят для реализации этих намерений. В результате этого речь модераторов становится очень пестрой. Здесь встречаются высказывания полностью нелитературные (*von je zvyklej na pohodlí; von sebou mrsknul*); полностью литературные (*očekáváme to dobré / kdo by očekával něco špatného*); высказывания, в которых смешиваются литературные и нелитературные формы (*mám připravený některý takový drby a všechny tyhle věci sou dobré pro to ...; tančit nahý jojoj to by mohlo být zajímavý*); высказывания, в которых фонетическая и морфологическая литературность комбинируется с нелитературностью лексической (*už si to hasíme do nového roku; už si to pomalu hasíme ke dvanácté hodiné; můžě to být propadák*). Приме-

inslav

чательно, что, разговаривая по телефону с молодыми радиослушателями, ведущая довольно часто употребляет нелитературные формы (*Lucko / **seš** doma protože **seš** nemocná? ... aspoň **si vodpočinutá***). В речи журналистки, регулярно информирующей радиослушателей о транспортной загруженности пражских улиц по телефону из машины, появляются литературные формы (*právě projížd**ím** magistrálou a provoz je zde opravdu hust**ý***). Преимущественно на литературном языке передаются на этих станциях новости, однако здесь они гораздо короче, чем на государственном канале. Мало того, в соответствии с общей тональностью вещания частных радиостанций они также преподносятся в развлекательной и облегченной форме (*chudáci poslanci se snad uhlasují; pětadvacet českých peněz*). Впрочем, развлекательность и облегченность, разумеется, не сводится лишь к использованию нелитературных средств.

ПУБЛИЧНЫЕ СОБРАНИЯ

Мы имеем в виду собрания, популярные лекции, торжественные, а также регулярные собрания членов различных обществ, кружков по интересам, публичное обсуждение с гражданами различных вопросов. Степень использования на них литературных и нелитературных форм зависит от цели собрания, атмосферы обсуждения, от заинтересованности присутствующих, от степени официальности организуемого мероприятия и наконец от языковой и коммуникативной компетентности тех или иных выступающих, их речевых навыков.

Мы провели сравнение четырех публичных собраний: общего собрания одного из отделений чешской организации “Сокол”; популярной лекции представителя горно-спасательной службы для отдыхающих в горах зимой; торжественного собрания, проводимого окружным военным управлением для мужчин, достигших возраста ухода в отставку; публичного собрания граждан, на котором обсуждался вопрос о возможности строительства хранилища отработанного ядерного топлива вблизи их поселка.

Поскольку речь шла о публичных выступлениях более или менее официального характера, адресованных более или менее широкой слушательской аудитории, можно было ожидать, что на всех этих собраниях будет преобладать литературный чешский язык. На деле же оказалось, что во всех выступлениях фрагменты литературные и нелитературные, равно как и литературные и

inslav

нелитературные формы, чередуются так же, как это обычно происходит в большинстве устных текстов на чешском языке.

Как это ни парадоксально, но наименее литературно говорили на торжественном собрании в зале здания военного управления. Его представитель, выступивший в роли главного оратора, был явно не в ладах с литературным языком, который, казалось бы, в этом случае был наиболее уместен. У него отсутствовало даже элементарное представление об основных принципах построения культурной речи. Включения из идиома *obecná čeština* в совокупности с неумелыми формулировками, словами-паразитами и т.д. превращали его речь, задуманную изначально как торжественное выступление, в растерянную и развязную болтовню. В развернувшейся после официальной части свободной дискуссии литературный язык также в целом не использовался, ее участники рассказывали как о своем собственном опыте службы в армии, так и о положении в армии вообще. Использование нелитературного варианта чешского языка в этой ситуации, разумеется, было вполне допустимо, так как выступления армейских ветеранов были полностью лишены официальности. Их речь скорее напоминала разговор соседей или же случайное общение пожилых людей. Незначительные отличия в речи выступающих обусловливались их собственными идиолектами – так, в речи пожилых людей с высшим образованием, имеющих интеллектуальную профессию, было зарегистрировано больше литературных форм.

В тексте лекции представителя горно-спасательной службы, предназначавшейся людям, намеревающимся провести свой отпуск в домиках, расположенных в горах (она сопровождалась показом диапозитивов), литературные формы хотя и преобладали, однако, наряду с ними, были представлены и многочисленные нелитературные формы. Этот текст можно идентифицировать как полупубличное неофициальное выступление специалиста, который стремится не только наставить своих непросвещенных слушателей, но одновременно и привлечь их, описывая природу, а также свои собственные впечатления. В этом выступлении, наряду со специальными терминами, обусловленными спецификой деятельности горно-спасательной службы, и в описании лесного пейзажа Орлицких гор представлено множество литературных форм (*ten vrtulník má to samé spojení na frekvenci té nemocnuce / tak máme přímé spojení s ní / a navíc sme dostali nové vysílačky / není to ještě hotové; tady je Luisino údolí / je tam několik pěkn**ých** chaloupek /*

inslav

opravdu moc pěkné; k té velké Deštné / chci říci když sou dobré snehové podmínky / tak ten výstup z toho zákoutí se dá ošidit vlekem na tuto výškovou úroveň). Более многочисленными являются нелитературные формы в контактных высказываниях (*bude záležet na vás **jesi** chcete vědět víc vo tý horský službě nebo vo naší oblasti / budete se **moct** ptát; a pod Anenským je ta pevnost Hanička / **jesi** ste vo ní něco slyšeli*). Опираясь на опыт предыдущих лекций подобного рода, он пришел к выводу о том, что в ситуации по сути частного общения наиболее уместен непринужденный тон. Это повышает уверенность лектора в себе, в своем профессионализме, делает его поведение более естественным.

Одно из регулярных общих собраний отделения чешской общины Сокола носит официальный характер, на нем дается оценка деятельности этой организации, объединяющей людей с общими интересами. Собрание отличается четкой организационной структурой и отработанным ритуалом проведения. Отдельные ораторы – функционеры – выступают от имени своей организации, поэтому их речь во многом состоит из формулировок, повторяющихся на каждом собрании (*dovolte / abych poděkoval všem sokolům a sokolkám za jejich práci v minulém roce a za aktivní přístup k práci ... děkuji bratru Bartůňkovi za přednesení zprávy o činnosti ... nyní prosím bratra Nováka / aby vám přednesl zprávu ekonomickou*). Меняются лишь разделяющие эти пассажи фрагменты. Публика в зале, представители отдельных гимнастических отрядов Сокола, привыкли к этому ритуалу, поэтому в течение всего времени они ведут себя в основном пассивно. Заорганизованность, официальность, привычность ритуала в совокупности с укоренившейся в сознании старых членов Сокола дисциплинированностью – все это создает предпосылки для употребления литературного чешского языка. Этому способствует и все еще сохраняющийся патриотизм членов Сокола, их эмоциональная приверженность к правильному (литературному) чешскому языку. Речь идет о том поколении пользователей чешского языка, для которого важнее всего литературность речи, поэтому отступления от литературной нормы для них являются неприемлемыми (*vstřícnost bratra starosty je velice velká ...až si prohlédnete ty prapory tak mi dáte za pravdu / že estetický ale i sokolský dojem z těch praporů je hezký*). Впрочем, изначальное предположение о соблюдении всеми ораторами литературной нормы не всегда подтверждается. И в этом случае примарным фактором по-прежнему является идиолект выступающих, уровень владения ими литературным и

inslav

нелитературным вариантами чешского языка. Тот, кто способен свободно говорить публично на литературном языке, отдает предпочтение в этой ситуации главным образом литературным формам. Тот же, кто пассивно владеет литературным чешским языком, не прибегает к нему, говоря не литературно, т.е. так, как изъясняются в ситуации частного, непубличного общения (*sokolové se* ***vždycky*** *chovali slušně a proto bych vás* ***o*** *to poprosil ... pro***sim** *vás nezlobte se a* ***můžu*** *vám říct že výbor čé ó es je úplně ukecanej / to je* ***dycky*** *hrozný / voni nemaji a nemaji žádnou kázeň*).

Публичное собрание противоположной направленности, посвященное вопросам экологии, в языковом отношении наиболее интересно. Оно проходило в одном из поселков на Чешскоморавской высочине, поблизости от которого предполагается сооружение хранилища для отработанного ядерного топлива. В обсуждении этого чрезвычайно жгучего вопроса принимали участие рядовые жители этого поселка, которые любое сооружение подобного рода изначально стихийно, интуитивно и без какого бы то ни было обоснования отвергают. Старосты окрестных поселков, выступающие от имени своих граждан, также отвергают строительство, однако после переговоров с противной стороной убежденность некоторых из них была несколько "поколеблена". Впрочем, перед своими гражданами они предпочитают это особенно не обнаруживать. Представители экологических инициатив "Радуга" и "Дети земли", участие которых в подобных собраниях входит в их профессиональные обязанности и которые с помощью эффектных аргументов укрепляют граждан в их отрицательном отношении. Четыре представителя предприятия Чешские энергетические заводы, которые собственно и инициировали собрание, посредством веских аргументов, разъяснения профессиональных вопросов и техники безопасности на этом сооружении старались убедить жителей в том, чтобы они перестали необоснованно бояться и смогли увидеть положительные стороны сооружения хранилища. Надо признать, что их роль была исключительно трудной, так как они, чужаки, вдобавок прибывшие из Праги, выступают против "экологов", граждан, старост и вообще всей общественности.

Характер общения на собрании является публичным, официальным; его тема, цель и атмосфера в целом делают общение конфликтным и эмоциональным, напряжение усиливает и противостояние профессионалов, специалистов, с одной стороны, и граждан, не разбирающихся в ядерной энергетике, – с другой.

inslav

Напряженность возрастает и в результате противостояния подлинного профессионализма представителей Чешских энергетических заводов и мнимого профессионализма экологов, тем более, что эффектные и апокалипсические аргументы "экологов" неспециалистам гораздо ближе и понятнее, чем технические термины и аргументация специалистов. Анализ всех групп участников собрания и их роли на нем является ключом к пониманию того, как происходит в их выступлениях смешение литературных и нелитературных форм.

И в этом виде коммуникации, особенно в некоторых, наиболее спокойных ее фазах, смешение литературных и нелитературных форм происходит непроизвольно, неосознанно. Впрочем, иногда можно заметить, что переход к литературным или же, напротив, к нелитературным формам не только не происходит случайно, а является составной частью коммуникативной стратегии говорящего.

Так, ведущий собрание староста, который открывает и закрывает его, вполне осознает свою руководящую роль. Он понимает, что является официальным представителем местных граждан и старост окрестных поселков. Свое вводное, написанное, а потому и литературное выступление он зачитывает. Он стремится говорить литературно и в тех случаях, когда предоставляет слово отдельным ораторам и гражданам, попросившим слово в ходе заседания (*prosím dalšího diskutujícího / je to pán **zde** v popředí; máme **zde** prosím vás pěkně ještě čtyři diskutující / já bych je poprosil / aby své diskuzní příspěvky přednesli tak nějak ve stručnosti*). В его старательно подготовленном, официально стилизованном вступительном обращении заметно и гиперкорректное произношение глагольных форм [jsem, jsme] (... *i když se jedná o vyhořelé jaderné palivo a jeho manipulace a uložení je prováděno za zachování všech bezpečnostních opatření / přesto **jsme** na prvním setkání vznáseli určité pochybnosti / zda nebude docházet / k negativním vliv**ům** na lidský organizmus a živou přírodu vůbec / já sám **jsem** poukazoval na to* ...).

Говорить литературно стараются и сотрудники Чешских энергетических заводов. Они отдают себе отчет в том, что выступают публично, что в данный момент они являются официальными представителями своего учреждения и что соответственно они должны вести себя хотя и доброжелательно, но вместе с тем решительно. Должны они осознавать и то, что от их вежливости и вообще от вербального поведения очень многое в этот момент зависит. В отличие от старосты у них возникают неприятные

inslav

столкновения и с публикой, и с активистами-экологами, им приходится оперативно реагировать, объяснять, защищать и защищаться самим. Поэтому им трудно оставаться в "литературном поле", в их высказывания вкрадываются и нелитературные формы. Пытаясь объяснить профессиональные проблемы, они невольно прибегают к той стилистике, к которой привыкли на внутренних совещаниях, посвященных рассмотрению разработанных проектов, технических отчетов и экспертиз – и, разумеется, на этих внутренних совещаниях преимущественно используется нелитературный язык [ср.: Müllerová–Hoffmannová–Schneiderová 1992]. В речи представителей Чешских энергетических заводов, разумеется, имеются и индивидуальные отличия, не во всех идиолектах obecná čeština всегда занимает равное положение. Мы попытаемся ниже бегло сравнить высказывания одного из них.

В самом начале, когда после вступительного слова старосты, он представляет свой коллектив. Использование литературных форм во фрагменте, который по своему содержанию является непритязательным, ориентирован на широкую общественность и вдобавок уже не однажды повторялся, не составляет особых проблем (*v roce dva tisíce čtyři přibližňe / bude třeba skladovací kapacita pro vyhořelé jaderné palivo / z českých elektráren / z tohoto důvodu byl v loňském roce ustaven tento projektový tým / který dneska má čtyři pracovníky / velmi krátce / já sem jeho vedoucí / kolega sedící po levé ruce inženýr ... je členem týmu zodpovědným za jadernou bezpecnost / technologii pro tento sklad a s tím související zahraniční spolupráci...*).

В своей реакции на эмоциональные, апокалипсические утверждения одного из экологических активистов (*dál bých vodpověděl... překvapuje mě / že naši kolegové nevěděj / nebo proč to uváděj / protože je samozřejmé že palivo z lehkovodních reaktorů je skladováno u elektrárny ... prosim vás mužeme se tady bavit vo dukovanským skladu... / ale já bych nerad / já předpokládám že tady teďka neřešíme veřejný projednávání dukovanskýho skladu...*). В ситуации, когда говорящий должен немедленно реагировать, он отходит от литературного языка, в его тексте появляются элементы идиома *obecná čeština*: протетическое *-v*; глагольное окончание 3 л. мн.ч. *-ej* (*uváděj*); флексии из идиома *obecná čeština* в склонении твердых прилагательных (*vo dukovanským skladu, veřejný projednávání*); укороченное количество у гласных (*prosim, mužeme*). В некоторых пассажах текста формы из идиома *obecná čeština* находятся в абсолютном большинстве, однако чаще всего литературные и нелитературные формы соседствуют друг с другом. Литератур-

inslav

ные формы чаще всего используются в словах и словосочетаниях, представляющих собой цитаты из письменных текстов, директив и т.п.; нелитературные формы, напротив, отмечаются в пассажах конверзационных (*k tomu co ste řikala vo tom ú es á / ... já s vá**ma** úplně souhlas**im** / já vod já bych se vod začátku co sme tady bych se chtěl bavit vo naší republice a vo našich problémech / bohužel / kolegové z iniciativ vytáhli otázku Indiánů ... my nejdeme cestou Indiánů / ze dvou důvodů / jednak je nemáme / ale jednak my / máme víc zákony / já nevim jaké zákony / podle jakých zákonů jak to kolegové mysleli / my postupujeme podle výnosů číslo čtyři ... byť i sme měli indiánsk**ej** kmen / tak my postupujeme podle výnosů*).

Большинство граждан, участвующих в дискуссии, свободно комбинируют литературные и нелитературные формы; и у них бóльшая или же меньшая степень приверженности к литературности или нелитературности, несомненно, обусловливается их идиолектом. Кто-то из них лучше осознает ответственность публичного выступления (*a pak ještě mám **tuto** otázku ...když tedy vy tvrdíte / že / uložiště bude naprosto bezpečné / nebude mít žádné zhoubné ekologické vlivy / zvýší zaměstnanost / bude to blahodárné pro obce / protože dostanou dotace ... pak vám v jiných regionech utrhají ruce / proč to tedy vnucujete tam / kde to nechtějí*; другой, напротив, преисполнен желания “сказать им все, что на душе накипело, начистоту” (*tady bylo řečeno / pořád mluvíte Amerika Amerika / co nám je do Ameriky / my sme česká země / malinká / a **dyš támle** přírodovědec vám položí otázku / tak se díváte jako že tomu nerozumíte / já sem se nenarodila na Vysočině / nepocházim **vocad** ’/ ale nedám **jí** ani za nic / a budu bojovat všem**a** silam**a** / slibujete pracovní příležitosti / na tři roky / a pak co? Žebráckou hůl anebo krematorium*).

Литературные формы в выступлениях некоторых участников дискуссии являются признаковыми в том смысле, что они усиливают заложенную в них иронию (*já bych měl jeden jako dotaz takovej maličkej / chtěl bych se zeptat pánů / **jaká je rozloha Spojených států amerických** / jesi aspoň trochu trošku nevědi / tak rozloha **Spojených států amerických** sem si dneska přečet / je devět milionů asi osum / osum / sedum set tisíc a na těchto devíti milionech sedmi stech tisíc kilometrů štverečních eště nenašli místo / kde by se ten jaderný odpad bezpečně zlikvidoval*).

Экологи-активисты являются опытными публичными ораторами, они ведут себя самоуверенно, естественно, чувствуя поддержку публики. В их выступлениях литературная норма хотя в целом соблюдается, однако то тут, то там появляются нелитера-

inslav

турные, прежде всего разговорные формы, делающие высказывание более аутентичным (*já bych tady doplnil eště odpověď na tu první otázku; ... a proto bych vám doporučoval / už v této fázi / přestože tady bylo řečeno že je jakási přípravná a že se vlastně o ničem nerozhoduje / bych vás chtěl upozornit na to / že se už vopravdu teď rozhoduje / rozhoduje o tom / jestli to konečné místo pro mezisklad může být u vás nebo nemusí být u vás / tolik tedy snad k meziskladu který má být tady v České republice / eště k těm meziskladum mám jednu připomínku / a potom další informace snad potom eště necháme do diskuze*). Неформальность поведения, неброская, сдержанная, проявляющаяся в числе прочего и в том, как они развивают мысль, высказанную коллегой (*Honza Beránek tady už zmínil to / že v Americe...*), вызывает симпатии публики.

РАЗГОВОР ВРАЧА С ПАЦИЕНТАМИ

Общение в кабинете врача невозможно охарактеризовать с помощью параметров "публичность – официальность", нельзя его также отнести (в отличие от коммуникации по радио или же на публичных собраниях) и к общению, однозначно определяемому как публичное. Разговор между врачом и пациентом происходит в закрытом помещении кабинета, при нем может присутствовать лишь медицинская сестра или же при необходимости сопровождающее больного лицо. Результаты этого разговора тщательно заносятся в историю болезни пациента, в отчеты врача и т.п. Тем самым эти сведения полностью подготовлены, если это понадобится, для информирования других врачей и т.д. Степень официальности подобного общения зависит от самого врача, от того, хочет ли он (и в какой степени) сблизиться с пациентом, установить с ним личный контакт, или же он предпочитает соблюдать вежливую дистанцию.

Анализ бесед, состоявшихся в амбулатории глазной клиники, и психиатрического диспансера, в кабинете врача-специалиста по кожным болезням, а также педиатра, когда обычно врачи по стечению обстоятельств ведут себя по отношению к своим пациентам доброжелательно, подтвердили наше предположение о том, что и в этом общении в речи собеседников смешиваются литературные и нелитературные языковые средства.

В зависимости от характера своего идиолекта пациенты чаще всего употребляют идиом *obecná čeština* или же (например, в кабинете педиатра в маленьком поселке в Моравии) местный диа-

inslav

лект. Как правило, речь идет об обычных пользователях чешского языка, которые отнюдь не считают подобную коммуникативную ситуацию слишком формальной и официальной. Кроме того, порой они не впервые находятся у данного доктора, поэтому в определенном смысле слова они уже являются "старыми знакомыми". Тем не менее пациенты с высшим образованием могут использовать и средства литературного языка (формы, слова, словосочетания). Так, пациент, ветеринар по специальности, разговаривая с окулистом, использовал формы типа *být, opravdu, toto, řekl, dovezl, brýle, na dětském, mám k dispozici, dostavil jsem se, vznesla domněnku, na základě, zcela přesně, nástup zmen*. На этом основании можно заключить, что профессиональный престиж обязывает данного больного даже в разговоре с коллегой (окулистом), оставаться в рамках литературности, профессионального общения. Впрочем, литературная норма не соблюдается последовательно, поскольку окулист все же придерживается своего идиома *obecná čeština*.

Находясь на приеме у педиатра, дети говорят минимально, их естественным языком в этом случае, так же, как и у их родителей, бабушек и дедушек, является местный диалект. Литературных элементов в их репликах крайне мало, т.е. и на приеме у врача они говорят так, как привыкли говорить у себя дома. Иначе, они изъясняются так, как разговаривают дома с детьми и о детях (мать: *a furt celú noc plače / furt enom pupíček že ho bolí a to / už teda plače dlúho*; врач: *leží eště?* мать: *no tak /leží / chodí aj / no / ale po venku jako né / enom doma / na ulicu to jako nejde vůbec*).

Obecná čeština составляет основу речи врача по кожным болезням, а также окулиста (*bejt, todle, todlecto, takle, von, vod, teďkon, pojte, dete, helejte, rozject, fotit*). Последний употребляет в нелитературной огласовке даже ключевые профессиональные термины (*voko*), о его желании найти с пациентом общий язык (в данном случае с ребенком) говорят и такие "сочные" слова как *sprdnout, vo fous* [подробнее см.: Müllerová–Hoffmannová–Schneiderová 1992].

Детский врач хотя и работает многие годы в Моравии, тем не менее на самом деле происходит из Чехии, так что именно *obecná čeština* является для него родной. В разговоре с детьми, с тем, чтобы вызвать у них доверие, он использует и некоторые диалектизмы (*hodně otevř pusu / vyhrň si košilu; otevř pusu / hodně / jak když mě chceš sněst / já su velký na mě musíš hodně ... ty oči má trosku do žluta / nepils pivo náhodou? / určitě ne? / no já nevím / no před tať kú to*

inslav

nemožeš říct / že?). Разговаривая с родителями детей, он прибегает к варьированию языковых средств. Так, тогда, когда он ставит диагноз и информирует родителей о характере и симптомах заболевания, дает им указания, как следует лечить ребенка дома, нелитературных элементов (диалектных форм, а также включений из идиома *obecná čeština*) становится гораздо меньше, верх берут формы литературные (*ve středu sme tady / a vy nám ji můžete ukázat / kdyby se vám to nelíbilo / protože je to vopravdu / jak kdyby tam měl začít i zápal plic / kromě té angíny; a jednou za tři týdny celá rodina / večer / dospělí dvě polévkové lžíce / děti dvě čajové lžičky / každé tři týdny / když to kápne na nějakou halenku nebo na blůzičku / tak to nevyperete / je to červené / bude i stolice červená / abyste se toho nepolekali).* Иными словами, речь идет о высказываниях, окрашенных престижностью положения, когда врач выступает как специалист, демонстрирующий свой авторитет. Это, конечно, нельзя слишком глобализовать, поскольку во многих репликах врача деловые констатации переплетаются с указаниями, объяснениями, рекомендациями, а также разговорными вставками, адресованными ребенку, а иногда и сопровождающим его лицам. Таким образом, речь врача опять-таки является типичным текстом со смешанными литературными и нелитературными (диалектными и общечешскими) средствами. Наряду с непроизвольным, спонтанным смешением языковых средств, врач сознательно, а, возможно, скорее интуитивно, использует свои диглотические возможности. Он делает это для того, чтобы, с одной стороны, найти подход к ребенку, в том числе и в речевом отношении; с другой стороны, литературные формы и слова призваны акцентировать авторитетность его положения как врача.

Врачи, будучи людьми образованными, умеют активно использовать литературный чешский язык. Наряду с этим, они могут употреблять и нелитературные варианты чешского языка (*obecná čeština* или же диалекты) – тем самым они приспосабливают свою речь к речи пациента, чтобы тот чувствовал себя комфортно. Так, в психиатрическом диспансере в разговоре с пациенткой, имеющей начальное образование, а потому и пользующейся главным образом идиомом *obecná čeština*, в речи врача также преобладают нелитературные формы. Он делает это для того, чтобы установить контакт с пациенткой, войти к ней в доверие, заверить ее, что для него очень важно состояние ее здоровья (*hm nemáte to jednoduchý ... klidný prostředí no to vám žádnej doktor nedá ... **jéžiš** mě nevobtěžujete ... ale vod toho sme tady ... ale **ted'ka** co s vámi?... kterej*

inslav

pan doktor vás vošetřuje?). Тот же врач в разговоре с пришедшим на осмотр вузовским преподавателем, напротив, говорит исключительно литературно (*kdyby vás ta nespavost měla pořád sužovat /já bych vám dal nějaké prášky které podle mého názoru by snad mohly* ***být*** *vhodnější než ... jak si to sám vysvětlujete / pane profesore?... ano / to jako je velice příjemné a máte podobně intenzivní negativní pocity? ... a pane profesore k těm lidem kteří na vás buď to kladně nebo negativně působí máte nějaké citové vztahy?*) [См. подробнее: Müllerová 1978]. Врач имеет и другие возможности установления контакта с пациентом, напр., тон голоса, шутки с детьми, благожелательность и терпеливость в общении с пожилыми пациентами.

Анализируя устные высказывания в различных коммуникативных ситуациях, мы видим, что употребление литературных и нелитературных форм не подчиняется действию каких-то однозначных правил, соответственно речевое поведение не удается направлять, регулировать или же прогнозировать. Пользователи чешского языка зачастую могут прибегать к варьирующимся формам или же словам. Это обстоятельство они используют намеренно или же не намеренно, удачно или же неудачно по отношению к поставленной коммуникативной цели. Это может приносить им или коммуникативный успех или же, напротив, коммуникативную неудачу. Зачастую для них естественным является чередование литературных и нелитературных форм, удельный вес тех и других зависит от степени формальности или же неформальности ситуации.

Динамику употребления литературного и обиходно-разговорного (*obecná čeština*), а также диалектного чешского языка можно коротко передать с помощью нескольких тезисов:

употребление литературного чешского языка в формальных официальных публичных ситуациях является непризнаковым;

obecná čeština (диалект) в неформальных непубличных частных ситуациях являются непризнаковыми;

литературный чешский язык в неформальных, непубличных, частных ситуациях является признаковым, его употребление воспринимается как неестественное. Используя литературный язык, говорящий может тем самым преследовать определенную коммуникативную цель. Нельзя, однако, отрицать, что литературный язык может быть и составной частью идиолекта говорящего, т.е. принадлежать к его речевым навыкам;

inslav

obecná čeština (диалект) в формальных, официальных, публичных ситуациях является скорее всего признаковым; говорящий или не владеет в достаточной степени литературным языком, или же употребляет нелитературный язык намеренно (это отражает желание провоцировать, быть в оппозиции, отличиться).

Смешение литературных и нелитературных форм в рамках одного и того же текста или же одного и того же высказывания может быть:

непроизвольным, непризнаковым (т.е. относиться к идиолекту говорящего);

интуитивным, непризнаковым: ср. варьирование речи врача в разговоре с детьми или же его родителями; с пациентом-непрофессионалом или же специалистом; с пожилым человеком и т.п. Сказанное способствует адаптации говорящего, облегчает коммуникацию; ср., напр., прагматическое переключение, социолингвистические стратегии у А. Рамат [Ramat 1995]. Варьирование речи может быть обусловлено сиюминутным состоянием и фазой дискурса, напр., литературные, вежливостные фрагменты в начале текста – нелитературная речь в дискуссиях и конфликтных частях текста [ср. стратегию создания дискурса у Ramat 1995];

намеренным, признаковым, т.е. используется для выражения иронии, дистанции, для фиксации насмешки.

ЛИТЕРАТУРА

Auer P. Konversationelle Standard / Dialekt-Kontinua (*code shifting*) // Deutsche Sprache, 1976.

Auer P. Phonologie der Alltagssprache. Mouton de Gruyter. Berlin, 1990.

Bayer L. Sprachgebrauch vs. Spracheinstellung im Tschechischen. Eine empirische und soziolinguistische Untersuchung in Westböhmen und Prag. Verlag Otto Sagner. Mühchen, 2003.

Daneš F. Values and Attitudes in Language Standardization // Chloupek J. und Nekvapil J. (eds) Reader in Czech Sociolinguistics. Amsterdam; Prague, 1988.

Hammer L. Prague Colloquial Czech. A Case Study in Code-Switching. Bloomington, 1985.

Hammer L. The Function of Code Switching in Prague Colloquial Czech // Varieties of Czech, ed. Eva Eckert. Amsterdam-Atlanta, GA, 1993.

Hoffmannová J., Müllerová O. Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке // Язык – Культура – Этнос: М., Наука. 1994.

Hoffmannová J., Müllerová O. Dialog v češtině. Verlag Otto Sagner. München, 1999.

Hoffmannová J., Müllerová O. Zur Variation von Schriftsprachlichkeit und Nichtschriftsprachlichkeit im heutigen Tschechisch // Sprachwandel in der Slavia, hrsg. von L.N. Zybatov. Frankfurt am Main, 2000a.

inslav

Hoffmannová J., Müllerová O. O českém míšení // Člověk a jeho jazyk 1. Jazyk ako fenomén kultúry. Bratislava, 2000b.

Chloupek J. Knížka o češtině. Praha, 1974.

Kořenský J. K stratifikačnímu modelování jazyka v kontextu tendencí současné jazykovědy // Přednášky z 27. běhu Letní školy slovanských studií v roce 1983. Praha, 1984.

Müllerová O. O jazykovém přizpůsobování partnerů v dialogu // Naše řeč. 1978. 61. 57–68

Müllerová O. Ke vztahu spisovnosti a nespisovnosti v neveřejných dialogických projevech // Všeobecné a špecifické otázky jazykovej komunikácie. 2 diel. Banská Bystrica, 1991.

Müllerová O. Nespisovnost v rozhlasovém vysílání // Spisovnost a nespisovnost dnes. Brno, 1997.

Müllerová O., Hoffmannová J. Čeština spisovná, hovorová, obecná ... a hlavně mluvená (v současné komunikaci a v současném výzkumu) // Slovo a slovesnost. 1997. 58. 42–54.

Müllerová O., Hoffmannová J. Míšení kódů a jeho hodnotové aspekty v různých typech komunikačních situací // Naše a cizí v interetnické a interpersonální komunikaci. Filozofická fakulta Ostravské univerzity, 2001.

Müllerová O., Schneiderová E. K výzkumu současné mluvené komunikace // Naše řeč. 1988. 71. 231–234.

Müllerová O., Hoffmannová J., Schneiderová E. Mluvená čeština v autentických textech. Pansofia. Praha, 1992.

Ramat A.G. Code-switching in the context of dialect/standart language relations // Milroy L. and Muysken P. (eds.). One Speaker. Two Languages. Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge University Press, 1995.

Sgall P. Spisovnost a kultura vyjadřování // Slovo a slovesnost. 1994.

Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. H+H. Praha. 1992.

Sgall P., Hronek J. Některé aktuální otázky jazykové kultury češtiny // Jazykovědné aktuality, 1996.

Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). Verlag Otto Sagner. München, 1999.

Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003.

Перевод Г. Нещименко

inslav

К. Мусилова
Чехия

ОТНОШЕНИЯ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ В ПЕРИОД С 1918 ПО 1992 Г. И ИХ РАЗВИТИЕ ПОСЛЕ РАСПАДА ЧЕХОСЛОВАКИИ

Чешский и словацкий – генетически, типологически и географически самые близкие друг к другу языки западнославянской группы, образующие внутри нее чешско-словацкую подгруппу и имеющие между собой пояс моравско-словацких диалектов с переходящими изоглоссами явлений.

Языковые и культурные контакты между чехами и словаками длились непрерывно, хотя в разные исторические периоды они подвергались значительным, часто политически обусловленным изменениям, а также менялись их форма и интенсивность. Нередко эти отношения имели сложный, а иногда даже конфликтный характер, особенно в первый период сосуществования в одном государственном образовании.

1. ОТНОШЕНИЯ ЧЕШСКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ В 1918–1922 ГОДЫ

До возникновения общего государства чехов и словаков (в 1918 г.) чешский и словацкий языки длительный период развивались в разных политических и языковых условиях смешанной в национальном отношении Австро-Венгрии. Чешские земли относились к австрийской части, а нынешняя территория Словакии – к Венгрии. Несмотря на то, что в Австрии официальным был немецкий язык, чешский рядом с ним мог развиваться без больших ограничений: на чешском языке издавалась литература, а также в Чехии и в Моравии он был языком обучения. Словацкий же язык в северной части Венгрии, напротив, реализовывался прежде всего в устной форме, в рамках частной коммуникации; официальными языками были венгерский и латынь. Таким образом, к моменту возникновения Чехословакии чешский и словацкий языки имели различные исходные условия: в отличие от функционально и стилистически диффе-

inslav

ренцированного чешского языка, словацкий не был в таком объеме готов к выполнению возложенных на него задач в области экономики, техники и управления. Такая "коммуникативная отдаленность" (если не сказать, конфликт) еще больше усугублялась в результате осуществления идеи единой чехословацкой нации[1] и единого чехословацкого языка в двух вариантах – чешском и словацком. Законом о языке в 1920 г. чехословацкий язык как язык большинства был определен государственным языком с установлением обязательств его употребления во всех областях жизни государственного сообщества[2]. Законодательная поправка должна была, кроме всего прочего, способствовать конвергенции обоих языков. Стремление максимально приблизить словацкий язык к чешскому стало политической задачей. Искусственное стирание различий между двумя языками в пользу чешского проявилось также при создании новых правил словацкого правописания, которые в Словацкой Матице в Мартине разрабатывала команда специалистов под руководством чешского филолога В. Важного: в тех случаях, если у словацкой лексемы имелся чешский эквивалент, предпочтение отдавалось чешскому варианту. Намеренное отдаление словацкого языка от чешского поддерживал журнал "Slovenská reč", основанный в 1932 г. Издание в 1931 г. Правил правописания словацкого языка (Pravidla slovenského pravopisu) вызвало негативный отклик у словацких языковедов. После разрыва прямого контакта чешского и словацкого языков в связи с возникновением Словацкого государства в 1939 г. проявилась их пуристическая позиция при составлении новых Правил (1940), в которых они искусственно устраняли из словацкого языка множество явлений, появившихся в результате

[1] В многонациональной Чехословацкой республике численность чехов и словаков приводилась вкупе – 65% населения (среди них чехи составляли свыше 6 млн., словаки – около 2,2 млн); многочисленное национальное меньшинство на территории Чехии и Моравии представляли немцы (свыше 3 млн.), в Словакии, главным образом, венгры (свыше 700 чел.) [ср. Zeman 1995: 523].

[2] Формулировкой "чехословацкий язык" законодатель не ставил перед собой задачу решить, являются ли чешский и словацкий одним языком, а использовал этот термин лишь в качестве юридического понятия для обозначения государственного языка – символа государственного суверенитета. Однако в Словакии идея чехословакизма в период первой республики (1918–1938) стала источником опасений за национальную и языковую идентичность [Rychlík 1997: 81]; [Kořenský 1998: 20]; [Stich 1995].

inslav

контакта двух языков, невзирая на целесообразность их использования[3].

Государственная языковая политика отразилась также на сфере образования: в качестве языка обучения был введен чехословацкий язык в двух вариантах – чешском и словацком; в рамках программы изучения родного языка был разработан цикл образовательных лекций о различиях между двумя языками, в хрестоматии были включены фрагменты из литературы второго языка на языке оригинала, особое внимание было также уделено географическим и историческим отношениям обеих наций. Такое положение длилось в течение всего межвоенного периода. За исключением переходного этапа раскола Чехословакии (1939–1945), идеей чехословацкой взаимности были проникнуты все остальные (частичные) поправки законопроектов – вплоть до возникновения (к 31.12. 1992) автономных государств – Чешской Республики и Словацкой Республики.

Восстановление чехословацкого государства в 1945 г. принесло проблеме чехословацких отношений новые решения: постепенно была оставлена идея чехословакизма и посредством новых конституционных законов (в период 1948–1968 гг.) были определены положения о сосуществовании наций в многонациональном государстве (включая меньшинства). Конституция от 9 мая 1948 г. провозгласила равноправие обоих народов и языков и отменила языковой закон 1920 г. Но наиболее отчетливо равноправие чехов и словаков и их языков обозначила лишь конституция 1968 г., которая провозгласила образование Чехословацкой Федерации.

После Второй мировой войны в новой ситуации усилились прямые языковые контакты чехов и словаков. Особую роль в этом сыграли следующие факторы: общее трудовое пространство, интенсивные контакты в области культуры, спорта и туризма, единая сфера высшего образования, совместное несение военной службы (чешский и словацкий одновременно были языками военного обихода), рост процента смешанных браков и т.п.

Интенсивность непрямых языковых контактов постепенно возрастала с техническим развитием средств массовой коммуникации. Перцептивному билингвизму чехов и словаков способст-

[3] М. Соколова [Соколова 1991] провела анализ развития чешских контактных слов, насильно включенных в Правила 1931 г., но искусственно обозначенных как неправильные в Правилах 1940 г. Из 925 лексем 625 утратили свою коммуникативную функцию, а 270 лексем сохранились до настоящего времени.

inslav

вовала политика двуязычных эфиров государственных электронных СМИ, охватывающих все государство (в отношении 60% к 40%). В большей мере двуязычность применялась в культурных, развлекательных, спортивных и публицистических передачах, в которых чередовались чешские и словацкие ведущие. Другим источником контактов обоих языков стали культурные заимствования, почвой для которых служили чешские и словацкие театральные постановки, телевизионные передачи и фильмы для взрослых и детей.

Несколько меньшее влияние на развитие двуязычия оказывали письменные тексты, в основном речь идет о художественной литературе. Если период с 1918 по 1938 г. проходил под знаком поддержки чехословацкого литературного контекста (выходила Knižnice československá), и чешская и словацкая литературы издавались и широко читались в оригинале, то с течением времени чешские читатели знакомились с литературой второй нации прежде всего в ее опосредованном, переводном варианте: в 1963 г. приблизительно каждая пятая книга в Словакии была на чешском языке, в Чехии же только каждая тридцатая была на словацком [Charouz 1965][4].

Мотивацией для чешской стороны обращения к письменным словацким текстам была возможность познакомиться в словацком переводе с мировой художественной и научной литературой. Дело в том, что некоторая часть иностранной литературы на чешский язык в силу разных причин даже не переводилась.

Как уже было отмечено, концепция развития перцептивного билингвизма была также заложена в программы начальных и средних школ. Второй язык изучался прежде всего в рамках литературоведческой части родного языка. Школа прививала умение читать и способность понимать письменные и устные тексты на втором языке, но при этом никогда не ставилась цель активного овладения чешским/словацким языком. С программой перцептивного билингвизма связана также такая реалия как смена школы (по причине, например, переезда в другую часть республики). В такой ситуации ученики не должны были сдавать экзамен по языку.

Специфической была ситуация в средних военных училищах общереспубликанского значения. В курсе “Родной язык” слуша-

[4] Такая асимметрия соотношения читателей уходит своими корнями в далекое прошлое: в разные периоды (приблизительно с 15 века) литературный чешский язык в Словакии был спонтанно принят как средство коммуникации в культурной и духовной сфере.

inslav

тели – в соответствии со своей национальностью – изучали либо чешский, либо словацкий язык; обучение же другим предметам проходило на родном языке преподавателя. Независимо от региона во всех типах высших школ преподавание также велось и на чешском, и на словацком языках. Исключение составляли студенты-богемисты в Чешской Республике и студенты-словакисты в Словацкой Республике – они прослушивали курс второго языка в форме сопоставительной характеристики отдельных языковых уровней чешского и словацкого языков. Не все учебники высшей школы существовали в двух вариантах, как правило они издавались только на одном языке [Zeman 1955].

Взаимопонимание обоих языков обусловлено исключительной близостью чешского и словацкого на всех языковых уровнях; различий между двумя этими языками меньше, чем различий, например, между литературным чешским языком и силезским наречием на севере Моравии на границе с Польшей [Sochová 1991]. Среди 500 самых частотных лексем обоих языков 46% полностью совпадают (напр. и чеш. и слов. *tvarohový jahodový krém, s jeho matkou, k nám; Jana už chodí do školy* и т.п.), 30,8% частично совпадают (напр., чеш. *člověk* – слов. *človek*, чеш. *lék* – слов. *liek*, чеш. *mává* – слов. *máva* и т.п.) и только 23,2% абсолютно различаются (напр., чеш. *snídaně* – слов. *raňajky*, чеш. *želva* – слов. *korytnačka*) [ср. Sokolová 1991].

В обеих частях республики учитывалось по меньшей мере пассивное/перцептивное знание второго языка, поэтому никогда не требовался перевод с чешского на словацкий (и наоборот) – в том числе и на высшем официальном уровне. Такая специфическая языковая ситуация была обозначена как семикоммуникация: модель, в которой каждый коммуникант является пользователем своего родного языка, т.е. выдает сообщение на родном языке, а принимает на другом. По этой же причине не сформировались словакистика в Чехии и богемистика в Словакии. Эти специальности начали образовываться только после распада федерации.

Контакты столь близких языков интенсивно росли в общей социальной, политико-экономической и культурной ситуации и способствовали образованию множества межъязыковых явлений с разной степенью коммуникативной функциональности. Контактные явления возникали прежде всего в словарном составе, меньше в фонетике, морфологии и словообразовании. Больше их выявляется в словацком языке, т.к. в силу исторических и общественно-политических причин чешский язык по отношению

inslav

к словацкому занимал позицию более "сильного языка". Несмотря на то, что в языке-реципиенте большая часть принятых лексем фонетически адаптируется, некоторые слова употребляются в исконном виде, при этом не всегда должна идти речь о цитатных словах. Таковым было положение словацкого языка по отношению к богемизмам: многие заимствования демонстрировали (и до сих пор демонстрируют) высокий уровень функциональности, несмотря на то, что в словацком языке они являются несистемными (напр., *klid* вместо *kľud*, *díky* вместо *vďaka*, *víčko* вместо *viečko*)[5].

Лингвистическое исследование чешского и словацкого языков, основанное на их конфронтации, продолжилось после Второй мировой войны на традициях исследований языковедов, сосредоточившихся в межвоенный период вокруг Пражского лингвистического кружка. Кроме сравнительного анализа системных явлений, в 50–60 годы значительное внимание было уделено применению результатов исследования. После введения изучения словацкого языка на кафедрах богемистики в Чехии и чешского языка на словакистике в Словакии, при сотрудничестве чешских и словацких языковедов были разработаны первые учебники для высшей школы (J. Bělič a kol. Slovenština, 1957, 1964; E. Pauliny a kol. Čeština, 1972). Результатом сопоставительного лексикологического исследования явилось прежде всего издание малого сопоставительного Словацко-чешского словаря в 1967 г. и первого большого Чешско-словацкого словаря (70 000 статей) в 1979 г. Но его словацко-чешский вариант до сих пор не разработан.

На передний план были также вынесены вопросы языковой политики единого государства. "Вопрос отношения двух языков, с особым вниманием к тенденции их конвергенции и с учетом рационализации их функционирования в рамках государственного сообщества, вставал на повестке дня общегосударственных лингвистических конференций. Их результаты решения данной проблемы не всегда принимались позитивно словацкой стороной" [Kořenský 1998: 31].

Исследования, основанные на социолингвистических методах, начали развиваться в 80-е годы, это было связано с картографированием билингвизма в этнически смешанных регионах. Первые результаты изучения коммуникации чехов и словаков

[5] Ср. социолингвистическое исследование [Sokolová 1991], [Sokolová 1995]. Сопоставимое по масштабу изучение словакизмов в чешском языке не проводилось.

inslav

представлены О. Мюллеровой и Я. Гоффмановой в монографии, ориентированной на языковое поведение словаков в чешском окружении [Müllerová, Hoffmannová 1992].

Только разделение государства стало импульсом для проведения более масштабных социолингвистических исследований в данной области. Так, например, в 1997 году эта проблема поднималась в рамках международного проекта "Současné česko-slovenské a slovensko-české kontakty. Výzkum pasivniho bilingvismu". Исследование пассивного билингвизма было организовано богемистами и словакистами университета Палацкого в Оломоуце и университета в Прешове в Словакии.

2. ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ 1992 ГОДА

Прекращение существования федерации потребовало от обеих республик заключения соглашений об установлении двусторонних отношений, которые должны были вступить в силу с 01.01.1993 и официально обеспечить взаимодействие Чешской и Словацкой республик в области личных, семейных, материальных (имущественных), экономических, культурных и социальных связей (напр., договор о равной доступности образования на всех уровнях школ в обеих республиках, о взаимном признании дипломов об образовании, научных званий и т.п.).

Если судить по печати того периода, то реакцией в обеих республиках на разделение государства стала растерянность. Осенью 1993 г. позитивно оценивали этот шаг только две пятых части чешского населения и меньше трети словацкого населения. Крайне негативно было воспринято обеими сторонами возникновение в 1996 г. пограничных переходов, затрудняющих мобильность граждан (особенно ощутимо это коснулось людей, работающих по другую сторону границы).

Однако даже возникновение государственных границ принципиально не изменило сотрудничества чехов и словаков, основанного на прежних взаимных контактах. Это касалось большинства органов государственного управления, таможенных союзов, культурной сферы и, прежде всего, отношений между людьми. На основании регулярных социологических опросов в период с 1991 по 2003 г., которые проводит чешский Центр изучения общественного мнения, можно сделать вывод, что у чехов симпатия к словакам с момента разделения федерации с каждым годом по-

inslav

вышается (в 2003 г. как позитивное свое отношение определили восемь чехов из десяти). Интересными в этом контексте являются результаты совместного исследования чешско-словацкого социологического общества RCA Research в 2001 г. (www. rca-research.com): большинство населения обеих стран считает второй язык настолько доступным пониманию, что не видят необходимости в дублировании чешских/словацких фильмов; идею создания чешско-словацких массмедиа, в т.ч. печатных, приветствовало 76% словаков и 62% чехов; согласие с формированием совместных чешско-словацких военных подразделений для международной миротворческой миссии выразило 50% чешских и 38% словацких респондентов (одна пятая часть респондентов затруднилась ответить). Аналогичное позитивное отношение подтверждается и нашими исследованиями.

С ожидаемыми государственно-правовыми переменами в обеих республиках начали формироваться гражданские объединения, союзы и клубы с программой сохранения культурной преемственности обеих наций. Параллельно возникали землячества, особенно в Чешской республике, в которой проживало около 300 тысяч словаков. В общем государстве словаки не считали себя меньшинством. (Это проявлялось, кроме прочего, и в том, что они в принципе не были заинтересованы в создании словацких начальных и средних школ)[6].

Перемены для словаков, живущих в Чехии, наступили после 1989 г. в связи с демократизацией общества и подготовкой к созданию двух самостоятельных государств. Часть из них вернулась в Словакию, часть осталась в Чешской Республике, главным образом в Праге, где их сейчас проживает примерно 23 тысячи. Одни решили принадлежать к национальному меньшинству со всеми его сложными вопросами: продвижение школьного образования национальных меньшинств, борьба с ассимиляцией и т.п., – другие, а их большинство, к национальному меньшинству себя не

[6] "Центром" словацкого образования была Карвина (север Моравии), где проживала многочисленная группа словаков. В 1956 г. там открылась первая словацкая начальная школа, вторая была основана в 1969 г. Еще одним свидетельством ассимиляции словацкого населения на чешских территориях стало снижение интереса к обучению на словацком языке. Одна из этих школ просуществовала до 2000 г., но из-за нехватки учеников (28 детей) ее деятельность завершилась. Даже последующий прилив словаков в Чехию в 1969–1970 гг. после возникновения чехословацкой федерации, когда их численность к 1980 г. возросла до 359 370 чел., не вызвал потребности в создании словацких начальных и средних школ [Nosková 2001: 12–13].

inslav

относят: продвигают идеи чешско-словацкой взаимности и надстандартных отношений между двумя республиками, принимают участие, а часто даже сами организовывают культурные программы и поддерживают совместные чешско-словацкие проекты [ср. Nosková 2001].

Реализации общих интересов двух государств и, прежде всего, интересов в области науки и культуры, во многом способствовало создание осенью 1993 г. *Чешско-словацкой духовной федеративной республики* и ее *духовного парламента*, членами которого стали самые разные общественные деятели. По их инициативе появилось двуязычное периодическое издание "Mosty", которое освещало культурные, политические и нравственные проблемы современности. В 1996 г. начинает свое существование гражданское объединение аналогичной направленности "Slovensko-český klub", которое также поддерживает усиление идеи "равноправности" словацкого меньшинства в Чешской Республике и издает месячник "Slovenské dotyky" и "Magazín Slováků v ČR". На счету деятельности этого клуба проведение Дней словацкой культуры в ЧР, организация выставок, профессиональных семинаров и конференций, поддержка "Чешско-словацкой сцены" – театрального проекта совместных (двуязычных) выступлений чешских и словацких артистов, совместное проведение самого крупного детского и юношеского конкурса эрудитов в ЧР и СР "Евроребус" и т.д. В Праге также находится культурно-информационная организация, представляющая Словакию за рубежом, – Словацкий институт. Институт организует распространение словацкой литературы и периодики, информирует о сотрудничестве с соотечественниками, публикует программы планирующихся чешско-словацких культурных акций, создает пространство для торгово-экономических контактов двух республик.

В Чешской Республике открылось (и действует до сих пор) несравнимо больше организаций и периодических изданий, поддерживающих взаимоотношения обоих народов. С развитием Интернета значительная часть изданий существуют также в электронном виде, как уже упоминаемые "Mosty" (www.mosty.sk) и "Dotyky" (www.czsk.net/dotyky), с 2001 г. доступен ежедневно обновляемый публицистический сервер для соотечественников "Český a slovenský svět" (www.czsk.net/svet). В Словакии развивают свою деятельность такие организации, как, напр., "České centrum" в Братиславе, "Kruh priatel'ov českej kultúry", выходит ежемесячник для соотечественников "Česká beseda".

inslav

Разделение республики больше всего отразилось на языковых отношениях. Коренным образом была нивелирована двуязычность масс-медиа. Контакт двух языков в них продолжался только в регулярных публицистических включениях и в спорадических передачах культурного и дискуссионного характера, в которых выступали словацкие или чешские гости. Также было очень ограничено распространение печати. Сложившаяся ситуация касалась в основном чешской стороны. Из программ начальных и средних школ почти исчезла информация о втором языке, а в ВУЗах изучение чешского/словацкого языка постепенно становилось факультативным.

Такая дистанцированность была связана также с возникновением в 1995 г. в Словацкой Республике Закона о государственном языке, который был инициирован некоторыми пуристическими тенденциями словацкой общественности (в т.ч. специалистами-филологами)[7]. В соответствии с этим законом, например, любое зарубежное художественное произведение (а значит чешское в том числе) – особенно то, которое предназначено детям до 12 лет, – должно быть продублировано, а в случае необходимости снабжено словацкими субтитрами.

Разделение федерации также отразилось на торговой сфере; нужно было считаться с возникновением новых государственных образований (и с их языками) и к этому приспособить торговые инструкции и законоположения. Практическим следствием этого было снабжение товаров параллельными чешско-словацкими и словацко-чешскими текстами. Такое языковое явление обеими сторонами было воспринято как нечто странное, необычное, а главное – излишнее [Nábělková 1996], [Rangelová 1997].

Изменившуюся социально-языковую и политическую ситуацию отображали различные очерки в многочисленных сборниках с такими характерными названиями как "Brněnská slovakistika a česko-slovenské vztahy" (1998), "Příspěvky k dějinám slovakistiky na FF UK" (1998), "Slovakistika v české slavistice" (1999), "Česko-slovenská vzájemnost a nevzájemnost" (2000), "Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech" (в печати) и др. Систематически проблеме чешско-словацких отношений после 1993 г. уделяет внимание М. Набелкова [Nábělková 1996, 1999a, 1999b, 2000, 2000a, 2000b, 2002 (в печати)].

---

[7] На научной конференции в 1994 г., посвященной языковой культуре словацкого языка, возник вопрос об угрозе языковой идентичности словацкого языка (Сборник тезисов Spisovná slovenčina a jazyková kultúra. Veda. SAV Bratislava. 1995).

inslav

Но несмотря на все законодательные ограничения, появившиеся в начале 90-х годов, между чехами и словаками не вырос значительный культурный и языковой барьер. После первоначального "отдаления" в первой половине 90-х годов постепенно начинается "сближение", повышается интенсивность взаимной коммуникации в разных областях. И сейчас, спустя десять лет после разделения республики, мы можем констатировать, что качество наших отношений гораздо лучше, чем во времена федерации – потому что нам не приходится разрешать важных политическо-экономических и других проблем. Так называемую "точку в конце федерации" поставили премьеры обоих государств в мае 2000 г. подписанием декларации о том, что не имеют друг к другу претензий, касающихся федерального имущества, а в качестве проявления укрепления чешско-словацкой взаимности ввели в эту декларацию пассаж о том, что оба государства объявляют себя наследниками общей традиции Чехословацкой Республики 1918 г.

Непрерывность сотрудничества чехов и словаков больше всего заметна в культурных и научных кругах: до сих пор некоторые научные общества и специальная (прежде всего журнальная) литература остались "федеральными", напр., "Československá společnost historická", "Československá vědeckotechnická společnost", периодические издания "Česká a slovenská psychiatrie", "Československý časopis pro fyziku" и др. Появляются также новые общества и проекты, имеющие в названии определение "чешско-словацкий".

В последние годы наблюдается интенсивный культурный обмен между двумя государствами. На официальном и менее официальном уровнях проводятся выставки, концерты, театральные и кинопросмотры. К таким "традиционным" мероприятиям принадлежит, например, театральный фестиваль Setkání/Stretnutie (в этом году он проходил уже восьмой раз). Чешские и словацкие актеры встречаются не только в совместных театральных постановках, но также и в фильмах совместного производства (с 1993 снят уже 21 фильм). По инициативе министерств культуры обоих государств октябрь 2001 года был провозглашен Месяцем чешско-словацкой взаимности; цель этого проекта: представить художественное творчество как можно большего количества регионов бывшей федерации.

На развитие контактов с другим языком в период общего государства не в последнюю очередь повлияла популярная музыка. Возвращение словацкой музыкальной продукции в чешское пространство имеет в этом смысле большое значение – особенно для

inslav

молодого поколения, у которого, очевидно, падает уровень понимания словацкого языка.

В следующей части статьи мы будем опираться, кроме прочих источников, прежде всего, на результаты социолингвистического изучения в рамках нашего уже упоминавшегося проекта "Současné česko-slovenské a slovensko-české kontakty. Výzkum pasivního bilingvismu"[8]. Целью является наблюдение тенденций развития коммуникации чехов и словаков после разделения государства. В рамках социолингвистического исследования систематически картографируется уровень перцептивной компетенции молодых чехов и словаков по отношению ко второму языку, мнения о возможном контакте со вторым языком в повседневной жизни, отношение к уместности (или необходимости) возможного включения основной информации о чешском/словацком языке в программы начальной и средней школы, субъективная оценка личной коммуникативной компетенции по отношению ко второму языку, взгляды на разделение государства и т.п. Кроме этого, данное исследование направлено на изучение языковой ассимиляции словаков на чешской, а чехов на словацкой территории и на функциональность контактных явлений в обоих языках. До сих пор исследование пока проводилось в Чешской Республике. Из соображений объема данной статьи приведем только некоторые частичные выводы.

СРАВНЕНИЕ ПЕРЦЕПТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ МОЛОДОГО ВОЗРАСТА

Обширное сопоставительное изучение с помощью стандартизированной анонимной анкеты было проведено в 1997–1999 гг. [Musilová, 2000]. В социолингвистическом исследовании принимали участие молодые чешские и словацкие респонденты 15–25 лет, которые в сознательном возрасте пережили сосуществование в общем государстве. Выбор респондентов был подчинен соблюдению пропорциональности между отдельными регионами. Подгруппы составляли учащиеся начальных школ (НШ), средних школ (СШ) и высших школ, или вузов (ВШ). В 1997 г. исследование прошло только в Чешской республике (это было так называемое "предисследование"), а в последующие годы и в Сло-

[8] С сентября 1998 г. по март 2000 г. проект был поддержан грантом фонда Сороса RSS, № 118/1998

inslav

вакии. Диаграмма 1 показывает успешность отдельных групп респондентов по отношению к максимально возможному количеству достигаемых пунктов (максимум – 30 пунктов).

Количество респондентов

ЧР 1997 (535 респондентов)	
ЧР 1998 (1108 респондентов)	СР 1998 (290 респондентов)
ЧР 1999 (1294 респондентов)	СР1999 (352 респондентов)

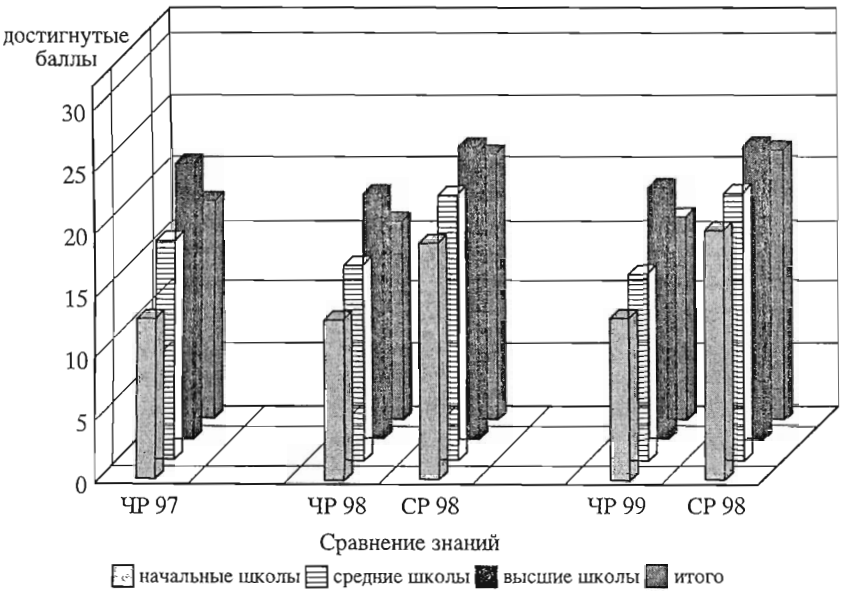
Результаты статистического анализа подтвердили, что традиционно словаки лучше понимают чешский язык, чем чехи – словацкий. В отличие от словацких респондентов, в чешской выборке наблюдается (слабый) спад уровня понимания словацкого языка. Такое положение было в известной мере предсказуемым. В Словакии и после раздела государства свободно продается чешская или написанная на чешском языке периодика, двуязычные издания (напр., "Mosty", "Dotyky", а также ряд журналов для подростков), в продаже имеется оригинальная чешская литература, большинство зарубежных видеокассет дублировано на чешский язык (несмотря на то, что это не рекомендовано законом о языке), доступна также чешская музыкальная продукция, а чешский телевизионный сигнал покрывает почти все регионы Словакии. Чехи же совсем не имеют такого количества контактов со словацким языком: распространение словацкой или двуязычной печати не является столь масштабным, почти нет литературы, написанной на словацком языке, а качественный прием словацкого телесигнала ограничен областью Моравии и восточной частью Чехии. Лишь за последние два года ситуация в ЧР начинает меняться к лучшему; но значительная часть исследования проходила до этого периода.

В исследовании не была установлена сколько-нибудь значительная статистическая зависимость между достигнутым уровнем перцептивной компетенции и такими переменными как, например, коммуникативный код семьи, региона; не определен как решающий фактор "прослушан/не прослушан" студентами курс второго языка.

Исследование, направленное на более молодые возрастные категории (5–9, 10–14 лет), реализовано большей частью в виде дипломных работ[9], проводится с малыми группами и с примене-

[9] Исследования в рамках дипломных работ проводятся на базе кафедры чешского языка и литературы университета Палацкого в Оломоуце (и там же хранятся в архивах).

inslav



Сравнение знаний

нием других методик. Результаты исследования 1999–2003 гг. также подтверждают лучший уровень понимания второго языка у словацких детей. В группах чешских респондентов достигают наилучших результатов только те, у кого есть родственники в Словакии, или же они имеют возможность при случае регулярно смотреть словацкое телевидение.

Несмотря на то, что дети не понимают отдельные слова и выражения, они способны уловить основную суть связного текста, фабулу повествования и т.п. Из анкет указанного периода следует, что детей не удовлетворяет лишь простое слушание, они хотят также понимать услышанное. Данные результаты в определенной степени опровергают мнение, встречающееся в СМИ о том, что дети, особенно чешские, уже не понимают второй язык [Musilová 2003a].

ЯЗЫКОВАЯ АССИМИЛЯЦИЯ СЛОВАКОВ В ЧЕХИИ И ЧЕХОВ В СЛОВАКИИ

В эпоху единого государства – хоть мы и функционировали в двуязычном пространстве – в случае долгосрочного или постоянного проживания на территории “другого языка” чех или словак

inslav

должны были отражать отношения обоих языков и также должны были определить свое языковое поведение [ср. Müllerová, Hoffmannová 1993]. Более систематическое изучение этого феномена проводилось только в местах высокой концентрации словаков. Г. Соколова на материале своих исследований продемонстрировала, как на севере Чехии и Моравии у словаков осуществляется постепенный переход от родного языка к чешскому, причем как в рамках профессиональной коммуникации (т.е. на работе), так и семейного общения [Sokolová 1991]. Например, 20% словаков на севере Чехии сообщило, что в семейной обстановке они говорят преимущественно на чешском, 63% и на чешском и на словацком, и только 10,4% преимущественно на словацком. В связи с анализом спонтанной устной речи эту проблематику разрабатывали также О. Мюллерова и Я. Гоффманова [Müllerová, Hoffmannová 1993], ориентируясь, однако, скорее на межъязыковые явления и явления языковой интерференции.

Наше социолингвистическое исследование исходит из приведенных наблюдений двуязычной коммуникации в том смысле, что стремится запечатлеть, уловить влияние языкового пространства на словаков в ЧР и на чехов в СР и связанную с этим степень их языковой ассимиляции после разделения ЧСФР, т.е. в ситуации, когда словаки, проживающие в Чехии, и чехи – в Словакии, находятся на территории "чужого" государства, и можно таким образом (теоретически) предполагать, что в отличие от минувших лет постепенно возрастает давление на их языковую интеграцию.

Первые результаты приносят исследования И Шмидовой [Šmídová 2002] и Й. Щчепановой [Ščepánová 2003]. И. Шмидова в 2001 г. с помощью анкетирования наблюдала за довольно большой группой чешских (74 чел.) и словацких (109 чел.) респондентов, постоянно проживающих на территории "другого государства". В данном исследовании не была обозначена верхняя возрастная граница (зондирование включало в себя годы рождения от 1916 до 1987), не имели значения образование, длительность проживания, регион, социальное положение и т.п. На уровень активного знания языка большинства (здесь учитывалась правильность перевода письменного текста) оказывала влияние только переменная "длительность проживания", но начиная с "25 лет и более". По данным общей оценки уровня переводов, однако, никто не достиг максимального числа баллов. Причина может заключаться в беспроблемном общении с носителями языка боль-

inslav

шинства, т.е. когда каждый участник коммуникации использует свой родной язык. Это предположение подтверждают также данные, что примерно 70% опрошенных в обеих группах не считают необходимым включать образовательные курсы о чешском/словацком языке в программы начальных и средних школ по причине их большой взаимной близости.

Социолингвистическое исследование Й. Щчепановой [Ščepánová 2003] было ориентировано на группу молодых людей – словаков, обучающихся в 2001–2002 учебном году в университете Палацкого в Оломоуце. 150 случайно выбранных респондентов с разных факультетов предоставили необходимые данные с помощью анкет или интервью автору исследования. (По причине незначительного числа чехов, обучающихся в Словакии, не удалось создать адекватную группу чешских респондентов). С точки зрения возраста (18–26 лет) выбранные словацкие респонденты представляют собой ту часть населения, которая была свидетелем как существования единого государства, так и его разделения. Статистическая обработка анкет показала, что понимание чешского языка (устного и письменного) для них не составляет проблемы: 79% читает чешскую литературу в оригинале, главным образом учебную, 92% считает перевод чешской литературы на словацкий язык (а словацкую на чешский) лишним, а 99% отвергают дублирование и субтитры чешских/словацких фильмов.

Студентам, по существу, не нужно использовать язык большинства ни в бытовом общении, ни в учебе (многие преподаватели, наоборот, приветствуют словацкий язык), письменные тексты, в т.ч. итоговые работы, они могут представлять на словацком языке. В своей речи эти студенты используют чешские выражения тогда, когда их можно было бы не понять в случае, например, “коварных слов”. Таким образом, сознательно используют чешские выражения 82% опрошенных, остальные по ситуации.

Анализ неподготовленной устной речи словацких студентов в общении с их чешскими коллегами показал, что хотя они и говорят в чешской среде по-словацки, все же подвержены хотя бы частичной естественной языковой ассимиляции – у них появляется (в неофициальном общении) склонность к высказываниям на “чешско-словацком” языке; мотивацией иногда бывает стремление к актуализированию высказывания, к эксцентричности и т.п. Этому способствует у некоторых из них (63% опрошенных) конспектирование чешских лекций “смешанным” спо-

inslav

собом. Даже 54% родителей словацких студентов ощущают изменение их языкового поведения именно под влиянием пребывания в чешском пространстве. Все эти "отступления" от словацкого языка мы можем интерпретировать как потенциальные межъязыковые явления.

ЛИТЕРАТУРА

Buzássyová K. Aspekty kontaktov slovenčiny a češtiny // Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Ed. S. Ondrejovič, M. Šimková. Veda. SAV Bratislava, 1995. S. 163–182.

Charouz E. Slovenská literatura v Čechách včera a dnes. In: Slováci česky. SNKLU. Praha, 1965. S. 9–20.

Kopecký K. Slovenština v ČR jako jazyk minority // Varia X (в печати).

Kořenský J. Jazykové právo – prostor nebo limita? // Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Ed. S. Ondrejovič. Veda. SAV, Bratislava, 1997. S. 93–100.

Kořenský J. Jazyky a jejich vztahy // Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Red. J. Kořenský. Uniwersytet Opolski – Instytut Filologii Polskiej. Opole, 1998. S. 20–33.

Musilová K. Česko-slovenský a slovensko-český pasivni bilingvismus ve změněných jazykových podmínkách. Ref. na mezinárodní konferenci o komunikaci. UMB, Banská Bystrica, 2000.

Musilová K. Vývojové tendence v komunikaci Čechů a Slováků po rozdělení ČSFR // České, polské a slovenské jazykové a literární souvislosti. AUPO. Philologica 78. Olomouc, 2003. S. 223–229.

Musilová K., Sokolová M. Funkčnost česko-slovenských kontaktových jevů v současnosti // České, polské a slovenské jazykové a literární souvislosti. AUPO. Olomouc, 2003. S. 223–229.

Nábělková M. Slovakizmy v súčasnej češtine // Slovensko-české vzt'ahy a súvislosti. Ed. J. Hvišč. Bratislava: T.R.I. Medium, 2000. S. 212–221.

Nábělková M. Paralelné slovenské a české texty v meniacej sa jazykovej situácii // Sociolingvistické a psycholingvistické aspekty jazykovej komuikácie. 2. Red. V. Patráš. Banská Bystrica, UMB, 1996. S. 100–108.

Nábělková M. Čeština na Slovensku. Pokračovanie príbehu // Retrospektívne a perespektívne pohl'ady na jazykovú komunikáciu. Ed. P. Odaloš. Banská Bystrica, UMB, 1999a. S. 190–198.

Nábělková M. Slovenčina a čeština dnes. Kontakt či konflikt // Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi. Sociolinguistica Slovaca 4. Ed. S. Ondrejovič. Veda. Bratislava, 1999.

Nábělková M. Rozdelenie a "vzd'alovanie" // Niekol'ko pohl'adov // Česko-slovenská vzájemnost a nevzájemnost. Ed. I. Pospíšil, M. Zelenka. Ústav slavistiky FF MU. Brno, 2000. S. 104–112.

Nábělková M. Rozdelenie a vzd'al'ovanie (niekol'ko pohl'adov) // Česko-slovenská vzájemnost a nevzájemnost. Ed. I. Pospíšil, M. Zelenka. Ústav slavistiky FF MU. Brno, 2000a. S. 104–112.

Nábělková M. (D)ozvuky fungovania bibličtiny na Slovensku // Stylistyka XI. Stylistyka a poetyka. Ed. S. Gajda. Opole, 2002a. S. 459–474.

inslav

Nábělková M. Súčasné kontakty slovensko-českej a česko-slovenskej medzijazykovosti // Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech (Meziliterárnost a areál). Ed. I. Pospíšil. FF MU. Brno, 2002b (v tisku).

Nosková H. O původu Slováků. Vyd. Trilabit s.r.o. Praha 2001.

Rangelová A. Paralelnost českých a slovenských textů ve sféře obchodu // K přijímání slovenské kultury Čechy po rozpadu Československa // Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Ed. S. Ondrejovič. Veda. SAV, Bratislava, 1997. S. 191–196.

Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. (Soubor tří svazků. 1.sv. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997; 2. sv. České a slovenské vztahy 1945–1992. Bratislava, 1998. 3. sv. Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava, 2002.

Sochová Z. Blízké jazyky a konfrontační lexikografie // Naše řeč. 1991. 74. S. 124–131.

Sokolová G. O jazykovém zaměření Slováků a Němců žijících v severních Cechách (na základě sociologických výzkumů) // Slezský sborník 89, 3/4. S. 172–180.

Sokolová M. České kontaktové javy v slovenčine // Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Ed. S. Ondrejovič, M. Šimková. Veda, SAV, Braislava, 1995. S. 188–206.

Ščepánová J. Asimilace slovenských studentů Univerzity Palackého v českém prostředí. Diplomová práce. PdF UP, Olomouc, 2003.

Šmídová I. Jazyková asimilace Slováků v České republice a Čechů na Slovensku. Diplomová práce. PdF UP, Olomouc, 2002.

Zeman J. Ke vztahu češtiny a slovenštiny v České republice // Innerslavischer und slavisch-deutscher Sprachvergleich. Herbert Jelitte, Tat'jana P. Troškina (Hrsg.). Frankfurt am Main etc. 1995. S. 523–537 (Beiträge zur Slavistik; Bd. 27).

Zeman J. K přijímání slovenske kultury Čechy po rozpadu Československa // Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy. Ed. S. Ondrejovič. Veda. SAV, Bratislava, 1997. S. 182–186.

Zeman J. K jazykovým kontaktům mezi čestinou a slovenstinou // Funkcní lingvistika a dialektika. Lingvistika XVII/1. Praha, UJC 1998. S. 172–175.

Перевод *Я. Ганелиной*

М. Крчмова

Чехия

ПРОЦЕСС КОНСТИТУИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Общая модель чешского национального языка, в том виде, в каком ее представила и разработала чешская лингвистика XX столетия, – модель стратификационная и одновременно иерархическая. Крайними полюсами этой модели являются, с одной сто-

inslav

роны, всеобъемлющий общий литературный язык, полифункциональный и дифференцированный в стилевом отношении; с другой – различные традиционные наречия, территориально разграниченные и в основе своей монофункциональные. На этих крайних полюсах находятся формы существования языка, довольно четко зафиксированные и описанные в рамках традиционной лингвистики. Одновременно, хотя это и не говорится напрямую, они обусловлены социально: литературным языком активно владеют люди, получившие соответствующее образование; диалектами по этой же концепции владеют сельские жители, которые, предположительно не являясь носителями литературного языка, пользуются им лишь эпизодически. Речь низших социальных слоев города стала изучаться довольно поздно, лишь во второй половине XX столетия, поэтому существующие работы по-прежнему носят характер пробного зондирования.

В пространстве между литературным языком и диалектами находится форма национального языка, не являющаяся ни диалектом, ни литературным языком (или же его разговорной формой). В имеющихся описаниях национального языка она обозначается термином "интердиалект". Точнее же это интердиалекты, потому что эти "наддиалекты", представлющие собой последнюю стадию развития традиционных диалектов, сохраняют некоторые диалектные черты и различаются территориально. Предпосылкой их возникновения стало увеличение естественного контакта между говорящими, в то время как интегрирующее воздействие литературного языка является менее вероятным [Chloupek 1986: 28]. Влиянием литературного языка обусловлено лишь появление новых лексем [Там же: 32]. Что же касается инвентаря языковых средств, то в интердиалектах наблюдается уменьшение средств выражения, локально (и социально) ограниченных, т.е. происходит процесс сближения, нивелировки. Как следует из анализа идиолектов, это правомерно лишь при большой степени обобщения. В конкретных коммуникатах, неизбежно отражающих влияние тех или иных коммуникативных факторов, степень представленности диалектных элементов может варьироваться: один и тот же человек в зависимости от того, общается ли он с соседом, в семье или же насколько экспрессивной является его речь, может больше тяготеть к диалекту. В других же случаях он отходит от типичных диалектных черт – обычно это происходит при общении с менее знакомым человеком, затрагивающем деловую тематику. Интердиалекты "привязаны" к повседневной коммуникативной сфе-

inslav

ре, т.е. их первичное использование – это непосредственная неформальная устная коммуникация. Так же, как и диалекты, они в принципе монофункциональны.

В письменных текстах, включая и сугубо частные, заметны навыки создания письменных литературных текстов, причем это проявляется даже тогда, когда автор относится к литературной норме отрицательно или же просто освоил ее недостаточно хорошо. Так, зачастую на письме не соблюдается разграничение "*i*" и "*y*"[1], а используется только "беспризнаковая" буква *-i-*. Вместе с тем никому не придет и в голову, вопреки литературной норме слогового написания некоторых комбинаций звуков, писать *ňigdo, d'ivná*, даже, если это и соответствует реальному произношению. Никто также не станет писать слова слитно, исходя из того, что звуковой поток по сравнению с письменным текстом является более непрерывным и т.п.

При дихотомии формальной и неформальной коммуникации, отличающейся наличием большого количества промежуточных ступеней, можно говорить о монофункциональности интердиалектов только в весьма общей форме. Использование интердиалектных черт можно наблюдать как в высказываниях действительно частных, так и, например, в протоколах заседаний коммунальных органов, являющихся разновидностью более официальных коммуникатов. Наконец, у лиц, лишь пассивно владеющих литературным языком, это иногда отмечается и в более ответственных ситуациях. В этой сфере до сих пор наблюдаются и региональные отличия, и, напротив, стремление к культивированию высказывания с целью его "сближения с литературным текстом". Это особенно заметно в речи выходцев из Силезии и (восточной) Моравии (множество примеров приводится в работах "Mluvená čeština na Moravě" и "Tváře češtiny" [Mluvená čeština na Moravě 1997; Tváře češtiny 2000]. Что же касается столицы, а, возможно, и Чехии в целом, то здесь интердиалектные черты наблюдаются в высказываниях с большей публичностью, включая и те из них, которые не имеют ярко выраженной региональной окрашенности (теле-, радиопередачи). На этот факт не однажды обращали внимание пражские лингвисты в связи с анализом роли идиома *obecná čeština* в системе национального языка [из последних ра-

[1] Речь идет об одной из наиболее распространенных орфографических ошибок. Целесообразность разграничения этих фонем на письме зачастую вызывает полемику (*Прим. пер.*).

inslav

бот назовем: Čermák 1996; Müllerová, Hoffmannová 1997; Sgall, Hronek 1999; Sgall 2002]. Результатами детального анализа чешской языковой ситуации за пределами столицы мы пока не располагаем. Между тем, для выявления языковой специфики интердиалектов и особенно для изучения их стабильности исследование сферы употребления и коммуникативных функций чрезвычайно важно.

Установить общую языковую основу отдельного интердиалекта довольно сложно, безотносительно к тому, идет ли речь о мало стабилизированных интердиалектах Моравии и Силезии, где для отдельных регионов правомерно говорить лишь о тенденции к их формированию, или же об идиоме *obecná čeština*, который, образовавшись в результате нивелировки собственно чешских диалектов, используется в повседневной коммуникации. Впрочем, и *obecná čeština* до сих пор отличается региональной дифференциацией, хотя она не столь выразительна, как у других интердиалектов [см. по этому поводу: Sgall, Hronek 1993 или же Krčmová 2000].

Специфика интердиалекта наиболее отчетливо выявляется на фоне как традиционных диалектов, так и литературного языка. И хотя отличия, очевидно, можно проследить на всех уровнях языковой системы, наиболее точной и достоверной является их фиксация и описание на низшем, фонетическом, уровне. Речь идет о конкретных реализациях и их восприятии, осваиваемых и фиксируемых в родном языке исключительно естественным путем. Вполне понятно, таким образом, что для большинства говорящих их первичное освоение проходит без активного влияния культивированного литературного языка. Учитывая малочисленность компонентов этого уровня, имеющих в текстах довольно высокую частотность, наличие в речи диалектных фонетических маркеров становится очень заметным. На основании этого нетрудно установить, владеет ли говорящий литературным чешским языком, и хочет ли он его использовать, в какой степени он уже отошел от диалекта и насколько ему удается перейти, пусть и не обязательно на литературную, но во всяком случае более широко используемую форму национального языка. Если итоговая речевая реализация далека от литературной, это может препятствовать коммуникативной успешности в ситуации, важной в содержательном и общественном отношении, и, напротив, соответствовать коммуникативной стратегии в небольшом социальном коллективе.

inslav

То, что именно фонетика находится в центре внимания, создает определенную проблему. Особенно это касается публикаций популяризаторского характера, где нередко говорится, что принадлежность к интердиалекту проявляется всего лишь в некоторых фонетических особенностях. Так, носитель среднеморавского интердиалекта должен непременно употреблять типичные для него монофтонги *é, ó* (диалектное *náš stréček s tebó mluvit nebude*). Если же он употребляет дифтонги (*náš stréjček s tebou mluvit nebude*), то является уже носителем не интердиалекта, а, судя по использованию *-ej-*, идиома *obecná čeština*. Сказанное может быть справедливо лишь для какого-то небольшого фрагмента текста, особенно если учесть, что транскрипция не фиксирует артикуляционную специфику и интонацию; в большом же тексте заметно, что распределение дифтонгов *-ej* и *-ou*, а также морфологические и лексические особенности восходят к более ранним среднеморавским диалектам; ср. в тексте: *já su o tym přesvječenej, protože ta partyja, co se s ňou scházijou na marijáš, mu neco hókla* ..... (в идиоме *obecná čeština* это звучало бы следующим образом: *já sem o tom přesvječenej, protože ta parta, co se s ní scházeji na matrijáš, mu něco nakecala*).

Другим языковым компонентом, позволяющим отчетливо диагностировать наличие интердиалектных тенденций, является лексика, причем та ее часть, которая, будучи непосредственно связанной с повседневной жизнью человека, является важной основой успешной коммуникации. Вряд ли можно расценивать как симптом интердиалектности вытеснение обозначений старых реалий, поскольку они уже не используются при обычном общении, став специфическим типом терминологии. Даже, если понимать интердиалект как стадию развития диалекта, то и в этом случае сложно усматривать его проявления в употреблении слов, сопровождаемых в толковых словарях пометами "*obecné*" или же "*obecně české*". Данные слова используются в чешском языке уже давно, однако они не были допущены в словарный состав литературного языка из-за характерных для того времени представлений о "языковой чистоте", т.е. чистоте в национальном смысле (отказ от германизмов и – шире – иностранных слов), и этичности (отказ от слов с негативной экспрессией вплоть до вульгарности). Интеграционные тенденции особенно заметны у новых слов, обозначений новых фактов и явлений. Необходимая для этого лексика в своем большинстве стихийно заимствуется из других языков, подвергаясь в той или

inslav

иной степени адаптации в чешском языке. В отдельных случаях встречаются и самостоятельно образованные слова, использующиеся в коммуникации отдельных общностей, надрегиональных и даже наднациональных (например, лица, занимающиеся компьютерами или же интересующиеся компьютерными играми, группы лиц, занимающихся теми или иными видами торговли, банковским делом или же, например, спортсмены и их болельщики). Эти социальные группы, хотя и ограничены своей профессией или же общностью интересов, тем не менее не имеют географической локализации. Благодаря этому и новые слова не имеют региональных вариантов, фонетически маркированных как диалектные. Мы не настаиваем на бесспорности этого утверждения, поскольку и новые реалии могут иметь "диалектные" формы. Так, житель средней Моравии, например, смотрит *televizu*, кое-что он слышал и *v rádii* (ср. литературное *televizi, v rádiu*). В речи более молодого поколения эти особенности исчезают. В этой же ситуации вполне возможным является намеренное акцентирование диалектных черт некоторых слов – в результате этого определенный коллектив заявляет себя как внутренне скрепленное сообщество личных друзей (ср. узус Брно: *je to v ókeju* – 'o.k.' [oukej]). В этом случае, конечно, важна не столь номинативная функция, сколько языковая игра людей, объединенных общностью интересов.

Охарактеризовать формирование интердиалектов посредством морфологического материала гораздо труднее.

В диалектологических исследованиях обычно приводится немало данных о старых морфологических различиях отдельных регионов. В этом случае морфологические формы отражают и фонетические различия или же рефлексы различного фонетического развития (например, чешское *on nes* является следствием развития старых факультативных слогов). Для того, чтобы описать отдельный интердиалект, было бы полезно проследить конкуренцию окончаний как традиционных, так и прочих (причем, не обязательно строго литературных) в текстах повседневных коммуникатов. Трудность, однако, состоит в том, что отдельные формы имеют гораздо более низкую частотность, чем фонетические элементы; мало того, зачастую традиционное окончание встречается лишь у ограниченного круга слов. Помимо этого, часть исконно нелитературных окончаний в последние десятилетия была кодифицирована, поэтому напряжение, существовавшее между литературностью и нелитературностью, постепенно

inslav

исчезло. Как следует из материала выходящего сейчас 4-го тома "Чешского языкового атласа" (2002), есть перспектива дальнейшего углубления этих исследований. До сих пор отмечались лишь явления весьма общего характера, например, нивелировка родовых различий в им. п. мн.ч. у адъективной и местоименной флексии, типичной для большей части Чехии (в Моравии сохраняется различие по одушевленности). Приводились и некоторые явления частного порядка, например, моравское, но отнюдь не общеморавское *su* или же более характерное для чешского региона *já bysem* и т.п.

Что же касается структуры предложения и текста, то здесь мы скорее всего не обнаружим интердиалектных различий. Их сходство обусловлено тем, что мы имеем дело с коммуникатами устными, непринужденными, неподготовленными, с ярко выраженной контактностью. При описании синтаксиса устного чешского языка (полнее всего это сделано в работе О. Мюллеровой [Müllerová 1994] в поле нашего зрения попадает как раз то, что является типичным и для интердиалектов. Изучение на синтаксическом уровне отношения интердиалекта к диалектной основе практически невозможно из-за отсутствия описания диалектного синтаксиса – исключение составляют лишь работы нескольких ученых [см.: Michálková 1971; Balhar 1974; Šipková 1993, а также Chloupek 1971]. В остальном же нам доступны лишь наблюдения частного характера из монографий по диалектологии, касающиеся диалектной специфики, имеющиеся в монографиях по диалектологии. Отстает и сопоставление с литературным языком, поскольку к структуре предложения трудно применить классический критерий литературности, опирающийся на кодификацию (последняя, как известно, исходит из письменных текстов). Вполне возможно, что на этом языковом уровне нам придется отказаться от настоящего лингвистического дифференциального описания интердиалекта как языкового образования.

Несмотря на все упоминаемые трудности и нечеткости, интердиалекты, диалекты занимают свое место в существующих моделях чешского национального языка: без этого поле реального функционирования чешского национального языка в сфере неофициальной, прежде всего устной (а сегодня и письменной) частной коммуникации было бы не заполнено. Очевидно, здесь не столь существенно установить специфические языковые средства, которые, впрочем, в значительной своей части яв-

inslav

ляются общими для всех форм существования национального языка, они могут быть лишь несколько видоизменены фонетически. Проблема лежит глубже: необходимо зафиксировать язык в движении, язык как средство человеческого общения, язык, который руководствуется не столько привнесенными извне правилами (как это характерно для литературного языка) или же нормой небольшого стабилизированного коллектива отдаленной традиционной деревни, сколько потребностями целесообразной, с референционной и прагматической точки зрения, успешной коммуникации.

Сущность этой ни с чем не соизмеримой попытки схватить на лету птицу заключается в традиционном выявлении функций литературного языка. В числе приписываемых ему функций в классическом понимании Б. Гавранека включена и коммуникативная функция, для реализации которой "и представитель определенного слоя людей, которые при других обстоятельствах говорят и пишут на литературном языке, может, конечно, употребить и язык народный, т.е. язык общий (obecný) или же локальный, или классовый диалект, если, конечно, он вообще сможет на нем говорить. Вместе с тем может использоваться и литературный язык, как правило, в разговорной (конверзационной) форме, т.е. в форме, используемой именно только при разговоре. Эту разговорную форму в целом даже у нас нельзя отождествлять с языком общим" [Havránek 1932: 42]. Для коммуникативной функции, или, как мы ныне чаще говорим, функции простого сообщения (prostě sdělovací funkce) в рамках литературного языка был выделен и функциональный язык, вычлененный на основе единого семантического плана, в котором отношение лексических единиц к обозначаемому содержанию является свободным, а сама структура высказывания – неполной, причем понимание этого языка обусловлено ситуацией и общепринятым автоматизмом процедур [ср.: Там же: 68].

С помощью этой весьма обобщенной модели, разумеется, невозможно ответить на вопрос, в какой степени литературный язык действительно используется в сфере повседневной коммуникации. И совсем уже открытым остается вопрос о социальной или же территориальной обусловленности этого в конкретной ситуации.

От времени и ситуации возникновения упомянутого текста нас отделяют три человеческих поколения. Суть этого текста заключается в функциональном понимании литературного языка,

inslav

защите его права на инновации, соответствующие коммуникативным потребностям (не следует забывать, что публикация "Spisovná čeština a jazyková kultura" изначально представляла собой цикл лекций для общественности, целью которых было воспрепятствовать искусственному ограничению естественного развития литературного языка путем различного рода лингвистических запретов). В свете этой концепции включение сферы повседневной коммуникации в одну из функций литературного языка было само собой разумеющимся.

Литературный язык действительно может функционировать в повседневной коммуникации. Подтвердить наверное то, что люди, по крайней мере, те из них, кто активно владеет литературным языком, на самом деле говорят на нем в своей частной жизни, для этого времени было невозможно. Изучение спонтанной повседневной коммуникации ограничивалось уровнем технического развития того времени. Стенографические системы, служившие тогда единственным средством фиксации спонтанных высказываний в целом, были формализованы для нужд публичной коммуникации. Поэтому они не могли зафиксировать все, ныне столь важные для анализа специфические речевые особенности. Тем более людям было не под силу отразить все взаимосвязи коммуникативной ситуации: изучение человеческого общения еще не достигло такого совершенства.

Таким образом, источником познания являлся (помимо диалектологических записей обычно рассказа, например, воспоминания или же сказки [Krčmová 1995]) исключительно текст художественный, т.е. стилизация реальной спонтанной речи, лимитируемая литературной нормой того времени, а также возможностями записи этой стилизации, которая должна была корреспондироваться с навыками правописания. Таким образом, не представлялось возможным адекватно отразить всю речевую специфику, например, упрощение групп согласных и комбинаторику слов [Krčmová, в печати]. Между тем для того, чтобы получить представление о характере повседневной речи в прошлом, нам придется обращаться именно к этому источнику – да еще и к воспоминаниям, которые неизбежно очень субъективны, отражая скорее иллюзию об уровне собственной повседневной речи, чем реальные факты (ср., например, случаи корректировки записей, интеллектуализации структуры текста и предложения, создание иллюзии регулярности в отборе средств выражения и т.д., встречающиеся в якобы аутентичных

inslav

записях). Письменные тексты, не опирающиеся на литературную норму, единичны, невероятно редки, то, что они сохранились – дело случая, а не осознанного намерения. Тексты эти отражают скорее сельскую, а не городскую среду. Возможно, это обусловлено тем, что язык повседневного городского общения довольно долго воспринимался как нечто производное от речи жителей тех поселений, из которых рабочие и мелкие служащие направлялись в города. Эта речь была несопоставима с "настоящей" сельской речью и одновременно она была несовершенна и недостаточно культивирована по сравнению с речью репрезентативного слоя просвещенных лиц.

В нескольких работах о городской речи, возникших в непосредственной преемственности к программной статье Я. Белича [Bělič 1963], показано, что городская речь отнюдь не является некоей случайной смесью элементов различных диалектов, что на самом деле происходит формирование определенных языковых норм, в основе которых находится перечень не столько используемых средств, сколько средств, отсутствующих в этой норме [Krčmová 1997], норм живых и изменяющихся.

В прошлом столетии социальная и культурная граница между городом и деревней все больше нивелировалась, поэтому у нас есть основания ныне (при известном допущении) отождествить повседневный язык города и интердиалект данного региона. Получаемый феномен совершенно очевидно развивается в направлении к определенной норме повседневной речи, характерной для всего социума в целом. То, что развитие идет в этом направлении, конечно, не означает, что конечный результат языкового развития окажется единым и стабильным, сопоставимым со стабильностью традиционных диалектов или динамичной стабильностью литературного языка.

Мы уверены в том, что язык повседневного общения в прошлом был дифференцирован регионально и социально. Более чем вероятно, что таковым он будет оставаться и в будущем, поскольку формируется в условиях непосредственного общения, которое реально может проходить лишь при физическом контакте коммуникантов. Выявление степени этих различий зависит от тонкости анализа. При большой степени обобщения может создаваться впечатление, что все жители определенного региона в повседневном бытовом общении говорят одинаково (не литературно), используя один и тот же репертуар выразительных средств. Однако при детальном анализе, опирающемся на аутен-

inslav

тичный материал, от внимательного слушателя не может ускользнуть наличие географических различий в повседневной речи и среди автохтонных жителей средней Чехии [Jančák 1997], причем даже в Праге; есть различия и в других крупных городах [Krčmová 1974-5]. Эти различия касаются как использования некоторых специфических средств выражения, форм слов, лексем, так и степени сохранения старой диалектной основы.

Продолжающаяся интеграция чешского общества создает условия для дальнейшего стирания региональных различий. Этому способствует как взаимное общение, так и внешнее влияние устных СМИ, которое, хотя и обрекает слушателя на пассивную позицию, тем не менее является определенным образцом речи, принимаемым обществом в целом. В итоге возникает речь, которая не может быть полностью единой ни по ограниченному набору характерных для нее единиц, ни по принципам их использования. Напротив, речь становится дифференцированной, она определяется уже не на основе традиционного лингвистического аппарата, а по социолингвистическим критериям. Это набор средств выражений, используемых в повседневной коммуникации, а это значит спонтанной, прежде всего устной, адресованной небольшому кругу адресатов, находящихся в отношениях непосредственного контакта. По своей тематике эта речь связана с повседневным как физическим, так и социальным существованием человека. Данное определение, так же, как и определения многих других понятий, используемых в общественных науках, является очень расплывчатым, охватывая, очевидно, наиболее типичные ситуации функционирования этой речи. Однако вряд ли можно утверждать, что это речь "монофункциональна и стилистически упрощена", как это в свое время говорилось (опять-таки в общей форме) о диалекте [Chloupek 1997: 41] с учетом минимального количества функций или же ограниченного репертуара коммуникативных ситуаций. При этом именно данная лингвистически трудно уловимая форма национального языка свидетельствует об установлении непосредственного контакта между коммуникантами, укрепляет их социальные связи, не отделяя (в отличие от сленга) группу коммуникантов от их окружения. В отличие от традиционного диалекта ей не свойственна территориальная и социальная лимитация. Единственный сигнал, который подает использование этой языковой формы, заключается в следующем: "мы все своим естеством близки друг к другу, мы общаемся неформально,

inslav

мы все заинтересованы в успехе нашего общения или же, на худой конец, делаем вид, что так оно и есть".

В связи с общим ослаблением коммуникативных норм общества, причем не только норм языковых, происходит постепенное, особенно в последнее десятилетие, стирание границы между коммуникацией публичной (ранее обслуживаемой исключительно литературным языком) и коммуникацией частной. Это особенно заметно в устных высказываниях. Речь уже идет не о различии между общением публичным и непубличным, а в гораздо большей степени об общении официальным и ему противопоставленным. Официальная, институционализированная коммуникация всегда является подготовленной; текст может либо зачитываться, либо, по крайней мере, реализовываться по определенной модели, которая или подготавливалась письменно и осознанно, или же заучивалась в ходе повторения соответствующих ситуаций. Использование литературного языка является ожидаемым, говорящий старается его использовать, невзирая порой на книжность речи. Впрочем, подобных коммуникатов в жизни общества не так уж и много. Этот тип речи характерен для общественных деятелей, т.е. людей, изначально обладающих навыками литературной коммуникации, их высказывания содержат лишь формализованные сигналы контакта с адресатом.

В большинстве же своем межличностная коммуникация имеет иной характер, в ней первостепенное значение имеют именно "человеческий фактор" – это самое существенное, если не самое главное. Контакт с адресатом важен для всех видов текста, нацеленных на убеждение адресата, в том числе и для текстов публичных. Поэтому литературность в них отступает перед "повседневностью", уходящей своими корнями в интердиалекты, а уже через них – в исчезающие диалекты. Поле этой коммуникации является весьма широким: оно включает в себя коммуникацию, содержательно более значимую, и коммуникацию, целью которой является укрепление межличностных отношений, коммуникацию групповую или же ориентированную на специальный состав слушателей (например, адресованную молодежи), коммуникацию нейтральную и эмоционально ангажированную и пр.

Повседневная речь, в том виде, в каком она сейчас формируется, имеет более свободную норму, богатый набор средств выражения, причем существенно, не из какого региона эти средства происходят, а какова их функция. Вместе с тем подобная речь не может удовлетворить дифференцированные коммуникативные

inslav

потребности: ведь если все допустимо, то уже нельзя путем одного лишь отбора средств выражения передать свое личное отношение к адресату или же зафиксировать личную заинтересованность в социально успешной коммуникации. Такое отношение, конечно, можно передать эксплицитно, например, "*я тебя люблю*", "*ты мне нужен*", но в нашей культуре это не очень принято. В этой функции более естественными являются языковые сигналы, говорящие о принадлежности к определенной группе: например, у любовной пары – это особые, только им известные слова; в семье это аллюзии по поводу различных детских оговорок; в группе, объединенной общностью интересов – это используемые только ими общие названия, фраземы, языковые ритуалы; в профессиональной речи – это соответствующая профессиональная терминология и т.п. Упомянем и сигналы более низших языковых уровней, региональное произношение, формы слов. В сущности речь идет о повседневной коммуникации, однако в ней используются средства отнюдь не общенародного обиходного узуса, а наиболее характерные именно для данного коллектива, т.е. средства, которые его выделяют из всех других и одновременно объединяют. В этой функции используются ныне диалекты, или же некоторые диалектные черты. Мало того, мы наблюдаем возрастание значимости этих черт: например, в последнее время усиливается значимость среднеморавского фона такой специфической городской речи, распространенной в Брно, как так называемый "*гантец*", который, казалось бы, уже совсем выходил из употребления [Krčmová, в печати]. Тем самым язык нам демонстрирует, что в нем (так же, как и в обществе в целом) всегда действуют тенденции интеграции и дезинтеграции.

Взаимосвязь между продуктором и рецептором (рецепторами) высказывания особенно важна там, где речь идет о воздействии на адресата менее рациональным по сравнению с аргументацией способом. Типичным примером этого является реклама, нацеленная на определенный круг адресатов. В звуковом сопровождении к рекламам, обращенным к молодежи (жевательные резинки, безалкогольные напитки, компьютерные игры), почти исключительно используется *obecná čeština* как типичный, стандартизованный манифестант обиходной речи, т.е. создается впечатление, будто бы только пражская разновидность повседневного чешского языка имеет общенародный статус. Очевидно, именно так формируется уже упоминавшаяся "привычка к форме существования языка". Впрочем, эта привычка порождает и

inslav

своеобразный противовес, каковым является использование региональной речи в региональной рекламе (это типично, например, для реклам, передаваемых брненскими радиостанциями, в связи с различными распродажами, проходящими в городе). Упомянем также рекламу продуктов, связанных с каким-то конкретным регионом (в качестве примера можно привести общегосударственную рекламу брненского пива "Старобрно", в которой используются типичные особенности обиходной речи Брно; ср.: *hodili sicnu* вм. 'уселись' или же *ufachčili škopek* вм. 'сварили пиво'). Уязвимость использования регионализмов заключается в том, что в отличие от использования идиома *obecná čeština*, функционально стабильного и все-таки подвергшегося некоторой нивелировке, они плохо сочетаются с новыми реалиями и соответствующими им обозначениями. Так, бильборд на улицах Брно, обещающий, что *budeš značkově volepenej* 'будешь фирменно прикинут' (*volepit* 'одеть, прикинуть', форма *volepenej* сочетает в себе типично брненскую производящую основу с окончанием из идиома *obecná čeština*; *značkově* означает 'модно, фирменно', являясь новообразованием), не желая того, производит комичное впечатление, хотя, наверняка, его делали всерьез, с расчетом на молодого жителя Брно, о котором предполагается, что он пользуется разговорным языком Брно и что, конечно, увидев такую рекламу, он "прямым ходом" направится в магазин. Использование "локального патриотизма" в коммерческих целях стимулирует и издание различных непрофессиональных диалектных словариков, рассказов, написанных на диалекте, региональных развлекательных журналов, использующих диалект как комическое средство (зачастую это единственная цель, которая преследуется). Сюда же относятся и странички на Интернете, дополненные рекламой, где целью публикации является – не познакомить с языковой реальностью, а лишь продать.

Сфера повседневной коммуникации находит, разумеется, свое отображение и в текстах художественной литературы. Мы уже не однажды говорили об использовании в этой функции идиома *obecná čeština* [Mareš 1995; Rambousek 1996]. В одной из работ [Krčmová 2000] мы уже обращали внимание на различие в функционировании этого идиома: так, в произведениях XX в. он соответствовал определенному диалекту; начиная с конца 50-х годов XX в., его статус повышается – он становится приметой непринужденного общения безотносительно к географической, а позднее и социальной локализации текста. Поэтому не

inslav

удивительно, что в этой функции его стабилизация произошла раньше всего именно в переводных текстах, в которых региональная окрашенность диалекта может не только ввести в заблуждение, но и вообще неуместна (при незначительной лексической значимости). Следует, однако, отметить, что использование в этой роли нивелированного идиома *obecná čeština* стало уже настолько привычным, будничным, что это не добавляет тексту стилистической выразительности. Вот почему в новейших произведениях уже встречаются случаи отклонения от его нормы. Это достигается, с одной стороны, намеренными включениями из литературного языка; с другой – с помощью использования отдельных диалектизмов, а самое главное, массивным употреблением сленгизмов и неологизмов. Нередко это происходит в совершенно неожиданных комбинациях, не соответствующих ни одному из существующих идиомов и полуидиомов. Таким образом, уже сейчас нивелированная *obecná čeština* не может служить достаточно выразительным средством автостилизации. Именно поэтому в текстах некоторых певцов в стиле "фолк" или же в рассказах-воспоминаниях известных деятелей мы можем встретить элементы диалекта или же специфических жаргонов, с помощью которых они дают понять, что эта среда для них была и по-прежнему остается родной. Это также усиливает стилизацию текста.

Не является чем-то новым и то, что на специальную тему можно говорить на диалекте. Раньше это иногда встречалось в юмористических журналах, причем отнюдь не для того, чтобы о чем-то проинформировать, а просто, чтобы позабавить несоответствием содержания и формы текста. Сейчас подобные случаи вновь возобновились, например, в литературных рецензиях, публикуемых в журнале "Tvar" под именем Антонин Бурда [Krčmová 2001]. Важная по своему содержанию информация благодаря языку, с одной стороны, актуализуется; с другой стороны, создается иллюзия, что свою точку зрения высказывает человек, находящийся за пределами основных очагов культуры, что сообщаемая точка зрения является естественной, "народной". Трудности, обусловленные необычностью языка, заставляют читателя более внимательно читать и тем самым глубже задумываться над соответствующей информацией. Вполне естественно, что так можно использовать лишь такой диалект, воспроизведение и понимание которого не представляет особых затруднений: таков, например, диалект Угерского Градиште – именно он и применя-

inslav

ется в данных текстах, его легко записать с помощью правил, привычных для литературного языка. Мало того, он архаичен в фонетическом отношении, т.е. относительно близок к литературному языку. Иными словами, это не мешает читателю преодолевать трудности, связанные с его прочтением. Правда, нам не известно, много ли найдется подобных энтузиастов. Что касается идиома *obecná čeština*, то благодаря своей стабилизированной устной и письменной форме он не создает подобных трудностей, но зато, как мы уже отмечали, он и беднее по своим стилистическим возможностям.

Язык повседневной коммуникации находится в движении, точно так же, как находится в движении сообщество людей, говорящих по-чешски. Напряжение, существующее между литературным языком и повседневной речью в ее наиболее стабильной реализации – идиоме *obecná čeština* – продолжается. Разумеется, это напряжение не является фатальным, он источник стилизации. Впрочем, и другие формы существования национального языка также находят себе поле для стилистической активности.

ЛИТЕРАТУРА

Balhar J. Skladba lašských nářečí. Academia. Praha, 1974.

Bělič J. Ke zkoumání městské mluvy // Slavica Pragensia IV. UK. Praha, 1963. S. 569–575.

Čechová M., Chloupek J., Krčmová M., Minářová E. Stylistika současné češtiny. ISV. Praha, 1997.

Čermák F. Obecná a spisovná čeština: Poměr, funkce, a metodologie // Spisovnost a nespisovnost dnes. Šrámek R. (ed.). MU. Brno, 1996. S. 14–18.

Český jazyk na přelomu tisíciletí. Daneš F. (ed.). Praha: Academia, 1997.

Český jazykový atlas. Díl 4. Balhar J.(ed.). Praha: Academia. 2002.

Davidová D. Komunikační situace a adekvátnost komunikačního kódu // Linguistica 2. OU. Ostrava, 1990. S. 27–57.

Havránek B. Nářečí česká // Československá vlastivěda III. Jazyk. Praha, 1934. S. 84–218.

Hronek J., Sgall P. O sbližování spisovné a obecné češtiny // NŘ 82, 1999. S. 184–192.

Chloupek J. Aspekty dialektu. UJEP. Brno, 1971.

Chloupek J. Dichotomie spisovnosti a nespisovnosti. UJEP. Brno, 1986.

K diferenciaci současného mluveného jazyka. Davidová D. (ed.) OU, Ostrava, 1995.

Корженски Я. Чешский язык как язык национальный... // Встречи этнических культур в зеркале языка. М., Наука, 2002. С. 71–110.

Krčmová M. K teritoriálně podmíněné diferenciaci městské mluvy. Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity, A 22–23, 1974–75. S. 59–67.

inslav

Krčmová M. Běžně mluvený jazyk v Brně. UJEP. Brno, 1981.

Krčmová M. Ke kořenům vytváření komunikačních kompetenci // Kształcenie porozumiewania się. Gajda S., a Nocoń J. (eds.). Uniwersytet Opolski. Opole, 1994. S. 29–35.

Krčmová M. K pramenům specifika mluveného projevu (Mluvenost, či spontánnost?) // K diferenciaci současného mluveného jazyka. Davidová D. (ed.). OU. Ostrava, 1995. S. 26–32.

Krčmová M. Běžná mluva východní Moravy // Jazyk a jeho užívání. Sborník k životnímu jubileu profesora Oldřicha Uličného. Nebeská I., Macurová A. (eds.). FF UK. Praha, 1996. S. 119–128.

Krčmová M. Současná běžná mluva v českých zemích // Česky jazyk na přelomu tisíciletí. Daneš F. (ed.). Praha; Academia. 1997. S. 160–172.

Krčmová M. Dnešní problémy kultury mluveného projevu // Jazyk a kultura vyjadřování. Karlík P., Krčmová M. (eds.). FF MU. Brno, 1998. S. 107–113.

Krčmová M. Dialekt jako exponent stylových hodnot komunikatu // Stylistyka IX, 2000. S. 189–200.

Krčmová M. Termín "obecná čeština" a různost jeho chápání. // Čeština – univerzália a specifika 2. Hladká Z., Karlík P. (eds.). MU. Brno, 2000. S. 63–78.

Krčmová M. Psaná forma sociolektu. V tisku.

Mareš P. Spisovná čeština v umělecké literatuře // Spisovná čeština a jazyková kultura 1993. Komárek M., Jančáková J. (eds.). UK, Praha, 1995. S. 233–240.

Michálková V. Studie o východomoravské nářeční větě. Praha: Academia, 1971.

Mluvená čeština na Moravě. Davidová D. (ed.) FF OU. Ostrava, 1997.

Müllerová O. Mluvený text a jeho syntaktická výstavba. Praha; Academia, 1994.

Müllerová O., Hoffmannová J. Kapitoly o dialogu. Trizonia. Praha, 1994.

Müllerová O., Hoffmannová J. Čeština spisovná, hovorová, obecná... a hlavně mluvená (v současné komunikaci a v současném výzkumu) // SaS. Roč. 58, 1997. S. 42–54.

Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München, 1999.

Rambousek J. Obecná čeština v české poezii // Spisovnost a nespisovnost dnes. Šrámek R. (ed.). MU. Brno, 1996. S. 183–188.

Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. H&H. Jinočany, 1993.

Сгалл П. Чешский язык в повседневном разговоре // Встречи этнических культур в зеркале языка. М.: Наука. 2002. С. 311–329.

Šipková M. Stavba věty v mluvených projevech. Syntax hanáckých nářečí. H&H. Jinočany, 1993

Tváře češtiny. Bogoczová, I. a kol. OU. Ostrava, 2000.

Перевод Г. Нещименко

inslav

А.Р. Багдасаров

Россия

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТОЛОГИИ В СФРЮ

(социолингвистический аспект хорватско-сербских отношений)

В ходе народно-освободительной войны и революции югославянских народов (1941–1945) Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) провозгласила лозунг "братства и единства всех народов и народностей Югославии". 29–30 ноября 1943 г. в боснийском городе Яйце состоялась 2-я сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ), заложившая основы федеративной государственности и образования Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) в качестве первого временного правительства. Сессия приняла решение о создании нового югославского государства, которое будет строиться на принципах равноправия и самоопределения всех ее народов. Спустя два года, 29 ноября 1945 г. Учредительная скупщина в Белграде провозгласила образование Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ), в состав которой вошли шесть республик и две автономии: Босния и Герцеговина; Македония; Сербия с автономным краем Воеводина, автономной областью Косово и Метохия; Словения; Хорватия; Черногория. 31 января 1946 г. была принята первая конституция ФНРЮ, прочитанная поочередно депутатами Парламента по статьям на сербском (М. Пияде), хорватском (З. Бркич), словенском (М. Брецель), македонском (В. Малеский) языках. Собравшись 26 февраля 1946 г. Президиум Национального сабора Хорватии объявил о создании Народной Республики Хорватии. Новое государство, возглавляемое КПЮ, формировалось, по примеру Советского Союза, как система относительно упорядоченных этноязыковых иерархических образований, в пределах которых официальные функции должен был выполнять язык соответствующего этноса. Исключение составляла Босния и Герцеговина, которая в силу многонационального состава своего населения не была раздроблена по национальному принципу образования. Следует также сказать, что сербы, компактно проживающие в Хорватии, не получили

inslav

собственной автономии, хотя и были признаны "государствообразующим народом" [Фрейдзон 2001, 258].

В Югославии было объявлено юридическое равноправие народов и языков, принципы которого были утверждены еще на 2-й сессии АВНОЮ. Так, в одном из постановлений АВНОЮ от 15 января 1944 г. (№ 18) в частности говорится: "Все решения и воззвания Антифашистского веча народного освобождения Югославии и его Президиума как верховной законодательной власти и Национального комитета освобождения Югославии как верховной исполнительной и административной власти публикуются в официальных изданиях АВНОЮ и НКОЮ на сербском, хорватском, словенском и македонском языках. Все эти языки равноправны на всей территории Югославии" [Vjesnik. 19.01.89: 2]. 19 декабря 1944 г. председатель НКОЮ маршал Югославии Й. Броз-Тито подписывает постановление об издании на сербском, хорватском, словенском и македонском языках "Официальной газеты" (Službeni list) Югославии [Babić 1990: 13–18]. Первые, еще не укрепившиеся шаги новой власти в этноязыковом строительстве, носили отчасти вынужденный характер, поскольку в оккупированных Германией государственных образованиях многие народы уже имели свое собственное, раздельное наименование языка. Так, например, в "Независимом Государстве Хорватии" (1941–1945) язык именовался хорватским, а в Сербии – сербским. Новая власть не хотела, по-видимому, казаться менее демократичной, нежели существующие или предшествующие "буржуазные" правительства. Однако наименование языка в республиканских конституциях 1946–1947 гг. несколько видоизменяется. Так, в Хорватии судопроизводство ведется уже на "хорватском или сербском языке", в Сербии на "сербском, а в автономных образованиях и на хорватском", в Боснии и Герцеговине на "сербском или хорватском языке", а в Черногории на "сербском языке" [Караджа 1991: 314–315]. При этом в Конституции ФНРЮ хорватско-сербские этноязыковые различия сохраняются. Ср.: ***Nitko*** *ne može biti kažnjen...* – ***Нико*** *не може...* ***Obrana domovine*** *najviša je dužnost...* – ***Одбрана отаџбине****... Država vodi brigu o fizičkom* ***odgoju*** *naroda...* – *Држава води бригу о физичком* ***васпитању*** *народа...* ***Njezin*** *je zadatak da* ***osigura*** *i brani...* – ***Њен*** *је задатак да* ***обезбеђује****...* (Ustav FNRJ 1957, 61, 63, 68; Нови Устав 1955, 61, 63, 68).

К концу 40-х годов XX в. оппозиция в Югославии была полностью сломлена или репрессирована, КПЮ усиливает свое господ-

inslav

ствующее положение во всех сферах общественной жизни, в стране устанавливается централизованное государственное управление. В идеологии КПЮ вынашиваются утопические планы доктрины так называемого марксистского "югославизма", т.е., по существу, старые идеи о будущем добровольном единении и слиянии южнославянских (движение иллиризма в первой половине XIX в.), югославянских (этноязыковая политика в первой четверти XX в.), югославских народов и их языков [Brozović 1978: 71].

В послевоенный период в стране развернулись процессы политической, экономической, культурно-идеологической интеграции и межэтнической консолидации, строительства новых вооруженных сил. Важная роль в этих процессах отводилась внутригосударственному языковому единению. В многонациональном, разноязычном государстве встал вопрос о необходимости общего языка межэтнической и межкультурной коммуникации – языка-макропосредника. Язык-макропосредник должен был выполнять не только функцию средств межэтнической и межкультурной коммуникации, но и не менее важную функцию обслуживания общегосударственных нужд (единое государственное управление, все виды транспорта и внешних сношений, единая армия, почтовая связь и т.д.). Естественное выдвижение общегосударственного межэтнического языка-макропосредника рассматривалось в многонациональной Югославии как инструмент консолидации югославского общества, как одно из важных средств воспитания патриотизма супраэтнического типа. Обеспечение политического, социально-экономического и межэтнического единства, поддержание и усиление патриотизма супраэтнического типа, вновь зародившегося в годы национально-освободительной борьбы, приобрело огромную важность, особенно после разрыва отношений Югославии с СССР и другими социалистическими странами в конце 40-х – начале 50-х годов, когда страна оказалась на грани вооруженного конфликта.

В роли языка-макропосредника стал выступать наиболее распространенный, обслуживающий несколько наций (сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев-муслиман), литературный сербохорватский язык (ЛСХЯ)[1]. Полинациональный литературный

[1] В нашей стране язык, о котором идет речь, традиционно именовался как сербохорватский или сербскохорватский, а изредка и хорватосербский со значением хорватской разновидности языка [Гудков 1999, 170]. С распадом единого государства (СФРЮ) и изменением правового статуса языка меняется и его лингвоним: хорватский язык, сербский язык, босняцкий язык, а в последнее время встречается и название – черногорский язык.

inslav

язык, имея равные социально-коммуникативные и юридические права с другими языками (словенский, македонский), фактически превосходил эти языки по объему и сфере применения. Об этом, в частности, свидетельствовал и тот факт, что среди словенцев, македонцев, албанцев, венгров и других этнических групп было наиболее развито двуязычие.

В то же время язык названных этносов не был единым, строго нормированным, унифицированным языком на всей территории своего распространения. Полинациональный литературный язык, функционируя на протяжении около двух столетий в условиях культурно-исторической, геоэтнической, государственной и политической разобщенности его народов (лишь 1 декабря 1918 г. югославянские народы были объединены в одном государстве – Королевстве сербов, хорватов и словенцев) на территории Хорватии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, сложился на базе штокавского диалекта в виде ряда имеющих тождественную основу национально-территориальных стандартно-языковых вариантов и переходных образований, наиболее распространенными среди которых явились: западный (хорватский) и восточный (сербский). Вариантные реализации полинационального литературного языка сформировались не в результате "трансплантации" одного языка, как это имело место в случаях с английским, испанским, португальским, французским, а вследствие параллельного развития, под влиянием факторов социально-исторического, политического, экономического и культурно-идеологического характера.

В середине 50-х годов XX в. вопросам кодификации литературных норм и культуры речи постепенно придается политический и культурно-идеологический характер. На начальном этапе этноязыкового строительства необходимо было прежде ослабить, а впоследствии и нивелировать этноязыковые различия хорватов и сербов. Предпринимаются очередные попытки ослабить этноязыковые различия, унифицировать и кодифицировать литературный язык прежде всего хорватов и сербов.

В сентябре 1953 г. "Летопис Матицы сербской" опубликовал в г. Нови-Сад анкету "Вопросы сербскохорватского литературного языка и правописания". В опросе приняли участие известные югославянские лингвисты, писатели, журналисты и общественные деятели, среди них А. Барац, А. Белич, С. Винавер, Л. Йонке, Г. Крклец, П. Скок, М. Стеванович, И. Франгеш, М. Франичевич, Й. Хорват и др. Вслед за этим в г. Нови-Сад с 8

inslav

по 10 декабря 1954 г. состоялось совещание, на котором была принята резолюция из десяти пунктов. В ней декларировалось, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке. Литературный язык, развивающийся на основе единого народного языка вокруг двух культурных центров Белграда и Загреба, представляет собой единый язык с двумя нормами произношения – экавской и иекавской. Официальное наименование языка должно быть двукомпонентным и содержать указание на два говорящих на этом языке народа – сербов и хорватов (српскохрватски/hrvatskosrpski jezik). Кириллический и латинский алфавиты провозглашались равноправными на всей территории своего бытования. На совещании было принято решение подготовить и издать совместными усилиями словарь современного "сербскохорватского/хорватскосербского" литературного языка; выдвигалась задача выработки единой терминологии. Была осуждена практика "перевода" текстов, написанных в разных культурных центрах, с одной разновидности языка на другую. Участники совещания решили безотлагательно разработать единый орфографический кодекс. Резолюцию Новисадского совещания подписали 25 литераторов и лингвистов (из Хорватии – 7, из Сербии – 15, из Боснии и Герцеговины – 3), к ним присоединились еще 64 деятеля культуры и науки, среди которых известные писатели Мирослав Крлежа (1893–1981) и Иво Андрич (1892–1975) (см. [Dogovor o jeziku i pravopisu. 8.XII.1954. 1989, 2]).

В соответствии с "Резолюцией Новисадского совещания" была сформирована комиссия из представителей Белградского, Загребского и Сараевского университетов, Сербской и Югославской Академии наук, которой поручалась разработка проекта новых правил правописания. В комиссию по разработке новых правил правописания вошли: Р. Алексич, А. Белич, Й. Вукович, Л. Йонке, Р. Лалич, С. Павешич, П. Рогич, М. Стеванович, М. Хаджич, И. Хамм, М. Храсте. Результатом их сотрудничества явился выпуск в 1960 г. параллельных изданий (латиницей и кириллицей) в Загребе и Нови-Саде совместного свода правил правописания [Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika/Правопис српскохрватског књижевног jezika 1960]. Этими правилами достигалось решение спорных орфографических вопросов, хотя устранить все расхождения между двумя разновидностями нормы правописания не удалось. Новое правописание представляло собой своеобразный орфографический компромисс, сплав правил правописания А. Белича в Сербии и Д. Боранича в Хорватии. Для

inslav

национальной интеллигенции это было время больших перемен, надежд и чаяний, но, как скоро выяснилось, иллюзорных.

В 1963 г. была принята новая конституция, которая изменила не только название государства: "Социалистическая Федеративная Республика Югославия" (СФРЮ), но и юридически закрепила новый лингвоним: "сербскохорватский/хорватскосербский язык", кодифицированный в совместном правописании 1960 г. В статье 131 Конституции СФРЮ говорится: "Союзные законы и другие общие акты союзных органов публикуются в официальной газете федерации на языках народов Югославии: сербскохорватском, соответственно хорватскосербском, словенском и македонском. Органы федерации в официальном общении придерживаются принципа равноправия языков народов Югославии" (Ustav SFRJ 1964, 78). В республиканских конституциях Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговины в официальном использовании был принят "сербскохорватский язык", а в Хорватии – "хорватскосербский".

Официальное признание резолюции Новисадского совещания не означало устранения вариантных расхождений, не давало каких-либо преимуществ той или иной этнолингвокультурной среде. В то же время в 50–60-х годах "сербскохорватский" (сербский) литературный язык расширяет и укрепляет сферы своего влияния. Так, после Новисадского совещания 1954 г. в 50–60-х годах ежегодный "Статистический календарь" публикуется на нескольких языках страны, исключая "хорватскосербский" (хорватский) язык (до 1971 г.); по загребскому радио новости дня в 10 часов вечера транслировались до 1958 г. с экавской нормой произношения; в 50-е годы администрация запрещает использовать хорватские названия месяцев (*siječanj, veljača, ožujak* и др.) и т.п. [Jonke 1971, 31–49]. В середине 50-х начале 60-х годов М. Лалевич издаёт в Белграде пособия "Наше правописание" (Наш правопис) и "Сербскохорватский в моём кармане" (Српскохрватски у мом џепу), в которых многие слова, употребляемые преимущественно в сербской среде (*Југословен, Вавилон, хемија, кафа* и др.) характеризуются как "более приемлемые" по сравнению с соответствующими образованиями в хорватской среде [Лалевић 1963]. В 1963 г. М. Московлевич издаёт "Словарь русского и сербскохорватского языков" (Речник руског и српскохрватског jezika), в котором хорватскую лексику (*колодвор, крух, казалиште, зрак, рајчица, otok* и др.) составитель помечает как областную, т.е. диалектную [Московљевић 1963]. Вышеупомянутые публикации вызвали протесты и критику со стороны прежде все-

inslav

го хорватских лингвистов (см.: [Jonke 1971, 305, 365; Vince 1959/60; Finka 1966/67, 69; Ujčić 1966/67, 150]). Следует отметить, что процесс перевода нейтральной хорватской лексики в разряд стилистически маркированной наблюдался и в предшествующие периоды совместного проживания хорватов и сербов в Королевстве Югославии (1929 г.). По наблюдениям И. Пранковича, в 30-х годах XX в. многие хорватские слова в белградском лингвистическом журнале "Наш језик" (издаётся с 1932 г.) сербские лингвисты относили к архаизмам, варваризмам, провинциализмам, диалектизмам или к искусственным образованиям. К примеру, хорватские слова *ubojstvo, tko, taliti* объявляются архаизмами; *naputak, spodoba, kralježnica* – провинциализмами; *tlak, dojam, tajnik* – варваризмами, а *četvero, uporaba, rabiti, osebujnost* квалифицируются как диалектизмы (см.: [Pranjković 1998, 147–155]). В послевоенный период, отмечает С. Вукоманович, сербский унитаризм стремился к "искусственному слиянию и стиранию культурных и языковых особенностей. Югославянство часто воспринималось в тот период как (над)нация" [Vukomanović 1987: 94].

В этих условиях стремление использовать язык преобладающего этноса для внутригосударственной интеграции воспринималось отдельными деятелями хорватской культуры и науки, общественными институтами Хорватии как проявление унитаризма со стороны господствующей нации, этноязыковой дискриминации, посягательство на их конституционные права, вызывая в качестве ответной реакции усиление тенденций республиканского и этноязыкового размежевания и отделения. Попытки унифицировать литературный язык в сложившихся к тому периоду социально-политических и экономических условиях привели к обратным результатам. Они усилили хорватский лингворегионализм, сопутствующий регионализму, возникающему на социально-экономической почве. Сущность лингворегионализма сводится к утверждению и защите родного языка населения республики, к стремлению доказать его самобытность, высокую коммуникативную ценность, его славное прошлое (см. [Чернышев 1978, 145–146]). Унитаристская доктрина марксистского "югославизма" на практике переросла в свою противоположность, в идеи экономического, политического (республиканского), этноязыкового, а в перспективе и государственного размежевания и разделения.

В сложившихся социально-политических условиях язык как общественное явление всё больше и больше стал приобретать политическую значимость. Первопричина обострения языковых

inslav

проблем состояла прежде всего в нерешённости межнациональных отношений.

Межнациональные и межреспубликанские противоречия особенно обострились в конце 60-х–начале 70-х годов. В Хорватии, Сербии, Словении прокатилась волна студенческих выступлений и забастовок с требованиями ускорить процесс реформ, предоставить республикам большую экономическую и политическую самостоятельность. Органы хорватской печати ("Hrvatski književni list", "Hrvatski tjednik", "Studentski list", "Omladinski tjednik" и др.), радио и телевидение культивировали страх перед "экспансией сербского элемента и возможной этнической ассимиляцией хорватского населения". Поддерживалось мнение о том, что на хорватов смотрят как на виновников преступлений усташей, что экономический потенциал Хорватии используют прежде всего в интересах многочисленной нации, ограничивают её культурную самобытность и т.п. (см.: [Perić 1976, 13–21, 203–204]). В сербской же среде культивировалось мнение, что сербы – это наиболее многочисленная нация, больше всех пострадавшая в народно-освободительной борьбе, внёсшая больший вклад в создание Новой Югославии ..., а следовательно, она (нация. – *А.Б.*) должна обладать большей властью; играть решающую политическую роль в стране..." [Vukomanović 1987, 50, 94]. В связи с этим выдвигалась доктрина исключительности сербского народа, на которого возлагалась объединительная миссия единения и сплочения всех народов и народностей СФРЮ. Обострение межнациональных противоречий вызвало в этнолингвокультурной хорватской среде опасение оказаться под господством более многочисленной сербской нации, подвергнуться этноязыковой ассимиляции, что, в свою очередь, придавало политическую остроту и языковому вопросу. При этом не следует также забывать о том, что хорватам в прошлом не раз приходилось бороться против насаждения латинского, немецкого (габсбургско-австрийского), венгерского, итальянского (венецианского), сербского языков. Борьба за сохранение родного языка являлась частью национально-освободительного движения хорватского народа за свою независимость. В целом же "межнациональные противоречия обычно определяются социально-экономическими факторами" [Бромлей 1981: 302; 1983: 334]. Так, возникновение межнациональных противоречий конца 60-х – начала 70-х годов К. Йончич и И. Перич связывают с социально-экономическими проблемами, охватившими страну, прежде всего в сфере регионального производства и неравномерного федерального распределения материальных благ (см.: [Йончич 1967,

inslav

25–26; Perić 1976, 210–214]). Межреспубликанские и межнациональные противоречия обострялись в результате общей децентрализации экономической и политической системы единого федеративного государства.

Ещё в июне 1950 г. Народная скупщина ФНРЮ приняла Основной закон об управлении государственными хозяйственными предприятиями со стороны трудовых коллективов. В соответствии с ним вся полнота власти в сфере хозяйствования передавалась рабочему совету. В середине 50-х годов самоуправление распространялось на многие отрасли народного хозяйства. Процесс децентрализации управления общественными делами стал охватывать и непроизводственные виды деятельности: просвещение, культуру, здравоохранение, социальное обеспечение. КПЮ на VI партийном съезде (Загреб 1952 г.) формально отказалась от своей ведущей роли в управлении государством, переименовав свою организацию в Союз коммунистов Югославии (СКЮ). В 60-х годах в структуре народного хозяйства усилилась экономическая диспропорция между более развитыми (Словения, Хорватия, Воеводина) и менее развитыми (Босния и Герцеговина, Македония, Черногория, Косово) регионами страны. Для разрешения нарастающих проблем и противоречий с 1965 г. начала осуществляться социально-экономическая реформа. В ходе её заметно обострились межреспубликанские и межнациональные противоречия. В этих условиях была предпринята попытка решить проблему межнациональных отношений путём реформы политической системы. В 1967–1971 гг. были приняты поправки к Конституции СФРЮ, значительно расширившие права республик, которые получили бóльшую экономическую и политическую самостоятельность. Однако кризисные явления в стране продолжали нарастать, углубляя децентрализацию, переход от централизованного федеративного государства к децентрализованному конфедеративному устройству [см.: Каменецкий 1985: 16–25]).

Тенденции к обособлению югославского народного хозяйства в границах республик и краёв, к переходу от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межнациональные противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингворегионализму, дивергентному развитию языка. Всё это, естественно, не могло не сказаться на судьбе решений Новисадского совещания. Прагматическое осознание общности, по-

inslav

лезности и целесообразности использования одного кодифицированного языка-макропосредника в многонациональном сообществе, с одной стороны, и беспокойство за судьбу собственной этнолингвокультуры, с другой, не привели общественные организации и научные общества к дальнейшему языковому единению на основе компромиссов. Попытки проведения совместной языковой политики, стандартизации и кодификации, при дезинтеграции социально-экономических и политических процессов, в целом не увенчались успехом.

Отсутствие собственного этнолингвонима и ограничение языковых прав на использование родного языка вызвали волну протестов среди научных учреждений и культурных обществ Хорватии. В 1965—1966 гг. некоторые научные учреждения и общества Хорватии (Društvo književnika Hrvatske; Zagrebački lingvistički krug Hrvatskog filološkog društva; Znanstveni kolektiv Instituta za jezik JAZU) выступили в лингвистическом журнале "Jezik"[2] (издаётся с 1952 г.) против попрания конституционных прав хорватского народа на самостоятельное развитие и наименования своего языка, против неоправданного вмешательства средств массовой информации в тексты оригиналов... и т.п. (см.: [Zaključci plenuma Društva književnika Hrvatske o problemima suvremenog jezika hrvatske književnosti, znanosti, školstva i sredstva masovne komunikacije 1965/66; Rezolucija Zagrebačkog lingvističkog kruga 1965/66; Izjava o jedinstvu i varijantama hrvatskosrpskog književnog jezika 1965/66]).

9 марта 1967 г. в Загребе правление Матицы хорватской избирает комиссию из 7 человек, которой поручалось составить и разработать текст декларации о праве хорватского языка на собственное наименование и равноправное функционирование среди других языков народов Югославии. В состав комиссии вошли известные хорватские языковеды и литературоведы: М. Брандт, Д. Брозович, Р. Катичич, Т. Ладан, С. Михалич, С. Павешич, В. Павлетич. Непосредственным поводом для составления декларации послужил призыв Союзной скупщины к гражданам страны всенародно обсудить и внести некоторые поправки в Конституцию СФРЮ 1963 г. После продолжительной дискуссии текст "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка" был принят большинством голосов (двое были про-

[2] Ср. наименования двух лингвистических журналов "Наш језик" (Белград), т.е. общий и "Jezik" (Загреб) без слова "наш".

inslav

тив – по воспоминаниям Л. Жупановича) единогласно. 17 марта 1967 г. "Декларация" была опубликована в загребской газете "Telegram". Текст "Декларации" подписали 18 научных, научно-педагогических учреждений и обществ (Matica hrvatska; Društvo književnika Hrvatske; Hrvatsko filološko društvo; Institut za jezik JAZU; Katedra za suvremeni hrvatskosrpski jezik Filozofskoga fakulteta u Zadru i Zagrebu; Institut za lingvistiku Filozofskoga fakulteta u Zagrebu; Društvo književnih prevodilaca Hrvatske и др.). В ней утверждалось, что резолюция Новисадского совещания о праве каждого народа на самостоятельное и равноправное развитие родного языка не выполняется. Проводится в жизнь концепция единого "государственного языка". Причём в роли "государственного языка" выступает "сербский литературный язык". Этот "государственный язык" при посредстве административно-управленческого аппарата, средств массовой информации, практикой использования языка в Югославской народной армии, в союзном законодательстве, дипломатии и политических организациях навязывается в качестве единого языка хорватов и сербов. Тем самым хорватский литературный язык, по мнению авторов "Декларации", вытеснялся и ставился в неравноправное положение "локального наречия", т.е. как региональный диалект сербского литературного языка. Хорватская интеллигенция требовала более чёткой формулировки этнолингвонимов в статье конституции, а также предоставления правовых гарантий для сохранения равноправного развития этнолингвокультурного разнообразия югославянских народов и народностей. В связи с этим авторы "Декларации" предлагали изменить формулировку статьи 131 Конституции СФРЮ, где говорится о "сербскохорватском/хорватскосербском языке". Предлагалось внести поправку в Конституцию СФРЮ следующего содержания: "Союзные законы и другие общие акты союзных органов публикуются в аутентичном тексте на четырёх литературных языках народов Югославии: сербском, хорватском, словенском, македонском. В официальном общении органы федерации обязаны придерживаться принципов равноправия всех языков народов Югославии". Авторы "Декларации" отмечают, что нынешняя формулировка основного закона страны о "сербскохорватском/хорватскосербском языке" из-за своей неточности позволяет на практике вольно трактовать эти наименования как синонимы, а не как основу для равноправия хорватского и сербского литературных языков. Научные и общественные организации, подписавшие "Декларацию", требовали обес-

inslav

печить последовательное использование хорватского литературного языка в просвещении, журналистике, общественной и политической жизни, средствах массовой информации Хорватии, т.е. там, где исторически обитает этноязыковая хорватская общность (см. подробнее [Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika 1997]).

19 марта 1967 г. состоялся пленум Союза писателей Сербии, на котором в ответ на хорватскую "Декларацию" было принято решение опубликовать сербскую декларацию. 3 апреля 1967 г. в газете "Борба" была опубликована декларация под названием "Предложение для размышления" (Предлог за размишљање 1967, 5). В этом документе, под которым стояли 42 подписи, призывалось аннулировать решения Венского литературного соглашения 1850 г. и Новисадского совещания 1954 г. Авторы "Предложения" декларировали право на самостоятельное и равноправное развитие хорватского и сербского языков.

Оба лингвополитических манифеста, по сути дела, лишь обострили межэтнический языковой конфликт, признав или согласившись на право существования самостоятельных литературных языков. В многочисленных материалах, появившихся в средствах массовой информации, "Декларации" и "Предложение" квалифицировались как попытки подорвать "единство и братство югославских народов". Положения, выдвинутые в этих документах, встретили осуждение со стороны правящей коммунистической партии. Многие деятели культуры, члены СКЮ, подписавшие "Декларацию" или активно участвовавшие в ней, были исключены из партии или получили строгие партийные выговоры. Среди них М. Брандт, Д. Брозович, Л. Йонке, З. Комарица, З. Кузманович, С. Михалич, Я. Равлич, И. Франгеш, Д. Цар. Вслед за этим М. Крлежа самостоятельно выходит из партии, подав письменное заявление в ЦК Союза коммунистов Хорватии [(см.: Pavičić 1991: 23]. Центральные комитеты Союза коммунистов Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины в 1967–1968 гг. издали специальные документы, в которых призвали устранить недостатки и упущения в языковой теории и практике. В этих постановлениях не ставились под сомнение решения Новисадского совещания. Речь шла прежде всего об их более последовательном претворении в жизнь, о том, что "открытые языковые вопросы необходимо решать спокойно и трезво, с полной научной и политической ответственностью" [Izvršni komitet CK SKH i CK SKS o suvremenoj

inslav

jezičnoj problematici 1967/68, 65–67; Izvršni komitet CK Bosne i Hercegovine o suvremenoj jezičnoj problematici 1967/68, 129–130]. Однако эти призывы носили скорее декларативный и отчасти сдерживающий характер, нежели законодательное, практическое осуществление действительного равноправия. Как отмечает Е.Ю. Гуськова, "авторитарный коммунистический режим и однопартийная система сдерживали центробежные тенденции, гасили многие проявления национального самосознания, насильственно заглушали, но не разрешали имевшие место межнациональные противоречия" [Гуськова 1992: 60].

Пристальное внимание и обострённую реакцию вызвало в Хорватии издание первых двух томов совместного "Словаря хорватскосербского/сербскохорватского литературного языка" (Rječnik hrvatskosrpskoga/srpskohrvatskoga književnog jezika). Ещё до Новисадского совещания Матица хорватская и Матица сербская начали работу по созданию общего толкового словаря. В 1967 г. были выпущены два тома (до буквы К), напечатанные латиницей и кириллицей в Загребе и Нови-Саде. В Хорватии они подверглись резкой критике. Словарь, в частности, критиковался за отсутствие многих хорватских слов, за преимущественное использование в нём, в качестве иллюстраций, произведений сербских писателей (см.: [Brozović 1969: 19–88; Taj hrvatski 1992: 79–84]). В словаре прослеживается также тенденция ослабить, затушевать, нивелировать этноязыковые и территориальные лексические расхождения. Например: **ваздух** м. = **зрак** 1. смеса **плинова**, **гасова** koja чини атмосферу и коју удишему, **уздух** [Речник српскохрватског књижевног језика 1967: 320]. "Жаль, что в словаре, объявленном информационным, нет сведений о территориальной распространённости той части лексики, которой активно владеют носители одного варианта языка и пассивно – другого. Цитаты из произведений сербских и хорватских авторов, сообщаемые в словарных статьях, не дают ясного представления о взаимоотношениях лексем, входящих в дублетные пары (*гас – плин, ваздух – зрак* и т.п.) двух вариантов языка" [Гудков 1968: 115]. В 1969 г. от издания последующих томов Матица хорватская отказалась, мотивируя свой отказ необходимостью доработки словаря и недостатком финансирования. Следующие четыре тома были напечатаны Матицей сербской только кириллицей.

Отказ от совместного издания словаря послужил поводом к расторжению Новисадского совещания. В 1971 г. Матица хорватская, Институт языка Югославянской академии наук и искусств,

inslav

Общество хорватских писателей и другие научные учреждения и культурные общества Хорватии в одностороннем порядке расторгли Новисадское совещание.

Следует отметить, что метод регулирования межъязыковых отношений с помощью заключения компромиссных общественных договоров и соглашений, при одобрении и стороннем наблюдении республиканских и центральных органов партии, не привели стороны к практической реализации установленных договорённостей. Ни один из пунктов Новисадского договора не был полностью реализован на практике. К примеру, новые правила правописания 1960 г. не устранили имеющиеся расхождения между хорватской и сербской нормой. Каждая этнолингвокультурная среда (языковой коллектив) придерживалась в правописании дублетов той традиции, которая была ей ближе и привычнее. В совместном своде правил правописания допускается свободное употребление таких фонетико-фонематических вариантов слов, как: *Cipar* и *Кипар*, *kaos* и *хаос*, *kemija* и *хемија*, *ocean* и *океан*, *opći* и *општи* и т.д. Однако в хорватской языковой среде, как правило, употребляются лишь *Cipar, kaos, kemija, ocean, opći*, а в сербской среде – *Кипар, хаос, хемија, океан, општи*. Официальное название языка, принятое в совместном правописании и закреплённое в конституции, не в равной мере одинаково использовали четыре республики, официальным языком которых являлся "сербскохорватский/хорватскосербский". К выработке единой терминологии хорватские, сербские и сараевские лингвисты фактически не приступали ввиду выявившихся разногласий. Не прекращалась практика переводов (адаптаций литературных текстов) произведений с одного варианта на другой. Так, например, сербского поэта Й. Змая, хорватского писателя В. Назора "переводят" с сербохорватского языка на хорватский, поскольку первый писал на сербском, а второй допускал "сербские заимствования" (Komunist 1985. 9.XI.: S. 14). Ср. например, перевод текстов стихотворения Й. Змая с сербского языка на хорватский.

– ...Да ме метне **ко** за краља...Место **хлеба** све переца... (Змай 1979, 83);

– ...Da me metne **tko** za kralja...Mjesto **kruha** – sve pereca... (Zmaj 1984, 16).

– ...Данас си **срећан** био! ... (Змай 1979, 168); – ...Danas si nam **sretan** bio (Zmaj 1984, 23). В цикле новелл М. Крлежи "Хорватский бог Марс" корректоры или редакторы некоторых хорватских издательств переводят отдельные слова писателя, такие как

inslav

османизм (турцизм) *pendžer* 'окно', сербизмы *voz* 'поезд', *Crveni krst* 'Красный крест' из разряда стилистически маркированных в разряд нейтральных для хорватского литературного языка – *prozor, vlak, Crveni križ* (см. [Težak 2002, 282]).

Процессы конвергенции и унификации языка и одновременно его дивергенции и дифференциации не привели югославянское языковое сообщество в лице её национальной (хорватской, сербской) интеллигенции к созданию в стране языковой терпимости и лояльности. Совместные межнациональные мероприятия, проводимые в рамках кодификации норм литературного языка, как констатирует В.П. Гудков, и инициированные Новисадским совещанием и его решениями, прекращены и заменены акциями в границах отдельных республик [Гудков 1976: 102]. Неудачи совместного языкового планирования связаны во многом с тем, что недостаточно полно учитывались общие тенденции социально-экономического, политического и языкового развития, а также история межэтнических отношений двух народов. Попытки ускорить внутриязыковое единение не соответствовали процессам внутригосударственной дезинтеграции.

В 1974 г. в СФРЮ была принята новая конституция. Конституция СФРЮ различает два понятия: "народ" – автохтонный этнос и "народность" – этнос, основная часть которого, как правило, обитает за пределами Югославии. К народам относят: македонцев, муслиман (с 1967 г.), сербов, словенцев, хорватов, черногорцев, а к народностям: албанцев, болгар, венгров, итальянцев, русинов, словаков, турок, украинцев, чехов и других. В стране насчитывалось около 14 языков. Конституция 1974 г. предоставляла решение языкового вопроса на усмотрение республик и краёв. Федеральные законы и правовые акты публиковались на языках субъектов федерации. Так, например, согласно ст. 269 "Союзные законы и иные распоряжения и общие акты принимаются и публикуются в официальном печатном органе СФРЮ в аутентичных текстах на языках народов Югославии, предусмотренных республиканскими конституциями. Союзные законы и иные распоряжения и общие акты публикуются в официальном печатном органе СФРЮ как аутентичные тексты и на языках албанской и венгерской народности" (Ustav SFRJ 1974, 58). Согласно п. 1 ст. 138, Конституции Хорватии: "В Социалистической Республике Хорватии в общественной жизни используется хорватский литературный язык – стандартная форма литературного языка хорватов и сербов в Хорватии, ко-

inslav

торый именуется хорватский или сербский" (Ustav SFRJ 1974, 315). В Конституции Сербии официально используется сербскохорватский язык (лингвоним не меняется), в Боснии и Герцеговине – сербскохорватский/хорватскосербский в иекавской произносительной норме, в Черногории – сербскохорватский в иекавском произношении, в Словении и Македонии соответственно – словенский и македонский, в Косово – албанский, сербскохорватский и турецкий, в Воеводине – сербскохорватский/хорватскосербский, венгерский, словацкий, румынский, русинский. Средства массовой информации используют десять языков. Обучение и воспитание в детских садах, школах и вузах осуществляется, в том или ином объёме, на языках субъектов федерации, а также на итальянском (Хорватия и Словения), турецком (г. Приштина), словацком, румынском, русинском (Воеводина). Болгарский, чешский, украинский языки (в некоторых районах Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии) используются в детских садах и в начальных классах, цыганский – в младших классах начальной школы (в некоторых районах Косова) (см.: [Škiljan 1988: 84; Гак 1989: 122–123]).

Языковое равенство наталкивалось в стране на технические сложности: приходилось практически всё – от федеральных конституционных законов, правовых актов, постановлений и распоряжений федеральных и республиканских органов власти до наименований географических объектов, дорожных указателей и товарных этикеток – дублировать на нескольких языках субъектов федерации, что вело к значительным затратам. Например, при производстве кондитерских и других изделий на товарных этикетках стали часто писать: *Гарантија за квалитет производа* (сербский язык) – *Garancija za kvalitetu proizvoda* (хорватский язык) – *Garancia kvalitete izdelka* (словенский язык) – *Гарантија за квалитетот на производот* (македонский язык).

Несмотря на общий демократизм в языковой политике, в стране продолжали нарастать явления напряжённости в межнациональных и межъязыковых отношениях. Так, например, в Словении эти проблемы во многом были связаны с произошедшими здесь в послевоенные годы этнодемографическими изменениями – значительным притоком населения из других регионов Югославии. Эти изменения во многом были обусловлены (благодаря наличию в республике сравнительно развитых инфраструктур и более высокой оплате труда) интенсивным строительством в ней промышленных предприятий. Различие культурного уров-

inslav

ня, бытовых традиций, языковые барьеры, а отчасти и специфика социального статуса пришлого населения по сравнению с местным создавали у последнего почву для обострения этноязыковых чувств. Мигранты часто отказывались изучать словенский язык – официальный язык республики, во-первых, из-за схожести южнославянских языков, во-вторых, из-за того, что словенцы, как правило, знали язык мигрантов. В свою очередь македонцы всё чаще выражали беспокойство за судьбу своего языка, поскольку македонский язык, по их мнению, находился под сильным влиянием сербохорватского языка.

В начале 80-х годов в СФРЮ усилились тенденции к децентрализации единого государства. Функции Федерации ставили центр в зависимость от республик и краёв. Экономист К. Михайлович констатирует: "С установлением самостоятельности республик (согласно Конституции СФРЮ 1974 г. – *А.Б.*), их суверенности и ответственности за собственное развитие, а также большей автономии краёв единая экономическая система перестала существовать. Все республики и края принимали свои пятилетние планы развития, проводя собственную налоговую и валютную политику... Противоречие интересов республик и краёв с трудом преодолевается путём достижения договоров и соглашений. Всё это должно было привести к нарушению единого югославского рынка. Имея в виду, что федерация не имеет больше никаких ключевых функций, кроме тех, которые уступают ей республики, нынешнее положение можно было бы охарактеризовать как переходное состояние от федерации к конфедерации..." [Михайлович 1983: 190–191]. Переход от централизованного федеративного государства к децентрализованному конфедеративному устройству вызвал рост национального самосознания всех наций. Процессы внутринациональной этнической консолидации стали преобладать над процессами межнациональной консолидации. Внутригосударственная дезинтеграция усугубляла межэтнический языковой конфликт, который стал охватывать также и многонациональную армию.

В статье 243 Конституции СФРЮ 1974 г. говорится: "В вооружённых силах СФРЮ обеспечивается, в соответствии с Конституцией СФРЮ, равноправие языков и письменностей народов и народностей Югославии. При управлении войсками и в ходе военной подготовки в Югославской народной армии может, в соответствии с союзным законом, употребляться один из языков народов Югославии, а в её частях – языки народов и народ-

inslav

ностей" (Ustav SFRJ 1974, 53). В статье 98 Закона о всенародной обороне, принятого скупщиной в 1982 г., говорится, что в ЮНА и частях и подразделениях Территориальной обороны (ТО) обеспечено равноправие языков и письменностей народов и народностей Югославии [Zakon o opštenarodnoj odbrani 1982]. В ходе управления войсками и военной подготовки в ЮНА употребляется сербскохорватский/хорватскосербский язык, а в ТО языки народов и народностей. В ЮНА мог использоваться и иной язык народов и народностей Югославии, если употребление этого языка, с учётом этнического состава военнослужащих, обеспечивает эффективное управление и успешную подготовку. Согласно Закону о всенародной обороне Союзный секретарь по делам народной обороны (министр обороны) утверждает язык, который должен быть использован в частях, подразделениях и учреждениях ЮНА при осуществлении управления и в ходе военной подготовки. Служебная переписка между штабами и учреждениями ЮНА производится на сербохорватском языке. Сообщения, отчёты и донесения Союзного секретаря по делам народной обороны, а также предписания, распоряжения, инструкции и другие общие акты, как и материалы, связанные с ними, представляемые выборному органу Югославии и исполнительным органам, пишутся на языках народов Югославии [Станојевић 1986: 9]. Ни в Конституции СФРЮ, ни в Законе о всенародной обороне не оговариваются произносительные нормы написания – экавская или иекавская, так же как и использование двух алфавитов – кириллического и латинского. Две произносительные нормы, два алфавита в ЮНА рассматривались как равноправные. Приведём анализ статей, опубликованных в четырёх военных журналах СФРЮ (Vojno delo 1986, № 1–6; Vojni glasnik 1987, № 1–4; Vojno tehnički glasnik 1986, № 5–6; 1987, № 1–4; Mornarički glasnik 1981, № 1–6) (см. с. 137).

Как видно из таблицы, экавская норма написания превышает иекавскую почти в три раза. Военные газеты и журналы выходят преимущественно на латинице, в меньшей степени – на кириллице. Например: "Narodna armija", "Front", "Vojno delo", "Vojno tehnički glasnik", "Odbrana i zaštita", "Mornarički glasnik", "Vojnoistorijski glasnik", "Glasnik RV i PVO" и другие печатаются на латинице; "Народни борац" и "Народни војник" – на латинице и кириллице, а "Војничка ријеч", "За победу" – на кириллице. Многие военные журналы и газеты в первой половине 60-х годов перешли с кириллицы на латиницу, а в 90-х годах некоторые из

inslav

Таблица 1

Наименование журнала	Количество статей	Экавское написание	Иекавское написание
Vojno delo	72	60	12
Vojni glasnik	46	44	2
Vojno tehnički glasnik	67	40	27
Mornarički glasnik	61	36	25
Итого:	246	180	66

них в Союзной Республике Югославии вновь стали использовать кириллическую графическую основу[3].

Для военного подъязыка ЮНА был характерен процесс унификации военной терминологии. В ходе унификации ряд терминов и терминологических словосочетаний, характерных для сербского языка, приобретают в современных военных публикациях статус надвариантных терминологических лексем. Ср.: *ратно ваздухопловство – ratno zrakoplovstvo* = **ратно ваздухопловство** 'ВВС'; *врховни командант – vrhovni zapovjednik* = **врховни командант** 'верховный главнокомандующий'; *противваздушна одбрана – protuzračna obrana* = **противваздушна одбрана**; *официр – časnik* = **официр**; *мајор – bojnik* = **мајор**; *чета – satnija* = **чета** и др. (см. например: [Zakon o Jugoslovenskoj narodnoj armiji 1965; Vojna enciklopedija 1973–1976; Перишић 1980; Vojni leksikon 1981]).

Некоторые авторы выражали озабоченность по поводу того, что многие военно-энциклопедические издания ориентированы лишь на сербохорватский (сербский) язык. В частности, отмечается как недостаток отсутствие военной терминологии хорватского языка в "Сравнительном словаре военных терминов" (Uporedni rečnik vojnih pojmova, 1982) на сербохорватском, македонском, словенском, албанском и венгерском языках [см.: Brozović 1984: 354–355; Resulović 1984: 167–168].

Официальное функционирование сербского языка в ЮНА объясняется по-видимому, коммуникативно-прагматическими и социально-политическими причинами. Одна из них – необходимость употребления единой терминологии при управлении вой-

[3] Ср.: Ваздухопловни гласник, Земун, 1954; Војни гласник, Београд, 1947; Војноекономски преглед, Београд, 1960; Народна армија, Београд, 1947; Наш фронт, Београд, 1992.

inslav

сками, при подаче команд, при формулировании и доведении приказов и директив вышестоящего командования. Другая причина заключалась в том, что большее число военнослужащих, как правило, было сербской и черногорской национальностей [см.: Фрейдзон 2001: 264]. Кроме того, необходимо учитывать языковую политику и местонахождение центральных военных издательств (г. Белград).

Стремление нивелировать этноязыковые различия хорватов и сербов наблюдаются также в хорватской и сербской лексикографии. Предшествующая лексикография характеризуется отсутствием регистрации или непоследовательным употреблением маркированной хорватской и сербской лексики. В словарных статьях вариантно-поляризованные лексические единицы либо фиксировались избирательно в зависимости от места издания (в Хорватии только *milijun*, в Сербии – *милион*), либо приводились в составе синонимического ряда без указания на их отнесённость к хорватскому или сербскому языкам (в Хорватии – *vlak, voz*, в Сербии – *воз, влак*), либо сопровождались пометой "см" (и в этом случае составители словаря отдавали предпочтение лексическому своеобразию своего языкового коллектива: в Хорватии – saradnja v. suradnja, в Сербии – сурадња в. сарадња), либо определялись как относящиеся к тому или иному языковому сообществу непоследовательно или недостоверно. Так, например, многие хорватские и сербские лексические эквиваленты представлены в словарных статьях без каких-либо помет, в виде ряда синонимических пар: *azot, dusik; bioskop, kino; fudbal, nogomet; juha, čorba, supa; kašika, žlica; kava, kafa; puran, tukac, ćuran* и др. (см., например: [Grujić 1968; Јовановић, Атанацковић 1980: Poljanec 1987; Русско-сербскохорватский словарь 1988]).

Отсутствие этноязыковых помет в словарях создавали определённые трудности при выборе того или иного эквивалента. К примеру, на слово **воздух** в "Русско-сербскохорватском словаре" С. Ивановича, И. Петрановича находим "эквиваленты" – **ваздух, зрак, уздух** [Иванович, Петранович 1976: 71]. Однако эти эквиваленты не являются синонимами, т.к. лексико-семантически и стилистически маркированы. Слово **zrak** (хорв.) означает в сербском языке 'луч', а не 'воздух'; **uzduh** относят к архаизму. В "Русско-сербскохорватском словаре" под редакцией Б. Станковича на русское слово **бритва** встречаем '**бријач**, бритва'; на заглавное слово **значение** 'важност, **значај**, вредност'; на слово **наливать** 'лити, точити, **сипати**', а слово **славянский** переведены эквива-

inslav

лентами '**словенски**, славенски' [Русско-сербскохорватский словарь 1988: 55, 245, 383, 787]. В то же время в хорватском языке слова: *brijač* означает 'парикмахер', а не 'бритва'; *značaj* 'характер', а не 'значение, важность'; *sipati* 'насыпать, сыпать', а не 'наливать, лить'; *slovenski* 'словенский', а не 'славянский' (см. [Rječnik hrvatskoga jezika 2000: 200, 1126, 1144, 1431]).

В речи отдельных госчиновников и партработников из Хорватии также наблюдается параллельное, нестеснённое употребление хорватской и сербской лексики. Так, в книгах и статьях адмирала флота Б. Мамулы (уроженец Хорватии, по национальности серб, служил на различных должностях как в Хорватии, так и в Сербии, занимал пост министра обороны СФРЮ) наблюдается нейтрализация вариантно-поляризованной хорватской и сербской лексики, использование в качестве синонимов и вариантов дублеты типа: *talijanski – italijanski, opći – opšti, također – takođe, utjecaj – uticaj, zaljev – zaliv, suradnja – saradnja, suvremeni uvjeti – savremeni uslovi, protupodmornički – protivpodmornički, angažirati – angažovati, organizirati – organizovati, vlastit – sopstven, vanjski – spoljni, sudionik – učesnik, njezin – njen, u vezi s tim – u vezi sa tim* и др. Например: "Prvi poslijeratni razarači... bili su, zapravo, fregate namijenjene za **protiv**vazdušnu i **protu**podvodničku odbranu" (Mamula 1977: 92–93). "U **sa**vremenim **uslovima** doveli su... Rat u **su**vremenim **uvjetima** sve je teže..." (Mamula 1985: 73, 89). С одной стороны, автор употребляет лексику, которую обычно принято относить к хорватской: *ocean, uopće, kriterij, inozemstvo, otok, tjedan* и др., с другой стороны – сербскую лексику – *odbrana, million, petrohemijski, obim, Kipar, Španija, Liban, vazduh, obezbijediti* и др. В одном предложении можно встретить смесь хорватско-сербских слов: "U našim **uslovima** (серб. – *А.Б.*) **geografski** (общее серб. и хорв.) dobro raspoređen **vanjski** (хорв.) niz **otoka** (хорв.) pruža mogućnost da se linija **odbrane** (серб.) ... da bez **angažovanja** (серб.) ..." (Mamula 1977: 227–228).

В речи И.Б. Тито, так же как и у Б. Мамулы, обнаруживается частичная нейтрализация вариантной поляризации. В книге "Военная мысль и дело" автор в своих работах параллельно в качестве синонимов или вариантов слова использует такие аналоги, как: *uopće – uopšte, svećenstvo – sveštenstvo, slavenski narod – slovenski narod, barbarski – varvarski, protunarodni režim – protivnarodni režim, suvremeni – savremeni, također – takođe, njezin – njen, u vezi s tim – u vezi sa tim, Španjolska – Španija, Rumunjska – Rumunija, Talijanin – Italijanin, poduzeće – preduzeće, opskrba – snabdijevanje,*

inslav

dvjestomilijunski narod – dvjestomilionski narod, vlastit – sopstven, tvornica – fabrika, historija, povijest – istorija, vanjska politika – spoljna politika и др. Ср.: "Svojom izdajničkom **spoljnom politikom** on odvaja Jugoslaviju od njenih saveznika... Vlada narodne sloge i odbrane treba da prekine sa izdajničkom **vanjskom politikom** Stojadinovića..." (Tito 1982: 32).

Нейтрализация вариантной поляризации связана, с одной стороны, с переездом носителя языка из одного этноязыкового региона в другой или с его неразличением разновидностей норм, а с другой – с сознательной установкой издателя на сохранение формы оригинала авторского текста или наоборот с вмешательством "лектора" (корректора, редактора), который самостоятельно, порой субъективно, решал, что ему исправлять в тексте, а что – нет. По-видимому, все эти причины в совокупности или в отдельности и являлись результатом этноязыковой асимметрии литературных норм при их параллельном использовании. В любом случае, речь идёт о своеобразном языковом "коктейле", субстрате (хорватосербском "новоязе" социалистической югославской эпохи), попытке издателя или автора придерживаться решений новисадского совещания 1954 г. и совместных правил правописания 1960 г. Если в период 20–30 годов XX в. в монархической Югославии предпринималась неудавшаяся попытка унифицировать единые правила правописания в пользу прежде всего сербской нормы и создать т.н. "сербохорватскословенский" язык, то в социалистической Югославии наблюдается несколько иное, но всё же схожее стремление вновь кодифицировать "сербскохорватский/хорватскосербский" язык, но уже в его вариантных реализациях или с помощью их нейтрализации. Ошибки прошлого в языковой политике пытались устранить с помощью соблюдения юридического, но не всегда фактического этноязыкового равноправия.

Установление ограничений или привилегий при использовании на государственном уровне одного из языков преобладающего этноса, несмотря на его широкую распространённость и продолжительность употребления в межэтнической и межкультурной коммуникации, ставит его носителей в привилегированное положение. Иноэтнические языки оказываются в ущемлённом, в скованном положении, функционируя лишь в пределах административно-территориальных единиц, субъектов федерации (республик, автономных областей). Представители национальной интеллигенции заявляют, что обретение "так называемой независи-

inslav

мости" (образование старой буржуазной и новой социалистической Югославии) означает всего лишь перемену имперских амбиций новых хозяев. Соответственно, периодически возникают попытки национального меньшинства выйти из состава полиэтнического государства и создать своё независимое государство с собственным этнолингвонимом (см. также: [Белл 1980: 219–220; Никольский 1994: 169]). К примеру, в Словении по отношению к сербохорватскому (сербскому) языку в ЮНА возникла оппозиция в среде словенской молодёжи. В протестном лекторате высказывались требования вывода югославских войск из республики, использования словенского языка в воинских частях и в наименованиях военных объектов, расположенных на территории Словении [см.: Pavić 1986: 4; Расправе у комисији за општенародну одбрану и друштвену самозаштиту 1986: 6].

В ходе различных дискуссий одна из противоборствующих сторон нередко стремилась использовать в своих интересах недовольство части своего этноса в других субъектах федерации, вызванное несправедливым, с её точки зрения, решением языкового вопроса. Так, ещё на пятом съезде славистов, проходившем в 1965 г. в г. Сараево, хорватские лингвисты выступили с критикой устранения из языкового употребления в Боснии и Герцеговине хорватской лексики и введения в литературный язык сербской. Это квалифицировалось как ущемление языковых прав хорватов и муслиман, проживающих в этой полиэтнической республике [см.: Hraste 1965/66: 112–113; Jonke 1971: 28]. В свою очередь сербские лингвисты говорят о неравноправном языковом и социально-экономическом положении сербов, проживающих в Хорватии [см.: Ивић 1986: 1751].

Не прекращались взаимные упрёки в неиспользовании тех или иных лексических единиц в различных национально-территориальных разновидностях языка. Примером могут служить публикации с анализом функционирования вариантно-поляризованной лексики в школьных учебниках Хорватии и Сербии. Хорватские школьные учебники критиковались за отсутствие общеупотребительной сербско-хорватской лексики, сербские – за отсутствие хорватской лексики. Так, в некоторых школьных учебниках, как отмечает Ф. Буторац в статье "Национализм и язык", вообще не употребляются такие общеупотребительные слова, как *систем, метал, музика, композитор* и др. Вместо этого последовательно вводятся и употребляются *sustav, kovina, glazba, skladatelj* и др. [Butorac 1985: 19]. В свою очередь в сербских

inslav

Таблица 2

Русский	Хорватский	Сербский
– Вчера мне один человек сказал, что надо **воздуху** человеку, **воздуху, воздуху**! (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание).	– Jučer mi je jedan čovjek rekao da čovjeku treba **zraka, zraka, zraka**! (Dostojevski 1982, 386).	– Juče mi je jedan čovek rekao da čoveku treba **vazduha, vazduha, vazduha**! (Dostojevski 1981, 422).
Квартира Шустовой была на втором **этаже** (Толстой Л.Н. Воскресение).	Šustova je imala stan na prvom **katu** (Tolstoj 1975, 287).	– Стан Шустове беше на првом **спрату** (Толстој 1975, 366).
Поезд стоял (Чехов А.П. Тиф).	**Vlak** je stajao (Čehov 1959, 78).	**Voz** je stajao (Čehov 1981, 55).
– Так и гложут, так и гложут словно **тараканы** каравай (Горький М. Мать).	– Grizu me, grizu, kao **žohari** pogaču (Gorki 1953, 74).	– Гризу ме, гризу ме, како **бубашвабе** погачу (Горки 1977, 76).

школьных учебниках, как отмечает З. Диклич в статье "Языковые истины и неистины", отсутствует хорватская лексика. Так, в сербском букваре нет таких слов, употребляемых в Хорватии, как *kruh, trokut, ravnalo, višekatnica, listonoša* и т.д. В сербских хрестоматиях, пишет З. Диклич, употребляются лишь такие слова, как *muzika, raspoloženje*, а в хорватских – *glazba* и *muzika*, *krajolik* и *pejzaž*, *ugođaj*, *atmosfera* и *raspoloženje* и т.д. [Diklić 1989: 14–15].

Статьи по вопросам этноязыковых отношений стали периодически появляться в хорватской и сербской печати, что свидетельствовало об актуализации и нерешённости этой важной социально-политической проблемы. В частности, отмечалось, что в хорватских средствах массовой информации и в издательской деятельности при опубликовании переводов иностранной литературы хорватские переводчики и редакторы зачастую проводят компанию "чистки" литературного языка от "сербизмов" или "иностранных заимствований", "неправомерного произвольного употребления архаичных и искусственно созданных слов" [см.: Дмитриев 1981: 153–154; Malić 1988: 42–44]. Ярый пуризм в СР Хорватии не приобретал столь массового характера, да и не мог обре-

inslav

Таблица 3

Сербский	Хорватский
Први **услов** је ослобађање од догматског **схватања** да је све... (Борба 1986, 20–21.09, 1).	Prvi **uvjet** je oslobađanje od dogmatskog **shvaćanja** da je sve... (Borba 1986, 20–21.09.2).
Савезни секретар за **иностране** послове ... и шеф **дипломатије** ... **констатовали** су напредак... (Политика 1989, 1.06, 2).	Savezni sekretar za **vanjske** poslove ... i šef **diplomacije** ... **konstatirali** su napredak ... (Vjesnik 1989, 1.06, 1).
Председник Председништва СФРЈ ... **говориће** у Генералној скупштини Уједињених **нација'** (Политика 1989, 15.09, 2).	Predsjednik Predsjedništva SFRJ ... **govorit će** u Generalnoj skupštini Ujedinjenih **naroda** (Vjesnik 1989, 15.09, 1).

тать в период господства СКЮ, как это пытались иногда преподнести отдельные журналисты, партийные функционеры или лингвисты. Иностранная литература переводилась как в Хорватии, так и в Сербии с учётом этноязыковых норм и навыков того коллектива, для которого предназначался данный перевод. Ср., например, переводы классиков русской литературы, выполненные хорватскими и сербскими переводчиками (см. табл. 2).

Редакция газеты "Борба" (газета выходила в сербской и хорватской версиях), а также редакторы загребской "Весник" при печатании идентичных сообщений (напр., "Танюг") переводили или адаптировали тексты с восточной (сербской) разновидности языка на западную (хорватскую). См. табл. 3.

Приспосабливая текст к своему языковому коллективу, что вполне естественно, они переводили не только территориально маркированную сербскую лексику (при печатании идентичных текстов), но и общеупотребительную, как правило, заимствованную лексику, употребляемую как в Сербии, так и в Хорватии. Такие общеупотребительные для сербов и хорватов слова, как *advokat, firma, protest, telegram* и др. переводят из разряда общих в разряд сугубо хорватских: *odvjetnik, tvrtka, prosvjed, brzoglas*. Ср., например, "Све **фирме** понудиле су..." (Политика 1989, 26.11, 2) – "Sve **tvrtke** ponudile su... " (Vjesnik 1989, 26.11, 1).

Связь языка с социальной действительностью интересует не только и не столько лингвистов, но и общественно-политических

inslav

деятелей, писателей, журналистов и просто носителей языка. В Хорватии и Сербии сформировалось национально-территориальное сознание маркированности речевых элементов. Носители языка сознательно и осмысленно относят ту или иную лексику к тому или иному региону, этносу, периоду истории Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории. После второй мировой войны солдат, убирая со стола посуду, назвал ложку **žlica**, на что офицер ему возразил: «**Žlica** 'ложка' у нас больше не существует. Это слово ушло вместе с усташами. У нас есть слово **кашика** 'ложка'». "Этот офицер, – писал хорватский писатель М. Крлежа, – не знал, что слово **кашика** пришло к нам от турок, а слово **žlica** – это старославянское, хорватское слово" (Miroslav Krleža o hrvatskom književnom jeziku 1986: 107). Переводчик перевёл наименование газеты "Неделя" как '**Tjedan**', на что серб ему возразил: «'**Tjedan**' – это у хорватов, а у нас, как и у вас – '**Недељa**'». В ресторане за разными столиками сидели члены туристической группы, приехавшие из Хорватии и Сербии. Молодой человек, серб по национальности, обратился к сидящему за соседним столиком хорвату с просьбой передать ему **хлеба** 'хлеб'. В ответ он услышал: "Пока ты не скажешь **kruh**, не получишь ничего". Ещё один пример. На бензоколонке в Хорватии заправщик машины обращается к водителю: «Ты должен за бензин пять **hiljada** 'тысяч' динаров». Водитель в ответ: "Я не понимаю". Заправщик удивлённо вопрошает: "Ты на хорватском вообще говоришь?" – "Говорю, но тебя не понимаю". Заправщик вновь обращается к водителю и после того, как в очередной раз получает невразумительный ответ, спрашивает: "Слушай, а как мне тебе сказать, чтоб ты понял?" Водитель наконец поучительно поясняет: «Не говорят пять **hiljada** 'тысяч', а пять '**tisuća**'» (Božić 1973: 20). Следует также отметить, что попытки нейтрализовать или наоборот подчеркнуть этноязыковые различия вызывали у отдельных носителей языка чувства соперничества: "почему не моя лексика, не моя норма, не мой язык, а чужой, пусть даже близкий, братский?" В межэтноязыковом состязании никто порой не хотел уступать, даже во имя идеалов "братства и единства".

В 1985 г. ЦК Союза коммунистов Хорватии (ЦК СКХ) предпринял очередную попытку стабилизировать межэтнические языковые отношения, централизовать этноязыковую политику на территории Хорватии. 2 декабря 1985 г. состоялось заседание Президиума СКХ, на котором были утверждены основные положения языковой политики ("Stavovi o aktualnim pitanjima jezične

inslav

politike"). В постановлении Президиума ЦК СКХ подчеркивалась необходимость обеспечения равноправия и соблюдения толерантности в использовании хорватского или сербского языка, взаимного сближения народов и народностей, дальнейшего развития социалистической революции, укрепления рабочего класса в СР Хорватии. "Сегодня, – отмечается в резолюции ЦК СКХ, – когда наше общество сталкивается со многими экономическими и политическими трудностями, когда все чаще раздаются голоса противников самоуправляемой социалистической Югославии, основанной на братстве и единстве, усиливаются националистические действия в области языка. Не случайно, поэтому основная стратегическая линия, особенно хорватского национализма, постоянно выражается в попытках опровергнуть научные факты о том, что хорваты, сербы, черногорцы и муслимане говорят на одном языке, который в различных общественных и национальных средах имеет свою специфику и реализуется в вариантных стандартизированных формах" [Kočiš 1989: 12]. Президиум ЦК СКХ решительно осудил как проявление сепаратизма, так и унитаризма в области языка. В качестве ближайшей ставилась задача создать свод правил правописания и продолжить издание "Словаря хорватскосербского языка" [подробнее см.: Babić 1990: 177–185].

В Загребе 4 февраля и 18 апреля 1986 г. состоялось рабочее совещание Президиумов Центральных комитетов Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, Черногории и автономных краёв Косово и Воеводины, в котором приняли участие также специалисты в области языка (из Хорватии – В. Анич и Й. Силич, из Боснии и Герцеговины – М. Шипка), представители научных, культурных и образовательных учреждений. На совещании была принята "Резолюция Загребского соглашения" ("Zaključci Zagrebačkog dogovora"), по сути, программа языковой политики СКЮ. В первой части резолюции дана краткая оценка межэтнических языковых отношений. Во второй части раскрыты как негативные, так и положительные тенденции в развитии языка; в третьей – намечены пути выхода из создавшейся языковой ситуации. Приведем в общем виде содержание основных положений резолюции:

– теоретически разработать и идеологически обосновать общее положение о статусе стандартного языка хорватов, сербов, черногорцев и муслиман в его вариантных реализациях;

– внедрить и распространить данное положение во всех сферах общественной жизни, критически пересмотрев осуществле-

inslav

ние языковой политики в учебных программах, учебниках и справочниках, средствах массовой информации, в редакционной и издательской деятельности;

– юридически регламентировать статус языка и его наименование в Конституции СФРЮ, в конституциях республик и краев;

– пересмотреть и согласовать формы осуществления равноправия вариантов языка в Скупщине СФРЮ, союзных органах и общественно-политических организациях;

– усилить научно-исследовательскую работу в области языка; с этой целью уделить внимание подготовке кадров, особенно молодежи, ориентированной на марксистскую идеологию и достижения современной лингвистической мысли;

– кодифицировать язык: подготовить новый проект правил правописания с привлечением к обсуждению широких слоёв общества; издать однотомный словарь, научную грамматику; упорядочить и стандартизировать специальную и научную терминологию; продолжить работу над изданием латиницей словаря современного хорватскосербского литературного языка;

– поднять уровень лингвистического образования и распространения культуры речи;

– сформировать соответствующие органы по вопросу языка и языковой политики при Центральном и Республиканских комитетах Социалистического союза трудового народа Югославии [подробнее см.: Babić 1990: 165–185; Багдасаров 2001: 42–43].

Цель языковой политики центральных республиканских органов СКЮ состояла в том, чтобы, усиливая роль партийно-государственной власти во всех сферах общественной жизни, включая язык, одновременно ослабить этноязыковую напряжённость, унифицировать и кодифицировать полинациональный язык в его вариантных реализациях.

7 декабря 1988 г. Конституционный Суд СФРЮ принял решение о неконституционности п. 1 ст. 138 Конституции СР Хорватии, где говорится об использовании и наименовании хорватского литературного языка. Основанием для принятия данного решения явилось, по мнению судей Конституционного Суда СФРЮ, ущемление прав сербского населения Хорватии, так как в названии “хорватский литературный язык” отсутствует указание о его принадлежности и сербам.

Попытка хорватского парламента изменить с помощью поправки XLI формулировку ст. 138 Конституции СР Хорватии вызвало волну протеста со стороны общественных организаций, на-

inslav

учных обществ и коллективов (Общество хорватских писателей, Институт языка Югославянской академии наук и искусств, Хорватское филологическое общество, Философский факультет Загребского университета и др.).

Хорватские общественные организации и научные общества вновь выступили против "попрания конституционных языковых прав хорватского народа на самобытное развитие, собственное наименование и использование хорватского языка". Схожие массовые движения в защиту родного языка наблюдались, как указывалось выше, в конце 60-х–начале 70-х годов в период роста национального движения и публикации известной "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка". Хорватский парламент после долгих дебатов отклонил конституционную поправку XLI, в которой говорилось об "официальном использовании хорватского или сербского языка...".

Как писал Л.Б. Никольский, "лингвистическая специфика и уникальность языкового образования особо подчёркиваются в политически острых ситуациях и становятся тем основанием, на котором выдвигаются лозунги его защиты, предоставления ему прав" [Никольский 1986: 100]. Лозунги утверждения и предоставления правовых и социально-экономических гарантий защиты собственно хорватского языка использовались общественными организациями, научными и культурными учреждениями Хорватии для внутриэтнической и внутриязыковой консолидации масс. Приверженность к культуре и истории собственно хорватского языка настолько ощутима в хорватской этнолингвокультурной среде, что она не только определяла использование данного языкового образования в социокультурных и этнополитических целях, но и обусловливала его автономизацию, стимулировала его дивергентное развитие и последующую кодификацию.

В конце 80-х годов XX в. в Сербии публикуются статьи об угрозе вытеснения кириллического письма латинским, о необходимости предпринять конкретные шаги в защиту кириллицы [см.: Потреба заштите ћирилице 1988: 8–10; Лукић 1989: 15; Stojanović 1989: 14–15]. Для некоторых сербов и черногорцев кириллица ассоциируется с этнической принадлежностью и даже с приверженностью к православию, латиница же – с чуждым родной культуре, иностранным, с католицизмом. Отстаивание собственного письма, графические распри наблюдались в прошлом и у хорватов. Так, в феврале 1935 г. в окрестностях г. Славонски-Брод возникли крестьянские волнения, вызванные арес-

inslav

том жандармами нескольких жителей с. Сибинь, обвинённых в "антигосударственной агитации". Их вина состояла лишь в том, что они пытались снять вывески, написанные кириллицей, т.к. население Хорватии издавна использовало латинское письмо [Сумарокова 1980: 116]. "Письмо – это своего рода опознавательные знаки национально-религиозной самоидентификации народа, его культурно-политических ориентиров и устремлений" [Мечковская 1998: 76].

Уже в конце 60-х–начале 70-х годов XX в. языковая политика на территории Хорватии и Сербии носила нецентрализованный характер. Она характеризовалась различными параметрами. Для Сербии в большей мере была характерна ретроспективность языковой политики. Её меры были направлены главным образом на сохранение существовавшей языковой ситуации и языковой системы, выработанной решениями Новисадского совещания. Ретроспективность мотивировалась необходимостью сохранения преемственности языкового единства сербов, хорватов, черногорцев и муслиман. Для Хорватии же была характерна перспективность языковой политики, целью которой было изменение языковой ситуации и языковой системы, обособление хорватского языка и его нормы. Необходимо отметить, что при распаде единого федеративного государства Сербия и Черногория выступали за сохранение федерации, тогда как Хорватия и Словения – за конфедеративное устройство страны. Попытки усилить и укрепить роль центра с помощью принятия поправок к Конституции СФРЮ 1988 г. не дали должного результата.

Хорватия в целом выступала за создание собственного государства; Сербия, в лице федеральных органов власти, – за сохранение и упрочение федеративного устройства страны. Либерально настроенная часть хорватской интеллигенции стремилась сохранить этнолингвокультурное своеобразие собственного социума, выступая за раздельное развитие хорватского и сербского языков. Консервативно настроенная часть сербской интеллигенции наоборот стремилась ослабить, затушевать этнолингвокультурное многообразие югославянских народов, выступая за преемственность и общность сербохорватского языка. Хорватское стремление к созданию собственного независимого государства и языка квалифицировалось сербской стороной как проявление "сепаратизма", "этноязыкового национализма". Сербское стремление к единству государства и унификации единого языка вос-

inslav

принималось хорватской стороной как проявление "унитаризма", "этноязыковой дискриминации и ассимиляции". Как видим, цели и задачи сторон в этноязыковом конфликте были диаметрально противоположны. В условиях общей дезинтеграции и децентрализации единого государства распад шестисубъектной федерации (СФРЮ) и языка хорватов и сербов стал неизбежным.

В январе 1990 г. в Белграде состоялся последний XIV съезд СКЮ. Словенская, а затем и хорватская делегации покинули съезд из-за разногласий о путях дальнейшего развития партии и ее роли в жизни страны. СКЮ фактически прекратил своё существование. Страна резко перешла от однопартийной к многопартийной политической системе. Многие национальные политические партии и движения стали выдвигать лозунги переустройства и разъединения страны. Начавшаяся в различных регионах страны междоусобная война, имеющая трагические последствия для всех югославянских народов, окончательно похоронила надежды на какое-либо возможное сохранение единого государства. 25 июня 1991 г. Хорватия (Республика Хорватия) и Словения (Республика Словения) официально провозгласили свою независимость, а в 1992 г. была провозглашена Союзная Республика Югославия (СРЮ), состоящая из двух республик – Сербии и Черногории. 22 декабря 1990 г. Собор Республики Хорватии, а 17 апреля 1992 г. Скупщина СРЮ приняли новые Конституции своих стран. Согласно ст. 12 Конституции Хорватии: "В Республике Хорватии официальным является хорватский язык и латинский алфавит", а согласно ст. 15 Конституции СРЮ: "В Союзной Республике Югославии официальным является сербский язык ... и кириллический алфавит ...".

Итак, внутригосударственная дезинтеграция, распад СФРЮ и образование на постюгославском пространстве новых государств не могли не сказаться на языковой ситуации, дивергентном развитии и функционировании языка хорватов, сербов, черногорцев и босняков (муслиман). Поиски взаимоприемлемых решений по урегулированию этноязыковых разногласий, стандартизации и кодификации литературного языка названных этносов посредством подписания Новисадского 1954 г. и Загребского 1986 г. соглашений не привели стороны к общему языковому согласию. Литературный хорватский и сербский языки в сложившейся социолингвистической ситуации в Хорватии и Сербии приобрели собственный правовой статус и стали развиваться автономно.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Багдасаров А.Р. О нормировании хорватского литературного языка и языковой политике в 80–90-х годах XX века // Славяноведение. 2002. № 3.

Белл Р. Социолингвистика: Пер. с англ. М., 1980.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Гак В.Г. К типологии форм языковой политики: Обзоры // Вопросы языкознания. 1989. № 5.

Гудков В.П. [Рец.:] Новый толковый словарь сербскохорватского литературного языка // Советское славяноведение. 1968. № 6.

Гудков В.П. [Рец.:] П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975 // Советское славяноведение. 1976. № 3.

Гудков В.П. Славистика. Сербистика: Сб. статей. М., 1999.

Гуськова Е.Ю. Кризис федерации и концепция его преодоления // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Т. 1. М., 1992.

Дмитриев П.А. Двуязычный словарь языка писателя и варианты литературного языка (на примере Словаря И. Андрича) // Очерки лексикографии языка писателя: Двуязычные словари. Л., 1981.

Иванович С., Петранович И. Русско-сербскохорватский словарь. М., 1976.

Йончич К. О межнациональных отношениях в Югославии: Пер. с сербскохорв. Белград, 1967.

Каменецкий В.М. Основные этапы строительства социалистического общества в СФРЮ // Социалистическая Федеративная Республика Югославия. М., 1985.

Караджа М. Конституционные аспекты языковой проблематики в Югославии // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.

Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.

Михайлович К. Экономическая действительность Югославии: Пер. с серб.-хорв.М., 1983.

Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986.

Никольский Л.Б. Язык и социум в афро-азиатских странах // Язык–культура–этнос. М., 1994.

Русско-сербскохорватский словарь: Под ред. Б. Станковича. М.; Нови-Сад, 1988.

Сумарокова М.М. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны (1929–1939). М., 1980.

Фрейдзон В.И. История Хорватии. СПб., 2001.

Черныше в В.А. Динамика языковой ситуации в Северной Индии. М., 1978.

Горки М. Мати. Градић Окуров. Београд, 1977.

Змај Ј. Одабрана дела: Песме за децу. Т. 7. Нови Сад, 1979.

Ивић П. Развој књижевног језика на српскохрватском језичком подручју // Књижевност. 1986. № 10.

Јовановић Р., Атанацковић Л. Систематски речник српскохрватскога језика. Београд, 1980.

Лалевић М.С. Српскохрватски у мом џепу. Књ. 1–3. Београд, 1963.

inslav

Лукић Р.Д. Ћирилица у амандманима на Устав СР Србије // Политика. 1989. 14. јануара.

Московљевић М.С. Речник руског и српскохрватског језика. Београд, 1963.

Нови Устав Федеративне Народне Републике Југославије. Изд. 2. Београд, 1955.

Перишић М.Ђ. Русско-српскохрватски војни речник. Београд, 1980.

Потреба заштите ћирилице // Наш језик. 1988. № 1–2.

Предлог за размишљање // Борба. 1967. 3. априла.

Расправе у комисији за општенародну одбрану и друштвену самозаштиту // Политика. 1986. 27. јуна.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Књ. 1. Београд, 1967.

Станојевић Д. Језик (не)споразума // Борба. 1986. 31. октобра.

Толстој Л.Н. Васкрсење. Београд, 1975.

Babić S. Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. Zagreb, 1990.

Božić M. Hrvatski književni jezik u svjetlu izmjena Ustava SR Hrvatske. Split, 1973.

Brozović D. Rječnik jezika ili jezik rječnika?: Varijacije na temu varijanata. Zagreb, 1969.

Brozović D. Hrvatski jezik, njegovo mjesto unutar južnoslavenskih i drugih slavenskih jezika, njegove povijesne mijene kao jezika hrvatske književnosti // Hrvatska književnost u evropskom kontekstu. Zagreb, 1978.

Brozović D. O nazivu jezika Srba, Hrvata, Muslimana i Crnogoraca // Jezik i nacionalni odnosi. Tuzla, 1984. № 5–6.

Butorac F. Nacionalizam i jezik // Komunist. 1985. 5. jula.

Čehov A.P. Kaštanka i druge pripovetke. Beograd, 1981.

Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika: Građa za povijest Deklaracije. 3. izm. i dop. izd. Zagreb, 1997.

Diklić Z. Jezične istine i neistine // Vjesnik, Panorama subotom. 1989. 23. prosinca.

Dogovor o jeziku i pravopisu 8.XII.1954 // Vjesnik. 1989. 8. prosinca.

Dostojevski F.M. Zločin i kazna. Beograd, 1981.

Dostojevski F.M. Zločin i kazna. 5. izd. Zagreb, 1982.

Finka B. I jedinstvo jezika i književne varijante // Jezik. 1966/67. № 3.

Gorki M. Mati. Zagreb, 1953.

Grujić B. Rječnik u slikama ruski i srpskohrvatski. Beograd, Zagreb, 1968.

Hraste M. O trećoj varijanti hrvatskosrpskog književnog jezika // Jezik. 1965/66. № 4.

Izjava o jedinstvu i varijantama hrvatskosrpskog književnog jezika // Jezik. 1965/66. № 5.

Izvršni komitet CK SK Bosne i Hercegovine o suvremenoj jezičnoj problematici // Jezik. 1967/68. God. XV.

Izvršni komitet CK SKH i CK SKS o suvremenoj jezičnoj problematici // Jezik. 1967/68. God. XV.

Jonke Lj. Hrvatski književni jezik 19. i 20. stoljeća. Zagreb, 1971.

Kočiš M. Jezik i Ustav // Vjesnik. 1989. 24. svibnja–13. lipnja.

Malić Z. Jezik pod osobitim nadzorom // Danas. 1988. № 338. 9. kolovoza.

Mamula B. Mornarice na velikim i malim morima. Beograd, 1977.

Mamula B. Savremeni svijet i naša odbrana. Beograd, 1985.

Miroslav Krleža o hrvatskom književnom jeziku // Jezik. 1986. № 4.

inslav

Pavić N. Htjeli bi i etnički čistu JNA // Vjesnik. 1986. 27. travnja.

Pavičić J. Dnevnik deklaracijskih zbivanja // Deklaracija o hrvatskome jeziku s prilozima i Deset teza. 2. izd. Zagreb, 1991.

Perić I. Suvremeni hrvatski nacionalizam. Zagreb, 1976.

Poljanec R., Madatova-Poljanec S. Rusko-hrvatski ili srpski rječnik. 1. izd. Zagreb, 1987.

Pranjković I. Hrvatski standardni jezik u staroj Jugoslaviji // Croatica: Prinosi proučavanju hrvatske književnosti. God. XXVII. Sv. 45–46. Zagreb, 1997.

Resulović M. Jezik i zajedništvo u oružanim snagama // Jezik i nacionalni odnosi. Tuzla, 1984. № 5–6.

Rezolucija Zagrebačkog lingvističkog kruga // Jezik. 1965/66. № 5.

Rječnik hrvatskoga jezika: glav. ur. J. Šonje. Zagreb, 2000.

Stojanović M. Pismo i srpski Ustav // Vjesnik, Panorama subotom. 1989. 11. ožujka.

Škiljan D. Jezična politika. Zagreb, 1988.

Taj hrvatski: Prired. A. Selak. Zagreb, 1992.

Težak S. Jezične mijene i prijelomi u hrvatskoj umjetnosti riječi. Zagreb, 2002.

Tito J.B. Vojna misao i djelo: Izbor iz vojnih djela 1936–1979. Beograd, 1982.

Tolstoj L.N. Uskrsnuće. 7. izd. Zagreb, 1975.

Ujčić T. Zapadna i istočna varijanta hrvatskosrpskog književnog jezika u školama // Jezik. 1966/67. № 5.

Ustav Federativne Narodne Republike Jugoslavije. 3. ijekav. izd. Beograd, 1957.

Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. 3. dop. izd. Beograd, 1964.

Ustav Socijalističke Federativne Republike Jugoslavije. Ustavi Socijalističkih republika i pokrajina. Beograd, 1974.

Vince Z. [Rec:] M.S. Lalević: Naš pravopis. Beograd, 1958 // Jezik. 1959/60. № 2.

Vojna enciklopedija. 2. izd. Beograd, 1973–1976.

Vojni leksikon. Beograd, 1981.

Vukomanović S. Jezik, društvo, nacija. Beograd, 1987.

Zaključci plenuma Društva književnika Hrvatske o problemima suvremenog jezika hrvatske književnosti, znanosti, školstva i sredstva masovne komunikacije // Jezik. 1965/66. № 5.

Zakon o Jugoslovenskoj narodnoj armiji. Beograd, 1965.

Zakon o opštenarodnoj odbrani // Narodna armija. 1982. 27 maja.

Zmaj J. Drveni konjić: Pjesme. Zagreb, 1984.

inslav

Г.Г. Тяпко
(Россия)

ХОРВАТСКОЕ "ТРИЯЗЫЧИЕ" В НАЧАЛЕ XXI в.

Nikada nećemo dobiti objektivnu povijest ni psihologiju našega književnog jezika, ako ne uzmemo u obzir naše dijalekte, koji se međusobno dodiruju i prožimaju već nekoliko stotina godina...

I. Katušić [Sabor čakavskog pjesništva 1970, 136]

Понятия "глобализация", "глобализм", "глобалисты", имеющие для наших современников скорее отрицательные, нежели положительные коннотации, вошли на рубеже двух веков – прошедшего и нынешнего – в научный оборот самых разных дисциплин, в том числе и лингвистических. Употребительность этих терминов столь высока, что, вероятно, и через несколько столетий по ним будут безошибочно определять печатную продукцию нашей эпохи. Вместе с тем, для этого же времени характерны понятия с противоположным значением, свидетельствующие об энергичном отпоре процессам глобализации, о борьбе за сохранение оригинальности мира и даже усилении его исконной мозаичности и гетерогенности. Подтверждением тому является, в частности, активизация упомянутых выше терминов с префиксом *анти-*: "антиглобализм", "антиглобалисты". Процессам глобализации современного мира противостоят разные формы парциализации, "уравновешивающие" глобализацию, подобно центростремительным и центробежным силам. Парциализация современного мира есть естественная реакция на глобализацию, и энергетику парциализации нельзя недооценивать. Было бы неверно сводить ее только к бросающимся в глаза конфликтным проявлениям с печальной развязкой. Парциализация, движение в сторону дробления культурного пространства, романтизация архаичных моделей нередко связаны с активизацией элит все более мелких по численности групп населения, стремящихся в условиях новой демократии закрепить за собой более высокий статус, в том числе и с помощью языка. Однако, если отвлечься от случаев исторически необоснованных притязаний новых элит на скоропалительное изменение – завышение – статуса своего бытового языка ради политических амбиций, парциализация может представлять и

inslav

вполне мирную культурную "коллизию" (в рамках цивилизованной общественной дискуссии), которая может быть "заморожена" или решена к взаимному согласию сторон с позиций разумного эгоизма. Такой, во многом уникальной языковой ситуацией предстает современное хорватское "триязычие" – сосуществование трех литературных языков – штокавского, кайкавского и чакавского, имеющих многовековую историю параллельного функционирования. Статус этих языков неодинаков: штокавщина является диалектной основой *кодифицированного* общенационального литературного языка (только к ней применяется термин "стандартный язык", удачно найденный в свое время Д. Брозовичем) и имеет в Хорватии самую большую социолему. Однако параллельно со штокавским стандартным литературным языком на территории Хорватии сохраняются и развиваются исторически обусловленные ареалы некодифицированных (нестандартных) региональных литературных языков – кайкавского и чакавского, имеющих также свою книжно-письменную традицию, функциональные стили и весьма значительное число говорящих: каждый второй хорват является чакавцем или кайкавцем [Katušić 1970, 83], и «под тонкой глазурью штокавщины в каждом тексте, в каждом речевом "произведении" чакавца или кайкавца цветет и расцветает его родной язык» [Frangeš 1970, 22]. Таким образом, каждый второй хорват является билингвом, носителем родного диалекта и пользователем стандартного – штокавского – языка. В этих условиях человеку совсем не просто выучить стандартный язык, а государственным институтам сохранять чистоту штокавского стандарта и одновременно стимулировать развитие региональных литературных языков. Взаимопроницаемость диалектов, носители которых всегда ощущали свою этническую общность, весьма велика. Влияние кайкавского и чакавского языков на "главный" – штокавский – стандарт уходит корнями в глубину веков: современная хорватская литература является естественным продолжением не только старой штокавской, но и старой чакавской, старой кайкавской литературы. Чакавский компонент присутствует в ранней дубровницкой литературе. На территории региональных литературных языков расположены крупнейшие культурные центры Хорватии с многовековой историей – кайкавский Загреб, чакавские Сплит и Риека. В разные исторические периоды чакавский и кайкавский языки как будто были близки к кодификации (так во всяком слу-

inslav

чае полагают некоторые хорватские исследователи, в том числе и весьма авторитетные) [Frangeš 1970, 27], но по разным причинам этого не произошло. Кодифицирована была только штокавщина. Тем не менее, феномен хорватских "соязыков", отставших от нее в вопросе кодификации более чем на столетие, всегда привлекал внимание исследователей хорватского, и шире, штокавского языкового пространства. В настоящее время этот интерес возрос еще больше и стимулируется, с одной стороны, ощущением тревоги за судьбы "маленьких" языков в условиях глобализации, с другой – появившимися возможностями в условиях новой демократии "наверстать упущенное" и хотя бы отчасти исправить ошибки истории в вопросе кодификации. В некотором смысле хорватские региональные языки переживают сегодня запоздалое "возрождение", которое штокавщина встретила еще в XIX в. В то же время, специалисты хорошо понимают, что глобализация является тяжелейшим испытанием на прочность не только для некодифицированных – региональных – хорватских соязыков, но и для штокавского "стандарта". Системы языковой защиты и превентивных мер горячо обсуждаются на страницах специализированных периодических изданий каждого из соязыков. Проанализируем наиболее интересные материалы, содержащие немало поучительного.

С манифестом в защиту хорватской штокавщины – официального общелитературного (стандартного) языка – к президенту Хорватской академии наук и искусств (HAZU) обратился ведущий профессор Философского факультета Загребского университета А. Ковачец, опубликовавший план неотложных мер на страницах загребского журнала "Язык" [Kovačec 2004], печатного органа Хорватского филологического общества. А. Ковачец рассматривает глобализацию не только в негативных тонах. Напротив, он перечисляет реальные "плюсы", которые несет в себе экономическое, финансовое и технологическое объединение человеческих ресурсов в планетарном масштабе. Но одновременно он видит и издержки всемирного объединения, прежде всего в сфере культуры. Особенно большую цену могут заплатить "маленькие", наименее защищенные языки, но деструктивных процессов не избежать даже английскому, самому мощному языку всемирной глобальной коммуникации. По мнению А. Ковачеца, нечто подобное, хотя и в неизмеримо меньших масштабах, в человеческой истории уже происходило, например, с латынью или греческим языком внутри Римской империи, где они первона-

inslav

чально были главными языками межэтнического общения, оказавшими огромное влияние на языки разных этносов. Распространение христианства и ислама также нивелировало языковые особенности многих этносов и государств, привело к сближению их образа жизни и культур: у народов, принявших христианство – с греческой и латинской, у принявших ислам – с арабской. Империя Карла Великого способствовала цивилизационной и культурной конвергенции народов Западной и Центральной Европы. Проявлением "ограниченной глобализации" А. Ковачец считает и социалистическую систему, объединившую в XX в. значительную территорию Европы и Азии и выдвинувшую русский язык в качестве главного средства межэтнической культурной коммуникации. Но по силе воздействия глобализационные процессы третьего тысячелетия не имеют себе равных. Преамбула обращения А. Ковачеца анализирует угрозы глобализации для этноязыковой культуры "в связке" с экономическими, социальными, экологическими последствиями, что усиливает аргументацию автора и заставляет почувствовать реальность его опасений за будущее языков небольших по численности народов. По мнению А. Ковачеца, для хорватского стандартного языка дестабилизирующим фактором может стать не только глобализация, но и европейская интеграция: чиновники ЕС, членом которого Хорватия может стать в ближайшие годы, кулуарно уже обсуждают вопрос о сокращении числа рабочих языков.

Во второй части своего Обращения А. Ковачец перечисляет превентивные меры, которые следует принять безотлагательно для защиты штокавского стандарта. По его мнению, государство должно обеспечить условия для эффективной, рассчитанной на длительную перспективу работы научных и специализированных учебных заведений страны (академии наук – HAZU, кафедр кроатистики, Института хорватского языка и языкознания и др.) по защите и совершенствованию официального языка. Необходимо определить, какая из вышеперечисленных организаций будет координировать и направлять эту работу. Важно, чтобы все решения, связанные с главным языком страны, утверждались на государственном уровне только после их согласования с данными организациями и с их одобрения. Решения, связанные с публичным использованием государственного языка, должны приниматься после научной экспертизы и быть обязательными для всех без исключения – политиков, общественных деятелей, СМИ, образовательных учреждений всех ступеней. Язык необходимо последо-

inslav

вательно деполитизировать и деидеологизировать (в хорватском полиэтническом обществе это важно), ибо язык должен служить всему народу, а не интересам той или иной партии или идеологии. Ключевую роль в этом процессе должна играть школа. Обучать детей "хорошему" языку нужно правильно, обеспечивая системность и преемственность на всех ступенях – от детсада, начальной школы до средней общеобразовательной школы или техникума. На высших ступенях, когда хорватский язык преподается как самостоятельный предмет, обучение всех других предметов также должно вестись на хорошем литературном (стандартном) языке. А. Ковачец отмечает, что в прошедшей дискуссии о реформе школьного образования вопрос о языке и его месте в системе обучения не поднимался вообще, хотя здесь не все так благополучно. "Только привив культуру речи в школе, – подчеркивает он, – мы сможем потребовать от политиков, общественных деятелей и СМИ придерживаться норм нашего стандартного языка".

Официальная пресса, составители школьных учебников, разработчики законодательных актов в обязательном порядке должны принимать во внимание рекомендации, одобренные языковедами и консультирующими организациями. Следует навести порядок в области терминологии, где за исключением некоторых отраслей (химия, медицина, мерные стандарты) имеют место неупорядоченность, случайность и окказиональность. Политические и общественные деятели должны быть носителями высокой языковой культуры. Хороший литературный язык должен стать одним из критериев успешности их публичных выступлений в средствах массовой информации.

Призывая "соблюдать чистоту в собственном доме", А. Ковачец призывает своих сограждан во всех ситуациях, на всех уровнях следовать нормам литературного (стандартного) языка. Только так можно будет противостоять негативному воздействию глобализации на государственный язык. Стремительное развитие технологий ежедневно приносит с собой все новые и новые термины, облик которых произвольно определяют переводчики-практики, далеко не всегда учитывающие нормы стандартного языка, поскольку они выполняют свою работу от случая к случаю. А. Ковачец предлагает разработать научно обоснованные критерии и на основе заключения специальной комиссии решать, какие иностранные термины можно будет принимать без изменений, какие из них калькировать, какие – переработать и переосмыслить. По его мнению, такой подход вначале потребует опре-

inslav

деленных усилий, но зато потом окупится сторицей, поскольку проблема вхождения и адаптации новой терминологии будет решена раз и навсегда, на долгосрочной основе (при этом А. Ковачец ссылается на весьма успешный опыт словенцев, поступающих именно так). Большу́ю тревогу у исследователя вызывает "языковая индустрия" ЕС, связанная с машинным переводом. Стремление к унификации и языковой экономии нередко дестабилизирует нормы небольших этнических языков, участвующих в машинном переводе. А. Ковачец приветствует решение о формировании в Хорватии комиссии по составлению терминологического справочника официальных языков ЕС. В нем будут зафиксированы хорватские эквиваленты важнейших понятий из области европейского права. В сущности, речь идет об адаптации терминологии международного права хорватским законодательством. В комиссию входят юридические и лингвистические организации, следовательно, терминологический справочник будет составлен с учетом норм хорватского стандарта.

При чтении текста "Обращения" создается ощущение, что европейская интеграция – "малая глобализация" – вызывает у автора даже бо́льшую обеспокоенность, чем глобализация во всемирном масштабе. По всей видимости, это связано с тем, что европейская интеграция для Хорватии почти реальность, в то время как глобализация в планетарном масштабе воспринимается пока отвлеченно, как угроза, несколько отодвинутая во времени. Рассуждая о европейской интеграции, А. Ковачец опасается, что Хорватия может быть принята в ЕС без своего языка. Такие опасения не беспочвенны и связаны с тем, что по мере расширения Союза, чиновники кулуарно все чаще говорят о необходимости ограничить число официальных языков ЕС. Кроме того, перед хорватскими нормализаторами возникает целый ряд нелегких проблем психологического характера. Они понимают, что штокавская диалектная база имеет внушительную социолему (общающуюся без переводчика) и за пределами страны. Это объективно ослабляет усилия хорватских нормализаторов: узус оказывается сильнее нормативных предписаний, которые, к тому же, надо выучить. Но и это еще не все. В европейский дом "стучатся" и другие республики бывшей СФРЮ, официальные стандарты которых исторически связаны с той же самой – штокавской – диалектной базой. Названия двух языковых стандартов – "сербского" и "хорватского" – получили международное признание с XIX в. в однословной или двухсловной фиксации (что позволяет

inslav

говорить о преемственности каждого из них, по крайней мере, по названию языка), однако нормализаторы других республик выступают за международное признание их локальных (также штокавских) стандартов в качестве отдельных языков с собственными названиями. Эти усилия поддерживаются и местными элитами, которые полагают, что наличие своего языка есть непременный атрибут суверенизации. А. Ковачец указывает, что в отдельных европейских центрах вместо этнического названия языка ("хорватский" или "сербский") употребляется "неудобоваримый" четырехчленный аналог.

В заключительной части "Обращения" А. Ковачец подчеркивает, что глобализация затрагивает все языки, большие и маленькие, притом для последних речь идет о сохранении не только языка, но даже и этнической самобытности. Одним из пагубных последствий глобализации ученый считает вытеснение из школьного преподавания важных языков мировой культуры – русского, французского, немецкого и замена их одним языком – английским. По мнению А. Ковачеца, это наносит огромный вред хорватской культуре, как когда-то упразднение латыни в школьной программе. Сегодня необходимо защищать эти языки также, как это делали "наши предки в XIX в., когда они выступали за сохранение латинского языка: отстаивая латынь, они, в сущности, боролись, за сохранение своего этнического языка" [Kovačec 2004, 66]. Только в государственных мерах защиты языка исследователь видит возможность сохранить его в условиях большой и малой глобализации.

Еще большей тревогой за судьбы родного языка проникнуты выступления хорватских кайкавцев, предчувствующих губительные последствия глобальных процессов на их маленький, нормативно слабо защищенный очаг этнической культуры. В этом отношении весьма показательна статья кайколога Й. Скока [Skok 2004], на примере кайкавщины поднимающая актуальные вопросы оптимального функционирования региональных соязыков. В прагматическом ключе исследователь анализирует все "за" и "против" в требованиях культурно-языкового движения хорватских "кайофилов". Почти любой разговор о кайкавском языке, его статусе и значении, а также о его дальнейшем развитии вызывает повышенные эмоции в хорватском обществе, особенно, если этот разговор не является предметом научного спора. Эту тему обычно поднимают и подогревают "кайофилы", среди которых есть люди разные: и искренние, но не всегда компетент-

inslav

ные, и "дон кихоты", чьи сентиментальные взгляды легче понять, нежели принять, и, наконец, редкие, но зато самые голосистые "фундаменталисты", рьяно отстаивающие родное слово (domaču rieč), которому они хотят вернуть былые позиции.

Основные требования всех трех групп хорватских кайофилов сходны: безотлагательно разработать единый, унифицированный стандарт диалектно многоликой кайкавщины, издать нормативную грамматику, подготовить общекайкавский словарь и, наконец, унифицировать кайкавскую орфографию. Далее следуют требования повысить статус кайкавщины, допустить ее в сферы публичного и официального общения, а также ввести в школьное обучение. Источники этих умонастроений лежат на поверхности и заключаются в следующем:

а) в повышенном эмоциональном отношении кайкавцев к языку своего детства, своего семейного круга и малой родины;

б) в ностальгии по утраченным позициям кайкавского языка предвозрожденческого периода;

в) в резко негативном отношении к штокавцам, считающим себя единственными, богом данными, хранителями хорватского языка, и умаляющими, с точки зрения кайкавцев, значимость других диалектов вообще, а кайкавщины в особенности;

д) в ощущении беззащитности кайкавского, а также чакавского языков перед официальным и ортодоксальным (!) стандартами;

е) в страхе перед глобализацией и ее последствиями для судеб "малых" языков и их наречий;

ж) в стремлении повысить статус кайкавского языка, сделав его, если не обязательным, то хотя бы факультативным предметом школьного обучения, который будет указывать на наличие и значимость этого языка.

Источником этих настроений является и современная художественная литература. Ключевым словам – kaj и ča, ставшим символами кайкавского и чакавского языков – посвящены целые поэтические произведения, эссе, прозаические тексты. Стихи Домьянича, посвященные "kaju" и "родному слову", поэтические размышления М. Крлежи о трагической судьбе кайкавского языка отозвались мощным ностальгическим эхом в современной кайкавской поэзии, в которой нет автора, не откликнувшегося на эту тему.

Несмотря на все превратности судьбы, кайкавщину в Хорватии принято считать литературным языком, а не диалектом.

inslav

В пользу этого приводятся следующие аргументы: (1) кайкавщина по меркам страны имеет солидную социолему, представляющую почти треть хорватского населения; (2) весьма длительный период кайкавский язык служил и продолжает оставаться инструментом литературного творчества, опирающегося на образцы как "старой", так и "новой" хорватской литературы, что дает право говорить об *истории* кайкавского литературного языка (КЛЯ); (3) стилистическая дифференциация языка в более ранние периоды привела к формированию в нем функциональных стилей – научного, публицистического, ораторского (точнее, проповеднического) – характерных для зрелых литературных языков. Добавим, что не последнюю роль в жизненной силе кайкавщины играет ее широкое распространение на бытовом уровне, причем не только в провинции, но и в городской среде, особенно в таком престижном центре как Загреб, для жителей которого кайкавщина стала своеобразной – немного гротескной – визитной карточкой характерного "речевого поведения" (как, например, для нас – язык одесситов). В то же время, кайкавщина не имеет единой унифицированной нормы, важнейшего конституирующего признака литературного языка, что отличает ее от общегосударственного штокавского языка.

Хорватский язык, нередко отождествляемый со "стандартом", в действительности, понятие более емкое и широкое, включающее многочисленные субстраты, лингвистически определяемые как наречия, диалекты и идиомы, а фактически, являющиеся своеобразными языками. Их роль выполняют:

а) официальный хорватский стандарт, опирающийся на нормированную часть штокавского наречия;

б) литературный язык, язык хорватской литературы;

в) некодифицированная часть штокавского наречия, опирающаяся на икавский говор;

г) кайкавщина и чакавщина – некодифицированные литературные языки.

Однако далеко не все хорватские штокавцы, в том числе и специалисты, заботящиеся о чистоте родного языка, в чрезмерном нерегламентированном употреблении кайкавизмов, чакавизмов, ненормативных штокавизмов видят способ обогащения официального штокавского стандарта (государственного языка). Наоборот, штокавские нормализаторы нередко рассматривают их как второсортные языковые единицы, дестабилизирующие штокавскую норму. Здесь и сталкиваются копья. "Снобизм" што-

inslav

кавцев вызывает ответную негативную реакцию кайкавских и чакавских интеллектуалов по отношению к действующему стандарту. Притом кайкавцев такое отношение штокавцев, кажется, задевает гораздо больнее. С их точки зрения, чакавцы, отождествляющие себя с городским населением Далмации и Адриатического побережья, чувствуют себя более независимо и неуязвимо, нежели кайкавцы, которых, несмотря на "поддержку" столицы, воспринимают как сельских жителей и провинциалов.

За требованиями кайофилов – срочно кодифицировать их региональный язык – просматривается наивное заблуждение, будто бы кайкавщина является единым языком всех хорватских кайкавцев. В действительности же, она представляет пеструю мозаику "равновесных" говоров, что и составляет основную проблему кодификации кайкавского языка. Кайофилы не учитывают мирового опыта кодификации языков, предполагающего одну из трех возможностей: (1) естественное выделение одного из говоров (диалектов) по его доминирующей роли в коммуникации, что, в свою очередь, определяется численностью носителей данного говора (диалекта) или же престижностью его литературной традиции, высоким уровнем образования и культуры, мощностью его социолемы; (2) выделение одного из диалектов в качестве диалектной базы на основе общественного консенсуса, опирающегося на согласие остальных членов данного языкового коллектива; (3) создание общего языка на основе "синтеза" различных диалектов и говоров, в котором равномерно, без доминации одного из них, будут представлены все типы и функциональные стили. Но будут ли "работать" эти модели в кайкавской языковой ситуации ?

Хорошо известно, что даже в период расцвета кайкавской литературы – с XVI по XVIII в. – кайкавщина не имела единой нормы, хотя тенденции к объединению языка существовали, равно как и желание кайкавских авторов писать на языке *всех* читателей, к которым они обращались в своих произведениях. Правда, к концу XVIII и в начале XIX в., благодаря "загребскому кругу" авторов (Титуш Брезовачки, Штефан Загребец, Игнац Кристиянович), в хорватской литературе начинает доминировать городская кайкавщина, именно, загребский вариант кайкавского языка. К этому времени он уже располагал весьма развитой системой функциональных стилей, среди которых отчетливо выделяются литературный и разговорный языки, специальные подъязыки, язык науки. Это была солидная основа для кодификации

inslav

кайкавщины. Из истории литературного языка известно также, что предпосылки кодификации кайкавщины существовали и ранее, когда представители озальского круга (XVII в.) стремились создать единый язык путем синтеза различных кайкавских говоров. Но этот проект так и не был реализован. Намеки на эти модели и упущенные возможности неизменно присутствуют в требованиях современных хорватских кайофилов. Но есть ли у них реальные возможности "исправить" ошибки истории?

Интересны в связи с этим размышления Й. Скока. Анализируя каждое из требований кайофилов, он показывает утопичность одних и возможность реализации других требований. Наибольший скептицизм исследователь выражает в отношении постановки вопроса о *кодификации* кайкавского языка. Помехой на пути к единому стандарту, по мнению Й. Скока, является чрезмерная мозаичность кайкавской диалектной территории, что проявляется в параллельном функционировании разных вариантов кайкавщины – междумурской, загорской, подравской, посавской, горанской, пригорской вараждинской и загребской. При этом ни один из ее диалектов или говоров не выдвинулся естественным образом (по коммуникативной значимости, авторитету литературных произведений, мощности социолемы) на роль доминирующего варианта, который мог бы стать диалектной базой кайкавского стандарта, удовлетворяющего всех носителей кайкавского языка. На эту роль, по мнению Й. Скока, не могут претендовать ни "сельская", ни "городская" кайкавщины, также используемые сторонами в современной публичной коммуникации и кайкавской литературе. Таким образом, ни одна из разновидностей современной кайкавщины по силе своих ретрансляционных возможностей не может претендовать на историческую роль штокавщины в современном хорватском стандарте. Следовательно, вариантом, устраивающим всех кайкавцев, мог бы стать только "плюралистический" стандарт на основе "общекайкавского" синтеза вариантов, разработанный с помощью специалистов, т.е. искусственным путем. Гипотетически такой проект возможен, однако, будь он реализован, появятся новые, непредвиденные проблемы. Вся кайкавская литература в одночасье приобретет статус диалектной по отношению к новому – синтезированному – стандарту. Ее язык будет сниженным по отношению к нормам нового общекайкавского стандарта. В связи с этим упадет авторитет кайкавской литературы для читательской аудитории, стремящейся к образованию на родном литературном, а не

inslav

диалектном языке. С развитием нового стандарта нельзя исключать в дальнейшем, по мере его развития и совершенствования, ослабление понимания диалектной литературы в полном объеме новыми поколениями учащейся молодежи, упадок литературного процесса в целом.

Далее, все кайкавцы, особенно те, чей говор будет обойден в новом стандарте, окажутся фактически носителями другого языка и, следовательно, все они должны будут научиться этому, искусственно созданному языку. Не исключено, что в рамках нового стандарта многие кайкавцы окажутся "неграмотными", особенно те из них, языковые особенности которых будут максимально отличаться от нового стандарта. Это может вызвать у населения спонтанное сопротивление его нормам. Непредсказуемые последствия кодификации, к сожалению, не учитываются кайофилами.

Второе их требование – создание нормативной грамматики – сопряжено с теми же трудностями, что и стандартизация. И здесь необходимо решить, какой из вариантов кайкавского языка следует принять за основу грамматического описания: отталкиваться ли (а) от доминирующего кайкавского диалекта, (б) от условно выбранного диалекта, (в) от потенциального, синтезированного кайкавского идиома. Все варианты, как было показано выше, по-разному проблематичны. Кайофилам, требующим безотлагательного создания нормативной грамматики, Й. Скок не без оснований напоминает, что на основе кайкавского языка уже создано немало полезных грамматических описаний, в том числе и грамматик отдельных говоров – дифференциальных, дескриптивных и сравнительных. А если к этому добавить огромный материал, содержащийся в многочисленных научных публикациях, выполненных в виде нормативных регистраций диалектных явлений конкретного говора, и охватывающий все диалектное многообразие современной кайкавщины, то банк данных, необходимый для дескриптивной и сравнительной грамматик кайкавского языка, уже более чем достаточен. Если к этому добавить научные труды и монографии видных кайкологов – А. Шоята, М. Лончарича, С. Тежака, Й. Лисеца и других – этот проект может быт осуществлен сравнительно легко и быстро. Но даже в этом случае для реализации проекта необходимо будет выбрать ведущую организацию и обеспечить издательскую поддержку.

В инициативах кайофилов, размышляет Й. Скок, не все утопично. Некоторые из их предложений интересны и заслуживают

inslav

внимания ученых и общественной поддержки. К числу таковых следует отнести требование кайофилов создать большой "общекайкавский" словарь. Идея большого словаря, охватывающего лексическое богатство всего кайкавского диалектного пространства, вполне осуществима и весьма перспективна. Собственно говоря, один из проектов общекайкавского словаря уже реализуется, однако работа над ним идет крайне медленно. Кроме того, по мнению Й. Скока, в основу данного проекта была положена не совсем верная – узкая – концепция, опирающаяся только на *литературный* язык и литературные произведения, опубликованные до середины прошлого века. По мнению исследователя, концепция словаря общекайкавского языка должна строиться на более широкой основе и опираться на лексическое богатство *всех* старокайкавских словарей, текстов как старокайкавской, так и новейшей литературы, вплоть до порубежья двух последних веков – нынешнего и минувшего. Следует учитывать и "любительскую" лексикографию кайкавских энтузиастов, подготовивших и опубликовавших словари отдельных кайкавских говоров – подравского, горанского и др. Недавно Т. Липлиным опубликован интересный и солидный словарь вараждинского диалекта [Lipljin 2002]. Имеющиеся любительские словари также дополняют и стимулируют хорватскую кайкавскую научную лексикографию.

Оптимальным решением для нормирования кайкавской орфографии Й. Скок считает принятие кайкавцами действующей хорватской орфографии, на которую, кстати, опирается современная кайкавская литература. Для передачи ранних текстов можно использовать старые системы хорватской орфографии, используемые издателями при подготовке произведений старых кайкавских авторов, а также в репринтных изданиях их трудов. Надо сказать, что этот тезис вызвал резкий отпор "оппозиционеров", полагающих, что "кайкавщина на пять звуков богаче штокавщины, поэтому для нее следует ввести диакритику: два или три дифференцирующих надстрочечных знака ("nadslovnika", как во французском и венгерском языках)" [Vjesnik 7–8.11. 2004].

По мнению Й. Скока, нет особых проблем для реализации еще одного требования кайофилов, а именно, включения кайкавщины в программу школьного обучения. По мнению Й. Скока, самое подходящее место для кайкавского языка и литературы – в курсе хорватского языка как учебной дисциплины. Оба этих предмета естественным образом взаимосвязаны и имеют много точек соприкосновения. Здесь открывается широкое поле дея-

inslav

тельности для изучения краеведения, "малой родины", притом не только на обязательных уроках хорватского языка, но и в рамках факультативного обучения, которое без ограничения могут посещать все заинтересованные учащиеся, начиная с первого класса начальной школы. Разумеется, не все преподаватели хорватского языка по своему образованию в состоянии профессионально преподавать кайкавский язык и литературу. Однако пробелы в подготовке по этому аспекту школьные учителя хорватского языка, в том числе и начальных классов, могут восполнить в системе повышения квалификации, а также самостоятельно, читая специальную методическую литературу и методические рекомендации. В то же время, Й. Скок считает нецелесообразным выделять кайкавский язык в отдельный обязательный предмет школьной программы.

Преподаванием кайкавского языка в начальной школе (в Хорватии – это восьмилетка) будет решена проблема обучения учащихся их родному языку, знакомства с его особенностями и выразительными средствами, осознания его значения. В то же время, подчеркивает Й. Скок, школьное обучение будет способствовать сохранению этого языка, защите его от неотвратимой глобализации, которая пагубна и для официального хорватского "стандарта" – штокавского языка, а для кайкавского, тем более. «Глобализация как Дамоклов меч угрожает всем "маленьким" языкам, не получившим статус языков международного общения, поэтому забота о своем языковом наследии, о его современном состоянии, являясь органической частью личного, эмоционального, психологического, культурологического и национального самосознания, является сегодня неотложным императивом" [Skok 2004, 10]. И в прошлом, и в настоящее время кайкавский язык нередко воспринимается как второсортное средство общения, как провинциальный язык. У носителей этого языка с малых лет вырабатывается комплекс неполноценности, связанный с их "некрасивым" и "неправильным" языком. Точно также и литература на этом языке долгое время считалась инородным и маргинальным явлением в хорватской литературе. Это положение надо менять. Однако восстановление в правах кайкавского языка должно быть в пределах разумного и не превращаться в борьбу с официальным хорватским стандартом – штокавским и с хорватской литературой на штокавском языке. Забота о более глубоком изучении в школе кайкавского языка никоим образом не может ставить под вопрос функции стандартной штокавщины –

inslav

главного фундаментального общенационального языка, его публичной, административной роли в коммуникации, включая СМИ. Введение кайкавского языка в школьное обучение не должно повлиять в худшую сторону на качество преподавания штокавского языка, быть причиной понижения успеваемости учащихся по этому предмету.

Одним словом, заключает Й. Скок, именно из-за угрозы глобализации, а также в силу своего общественного и культурного самосознания и штокавцам, и кайкавцам необходимо энергичнее защищать общеэтническую языковую культуру. Это предполагает одинаково ответственное отношение и к стандартному языку, и к нестандартным соязыкам. Мы должны полностью осознавать значение хорватского стандартного языка как культурологическую реальность, связующую хорватский этнос, равно как и некодифицированные хорватские языки неотъемлемые компоненты хорватской культуры в глобальном масштабе. Исходя из этого, обучение школьников должно включать три составляющие:

а) изучение, культивирование и бережное отношение к языку малой родины;

б) изучение, культивирование и бережное отношение к хорватскому стандартному (обще)национальному языку;

в) освоение и хорошее владение по крайней мере одним из мировых языков.

Введение кайкавского языка в качестве факультативного предмета, интегрированного в школьный курс хорватского языка, потребует составления специальной программы, подходящих учебников и пособий. Программа должна охватывать языковую и литературную проблематику, но в то же время не слишком обременять учащихся “грамматическими” деталями. Преподавание языка должно стать увлекательным изучением живого, а не мертвого языка. Литературные произведения также должны подбираться с учетом детского восприятия и быть занимательными, аутентичными и представлять эстетическую ценность.

На языковых занятиях необходимо уделить особое внимание расширению словарного запаса учащихся, научить их активно употреблять лексику родного говора и совершенствовать свой активный словарь с помощью художественной литературы. Такой подход должен быть положен в концепцию учебника, который, в отличие от учебников стандартного языка, должен будет охватывать материал и по языку, и по литературе. Интеграция

inslav

этих предметов в учебнике представляется весьма целесообразной, а их привлекательность зависит от методики подачи материала, оформления книги, эстетической ценности подобранного материала.

Обратимся теперь к рассмотрению статуса третьего хорватского литературного языка – чакавского, также не имеющего на территории Хорватии единой, унифицированной реализации. Полного сходства в положении чакавского и кайкавского диалектов нет, т.к. за пределами страны один из чакавских говоров обрел статус стандартного (об этом речь пойдет ниже). Чакавский диалект протянулся длинной полосой вдоль Адриатического побережья [Ивић 1994; Finka / Moguš; см. также: Lisac 2004]: от островов Ластово и Корчулы на юге до "сердца" Далмации – полуострова Истра на севере, где он соседствует со штокавскими и кайкавскими говорами. Чакавцами являются жители многих населенных островов Адриатики, а в ряде мест диалект "переходит" на побережье, например, с острова Крк спускается на территорию южнее Риеки. На острове Паг (северная Адриатика) и на полуострове Пелешец (южная Далмация) чакавские говоры занимают их западную часть и соседствуют со штокавскими. Береговые анклавы чакавских говоров располагаются вокруг городов Риеки и Сплита. Они "вкрапливаются" и в континентальную часть Хорватии – Лику, Горный Котар, Жумберак, соседствуя нередко со штокавскими или кайкавскими говорами. Чакавские населенные пункты хорватской диаспоры встречаются также в Австрии (Градишче), Венгрии, Словакии и в Словении.

Своим названием чакавский идиом, как и кайкавский, обязан вопросительно-относительному местоимению "что", которому в чакавщине соответствует несколько эквивалентов: ča, ca, če, ce, čo, а также što, šta, kaj. Варианты što или šta появляются на юго-востоке чакавского диалекта, а также в южном Градишче (Австрия), kaj – на севере Истры (в области Бузета), к юго-западу от Карловца, севернее Риеки (в Клане) и около Братиславы (Словакия).

В средневековый период чакавский диалект занимал гораздо большую территорию: от реки Цетины, Динарских гор, доходя почти до Уны – на востоке, до кайкавских говоров и словенского языка – на севере. Однако в результате османского вторжения и исхода славянского населения, в основном в XVI и XVII вв., территория чакавских говоров существенно уменьшилась. Но и тогда Истра, а также острова, расположенные северо-западнее Мле-

inslav

та, и часть полуострова Пелешеца, оставались чакавскими [Lisac 2004, 6].

В настоящее время на территории Хорватии функционируют пять чакавских говоров: бузетский, юго-западный истарский, северный чакавский, центральный чакавский, южный чакавский. Специфическими характеристиками отличается чакавский оазис на острове Ластово (ластовский чакавский говор). Чакавский диалект отличается архаичностью лексического фонда, присутствием в нем "венецианского компонента", что всегда вызывало интерес лексикологов и лексикографов. За последние несколько лет чакавская лексикография обогатилась новыми словарями: Словарем риваньского говора Л. Радулича [Radulić 2002]; Сеньским словарем М. Могуша [Moguš 2002]. Опубликовано несколько интересных монографий известных ученых, освещающих чакавскую проблематику: "Слово исконное" Степана Дамьяновича [Damjanović 2002]; "У истоков хорватского языка" Д. Малича (Загреб, 2002); "История хорватской литературы" С.П. Новака [Novak 2003].

Особый интерес представляет чакавский анклав хорватской диаспоры в Бургенланде (Восточная Австрия), известный как "язык градишчанских хорватов" или градишчанскохорватский литературный язык. Как известно, хорватская диаспора весьма многочисленна: за пределами Хорватии проживает примерно столько же хорватов, сколько и в самой Республике (т.е. около 4,5 млн человек). Вся диаспора, независимо от страны пребывания, употребляет современный хорватский литературный язык на штокавской основе, используемый на ее этнической родине. Исключением является только язык австрийских хорватов, которые в качестве литературного языка употребляют другой идиом – градишчанскохорватский стандарт, сформировавшийся в условиях новой родины. В настоящее время хорватская диаспора в Австрии насчитывает примерно 60 тыс. человек. Топоним Градишче (Gradišće), образованный переводом (калькированием) немецкого названия Бургенланд (одна из восьми земель Австрии), был введен в употребление известным градишчанским поэтом и деятелем культуры Мате Мершичем Милорадичем (1850–1928). Литературный язык градишчанской диаспоры отличается чакавской диалектной базой, что исторически обусловлено. Градишчанское ответвление чакавского диалекта, возникшее в XVI в. в результате исхода славянского населения в период османского вторжения на Балканы (а также в результа-

inslav

те экономической эмиграции), имеет собственную историю развития, отличающуюся длительными перерывами в контактах с языком этнической родины. Бóльшую часть беженцев и переселенцев составляли чакавцы, жители опустошенных и занятых османскими завоевателями территорий Лики, Крбавы, западной Боснии, нижнего течения рек Уны и Купы, Горного Котара и Славонии. Именно поэтому чакавский диалект был более всего распространен среди переселенцев. На чакавщине говорили все переселенцы, поселившиеся в Нижней Австрии, Моравии, Словакии, а также в населенных пунктах вдоль австрийско-венгерской границы. Штокавцев и особенно кайкавцев среди прибывших на новое место жительства было гораздо меньше. С середины XIX в., когда в градишчанской диаспоре начинается полемика по поводу формирования единой модели (единого стандарта) литературного языка, возникает оппозиция между чакавским большинством и штокавско-кайкавским меньшинством Градишча. В результате длительного противостояния "севера" и "юга", северо-чакавская модель, "своя" для большей части хорватской диаспоры в Градишче, начинает постепенно преобладать и становится диалектной базой нового – градишчанско-хорватского – литературного языка.

История этого языка, и шире, история хорватской диаспоры в Австрии, в тяжелейших условиях сохранявшей свою этническую и культурную самобытность, драматична и весьма поучительна [Gadányi, Meršić 2004, 70–74].

В современной Австрии градишчанскохорватский литературный язык на территории Градишча имеет статус второго официального языка. Хорваты, проживающие на этой территории, добились права использовать его в местной администрации, судопроизводстве, школе. По мнению С. Вулич, эти права реализуются не в полной мере, существуя больше на бумаге, чем в жизни, тем не менее, факт остается фактом: язык градишчанских хорватов официально признан в Австрии [Vulić 2004, 14]. На нем ведется обучение в двуязычных школах. Для градишчанских хорватов это официальный язык литургии в церкви. Это также язык их печати, литературы и местного хорватского театра. Именно поэтому произведения, написанные на градишчанскохорватском языке, относятся к категории произведений, написанных на *литературном*, а не диалектном языке. Своим литературным языком его считают также хорваты, проживающие на территории западной Венгрии, и часть словацких хорватов, оказавшихся за

inslav

пределами Градишча после распада Австро-Венгрии и передела государственных границ.

На рубеже двух веков – двадцатого и нынешнего – градишчанскохорватский литературный язык пополнился новыми нормативными изданиями, прежде всего в области лексикографии и грамматики. Спустя почти десять лет после выхода в свет в Айзенштадте немецко-градишчанскохорватско-хорватского словаря под редакцией Й. Хамма (1982) появился градишчанскохорватско-хорватско-немецкий словарь, подготовленный авторским коллективом (1991). Оба словаря содержат собственно хорватскую – штокавскую – часть, представляющую лексику современного хорватского литературного языка. В 1999 г. Рудольф Томшич опубликовал в "Федеральной канцелярии" (Вена) двуязычные юридические словари – немецко-градишчанскохорватский и градишчанскохорватско-немецкий [Tomsich 1999]. Примечательно, что собственно хорватский раздел, представляющий хорватскую юридическую терминологию, в этом словаре отсутствует. Возможно, для местных потребностей этого было достаточно. Но не исключено, что включение собственно хорватского корпуса было делом трудоемким и "неподъемным" для автора, поскольку терминосистемы отражающие опыт разных государств и разные образцы терминообразования, требуют специального изучения как с точки зрения языка, так и компаративного права. Можно предположить, что изучение собственно хорватской правовой терминологии для градишчан равносильно изучению иностранной юридической лексики.

Но контакты двух хорватских стандартов продолжают крепнуть и развиваться. В 2003 г. Научно-исследовательский институт градишчанских хорватов в г. Железно (Австрия) опубликовал нормативную "Грамматику градишчанскохорватского языка" [Gramatika ghr]. Исследователь С. Вулич, занимающаяся контрастивным изучением хорватского и градишчанского стандартов, опубликовала в 2002–2003 гг. ряд интересных статей, посвященных словообразовательному аспекту, и намерена сделать контрастивную грамматику двух родственных стандартов в полном объеме [см.: Vulić 1; Vulić 2; Vulić 3].

В начале XXI в. перевернута одна из самых мрачных страниц в истории Хорватии, связанная с войной на Балканах. Очевидны успехи хорватского общества в формировании современного гражданского общества и широкой интеграции в международные структуры. Однако открытость маленькой страны вли-

inslav

яниям европейского и планетарного масштаба – как положительным, так и отрицательным – вызывает обеспокоенность ученых в связи с состоянием языковой культуры в современном хорватском обществе. К традиционным факторам, осложняющим хорватскую языковую ситуацию, как то: исторически сложившаяся мозаичность хорватского языкового пространства, билингвизм большей части населения страны, наличие трех разнодиалектных литературных языков с разным статусом – добавляется еще один: испытание глобализацией. Тревога за судьбы этнической культуры, важной частью которой является родной язык, выражается в разных протестных формах и движениях. Возможное дестабилизирующее и даже разрушительное воздействие глобализации на маленькие языки, тем более, региональные, функционирующие в некодифицированном виде, побуждает научную общественность противостоять новым угрозам, искать пути и средства сохранения языков мировой культуры в хорватском школьном и вузовском образовании, создавать собственные институты защиты родного языка, используя зарубежный опыт и свои знания, определять баланс интересов в языковой политике, создавать условия для укрепления статуса официального литературного – штокавского – и поддерживать в разумных пределах развитие региональных некодифицированных языков – кайкавского и чакавского, являющихся также историческим культурным достоянием этноса.

Важно отметить, что среди представителей региональных культур, пусть небольшой, но авторитетной их части, есть понимание значимости официального литературного языка на штокавской основе для сохранения стабильности языковой ситуации в целом, потребность культивировать этот стандарт не только на территории страны, но и в диаспоре. Представляются разумными доводы и предложения той части кайкавской научной общественности, которая осмотрительно подходит к программе кайкавского движения, разъясняя последствия поспешной стандартизации регионального языка при отсутствии всех необходимых условий. Создается впечатление, что представители чакавского культурного движения более оптимистичны и менее политизированы. Возможно, наличие официально признанного литературного идиома (пусть даже за пределами страны), в основу которого положен “свой” – северочакавский – диалект, смягчает ситуацию.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Ивић П.В. Дијалектолошка карта // Српскохрватски дијалекти – њихова структура и развој / Ред. М. Радовановић. Прев. с нем. Ср. Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994.

Damjanović S. Slovo iskona. Zagreb: Matica Hrvatska, Biblioteka theoria / ΘΕΩΡΙΑ, MMII (2002).

Finka B., Moguš M. Karta čakavskog narječja.

Frangeš I. Položaj dijalekata u hrvatskoj književnosti // Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. Rijeka: Izdavački centar MH, 1970.

Gadányi K., Meršić Ž. Gradišće i jezik gradišćanskih Hrvata // Славянский вестник: Вып. 2: К 70-летию В.П. Гудкова / Под ред. Н.Е. Ананьевой и З.И. Карцевой. М.: МАКС Пресс, 2004.

Gramatika ghr – Gramatika gradiscanskohrvatskoga književnoga jezika, ur. Ivo Sučić. Železno: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov.

Vjesnik 2004 – *Horvat I.* Jedva da jednom progovori i Kajkavsko spravišće // Vjesnik. 2004. 7–8 studenoga.

Katušić I. Susret čakavštine i štokavštine u djelu nekih suvremenih pjesnika // Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. Rijeka: Izdavački centar MH, 1970.

Kovačec A. Izazovi globalizacije i hrvatski jezični standard // Jezik, časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika / god. 51., br. 2. Zagreb: 2004.

Lipljin T. Rječnik varaždinskoga kajkavskog govora. Varaždin: Garestin, 2002.

Lisac J. Čakavština kao narječje i u hrvatskoj književnosti // Čakavska rič / polugodišnjak za proučavanje čakavske riječi / god. XXXII., br. l. Split: 2004.

Moguš M. Senjski rječnik. Zagreb; Senj, 2002.

Novak S.P. Povijest hrvatske književnosti. Zagreb, 2003.

Radulić L. Rječnik rivanjskoga govora. Zadar, 2002.

Sabor čakavskog pjesništva 1970 / Zbornici čakavskog sabora, sv. 1. Rijeka: Izdavački centar MH, 1970.

Skok J. Je li moguća i da li nam je potrebna standardizacija kajkavskoga jezika / Kajkaviana danas // Kaj, časopis za književnost, umjetnost i kulturu / god. XXXVII., br. 4–5. Zagreb: 2004.

Tomsich R. Pravni rječnik gradišćanskohrvatsko-nimški. Wien: Savezno kancelarstvo, 1999.

Tomsich R. Pravni rječnik Nimško-Gradišćanskohrvatsko-nimški. Wien: Bundeskanzleramt, 1999.

Vjesnik 7–8.11. 2004 – *Horvat I.* Jedva da jednom progovori i Kajkavsko spravišće // Vjesnik. 2004. 7–8 studenoga.

Vulić S. Prilog izradbi kontrastivne gramatike gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika i suvremenoga hrvatskoga književnoga jezika na primjeru tvorbe riječi // Čakavska rič / polugodišnjak za proučavanje čakavske riječi / god. XXXIL, br. l. Split: 2004.

Vulić S. Neka otvorena pitanja u izradbi gramatike // Znanstveni zbornik, 1. ed. Eisenstadt / Željezno, 2002 (1).

Vulić S. Načela pri obradbi tvorbe riječi u Gramatici gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika, Marulić, god. XXXV., br. 3., Zagreb svibanj–lipanj 2002 (2).

Vulić S. Tvorba riči, u: Gramatika gradišćanskohrvatskoga književnoga jezika, ur. Ivo Sučić. Železno: Znanstveni institut Gradišćanskih Hrvatov (3).

inslav

Усикова Р.П.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В МАКЕДОНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Язык македонских славян в истории социума в диахронном аспекте.

Как известно, славяне появились на Балканах в VI веке. Это был период распада праславянского языка. До XI–XII вв. диалект славян, поселившихся в географической области Македонии, был ближе всего к диалектам славян, заселившим земли, впоследствии ставшие государством Болгария. Однако затем происходят эволюционные процессы дифференциации южнославянских диалектов и диалекты Македонии приобретают особенности, отличающие их от болгарских и сербских. К XIII в. относится период дифференциации славянских говоров Македонии, сохраняющейся до сих пор (западная, юговосточная и северная группа диалектов).

Придя на Балканы, славяне встретились с этносами неславянского происхождения, и историческое совместное существование разноязыких этносов привело к так называемой балканизации и формированию Балканского языкового союза. Балканизация выразилась в изменении структуры славянских македонских и болгарских диалектов: утрате форм именного склонения и развития аналитизма в синтаксических отношениях имени, развитии грамматической категории определенности, выразившейся постпозитивным определенным артиклем, в изменениях модально-темпоральной системы глагола и некоторых других особенностях. Аналогичные процессы происходили и в неславянских балканских диалектах.

Можно сказать, что стремление к единой грамматической структуре у всех балканских языков (диалектов) свидетельствует об их глобальной интеграции, но при сохранении этнической идентичности: в процессе балканизации возник особый балканский языковой менталитет, выразившийся в умении при коммуникации с представителями другого этноса приспосабливаться так, чтобы тебя понимали, и при этом брать от другого этноса некоторые его языковые особенности, принимая их как свои собственные (Т. Цивьян). Подчеркнем, что все языковые изменения,

inslav

проходившие в русле балканизации, осуществлялись на уровне диалектов, причем отсутствие или слабость влияния книжной литературной традиции в языке этноса способствовало балканизации структуры языка. Например, греческие диалекты более балканизированы именно на периферии территории греческого языка (северо-западные греческие говоры), где, с одной стороны, было больше контактов с иноязычными этносами, а с другой стороны, – слабее влияние литературного греческого языка. Итак, балканизацию диалектов различных этносов на Балканах можно считать своеобразной глобальной интеграцией (стремление к единой структуре языков) в сочетании с региональной интеграцией (сохранением и развитием этнических диалектов).

Указанные изменения происходили более интенсивно в условиях отсутствия собственной государственности при наличии иноязычного официального (государственного) языка, пользующегося престижем в официальной языковой коммуникации. Территория географической области Македонии, населенной славянами, влахами, греками, албанцами и другими этносами, до XIV в. входила в состав разных государств: Византии, Болгарии, Сербии, а с XIV в. в течение пятисот лет являлась частью обширной Османской империи. Турецкий язык не входит в Балканский языковой союз, но тем не менее он, как язык высокого социального статуса, оказал сильное влияние на все другие балканские языки в лексике, словообразовании и даже в возникновении некоторых грамматических категорий (например, в глагольной системе модально-темпоральной категории пересказа, наиболее развитой в болгарских и македонских диалектах). В Османской империи не было принято выделять особенности того или другого этноса – население делилось на мусульман и "неверных", т.е. христиан (*"Ние сме рисјани"*, – говорили македонские славяне, при этом могли добавить "Я (мы) из села (края) такого-то"). Македонский язык в течение более тысячи лет жизни на Балканах существовал главным образом в виде групп диалектов и не был языком официальной коммуникации.

Языковая коммуникация с другими этносами в условиях Балкан была связана с бытовой коммуникацией между соседями и с торговыми отношениями. Это была неофициальная, непринужденная языковая коммуникация между равными коммуникантами, хотя они могли быть и не знакомы друг с другом. Для облегчения подобных языковых контактов в XVI–XVIII вв. издавались македонско-влашско-албанско-греческие словари-разговорники,

inslav

например, Словарь XVI в., исследованный А. Вайаном и К. Джанелли (Un lexique macédonien du XVI-e siecle, Paris 1958) или "Четырехязычник Даниила", описанный В.А. Погореловым (Даниловият четириезичник, Сборник БАН XVII(11) 1925), а также А.М. Селищевым. Разумеется, некоторые из балканских языков пользовались престижем у македонцев, и именно из таких языков заимствовалась лексика: так, греческих лексических заимствований в македонских диалектах гораздо больше, чем албанских.

Возникновение славянской письменности, созданной в конце IX в. братьями Кириллом и Мефодием на базе солунских македонских говоров, имело большое значение для истории культуры всего православного славянского мира. Славянская (церковнославянская) письменность играла немалую интеграционную роль у славянских этносов. На территории Македонии эта письменность носила, по-видимому, только сакральный характер; древнейшая и авторитетная в славянском православном мире Охридская книжная школа в конце XIII в. утрачивает влияние, а с конца XIII и до конца XVIII в. православная церковь на территории Македонии использовала церковнославянский язык сербской редакции; в ряде районов Македонии церковная служба в XVIII–XIX вв. велась на греческом языке, поскольку подчинялась Константинопольской греческой патриархии.

В этих исторических условиях наиглавнейшую роль в сохранении и развитии этнической культуры македонских славян играл народный фольклор (песни, легенды, сказки), язык которого был диалектен, но содержал также некоторые наддиалектные языковые черты и был понятен и любим всеми представителями македонского этноса. О языке македонского фольклора (народной поэзии) неоднократно писал Б. Конеский (Б. Конески 1971).

В конце XVIII – начале XIX в. у южных славян на Балканах начинается период национального Возрождения. Для этого периода были характерны интеграционные процессы (илирийское движение и т.п.), которые привели, например, к отказу от церковнославянского языка русской редакции в качестве литературного языка сербов и хорватов и к созданию в начале XIX в. общего сербохорватского литературного языка на базе живых народных диалектов. Стремление к интеграции захватило и македонских славян: в процессе формирования литературного болгарского языка (весь XIX в.) само собой подразумевалось, что этот язык якобы должен быть общим для славян и Болгарии, и Македонии. В этот период на македонских славян оказывалось пропагандист-

inslav

ское давление с целью убедить их, что они сербы или что они болгары. Для этого открывались школы и посылались учебники в Македонию на этих языках. Правда, часто обучение осуществлялось на местном македонском диалекте, но под названием "болгарский язык". В этот же период большая часть юго-восточной территории Македонии находилась под властью греческой православной церкви, и славянское население училось по греческой азбуке, забыв, что исторически когда-то существовала славянская азбука кириллица. В большей части Македонии использовался церковнославянский язык русской редакции, доходивший из сербских или болгарских культурных центров. В этот период "македонская языковая территория представляла собой типичную периферию, как по удаленности от новых центров культурной радиации в сфере славянской кириллической традиции, так и по весьма ослабевшим связям со славянской кириллической письменностью" (Б. Конеский 1993).

Для движения Возрождения у македонских славян в начале XIX в. была актуальна борьба за народное просвещение в духе православия (например, тексты К. Пейчиновича на "болгарском языке Дольней Мисии Скопской и Тетовской", т.е на упрощенном церковнославянском языке с примесью живого народного языка – северо-западного македонского тетовского говора). Затем на первый план вышла борьба за создание школ на народном языке, за церковную независимость от Константинопольской греческой патриархии (Димитар Миладинов, Григор Прличев и др.).

С середины XIX в. в Болгарии и Македонии интенсифицировалась дискуссия о литературном языке на народно-разговорной основе. Некоторые деятели культуры из Македонии стремились создать литературный язык, который был бы общим для славян Македонии и Болгарии, причем они полагали, что называться этот язык должен болгарским, но хотели, чтобы народно-разговорной базой болгарского литературного языка служил их собственный, западномакедонский, говор (Партений Зографский, Райко Жинзифов, Григор Прличев и др.). Разумеется, македонские говоры как основа литературного болгарского языка были неприемлемы для более значительного по численности болгарского этноса, хотя идеологи формирования болгарского литературного языка и болгарской нации считали македонцев болгарами.

Интеграционная болгарская идеология и культура концентрировалась тогда в Константинопольском болгарском культурном центре. Как известно, болгарский литературный язык был

inslav

создан на базе северо-восточных болгарских говоров, весьма далеких от македонских диалектов, и под значительным влиянием особенностей церковнославянского языка, воспринятых через русский литературный язык. В 1878 г., после освобождения Болгарии от пятисотлетнего Османского владычества и образования государства, болгарский литературный язык получил статус государственного языка.

Попытки создать собственно македонский литературный язык на народно-разговорной основе предпринимались начиная с последней четверти XIX в. Лучше всего это удалось выпускнику С.-Петербургского университета македонцу Крсте П. Мисиркову в самом начале XX в. Его деятельность свидетельствовала о том, что в Македонии, которая в тот период все еще оставалась в составе Османской империи, формируются представления о специфичности ее политических интересов и этнической самобытности. К.П. Мисирков доказывал, что македонцы не являются ни сербами, ни болгарами, он выработал нормы македонского литературного языка на основе центральных македонских говоров, сформулировал правила орфографии и на этом языке издал книгу "За македонцките работи" (София, 1903), а также подготовил к печати общественно-литературный журнал "Вардар" (Одесса, 1904). Своей главной задачей К.П. Мисирков считал просвещение македонского народа в духе воспитания его самоидентификации и самобытности. Однако в силу разных причин ни книга Мисиркова, ни журнал "Вардар" не дошли тогда до читателя и практически до середины XX в. в Македонии не были известны.

Несмотря на развитие революционно-освободительного движения в конце XIX – начале XX в., Македония и после распада Османской империи в результате Балканских войн 1912–1913 гг. не получила независимости и была разделена на три части. Бóльшая ее часть, так называемая Вардарская Македония, отошла к Сербии, а затем к королевской Югославии. Официальным языком государства и языком образования в Югославии был сербохорватский язык. Македонцам внушали, что они сербы, носители южносербских диалектов. Аналогичная ситуация была в Пиринской Македонии (Болгария), где всех славян считали болгарами. В Эгейской Македонии (Греция) македонских славян называли греками-"славофонами" и запрещали даже дома говорить на родном языке. Важную роль во внушении идеологии правящих государств играл язык, на котором только и могли получать образование дети македонских славян, а также язык церковного

inslav

богослужения (чаще варианты церковнославянского языка или греческий) и подчинение македонских церквей Болгарской экзархии, Греческой патриархии или же Сербской православной церкви. Это были факторы, препятствующие формированию македонской национальной самобытности.

Тем не менее совсем остановить процесс становления национального самосознания было уже невозможно. В Вардарской Македонии, несмотря на духовный и политический великосербский гнет, в формировании особой этнической идентичности македонских славян и македонского литературного языка главную роль играла активная деятельность передовых общественных сил, прогрессивной интеллигенции. В 30-е годы закладываются основы македонской национальной литературы. В произведениях поэтов и прозаиков Кочо Рацина, Венко Марковского, Коле Неделковского, Ристо Крле, Антона Панова, Васила Ильоского, опиравшихся на язык и традиции македонского фольклора, стихийно формировались нормы литературного македонского языка. В 1941–1944 гг. – в годы национально-освободительной антифашистской борьбы – вопросы македонского литературного языка и его нормирования оживленно обсуждались на страницах подпольной коммунистической югославской печати, в 1943 г. московское радио стало вести передачи на македонском языке. Нормы языка утверждались практикой массовой литературы на македонском языке в брошюрах, листовках, газетах, воззваниях, песнях. Возникновение в августе 1944 г. македонского государства – Республики Македонии в составе федеративной Югославии – ускорило выработку единых норм литературного языка.

К моменту кодификации литературного языка в 1945 г. македонский язык существовал в виде локальных говоров и жаргонов; вероятно, были и региональные койне вокруг более крупных городов – Скопье, Битоли, Охрида. В 1945 г. литературный македонский язык как главное средство официальной языковой коммуникации Народной Республики Македонии был введен правительственным декретом в школах, в государственных учреждениях, в средствах массовой информации. Введение македонского литературного языка как средства официальной коммуникации внутри республики принципиально меняло языковую ситуацию: впервые официально можно было говорить на родном языке, задача состояла в том, чтобы им овладеть. В то же время языковая ситуация билингвизма сохранялась, так как за пределами Республики Македонии – в других югославских республиках –

inslav

необходимо было общаться на сербохорватском языке, выполнявшем роль общегосударственного и межреспубликанского официального языка Югославии. Сохранялась и традиционная ситуация полилингвизма для разных этносов как внутри Македонии, так и в других республиках страны.

В своем становлении и развитии македонский литературный язык прошел четыре этапа, когда язык развивался как "сверху", через становление и развитие общественных институций и уточнение литературных норм, так и "снизу", по мере обучения литературному языку все большего числа разных поколений македонцев и привития им навыков использования литературного македонского языка в официальной коммуникации на территории республики.

1-й этап (1945–1950 гг.) становления македонского литературного языка начался с появления первого Орфографического кодекса, фиксировавшего основные нормы образования форм и принципы правописания, с обучения населения (и учителей!) новому литературному языку и впервые в истории македонского этноса введения школьного образования на родном литературном языке, с формирования терминологической и абстрактной лексики. Колоссальное значение имело создание периодической печати и радиостанций на македонском языке, формирование культурных и научных институций: были открыты различные курсы обучения литературному языку, созданы культурные учреждения – Скопский университет, театры, киностудия и т.д. К этому периоду относится зарождение административно-делового и газетно-публицистического стилей литературного языка. Начинает интенсивно развиваться художественная литература в прозе (рассказы, повести) на македонском литературном языке. Однако сербохорватский язык, являющийся государственным официальным языком федеративной Югославии, существенно влияет на македонский литературный и разговорный (диалектный, главным образом) язык, поскольку сербохорватский считается языком, имеющим бóльший культурный и политический престиж.

2-й этап (1950–1970 гг.): появление в 1950 г. второго Орфографического кодекса, уточняющего некоторые литературные нормы в фонетике и морфологии и правила правописания, выход из печати трехтомного Словаря македонского языка с сербохорватскими толкованиями (1961–1966 гг.), Грамматики македонского языка Б. Конеского в двух томах (1952–1954 гг). Создают-

inslav

ся новые македонские культурные и научные институции – Академия наук и искусств (1967 г.), научно-исследовательские институты, начинаются регулярные ежедневные передачи по телевидению (середина 60-х гг.), провозглашается автокефальность македонской православной церкви и переход богослужения на македонский литературный язык (конец 60-х гг.)

Для **3-го этапа** – 1970–1990 гг. – было характерно: дальнейшее развитие и уточнение литературных норм в грамматике и лексике, зафиксированное в Орфографическом словаре 1970 г.; формирование наддиалектных разговорных стилей. В 70-е гг. в столице республики г. Скопье на базе скопского городского говора и молодежного жаргона, вобравшего в себя черты других македонских диалектов от новых жителей столицы, приехавших из различных районов страны и в 10 раз увеличивших ее население, и под влиянием сильной сербской интерференции сформировался наддиалектный (субстандартный) идиом, который, однако, еще не стал общенациональным субстандартом, а носил региональный, хотя и столичный, характер.

В этот период укореняется практика пользования литературным македонским языком при официальной коммуникации в республике; продолжается развитие функциональных стилей литературного языка – административно-делового, газетно-публицистического, научного; происходит дальнейшее развитие художественной литературы на македонском языке во всех литературных жанрах; обогащение лексического корпуса македонского литературного языка; становление "общенационального наддиалектного разговорного языка" (термин Л. Миновой-Гюрковой), входящего частично в литературный язык (т.е. это так наз. разговорный стиль литературного языка).

Часто встречающиеся при официальной коммуникации отклонения от литературной нормы (т.е. ошибки) в публичной устной и письменной речи имеют разные причины: влияние родного говора, недостаточное владение литературными нормами, влияние сербохорватского языка, особенно у македонцев, получивших высшее образование на сербохорватском языке в других югославских республиках, и т.п.

Языковая ситуация билингвизма и полилингвизма сохраняется в зависимости от социального статуса языка и этноса: распространен македонско-сербский билингвизм македонцев, македонско-сербско-албанский полилингвизм албанцев, полилингвизм других этносов Македонии. Чем ниже социальный

inslav

статус этноса в многоэтнической республике, тем больше языков знают его представители (разумеется в пределах своей языковой и культурной компетенции): так, больше всего языков знают македонские цыгане, а цыганский язык не известен другим этносам Македонии.

4-й этап (с 1991 г. – по настоящее время) начался с создания в 1991 г. суверенного государства – Республики Македонии, что способствовало дальнейшему развитию процесса языкового строительства, очищению лексики литературного македонского языка от излишних сербизмов, обогащению функциональных стилей и дальнейшему уточнению норм литературного языка. Македонский литературный язык расширил свои внутренние и внешние функции – стал использоваться в македонской армии и в межгосударственном языковом общении.

Уже с 80-х гг. можно говорить о наличии развитых функциональных стилей литературного македонского языка – административно-делового, публицистического и средств массовой информации, научного, разговорного, которые различаются между собой составом лексики, формулами вежливости и иными клишированными словосочетаниями и фразеологизмами, а также некоторыми предпочтениями в употреблении грамматических форм и категорий. Кроме информативной функции, свойственной научному, публицистическому и административно-деловому стилям, литературный македонский язык успешно выполняет эстетическую функцию как язык художественной литературы и духовную функцию как орудие национальной культуры и всех ступеней образования.

В настоящее время национальный македонский язык состоит из литературного (стандартного) идиома, локальных говоров и региональных койне, в том числе наддиалектного столичного субстандартного идиома, из социальных жаргонов и сленгов, а также из разговорного македонского языка (стиля). Разговорный македонский язык представлен в различных вариантах, когда, в зависимости от коммуникативной ситуации, от языковой компетенции говорящего и от его ориентации на языковую компетенцию собеседника, могут встретиться различные и литературные, и региональные, и сленговые (жаргонные) элементы.

2.1. Сфера вербальной коммуникации. Отражение процессов интеграции и дифференциации в языковом сознании македонцев.

На протяжении более тысячи лет при неофициальной, непринужденной языковой коммуникации представители славянского

inslav

этноса географической области Македонии общались между собой на своих диалектах; с представителями других балканских этносов пытались объясниться на своем диалекте с привлечением элементов (лексических, словообразовательных, грамматических, структурно-синтаксических) языка собеседника. Для представителей балканских этносов главное в вербальной коммуникации – приспособление к языковому коду (языку, жаргону) собеседника, облегчающее неофициальное межэтническое и межсоциальное языковое общение. Таким образом, при коммуникации в языковом сознании одновременно отражались результаты процессов как интеграции, так и дифференциации этносов.

В официальной коммуникации македонские славяне, не имевшие своего государства, должны были использовать язык государствообразующего этноса, например, греческий в средневековой Византии и сейчас в Эгейской Македонии, входящей в состав современной Греции. В период пятисотлетнего владычества Османской империи в официальной коммуникации мог использоваться только турецкий язык, оказавший большое влияние на языки и диалекты всех балканских этносов. Турецкое влияние выразилось в заимствовании элементов цивилизации (продуктов питания, предметов бытового обихода, архитектуры), и в языковых заимствованиях – главным образом в лексике и словообразовании, что свойственно всем балканским языкам и диалектам. В XX в. на язык македонского этноса в Вардарской Македонии сильное влияние оказал сербохорватский язык как официальный язык Югославии и (до 1945 г.) единственный язык школьного и высшего образования. Многовековая балканская языковая ситуация би- и полилингвизма, в том числе и у македонских славян, также влияла на процессы языковой коммуникации.

Церковнославянская письменность, вначале отражавшая состояние живых славянских диалектов, но в силу своей традиционности все более отходившая от живого разговорного языка, использовалась в Македонии, по-видимому, только в сакральных текстах и устно в церковном богослужении. В Македонии православная церковь в разные исторические периоды подчинялась различным церковным центрам: сначала Охридской архиепископии, затем сербской, болгарской, греческой церквам. И в зависимости от подчинения церковному центру богослужение в различных районах Македонии осуществлялось на разных вариантах церковнославянского или же на греческом языке.

inslav

Таким образом, в языковом сознании македонского этноса четко различались языки, которые можно использовать при официальной (в том числе и церковной) и при неофициальной коммуникации.

Весь XIX в. и до 1912 г. Македония продолжала оставаться под властью Османской империи, т.е. гораздо дольше, чем Сербия, Греция и Болгария. Когда же Македония освободилась от власти турок, то попала под власть соседних государств, не признававших этническую самобытность македонцев и убеждавших их, что они болгары / сербы / греки. Данные политические и социальные условия задерживали формирование общеэтнического самосознания македонских славян, хотя и не смогли ассимилировать и подавить их этническую специфичность. Процесс становления этнической самобытности и самоидентификация македонцев возникают в конце XIX в. – начале XX в., но лишь с созданием македонской государственности в составе федеративной Югославии кодифицируется литературный язык на базе центральных западных македонских говоров, что дает мощный толчок к формированию македонского общеэтнического (национального) самосознания и национальной культуры.

Создававшаяся веками в Македонии специфическая языковая ситуация продолжала существовать, хотя одни элементы ее структуры заменялись другими, не изменяя структуру языковой ситуации в целом.

1. В официальном языковом общении веками использовался чужой язык. С 1945 г. в Республике Македонии в официальном языковом общении используется главным образом литературный македонский язык, пришедший на смену чужим официальным (государственным) языкам.

2. Долгие годы у большинства представителей македонского этноса продолжал сохраняться би- и полилингвизм: турецко-македонский билингвизм заменился сербско-македонским. У представителей других этносов Македонии существовал (существует) полилингвизм – турецко-(/сербско-)-македонско-албанско-влашско-...цыганский.

3. Когда в Македонии данный чужой язык терял свою социально-политическую роль официального средства языковой коммуникации, его заимствованные элементы переходили в нижние страты македонского языка – в разговорный язык, в жаргоны и диалекты. Так было с турецким языком, а затем и с сербским.

inslav

В литературном македонском языке лексические заимствования из турецкого используются, если они обозначают исторические термины и общепринятые бытовые реалии (*султан*, *кааза* 'район (административно-территориальная единица в Османской империи)', *кајмакам* 'начальник каазы', *алва* 'халва', *шеќер* 'сахар', *јорган* 'стеганое одеяло', *таван* 'потолок', и мн. др. В неофициальной, непринужденной вербальной коммуникации (в разговорном языке) используется больше турцизмов, получивших в литературном языке синонимы славянского или интернационального происхождения: *комшија* 'сосед, соседушка' – *сосед* 'сосед (полит.)', *саат* 'час; часы' – *час* 'час', *часовник* 'часы', и мн. др. Особенно часто турцизмы присутствуют в составе поговорок и речевых клише. Например, турцизм *ава* в литературном языке заменен славянской лексемой *воздух*, но в выражении 'давай выйдем на воздух, подышать воздухом' в разговорном литературном (и нелитературном) языке турцизм остался: *да излеземе на ава*; клише, ставшее поговоркой с "демократическим" разговорно-экспрессивным значением в литературной речи – *немам мерак* 'мне неохота', в нейтральной литературной речи заменяется синонимичным словосочетанием *немам желба* 'у меня нет желания'. Подобных примеров можно привести довольно много.

Сербизмы входили в македонский разговорный язык и диалекты в течение многих веков, напр. в XIII–XIV в. – *куќа* 'дом', *меѓа* 'межа' и т.п., в XX в. – *догаѓај* 'событие', *сусед* 'сосед', в том числе бытовые реалии (*самопослуга* 'магазин самообслуживания', *кафич* 'маленькое кафе, "кафешка" ', *железара* металлургический комбинат, *пивара* 'пивная; пивоваренный завод'. Литературный македонский язык активно заимствовал или калькировал именно из сербохорватского лексемы, обозначающие политические и научные термины, например, *влада* правительство, *Устав* 'Конституция', *одлука* 'решение', *стилски ознаки* 'стилистические пометы', *именка* (серб. *именица*) 'существительное', *прилог* '1. лингв. наречие; 2. (научная) статья', и мн.др.; интернационализмы литературный македонский язык заимствовал через сербохорватское посредничество (*универзитет* 'университет', *амбасада* 'посольство', *режија* 'режиссура', *авион* 'самолет' и т.д.). Там, где сербизм можно было заменить на македонскую лексему, в том числе и на неологизм, литературный язык занимал активную позицию: *догаѓај* 'событие' было заменено на *настан, ствар* 'вещь' – на *предмет, работа; рачун* 'счет' – на *сметка, новчаник* 'кошелек' – на *паричник, кафич* – на *кафуле*.

inslav

Часть этих сербизмов все еще употребляется в диалектах и нелитературной разговорной речи. Сербизмы могут употребляться и в поговорках, например, *млати пари* 'заколачивать деньги'.

4. После 1991 г. исчезает необходимость в сербско-македонском билингвизме, современная школьная и даже студенческая молодежь уже почти не знает сербского языка. Сейчас сербизмы характерны лишь для разговорного языка, диалектов и молодежного жаргона (несмотря на то, что современные молодые поколения македонцев уже не учат и не знают сербохорватского). Важно подчеркнуть, что функции литературного македонского языка расширились: он стал официальным языком межгосударственного, международного общения, а также введен в качестве служебного в македонской армии (в Федеративной Югославии официальным языком в международном общении и служебным в армии был сербохорватский язык).

5. Македонские диалекты продолжают существовать, но формируется также общеэтнический (национальный) функциональный страт македонского языка – общеразговорный язык, употребляемый при неофициальном, непринужденном общении: в зависимости от компетенции говорящего и слушателя он может быть разговорно-литературным, полулитературным с диалектными или жаргонными особенностями, или же каким-нибудь диалектом или жаргонным сленгом. Таким образом, сфера функционирования родного македонского языка в различных его функциональных разновидностях расширяется.

6. Специфика балканской языковой ситуации облегчала неофициальные контакты между разноязычными этносами. Естественно, что в таких условиях языковому пуризму не было места. Литературный македонский язык, очень близкий к народно-разговорному, сыграл большую роль как в этнической дифференциации, так и в становлении этнической самоидентификации: македонские славяне не болгары, не сербы, а самостоятельная общность – македонцы со своим общенациональным языком. Понятно, что литературному македонскому языку как языку балканского народа свойственно отсутствие пуризма. Лексический состав литературного македонского языка обогащался за счет лексики разных македонских диалектов и за счет заимствования книжной терминологической лексики из соседних славянских языков – в основном сербохорватского, а также за счет интернационализмов.

7. В последние годы всемирная глобализация в языковой сфере, выразившаяся в расширении престижа английского языка как

inslav

средства международной коммуникации, охватила и Македонию. Литературный македонский язык заимствовал и заимствует много англицизмов (/американизмов), особенно в сфере информационных технологий. Англицизмы интенсивно проникают также и в публицистический стиль средств массовой информации, наиболее демократичный и свободный в соблюдении литературных норм. Приведем один пример из номеров за февраль 2004 г. газеты "Утрински весник": сообщая о поездке македонской правительственной делегации к руководству Евросоюза с целью вручить документы о желании вступления Республики Македонии в Евросоюз, журналист употребил англицизм *апликација*. Это слово в македонском имеет разные значения – '1. аппликация 2. применение, приложение', но здесь это заимствование было употреблено в новом для македонского языка значении 'заявление, прошение', которое по-македонски обычно выражается лексемами *молба* 'просьба' и *барање* 'требование'. Автор сообщения, по-видимому, не хотел употреблять македонские термины из-за их семантических нюансов. В последующих номерах газеты он подвергся критике своих коллег-журналистов, не побоявшихся употребить и *молба*, и *барање* по поводу названия указанного документа. Но затем термин *апликација* 'прошение' прочно вошел в употребление.

Под влиянием телевидения, в основном развлекающего зрителей американскими фильмами на английском языке (синхронный перевод отсутствует, применяются краткие титры), англицизмы проникают и в разговорный македонский язык. Молодое грамотное поколение проявляет интерес к изучению английского языка и вносит англицизмы в свой молодежный жаргон (не только лексику из области терминов информатики, но и нецензурные слова и выражения, услышанные в американских фильмах). В связи с большой безработицей в Македонии македонская молодежь интенсивно учит английский, чтобы скорее эмигрировать в Австралию, Канаду и некоторые другие англоязычные страны.

8. Последние 100 лет довольно большое число македонцев в поисках лучшей доли эмигрировали в зарубежные страны. Больше всего македонских эмигрантов проживает в Австралии, Канаде, США и в некоторых европейских государствах. Последние годы жители Македонии массово уезжали на заработки в Швецию и Швейцарию, при этом македонские граждане албанской национальности за границей называют себя македонцами. Македонская славянская диаспора имеет свои церковные православные

inslav

церкви, печатные издания на македонском языке. В семьях эмигрантов дома говорят в основном на разговорном македонском языке или на диалекте. Представители молодежи македонской диаспоры, стремящиеся овладеть литературным македонским языком, имеют такую возможность в Австралии в Сиднейском университете "Маквори", в Канаде в университете г. Торонто, потомки эмигрантов приезжают в Македонию на летний Международный семинар македонского языка, литературы и культуры, который каждый год проводится в г. Охриде, считающемся колыбелью славянской и македонской культуры. Македонское национальное самосознание присуще эмигрантам из Республики Македонии. Национальное самосознание выходцев из других частей Македонии, особенно старшего поколения зависит от языка, на котором они получали школьное образование: так, в г. Сиднее мне довелось разговаривать с пожилым македонцем из Эгейской Македонии, школьным учителем, говорящим на смеси македонского диалекта и болгарского литературного языка, который убежденно считал себя болгарином. Разумеется, какая-то часть эмигрантов, особенно в третьем поколении, не может устоять перед ассимиляцией и слабо знает родной македонский язык.

9. Республика Македония – полиэтническое государство, в котором менее престижные в социальном плане этносы знают не только официальный язык государства – македонский, но и языки других этносов. Мы уже отмечали, что более полиязычными оказываются этносы, имеющие более низкий социальный статус. Следует сказать, что в Республике Македонии было и есть много албанских школ в районах с преобладающим албанским населением, в последние годы открылись два университета с обучением на албанском языке. В 2001 г. в Республике Македонии возник серьезный вооруженный межэтнический конфликт с местными албанцами, составляющими около 25% жителей республики. В своей политической программе албанцы выдвинули требование признать в Македонии албанский язык в качестве официального наряду с македонским. По Охридскому договору 2001 г., зафиксировавшем примирение обоих этносов, албанский язык стал служебным наряду с македонским в районах с преобладающим албанским населением. Но македонский литературный язык продолжает быть официальным языком Республики Македонии. Заметим, что в Республике Албании проживают около 400 тысяч этнических македонцев, которые в районах с большинством македонского населения обучаются на родном македонском языке. Это единственное государство, кроме Республики Македонии,

inslav

которое ввело македонский язык в школы сразу после кодификации македонского литературного языка 1945 г. Разумеется, албанские македонцы владеют и государственным языком своей страны – албанским.

10. То, что македонский литературный язык входит в группу славянских литературных языков "нового типа" (термин Д. Брозовича и Н.И. Толстого), т.е. не отягощен церковнославянской письменной традицией и близок к диалектам и народно-разговорному языку, способствовало не только становлению македонского национального самосознания, но и быстрому внедрению в обществе литературного языка как средства национальной официальной языковой коммуникации и интенсивному развитию самого литературного македонского языка и его функциональных стилей.

2.2. Сфера интерперсональной коммуникации.

В интерперсональной, неофициальной, коммуникации функционирует разговорный македонский язык. При этом он находится в оппозиции к литературному языку как главному средству официальной коммуникации в Республике Македонии.

В официальной коммуникации обычно используются административно-деловой, научный, частично также и газетно-публицистический функциональные стили македонского литературного языка. Разговорному македонскому языку, употребляющемуся в различных вариантах в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации и характера общения, а также от социального статуса и языковой компетентности говорящего и собеседника, свойственны как черты литературного языка, так и некодифицированные фонетические, лексические, словообразовательные, синтаксические особенности разговорной речи, которая может включать также диалектные и жаргонные компоненты.

В интерперсональной коммуникации возможен и официальный стиль литературного языка: например, в разговоре подчиненного с начальством подчиненный обращается с почтением, употребляя официальный высокий стиль. Начальник также может ответить подчиненному в официальном стиле литературного языка или же пренебрежительным тоном в народно-разговорном нелитературном стиле. Соблюдение литературной нормы в таком интерперсональном устном общении зависит не только от почтительности и уважения к собеседнику, но и от грамотности коммуникантов.

Нейтрально-неофициальный стиль интерперсональной коммуникации функционирует в устной (чаще) и в письменной фор-

inslav

ме (например, в личных письмах). В нейтрально-неофициальном стиле интерперсональной коммуникации, в зависимости от коммуникантов, может употребляться разговорный стиль македонского литературного языка и нелитературный народно-разговорный язык. Л. Минова-Гюркова так определяет разговорный функциональный стиль в македонском языке: "Разговорный функциональный стиль (или язык) охватывает неслужебное (неофициальное), неконтролируемое, спонтанное, частное употребление национального (общенародного) языка каждым отдельным говорящим, начиная от неграмотного до философа" (Минова-Гюркова 2003: 215). Заметим, тем не менее, что разговорный стиль (язык) неграмотного по многим лексическим, словообразовательным, фонетическим и т.п. особенностям, связанным и с диалектными чертами, будет отличаться от разговорного стиля (языка) философа. Думается, что современный разговорный македонский язык еще не стал единым общенародным в том смысле, что у него есть варианты – не только социальные, но все еще и сохраняющиеся диалектные. Л. Минова-Гюркова справедливо подчеркивает, что "разговорный стиль не подчиняется кодификации, однако, все-таки, у него свои правила, свои, прагматические, нормы, потому что неоправданное и чрезмерное употребление особенностей, характерных для других стилей, например, абстрактной лексики, будет воспринято превратно, чаще всего с иронией" (Там же, с. 219). Представляется, что в интерперсональной коммуникации любой коммуникант обладает своими собственными языковыми особенностями в рамках македонского языка – степенью соблюдения литературной нормы, любовью к иронии, употреблением фразеологических выражений различного происхождения и т.д. Л. Минова-Гюркова довольно подробно рассматривает характерные черты разговорного македонского стиля (языка) в фонетике, грамматике, лексике. Остановимся лишь на некоторых из них.

Разговорный язык (стиль) подчиняется больше правилам прагматики, чем правилам литературной нормы. В разговорном стиле литературного языка как средстве неофициальной коммуникации образованных собеседников-македонцев есть некоторые отличия от стилей литературного языка, употребляемых при официальной коммуникации. Так, например, в разговорном стиле литературного языка широко употребительны феминативы со значением лиц женского пола с суффиксом *-ка: професорка* 'профессор', *министерка* 'министр', *деканка* 'декан', *лекарка*

inslav

'врач, врачиха', *адвокатка* 'адвокат' и т.п.; школьники и студенты обращаются к преподавателю-женщине *професорке!* При официальной коммуникации в высоком стиле литературной речи профессии и должности называются в мужском роде, независимо от пола лица, которые эти должности занимают: *професор Иваноска* (разг. *професорка Иваноска), министер Митрева* (разг. *министерка Митрева*), *госпоѓа Декан* 'госпожа декан'.

Разговорный язык (стиль) широко использует разные словообразовательные средства и модели для образования новых слов (иногда и окказионализмов), часто имеющих экспрессивно-эмоциональный характер. Так, возникшую под влиянием сербохорватского языка словообразовательную модель существительных с суффиксом *-áра* (с ударением на втором слоге, что противоречит норме) литературный язык заменяет моделями с другими суффиксами, например: разг. *железара* – лит. *железарница* 'металлургический комбинат', разг. *билетара* – лит. *билетарница* 'билетная касса', *рибара – рибарница* 'рыбный магазин' и т.п., оставив в виде исключений лишь несколько слов, например, *(Скопска) пивара* '(Скопский) пивоваренный комбинат', *(Битолска) свилара* '(Битольский) шелкоткацкий комбинат'. В разговорном языке модель на *-áра* используется как в традиционных, так и в новых словах: *свеќара* (лит. *свеќарница*) 'свечная лавка', *сендвичара* 'бутербродная', *сладоледара* 'кафе или киоск "Мороженое" ', *клучара* 'мастерская по изготовлению ключей' и т.д., и т.п. Новые экспрессивно-окрашенные слова в разговорном языке образуются также с помощью суффиксов турецкого происхождения, например: *чашкаџија* 'любитель пропустить рюмашку', *филмаџија* 'киношник, любитель кино', *викенџија /викендаш* (серб.) 'дачник, владелец загородного дома'; старые турцизмы-историзмы также могут получать новые, экспрессивные, значения, например: *агалак* '(ист.) поместье, землевладение – (разг. ирон.) "поместье", дача', *ага* 'землевладелец (ист.)' – (разг. ирон. или неодобр.) 'барин; самодур; владелец "поместья", дачи', *паша* 'паша (ист.)' – (разг. ирон.) 'хозяин "гарема" (о единственном мужчине в женском трудовом коллективе)', *чорбаџија* 'богач, богатей' и 'любитель чорбы (похлебки)'.

В разговорном стиле литературного языка могут встретиться нелитературные разговорные слова и выражения из числа диалектных, жаргонных, турцизмов, сербизмов, англизицмов и т.п., но в экспрессивно-эмоциональной окраске, т.е. в функции просторечия. Так, в соответствии с нормами македонского литера-

inslav

турного языка лексические и словообразовательные церковнославянизмы были успешно заменены словами с продуктивными суффиксами и приставками, присущими диалектам и народно-разговорному языку (*положение – положба* 'положение', *движешти – двигачки* 'движущий', *избирател – избирач* 'избиратель'), но церковнославянизмы находят употребление в разговорной иронически-экспрессивной речи, например, разг. ирон. *патешествие* – лит. нейтр. *патување* 'путешествие'.

Для интерперсональной коммуникации, в частности, важны формулы этикета. В разговорной практике, например, сохранились турецкие формы вежливости, функционирующие с разными оттенками значения в зависимости от функционального стиля и носителя языка: в диалектном и разговорном языке не очень грамотных македонцев турцизмы могут употребляться нейтрально, без экспрессивного оттенка, эти же турцизмы в разговорной литературной речи грамотных людей получают экспрессивное значение. Так, придя в гости к македонцам, родившимся в селе и, вероятно, почти неграмотным, я услышала почтительно-приветливое *"Бујрум!"* (турецк.) 'Добро пожаловать!'; то же самое приветствие, но уже с юмором, я услышала, входя в дом известного македонского писателя, очень образованного человека, – это было экспрессивное просторечное употребление турцизма; на базаре в Скопье это же выражение можно услышать при вежливой благодарности продавца (албанца, турка, македонца) за сделанную покупку (в значении 'вот, пожалуйста, возьмите, спасибо вам').

При обращении к слушателю по имени или должности, званию правила литературного языка рекомендуют использовать формы вокатива: *Радо! / Ратке! (от Рада), Веро! (от Вера), Иване! (от Иван), Максиме! (от Максим), професоре! (от професор), мајсторе!* (от *мајстор*; при обращении к мастеровому, к водителю автобуса и т.п.), *тетке!* (от *тетка* 'тетя, тетенька, тетушка – при обращении к родственнице или к незнакомой женщине'). В разговорной речи при обращении часто употребляется не-вокативная форма субъекта со звательной интонацией: *Рада!, Иван!, Максим!*, тем более что в непринужденной дружеской беседе весьма часто фигурируют уменьшительно-ласкательные существительные среднего рода с суффиксами *-че, -е*, не имеющие форм вокатива: *Ленче!, Маре!, Лиле! Верче!, момче!, девојче!*, а некоторые уменьшительные мужские имена стали официальными и единственными: *Петре!, Миле!, Блаже!*.

inslav

При интерперсональной коммуникации (непринужденном, неофициальном общении) говорящий-македонец, как вообще принято на Балканах, подлаживает свою речь под речь слушателя. Так, например, родители, для установления более близкого душевного контакта с сыном или дочерью, в меру своей компетенции переходят на молодежный жаргон. Простой македонец при разговоре с иностранцем, который по мнению македонца, должен лучше понимать, скажем, сербский язык, поскольку он будто бы более престижен, чем македонский, пытается в такой коммуникативной ситуации использовать сербский в пределах своей даже очень слабой языковой компетенции. Престижность сербского языка в подсознании простых, не очень грамотных македонцев и использование его в контактах с иностранцами можно проиллюстрировать двумя весьма юмористическими эпизодами. (1) В 90-х гг. в Македонию приезжало много болгар отдохнуть на Охридском озере в г. Охриде и его окрестностях, они селились главным образом в частном секторе. Местные хозяева-македонцы, сердечно провожая болгарских гостей, напутствовали их на сербском языке: *"Дођите опет!"* 'Приезжайте еще!' (по-болгарски было бы *Елате/заповядайте пак!*, по-македонски – *Дојдете/повелете пак!*). (2) В Охрид часто приезжает один германский журналист, свободно говорящий по-македонски, однако с немецким акцентом. Однажды он нанял лодку (типа водного такси), чтобы покататься по Охридскому озеру, разговорился (по-македонски!) с лодочником, а тот стал отвечать ему на ужасно ломаном сербском языке, потому что уловил иностранный акцент и решил, что с иностранцем следует говорить на более престижном сербском языке. Таким образом, многовековая привычка к диглосии и к неродному языку в роли официального у отдельных представителей македонского этноса в подсознании еще сохраняется.

С другой стороны, литературный язык повлиял на все разновидности общенационального разговорного македонского языка. В качестве примера такого влияния можно указать на употребление глагольных форм типа *има* + причастие на *-но/-то*, выражающих перфектные результативные значения наряду с традиционным перфектом типа *сум* + глагольная форма на *-л*, который выступает также и в модальных значениях так называемого пересказа. Формы перфекта с *има* характерны для юго-западных македонских говоров и кодифицированы литературным языком, но не известны восточным македонским диалектам. Под влиянием литературного языка эти формы проникают в литературную

inslav

речь македонцев из восточной части Македонии. При этом жители г. Охрида при интерперсональной коммуникации в перфектном результативном значении употребляют только формы типа *има* + причастие на *-но/-то*, а перфект типа *сум* + *-л*-форма употребляют лишь в модальном значении пересказа, что в общем-то совпадает с правилами литературного языка и полностью отвечает особенностям охридского говора (юго-запад Македонии).

Появившиеся в художественной литературе модальные глагольные формы, выражающие предположение с помощью частиц *ќе*, *да* и глагольных темпоральных словоформ и еще не грамматикализованные с четким грамматическим системным значением (т.е. сравнительно новые явления прагматического уровня), характерны и для разговорного языка (стиля), например: *тој ќе да е дојден* 'он, вероятно, пришел'; *колку години ќе да има момчево?* 'сколько лет будет (сейчас) этому парню?' – *ќе да има околу двајсет* 'около двадцати, наверное'; *Господи, колку сум лежел, ќе да поминаа петнаесет дена оттогаш, а може и повеќе* 'Господи, сколько же я пролежал, с того времени прошло, наверное, дней пятнадцать, а может, и больше'. В официальной коммуникации (в высоком стиле литературной речи) подобные формы нам не встречались.

Интересен анализ языка бесед между великим деятелем македонской культуры, одним из кодификаторов македонского литературного языка, академиком Блаже Конеским и писателем Цане Андреевским, записавшим эти дружеские непринужденные беседы и издавшим книгу "Разговоры с Конеским". Языковой анализ разговоров между двумя интеллектуалами и интеллигентами, произведенный проф. Н. Чундевой (Н. Чундева 1999: 187–199), повторно приводится в книге Л. Миновой-Гюрковой. По мнению Н. Чундевой, речь Б. Конеского здесь характеризуется немалой свободой в отборе языковых средств, прежде всего в лексике и в большей мере в синтаксисе; с другой стороны, текст беседы является также "свидетельством степени интеллектуализации македонского литературного языка на современном уровне". Синтаксические особенности речи Конеского в беседах в основном такие же, как и в других языках в разговорном стиле – вводные слова, повторения, незаконченные фразы и т.п. В сфере лексики Б. Конеский намеренно выбирает иногда разговорные нелитературные лексемы типа *вика* вместо *вели* 'говорит', допускает даже диалектизмы (*лајца* вместо *лажица* 'ложка'). В беседах Б. Конеский употребляет немало интернационализмов, свойственных разговорно-

inslav

му стилю речи (*визија* 'взгляды, мнение' – лит. *погледи, мислење*; *тангира* 'касаться, волновать' – лит. *допира се; ирелевантен* 'несущественный' – лит. *неважен, незначителен*; и мн. др.). Среди турцизмов Б. Конеский использует как историзмы, например, *фес* 'феска', *налани* 'деревянные сандалии' и др, так и употребительные в современном разговорном языке стилистически окрашенные турцизмы (*муабет* 'разговор, приятная болтовня', *чаршија* 'торговый люд; людская молва', *табиет* 'обычай' и т.д.). Индивидуальной особенностью речи Б. Конеского, свободно владевшего несколькими славянскими языками, в том числе сербохорватским, болгарским, русским, было весьма частое употребление в этих беседах русизмов/болгаризмов, например: *воздејство* 'воздействие', *значимост* (=*значајност, важност*) 'значимость', *пристрасен* 'пристрастный', *грози* (=*се заканува*) 'угрожать', *испитува* (=*чувствува, доживува*) 'испытывать', и нек. др. Непринужденная интерперсональная коммуникация между Б. Конеским и Ц. Андреевским представляет образец разговорного стиля литературного македонского языка.

В заключение сделаем некоторые основные выводы.

1. Живущие более тысячи лет на Балканах македонские славяне лишь в XX в. осознали свою национально-этническую самобытность, чему способствовало образование собственного государства, кодификация македонского литературного языка, создание учебных и культурных институций и обучение на литературном македонском языке.

2. С созданием литературного македонского языка впервые языком официальной коммуникации в Республике Македонии стал родной македонский язык. Именно при официальной коммуникации он и функционирует в различных функциональных стилях – административно-деловом, научном, газетно-публицистическом и электронных СМИ. Стиль художественной литературы отражает и официальную, и неофициальную интерперсональную коммуникацию, а также жаргонные и диалектные особенности речи персонажей художественных произведений.

3. Многовековая привычка к диглоссии осталась в языковой ментальности носителей македонского языка, поэтому многие не очень грамотные их представители все еще пытаются использовать в интерперсональной коммуникации с незнакомыми людьми, особенно иностранцами, сербохорватский язык, даже если они фактически очень слабо его знают. Впрочем, молодое поколение, уже не изучающее сербохорватский язык в школе, едва ли перехо-

inslav

дит на сербский при общении с инстранцами, которые слабо знают македонский. Возможно, в этом случае скорее будет использоваться английский язык. Вопрос требует изучения.

4. Разговорный македонский язык, используемый в межперсональной коммуникации как главное средство неофициального общения (в противоположность литературному языку как средству официального общения в высоком стиле речи), являясь общенациональным языком, представлен многими речевыми вариантами – от разговорного (неофициального) стиля литературного языка, до вариантов не совсем литературной разговорной речи и вплоть до социальных жаргонов и территориальных диалектов. Разговорный македонский язык широко использует лексику бывших престижных в Македонии языков, особенно в эмоционально-экспрессивных значениях, вводит в речь еще не кодифицированные грамматические элементы, помогающие говорящему выразить в высказывании свои прагматические установки, оценки и намерения. Эти грамматические новации берутся из диалектов, прагматически вводятся постепенно в литературную речь и частично кодифицируются литературной нормой, распространяясь из нее и на другие диалекты.

5. Литературный македонский язык выполняет важнейшую культурную роль и объединяет македонский этнос в нацию.

ЛИТЕРАТУРА

D. Brozovic, Standardni jezik, Zagreb, 1970.

Конески Б. Македонский язык в развитии славянских литературных языков, Скопје, 1968.

Конески Б. Јазикот на македонската народна поезија. Скопје, 1971.

Конеский Б. Языковые связи македонской поэзии с фольклором // Исследования по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти В.В. Виноградова, М., 1974.

Б. Конески. Македонскиот литературен јазик // Реферати на македонските слависти за XI меѓународен конгрес во Братислава. Скопје, 1993.

Минова-Буркова Л. Стилистика на современиот македонски јазик. Скопје, 2003.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Толстой Н.И. Slavia orthodoxa и Slavia latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // ВЯ. 1997.

Треневски Т. Јазичниот израз на средношколската младина во Скопје. Скопје, 1997.

Усикова Р.П. Этапы становления и развития македонского литературного языка // Теория и практика изучения славянских языков. М.: Изд. МГУ, 1988.

inslav

Усикова Р.П. О языковой ситуации в Республике Македонии // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994.

Усикова Рина. Забелешки по повод функционалните стилови во современиот македонски јазик // Македонскиот јазик од Мисирков до денес. Симпозиум 1993. Скопје, 1996.

Усикова Р.П. Языковая ситуация в Республике Македонии и современное состояние македонского языка // Славяноведение. 1997. № 2.

Усикова Р.П. Языковая ситуация в Македонии и явления языковой интерференции и диглоссии в македонском языке // Македонский язык, литература и культура в славянском и балканском контексте: Материалы международной российско-македонской научной конференции. Москва, 15–16 сентября 1998 г. М., 1999.

Усикова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. М. 2003.

Усикова Р.П. Некоторые сопоставления типологии македонского и русского литературных языков в аспекте историко-литературно-языковых ситуаций // Исследования славянских языков и литератур в высшей школе: достижения и перспективы. Материалы и тезисы докладов международной научной конференции 21–22 октября 2003 г. М., 2003.

Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979.

Чундева Н. За јазикот на Блаже Конески // Придонесот на Блаже Конески за македонската култура. Скопје, 1999.

И.Д. Макарова

(Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЛЮБЛЯНСКОМ ГОРОДСКОМ КОЙНЕ

Люблянское городское койне определяется как нелитературная территориально ограниченная разговорная формация наддиалектного характера, занимающая промежуточное положение между переходным говором и региональным (центральнословенским) интердиалектом[1]. Состав отличающих данный идиом константных языковых признаков известен, главным образом, из работ Йоже Топоришича[2]. К числу таких признаков[3] относится до-

[1] Обслуживает повседневное общение жителей Центральной Словении, на территории которой расположена также столица Любляна.

[2] См. [Toporišič 1970].

[3] Список особенностей люблянской разговорной речи приводится на основании анализа аудиозаписи 30 информантов (жители Любляны разного возраста и рода деятельности), в условиях неформального общения (март–апрель 2003г.), объем – 26 аудиодисков по 80 мин. звучания каждый.

inslav

вольно широкий круг явлений как центральнословенских, так и специфически люблянских: сильно выраженная вокальная редукция в парадигме именных (*v resníc /в действительности, на самом деле/* – v resnic**i**; *novga /нового/* – nov**e**ga; *zadənmu*[4] */последнему/* – zad**n**jemu) и глагольных форм (*Pərnés! /Принеси!/* – Prines**i**! *Pəjt! /Иди!/* – Pojd**i**! j*əst* rábəm */Мне нужно/* – j**a**z rab**i**m; *səm mísl**u*** */Я думал/* – misl**i**u), маскулинизация существительных среднего рода (*lansk let /прошлый год/* – lansk**o** let**o**), предударное уканье (*p**u**čás /медленно/* – počasi), рефлекс депалатализации с метатезой (*stanəvájne /квартира/* – stan**o**va**nj**e), фонетически модифицированные формы будущего времени (а *vəš jédu*? */будешь есть?/* – a boš jedeu?), диссимиляция отрицательной глагольной частицы (*náuš réku /не скажешь/* – ne boš rekeu, *n**a** vém /не знаю/* – ne vem), лексикализованные формы со свистящей палатализацией (*ta**c**ga /такого/* – takega, *vsa**c**ga /всякого/* – vsakega, *dru**z**ga /другого/* – drugega), некоторые нестандартные местоименные формы (*kva /что/* – kaj, *kokər /чем/* – kakor, *ké /где/* – kje, *kle /здесь/* – tle, *kə /когда, который, где/* – ko / ker / ki / kjer, *kéri /который/* – kateri).

Столичное койне является первичной языковой подсистемой коренных люблянцев[5], которая в речи разных информантов демонстрирует как полный, так и редуцированный набор локальных особенностей. При этом можно говорить о двух основных факторах, влияющих на вариативность люблянского разговорного языка: **коммуникативная ситуация**, запускающая механизм языкового приспосабливания, а также социальные и лингвосоциальные **характеристики говорящего**, определяющие степень присутствия локализмов в его первичной подсистеме (возраст, пол, социальное окружение, языковая компетенция, социальный статус).

Наш анализ коммуникативно-ситуационной вариативности люблянского разговорного языка основывается на принципе (под)сознательной модификации первичной языковой подсисте-

---

[4] Гласный *ə*, в словенском языкознании известный как polglasnik (буквально полугласный), – самостоятельная фонема среднего ряда средне-нижнего подъема, близкая по своим артикуляционным признакам русским редуцированным ь, ъ (тип [гърадá]. В койне этот гласный по сравнению с литературным языком имеет другое распределение, являясь результатом качественной редукции других вокалов (i, e, u, a).

[5] Лица, которые провели в Любляне, как минимум, первые 10–15 лет жизни (т.е. выросли в Любляне).

inslav

мы[6]. Согласно данному принципу, словенскоязычный говорящий сначала овладевает речью своего ближайшего социального окружения (семьи, родного края). В качестве первичной языковой подсистемы L 1[7] может выступать диалект или наддиалектное разговорное образование (городское койне, локальный интердиалект, региональный разговорный язык). В отдельных случаях в зависимости от речевой разновидности, используемой в семье, в качестве первичной подсистемы может быть освоена региональная разновидность национального языка с редуцированным набором локальных языковых признаков (на базе диалекта, городского койне, регионального интердиалекта). В современной Любляне языковая ситуация наиболее сложна, поскольку в ней смешиваются первичные языковые подсистемы разного уровня и разной диалектной отнесенности.

Следующая схема демонстрирует два возможных направления ситуационно-обусловленного варьирования первичной языковой подсистемы говорящего L 1 в результате действия механизма языкового приспосабливания (или ситуационно-обусловленной модификации) в рамках официального и неофициального общения:

```
L 1 (3)
    \   L 1 (2)
     \/
    L 1 (1)
```

Значения символов:

L 1 (1) – первичная языковая подсистема;

L 1 (2) – первичная языковая подсистема, модифицированная в условиях неформальной коммуникации в сторону целевой / контактной подсистемы (иной региональной разговорной формации).

L 1 (3) – первичная языковая подсистема, сознательно модифицированная в условиях официальной коммуникации в сторону литературной нормы.

Модификация первичной подсистемы L 1 – суть любого языкового приспосабливания в рамках словенской языковой ситуации: как в сторону региональной разговорной разновидности, так

---

[6] Данная концепция в рамках теории языковой аккомодации разрабатывалась в работах Г. Джайлса, С. Томасон, Н. Купланда, Д. Купланд [Kontaktlinguistik 1996]. На словенском материале концепция первичного кода применяется в статьях Бреды Погорелец [*Pogorelec* 1989, 179–193] и Йожицы Шкофиц [*Škofic J.* 1991, 1994].

[7] Символ L 1, обозначающий первичный языковой код, был использован в упомянутых работах Бреды Погорелец и Йожицы Шкофиц.

inslav

и в сторону литературной нормы. Данная концепция позволяет ответить на вопрос о причине варьирования языковых средств, т.е. гетерогенности[8] реально используемых разговорных формаций применительно к словенскому языковому материалу.

Принцип **модификации** (а не переключения) первичной языковой подсистемы обусловлен тем, что в речи словенцев в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации **варьируется степень выраженности локальных особенностей**, свойственных первичной подсистеме L 1: от неограниченности и полной свободы проявления в ситуации общения с близкими у себя дома (в родном крае) – нулевая ступень модификации **L 1 (1)**, до максимальной ограниченности в ситуации официальной – максимальная ступень модификации **L 1 (3)**, с возможностью образования промежуточных ступеней (в неофициальных ситуациях) – промежуточная ступень модификации **L 1 (2)**.

Возможность образования промежуточных ступеней в ситуации неформального общения обусловлена тем, что словенский литературный язык в связи со своей удаленностью от естественных разговорных образований в данную ситуацию не допускается (в ней не удерживается), другого единого общесловенского устойчивого разговорного идиома здесь нет[9].

Уровень модифицированной первичной подсистемы может колебаться, обнаруживая различный состав локальных особенностей. Выраженность варьирования зависит от степени владения целевой подсистемой (литературным языком или иной региональной моделью разговорного языка), что определяется целым рядом факторов: языковой дистанцией между первичной и целевой подсистемой, интенсивностью и частотностью контактов с целевой подсистемой, длительностью пребывания носителя в языковой среде, использующей данную подсистему, языковыми способностями говорящего. Языковая дистанция определяется составом несовпадающих особенностей (обычно локального ха-

[8] Проблема гетерогенности – один из ключевых вопросов, стоящий перед современными исследователями языковой ситуации, см. [Гофманова, 1994], также [Нещименко, 2003].

[9] Попытка Топоришича кодифицировать центральнословенские разговорные явления в качестве общесловенских успехом не увенчалась. Литературный разговорный язык в повседневном общении, согласно данным анкетирования, также **не** используется: 100% опрошенных из 98 студентов-славистов Люблянского университета Философского факультета (март 2003) ответили, что **не** используют литературный язык в повседневном общении.

inslav

рактера) первичной подсистемы на контрастном фоне целевой подсистемы. Основные отличия между разновидностями словенского языка сосредоточены на фонетическом, морфологическом и просодическом уровне. Кроме того, в разговорных формациях отмечается активное функционирование т.наз. коллоквиальных заимствований (германизмов, сербизмов, американизмов), в то время как в литературном языке использование этих заимствований ограничено.

Значительная языковая дистанция между целевой и первичной разновидностью создает условия для большей амплитуды варьирования языковых средств за счет интерференции со стороны первичной подсистемы, различной по качеству и объему (как это показало сравнение литературно-модифицированной речи гореньки и прекмурки, представленное в статье Й. Шкофиц[10]).

Итак, коммуникативно обусловленное варьирование и явления частичной языковой интеграции наблюдается в случаях, когда говорящий осознает недостаточность языковых средств своей первичной подсистемы или нежелательность выражения свойственных ей примарных (локальных) признаков в конкретной коммуникативной ситуации.

Рассмотрим различные примеры реализации столичного койне как в условиях варьирования языковых средств, так и в условиях, такого варьирования не создающих. Наш аудиоматериал[11] позволяет наблюдать вариативность столичного койне в ситуации любительской лекции в клубе и в рамках частной беседы.

Коммуникативно обусловленное варьирование первичной языковой подсистемы коренных люблянцев в условиях неформального общения, по нашим наблюдениям, проявляется в сознательном ограничении языковых особенностей, отличающих язык Любляны от иных разговорных формаций (т.н. "примарных" локализмов), в пользу более общих (менее маркированных) центральнословенских или даже литературно-разговорных форм. Осознанная селекция языковых средств, как показал материал, действует в течение ограниченного времени, обычно в начале выступления или беседы с малознакомым человеком.

---

[10] См. [Škofic 1994].

[11] Корпус устных текстов (26 аудиодисков по 80 минут звучания каждый), презентирующий нелитературную разговорную речь жителей словенской столицы (30 информантов разного возраста и рода деятельности) в ситуации неофициального общения (март–апрель 2003).

inslav

Например, ситуация неофициального выступления в клубе путешественников перед небольшой аудиторией с рассказом о туристической поездке предполагает ограниченную модификацию первичной подсистемы. Избегая явных локализмов, снижающих ранг речи и создающих в данной ситуации ощущение неграмотности, рассказчик обычно широко использует разговорно-маркированнные формы, сигнализирующие о том, что ситуация его выступления оценивается как нестрого официальная. Здесь важна не только демократическая обстановка кафе – существенно то, что выступающий рассказывает о своих частных наблюдениях и впечатлениях. В данном случае психологически комфортнее для него будет обстановка естественности, доверительного общения с аудиторией, которая создается с помощью языковых средств.

Так, например, один из наших информантов, Матей, в первой своей фразе, сказанной в микрофон, просигнализировал, что он будет говорить вполне естественно: ***Dônəs vam bom məjčkən predstaviu Kitajsko*** (*Сегодня я немножко расскажу о Китае*). Как прокомментировали слушатели, услышав типично-люблянское Dônəs и сильно-редуцированное məjčkən, они сразу поняли, что рассказывает сегодня люблянец. Примечательно, что рассказчик в начале своего выступления избегал стяженных форм причастий на -l, естественных не только для люблянского койне и центральнословенского интердиалекта, но допускаемых литературно-разговорной языковой нормой (можно было сказать ***predstavu*** вместо строго литературного ***predstaviu***). Ситуация публичного выступления, особенно в первые минуты, заметно влияет на ограничение локализмов в речи выступающего. Однако, когда контакт с публикой установлен, ограничение на локализмы было снято: последовательно появляются стяженные формы причастия, редукция падежных флексий в именном склонении, редукция форм местоимений, маскулинизированные формы предикативных слов, существительных среднего рода (заметный люблянский локализм).

При этом другие характерные люблянские локализмы (фонетически модифицированная форма вспомогательного глагола будущего времени ***vte*** *rékəl /скажете, буд.вр./* – boste rekli, ***navte*** *míslil /не подумаете, буд.вр./* – ne boste mislili) в речь выступающего попадали в ограниченном объеме. По-видимому, говорящий оценивал их как не вполне уместные в данной ситуации и ограничивал их появление. Спорадическое использование дан-

inslav

ных форм свидетельствует о том, что они свойственны первичной подсистеме выступающего. Следовательно, в рассмотренной ситуации говорящий модифицировал свой первичный код не в полной мере, что повлияло на довольно широкий состав локализмов, которые в начале его выступления варьировались с литературно-разговорными формами. Поэтому мы можем ранжировать его речь в данной ситуации как "частично модифицированное" столичное койне.

Пример немодифицированной люблянской речи – это речь молодого люблянца Приможа Габровшка (20 лет), студента технического колледжа, в ситуации телефонной беседы с приятелем. В данном случае ситуация допускает реализацию первичной подсистемы в чистом виде, без необходимости какой-либо модификации, ограничений, а следовательно, варьирования языковых средств. Помимо расширенного набора характерных люблянских локализмов (маскулинизация существительных среднего рода: *kusíl /обед/* – kosilo; фонетически модифицированные формы будущего времени: *navš obiskəvàu /не будешь посещать/* – ne boš obiskovau; редукция в именном склонении: *u resníc /на самом деле/* – u resnicj; редукция в глагольных формах: *rabəm /мне нужно/* – rabim, *pərnés! /принеси!/* – prinesi!) эта аудиозапись содержит большое количество сленгизмов – дополнительный показатель того, что общение осуществляется со "своим" человеком, в ситуации, когда говорящий ощущает себя предельно раскованно (***stari*** – *старик* (обращение), ***bejba*** – *девчонка*, ***kə mamba nabìt*** – *пьян в стельку*, ***minusi v očeh*** – *отсутствующее выражение в глазах*, ***šunki bunki*** – *толстухи*).

В отличие от приведенных двух случаев, анализ аудиозаписи нашего интервью с продюсером молодежных передач национального телеканала, Марко П. (>50 лет), позволяет говорить о примере люблянской речи с редуцированным набором локальных признаков. Можно сказать, что речь нашего информатора характеризуется стабильным набором локализмов, чередующихся с литературно-разговорными формами: мы зафиксировали ограниченный набор специфических люблянских местоименных форм (*ké, kéri, s kérga, kókər*), люблянско-центральнословенскую маскулинизацию существительных среднего рода (*predméstje je biu razdelén na úlce*), центральнословенскую редукцию предикативных слов (*hécən je to*). Фонетически модифицированных форм будущего времени, так же как и диссимиляции в отрицательных глагольных формах, характерных для столичного койне, мы не

inslav

встретили. При этом стабильно использовались люблянско-центральнословенские формы ограниченной редукции в формах именного склонения (падежные флексии существительных, прилагательных). Марко – коренной люблянец, из интеллигентной семьи, где не говорили "на языке улицы", отдавая предпочтение т.н. "общеразговорному языку"[12]. Детальный анализ в целом свидетельствует о том, что речь Марко – это все же люблянское койне с редуцированным набором локальных особенностей.

Следующая таблица характеризует распределение и выраженность характерных люблянских локализмов в речи наших информаторов.

К локализмам, которые в ситуации неофициального общения встречаются с высокой степенью регулярности, мы, на основании наших наблюдений, можем отнести лексикализованные рефлексы свистящей палатализации: *druzga* (drugega), *tacga* (takega), *vsacga* (vsakega) – примеры выравнивания падежной флексии прилагательного мест.п. ед.ч. муж. р. под влиянием формы дат.п. – *ob takemu vreménu* (ob takem vremenu) указательное местоимение ún. Часто встречаются различные люблянские "словечки" /частотные наречия, союзные средства и пр./ – (*dônəs, dam (domov), kókər, kle, ké, kə, kéri*) – сильная редукция предикатных слов (*čúdən je to, vse je blo čərən*), не говоря о центральнословенской редукции флексий именного склонения, о разговорном кратком инфинитиве, допускаемом даже литературной (разговорной) нормой. Указанные частотные разговорные формы являются регулярными элементами люблянского койне[13]. К таким элементам относятся также темп, ритм и мелодика высказывания, т.е. просодические свойства койне.

К числу ситуационно ограничиваемых люблянских локализмов мы относим вопросительное местоимение *kva*, стяженные формы будущего времени *kva vəte míslil* (kaj boste mislili), дисси-

---

[12] Понятие, предложенное Й. Топоришичем в 60-е годы, по-видимому, под влиянием чешской социолингвистической школы (параллель с obečna čeština), на словенском языковом материале не оправдалось, что признал и сам автор, заменив его в 90-е годы на понятие "литературный разговорный язык". Информант использовал это понятие, скорее, в силу привычки, поскольку этот термин Топоришича, несмотря на критику специалистов, использовался в системе школьного образования.

[13] Центральнословенские формы приведены в работах Й. Топоришича [Toporišič 1970, 1976] как особенности общесловенского разговорного языка. Литературно-разговорные формы приведены в "Словенском орфографическом кодексе" и "Словенской грамматике" [Slovenski pravopis 2001, Toporišič 2000].

inslav

inslav

Таблица. Реализация люблянских локализмов в речи наших информантов

Локализмы	Штефка > 50 let	Марко > 50 let	Горо > 40 let	Тина 20–30 let	Матей 20–30 let	Примож 20–30 let	Андрей 20–30 let
Предударное уканье *pučas* (*počasi*)	+	–	–	–	∓	∓	–
Депалатализация с метатезой *n' stanovajne* (*stanovanje*)	+	–	–	–	∓	–	–
Отдел. формы *ún, dàm, kə, kéri, kérga, kva*	+	∓	+	∓	+	+	+
Диссимиляция отриц. частицы *na vem*	∓	–	∓	–	–	∓	∓
Стяженные формы будущего *nauš, uš reku,*	+	–	∓	–	+	+	∓
Маскулинизация ср.р. *lansk let*	+	∓	+	+	+	+	+
Лексикализованные рефлексы свистящей депалатализации *druzga, tacga*	+	+	+	+	+	+	+
Выравнивание окончания прилагательных М.п. ед.ч. *v ênmu lokalu*	+	–	+	+	+	+	+

+ выражен, – не выражен, ∓ выражен только в некоторых случаях

милятивные явления в отрицательных глагольных формах (диссимиляция отрицательной частицы ne > na): ***naut*** nəč réku (Лит.РЯ: ne bom nič réku), *na vem* (ne vem). Явление предударного уканья (*pusébəj* вместо *posébəj*) и метатических рефлексов депалатализации (*stanovajne* вместо *stanovanje*) присутствует в столичном койне ограниченно, поэтому иногда трудно определить, отсутствуют ли данные особенности под влиянием коммуникативной ситуации или же потому, что первичной языковой подсистеме конкретного информатора это не свойственно. "Примарные" люблянские локализмы являются ситуационно наиболее зависимыми элементами, которые варьируются в речи наших информаторов с центральнословенскими и литературно-разговорными формами.

Итак, сравнение языковых особенностей, отмеченных нами у информаторов-люблянцев, показало, что степень проявления локального акцента в одной и той же коммуникативной ситуации колеблется. Колебания, которые можно оценить как ситуационные, мы отметили в зависимости от того, как выступающие, наладив контакт с аудиторией, увлекались повествованием, снижали контроль за своей речью и последовательно использовали весь набор локализмов, свойственных их первичной языковой подсистеме. Кроме того, можно утверждать зависимость демонстрируемой (психологической) дистанции между выступающим и аудиторией, между говорящим и слушающим (в ситуации частной беседы) от степени модификации его первичной подсистемы[14].

В качестве подтверждения и иллюстрации приведенных положений кажется небезынтересным представить точку зрения самих словенцев на языковую ситуацию в Любляне. В данном параграфе мы приведем результаты анкетирования, проведенного в марте 2003 г. среди студентов 1 и 2 курса Философского факультета Люблянского университета (100 человек, из которых 17 – люблянцы).

Излагая концепцию первичной языковой подсистемы, мы в качестве основного фактора, влияющего на его формирование, выделили речь социального окружения говорящего. Анкетиро-

[14] Правда, в данном случае проявляется весьма характерная для словенской языковой ситуации дилемма: между естественно разговорной непринужденностью и степенью проявления локального акцента. Жители Любляны и прилегающих к ней центральных словенских регионов, как показали результаты анкетирования, к своему локальному акценту в ситуации публичного общения относятся в целом спокойнее, чем жители нецентральных регионов.

inslav

вание подтвердило это предположение: большинство информантов оценили влияние речи семьи, родного края как самое существенное, присвоив этому фактору наиболее высокие баллы из десяти предложенных: 10 баллов (48%), 9 баллов (19%), 8 баллов (12%). Следующим по значению фактором оказалась речь "вторичного" социального окружения (друзья, приятели, коллеги, однокашники), присвоенные баллы распределились следующим образом: 10 баллов (19%), 9 баллов (23%), 8 и 7 баллов (по 12%). Третьим фактором оказался литературный язык, изучаемый в школе: 10 баллов (1%), 9 баллов (5%), 8 баллов (21%), 5 баллов (16%), 3 балла (8%). Четвертым по значению фактором оказалась речь СМИ – 5 баллов (18%), 7 баллов, 4, 3 и 2 балла (11%). Последним – языковое окружение (нового) города, которое наши респонденты оценили следующим образом: 8 баллов (8%), 5 баллов (13%), 3 балла (16%), 2 балла (11%) и 1 балл (18%).

К числу важных факторов, мотивирующих модификацию первичной подсистемы, наряду с ситуацией выступления перед аудиторией, относится также общение с "разнокодовым" собеседником. Сравнение факторов влияния на осознанную модификацию первичной подсистемы в данной ситуации дало интересные результаты. Если собеседник говорит литературно, в ответ модифицируют свою речь 80% респондентов (из них 10% в максимальной степени, 43% – в минимальной). Если собеседник говорит на диалекте, трудном для понимания, ответно модифицируют свою речь (в сторону ЛЯ) 62% информантов (из них 4% реагируют в максимальной степени, 43% в минимальной). Если же говорящий заметит, что собеседник не понимает его самого, то в ответ на это модифицирует свою речь 95% респондентов (из них 45% в максимальной степени, и только 17% в минимальной). Таким образом, в качестве главного фактора, мотивирующего модификацию первичной языковой подсистемы в данной ситуации, выступает непонимание со стороны слушателя, на втором месте – литературная речь (в соответствующей обстановке), на третьем – соображения "языкового такта", предполагающего внимание к речи собеседника и к возможным коммуникативным трудностям, которые могут возникнуть при общении с ним (люблянец – прекмурец, приморец – прекмурец, каринтиец – доленец и т.д.).

Также мы хотели определить, как люблянцы, по их собственному мнению, говорят с собеседником из другой диалектной зоны. Большинство (62%) опрошенных ответили, что они говорят

inslav

в таких случаях как обычно, не пытаясь каким-либо образом изменить свою первичную подсистему. Меньшинство (38%) опрошенных ответили, что в таких случаях говорят более литературно, т.е. признали, что удерживаются от явных люблянских локализмов и несколько сдерживают проявление разговорной редукции, создающей впечатление "небрежной" речи. Аргументация выглядела следующим образом: (1) "я не буду приспосабливаться, потому что и так говорю достаточно понятно"; (2) "они приехали в Любляну, пусть понимают по-люблянски"; (3) "они также говорят по-своему, не приспосабливая свою речь"; (4) "в обществе друзей я меньше внимание уделяю тому, как я говорю"; (5) "в случае непонимания я приложу усилия, чтобы быть понятым". По-нашему мнению, обнаруженная тенденция служит дополнительным подтверждением того факта, что люблянцы уверены в абсолютной понятности своей речи, вследствие чего стилизовать ее, по мнению столичных жителей, необязательно.

В целом, как показало анкетирование, "претензии" к люблянцам связаны не столько с тем, что они недостаточно модифицируют городское койне при общении с нелюблянцами, сколько с тем, что столичные жители не скрывают своего столичного акцента и говорят по-люблянски в тех случаях, когда требуется говорить литературно – например, в ситуации публичного выступления (в том числе на телеэкране). Остальные участники словенской языковой ситуации довольно чувствительны к нарушению социально одобренной субординации языковых форм, не готовы к расширенному использованию, особенно в рамках публичного общения, конкретной региональной разговорной формации – столичного койне.

На основании предпринятого исследования мы делаем следующие выводы:

1. Особенности словенской языковой ситуации (значительная диалектная дробность, языковая дистанция между литературным языком и нелитературными разговорными формациями, ограниченное участие литературных языковых средств в сфере неофициального общения) ограничивают возможности интеграционных процессов. В условиях повседневного неформального общения, как правило, наблюдаются примеры ограниченной, частичной языковой интеграции на основе определенного регионального субстрата.

2. В качестве основного фактора, влияющего на вариативность люблянского разговорного языка (в речи разных информаторов), выступает **коммуникативная ситуация**, а также социаль-

inslav

ные и лингвосоциальные **характеристики** конкретного **носителя** данного идиома.

3. Постулируемый принцип коммуникативно-ситуационной **модификации** первичной языковой подсистемы обусловлен тем, что в речи словенцев в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации **варьируется степень выраженности локальных особенностей**, свойственных первичной подсистеме L1: люблянские локализмы чередуются с центральнословенскими и литературно-разговорными формами в различном процентном соотношении. Это позволяет говорить о явлении языковой интеграции, по-разному протекающей в различных коммуникативных условиях. Предложенная концепция позволяет приблизиться к причине варьирования языковых средств, гетерогенности реально используемых разговорных формаций применительно к словенскому языковому материалу.

4. В ситуационном варьировании локально маркированных языковых средств, свойственных первичной языковой подсистеме говорящего, участвуют, главным образом, фонетический, просодический и морфологический языковые ярусы. Литературный язык также не допускает использования коллоквиальных заимствований (германизмов, сербизмов, американизмов), активно функционирующих в нелитературных разговорных формациях.

5. Коммуникативно обусловленное варьирование, т.е. процесс языковой интеграции, наблюдается в случаях, когда говорящий осознает недостаточность языковых средств своей первичной языковой подсистемы или нежелательность выражения свойственных ей примарных (локальных) признаков в конкретной коммуникативной ситуации. Данные анкетирования позволяют сделать вывод о том, что люблянцы менее других словенцев склонны модифицировать свою речь в ситуации неформального общения.

ЛИТЕРАТУРА

Гофманнова Я., Мюллерова О. Смешение литературных и нелитературных компонентов в устных высказываниях на чешском языке // Язык. Культура. Этнос. М.: Наука, 1994.

Нещименко Г.П. Этнический язык. Мюнхен, 1999.

Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.

Kontaktlinguistik: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung / herausgegeben von Hans Goebl...[et al.] = Contact linguistics: an international handbook of contemporary research / edited by Hans Goebl...[et al.]. Bd. 12, 1996. 332–340.

inslav

Pogorelec B. Vprašanja govorjenega jezika // Jezikovni pogovori. Ljubljana, 1965.
Pogorelec B. Sociolingvistični problemi slovenske etnične skupnosti v Italiji // Aspette metodologici e teoretici nello studio del plurilinguismo nei territori dell 'Alpe-Adria. Videm, 1989.
Slovenski pravopis. SAZU, Ljubljana, 1950.
Slovenski pravopis. ZRC SAZU, Ljubljana, 2001.
Toporišič J. Slovenski pogovorni jezik // Slavistična revija, 18/1–2, 1970.
Toporišič J. Slovnica slovenskega jezika. Maribor, 1976, 2000.
Toporišič J. Enciklopedija slovenskega jezika. Ljubljana, 1992.
Škofic J. Problemi slovenskega pogovornega jezika, magistrska naloga. Srednja Dobrava, 1991.
Škofic J. O oblikovanju slovenskega pogovarjalnega jezika // Slavistična revija 42/4, 1994.

О.А. Остапчук
Россия

ЯЗЫКОВОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КАК ФАКТОР ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ В СОВРЕМЕННОМ УКРАИНСКОМ ЯЗЫКЕ: УРОВНИ И СПОСОБЫ МАНИФЕСТАЦИИ[1]

В сопоставительных исследованиях славянских языков на современном этапе их развития одним из наиболее частотных является термин тенденция. Отражая динамику языковой системы в определенный отрезок времени, он представляет собой необходимый tertium comparationis сопоставления и позволяет выявить черты сходства и различия в протекании аналогичных процессов на разном языковом материале, не выходя при этом за рамки синхронного описания языка[2]. В то же время оценка протекания и результатов действия тенденции в конкретной языковой системе в значительной мере зависит от временной перспективы анализа, избранной исследователем. В предложенной Й. Коржен-

[1] Выражаю искреннюю благодарность д.ф.н. Е.А. Карпиловской за замечания и дополнения, сделанные в ходе работы над статьей.

[2] Такое понимание термина "тенденция" предлагается, в частности, в коллективной монографии "Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. T. 1: Słowotwórstwo/ Nominacja", вышедшей в Ополе в 2003 под редакцией И. Онхайзер [Ohnheiser 2003a: 19], ср. также в этой связи замечания Е.А. Карпиловской [Карпіловська 2004a].

inslav

ским классификации основной характеристикой тенденции, рассматриваемой в рамках относительно непродолжительного отрезка времени, является вариативность языковых единиц [Kořenský 1998: 29]. В настоящей статье мы попытаемся на материале современного украинского языка проанализировать механизм языкового варьирования в рамках основных тенденций, отмеченных в языке на синхронном срезе, выявив при этом, каковы источники и способы реализации вариативности на разных уровнях языковой системы и как чрезмерная вариативность регулируется самой системой, нормой и узусом.

В своем понимании термина "языковое варьирование" мы идем за Г.П. Нещименко: "тенденция языкового варьирования стимулирует разрастание вербальной материи за счет увеличения количества изофункциональных языковых средств, в том числе и со сходной деривационной комбинаторикой" [Нещименко 2003: 288]. Варьированию, как известно, противостоит явление языковой экономии, суть которого "заключается в установлении оптимального соответствия между номинативным корпусом и насущными информационно-коммуникативными потребностями" [Там же], что достигается путем селекции и устранения избыточных вариативных единиц. При этом если "среднесрочная" перспектива языкового анализа выявляет преобладание первого процесса, то "долгосрочная" учитывает действие второй тенденции, связанной с окончательным утверждением в языковой системе элементов, прошедших испытание временем (ср. [Kořenský 1998: 29]). В рамках избранного нами относительно непродолжительного временного отрезка – последние 15 лет после придания украинскому языку статуса государственного – очевидное усиление вариативности на всех уровнях системы, отмечаемое большинством исследователей, таким образом, может рассматриваться как своего рода языковая универсалия.

Специфика украинского материала проявляется, однако, уже при попытке рассмотреть процесс языкового варьирования и тесно связанный с ним процесс языковой экономии в рамках триады система–норма–узус. Основным источником варьирования обычно признается сама языковая система, содержащая необходимые предпосылки для существования конкурирующих вариантов языковых единиц в одном функциональном поле. Именно в этой связи вариативность получает оценку как один из основных показателей динамичного развития системы [Гудков 1988]. Основной причиной вариативности на этом уровне является изофункцио-

inslav

нальность языковых средств, возникающая, в частности: 1) в ходе исторического развития языка, тем самым вариантные элементы являются своеобразным свидетельством незавершенности языковых процессов; 2) как отражение территориальной (диалектной) неоднородности в реализации языковых процессов, а также 3) как следствие конкуренции исконных и заимствованных языковых элементов или соперничества заимствований из двух или нескольких языков-источников, включая как непосредственные заимствования, так и языковые элементы, проникшие в систему при посредстве другого языка (это явление в украинской лингвистике уже получило определение многоконтактность [Коць 1997: 59]). Названные факторы создают условия для варьирования языковых единиц на различных уровнях системы, но реальная функциональная значимость конкурирующих элементов определяется узусом и закрепляется в результате нормализаторской деятельности.

Традиционно основной ареной реализации тенденции языковой экономии и нейтрализации чрезмерной вариативности признается узус, где избыточные элементы смещаются на периферию системы или вовсе устраняются из нее (ср. [Нещименко 2003: 290]). Этому обычно предшествует нормативная оценка конкурирующих вариантов, непосредственно влияющая на локализацию языковых элементов в системе и имеющая важное значение при решении вопроса об их маркированности. Поэтому характер нормы и узуса как таковых и специфика их взаимодействия относятся к числу важнейших факторов регулирования языкового развития.

Одной из основных характеристик украинского узуса на современном этапе следует признать его коллоквиализацию – явление, знакомое большинству современных славянских языков [Ohnheiser 1999: 31–32]. В данном случае это выражается, в частности, в появлении в речевой практике большого количества черт, маркированных в сознании носителей как “сниженные”; это касается прежде всего результатов русско-украинской интерференции в виде элементов так называемого “суржика” (их устранению посвящены многочисленные пособия по культуре речи, среди которых наиболее известны работы С. Караванского и А. Сербенской[3]). Перемещение стилевых границ и норм комму-

[3] См. также обширную статью, специально посвященную данной теме: [Тараненко 2002].

inslav

никации в украинском языковом пространстве не носит столь драматического характера, как, скажем, в "элитарных" (по характеру нормы) русском или польском языках в силу изначальной близости литературного стандарта к разговорному языку (как в форме диалектов, так и в форме просторечья). Этим отчасти объясняется также отмеченное исследователями гораздо меньшее внимание к проблемам "коллоквиализации" в украинском дискурсе, чем это наблюдается в других славянских странах. Усиливающаяся демократизация украинского узуса, в свою очередь, способствовала окончательному переходу в кодификаторской практике от "романтико-этнографического" (ориентированного на максимальное приближение к народной речи и даже копирование диалектного языка) к "элитарному" принципу нормирования. Для последнего "характерен специфический подход к критериям языковой правильности, при котором реальные процессы языкового употребления не считаются достаточным критерием нормы, вместо этого предлагается так называемая "аналитическая норма", являющаяся созданием специалистов" [Єрмоленко и др. 1998: 10]. "Элитарный" принцип кодификации находит свое выражение в лексикографической практике, в том числе в многочисленных терминологических словарях, вводящих в терминосистему новообразования типа: *наблиз, наблизина, збільша, збільшина, зносівкий, вирівнивий, меншавий, вмикавий, тужавкий* и под. (РУСНТМ, примеры из [Карпіловська 2004а]). Реакция узуса на подобные нововведения зачастую состоит в их отторжении, что ведет к очевидному увеличению дистанции между нормой и речевой практикой (ср. [Ohnheiser 1999: 32]). С другой стороны, и сам узус проявляет определенное стремление к "элитизации", "интеллектуализации"[4] речи, что хорошо видно на примере языка современной украинской эссеистики (достаточно упомянуть эссе и публицистику таких писателей, как О. Забужко, Ю. Андрухович, Ю. Дереш и др.).

В целом для нормализаторской деятельности в современной Украине характерна очевидная двунаправленность: объектом нормативного воздействия является не только узус и узуальный статус языковых элементов, но и их место внутри системы на оси центр–периферия. Одним из инструментов такого воздействия является оценка одного из существующих в системе и в речевой практике вариантов с точки зрения его соответствия норме. Од-

[4] Термин заимствован нами из: [Шевченко 2001].

inslav

нако, помимо объективных критериев (системность явления) при формировании нормативной оценки важную роль играют и факторы субъективные, которые в обобщенном виде могут быть представлены как соответствие того или иного явления некоему "языковому идеалу" (термин см. [Гузар 2003: 215–216]). Представление о "языковом идеале" формируется на конкретном этапе развития языка с учетом следующих критериев (способных изменяться с течением времени):

1) авторитетность тех носителей языка, которые используют определенный конкурирующий вариант;

2) степень распространенности конкретного явления (ср. [Гузар 2003: 215–216]) или – что более характерно для украинского случая – связь с тем регионом и диалектным ареалом, который оценивается на данном этапе как более престижный;

3) временна́я ориентация нормы (ретроспективная или перспективная) (ср. [Лукашанец 2003]), т.е. учет степени архаичности или новизны языкового элемента при определении его места в системе и установлении его узуального статуса, возможность / невозможность, желательность / нежелательность актуализации устаревших форм и лексем и образования неологизмов с опорой на исконные элементы;

4) оценка конкурентных языковых средств с точки зрения их происхождения (исконное / заимствованное), а в случае заимствования установление престижности / непрестижности его источника[5].

Современный этап развития украинской нормы характеризуется пересмотром фактически всех перечисленных составляющих представления о "языковом идеале":

1) Отмеченный выше переход в практике кодификации от романтико-этнографического к элитарному принципу формирования нормы связан, в частности, с окончательным отказом от признания за носителями диалектов и народно-разговорного языка (в терминологии И. Нечуя-Левицкого "сільської баби") авторитетности как возможного образца для нормы. Этим объясняется, в частности, резкая оценка кодификаторами практики копирования черт разговорной речи в целом, а также просторечья и одной из наиболее ярких форм его проявления – "суржика" в художественной литературе (например, в произведениях

[5] Изменение отношения к архаизмам и заимствованиям П. Векслер относит к основным факторам динамики в развитии украинской литературной нормы [Wexler 1974].

inslav

Б. Жолдака, С. Жадана и др.), что рассматривается как фактор, крайне негативно влияющий на устойчивость нормы. Заметим, что сами носители языка в большинстве своем довольно низко оценивают уровень собственной языковой компетенции[6]. Сама же проблема выбора "идеального" носителя языка остается открытой. На эту роль могли бы претендовать представители гуманитарной интеллигенции, однако в этом случае норме угрожает крайнее сужение адресата и превращение ее по сути в "кастовую" (термин из: [Лукашанец 2003]). Большинство исследователей отмечают огромное влияние языка СМИ на украинский узус (напр., [Стишов 2003]), но признать журналистское сообщество "образцовым" носителем языка не представляется возможным, если оценивать его с точки зрения соответствия современной норме. Совершенно новым явлением для украинского языкового сознания является выделение в особую группу при установлении нормы носителей украинского языка, проживающих за пределами страны. Факт "употребимости в речевой практике украинской диаспоры" ([Стишов 2003: 265], ср. [Струганець 2002: 110]) выдвигается в качестве одного из критериев позитивной оценки конкурентоспособности заимствований типа *екзил, імпреза, інвазія, промоція* как вариантных по отношению к номинациям *діаспора; захід, вечірка; навала, нашестя; рекламна акція*. Впрочем, авторитетность представителей диаспоры как носителей "языкового идеала" признается далеко не всеми участниками лингвистической дискуссии, посвященной проблемам нормы и культуры речи. Приходится констатировать, что на данном этапе представление об "идеальном" носителе языка формируется в украинском языковом сознании скорее от противного и включает в большинстве своем "отрицательные" характеристики (каким и кем он быть **не** должен).

2) Региональная вариативность признается одной из существенных черт украинского литературного стандарта на стадии его формирования и развития в течение всего XIX и XX в. [Матвіяс 1998: 155]. Данный фактор динамики нормы не утратил своего значения и сегодня. Важнейшие отличия двух вариантов литературного языка: восточноукраинского (базирующе-

[6] Об этом свидетельствуют, в частности, данные опроса, проведенного в трех крупных центрах Украины: Киеве, Донецке и Львове – в ходе написания дипломной работы на филологическом факультете МГУ: *Будникова Н.С.* Современная языковая ситуация и языковая политика на Украине. Дипломная работа. М., 2004.

inslav

гося на говорах центрального и юго-восточного регионов) и западноукраинского (с диалектной базой на юго-западе страны) в XIX и в начале XX в. включали целый ряд черт на всех уровнях языка [Там же: 156]. Сейчас противопоставление восточного и западного вариантов переместилось в область функциональных различий и частотности употребления ряда форм и конструкций в грамматике, а в сфере лексики и синтаксиса сводится в основном к различной стилистической окраске конкурирующих вариантных средств. Унификация литературной нормы, предполагающая признание восточной и западной диалектной базы в качестве равноправных составляющих при создании языкового стандарта, была завершена в основном в ходе кодификаторской деятельности в 1920-е годы. Однако последовавшее за периодом "украинизации" изменение характера языковой политики на Советской Украине и в дальнейшем (после 1944 г.) ее распространение на всю украинскую языковую территорию привело к усилению роли юго-восточных говоров (более близких к системе русского языка) и вытеснению большинства форм и лексем, маркированных как "галицизмы", на периферию системы (об этом в лексикографической практике свидетельствовали пометы "редкое", "диалектное", "западное"). В этот период активно использовалась практика нормативной поддержки "извне" одного из существующих вариантов номинации: так, отмечалось, что "при существовании в украинском языке синонимичных слов, как например *процент* и *відсоток*, *поступ* и *прогрес*, *визиск* и *експлуатація*, эти понятия передаются языковыми формами, общими для русского и украинского языков" (перевод наш. – *О.О.* [Курс (УЛМ 1961, II: 395]). В настоящий момент происходит переоценка восточно- и западноукраинских форм с признанием за последними более высокого коммуникативного статуса. Повышение в языковом сознании престижности варианта литературного стандарта, распространенного в западных регионах Украины, приводит, в частности, к перераспределению функциональной нагрузки и стилистической окраски уже зафиксированных вариантов, а также к появлению новых конкурентных пар номинаций, один из элементов которой был до этого за рамками нормы или употреблялся крайне ограниченно.

3) Важной характеристикой и современной украинской нормы, и узуса является их определенная архаизация [Яворська 1999: 208]. А. Стишов приводит около 600 "актуализованных" лексем, употребляемых в современных СМИ [Стишов 2003: 374–380].

inslav

Повышение значимости архаизмов в языковой системе происходит как в результате возвращения ряда понятий в концептуальное поле (что особенно характерно для религиозной и обрядовой сферы, а также области коммерческой деятельности), так и за счет изменения нормативной оценки вариантов номинаций, ранее находившихся на периферии системы. Последнее касается в первую очередь того специфического разряда архаизмов, которые представляют собой пуризмы, созданные на пике национального языкотворчества – в 1920-е годы (лексемы типа *військовик* ср. *воєнний, світлина* ср. *фотографія, летовище* ср. *аеродром*). Их узуальный статус поддерживается лексикографической практикой и рекомендациями специалистов по культуре речи, что делает эти варианты обладающими достаточно высокой коммуникативной привлекательностью.

4) Тенденция к интернационализации, как и в подавляющем большинстве славянских стран, также влияет на современный украинский узус, приводя к повышению вариативности исконных / заимствованных языковых элементов. Ключевым вопросом в ходе кодификаторской деятельности является не столько целесообразность заимствования, сколько проблема преимущественного источника, а в случае с интернационализмами – возможного посредника при заимствовании. В этой связи лингвистическая дискуссия концентрируется главным образом вокруг роли и статуса русизмов и полонизмов в украинском узусе. Именно польский и русский языки в разные периоды формирования украинского литературного стандарта и на разных территориях являлись основными конкурентами в борьбе за роль "идеального" источника заимствований. Своеобразная конкуренция полонизмов и русизмов осуществляется, в частности, в сфере бытовой лексики, являясь источником региональной вариативности типа: *морелі / абрикоси, порічки / червона смородина, цитрина / лимон, цинамон / кориця, пивниця / підвал, колєжанка / подруга, товаришка, канапа / диван, корок / пробка, піиґулка / таблетка, зимно / холодно*. Такой параллелизм номинаций является одним из свидетельств региональной дискретности узуса, что оказывает определенное влияние и на норму. После 1989 г. престижность русского языка как источника заимствования, а также его роль как фактора поддержания конкурентоспособности конкретного языкового варианта резко снизилась. Хотя русизмы в форме калек (в том числе синтаксических) распространены в современном украинском язы-

inslav

ке довольно широко [Стишов 2003: 82], они в большинстве своем оцениваются как не соответствующие норме.

Пересмотр представлений о "языковом идеале" повлек за собой и существенное изменение нормативных оценок, что коснулось главным образом тех вариантных языковых единиц, которые возникли в современном украинском языке как результат многоконтактности и/или региональной дискретности. В такой ситуации "регулятивная" функция нормы как одного из средств элиминации вариативности отодвигается в настоящий момент на второй план, а на первое место выходит ее "созидательная" роль как средства актуализации вариантных языковых средств, оказавшихся по разным причинам на периферии системы. Таким образом, норма становится важным элементом поддержания конкурентоспособности того или иного варианта языковой единицы в узусе, влияя также на ряд его системных характеристик.

Украинским кодификаторам далеко не всегда удается достичь единства в вопросе о степени соответствия того или иного языкового элемента "идеальной норме", однако в целом изменение представлений о "языковом идеале" демонстрирует очевидное стремление к "национализации" нормы современного украинского языка. Термин "национализация" используется нами для обозначения тенденции в развитии современных славянских языков, которая выражается "в направленном отходе от вариативности и в укреплении "национального" варианта за счет усиления роли исконных словообразовательных и лексических (в т.ч. диалектных и архаичных) средств, а также использовании языковых средств из соседних славянских языков, которые не воспринимаются как угроза специфике национального языка" [Ohnheiser 2003b: 30]. Наиболее ярко тенденция к национализации украинского литературного стандарта проявляется в нормативной установке на устранение непосредственных русизмов, а также параллельных языковых средств, имеющих свои аналоги в русском языке, или, по крайней мере, существенном ограничении их функционирования, и потому часто получает название "дерусификации" [Яворська 1999: 214]. Мы предпочитаем употреблять термин "национализация", поскольку он позволяет рассматривать данный процесс в более широком славянском контексте. Национализация как тенденция развития нормы проявляется в языках практически всех тех славянских стран, которые ранее входили в состав многонациональных государств и испытывали

inslav

на себе влияние близкородственных языков, обладавших более высоким коммуникативным статусом (словацкий vs чешский, хорватский vs сербский).

Сопоставительный анализ двух разнонаправленных тенденций: национализации и интернационализации в словообразовании, произведенный А. Лукашанцем на украинском и белорусском материале [Лукашанец 2003], позволяет установить их соотношение с категориями системы, нормы и узуса. Из шести критериев оценки, сформулированных исследователем, три (контролируемость / неконтролируемость, перспективность / ретроспективность, позитивность / негативность) напрямую соотносятся с нормой, еще один (охват аудитории) связывает норму и узус через выделение фактора авторитетности группы носителей. Преобладание субъективности и контролируемости в случае национализации и объективности и неконтролируемости в случае интернационализации подтверждает факт принадлежности первой тенденции преимущественно к норме, а второй – к узусу. Характерной чертой украинского лингвистического дискурса оказалась резкая поляризация мнений по поводу обеих тенденций, однако, если в первом случае негативную оценку получает лишь процесс интернационализации как таковой, то во втором – конкретные средства воплощения тенденции к национализации.

Итак, "национализация" современной украинской нормы осуществляется с учетом выделенных выше критериев изменения представлений о "языковом идеале" и предполагает 1) ориентацию на западноукраинскую литературно-языковую традицию (реже – речевую практику в диаспоре), 2) смену преимущественного источника заимствования в связи с утратой русским языком его престижности, а также 3) актуализацию архаичных форм и лексем. Именно в этом направлении происходит пересмотр существующих языковых норм (ср. [Яворська 1999: 204]), что отчетливо отразил проект новой редакции украинской орфографии, созданный в Институте украинского языка Академии наук Украины и породивший бурную дискуссию в филологическом сообществе и не только в нем.

В этом смысле чрезвычайно показателен раздел о графическом оформлении заимствований, касающийся пересмотра принципов передачи отдельных звуков из других языков и их сочетаний с целью максимальной адаптации заимствований в системе украинского языка [УП-проєкт 1999: 148–160]. В полном соответствии с общей тенденцией к национализации нормы было

inslav

предложено, в частности, передавать дифтонгические сочетания в начале слова: *іо* (исходно *jo*) как *йо* (*йон* вместо *іон, Йоан* вместо *Іоан*), *ju* как *ю* (*Юда* вместо *Іуда*), в середине – при отсутствии *й* в языке-источнике двубуквенными сочетаниями: *мая* (вместо *майя*), *фоє* (вместо *фойє*). Правила оформления исконных слов были более последовательно, чем это было в предшествующих редакциях орфографии, распространены на слова иноязычного происхождения. Это коснулось, в частности, правил написания апострофа после губных перед *я, ю, є, ї* и распространения их на другие функционально твердые согласные – шипящие, заднеязычные и *р* (*б'юро, п'юпітр, ф'ючерсний, к'ювет, г'яур* и под.). Был существенно сокращен список исключений, например, для случаев удвоения согласных (*тона, нето, бруто*) или передачи дифтонгического сочетания *au* как *ав* в нарицательных наименованиях (*авдит, авкціон* как *автобіографія, автор*). Своеобразная архаизация нормы и возврат к отдельным принципам орфографии 1928 г. были тщательно обоснованы с привлечением обширного исторического и диалектного материала в сопровождающей проект орфографии статье акад. В.В. Нимчука [Німчук 1999]. В качестве базовых критериев необходимости пересмотра существующей нормы выступили: историческая обоснованность и наличие соответствующей лингвистической традиции (см., напр., предложение передавать *θ* (*th*) в греческих заимствованиях как *т*: *катедра* вм. *кафедра*), приведение написания в соответствие с требованиями системы (как в случае передачи сочетания *іа* как *ія*: *матеріял* вм. *матеріал*), распространенность явления на большей части украинского диалектного континуума (например, написание начального *и* вместо *і* во всех лексемах независимо от их происхождения перед согласными *н* и *р*: *инший, ирій, ирод*). Таким образом, оказывается, что маркированность того или иного языкового элемента как архаичного или диалектного (как в случае с начальным *и*, ср. [Матвіяс 1998: 156]) не препятствует, а скорее способствует его нормативной эмансипации. Стремление отойти от русского образца в передаче заимствований присутствует почти во всех предложениях по пересмотру нормы, в то же время, например, для решения вопроса о передаче иноязычных *g* и *h* в нарицательных именах факт существования традиции (в словах типа *хобі, хокей, ноу-хау*) оказывается более значимым, чем наличие русского аналога. Однако в именах собственных последовательно вводится разграничение *г* и *ґ* исходя из наличия звуковых различий в языке-источнике (ср. *Геґель* от *Hegel*, *Гемінґвей* от *Hemingway*). Следует особо отметить, что в качест-

inslav

ве дополнительного "поддерживающего" фактора активно привлекаются аналогии из других славянских языков: белорусского, македонского, хорватского (заметим, также охваченных действием тенденции к национализации).

Дискуссия, вызванная проектом новой орфографии и отодвинувшая ее окончательное принятие на неопределенный срок, по сути, создала дуализм нормы и способствовала усилению вариативности в узусе. Предложенные изменения были приняты лишь определенной частью языкового сообщества (так, новые орфографические принципы, в том числе в отношении передачи заимствований, применяются на практике в отдельных словарях и ряде периодических изданий, среди них наиболее известна "Критика", а также некоторыми книжными издательствами, такими, как киевское "Смолоскип", львовское "Кальварія", ивано-франковское "Лілея-НВ" и др.). Для отражения конкуренции в узусе различных способов оформления заимствований наиболее показательны случаи, отражающие колебания в передаче:

а) *h* (как *х* или *г*): *скінхеди / скінгеди* (skin-head), *хот-дог / готдог, холокост / голокост, хоспіс / госпіс, холдинг / голдинг*; *хакер / гакер*[7], и хотя контексты в языке СМИ, казалось бы, демонстрируют тенденцию к закреплению употребления *г* (ср. *Гельмут Коль, Бекгем* [Стишов 2003: 246]), дериваты свидетельствуют о большей устойчивости ставшего традиционным *х* (ср. *секонд-хенд / секонд-генд*, но только *секонд-хендівський, секонд-хендний; хіт / гіт, хітовий / гітовий, хіт-парад / гіт-парад*, но только *радіохіт, ретрохіт*); аналогичное явление наблюдается при конкуренции способов передачи *g* (как *г* или *ґ*): напр., *маргінес / марґінес*; *грант / ґрант*, но *грантодавець*;

б) *і / и* после переднеязычных (так называемое правило "девятки"), где более поздней и в полной мере соответствующей норме признается форма с *и* (*тінейджер / тинейджер, ділер / дилер, праймеріз / праймериз, бусік / бусик, компакт-діск / компакт-диск, лізінг / лізинг, рейтінг / рейтинг, харізма / харизма*); о большей конкурентоспособности второго варианта свидетельствует, в частности, то, что именно он выступает в качестве производящей основы для образования дериватов (напр., *бодібілдінг / бодибілдинг*, но только *бодибілдинговий*);

---

[7] Эти и ряд других примеров взяты нами из [Стишов 2003] – монография содержит ценные приложения с перечислением новообразований и актуализированных лексических элементов в языке современных украинских СМИ.

inslav

в) дифтонгических сочетаний в начале слова (***вік-енд / уїк-енд / уік-енд***, ***вотергейт / уотергейт***, ***автентичний / аутентичний***) или в его середине (***тоефл / тойфл***);

г) сочетаний губных, заднеязычных и *р* с йотированными гласными (*дістрі**бьютор** / дистри**б'ютер***; *кутю**рьє** / кутю**р'є***, только ***ар'єргард***, *бульте**р'єр***; *ай-**к'ю***, но *барбе**кю***);

д) удвоенных согласных (***самміт** / **саміт***, ***кіллер** / **кілер***, ***піцца** / **піца***, ***капуччіно** / **капучино***, ***спагетті** / **спагеті***).

Конкуренция разных форм оформления заимствований в узусе является результатом взаимодействия своеобразной орфографической инерции и появившейся относительно недавно тенденции к предельной "национализации" новых заимствований [Стишов 2003: 246–248]. На уровне нормы постулируется необходимость замены уже устоявшихся в языке заимствований новыми "украинизированными" их формами, что хорошо показывают примеры по замене русизмов: ср. *виш* вм. *вуз*, *ГУТАБ* (*ГУТаб*) вм. *ГУЛАГ* (*ГУЛаг / Гулаг / Ґулаґ*), *кадебіст* вм. *кагебіст*. Среди причин вариативности (иногда это длинные вариантные ряды номинаций, см., напр. *моджахед / муджахед / моджахід / муджагід*), наряду с недостаточной освоенностью самих слов и понятий [Стишов 2003: 270], своеобразной орфографической инерцией и ориентацией на разные языковые образцы, особое место занимает разрыв нормы и узуса и неприятие нормализаторских предложений определенным числом носителей языка.

Взаимодействие разнонаправленных тенденций, к важнейшим из которых принадлежат национализация нормы и интернационализация системы и узуса, проявляется в усилении вариативности на всех уровнях языка, происходящей с учетом изменений представлений о "языковом идеале".

На лексическом уровне в качестве основных причин варьирования выступают:

1) <u>ориентация на разные национальные диалекты или региональные варианты нормы</u>. Так, широко распространены варианты лексем с отсутствием / наличием чередований *о, е / і* [Стишов 2003: 370] (см. напр., новообразования типа *хасбулат**о**вець / хасбулат**і**вець*, *союз**о**вець / союз**і**вець*, *дисков**о**д / дисков**і**д*, *напл**е**чник / напл**і**чник*, в том числе с негативно-оценочным значением *розб**о**рка / розб**і**рка*, *тус**о**вка / тус**і**вка* [Струганець 2002]). Это объясняется, помимо разной степени близости к исходной форме слова (что хорошо видно на примере русизма *бо**л**ш**е**вицький / бі**л**ьш**о**вицький*, где во втором случае средством "украинизации"

inslav

является не только переход *о* в *і*, но и *е* в *о* после *ш*[8]), также наличием в системе украинского языка вариантных форм с подобными чередованиями и без них, связанных с говорами различных ареалов. Формы *народ* / *нарід*, *мед* / *мід* традиционно входят в число признаков, различающих восточно- и западноукраинский региональные варианты нормы [Матвіяс 1998: 156]. Изменение нормативной оценки лексем, ранее маркированных как западноукраинские (галицкие), и общее повышение престижности данного регионального варианта нормы привели к перемещению в центр системы довольно значительного числа лексических единиц. Это усилило вариативность как в сфере общеупотребительной (см. напр., *городина* / *овочі*, *підвалини* / *устої*, *помаранчевий* / *оранжевий, брунатний* / *коричневий*), так и специальной лексики (*правник* / *юрист*). При этом отмечается нейтрализация в языковом сознании факта исходного происхождения лексемы (это касается в первую очередь полонизмов типа *фах* ср. *fach* / *професія, панцерник* ср. *pancernik* / *танк, симпатик* ср. *sympatyk* / *прихильник, стос* ср. *stos* / *купа* и др.). Попытка устранить избыточную вариативность приводит к развитию в паре вариантных лексем стилистических различий: элемент, связанный с более престижным регионом, наделяется и более высоким коммуникативным статусом. Заметим, что даже явная маркированность лексемы как диалектной (см. напр., *бусол, вар'ят, горнятко, файний*) не препятствует ее употреблению, в том числе в художественоей литературе и публицистике, по причине высокой престижности говоров западного ареала;

2) <u>конкуренция заимствованной / исконной лексемы</u>. Наиболее отчетливо это явление, возникшее в результате действия тенденции к интернационализации, прослеживается в новых для языка понятийных сферах, таких, например, как компьютерная и интернет-терминология, где обнаруживаем вариантные номинации типа *етачмент* (ср. *attachment*) / *додаток* / *залучник, рекорд* (ср. *record*) / *запис, болд* (ср. *bold*) / *жирний* / *грубий, інсталювати* (ср. *instal*) / *завантажити* / *поставити* (с тенденцией к стилистической дифференциации вариантов). Особенно распростране-

[8] См. аналогичные примеры *совіцький, есесерівсьский, совок*, где употребление формы, подчеркнуто сохраняющей связь с языком-источником и лишь "поверхностно" украинизированной (ср. укр. *радянський, есересерівський*), является стилистически маркированным, а сами лексемы обозначают понятия, оцениваемые как явно негативные; аналогичное явление наблюдается и в других славянских языках, ср. *sowiecki* вм. *radziecki* в современном польском языке.

inslav

ны случаи вариативности такого рода в профессиональном и молодежном жаргоне: *мило* вм. *мейл* (ср. *e-mail*), *аська* вм. *ай-сі-кью* (ср. *ISQ*), *дрова* зам. *драйвер* (ср. *drivers*), где "интернациональный" и "национальный" варианты образуют оппозицию по степени экспрессивности с закреплением за англицизмом нейтральной стилистической окраски[9]. Для многих других сегментов украинского узуса более характерно противопоставление русизмов (в том числе в виде калек) и исконных лексических элементов: *заложник / заручник, правомочний / правочинний, навколишнє середовище / довкілля*. Изменение нормативной оценки ранее доминировавших вариантов номинаций (приведены первыми) в направлении "национализации" нормы предполагает устранение как явных русизмов, противоречащих системе украинского языка (типа *миш'як, караульна, прихожа, емаліровка, етажний, дебрі, дозировка* – слова, зафиксированные академическими словарями, изданными до 1989 г.), так и параллельных языковых средств, имеющих свои аналоги в русском языке [Яворська 1999: 214]. Важно, что как исконные оцениваются также лексические элементы, которые являются по своему происхождению полонизмами (как, напр., *гуртовий* ср. *оптовий*, см: [Струганець 2002: 110]), но в данном случае выступают как маркер принадлежности к западноукраинскому варианту литературного стандарта, престижность которого в последнее время существенно повысилась. В том случае, если заимствование представляется целесообразным и необходимым, средством "национализации" выступает максимальная адаптация нового элемента к системе украинского языка: см., напр., *мінітавер* ср. *мінівежа*, *різет* ср. *перезавантаження*;

3) соперничество разных источников заимствования и языков / посредников при заимствовании интернационализмов. Источником варьирования в данном случае следует считать тенденцию к "национализации" нормы и пересмотр нормативной оценки заимствованных элементов, связанных по своему происхождению с различными языками, претендующими на роль идеального источника заимствования. Речь идет главным образом о противо-

[9] В этом смысле особый интерес представляет дискуссия на интернет-форуме, посвященном обсуждению проблем создания украинской компьютерной терминологии, где, в частности, среди вариантов для передачи английского ОК фигурируют исконные *хай, гаразд* и *добре*, ср. также другие предложения вариативных номинаций: *пристрої* вм. *інструменти, налаштування* вм. *опції, виклик* вм. *дозвон, бунчук* вм. *баннер, перебіг* вм. *трафік*.

inslav

поставлении, с одной стороны, давно усвоенных полонизмов, функционировавших преимущественно в речевой практике носителей западной разновидности украинской нормы, а также представителей диаспоры, а с другой – русизмов или заимствований из других языков, проникших в украинский язык при посредстве русского и до 1989 г. и бывших преимущественным способом выражения соответствующих понятий: *амбасадор* (ср. пол. *ambasador*) / *посол, речник* (ср. пол. *rzecznik*) / (*офіційний*) *представник, часопис* (ср. пол. *czasopismo*) / *журнал, чинник* (ср. пол. *czynnik*) / *фактор, засада* (ср. пол. *zasada*) / *принцип*. В настоящий момент русский язык в силу утраты своего значения как языка-доминанты в языковой ситуации пополняет преимущественно нижние стилистические регистры украинского языка, в том числе субстандарт и жаргон (см. напр., *мобілка, бомж, відморозок* [Струганець 2002: 101]). Его традиционный конкурент – польский язык также является источником новейших заимствований преимущественно в разговорном языке (*гуртовня, пралка*). При этом он может выступать в роли языка-посредника или косвенного фактора, способствующего усвоению новой номинации (как в случае *друкарка* ср. *принтер*). Определенный интерес представляют предложения, сформулированные на интернет-сайте, посвященном созданию украинской компьютерной терминологии, где, в частности, предлагается ввести номинации типа *докладно* (ср. *dokładnie*) вм. *детально, кавалок* (ср. *kawałek*) вм. *попередній файл*, *ладування* (ср. *ładowanie*) вм. *закачка*[10]. Что же касается интернационализмов, вошедших в украинский язык при посредстве русского и создающих пары конкурентных номинаций типа: *іспит* и *екзамен*; *доба* и *епоха*, *відсоток* и *процент*, *хідник* и *тротуар*, то здесь кодификаторами предпочтение отдается "исконному" варианту. Соперничество русизмов и полонизмов как возможных языков-посредников в области новейшей терминологии является довольно маргинальным фактором, но тем не менее присутствует: ср., например, синонимичные наименования символа @ в адресе электронной почты: *собачка* (ср. рус. *собака*) / *мавпа* (ср. пол. *małpa*), которые конкурируют с собственными образованиями *вухо* и *жаба*. Однако здесь, как и в целом в терминологии, русский язык сохраняет свои позиции как преимущественный образец для образования новых терминов, о

[10] См., в частности, сайты: http://uavova.narod.ru, http://www.stamina-ua.narod.ru, http://linux.org.ua, http://ukrspell.virtualave.net.

inslav

чем свидетельствуют многочисленные кальки типа *робочий стіл, струйний принтер* и под[11]. Выбор стратегии заимствования: непосредственной или опосредованной, в том числе с опорой на русский язык как образец, создает конкуренцию разных способов оформления иноязычных терминов (как в случае *браузер / броузер* – ср. рус. *браузер* и англ. *browser*);

4) использование в качестве средств "национализации" нормы неологизмов и архаизмов. Перемещение лексических элементов, маркированных как периферийные, в центр системы, как уже отмечалось, является одним из важнейших средств проявления тенденции к национализации. Это касается, в частности, актуализированных в последнее время архаизмов типа: *свічадо* (ср. *дзеркало*), в том числе собственно пуризмов, образованных в 1920-е годы (напр., *накладанець* вм. *канапка, бутерброд, сиротинець* вм. *дитбудинок*; об этом см. [Карпіловська 2004а]). Как уже отмечалось, связь устаревшей лексемы с польским языком как языком-источником номинации не является препятствием для ее актуализации, как в парах: *валіза* (ср. *walizka*) / *чемодан, вакації* (ср. *wakacje*) / *канікули, візія* (ср. *wizja*) / *бачення, спортовець* (ср. *sportowiec*) / *спортсмен*. Важным средством "национализации" признаются и новообразования, которые, впрочем, существенно разнятся по степени употребимости и востребованности узусом. Так, если неологизм *самописець*, ср. *чорний ящик* [Стишов 2003: 267], стал уже частью системы, то лексемы типа *благобут, безгранина, міжмісто, мовознай* [там же] остаются пока окказиональными образованиями.

Таким образом, основным фактором, способствующим перемещению одного из конкурирующих вариантов номинаций в центр системы и в перспективе повышению его узуального статуса, является его нормативная оценка с точки зрения соответствия представлению о "языковом идеале". Тенденция к национализации нормы проявляется в данном случае в выдвижении на первый план языковых элементов, маркированных как западноукраинские и/или не совпадающие с русским образцом, в то же время вопрос о связи лексемы по происхождению с польским языком, а также степени ее архаичности / новизны признается несущественным. Одним из важнейших результатов действия

[11] Это стало поводом для обсуждения в интернет-сообществе, см., например, интернет-форум по поводу необходимости замены "русской кальки" *робочий стіл* исконным *стільниця* на сайте: http://www.stamina-ua.narod.ru.

inslav

тенденции к национализации нормы на уровне лексики является усиление вариативности узуса и трансформация стилистической системы. Вариативные лексические единицы, оцененные как соответствующие представлению о языковом идеале (*хідник* vs *тротуар, помаранчевий* vs *оранжевий, речник* vs *прес-секретар, світлина* vs *фотографія*), перемещаются с периферии в центр системы, меняя при этом свою стилистическую окраску. Конкурентные варианты номинаций, обладающие высокой коммуникативной привлекательностью, активно пополняют "высокий" книжный стиль в современном украинском литературном стандарте. Дальнейшее устранение вариативности происходит уже в узусе за счет выбора предпочтительных контекстов и установления узуального статуса в зависимости от степени частотности и распространенности языкового элемента.

Подобный механизм языкового варьирования действует и на уровне **словообразования**. В данном случае источником вариативности является пересечение у одних и тех же производящих основ изофункциональных формантов со сходными комбинаторными параметрами [Нещименко 2003: 289], а также конкуренция самих основ (см. напр., *меншовартість / меншовартісність, страхувальник / страхівник, виставковий / виставочний*) и/или способов деривации (*бездія / бездіяльність*) [Стишов 2003]. Основной причиной появления конкурентных словообразовательных вариантов следует признать взаимодействие разнонаправленных тенденций, отмеченных в узусе и норме, которые одновременно являются важными регуляторами равновесия в системе (см. [Карпіловська 2004б]); это уже упомянутые тенденции к национализации и интернационализации. На уровне словообразования способами манифестации вариативности являются:

1) <u>конкуренция исконных / заимствованных формантов, основ и моделей деривации</u>. Наиболее яркой иллюстрацией взаимодействия тенденций национализации и интернационализации является использование разных по своему происхождению, но идентичных по функции и системным характеристикам, в том числе по своей стилистической окраске, формантов. Как известно, в деривационной грамматике действует тенденция тяготения исконных основ к исконным формантам и заимствованных – к заимствованным. Однако примеры неологизмов, образованных при помощи исконной приставки *після-* и заимствованного префикса *пост-*, свидетельствуют об активизации обоих формантов и приблизительно равной их словообразовательной активности,

inslav

что выражается в возможности присоединения их к подобным типам основ. Это хорошо заметно на примере отонимических образований типа ***після**сталінський*, ***після**брежнівський*, ***після**мазепинський*, ***після**хоннекерівський*, ***після**хусейнівський* с одной стороны и ***пост**шевченківський* с другой, ср. также оттопонимические дериваты ***пост**в'єтнамський*, ***пост**гельсінський*, ***пост**югославський*. Довольно сложно выделить четкие правила распределения суффиксов и при присоединении их к другим типам основ, ср.: ***після**продажний* ***після**відлиговий*, ***після**інфляційний*, ***після**колгоспний*, ***після**путчевий*, ***після**союз*, с одной стороны, и ***пост**імперський*, ***пост**індустріальний*, ***пост**колективістський*, ***пост**комуністичний*, ***пост**конфронтаційний*, ***пост**перебудовний*, ***пост**приватизаційний*, ***пост**соціалістичний*, ***пост**тоталітарний* – с другой. Отсутствие четких формальных и семантических критериев для разграничения основ и изофункциональность формантов создает ряды вариативных номинаций с идентичной основой, включающие также дериваты с другими аналогичными суффиксами независимо от частеречной принадлежности основы: это касается как существительных (***після**-союз* / ***пост**-союз*, ***полі**етнічність* / ***багато**етнічність*), так и прилагательных (***по**радянський* / ***після**радянський* / ***пост**радянський; **по**чорнобильский* / ***після**чорнобильский* / ***пост**чорнобильский*; примеры из [Стишов 2003: 360-361]). Гораздо менее частотны, чем случаи конкуренции исконного и заимствованного форманта, примеры соперничества основ и типов деривации, противопоставленных по своему происхождению, как например: *бізнесо**вець*** / *бізнесмен, продукув**ач*** / *продуцент*, где образование вариантных номинаций с использованием исконных суффиксов становится возможным благодаря продуктивности соответствующих заимствованных основ *бізнес* и *продукувати* в современном украинском языке и способность их выступать в качестве деривационной базы;

2) <u>конкуренция формантов и дериватов как результат изменения нормативной оценки языкового образования</u>. Данный процесс затронул в первую очередь дериваты, образованные по моделям, общим для части украинской языковой территории и русского языка, и выразился в смещении их на периферию системы после признания их не соответствующими норме. Так, суффиксальные образования с формантом *-ник* в рамках словообразовательной категории лица–носителя процессуального признака, оцениваются как соответствующие “языковому идеалу”. Тем са-

inslav

мым они противоставлены на уровне нормы образованиям с суффиксами *-чик, -щик*, которые не удовлетворяют данному требованию, в частности, из-за наличия аналогичных образований в русском языке: ср. *рекламник / рекламщик, кранівник / кранівщик, апаратник / апаратчик*. Тенденция к "дерусификации" нормы является основным источником варьирования также в случае образования конкурентной номинации, призванной заменить собой узуальную единицу, как в случае *розслідувач*, предлагаемого вместо *слідчий*; аналогично в парах: *завідувач* вместо *завідуючий, мітингар / мітингувальник* вместо *мітингуючий* (суффиксальные образования с формантами *-уч(ий) / -юч(ий)*; *-ач(ий) / -яч(ий)* относятся к числу крайне непродуктивных в украинском языке и маркированы как заимствования или кальки из русского языка). Стремление к "национализации" словообразовательных моделей обусловило также появление среди указаний кодификаторов требований избегать употребления отглагольных существительных с процессуальной семантикой, образованных при помощи суффикса *-к-* как таких, которые ориентированы на русский образец, то есть предлагается употреблять *плавлення* вм. *плавка, автопаркування* вм. *автопарковка* и под. (ср. [Караванський 1994: 49]); что вызывает вариативность в узусе и появление гиперкорректных форм типа: *доставлення*, употребляющегося вместо *доставка* (ср. [Коць 1997: 62]). Однако в последнем случае внутрисистемные ограничители, в частности, семантическая спецификация вариантных номинаций (в семантике первых преобладает процессуальность, а вторых – результативность[12]) не позволяет во многих случаях изменить узуальный статус подобных вариантных номинаций. Аналогичные процессы наблюдаются и в словообразовании прилагательных, где осуществляется конкуренция основ и способов деривации (*ознайомлювальний / ознайомчий*), в том числе предполагающая последующее устранение избыточного варианта как несоответствующего норме (таким в паре *знеболювальний / знеболюючий* оказывается второй компонент, вызывающий аналогии с русской словообразовательной моделью; ср.: [Коць 1997: 63]);

3) Важным фактором стабильности и динамичного развития словообразовательной системы языка является также взаимо-

[12] О роли внутрисистемных семантических ограничителей на примере аналогичных образований в русском языке типа *проявка* и *проявление* см. [Нещименко 2003: 289].

inslav

действие тенденций к компактности наименования – с одной стороны, и к детализации значения, с другой (ср. [Карпіловська 2004а]), что проявляется, в частности, в конкуренции однословных и многословных наименований. Усиление тенденции к языковой экономии, понимаемой в узком значении этого термина как преобладание компактных по своему материальному выражению номинаций над номинациями более громоздкими [Нещименко 2003: 342], выражается в современном украинском языке в создании однословных дериватов по продуктивным словообразовательным моделям от ранее не задействованных с этой целью основ. Таким образом, как вариантные и обладающие высокой коммуникативной привлекательностью рассматриваются номинации типа: *привладник* ('людина при владі'), *режимівець* (пов'язаний з режимом), в том числе образованные по продуктивной модели с использованием суффикса *-ач* в рамках категории лица-носителя процессуального признака: *випрохувач* ('той, що випрошує'), *вислугач* ('той, що вислуговується'), *зомбувач* ('той, хто зомбує'), *збувач* ('той, хто займається збутом') и т.д. В рамках этой же тенденции образуются многочисленные однословные феминитивы (*партократка, бізнесменка, дизайнерка, наркокур'єрка, вітрильниця, лоточниця, критикеса, агентеса*), образующие в узусе вариантные пары с двухсловными обозначениями. С данной тенденцией связана и актуализация в современном языке номинаций типа *поетка, професорка*, образованных по модели узуальных наименований *авторка, товаришка* и пр. К результатам действия тенденции к языковой экономии можно причислить и дериваты типа *передвоєння, безчасся, підневілля*, образованные от многословных сочетаний для обозначения временных отрезков, а также множественные случаи аббревиации, демонстрирующей в современном украинском языке чрезвычайно высокую активность (см. примеры дериватов, образованных при помощи усечения первой части прилагательного *державний* 'государственный': *держадміністрація, держакція, держаморальність, держборг, держбудування, держверхи, держгодівниця, держдотація, держзамовлення, держконтакт, держмито, держноменклатура, держпартноменклатура, держсекрет, держскарбниця, держфінанси, держчиновник*; примеры из [Стишов 2003: 345–346]). Еще одна характерная иллюстрация действия тенденции к компактности языковых наименований – продуктивность образования универбов (чаще всего путем усечения определяемого существительного: *обмінник, мобільнік*). Однако

inslav

в данном случае отмечается явная стилистическая маркированность новообразований по сравнению с двухсловным наименованием (ср. *обмінний пункт, мобільний телефон)*, что препятствует полной вариативности конкурентных номинаций и способствует закреплению их в разных сегментах узуса. Весьма существенно, что результаты проявления тенденции к языковой экономии в украинском языке (типа *пралка* вм. *пральна машина* или *гуртівня* вм. *оптовий склад*) не всегда совпадают по своей направленности с аналогичными процессами, например, в чешском и русском языках (ср. [Нещименко 2003: 291]). Помимо стремления к компактности наименования и возникающей при этом экспрессивности как следствия языкового сжатия, здесь важную роль также играет соответствие конкурентного языкового образования представлениям о "языковом идеале" и общая ориентация на национализацию нормы.

Таким образом, в целом применение различных стратегий деривации на основе привлечения изофункциональных суффиксов с учетом возможности выбора основы и типа словообразования приводит к возникновению многокомпонентных вариантных рядов новообразований: см. например, *діаспорник* / *діаспорець* / *діаспорянин* / *діаспорит* (конкуренция различных формантов в рамках одной словообразовательной категории); *інтернетівець* / *інтернетник* / *інтернет-користувач* (конкуренция разных способов деривации: суффиксальных образований и сложного слова), *податківець* / *податковець* / *податковик* (конкуренция разных словообразовательных моделей). В сфере словообразования существительных наиболее активно осуществляется конкуренция формантов и основ в рамках словообразовательных категорий лица-производителя действия (nomina actoris), носителя процессуального признака, абстрактных существительных, в том числе nomina actionis, а также названий конкретных предметов (типа *візитка* / *візитівка*, где члены оппозиции противостоят друг другу по характеру языка-источника словообразовательной модели, в первом случае это русский язык, во втором – польский). На словообразовательном уровне предпосылки варьирования существуют как в рамках системы (изофункциональность формантов, синонимичность основ, избыточность многословных наименований), так и нормы (как результат взаимодействия тенденций к национализации и интернационализации и следствие изменения нормативных оценок). Основными способами преодоления избыточной вариативности в данном случае являются: устра-

inslav

нение дублетных вариаций в узусе или признание нормой доминирующим варианта, в большей степени соответствующего представлению о языковом идеале, а также стилистическая дифференциация конкурентных номинаций (как в случае с универбами), что влияет на статус варианта в системе и узусе. Особо выделяется такой способ регулирования вариативности, как семантическая спецификация. Механизм семантической спецификации был тщательно проанализирован Е.А. Карпиловской на примере конкуренции сложных прилагательных-калек с конечными основами *-подібний, -видний* и соотносимых с ними простых прилагательных с суффиксами *-уват(ий)//-юват(ий), -аст(ий)/яст(ий), -ат(ий)/-ят(ий)*. Как показал анализ, большинство конкурентных номинаций такого типа являются лишь частичными синонимами, различаясь при этом либо широтой семантической парадигмы и занимая разные понятийные "ниши" (как, например, *голкоподібний / голчастий*), либо употребимостью и набором контекстов, либо своим узуальным статусом и степенью распространености (ср. общепринятое *вітаміноподібний* и окказиональное *вітамінний, вітаміновий*) [Карпіловська 2004б].

Весьма отчетливо механизм языкового варьирования проявляется и на уровне **словоизменения**. Вариативность в морфологии (и в первую очередь в именном склонении, на котором мы сосредоточимся) проявляется в различии формальных средств для выражения идентичного содержания и, будучи рассмотренной на уровне системы, относится к языковым универсалиям. Нас будут интересовать два основных типа словоизменительных вариантов: варьирующиеся падежные формы, распределение которых мотивировано лексически, и конкурентные словоформы, предполагающие тождество лексемы при вариативности показателей конкретной падежной формы (о разграничении терминов применительно к вариантным формам и словоформам см: [Тихомирова 2004: 367–368]).

В украинском языке, как и в ряде других славянских языков, наиболее показательный пример вариативности падежных форм – это конкуренция окончаний *-а(-я)* / *-у(-ю)* в род. пад. ед. ч. сущ. муж. р. II скл. Распределение вариантов окончания осуществляется на основе семантики лексем: в настоящий момент флексия *-а(-я)* признается доминирующей в девяти семантических группах, а флексия *-у(-ю)* – в тринадцати. Попытки введения семантической спецификации окончаний наблюдаются и в пред. пад. ед. ч. сущ. м. р.: существует тенденция к употреблению в дан-

inslav

ной форме окончания *-ові(-еві)* для одушевленных существительных (*при батькові, на коневі*) и *-у(-ю)*; *-і(-ї)* для неодушевленных (*на літаку, у краї*). Однако подобное семантическое разграничение выдерживается непоследовательно, поскольку названные типы существительных принимают и другие окончания, хотя при этом и отмечается их меньшая употребительность (*при батьку, на коні* ср. *на літакові, у краєві*) [УП-проєкт 1999: 114]; это делает данный тип вариативности переходным, совмещающим в себе признаки вариантных падежных форм и словоформ. Отметим, что случаи вариативности падежных словоформ гораздо более многочисленны. Так, в единственном числе конкурирующие словоформы широко представлены в парадигме II (мужского) склонения: в дательном (*батькові / батьку*), предложном (*у піджаку / у піджаці*) и звательном падежах (*чоловіче / чоловіку*); а также в существительных IV склонения в дательном (*дитяткові / дитятку*), творительном (*племенем / плем'ям, імененем / ім'ям*) и предложном падежах (*на тімені / тім'ї*). В парадигме множественного числа вариантные словоформы отмечены в им. пад. сущ. м. р. II скл. (*пазурі / пазури, рукави / рукава*), в родительном (*чобіт / чоботів, тат / татів, баб / бабів, губ / губів, легень / легенів; сосон / сосен, бритов / бритв*), а также в творительном падежах существительных обоих родов I и II склонения (*чобітьми / чоботами, слізьми / сльозами, свиньми / свинями, грішми / грошима*).

Поскольку оба названных типа морфологических вариантов (и падежные формы, и словоформы) лишены строгой грамматической обусловленности, то их принято рассматривать в рамках нормы, считая при этом, что основные средства устранения вариативности сосредоточены в узусе. Это справедливо в отношении обоих типов вариативности, но взаимодействие нормы и узуса в каждом случае осуществляется по-разному. На уровне системы источником вариативности в обоих случаях следует считать различные процессы в истории языка, связанные с конкуренцией разных типов основ в формировании репертуара окончаний, что делает вариативность своеобразным свидетельством незавершенности этих процессов. При регулировании употребления вариативных падежных окончаний (1 случай вариативности) решающую роль играют нормативные оценки, устанавливающие соответствие между конкретным типом окончания и соответствующей группой лексем, в то время как механизм регулирования вариативности словоформ (2 случай) осуществляется непосредст-

inslav

венно в узусе (ср. [Тихомирова 2004]). Именно здесь вырабатываются способы регулирования вариативности, такие как:

a) семантическая спецификация окончаний (как в случае *хліби – хліба*, где вторая форма специализирована для выражения собирательного значения),

b) стилистическая или экспрессивная их дифференциация (ср. стилистически приподнятые варианты *панове*, *братове* и нейтральные *пани*, *брати* в Зват. пад. мн.ч. сущ. м.р. II скл.),

c) определяется степень их употребимости (так, форма мн.ч. *уші*, параллельная к *вуха*, маркирована как более редкая).

Узусом также устанавливаются иные возможные способы разграничения окончаний, например, в зависимости от места ударения в разных регионах: у *крáї* ср. у *краю́*. На этом уровне определяются и другие факторы, обуславливающие возможную вариативность (так, в пред. пад. ед.ч. сущ. муж.р. вариативные формы *селу* / *селі* возможны только в сочетании с предлогом *по*; форма мн.ч. *вічі*, параллельная к *очі*, маркирована как более редкая и употребляется только в сочетании с предлогом *у*). Понятно, что лишь часть вариантных словоформ представляет собой полные функциональные варианты (как *пазурі* / *пазури* или *кіньми* / *конями*), обладающие высокой степенью тождества, что дает возможность свободного факультативного их использования по усмотрению говорящего в речевой практике.

В то же время в украинском языке в сфере регулирования употребления словоизменительных вариантов существенную роль играет также норма. Для иллюстрации этого тезиса приведем предложения, сформулированные в проекте украинской орфографии в отношении как вариантных падежных форм, так и некоторых словоформ [УП-проєкт 1999]. Ревизия норм в отношении вариантов окончаний в единственном числе затронула в первую очередь:

– распределение окончаний *-а(-я)* и *-у(-ю)* в род. пад. сущ. муж.р. II склонения. Было произведено уточнение семантических принципов для выделения групп лексем, за которыми закрепляется тот или иной вариант падежной формы. При этом была расширена сфера употребления флексии *-у*, в частности, за счет таких групп, как: названия танцев и игр (*вальсу* вм. *вальса*, *хокею* вм. *хокея*); названия помещений, зданий и сооружений (*магазину* вм. *магазина*); а также за счет расширения количественного состава выделенных ранее групп, в том числе: обозначений собирательных понятий и совокупности предметов и существ (*колекти-*

inslav

ву вм. *колектива*, *хору* вм. *хора*); пространственных обозначений (*рову* вм. *рова*); названий состояний, процессов (*грипу* вм. *грипа*); литературных терминов (*міфу* вм. *міфа*) [Бурячок 1997: 23–24]. Кроме того, была установлена зависимость употребления конкурирующих флексий в ряде словоформ от их значения: *апарата* (устройство) – *апарату* (учреждение), *блока* (техн.) – *блоку* (объединение государств) и под. [УП-проєкт 1999: 111];

– изменение оценки функциональной значимости вариантных словоформ в дат. пад. сущ. м.р. II скл. С одной стороны, было подтверждено функциональное тождество *-ові(-еві)* и *-у(-ю)* (*директорові* / *директору*), однако оно оказывается неполным, поскольку предпочтительным вариантом признается *-ові* [УП-проєкт 1999: 120];

– изменение оценки соответствия "языковому идеалу" формы род. пад. сущ. ж.р. III и IV склонений. Было предложено возродить норму 1928 г. и заменить укрепившееся в литературном стандарте окончание *-і* более распространенным в украинском диалектном пространстве *-и* (*соли* вм. *солі*, *імени* вм. *імені*) [УП-проєкт 1999: 124]. Такой шаг, по мнению авторов реформы, должен был также устранить омонимию форм род. и дат. падежей в этих типах склонения.

В качестве причин пересмотра нормативных оценок кодифаторами во всех случаях называется приближение нормы к узусу и ориентация на речевую практику (в последнем случае даже диалектную), а также собственно системные соображения (устранение исключений в группах лексем в первом случае и омонимии форм в последнем). Все предложенные изменения объединяет также очевидная тенденция к национализации нормы. В данном случае это проявилось в ориентации на западный ее вариант с целью поддержания конкурентных форм, распространенных в речевой практике в западных регионах Украины и потому более близких к установленному "языковому идеалу". Однако если в случае с дат. пад. (*міністрові* вм. *міністру*) стремление придать региональному (западному) варианту статус доминирующего действительно соответствует логике языкового развития и потому не встретило особых возражений, то предложение сделать единственно возможным вариант *соли* вм. *солі* (ср. [Матвіяс 1998: 156]) столкнулось с неприятием значительного числа носителей языка из других регионов Украины, в частности, по причине отчетливой диалектной и архаической окраски последнего. Усилия кодификаторов, таким образом, привели не к сближению нормы

inslav

и узуса, а к дальнейшему увеличению дистанции между ними. Показателем этого является, в частности, отмеченное в узусе появление вариантных словоформ (а не падежных форм) в род. пад. с возможностью чередования окончаний, присоединяемых к одной и той же основе: *сервер**а** / серве**ру**, комп'ютер**а** / комп'ютер**у*** и под., что демонстрирует тенденцию к упрочению позиций флексии *-у(-ю)*. Одним из средств сближения нормы и узуса являются попытки установления нормы "снизу", что отражено, в частности, на интернет-сайтах, посвященных созданию украинской терминологии, где можно найти в т.ч. указания по употреблению окончаний *-а* / *-у* в род. падеже (http://ukrspell.virtualave.net.).

Произведенный анализ наиболее ярких проявлений вариативности на трех базовых языковых уровнях (в лексике, словообразовании и словоизменении) позволяет сделать ряд выводов о характере языкового варьрирования в современном украинском литературном языке. Очевидный рост вариативности является результатом усиления "элитарности" нормы и неоднородности узуса, а также существования определенной дистанции между нормой и узусом. Основными источниками вариативности в данном случае следует признать изофункциональность словообразовательных и словоизменительных формантов (в системе), а также синонимию языковых средств, являющуюся результатом многоконтактности и региональной дискретности украинской нормы и узуса. Основным средством воздействия на узуальный статус и место конкурирующего языкового варианта в системе на оси центр–периферия на уровне нормы является оценка его соответствия представлению о "языковом идеале". Современный этап развития украинского стандарта характеризуется очевидной тенденцией к смене нормативных оценок в направлении "национализации" нормы, что в данном случае предполагает – на всех языковых уровнях – 1) определенную ее архаизацию, 2) усиление влияния западного регионального варианта и 3) изменение отношения к языкам-источникам заимствования. К числу универсальных способов регулирования вариативности на всех уровнях языка в узусе относятся: а) устранение избыточных вариантов, б) установление набора контекстов для их разграничения, а также в) стилистическая дифференциация и г) семантическая спецификация конкурирующих вариантов. Регуляция вариативности производится и на уровне нормы. Основным регулятивным механизмом, не допускающим чрезмерного проявления вариативности,

inslav

является взаимодействие разнонаправленных тенденций: элитарность нормы уравновешивается демократизацией узуса, стремление к "национализации" нормы – "интернационализацией" речевой практики, усиление регионализации нормы – тенденцией к ее унификации в узусе, архаизация нормы и ее ретроспективная направленность – ростом словообразовательной активности и языкотворчества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Бурячок А.А. Що змінилося в "Українському правописі"? Київ, 1997.

Гудков В.П. В поисках закономерностей морфологического варьирования в сербохорватском литературном языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1988. № 4.

Гузар О. Майбутнє українського правопису на тлі орфографічних змін у європейських мовах // Українська мова. 2003. № 4.

Єрмоленко С.С., Харитонова Т.А., Ткаченко О.Б., Яворська Г.М., Ткаченко В.А., Шамота А.М. Мова в культурі народу (план-проспект) // Мовознавство. 1998. № 4. С. 3–12.

Караванський С. Секрети української мови. Київ, 1994.

Карпіловська Є.А. Динаміка сучасної української мови в словниках нового покоління (проект серії словників нової української лексики) // Українська мова, 2004а. № 2–3.

Карпіловська Є.А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексикону: регулятори рівноваги // Лінгвістичні студії. Вип. 13. Донецьк, 2004б.

Коць Т.А. Функціонування лексичних варіантів у засобах масової інформації (на матеріалі газет 90-х років) // Мовознавство. 1997. № 6.

Курс (УЛМ 1961 – Курс історії української літературної мови. Т. II. Київ, 1961.

Лукашанец А.А. Процессы интернационализации и национализации в современных восточнославянских языках // Słowotwórstwo/ Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003.

Матвіяс І. Варіанти української літературної мови. Київ, 1998.

Нещименко Г.П. Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы // Słowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003. S. 288–306.

Німчук В.В. Проблеми українського правопису в XX ст. // Український правопис. Проєкт найновішої редакції. Київ, 1999. С. 242–333.

Стишов О.А. Українська лексика кінця XX століття (на матеріалі засобів масової інформації). Київ, 2003.

Струганець Л. Динаміка лексичних норм української літературної мови XX століття. Тернопіль, 2002.

Тараненко О.О. Колоквіалізація, субстандатризація та вульгаризація як характерні явища стилістики сучасної української мови (з кінця 1980-х рр.) // Мовознавство. 2002, № 4–5. С. 33–39; Мовознавство. 2003, № 1. С. 32–41.

Тихомирова Т.С. Вариативность в польском склонении // Славянский вестник. Вып. 2. К 70-летию В.П. Гудкова. М., 2004. С. 366–376.

inslav

УП-проєкт 1999 – Український правопис. Проєкт найновішої редакції. Київ, 1999.

Шевченко Л.І. Інтелектуальна еволюція української літературної мови. Теорія аналізу. Київ, 2001.

Яворська Г. Генеза сучасних проблем нормалізації та кодифікації // Українська мова. Сер. Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1999. S. 201–220.

Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. T. 1: Słowotwórstwo / Nominacja. Opole, 2003.

Kořenský J. Metodologické problémy zkoumání proměn současných slovanských jazyků // Jazykovedný časopis. 1998. N 49/1–2. S. 27–33.

Ohnheiser I. Цель и концепция тома // Słowotwórstwo / Nominacja. Red. nauk. I. Ohnheiser. Opole, 2003a. S. 17–26.

Ohnheiser I. Эколингвистика и тенденции развития современных славянских языков // Języki słowiańskie w perspektywie ekolingwistycznej / red. W. Lubaś, I. Ohnhieser, Z. Topolińska. Opole, 2003b. S. 9–34.

Wexler P.N. Purism and Language. A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). Bloomington, 1974.

НТСУМ – Новий тлумачний словник української мови. У 4-х тт. Київ, 2000.

РУСНТМ – *Войналович О., Моргунюк В.* Російсько-український словник наукової і технічної мови: Термінологія процесових понять. Київ, 1997.

Е.П. Деркач

Украина

О.С. Парфенова

Россия

УКРАИНСКИЕ БОЛГАРЫ: ФЕНОМЕН СТАБИЛЬНОСТИ ЯЗЫКОВОГО И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СВОЕОБРАЗИЯ

Любая этническая группа, живущая длительное время за пределами исторической территории, национального государства, постепенно утрачивает те или иные признаки этничности. Это происходит за счет полной или частичной ассимиляции или за счет формирования новых, специфических черт, присущих только этой группе. В отношении бессарабских болгар в целом мы можем признать, что к настоящему моменту они сохранили свое этническое своеобразие и в обозримом будущем не исчезнут из списка наиболее крупных этнических групп Украины. Речь идет

inslav

о наиболее многочисленной группе, компактно проживающей на территории Одесской области – части бывшей в составе Российской империи Бессарабии[1]. Согласно переписи 2001 г., в Одесской области живут $^3/_4$ всего болгарского населения Украины, или около 151 тысячи человек. За время, прошедшее с последней Всесоюзной переписи населения, болгарская диаспора численно сократилась почти на 11 тысяч человек (1989 г. – 165,8 тыс. чел.). Миграция носит чисто экономический характер и вызвана трудностями переходного периода, с которыми столкнулись все страны бывшего соцлагеря, особенно в аграрном секторе экономики.

Представители болгарской диаспоры Украины достаточно осознанно относятся к тому, что являются отличной от других в языковом и культурном плане общностью. Так, в редакционной статье газеты "Камбана" [1], выпущенной болгарским обществом "Кирилл и Мефодий" Измаильского р-на, были сформулированы 10 отличительных признаков украинских болгар, среди прочих – ношение болгарского имени и знание болгарского языка являются достаточным основанием для того, чтобы считать себя членом данной этнической общности.

1. ИСТОРИЯ ПОСЕЛЕНИЯ

В том, что украинские болгары не утратили своей самобытности, большую роль сыграло, во-первых, то, что они основали поселения на практически безлюдных землях; во-вторых, переселение носило массовый характер, т.е. на территорию России переселялись целыми селами или по крайней мере несколько семей вместе; в-третьих, российское правительство, будучи заинтересованным в освоении окраин, создавало благоприятные экономические и политические условия для поселенцев[2].

К началу XIX в. территория Бессарабии принадлежала Османской империи, это был малозаселенный край, в котором по-

---

[1] Бессарабия – историческая область между Чёрным морем и реками Дунай, Днестр, Прут и Ракитна, в настоящее время основная часть территории Молдавии и южная часть Одесской области Украины.

[2] Наиболее полно история бессарабских болгар изложена в книге И. Грека и Н. Червенкова "Българите от Украйна и Молдова. Минало и бъдеще", отрывки из которой были опубликованы в газете "Родно слово" (№№ 603–609 за 2003 г.). Из более доступных для российского читателя трудов следует упомянуть исследование В.И. Наулко "Развитие межэтнических связей на Украине" [2] и вступительную статью к "Атласу болгарских говоров" [3].

inslav

мимо молдавских было несколько ногайских поселений. Когда русские войска заняли эти земли, вассалы Османской империи, воевавшие на стороне турок, ушли в Турцию. Массовое заселение территории бывшей Бессарабии началось с первых военных действий второй русско-турецкой войны (1802–1812), в результате которой, согласно Бухарестскому мирному договору 1812 г., эта территория отошла к России. Российское правительство всячески способствовало заселению пустующих окраин христианскими народами, находившимися под турецким игом. Так, на этой территории образовались сёла с болгарским, сербским, украинским, гагаузским населением. Болгары сначала селились в оставленных ногайских селениях, а затем на пустом месте основали и свои.

Массовый характер иммиграции привел к тому, что к 1835 г. население Бессарабии приближалось к 61 тысяче человек. "Исход" болгар (а с ними и гагаузов – тюркоязычных христиан Болгарии) на новые земли был поистине массовым, в результате целые округа, особенно юго-восточной Болгарии, обезлюдели. Во второй половине XIX в., видя, какой урон наносит самой Болгарии потеря населения, борцы за национальное освобождение развернули контрпропаганду, рассказывая, в каких тяжелых условиях оказываются новопоселенцы. Нужно отметить, что переселение христианского населения европейской части Османской империи на новые земли было вызвано не только военно-политическими и конфессиональными причинами, но и экономическими. Во время османского правления в Болгарии не был решен аграрный вопрос, и болгары из-за нехватки земель были обречены на голодную смерть, особенно в юго-восточной части страны.

Российское правительство завлекало новопоселенцев выгодными условиями. Статус и права новопоселенцев были определены специальным указом в 1819 г., согласно которому, болгары и другие мигранты имели намного больше прав, чем автохтонное население Российской империи. Среди явных преимуществ было то, что новопоселенцы были защищены от крепостного права. Кроме 60 десятин плодородной земли, безвозмездно выделяемых на каждую семью (которые не подлежали купле-продаже), болгары имели право покупать земли в других губерниях Российской империи, входить в любые сословия, сохраняя при этом права колонистов, заниматься внутренней и внешней торговлей. Правительство между тем не выполнило все свои обещания, некоторые болгарские семьи не получили обещанное количество земли.

inslav

Кроме того, неурожаи и эпидемии вынудили часть болгар в дальнейшем вернуться на историческую родину или двинуться на поиски лучшей жизни в Приазовье. Однако большинство переселенцев осталось, переживая все катаклизмы приграничной территории, попеременно входя то в состав России, то Румынии. Окончательное присоединение Бессарабии к России, уже советской, состоялось в 1940 г.

К этому времени период национального строительства государства был уже позади. Если в Приазовье в 1920–1930-е годы были сформированы национальные болгарские районы, в которых нередко болгарский язык выполнял функции официального языка, то бессарабские болгары не знали в своей истории периода "самостоятельности". Как известно, ограничения на развитие доминантных признаков этничности в советскую эпоху касались в первую очередь права на самоопределение, т.е. на формирование национальной автономии, на функционирование языка и на поддержку связей диаспоры с метрополией. Между тем, следует отметить, что болгары не испытывали дискриминации по национальному признаку, они имели равные с другими народами права – доступ к образованию, возможность успешно строить профессиональную карьеру, поэтому каких-либо выступлений на национальной почве в регионе не было.

Новый толчок в развитии национальной группы наступил с распадом СССР и провозглашением Украиной своей приверженности демократическим идеалам. В статье 10 Основного закона страны записано, что государственным является украинский язык, кроме этого, на Украине гарантируется развитие, употребление и защита русского языка и языков национальных меньшинств, что подкрепляется статьями 11 и 53. Закон о национальных меньшинствах, принятый Верховной Радой Украины 25 июля 1992 г., также гарантирует право народов, населяющих страну, на национально-культурную автономию, подразумевая под этим создание национальных организаций, обучение на родном языке, удовлетворение потребности в литературе и средствах массовой информации (если это не противоречит действующему законодательству) на родном языке. В соответствии с этим законом украинское государство обязуется принимать меры по подготовке педагогических, культурно-просветительских и других национальных кадров. Эти же правовые нормы относительно использования права на сохранение традиционного расселения (статья 2) и языка (статья 3) содержатся и в Декларации прав на-

inslav

циональностей Украины. Между тем болгарскому языку так и не придан статус официального ни на национальном, ни на региональном уровнях.

2. УРОВЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Двухвековая история болгар в Бессарабии, события в их собственной жизни и их активное включение в общественную жизнь во времена советской власти сформировали особую этническую самоидентификацию. Специальных исследований по этому вопросу, насколько нам известно, не проводилось, но вряд ли кто-либо из бессарабских болгар идентифицирует себя с болгарами метрополии. Об этом приходилось часто слышать в беседах с людьми при сборе материалов в бессарабских селах в 1993, 1999 и 2000 гг.

Болгары с гордостью говорят о своей этнической самобытности. Несмотря на пятивековое турецкое владычество, они сумели выжить и возродиться как отдельный народ, в том числе и путем переселения на новые земли. О своих предках написал и известный в Бессарабии болгарский поэт Нико Стоянов:

Напуснал свидните Балкани,
не за да търси лек живот,
а българин да си остане
и да опази своя род. [4]

Этнос и семья для болгар всегда были и остаются главными ценностями, поэтому они в меньшей степени испытали на себе те коренные изменения в социальной иерархии, которые произошли в независимой Украине. Болгары, как и прежде, являют собой воплощение прочности отношений между членами семьи, свято берегут традиции и моральные устои (уважение к старшим и забота о подрастающем поколении), отличаются трудолюбием. Эти стереотипы поведения понимаются как нормы межличностных отношений, с позиций которых и оцениваются все происходящие события. Так, в рассказе жительницы с. Новые Трояны Болградского р-на Варвары Андреевны З. показаны тесные взаимоотношения между членами одного рода и их взаимовыручка: *“А пък дяду Кирила четирнацата гудина утидаа на вуйната / бяя ги з'ели / чи дяду кирила п'ет гудини гу нямалу // тя и вулови имала / и крави имала / и офци / и със п'ет дяца гъ устайли // и нейния свекър и свикървата в динъ дуваждали три път' // шъ доди пу гулям убят / жъ изпразни казанти и съ върни // пак жъ*

inslav

доди за три часа / пак жъ донис'е вуда / пак жъ ги забиколи дицата //... тъй трябва да бъди сич'ката жизн'а // да бъдат сич'кити дяца тъй вместе" (Дед Кирилл в четырнадцатом году ушёл на войну. Взяли их, так что деда Кирилла пять лет не было. У неё и волы были, и коровы были, и овцы, и с пятью детьми её оставили. Её свекр и свекровь приходили три раза в день. Придёт в обед, опустошит казаны и вернется. Снова придёт на три часа, снова принесёт воды, снова детей приласкает... так должно быть всю жизнь, все дети должны быть вместе.)

Рассказы многих наших информантов свидетельствуют о том, что бессарабские болгары осознают своё отличие от других этносов, населявших бывший Советский Союз. Впечатлениями о пребывании в России делится жительница Ф. из с. Лощиновка Измаильского р-на: "*там къштята диревня са назъвава // двора са начава ут улицата //нямат ни приусадибный участак / н'е ништу // лози саму у нас тука рас'т'е // т'е да работат куту нашия българин ше здохнат // ас ти каам трива идна и жасмин //...та диревня са називава барадино*" (Там много домов деревней называется. Двор начинается от улицы. Нет ни приусадебного участка, ничего. Виноградники только здесь у нас растут. Они, если бы работали как наш болгарин, умерли бы. Я тебе говорю – трава одна и жасмин... Эта деревня Бородино называется.) Значение понятия "крестьянское селение" оказывается культурно детерминированным; кроме основного значения "способ расселения" в нём отражается опыт ведения хозяйства и отношение к труду, что является значимым для болгарина.

Следует отметить, что сохранению этнического самосознания болгар Украины, как и у других народов бывшего СССР, способствовала советская паспортная система, где обязательным было указание национальной принадлежности владельца паспорта, которая определялась по национальности родителей (или одного из них).

В постсоветское время национальную идею поддерживают организации, построенные по этническому признаку. В условиях социальной нестабильности восприятие себя как части определённого этноса и владение языком этнической группы часто выступают в роли консолидирующих факторов, что выражается в сохранении региональной культурной самобытности. На Украине создана Ассоциация украинских болгар, которая имеет отделения во всех регионах проживания болгар, а также и в отдельных селах. Ассоциация провела уже два всеукраинских собора

inslav

болгар, на которых присутствовали и гости из Болгарии. Цель этих соборов – сохранение национальной истории, традиций и культуры болгарской диаспоры. На юге Одесской области, а также и в областном центре зарегистрированы болгарские культурно-просветительские общества, пропагандирующие родной язык диаспоры и прилагающие все усилия для его сохранения в данном регионе. Например, программным пунктом Болградского общества им. Кирилла и Мефодия значится развитие культуры придунайских болгар через пропаганду родного языка. Открытие Болгарского культурного центра в Одессе, где процент болгарского населения относительно мал (всего 1,7%), даёт возможность привлечь внимание государственных инстанций к проблемам болгарской диаспоры и ожидать их скорейшего решения. На очередной конференции Ассоциации болгарских национально-культурных обществ и организаций Украины 25 февраля 2000 г. было принято решение обратиться в Министерство образования Украины с предложениями, чтобы в населенных пунктах с компактным проживанием болгар учебно-воспитательный процесс осуществлялся на болгарском языке; общеобразовательным школам в таких населенных пунктах должен быть придан статус школы с родным языком обучения. Было предложено по мере становления национальной болгарской школы добиться открытия вуза с болгарским языком обучения в г. Болграде (для этого Министерство образования Украины должно разработать программу совместно с Министерством образования и науки Болгарии).

Посильную помощь в поддержании национального духа оказывает болгарское государство, с большим интересом относящееся к истории и современности своих соплеменников за пределами страны. Многие специалисты из Болгарии приехали работать на Украину, чтобы поддержать болгарскую диаспору, так много сделавшую для освобожденной Болгарии в период строительства молодого государства. В Измаиле функционирует болгарский бизнес-центр, созданный генеральным директором добричской фирмы “Екострой”. Усилиями этой же фирмы и при личном содействии г-на М. Стоева была восстановлена церковь Святой Троицы в с. Лощиновка. В школах и вузах области работают методисты и преподаватели болгарского языка, в Болградской гимназии хореограф преподаёт национальные танцы. Болгария ежегодно принимает на обучение студентов из Бессарабии, помогает обмену между группами школьников, присылает учебные материалы, художественную литературу.

inslav

3. СОХРАНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КУЛЬТУРЫ

В основе сохранения болгарской национальной идентичности лежит приверженность к традиционному виду хозяйствования – овощеводству. Подавляющее большинство болгар, переселившихся в Россию, были крестьянами. За прошедшие два столетия социальный состав болгар Одесской области значительно не изменился: городские жители составляют около 16%.

С гордостью говорят болгары о том, что именно благодаря их дедам и прадедам бессарабская земля была освоена и стала приносить высокие урожаи. Производство и реализация сельскохозяйственной продукции приносили им благополучие как в царское время, так и в советские времена. В Бессарабии было несколько коллективных хозяйств-миллионеров, и уровень жизни в болгарских селах советского периода был довольно высок. В настоящее время трудности переходного периода вынуждают многих болгар, особенно молодежь, уезжать в города, выбирать нетрадиционные сферы деятельности.

В условиях распространения городской субкультуры, которая унифицирует различные стороны жизни общества, исчезают многие элементы материальной культуры. Болгары давно уже отказались от своей национальной одежды, за исключением старшего поколения, которые еще сохраняют некоторые ее элементы. Так, женщины носят платок, повязанный определённым способом, как головной убор, а мужчины – жилет и красный пояс.

Традиционная обрядность и фольклор уже не занимают, конечно же, тех позиций, которые они имели в прошлом. Однако старшее поколение многое помнит из прошлой жизни, и частично это знание передается молодым. Особенной популярностью пользуются сурвакари и коледари, которых можно встретить во время Рождественских праздников. 14 февраля болгары отмечают Трифоновден – праздник виноградарей. 1 марта детям, взрослым и даже домашним животным завязывают мартеницы. В преддверии Пасхи в болгарских домах собирают несметное количество яиц для пасхальных калачей. Среди молодёжи есть любители и знатоки устного народного творчества и национальной музыки. Многочисленные фольклорные группы различного уровня – от профессиональных и до любительских – поддерживают традиционную культуру.

Между тем в Бессарабии в течение 200-летнего изолированного развития сложились и свои самобытные фольклорные произведения. Так, все болгары Одесской обл. знают песню “Заколи

inslav

ми черна кокошка", местные жители говорят, что она бессарабская по своему происхождению. Одним из подтверждений саморазвития национальной культуры и ее ярким выражением служит появление собственных писателей и поэтов, пишущих на родном языке. К числу наиболее известных относятся П. Бурлак-Вылканов, Т. Стоянов, Н. Стоянов и др. Их произведения на болгарском языке печатают в болгарской периодике, а книги выпускают главным образом в Молдавии.

Отмирание некоторых традиционных черт духовной культуры не коснулось **религии**. Как известно, болгары исповедуют православие, и в каждом крупном болгарском поселении прихожане строили церкви. В советское время многие из них были взорваны или превращены в склады и спортзалы. Несмотря на антирелигиозную пропаганду, болгары сохраняли веру, посещая немногие, избежавшие разрушения, церкви в с. Делены и с. Главаны Арцизского р-на, Чийшийскую церковь, а также тайком ездили в большие города крестить детей. Иногда для религиозных нужд приспосабливалось какое-либо другое помещение, например бывший детский сад, а функции священника выполнял кто-нибудь из односельчан преклонного возраста, пользующийся уважением среди сограждан. Он крестил детей или отпевал усопших (подобное мы наблюдали в с. Криничное в 1993 г.). В настоящее время разрушенные церкви в с. Нагорное Ренийского р-на, селах Жовтневое, Криничное и Зализничное Болградского р-на восстановлены или восстанавливаются. Среди местного болгарского населения существует поверье, что тех, кто принимал участие в разрушении церквей, настигла или обязательно настигнет божья кара, поэтому в их восстановлении принимают активное участие болгары, которые когда-то выполняли кощунственный приказ властей [5]. В болгарских сёлах живут и энтузиасты, внёсшие свою посильную лепту в возрождение традиционного вероисповедания. Например, фрески церкви Св. Георгия с. Виноградовка (Арцизский р-н) были воссозданы бывшим учителем рисования. Сейчас практически во всех селах есть действующие церкви, возрождаются христианские праздники и связанные с ними обряды и обычаи.

4. РОДНОЙ ЯЗЫК

Проведенные нами в 1993, 1997 и 2000 гг. социолингвистические обследования болгар показали, что почти все представители болгарской диаспоры говорят на болгарских диалектах и практи-

inslav

чески все болгары являются билингвами, свободно владея и русским языком. Для некоторых болгар русский язык стал родным. Так, по имеющимся данным официальной переписи по Измаильскому р-ну, из 14 072 болгар, проживающих в районе, в качестве родного назвали язык своей национальности 13 230 чел. (или 94%), для 737 чел. (или 5%) таковым стал русский и для 49 чел. (или 1%) – украинский. Болгарское население г. Измаила, составляющее 8 609 чел., не имеет достаточных условий для сохранения родного диалекта, поэтому 4 611 чел. (или 54%) в качестве родного указывают русский язык и 3 832 чел. (или 45%) – болгарский язык. В настоящее время болгары овладевают государственным украинским языком.

Болгарские говоры широко используются в качестве основного разговорного языка в болгарских селах. Очень часто информанты-болгары подсознательно (как считают сами) определяют, что их собеседники – соплеменники. Для этнических болгар коммуникация, ведущаяся на диалектном языке, – способ установления более дружеских, доверительных отношений и неофициальных контактов. Беседа на болгарском диалекте является главным способом манифестации принадлежности к одной и той же этнической и социальной группе. Коммуникация проходит более непринуждённо, между собеседниками устанавливается взаимопонимание на основе того, что они говорят "със свой чуляк". Местные болгарские диалекты не маркированы по признаку престижности/непрестижности среди представителей болгарской этнической общности юга Украины, в отличие от диалектов метрополии. Толерантность по отношению к говорящим на различных болгарских диалектах проявляется в том, что процесс общения не прерывается и не наблюдается смена языковых кодов. Нужно отметить, что говоры Одесской области восходят к восточной группе диалектов, различия между ними не столь существенны, чтобы препятствовать взаимопониманию.

Диалектной базой современного болгарского литературного языка также послужили восточные говоры, однако это не значит, что между языком бессарабских болгар и болгар метрополии нет существенных различий. Изолированное развитие бессарабских болгарских говоров в окружении родственных языков (русского и украинского) сказалось прежде всего на лексике: многие диалектизмы, вышедшие из употребления в самой Болгарии, сохраняются в местных говорах, кроме того, большое влия-

inslav

ние оказывал и продолжает оказывать русский язык[3]. Многие русские слова осознаются болгарами болгарскими и широко используются, причем это касается не только лексем, обозначающих новые реалии, но и базовый словарь (например, *ран'ши, щас, очень* и др.). Частотность употребления русской лексики такова, что иногда складывается впечатление, что болгары говорят на смешанном языке. Между тем жители метрополии, которым было предложено охарактеризовать прослушанные фрагменты речи, квалифицировали их как образцы диалектной речи или болгарской речи с вкраплениями элементов русского языка.

Болгары, как уже отмечалось выше, проявляют заботу о сохранении родного языка, стремятся к "болгаризации" речи за счет внедрения и распространения литературного языка метрополии. Следует признать, что позиции болгарского языка в отношении межпоколенной ретрансляции в последнее время упрочились за счет разрушения советской системы детских садов. В настоящее время маленькие дети воспитываются в семьях, где общение, как правило, протекает на болгарском и русском языках. Школа же никогда не играла какой-либо существенной роли в деле сохранения языка переселенцев. Архивные данные свидетельствуют о том, что с 40-х годов XX в., когда началась кампания по борьбе с неграмотностью среди бессарабского населения, среди школ не было ни одной с болгарским языком обучения. В "Сведениях о количестве учащихся по Измаильской области по национальностям" за 1944 /45 учебный год в графе "язык обучения" значатся только русский, украинский и молдавский языки. Учителя были в основном приезжие, направленные работать в школы по распределению. На тот период из 159 учителей района всего 13 человек были этническими болгарами [8].

Школы с болгарским языком обучения не существует и до сих пор. В Болграде функционирует уже несколько лет болгарская гимназия, учиться в ней могут не только болгары, но и дети любой другой этнической принадлежности. Гимназисты помимо общеобязательных предметов изучают болгарский язык и литературу, в филологических классах более углубленно, однако все остальные предметы, включая предметы гуманитарного цикла,

[3] Общая характеристика бессарабских говоров основывается на анализе записей разговорной речи, результаты которого представлены в [6, 7]. Записи выполнены в тех селах, где нет и не было украинского населения, поэтому в данной статье вопрос о влиянии государственного языка Украины на бессарабские говоры не обсуждается.

inslav

преподаются на русском или украинском языках. В Каменском учебно-воспитательном объединении болгарский язык и литература также изучаются как школьный предмет. В 2001 /2002 учебном году впервые был набран класс с болгарским языком обучения[4]. Судя по откликам ("Роден край", № 603), родители в целом довольны, поскольку дети говорят в школе на том языке, на котором они обычно разговаривают дома, за счет чего первоклашки быстрее привыкают к школе, более доверительные отношения складываются у них с педагогами. По словам директора УВК, подобного рода классы можно открыть в любой школе области, если наберется не менее восьми детей, родители которых хотят, чтобы их дети обучались на родном языке. Однако эта инициатива пока не нашла широкой поддержки среди украинских болгар.

Во всех болгарских селах, т.е. в школах с преобладающим составом учеников болгарской национальности, языком обучения остается русский. В последнее десятилетие в школьные программы в сетку часов как предмет или факультатив включается болгарская словесность. В некоторых селах приходится отказываться от преподавания литературного болгарского языка в связи со сложившейся там этноязыковой ситуацией. Так, в с. Старые Трояны болгарское население ассимилировалось гагаузским, поэтому в 1998 /1999 учебном году было принято решение вместо факультатива по болгарскому ввести факультатив по гагаузскому.

Подготовка специалистов по болгарскому языку ведется в вузах Одесской области. Так, болгарские группы существуют в Одесском государственном университете им. И.И. Мечникова, в Одесском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского, в Измаильском государственном гуманитарном университете. Ежегодно в Институтах усовершенствования учителей Болгарии проходят специализацию педагоги из Одесской области.

Между тем современная ситуация, сложившаяся на рынке труда, отнюдь не способствует распространению литературного болгарского языка. Если в первые годы введения болгарской филологии в Измаильском педуниверситете наблюдался конкурс и желание болгарской молодежи овладеть литературным языком,

---

[4] В процессе обучения используются все три языка региона: на болгарском языке проводятся занятия по родному языку (чтение и письмо), по музыке и рисованию, на украинском проводятся занятия по украинскому, а русский служит языком обучения на уроках физкультуры(!).

inslav

то со временем интерес к профессии болгариста заметно упал. Вот уже второй год на факультете иностранных языков нет набора в англо-болгарскую группу. Болгарский язык изучается также на факультете украинского языка, однако количество студентов на курсе, изучающих болгарский, не превышает 15 человек, на младших курсах и того меньше – не более 10. Вызвано это главным образом тем, что молодежь с высшим образованием, как правило, стремится уехать в город, получить более престижную и высокооплачиваемую работу, а с болгарским литературным языком можно устроиться только в сельскую школу или клуб. Пространство функционирования болгарского литературного языка очень ограниченно.

Потребность в средствах массовой информации на национальном языке удовлетворяется путем издания местной прессы, а на уровне государства – культурно-просветительской газеты "Роден край", которая является приложением к газете Верховной Рады "Голос Украины". На Одесском государственном телевидении существует программа на болгарском литературном языке "Роден край", которая выходит один раз в неделю по 1 часу.

Газета "Роден край" интересна тем, что на одной странице соседствуют тексты на болгарском, русском и украинском языках: "*ЦИК Украины зарегистрировал*" и "*Чуждестранни наблюдатели в Украйна*" (№ 5 от 21.12.02), "*Розпорядження голови Верховної Ради України*" и "*Смертная казнь в Украине отменена окончательно*" (№ 50 от 14.12.02). В рубрике "От живота на популярните личности" чаще всего печатаются материалы на русском языке ("*Что подарили Иосифу Кобзону?*" (№ 44 от 3.11.01, с.7), "*Сергей Жигунов любит помахать косой*" (№ 4 от 6.16.01, с. 7)), но встречаются и написанные на болгарском языке ("*Мечтата на Синди Крофорд*" (№ 43 от 27.11.01, с. 7)). В издании приемлемыми оказываются и материалы на украинском языке: в № 40 от 6.11.01 на стр. 5 напечатана большая статья "*Хан Кубрат – володар великої Булгарії*", и такие примеры попеременного использования языков в публицистических текстах этого печатного органа мы находим в каждом номере. Наиболее интересными, на наш взгляд, являются случаи употребления двух языков в пределах одной статьи. В № 44 от 3.11.01 после названия рубрики "*9 ноември – Ден на украинския език и писменост*" следует текст на украинском языке "*Українська мова – це пісня душі*", а в № 42 от 20.11.01 на стр. 3 расположена редакторская статья Доры Костовой с болгарским названием "*Етносоциалната са-*

inslav

мобитност – актуален аспект", где как подзаголовки используются украинские выражения "*Етнічні культури України: стан, проблеми, перспективи*", "*Поліетнічність і культура в сучасній Україні*", "*Культурно-мистецька акція "Всі ми діти твої, Україно*". Все эти примеры отражают полиязычную "среду обитания" болгар, которые должны в зависимости от ситуации и задач уметь пользоваться тремя языками.

В текстах газет, издаваемых в регионе и написанных на литературном болгарском языке, находим достаточное количество примеров, где после болгарских лексем в скобках даются переводы на русский язык: "*...за да оживеят, са яли* ***лалугери*** (***суслики***)...", "*Ако подбереш подходящ* ***чорапогащник*** (***колготки***), *ще бъдеш върхът!*" ("Роден край", № 44 от 3.11.01, с. 6, 9). Довольно часто русские заимствования в болгарской речи используются в целях эмфазы или несут дополнительные коннотативные значения, напр.: "*и той ас ми са нравиши...ни аз б'ах тожи* ***серин'кая мышка*** *ф класа и затва ас никъга ни му казвах...*". Эти факты служат подтверждением того, что в качестве литературного языка для болгар юга Украины служит русский язык.

В заключение отметим, что стремление украинских болгар сохранять и развивать свой язык и культуру сталкивается с жесткими условиями, продиктованными современной экономической ситуацией, в которой болгарскому языку практически нет места в сфере трудовой деятельности за исключением сельского хозяйства. В подобном положении в современных обществах с развитой и переходной экономикой находятся практически все миноритарные языки[5]. Болгарский язык на Украине будет существовать и развиваться, пока существует болгарское крестьянство, и он будет долгое время сохранять специфические черты островного языкового диалекта. Возможно, в будущем можно будет говорить о замещении некоторых заимствованных слов из русского лексемами болгарского литературного языка, но вряд ли это явление получит широкое распространение. В настоящее время в регионе социально значимым является государственный украинский язык, и с каждым годом его влияние будет более ощутимым. Массовое трехъязычие – это ближайшая реальность, в которой будет жить молодое поколение болгар и это, наверное, главная отличительная черта украинской болгарской общности.

---

[5] Концепцию о языке как деятельности (praxis), которая имеет свой рынок, развивал П. Бурдье [9]. Речевая деятельность, по мнению ученого, как и любая деятельность, строго подчиняется структуре рыночных отношений.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

1. Десять тезисов // Камбана. 1994, № 2.
2. *Наулко В.И.* Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975.
3. *Бернштейн С.Б., Чешко Е.В., Зеленина Э.И.* Вступительная статья // Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958. С. 9–16.
4. Роден край. 1997. № 2.
5. Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. Одесса, 1998.
6. *Парфенова О.С.* Лингвостатистическое исследование социальной вариативности болгарской речи билингвов // Методы социолингвистических исследований. М., 1995. С. 260–280.
7. *Парфенова О.С.* Функциональная характеристика элементов русского языка в болгарской речи // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., 2000. С. 35–60.
8. *Деркач Е.П.* Языковое образование в школах региона. Рукопись.
9. *Bourdieu P.* The Economics of Linguistic Exchange // Social Science Information. 1977, N 6. P. 645–668.

А.Ф. Журавлев

(Россия)

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ

(slavo-ossetica)

Статья 1

Межъязыковые штудии, имеющие дело с лексическими параллелями, характеризуются прежде всего сравнительно-исторической направленностью и преследуют целью выявление либо генетических соответствий – материальных свидетельств родственной близости между данными языками, либо заимствований – результатов контактного обмена (наиболее яркие образцы таких лексических сравнений представляют этимологические словари целых языковых групп и семей; обширные лексические сближения в несловарных жанрах могут быть показаны, например, работами Порциг 1964; Гамкрелидзе–Иванов 1984; Дзендзелівський 1969). Гораздо реже в сравнительно-исторических исследованиях встречаются более или менее объемные лексико-семантические сближения, уже не обязательно имеющие дело с этимологически родственными (тождественнолексемными) фактами; как правило, этот материал, показывающий подо-

inslav

бие смысловых мотивировок и сходство (тождественнолексемных и разнолексемных) семантических эволюций в родственных языках, служит дополнением к выявленным "обычным" лексическим связям (как, например, в работах Непокупный 1976: 54–90; Эдельман 2002: 156–166).

Другое направление представляют в общем немногочисленные работы "инвентаризующего" характера, авторы которых не ставят перед собою непосредственно лингвоистористических (в частности, сравнительно-исторических – компаративистских) целей, хотя при этом отмечается или специально обосновывается большая значимость подобных наблюдений для собственно этимологических задач: разработка диахронической семантической типологии давно выдвинута в число насущных потребностей историко-лингвистического исследования (см. программную статью Трубачев 1964). Основная цель работ семантико-типологического направления – установление ономасиологических посылок, господствующих в той или иной лексической подсистеме, и преобладающих путей семасиологического развития лексики (см.: Buck 1949; Schröpfer 1979-; идея создания "каталога семантических переходов", кроме упомянутой работы О.Н. Трубачева, обсуждается в статье Зализняк 2001).

Весьма немногочисленны также сопоставительно-семантические исследования, имеющие дело специально с двумя языками (или двумя группами языков), родственных или не являющихся таковыми.

Предлагаемая настоящей статьей серия наблюдений над семантическими сходствами в осетинском и славянских языках относится к работам именно такого рода. За основу для наблюдений взят ставший классикой нашей иранистики "Историко-этимологический словарь осетинского языка" Василия Ивановича Абаева.

В нижеследующих заметках затрагиваются общность в семантической мотивированности словесных обозначений (словообразовательный параллелизм, понятно, не обязательно выражается материально родственными морфемами), случаи подобия в семантическом устройстве фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний (то есть ономасиологические параллели), сходная метафорика (то есть семасиологические параллели), реже – общие семантико-прагматические эффекты (например, уподобляющее приобретение словами положительных или отрицательных коннотаций, сходные случаи табуистических замен) и проч.

inslav

В предлагаемых заметках нет ориентации на уникальные схождения, на эксклюзивные семантические "изоглоссы". Во-первых, всякая видимая исключительность должна быть под подозрением: даже если смысловые параллели в каких-либо третьих языках не выявлены, редко можно поручиться за то, что мы действительно имеем дело с неповторимым сходством. Во-вторых, эти наблюдения носят характер поиска скорее семантико-типологической общности, чем контактных или тем более генетических сближений: представляется важным показать разные области семантического параллелизма, обнаружить меру специфичности/тривиальности смысловых аналогий, косвенно – меру распространенности тех или иных моделей лексико-семантического развития в разных языках. Наблюдения носят, конечно же, выборочный, этюдный характер: исчерпывающие выявление и показ параллелей хотя бы в одном "втором" языке (например, в русском), не говоря уже обо всей обширной славянской группе, решительно невозможны. Славянские (большей частью русские) семантические параллели, которые были привлечены самим Абаевым в качестве внешних аналогий, доказательных для того или иного выдвигаемого этимологического решения, оставляются в стороне.

В начале каждого из нижеследующих параграфов-этюдов воспроизводятся заголовки словарных статей ИЭСОЯ (с опущением, в глагольных статьях, причастных форм на *-d*, *-t*). Вертикальной чертой разделяются восточная иронская (слева) и западная дигорская (справа) формы; одиночная форма, если она не сопровождается территориальной пометой, принадлежит обоим диалектам.

abon | aboni 'сегодня' (ИЭСОЯ I: 24). Из *a* 'этот' и *bon* 'день'. Кроме приведенных Абаевым сходных по устройству др.-инд. *a-dyá* 'сегодня', ягнобск. *a mét* 'в этот день', гурани *ā-rō, ā-rū* 'сегодня' (см. еще: ЭСИЯ 1: 66), в его словаре, написанном по-русски и часто апеллирующем к "русскому" языковому сознанию, для полноты и наглядности аргументации стоило, наверное, упомянуть русск. *сего-дня*, ср. также *сей-час* (слав. **sego dьne*, **sъjь časъ*) и под. (Фасмер III: 589: *сегодня, сегда*; I: 519: *днесь*). Впрочем, весьма стандартный и малоинтересный в плане мотивации случай, ср. лат. *hodiē* 'сегодня' – сращение *hīc* 'этот' и *diēs* 'день', аналогично литов. *šiañdien*, нем. *heute*, др.-верх.-нем. **hiu tagu*, др.-англ. *hēo-dœg* (Kluge$_{20}$: 307) и т.п. (см.: Buck 1949: 998).

inslav

agajyn | **agajun** 'трогать, задевать', 'пускать вскачь (лошадь)', 'пускаться вскачь; помчаться' (ИЭСОЯ I: 34). Абаев обращает внимание на русскую семантическую параллель – *трогать* 'касаться' : 'отправляться в путь' (чаще при понукании, в повелительном наклонении) (Ушаков IV: 803), *трогаться с места*, – и присоединяет к ней серб.-хорв. *kȁsati* 'бежать рысью'. Сербское слово, означающее также 'торопливо идти' (РСА, IX: 315; RJA IV: 879), привлечено Абаевым, пожалуй, не совсем по назначению: у этого глагола, как и у ближайших южнославянских соответствий – словен. *kasati* 'идти потряхивая головой (о лошади)' (Pleteršnik I: 389) и макед. *каса* 'бежать рысью' (Толовски–Иллич-Свитыч: 209) – отсутствует семантический момент 'начала движения' (и тем более 'побуждения к началу движения'), столь существенный в значениях осетинского и русского слов. [Связь значений 'касаться' и 'бежать, торопливо идти', обнаруживающуюся в приведенной южнославянской лексике, толковательные попытки этимологических словарей (см.: Skok II: 56–57; Snoj$_2$: 262; ЭССЯ 9: 155–156: "'бежать'..., т.е. 'лететь, едва касаться земли'") оставляют недостаточно проясненной. Но, кажется, она допускает довольно простое понимание при обращении к одному из периферийных экспрессивных значений родственного глагола **česati*, находимому в некоторых славянских языках, – 'быстро идти, бежать, торопиться'; разграничение В. Махеком (1) **česati* 'чесать' и (2) **česati* 'бежать, спешить' (Machek$_2$: 100) признается неубедительным (ЭССЯ 9: 87)] Тем не менее славянский глагол **kasati* (*sę*), по-видимому, может иметь отношение к семантическому фокусу, показанному в ИЭСОЯ осетино-русским сравнением. Ср. выражения *касатися пути* (*путеви*), *касатися путного шествия* 'отправляться в путь' ('начинать движение'), отмеченные в русских памятниках XVI–XVII веков: во Львовской летописи, "Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков", "Книге степенной царского родословия", "Повести князя Ивана Михайловича Катырева Ростовского" (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 86; 21: 68) и имеющие аналоги в сербско-церковнославянских текстах. Если принять во внимание близость фразеологизмов *тронуться в путь, тронуться с места* – и *взять / брать с места* (например, *...в карьер*), то выявится, что в очерчиваемый смысловой узел вплетаются и выражения *путь взяти* 'отправиться в путь' ("Grammatica Russica" Лудольфа), *пути ятися* то же (Успенский сборник) (СлРЯ XI–XVII вв. 21: 68). При всех фонетических

inslav

трудностях, доставляемых этимологам русским *трогать(ся)*, сюда же нужно подключить болг. *тръгвам* 'отправляться, трогаться', 'начинаться' (см. о болгарском слове: Георгиев 1958: 32–33). Хочется думать, что в основе значений 'начать движение' лежит идея 'толчка', 'касания' (→ 'понуждение к движению'), но сочетания с *взять, брать, ятися* заставляют видеть семантически более широкую мотивную базу. Славяно-осетинская параллель не является специфичной, ср. нем. *rühren* (*an* + Acc.) 'дотрагиваться, касаться': *sich rühren* 'двигаться, шевелиться' (*Rühr dich nicht von der Stelle!* 'стой! ни с места!', франц. *toucher* 'трогать, (при)касаться, дотрагиваться' – *toucher des bœufs* 'погонять быков', литов. *kušė́ti*, *kùšinti*, 'двигаться' – 'прикасаться' (о балтийской лексике подробнее см.: Топоров ПЯ 2: 47–48).

arvyrdyn 'радуга', буквально 'небесный лук' (ИЭСОЯ I: 71). Сложение *arv* 'небо' (из иран. **abra-* 'облако') и *rdyn* 'лук (оружие)'. Подобная мотивация известна славянским языкам. Праслав. **lǫkъ* в значении 'радуга' отражается, по Н.И. Толстому, в окраинных зонах распространения сербско-хорватского языка, в македонских диалектах (нередко в сопровождении прилагательного **božьjь* 'божий') и – единичной регистрацией – в Польше, в северноленчицкой зоне. В разных диалектах сербско-хорватского языка отмечено и полное смысловое соответствие осетинскому названию 'радуги' – *luk nebeski* (Толстой 1997: 174, 175). В плане семантической типологии ср. лат. *arcus* 'лук (оружие)' и *arcus* (*coeli*) 'радуга' (у Плиния Старшего, Тибулла, Проперция). См. также: SP IV: 194–195.

arvy ron 'радуга', буквально 'пояс неба' (ИЭСОЯ I: 72). Соединение *arv* 'небо' и *ron* 'пояс' (из иран. **rāna-* 'поясница', 'бедро'). Метафора 'пояс' → 'радуга' хорошо известна славянским и балтийским языкам (Толстой 1997: 181–186; Букринская – Кармакова 1995: 96, 98, 99; Непокупный 1969; Непокупный 1976: 64–66; Страхов 1983; Алинеи 1988). "Как правило, на славянской почве при манифестации семемы 'радуга' лексема *+pojasъ* выступает не самостоятельно, а с определением-прилагательным типа *+božьjь*, *+babinъ*, *+gospodьnъ*, *+bogorodičьnъ* и т.п." (Толстой 1997: 181). Однако полное смысловое соответствие осетинскому случаю, при естественных грамматических расхождениях, представляет собою лишь полесск. *nāc na nébʼe* 'радуга' (д. Шестовичи Петриковского р-на Гомельской обл., западнее Мозыря, запись 1962 г. – Толстой 1997: 184). Метафора 'пояс' → 'радуга' не является специфичной для индоевропейских языков. В тюркских, например, языках слова *қур* и *қуршак* / *қушак* 'пояс, кушак; завяз-

inslav

ка, тесьма' "в составе различных словосочетаний употребляются для наименования радуги" (ЭСТЯ 2000: 152).

[2]**axsyn** (ирон.) 'створаживать, -ся', 'свертываться (про молоко)', 'запекаться (про кровь)' (ИЭСОЯ I: 93). По Абаеву, этимологически тождественно с [1]*axsyn* 'ловить', 'захватывать'. Связь значений 'ловить' ('хватать') и 'створаживаться' он чрезвычайно неудачно объясняет через предполагаемое "промежуточное" семантическое звено 'вылавливать творог из молочной сыворотки'. В связи с данным случаем я позволю себе привести цитату из моей монографии: "В индоевропейских семантических реконструкциях корню **tu̯er-* / **tu̯or-* приписывается значение 'хватать, охватывать'... [Pokorny I: 1101]. Семантический спектр балто-славянских продолжений этого корня подводит к мысли о том, что в основе развившихся значений 'творить, создавать; формовать' (слав. **tvoriti* и его производные) лежит идея 'сгущения, уплотнения, отвердения, с х в а т ы в а н и я' (например, при створаживании молока, свертывании крови, ср. поздние словосочетания *цемент, раствор схватывается*). Отсюда берут начало слова *творог* (*тварог*) (праслав. **tvarogъ*), *твёрдый, твердь* (праслав. **tvьrd-*), литов. *tvìrtas* 'крепкий, сильный', латыш. *tvirts* 'твердый, прочный'. Сходное семантическое движение ('ловить, хватать' → 'схватываться, оплотняться' → 'створаживаться, скисать') обнаруживается, например, в укр. диал. *лови́тися* 'браться, хвататься', но и 'скисать, густеть (о молоке)' [Гринченко II: 374; Прокопенко 1972: 439], в осетин. *axsyn* 'ловить, схватывать', 'занимать', 'арестовывать' и т.д., но и 'скисать (о молоке)', 'свертываться (о крови)' [Аникин 1988: 51–52]... Близки этим семантическим фактам глагольные значения осетин. **ærǧævsyn**, **ærǧæfsyn** | **ærǧæfsun** 'зябнуть', 'коченеть' (к основе "начинательного" вида **graf-s-* из **grab-s-* от **grab-* 'схватывать' [ИЭСОЯ II: 406–407]), в выражениях русск. *лед* (*на реке, озере, в луже*) *схватился*, франц. *la riviére est prise* 'река замерзла', буквально 'схвачена'" (Журавлев 2005: 553–554). Приведенные параллели могут быть расширены за счет болг. *хваща кора* 'покрыться ("схватиться") корой' и, возможно, еще двух осетинских примеров. Глагол **lasyn** | **lasun**, рассматриваемый во II томе ИЭСОЯ (: 14–15), кроме значений 'везти', 'тащить, волочить', 'увлекать, уносить', 'вытаскивать, извлекать', 'снимать (одежду)', 'весить', в дигорском диалекте передает также значения 'скисать', 'свертываться (например, о крови)'. Для этого этимологически затруднительного слова Абаев предполагает происхождение от распространен-

inslav

ной в языках восточноиранской группы, куда входит осетинский, основы *nas- 'брать; хватать' (инхоативная форма к *nam-, индоевроп. *nem-). Если эта этимология достоверна, то дигорский инцептивный глагол показывает те же векторы семантического развития, что и его иронский эквивалент *axsyn*.

axxæræg (ирон.) 'матица', 'главная потолочная балка' (ИЭСОЯ I: 94). Сложение, во второй части которого усматривается основа *xæræg* 'осел'. Абаев объясняет эту метафорическую мотивировку следующим образом: "'несущий на себе тяжесть' – семантика, основанная на обычном использовании осла как в ь ю ч н о г о животного", и указывает, что опорные к о з л ы при сооружении плотины и к о б ы л к а на скрипке, поддерживающая струны, также называются *xæræg* 'осел', но уже русские эквиваленты этим осетинским метафорам, отсылающие к названиям других домашних животных, вовсе не обязательно используемых в качестве грузового транспорта (козел), толкают к иному осмыслению тропа. Весьма отчетливую семантическую аналогию осетинскому строительному термину представляют собою восточнославянские народные термины – русск. диал. *конь* 'стык двускатной крыши, верхняя слега или балка на нем; конек', *конёк* 'продольный брус на гребне крыши', орловск. *конёчек* 'матица потолка', костром. *коно́к* 'стык двускатной крыши, конек' (СРНГ 14: 250–251, 254, 275), укр. диал. *коне́к* 'конек крыши' (Лисенко 1974: 103), белорус. диал. *канёк* 'конек крыши' (СПЗБ 2: 396); свердл. *кобы́лина* 'потолочная балка' (СРНГ 14: 19). В русской деревянной архитектуре обычны резные украшения фронтонного конца матичной балки в виде головы животного, чаще всего лошадиной, иногда – изображением гуся и других птиц (Бломквист 1956: 106). Д.К. Зеленин предполагает, что это – "воспоминание о черепах животных, приносившихся в жертву" (Зеленин 1991: 296). Подробнее см.: Байбурин 1983: 89–90, где в связи с конструкцией избяной крыши и ее терминологией упоминается также космическая ("солнечная") символика коня. Соблазн увидеть в русских и осетинском названиях верхней балки мифологическую подоплеку велик; но так ли уж она обязательна? всякая ли старая метафора взывает к мифологии?

ædemonæj, ædemontæj (дигор.) 'безотчетно, необдуманно' (ИЭСОЯ I: 105). Реконструируется как **a-daiman-*, буквально 'не посмотрев' (**a-* приративная частица и авест. *daeman-* 'глаз', 'взгляд', от *day-* 'смотреть'). Ср. русск. *безоглядно, неосмотрительно*, серб.-хорв. *несмотрен* 'неосмотрительный', чешск.

inslav

neohlížeje se 'безоглядно', польск. *neopatrznie* 'неосмотрительно' (*patrzeć* 'смотреть') и под. Развитие значений от '(не) смотреть, видеть' к '(не) продумывать, просчитывать, планировать; (не) предвидеть, провидеть' довольно стандартно, ср. лат. *improvide* 'неосмотрительно, неосторожно' в связи с *video* 'видеть; быть зрячим', нем. *unvorsichtig* 'неосмотрительный, неосторожный' – к *sehen* 'видеть', 'смотреть' (пусть калька) и под.

æʒæskom 'бессовестный, бесстыдный' (ИЭСОЯ I: 107). Соединение негативирующей частицы *æ-* со словом *cæskom* 'лицо' ('глаз' + 'рот'); буквальное значение целого – 'лишенный лица'. В славянских языках (как, впрочем, во множестве других) подобные образования с оценочной "нравоописательной" семантикой от названий частей тела (лица прежде всего) составляют некий стандарт (см.: ЭССЯ 2: 13; Журавлев 1999: 19, 27). С данным случаем ср. польск. *bezczelny* 'бесстыжий, наглый', непосредственно – 'безлобый', укр. *безчíльний* 'бесстыжий' (Дзендзелівський 1987: 163; возможно, полонизм) – от *czoło, чоло* 'лоб'; праслав. **bezčelьnъjь* (ЭССЯ 2: 15). Обильны славянские обозначения 'бесстыдства, наглости' соединением префикса **bez-* с корнем **ok-* (**oč-*) 'глаз': **bezočitъ* (с отражениями в старославянском, сербско-хорватском, словацком), **bezočivъ(jь)* (в старославянском, чешском, словацком), **bezočьnъ(jь)* (в болгарском, сербско-хорватском, словенском).

æfsæg 'шея' и 'перевал' (ИЭСОЯ I: 108). По Абаеву, материально "адыгизм". Ср. русск. *перешеек* (при всем различии между значениями 'перешеек' и 'перевал'). Семантическая модель весьма распространенная, ср. англ. *neck* 'шея' и 'перешеек', тюрк. **boːjn* 'шея' с отражениями в значениях 'седловина', 'перешеек' в кумыкском, башкирском, узбекском, тувинском, чувашском (СИГТЯ Лексика 1997: 234), чукотск. *иннын* 'шея' и 'перевал' и мн. др. О метафорических переносах анатомических названий в географическую терминологию подробнее см.: Мурзаев 1974: 126–135.

æfsūrğ | **æfsorq** 'чудесная порода коней (в эпосе, мифологии)' (ИЭСОЯ I: 112–113). Предположительно реконструировано как иран. **aspa-uγa* 'мощный конь' (с постпозицией определяющего). Эту же форму Абаев находит в скифском (сарматском) а н т р о п о н и м и к о н е, отождествляя ее с собственным именем родоначальника династии боспорских царей Ἄσπουργος (I век нашей эры). Никаких специальных средств выражения семантики обладания ('владеющий сильными конями, "мощноконный" ',

inslav

ср.: Абаев 1949: 157) в этом скифском имени нет, как их заведомо нет, например, в имени скифского военачальника и царя Τάξακις, толкуемом у Абаева как 'быстрый олень' (там же: 179, 184, 230), и оно может трактоваться как прозвище-метафора (или, скорее, отсвет тотемического племенного имени *sāka* 'олень' = 'скиф'). Поэтому нельзя ли увидеть некоторую отдаленную семантическую аналогию композиту **aspa-uγra* в восхваляющем эпитете к н я з я Всеволода Святославича в "Слове о полку Игореве" др.-русск. *буй-туръ*, *яръ туре* (вокатив) – с обратным по отношению к иранскому слову расположением определяемого и определяющего компонентов? Сходные имена хорошо известны древнегерманской эпической ономастической традиции (см., например: Топорова 1996).

æftyn | **æftujun** 'падать', 'заходить (о солнце)' [...] (ИЭСОЯ I: 115–117). Дигор. *xor raftudæj* 'солнце зашло', буквально 'упало, свалилось'. Ср. русск. *запад* 'страна света, куда вечером садится солнце', серб.-хорв. *зȁпад* 'запад', 'заход солнца' ← **padati*. Эта же идея 'падения' реализуется в лат. *occido* 'падать, валиться, рушиться' и 'заходить (о солнце)', *occidens* 'запад' ← *ob-* + *cadere* 'падать'. Она может выражаться и в синонимических подменах вроде булгаковского "...когда солнце, раскалив Москву, в сухом тумане *валилось* куда-то за Садовое кольцо...".

ældar 'господин', 'князь' (ИЭСОЯ I: 126–128). Абаев объясняет это слово как аланский военно-сословный термин, из сложения *arm* 'рука' и *dar-* 'держать', 'иметь'. Приводя из разных языков (персидского, турецкого, грузинского) слова, обозначающие властные отношения, правителей и проч. и семантически опирающиеся на идею 'руки' как символа власти (ср. лат. *manus* 'власть', русск. *в руки народа* и проч.), он не упоминает русск. *руководитель* (др.-русск. также *руководецъ, руководникъ, руковождь*), болг. *ръководи́тел*, серб.-хорв. *руковȍдилац*, являющиеся калькой с греч. χειρ-αγωγός 'руководитель' (ср. еще серб.-хорв. *рȕковати* 'заведовать, управлять'). К 'держать' ср. *держава, само-держец*, др.-русск. *держание* 'правление, управление', *держатель, держитель* 'правитель, властитель', *держиму быти* 'быть во власти чего-л.' (СлРЯ XI–XVII вв. 4: 223–226). Но ближе остального к сложению смыслов в осетинском слове фразеологизмы вроде *держать* (*себя*) *в руках* (ср. синонимичное *в л а д е т ь* (*собою*)), болг. *държа в ръцете си*, польск. *trzymać* [kogoś, coś] *twardą / żelazną ręką* и т.п. Далее ср. славянские сложения **rǫka* с глаголом **ęti*, **jьmati* 'брать', 'иметь, держать', сочетания

inslav

существительного **rǫka* с глаголом **bьrati*, в том числе в значении 'брать, приобретать власть; подчинять себе' (*брать в свои руки*) и под.

ælmærīn, ærmærīn (ирон.) 'локоть (мера длины)' (ИЭСОЯ I: 129); **cængærīnæ** (дигор.) то же (ИЭСОЯ I: 300). Соответственно – из *arm* 'рука' и *cong* 'рука' в первой части сложений и **ærīn*, которое само по себе значило 'локоть', во второй. Ср. русск. *локоть*, др.-русск. *локъть*, болг. *лакът* и прочие славянские факты того же свойства. Семантическое развитие 'часть тела (обычно конечности)' → 'мера длины' носит характер едва ли не универсалии (ср.: Романова 1975: 67): homo mensura.

æmbaj (ирон.) 'сверстник, ровесник' (ИЭСОЯ I: 134). "Восходит к иран. **ham-āyu* 'ровесник'. В первой части – префикс *ham* → ос[ет]. *æm*; во второй – *āyu-* 'возраст'". Слово устроено подобно префиксно-корневой части слав. **sъ-vьrst(-ьnikъ)*, русск. *с-верст(-ник)*: "*æm-*, *æn-* префикс, [этимологически] отвечающий русск. 'с-', 'со-'" (I: 133; ср.: Фасмер III: 540; ESSJ 1: 254), русск. *верста* стар. 'година, пора, степень, возраст' (Даль$_2$ I: 181), др.-русск. *вьрста* 'мера длительности (времени)', 'пора жизни, возраст' (СлРЯ XI–XVII вв. 2: 93), ст.-слав. врьста ἡλικία 'возраст' (Старославянский словарь: 123), болг. *връст* 'возраст', словен. *vŕsta* 'возраст'. Аналогична структура осет. **æmgar** | **ængaræ** 'сверстник, друг': *æm-* + *kar* 'возраст' (ИЭСОЯ I: 143). Ср. сложные слова для выражения того же понятия: литов. *bendraamžis* 'ровесник' – из *beñdras* 'общий' + *ámžius* 'возраст'; финск. *yhdenikäinen* – из *yhden-* 'равный, одинаковый' + *ikä* 'возраст', венг. *egykoru* – из *edy* 'один; единый, равный' и *kor* 'возраст' (русск. *однолетка, одних лет*).

ænʒaryn | **ænʒarun** 'поджигать', 'разжигать огонь' (ИЭСОЯ I: 158). "Из *æn-car-* (← **ham-cāraya-*), где *car-* (← *čaraya*) – каузатив к **cær-* 'жить'; *ænʒaryn* буквально 'оживлять', 'давать жизни'". Ссылаясь на работы W. Havers и E. Lewy, Абаев сам говорит о наличии смысловых аналогий в иных языках. Славянские данные, по-видимому, не привлекли его внимания. Между тем славянские языки, и особенно русский, дают богатый материал для семантических сравнений. Уже в словаре В.И. Даля отмечено архангельское выражение *разживлять огонь* 'поддерживать слегка, расшевеливая или подкладывая топлива' (Даль$_2$ IV: 30). По показаниям СРНГ (33: 342), глаголы *разживи́ться* 'разгореться', *разживля́ть*, соверш. *разживи́ть*, 'заставлять гореть, разжигать', 'поддерживать слабо горящий огонь' (точная структурная и се-

inslav

мантическая параллель осетинскому глаголу) и словосочетания *разживля́ть / разживи́ть огонь, разживля́ть ночью* ('ночной костер в лесу, состоящий из двух положенных одно на другое бревен'), *разживля́ть /разживи́ть самовар, разживи́ть* ('разогреть') *утюг* регистрируются на севернорусской территории – в архангельских, вологодских, северноуральских говорах, в Сибири и на территории Карелии; ср. еще арханг. *подживи́ть* 'подогреть (остывший чай, суп и т.п.)'. С русскими диалектными фразеологизмами – сибир. *живо́й огонь* 'огонь, горящий пламенем' и арханг. *живо́й уголь* (*уголек*) 'тлеющий горячий уголь' (СРНГ 9: 154) – перекликается лат. *vivus ignis* 'живой огонь, жар, горящие уголья' (C. Vellejus Paterculus). Намного известнее ритуальный термин *живой огонь* 'огонь, добываемый трением дерева о дерево (при эпидемии или эпизоотии)', который имеет соответствия в украинском, польском, болгарском, сербско-хорватском языках – соответственно *живий огонь*, *żywy ogień*, *жив огън, жива ватра* (см. подробнее в: Журавлев 1978; Журавлев 1978а; Журавлев 1994: 127–130; Шимански 1983; Славянские древности 3: 519–521). Нужно упомянуть, кроме того, что семантика 'оживания / оживления' передается в славянских языках производными (русск. *воскресение*) от глагола **kresati* / **kresiti*, первоначально значившего 'создавать, творить' (ср. родственное лат *creō, creāre* 'создавать, творить, в ы з ы в а т ь к ж и з н и') и лишь впоследствии сузившемся до значения 'высекать, добывать ударом (о г о н ь)' (см.: ЭССЯ 12: 125; Топоров [4]: 177–179; Журавлев 1994: 139). Пересечение идей 'жить, живой' и 'горение' может быть иллюстрировано большим количеством примеров из разных языков, в том числе поэтическими. Я ограничусь только двумя: лат. *vīvāx* 'живучий' у Овидия употреблено в значении 'легко воспламеняющийся, горючий' (*sulphura*); а у Заболоцкого можно прочитать: *Огня субстанция жива.*

ærtxuron | **ærtxoron** (1.) 'божество огня, насылающее накожные болезни' (ИЭСОЯ I: 182). Сложение, в первой части которого прозрачно угадывается *art* 'огонь'. Представление о кожных заболеваниях как имеющих "огненную" природу широко распространено в славянских культурах. Ср. русск. диал. *огнёва* 'корь', 'оспа', '"злой чирей"', *огнёвая* то же, *огневи́ца* 'корь', 'гангрена', 'прыщи на нижней губе, превращающиеся в коросту', *огнёвка* 'омертвение ткани, гангрена', *о́гненник* 'ветряная оспа', *огне́ц* 'мокнущая экзема', *о́гник* 'мокнущий лишай', 'потница', 'род сыпи (обычно на лице или губах)', 'гнойные прыщи на подбородке

inslav

и над верхней губой', 'гнойный нарыв, чирей', *óгника, óгница* 'золотушная сыпь, корка на лице', *огóнь* 'детская болезнь, сопровождающаяся высокой температурой и сыпью на теле', *огонь летучий, летячий огонь* 'род кожного заболевания, при котором лицо покрывается сыпью или коростой' (СРНГ 22: 323–330, 341) и др. (см.: Славянские древности 3: 518). В данном случае важно и то, что к основе **ogn-* восходят наименования персонажей славянской демонологии, связанных с воспалительными болезнями (обычно это олицетворения лихорадки) – *огневица, Огнея, Огнея́стра* и др. См.: еще: Славянские древности 3: 117.

æváed 'бесследный' и 'без потомства' (ИЭСОЯ I: 192; также I: 99). От *fæd* 'след'. Соотношение значений напоминает о мотивационной связи слав. **slědъ* (**slědovati*): **naslědьnikъ* (**naslěditi*, **naslědovati*). При всей "факультативности" таких семантических зависимостей они все же не являются остроoригинальными: ср. ср.-ирланд. *slicht, sliocht* 'след' – новоирланд. *sliocht* 'семья, род, племя', 'отпрыск, потомок' (Buck 1949: 121), финск. *jälki, jalkapohja* 'след' (последнее – 'след ноги'!) – *jälkeläinen* 'потомок'.

æváezdæg 'нежилой' (ИЭСОЯ I: 194). Буквально 'бездымный': из *æ* (негативирующая частица) и *fæzdæg* 'дым'. Дым понимается как необходимый признак обитаемости ("пахнуло дымком ergo близко жилье"). Сходная семиотика места наблюдается в традиционной славянской (и не только, см. ниже) культуре. Она отстоялась в диалектных названиях жилища: русск. владим., воронеж., рязан., колым., низовья р. Индигирки *дым* 'жилье, изба, двор', ивановск. *дыми́на* 'изба, жилье', костром. *ды́мница* 'селенье, деревня' (СРНГ 8: 292–294), *дымóвьé* 'жилье, изба' (Даль$_2$ I: 507), польск. *dym* 'дом (сельский)' (Doroszewski II: 493–494), н.-луж. диал. (мужаковск.) *dymne* 'дом'; ср. также ст.-русск. *дымъ* 'очаг, дом, двор как окладная единица' (СлРЯ XI–XVII вв. 4: 394), названия подымной подати в других славянских языках [болг. *ды́мница* (Геров 1: 385), серб.-хорв. *дȉмница*, ст.-русск. *подымное, подымщина*, укр. *поди́мне, подимóвщина, поди́мщина*]. К этому следует добавить одно из русских названий домового – *дымовой* (Байбурин 1983: 108; Славянские древности 2: 168). Из неславянских фактов стоит упомянуть похожие мотивы именования 'двора, семейного владения' в тюркских языках: алтайск. диал. *tünnük*, хакасск. диал. *tümdük* – из **tüŋlik*, в других тюркских языках отраженного в значениях 'дымовое отверстие', 'дымоход', от *tütün* 'дым' (СИГТЯ Лексика 1997: 506–507). К понятию 'очага' → 'огня, горения' естественно восходят названия 'дома, (вообще) жило-

inslav

го места', ср. этимологию лат. *aedēs* 'жилой дом, покои' (также "храм'), восходящего к индоевроп. **aidh-* 'гореть, жечь' (Pokorny I: 11; ср. Walde$_2$: 14), русск. *очаг* в смещенном употреблении '(свой) дом, (родные) стены, семья' и мн. проч., откуда недалеко и до *дыма отечества* (со всеми необходимыми оговорками насчет того, что 'дом', *дом* – не в первую очередь 'постройка').

ævzyǧd (ирон.) 'ловкий, искусный', 'молодчага' (ИЭСОЯ I: 214). Причастие с префиксом *æv-* от глагола *sūʒyn* 'жечь'. Причастия на *-d* в осетинском обычно пассивные (Исаев 1966: 249). Следовательно, вполне оправдано сопоставление с русск. *прожженый* 'отъявленный', 'опытный, ловкий, наторелый'.

bildoǧ: bildoǧ kænun (дигор.) 'управляться', 'укрощать' (ИЭСОЯ I: 261). Буквально 'скручивать губу' (*byl* 'губа', *tūxyn* 'скручивать', *kænun* 'делать'). "Имеется в виду скручивание верхней губы у строптивой лошади в целях ее укрощения при ковке и пр.". При всей разнице обозначаемых действий и предметного плана осетинское глагольное выражение представляется сравнимым со славянскими глаголами **obuzdati* и **obrъtati* / **obrъtiti* 'обуздать, надеть (на лошадь) узду или недоуздок' (первый – от **uzda*, к индоевроп. **ous-* 'рот', ср. *уста*; второй – к **rъtъ* 'рот', непосредственно – от **obrъtь...*, **obrъtъka...* 'узда, оброть', отмечаемых в восточно- и западнославянских языках; см.: Miklosich EW: 285; Фасмер III: 108, IV: 153; ЭСБМ 1: 57–58; ЭССЯ 29: 129–132). Ср. еще тюрк. *бурундуқ* и др. '[снасть для усмирения животного с использованием палочки или кольца, продетых через ноздри]' – производные от *бурун* 'нос' (ЭСТЯ 1978: 273–274). И осетинский, и славянские глаголы с легкостью меняют семантические регистры, становясь метафорическими обозначениями отношений среди людей: 'подчинить', в частности, в русском – *обротáть* 'женить (обычно против воли)', *обротáться* 'жениться', "в поносном смысле" (СРНГ 22: 197, 210).

būlæmærǧ | **boræmælǧæ** 'соловей' (ИЭСОЯ I: 269–270). Сложение, вторая часть которого – 'птица', а первая – *būr(æ)* | *bor(æ)* 'желтый'. Ср. слав. **solvьjь* 'соловей' – от **solvъ(jь)* 'соловый, желтовато-серый' (Фасмер III: 710). Обозначения птиц по цвету оперения – после звукоподражаний один из наиболее эксплуатируемых в орнитологической лексике ономасиологических мотивов (ср. дигор. *sawtmælǧæ* 'скворец' = 'черная птица', – ИЭСОЯ III: 47; русск. *желна, рябчик, лебедь, чернядь, сизоворонка*, многочисленные цветовые "детерминативы" в научной номенклатуре птиц). По мнению Л.А. Булаховского, однако, "не исключен-

inslav

ной остается и возможность, что, наоборот, русск. *соловый* – от названия *соловей*" (Булаховский 1948: 109). Не ослабляет ли осетинская параллель это подозрение?

bundor (дигор.) 'фундамент' и 'домовой' (ИЭСОЯ I: 270). Отсылка к понятиям важнейших ("домообразующих") частей жилища (прежде всего печи) в номинации 'домашнего духа' для восточнославянских языков достаточно обычна: русск. *печной, подпечник, запечник, запеченник, печея́* 'дух – покровитель печи, в женском облике'; *кутный бог* в "Слове... о том, како первое погании суще языцы кланялися идолом..." (Гальковский II: 34), сев.-двинск. *кути́нья* 'дух женского пола, обитающий в углу дома' (СРНГ 16: 169), смолен. *змей подкутный* (СРНГ 28: 53) (*кут* – 'красный угол', но также 'задняя часть русской печи' и др.); *подпо́ляник*; *голбешник* (*голбец* – 'перегородка за печью', 'запечный чулан', 'подпечье', 'подпол', 'вход в подполье' и др.); белорус. *падпечнік* и под.

byl | bilæ 'губа', 'край', 'берег' (ИЭСОЯ I: 277). Сев.-русск. *губа́* 'бухта, морской залив' (также псков. 'полоса земли, вдающаяся в реку', СРНГ 7: 192; ср. *губа́* 'залив' в составе новгородских топонимов: Новгородский словарь 2: 66) объяснялось как суженная реализация исходного значения 'изгиб, складка' (ЭССЯ 7: 164–165: **guba*, в отличие от **gǫba* 'губа; рот', ЭССЯ 7: 78–79; там же довольно многочисленная литература с контроверзами). М. Фасмер, однако, склонен "скорее считать первоначальным знач. 'рот, устье'" (Фасмер I: 469). Заметим, что северный географический термин *губа* чаще всего обозначает именно 'устье' ("В Г⟨убы⟩ обычно впадают реки...", – Мильков 1970: 193; "Характерным признаком такого залива является наличие влияния впадающей в него реки", – цитата из "Океанографического справочника арктических морей СССР. Общая лоция" С.Д. Лаппо, по: Мурзаевы 1959: 68). В нижнелужицком 'устье реки', кроме лексемы *wulew*, обозначается *guba* (← 'губа, рот') (Muka I: 339–340). Заголовочное осетинское слово является кавказским субстратным заимствованием, которое в языках – возможных источниках несет анатомические значения (Абаев приводит дидойск. *bəl*, *bil* 'губа', сванск. *p'il* 'губа', грузин. *p'iri* 'рот'). Перенос в географическую сферу (→ 'берег'), возможно, произошел уже на собственно осетинской почве, и этот случай может служить внешним типолого-семантическим подкреплением мнению Фасмера.

[1]**byn | bun** 'низ', 'основание' и проч. (ИЭСОЯ I: 278). "...присоединяясь к названиям ц в е т а, означает слабую степень: *saw-*

inslav

byn 'черноватый', *syrx-byn* 'красноватый' и т.п.". Возможны славянские словообразовательно-семантические аналогии, хотя бы и приблизительные. Предлог *под* и префикс *под-* связаны прежде всего с идеей 'низа', нахождением 'внизу', движением 'вниз' (по Фасмеру, "допустимо родство" с *под* 'дно, низ' (Фасмер III: 296), но все же весомее версия о его происхождении из *po-* + *-d-* (из индоевроп. **dhē* > слав. **děti*), как в парах *na(-)* : *na-d-*, *za(-)*: *za-d-*, **per-* : **per-d-*, ср.: ESSJ 1: 197–198; ESJS: 671–672). Однако префикс *под-* нередко выступает как словообразовательный элемент со значением ослабленности ("сниженности") признака или незначительной интенсивности действия, и если в глагольной деривации эта семантическая функция наглядна (ср. *под-волакивать* (*ногу*), *под-воровывать, под-выпивший, под-вянуть, под-гнить, под-гореть, под-забыть, под-закусить, под-ломить, под-мёрзнуть, под-мокнуть, под-таять, под-текать...*), то в словообразовательной системе прилагательного и деадъективов она выражена слабее: литер. *под-слеповатый* 'плохо видящий, не совсем слепой' (с дублированным выражением семантики неполноты признака посредством префикса и суффиксального комплекса *-оват-*, ср. диал. *под-слéпый*, – Словарь донского казачества: 385), диал. тюмен. *под-весёлый* 'слегка опьяневший', твер. *под-глупи́на* 'глуповатость, придурь', *под-глу́шинка* 'глуховатость', арханг. *под-до́брый* 'не первого сорта (об одежде)', вологод., костром. *под-лу́чший, под-лу́чшатый* 'не самый лучший, поношенный (о платье)', забайкал. *под-ста́рка* 'пожилой человек', арханг. *под-су́хий* 'сухопарый, худощавый', тихвин. ленингр. *под-сы́рок* 'сырая почва', псков. *по́д-тишь* 'защищенное от ветра место, место с менее сильным волнением' (СРНГ 27: 353, 374, 391; 28: 71, 197, 207, 210, 216), особо прилагательные и деадъективы со значением неинтенсивности цвета: костром. *под-зелёнок* 'зеленый оттенок (незрелый ягод, плодов)', *под-си́нок*, *под-си́нка* 'синева, синеватый оттенок' (СРНГ 28: 180), жиздр. калуж. *под-золо́тный* 'золотистого цвета' (Журавлев 2004: 412). Допустимо предположить, что направленный поиск осетинского материала может дать примеры суффиксального применения *-byn* со значением малой интесивности признака не только в составе цветовых прилагательных.

byron | **burojnæ** 'мусор', 'помет' (ИЭСОЯ I: 282). Близость значений та же, что и в русской паре *сор* : *срать* (Фасмер III: 720, 740; ср. вульгарно-экспрессивное *срать* 'мусорить, не приводить в порядок, не убирать': *засрать квартиру, город*). Похожих при-

inslav

меров из разных языков можно не приводить ввиду семантической тривиальности случая.

car 'потолок' (ИЭСОЯ I: 289). По Абаеву, субстратное слово. Автор предполагает, что оно "могло означать также 'пол', 'низ', как это видно в выражениях *k'æj-ʒar* 'устланный плитами', *næw-ʒar* 'устланный дерном'". Если так, то можно сопоставить с русск. *потолок* – к **тьло* 'дно', далее сравниваемому с др.-прусск. *talus* 'пол', др.-верх.-нем. *dilla* 'доска, половица', лат. *tellus* 'земля, почва' и др. (Фасмер III: 345), хотя у этой этимологии русского слова заметны изъяны (см.: Леписье 1971).

cæǧdyn | **cæǧdun** 'вытряхивать', 'ковать', 'играть на инструменте', 'бить в колокол' и др. (ИЭСОЯ I: 298). "Понятие 'удара' лежит в основе всех значений'". Обращает на себя внимание выражение *qūsy bacæǧdyn* 'шепнуть на ухо', которое так и просится в смысловое сравнение с русск. арготич. *стучать, настучать* 'доносить, наушничать; донести', *стукач* 'доносчик'. Случай примечателен тем, что обычно идея 'стука' лежит в основе экспрессивных номинаций громкого и надоедливого говорения (*тарахтеть, барабанить, долбить*). Далее ср. *с т у к по блату*.

cærdæg 'проворный', 'быстрый', 'ловкий' (ИЭСОЯ I: 302). "Собственно 'живой', прош. причастие от *cæryn* 'жить'...". Ср. русск. *живой, оживлённый* и под., впрочем, случай весьма обычен. Если отнесение польск. *żwawy* 'быстрый' (откуда белорус. *жва́вы*, укр. *жва́вий*) к гнезду **ži-* 'жить, живой' вызывает серьезные сомнения (см.: Трубачев 1967: 63–64), то вторичную ориентацию на него констатировать допустимо. Об ономасиологии славянских обозначений скорости, в том числе о мотивациях типа 'живой' → 'быстрый', см.: Варбот 1998.

cong 'рука (le bras)', также 'ветвь' (ИЭСОЯ I: 313). Сравнение ветви с конечностью человека или животного относится к простым и наглядным. Ср. диал. русск. *лапа* 'ветка дерева', *лапки* 'ветки хвойных деревьев', *лапочка* 'верхушка пихтовой ветки' (СРНГ 16: 258, 263, 267), гребенск. терск. *ручка* 'остов виноградной кисти без ягод' (СРНГ 35: 283) и проч. Обратное направление семантической деривации так же возможно: ср. *кисть*, сленговые *коряга, сучок* 'рука' (Никитина 2003: 310, 680).

cyrd | **curd** 'проворный', 'быстрый' (ИЭСОЯ I: 324). "Слово имеет облик прош. причастия от некоего глагола **curyn*... Такой глагол действительно существует со значением 'поджаривать'... Если эта близость не обманчива, то развитие значения было 'горячий' → 'проворный'". Ср. русск. экспрессивн. *жарить* 'бежать, спешить' (*Во жарит!*), 'делать что-либо с особой силой,

inslav

азартом, на большой скорости' (Квеселевич 2003: 211), диал. *жáрнуть* 'внезапно, быстро побежать' (СРНГ 9: 79), польск. *żarki* 'быстрый', русск. диал. *жаркая вода* 'наиболее быстрое течение воды во время морского прилива или отлива; течение в реках во время весеннего и осеннего половодья' (СРНГ 9: 79). Ср.: Варбот 1997: 37.

dondæppal (ирон.) 'волдырь' (ИЭСОЯ I: 368). "Сложение из *don* 'вода' и *tæppal* 'мозоль', 'волдырь'". Ср. русск. *водянка*, болг. *водянка*, *водна болест*, серб.-хорв. *водена болест*, польск. *wodnica* и проч. Номинация банальна.

зonyğ | conæğ, conuğ, зonuğ 1. 'сани'; 2. 'челюсть' (ИЭСОЯ I: 397–398). "Об идеосемантике слова можно только строить догадки. Опираясь на перс. *čānah* 'нижняя челюсть', тюрк. *žanax*, *janak* 'щека', можно высказать предположение, что сани были названы, по сходству формы, 'челюстью'; ср. ос. *зonygy fsær* 'полоз', буквально 'челюсть саней'; само *зonyğ* также употребляется иногда в значении 'нижняя челюсть'". Славянские языки дают поразительные параллели подобным семантическим связям в осетинском: (а) чешск. *sánĕ* 'сани' – и 'челюсть, скула; нижняя челюсть', словацк. *sánka* 'нижняя челюсть', русск. диал. (петерб., новгород., псков., твер., смолен., калуж., брян., донск., говоры на территории Эстонии, Латвии, Литвы; поморск., уральск., сибир.) *сáнки* (единств. ч. – *сáнка*) 'челюсти (человека или животного)', 'нижняя челюсть', 'нижняя челюсть лошади', 'скулы', 'подбородок', смолен., в русских говорах Литвы *сáночка* 'челюсть', свердл. *санкáстый* 'имеющий большие челюсти (о человеке)' (Даль$_2$ IV: 137; СРНГ 36: 119, 120, 122; Новгородский словарь 10: 9; Словарь донского казачества: 471), псков. *бить сáнками* 'болтать, пустословить' (Псковский словарь 2: 17), белорус. диал. *сáнкі*, *сáн(ь)кі*. – 'сани' и 'нижняя челюсть' (СПЗБ 4: 364); (б) *салáзки* новгород., ярослав., твер., калуж., тульск., орловск., тамбов., донск., сибир. 'челюсти', тульск. 'скулы', по р. Уралу (также единств. *салáзка*) 'нижняя челюсть лошади' (Даль$_2$ IV: 130; СРНГ 36: 54; Новгородский словарь 10: 5; Словарь донского казачества: 469); и даже (в) русск. диал. *вя́зы* 'нижняя и боковая часть лица, скýлы' (Даль$_2$ I: 337; СРНГ 6: 77) – укр. диал. *в'язи* 'деталь саней, соединение копыльев санных полозьев'. [Не привлекаю сюда курск. *мусáла* 'челюсти, щека', далевское толкование которого М. Фасмер (III: 15) ошибочно разделил на 'челюсти' и 'салазки': у В.И. Даля эти слова помещены рядом как тождественнозначные. В дополнениях к этимологическому словарю М. Фасме-

inslav

ра его переводчик О.Н. Трубачев сообщает, что славянские слова (**sani* и родственные) Абаев сравнивает с осетинским названием 'саней' / 'челюсти' (Фасмер III: 557). Справедливости ради нужно отметить, что, несмотря на напрашивающийся материал, ни одного славянского слова в статье *зопуǧ* у Абаева не приводится; таким образом, фраза О.Н. Трубачева является аберрацией восприятия.] Аналогии обнаруживаются в тюркских языках: якут. *syŋax*, *syŋyax* 'челюсть' – 'полоз(ья) саней', карачаево-балкар. *ǯajaq* 'щека, челюсть' – *čana ǯajaq* 'санный полоз' (СИГТЯ Лексика 1997: 220, 536); последнее – копия (с обратным расположением компонентов) приводимого Абаевым осет. *зопуgу fsær*. Не пытаясь решать здесь этимологические проблемы, замечу, что направление семантической эволюции 'часть тела (человека или животного)' → 'техническое приспособление; транспортное средство' расценивается как более естественное, чем обратное. К таким же соображениям подталкивает просматривающийся характер сочетаемости слов, подозреваемых в метафорическом употреблении [*A* 'сан(ная)' + *B* 'челюсть' → *AB* 'полоз(ья)' в тюркском и осетинском, но не, скажем, **C* 'полоз(ья)' + **D* 'голов(ы)' → ***CD* 'сани'], о чем говорит и Абаев.

зiwar, зiwaræ 2. 'святой', 'божество', 'святилище'; 3. 'оспа' (ИЭСОЯ I: 401). Именование олицетворяемой болезни 'божеством' как умилостивительная практика известно и славянам. Кроме помянутого сербского примера *бо́гиње* 'оспа', который почерпнут Абаевым у Д.К. Зеленина, ср. польск. *boginki*, русск. диал. *богинка* 'о болезни', зап.-болг. *богинка* 'оспа' (Славянские древности 1: 215, 225).

зух | **зuх, c'uх** 'рот', 'пасть', 'отверстие (ружья, сосуда)' (ИЭСОЯ I: 408). Ср. слав. **gъrdlo* : **žьrdlo* (русск. *горло* : *жерло*). Весьма стандартные семантические соотношения.

[2]**fadyn** | **fadun** 'покрываться сыпью', в дигорском также 'распускаться (о цветке)' (ИЭСОЯ I: 416). Сопоставимо с русск. диал. *цвет* 'болезнь молочница, у младенцев, обмет, сыпь' (твер.), *Лицо цветет* 'покрыто сыпью', *Младенец цветет* то же (Даль$_2$ IV: 572), донск. *цветно́й* 'веснушчатый', 'с родимыми пятнами на лице' (Словарь донского казачества: 565), укр. *цвісти* 'покрываться красной или пузырчатой сыпью' (Гринченко IV: 425); ср. также русск. *цвести* 'покрываться плесенью, плеснеть, зеленеть гнилью', белорус. диал. *цвісці́*, *цвысці́* 'покрываться белой цвелью, плесенью' (СПЗБ 5: 342), болг. диал. *цв'ат* 'плесень' (БД IV: 149). О восточнославянских примерах этого рода см.: Мерку-

inslav

лова 1972: 151. Сюда же можно присоединить название кожной болезни обливного, а не высыпного характера *рожа* (польск. *róża*, чешск. *růže* и т. д., нем. *Rose*, литов. *rõžė* и проч.), русск. диал. *póза* (СРНГ 35: 158) – в конечном счете к лат. *rosa* 'роза' (Фасмер III: 493), ср., впрочем, новолат. *roseola* 'элемент кожной сыпи: розовато-красное округлое пятно – следствие расширения кровеносных сосудов', буквально 'розочка'. В славянских языках распространено обозначение 'завязи, бутона' и 'прыща' одними и теми же лексемами, ср. например, *попущóк* иркут. 'бутон' и арханг., пермск. 'прыщ' (СРНГ 30 : 22).

Fælværa 'бог-патрон мелкого рогатого скота' (ИЭСОЯ I: 440). «Искаженное "Флор-Лавр"». Как и в восточнославянских языках, имена двух святых, память которых празднуется в один день, слились, воспринимаясь как имя одного персонажа. Чаще всего подобные моменты выявляются в заговорных текстах: *батюшка Фрол-Лавёр, конский пастырь; Кузьма-Демьян – куриный бог, "Кузьма и Демьян, ремесленный бог и бессребреник Христов, пойди* ко мне...", "Там есть *Кузьма-Демьян, поучитель Христов*" (Смирнов–Ильинская 1992: 23, 58), *Кузьма и Демьян бессребреник* (Проценко 1994: 201), "По ту сторону *стоит Кузьма-Демьян, Христов воин,* тугой лук *натягивает*" (Русские заговоры 1998: 232), *Кузьма-Демьян – наместный бог, укр. "Йихав Кузьма и Демьян на гнидому кони...*" (Милорадович 1991: 281) и даже в женском варианте, спровоцированном, можно думать, грамматической формой имени *Кузьма*: "*Матушка, Кузьма-Демьян, зароди* цыпляток к осени", "*Кузьма-Демьян, матушка, помоги* мне..." (Фольклорные сокровища 1997: 214; СРНГ 16: 28), *Кузьма-Демьян сребреница* (переосмысление церковнославянской формы множественного числа *бесребрьници* 'бессребренники'); "*Власий, Медосий,* свет многомилостивой! Как *сократил* злую змею в пещоре, так *сократи* скотинку...", "*Милостивый Влосий-Медосий, спаси* и *сохрани* нашу скотину..." (Русские заговоры 1998: 187, 193) (с рифмообразующим выравниванием вокализма в первом имени), в женском варианте – *матушка Влася, Федося:* имеются в виду Власий и Модест – покровители коров; "...в стречу мне, рабу Божию, три брата: Усыня, Бородыня да *Никита Маментий...*" (Майков 1994: 8): обозначение последнего персонажа представляет собою соединение имен святых Никиты-"гусятника" и Маманта (Мамонта)-"овчарника"; *матушка Кирика-Улита* (Макаренко 1993: 71, 147): слияние воедино имен сына и матери мучеников Кирика и Иулитты. Подобным же об-

inslav

разом часто объединяются имена и тем самым персонажи (о которых использователи их имен имеют, как правило, самые смутные представления) соловецкие чудотворцы Зосима и Савватий (*пчелиный бог*), апостолы Петр и Павел, страстотерпцы Борис и Глеб и др. (см., в частности: Юдин 1997: 62, 83-84, 89, 127, 133).

fos | fons 1. 'скот'; 2. 'имущество', 'добыча' (ИЭСОЯ I: 478–479). "Заслуживает внимания идеосемантика: 'скот' → 'имущество' → 'добыча'. Она говорит, во-первых, о том, что скот был синонимом богатства; во-вторых, тот же скот служил основным объектом вожделений в качестве добычи при военных столкновениях". Славянские данные на этот счет обильны и хорошо известны: слав. **dobytъkъ*, польск. *bydło* (откуда заимствования в восточнославянские языки), серб.-хорв. и словен. *blago*, др.-серб. *имане*, н.-луж. *zbóžo*, белорус. и смолен. *стáток*, укр. диал. *товар* (заимствованное из тюркских языков)... – вовсе не исчерпывающий перечень (см.: Трубачев 1960: 101–103; Трубачев 1964: 104–105; соответствующие позиции ЭССЯ). Ярко представлены эти связи в языках этносов, в хозяйственном укладе которых преобладает скотоводство. В тюркских языках, кроме упомянутого *tabar – tavar – tuwar*, в котором реализованы значения 'имущество', 'добро, богатство', 'товар', с одной стороны, и 'скот', 'мелкий рогатый скот; овцы, козы' и под., с другой (одна из этимологий возводит слово к глаголу 'находить' → 'наживать, зарабатывать; добывать'), могут быть названы, например, переклички: ср.-уйгурск. *barym* 'имущество' – енисейск. *barym* 'скот', алтайск. *d'öžö* 'имущество, богатство' – якут. *süöhü* 'домашний скот (рогатый и лошади)', см.: СИГТЯ Лексика 1997: 326–328; там же приводятся параллели в монгольских языках, в арабском ('овцы' – 'добыча, нажива, трофей').

ᵃᵉfsær | æfsæræ 'челюсть'; *зonygy fsærtæ* 'полозья саней' (ИЭСОЯ I: 481). См. выше, о слове *зonyǧ*...

³fyd | fud 'дурной' (преимущественно в сложных словах); 'зло', 'беда' (ИЭСОЯ I: 489–490). "Употребляется также в значении наречия 'очень'...". Для признаковых слов с негативными моментами в семантике и коннотациях дрейф в сторону значений 'очень', 'в высокой степени' и под. (лексическая функция Magn в модели "Смысл ⇔ Текст") является семантической фреквенталией. В том же осетинском значения 'отменный, замечательный, выдающийся', 'на редкость' передаются словом *mælæty* | *mælæti* (ИЭСОЯ II: 87) – лексикализованной формой родительного падежа от *mælæt* 'смерть'. Ср. русск. *адски, безумно, дьявольски,*

inslav

жутко, зверски, кошмарно, смертельно, страшно, ужасно, чертовски..., с возможностью оксюморонных сочетаний вроде *страшно добрый, ужасно милый, чудовищно просто, кошмарно обаятельный*; диал. (перм., свердл.) *таку беду́* 'сильно, очень' ["И эвта, середняя, сестра тоже обрадовалася имя (им) *таку беду*, и не знает, чем их потчевать", "Он *таку беду* разошелся – все вспомнил" (СРНГ 2: 173)]. Нетрудно показать широкую распространенность этого явления как в других славянских языках (серб.-хорв. *страшно*, чешск. *hrozně, strašně, strašlivě*, польск. *strasznie, okropnie...*), так и в языках иных генетических группировок (англ. *frightfully, awfully, terribly*, нем. *schrecklich, furchtbar*, франц. *terriblement*, литов. *baĩsiai*). Прилагательные *злой* и *бедовый*, соотносительные с существительными, через которые Абаев толкует осет. *fyd*, в просторечии и народных говорах могут обозначать свойства, оцениваемые явно положительно: *злой* – 'умный, смышленый' (о ребенке), 'хорошо что-либо знающий, сведущий в чем-либо', 'очень хороший' (*У ей такая память злая*); *бедовый* – 'умелый, хорошо знающий, делающий что-либо' (*...бедовый – на все руки*), 'имеющий склонность, особое расположение к чему-либо (к каким-либо занятиям, ремеслам и т.п.)' (СРНГ 11: 290; 2: 177). Следует заметить, что в значениях 'совсем', 'совершенно', 'вполне', 'очень' в осетинском выступает и антоним к *fyd* | *fud* – *xœrz* | *xwœrz* 'хороший, добрый' (ИЭСОЯ IV: 184).

fydgænæg | fudgænæg 'злодей' (ИЭСОЯ I: 492). Структурный аналог славянскому **zъlo-dějь*: осет. *fyd* | *fud* 'дурной' + *kœnyn* 'делать' (*-œg* – суффикс активного причастия настоящего и прошедшего времени). Многочисленные и очень прозрачные параллели напрашиваются сами собой: авест. поздн. *agā-vərəz-* 'зло-дей', греч. κακ-οῦργος, лат. *male-factor*, др.-исланд. *Bǫl-verkr* (эпитет Одина), нем. *Übel-täter*, литов. *pikta-darỹs*, латыш. *ļaun-daris*, вост.-слав. **lixo-dejь*, укр. *лихо-роб* (ср. ст.-слав. **лихосъторити**) и проч.

garz 1. 'орудие', 'оружие', 'одежда'; 2. 'кадка', 'сосуд' (ИЭСОЯ I: 508). Разветвление значения 'приспособление, снасть' на 'инструмент, орудие' (с дальнейшим уточнением 'военное орудие, оружие') и 'вместилище (для жидкости)', также 'одежда', можно констатировать и в слав. **sъsǫdъ*. Ср. значения слова **съсѫдъ** в старославянском: 'сосуд', 'тайник, сокровищница' (в переносном употреблении – 'человек'), 'орудие, инструмент', 'музыкальный инструмент', 'утварь, предметы', 'одеяние' (**въ съсѫдѣ плащаниччьнѣмь**) (Старославянский словарь: 449, 670). В современ-

inslav

ном русском языке слово *сосуд* сохранило лишь значение 'вместилище для жидкости' (и специальное 'в животном и растительном организме – трубчатый орган для движения жидких веществ'), но ранее оно имело значения 'орудие, инструмент' (ср. переносное его использование у Пушкина, "Борис Годунов": "Ах, он *сосуд* диавольский!", или у Писемского, "В водовороте": "Женщина ведь вы, сударыня, и поэтому *сосуд* слабый и скудельный", – впрочем, библеизм) и 'оружие' ("Стоящу же ему у град и строящю порокы ['метательные, стенобитные орудия, осадные или оборонительные']... оному же велѣвшу своимъ охабитися, да не язвени будуть вои его от гражанъ, дондеже устроить *сосуд порочные*" в Ипатьевской летописи). Этимологическое устройство славянского слова (**sъ-* + **sǫ'-* + **d-*, последнее – к **dě-*, ср. **děti*, индоевроп. **dhē-* 'ставить, полагать, делать'; ср. внутриславянские параллели **sъ-stavъ*, **sǫ-stavъ* > русск. *состав, сустав*) подкрепляет предположенное Абаевым происхождение осет. *garz* от иран. *kar-* 'делать' (аналогия на уровне семантической мотивации) и решительно отклоняет догадку А.Н. Генко о его связи с перс. *gurz* 'боевая палица'. Связь значений 'орудие, инструмент' – 'сосуд, вместилище для жидкости' можно обнаружить и в осет. (ирон.) **migænæn,** выводимом от составного глагола *mi kænyn* 'работать, заниматься делом' (ИЭСОЯ II: 116-117).

æ̆gzalyn (*yžgalyn*) | **æ̆gzalun;** медиальное соответствие **æ̆gzælyn** (*yžgœlyn*) | **æ̆gzælun** 'сыпать(ся)', 'осыпать(ся)', 'капать' (ИЭСОЯ I: 536, 537). Значение 'капать, течь, литься' иллюстрируется примером из Косты Хетагурова *cæstysyg yzgœly* 'слезы текут' и текстом, написанном на дигорском диалекте: "...*æ̆gzaldœj* cæstitæn sæ *don*" 'струилась влага из глаз'. В балтийских и славянских языках значения 'сыпать(ся)' и 'лить(ся)' (не только 'моросит', применительно к дождю, но и 'лить(ся) струе', о влаге в "недискретном" состоянии) нередко совмещаются в семантике одного глагола – литов. *pìlti*, болг. *сипвам* (*се*), макед. *сипе*, серб.-хорв. *сȉпати,* укр. *сипати,* белорус. *сы́пацца* (*Слёзы сыпляцца...*, – СПЗБ 5: 52), русск. *сыпать* (Даль$_2$ IV: 375 – "новороссийское"; ср. донск., кубанск., омск. и др. *насыпа́ть* 'наливать (супа, ухи, борща, чаю)', – СРНГ 20: 210; вятск. *про́сыпь* 'пот', – СРНГ 32: 260, дополнительное слово "сыпь" в толковании явно не к месту и спровоцировано внутренней формой толкуемого)... В русских говорах глагол *лить* демонстрирует противоположное направление смыслового развития: колым. *лить рыбу* 'насыпать сырую рыбу грудой' (СРНГ 17: 74), *лить ягоды, лить картошку* (Словарь русских говоров Ка-

inslav

релии 3: 131), олонецк. *вы́лить* 'высыпать что-либо' ("Рожь на поле *вылили*"). Глаголы **sypati* и **liti* (*sę*) могут приобретать близкие вторичные значения, ср. укр. диал. *си́пати* 'нести много яиц (о курах только под Свят-вечер)' (Онишкевич 2: 214) – рязан. *лить* 'метать икру', псков., смолен., в русских говорах Прибалтики, тобольск. *лить, литься* 'нести яйца без скорлупы (о курице)' (СРНГ 17: 74), курск., орловск. *вы́ливок* 'яйцо с очень мягкой скорлупой' (СРНГ 5: 304); костром. *сы́паться* 'набирать колос (об овсе)' (Громов 1992: 102) – *наливаться* (о колосьях). Русск. *сыпать* представляет собою аналогию осетинскому глаголу и в том отношении, что производные от него могут сужать смысловое пространство до значения 'зерновой хлеб' – новгород., арханг. сыпь (Даль, там же), калуж. *сы́пище* (Журавлев 2004: 423), вологод. *за́сыпь* (СРНГ 11: 79): в дигорском диалекте *æǧzald* означает 'хлеб в зерне (обычно кукуруза)'. Поддерживая раннюю этимологию Вс. Миллера, который находил осетинскому глаголу арийские соответствия лишь со значениями 'течь', 'лить', 'литься' (авест. *γžar-*, *žγar-*, др.-инд. *kṣar-, kṣarati)*, Абаев считает, что "расхождение значений ('сыпать' – 'лить') кажущееся". По-видимому, он еще принимает в расчет присутствие значений 'лить(ся)' и 'сыпать' в семантике анализируемого далее в его словаре глагола **kalyn** | **kalun**, медиальная форма **kælyn** | **kælun** (ИЭСОЯ I: 569, 578). Но, как кажется, славянский материал может трактоваться иначе – допущением позднейшего пересечения первоначально различных значений. Это видно, во-первых, из господствующей семантики индоевропейских этимологических соответствий обоим славянским глаголам (см.: Фасмер III: 818; ЭССЯ 15: 158-159; Pokorny I: 664), во-вторых, из периферийного и очевидно аналогического характера семантического ветвления у глагола *лить* в русском. Предположить подобное в истории осет. *kalyn* | *kalun* тоже возможно. В смысловой эволюции глагольной лексики в большей мере, по сравнению с другими лексико-грамматическими зонами, наблюдается семантическое "заражение", так что и здесь могли иметь место аналогические процессы, тем более что значения 'лить' у выдвигаемых иноязычных соответствий не приводится (упоминаемое Абаевым др.-инд. *kar-* в этом отношении несколько подозрительно). Однако лексическое неразграничение действий 'лить' и 'сыпать' свойственно многим языкам, ср. лат. *fundere*, албан. *derdh*, тюрк. *дөк-* (ЭСТЯ 1980: 273–274), *ҡуй-* (ЭСТЯ 2000: 109–110), эвенк. *умку-* ← 'опорожнить') (Цинциус 1984: 111).

inslav

ivaz(n) | **ivaz(n)æ** ‘маховая сажень (расстояние между концами горизонтально растянутых рук’ (ИЭСОЯ I: 553–554). Связано со следующим в словаре глаголом *ivazyn* | *ivazun* ‘тянуть’, ‘растягивать’. Упомянув аналогичную связь между нем. *Spanne* ‘пядь’ и *spannen* ‘растягивать’, Абаев не привлек слав. **pędь* : **pęti* (**pьnǫ)* с тем же соотношением значений. Впрочем, конечно же, параллели имеются и в других языках (ср. литов. *sprìndis* ‘пядь’ : *spręsti* ‘пялить, распирать’, др.-инд. *vitasti* ‘пядь’: *vitan* ‘растягивать’; тюркские примеры см. в: Дыбо 1995: 41–42).

iwæxsun (дигор.) ‘вывихнуть’ (ИЭСОЯ I: 559). “Вероятно, связано с *wæxsk* ‘плечо’”. Прекрасная семантическая параллель – в русском. Есть резон привести целиком словарную статью из Даля: “ИСПЛЕ́ЧИВАТЬСЯ или *исплеча́ться, исплечиться,* о лошади, вывихнуть или надсадить переднюю ногу в плече, в лопатке; сплечиваться. *Исплечи́ть* или сплечи́ть лошадь, дать ей вывихнуть плечо. *Лошадь исплечила ногу*, или *исплечи́лась. Исплéчка, исплéк* м. сплек, вывих или надсада плеча. Кажется в сем знч. вернее: *сплечить лошадь, она сплечилась*; напротив *исплечить* знч. оборотить плечо; *князь исплечил войско свое*, или *велел ему исплечиться* стар. стать или повернуться несколько боком, одним плечом вперед” (Даль$_2$ II: 54). Опираясь на русские исторические (с XVI в.) и диалектные (*исплёк, исплёка*) свидетельства (см.: СРНГ 12: 228), О.Н. Трубачев существительное **jьzplekъ* / **jьzpleka* счел возможным отнести к праславянскому лексическому фонду (ЭССЯ 9: 58).

kalm ‘змея’, ‘червь’ (ИЭСОЯ I: 569). Значение ‘червь’ прямыми иллюстрациями не подтверждено, но его существование в прошлом прочитывается в производных – *kælm* ‘червивый’, *kælmxærd* ‘изъеденный червями’. Вновь прибегну к пространной цитате из своей монографии: “...в народных представлениях о животном мире змея и червь очень часто принадлежат одному разряду, получая тождественные лексические обозначения; мифологические представления, связанные со змеями и с червями, также имеют много общего [Гура 1997: 372–379]. Это позволяет использовать слова со значением ‘червь’ для обозначения ‘змеи’, например, в заговорах: *червь земляной* в русском заговоре “от змеи”, многочисленные называния змеи *kirmelė, kirminas,* буквально ‘червь’, в литовских заговорах [Завьялова 2000: 203, 204, 225, 229]. Другой причиной пересечения лексики, служащей обозначениями этих животных, являются эвфемистические замены слов для ‘змеи’; именно табуированием прямого названия змеи

inslav

объясняют... случай с герм. *wurmiz (*wurmaz) [Гамкрелидзе–Иванов 1984: 527; ср.: Buck 1949: 193–195]. В "Беовульфе" мифологический змей (дракон) неоднократно называется 'червем' ... Заострением этой модели может быть провокационное, издевательское называние 'змеи, змея' словом 'червяк' (как это делают, скажем, мартышки по отношению к удаву Каа в "Маугли"; примеры, в том числе в жанре анекдота, многочисленны). Славянские языки дают довольно богатый материал для иллюстраций. Праслав. *gadъ [ЭССЯ 6: 81–82; SP 7: 19–20], наиболее общая семантика которого может быть представлена как 'нечто вызывающее отвращение, пакость', имеет в конкретных славянских рефлексах преобладающее значение 'змея' (другая ярко представленная группа значений – 'насекомое, -ые'), но продолжается также в свердл. *гад* (собират.) 'черви, поедающие кедровые орехи' [СРНГ 6: 90], нижнелуж. *gad* 'ядовитые черви, животные', полабск. *godĕk* 'червяк', болг. диал. *гак'* (из *gadь) 'паразиты на скотине'. Трудно разделить "герпетологическое" и "гельминтологическое" значения в древнейшей семантике индоевроп. *angᵘ(h)i- (/ *egᵘhi- / *ogᵘhi- / *eg'hi-) [Pokorny I: 43–45; ср.: Гамкрелидзе–Иванов 1984: 526–527]. Отражаясь в отдельных языках большей частью в значении 'змея' (например, латин. *anguis*, слав. *ǫžь, русск. *уж*), а также 'угорь', оно служит и названием (или "строительным" материалом для названий) 'червя', 'личинки': нем. *Engerling* 'личинка', литов. *ankštìras*, латыш. *anksteri* 'личинка', 'червячок' [Топоров ПЯ 1: 96], нижнелуж. *huž* 'червь' (и 'змея'!), польск. *wągry* 'финны, личинки ленточного червя, паразитирующие в организме свиньи и др.', укр. *вугри́ця* 'круглый червь' ... Вряд ли нужно в онежском слове *гуж*... 'большой дождевой червь' [СРНГ 7: 204] видеть перенос названия 'ужа, змеи' на другое животное: скорее, это следы первоначального семантического синкретизма. Славянское название *zmьja является табуистической заменой другого имени и образовано от индоевропейского обозначения 'земли' (то есть первоначально '(ползающая) по земле'). Но от того же корня, с тою же мотивацией, в албанском языке возникло название для 'гусеницы' – *dhémje*. То есть в данном случае значения 'змея' и 'червь, гусеница' параллельны, семантически сопроизводны, а не выводятся одно из другого. [См.: Гамкрелидзе–Иванов 1984: 526–527.] Однако существуют связи иного рода. Значения 'червь', 'гусеница' (в народной "систематике" эти значения, кажется, вообще неразделимы) приобретаются производными от *zmьja, *zmьjь: томск. *змеёнца* '"во-

inslav

лосатик, паразитический водяной червь"', саратов. *змеолáн* 'гусеница фруктовой моли Huponomenta variabilis Zell.' [СРНГ 11: 299, 302]. В южнославянских языках можно отметить образование названия 'червя' от **guja* 'змея' (происхождение слова не выяснено; курьезно сходство с эрзя-мордов. *гуй* 'змея'): серб.-хорв. *гуја* 'змея (ядовитая)', но и 'детская глиста', *гујавица,* хорват., боснийск. *gujica, gujina, gujna* – 'дождевой червь' [ОЛА Животный мир: карта № 36]. Ср. латин. *colubra* 'змейка' и (*caecae*) *colubrae* 'кишечные черви'. Обратное направление развития значений, от 'червь' к 'змея', представлено в приамурск. *червь* 'змея' [Приамурский словарь 322], новгород. *червя́к* 'змея; гадюка' [Новгородский словарь 12: 44], укр. *червя́к лихи́й* 'черная гадюка' [Гринченко IV: 454] и др. Встречаются переносы названия червя (глисты) и на угря, который нередко отождествляется со змеей, в том числе и на уровне лексических обозначений...: кашуб. *glišč* 'угорь, Anguilla anguilla' [Sychta I: 320; Boryś–Popowska-Taborska II: 177] (ср., впрочем, новгород. *глистá* 'маленькая рыбка из породы уклеек' [СРНГ 6: 199]). Естественно ожидать сходные семантические связи и за пределами индоевропейских языков. Словам *kuredi, kuledi* 'змея' в языке болева, *kwol* 'змея' в языке ангас (западночадская группа афразийской семьи, Африка), *kula* 'змея' в языке сомрай (восточночадская группа афразийской семьи) этимологически отвечает слово *kuli* 'червяк' в языке будума (группа котоко центральночадских языков) [Иллич-Свитыч 1: 308]. Эвенкийскому *kulin* 'змея' (и, по-видимому, родственному корейскому *kireŋi*'змея') соответствуют нанайск. *kolan* 'гусеница', ульчск. *kulan* 'червяк' и под. [Иллич-Свитыч 1: 308; ср.: Старостин 1991: 293]. Для севернокавказской семьи реконструируется слово **bēmṭV-*, которое в бежтинском и гунзибском языках отражается в значении 'червь', а в табасаранском, но также в восточнокавказских (абхазский и др.), – в значении 'змея'. То же соотношение значений между крызским, будухским *čič* и даргинским диалектным *ç̌iç̌ala*. Табасаранскому *šad* 'червь' соответствует лакск. *šat:a* 'червь' и 'змея' [Nikolayev–Starostin: 290, 348, 980; Климов–Халилов 2003: 250]" (Журавлев 2005: 647–650).

kærdæg 'трава' (ИЭСОЯ I: 582–583). *Kærdægy mæj*, дигор. *kærdæg ævzuræn* название апреля ("месяц появления травы"). Ср. народные названия весенних месяцев (апреля и мая) в славянских языках: русск. *травень, травник,* укр. *травень,* ст.-белорус. *травень,* чешск. *tráven,* словацк. *traveň*, болг. *травен, тревен,* серб. *травењ* (*травен*), *мали травањ*, *биљар* (ср. *биље, биљка* 'расте-

inslav

ние, трава', русск. *былье, былинка*), хорв. *travanj, travan, mali traven, veliki traven,* словен. *mali traven, malotraven, veliki trawen, velki traven* (свод названий – в: Славянские древности III: 237–340). Модель малооригинальна: ономасиологические отсылки к природным явлениям обычны для множества, если не большинства, календарных терминологических систем.

kærvæʒæg 'глазной ячмень' (ИЭСОЯ I: 587). Суффиксальное производное от *kærvæʒ* 'четырехрядный ячмень'. Абаев в качестве семантической параллели приводит только иранские факты: перс. *dāna* 'зерно' → 'прыщ, фурункул', афган. *lūna* 'фурункул' (из *dāna* 'зерно'). Но эти метафорические связи имеют многочисленные аналогии как в славянских языках – русск. *ячмень* 'воспаление века', новгород. *жи́тина, жи́ча, жи́чина, жи́то* 'нарост на краю века', псков. *жи́тчина*, твер. *житченка* и под. 'гнойное воспаление сальных желез век, ячмень' (Новгородский словарь 2: 134–137; Псковский словарь 10: 252; СРНГ 9: 194), сев.-русск. *жито* 'прыщ на языке домашних животных', псков., твер. *овёс, овси́нина* 'ячмень в глазу' (СРНГ: 22: 295, 303), новгород. *зерно́* то же (Новгородский словарь 3: 97), рязан. *крупени́к(а)* 'гнойное воспаление сальных желез век, ячмень', псков. *вскру́пина* 'маленькая, едва заметная болячка, прыщик' (СРНГ 5: 205; 9: 193; 15: 316), укр. *ячмінь*, диал. *я́рець* 'ячмень' и *я́рець, я́рчик* 'болезнь глаз (век)' (Дзендзелівський 1969: 65), белорус. *ячмень*, болг. *ечемик* (*на окото*), макед. *јачменик*, серб.-хорв. *јечменац*, чешск. *ječné zrno*, польск. *jęczmień* (*na oku*) и т.д., – так и далеко за их пределами: литов. *miẽžis* 'ячмень' и 'глазной ячмень', латыш. *miežgrauds*, нем. *Gerstenkorn* то же, лат. *hordeum* 'ячмень' и *hordeolum* (уменьшительная форма) 'ячмень (глазная болезнь)', итал. *orzo* и *orzaiolo*, франц. *orge* и *orgelet*, албан. *elb* и *elbth* аналогично, эстон. *kaeratera* 'ячмень глазной', буквально 'овсяное зерно', татар., башкир. *арпа* 'ячмень (злак)' и 'ячмень (болезнь)', узбек. *бурти́к* 'прыщ' при значениях 'зерно, семечко' у соответствий в других тюркских языках... Возможно, сходными отношениями связаны слова *типун* 'птичья болезнь, хрящеватый нарост на кончике языка' и *типча́к, типец* 'растение Festuca, овсяница, семейства злаков', 'манник' (Даль$_2$ IV: 406) (ср. испан. *pepita,* португ. *pevide* 'типун (у кур)' ← 'зернышко, косточка').

[1]**kom** 'рот' (ИЭСОЯ I: 598). Выражение *kommæ kæsyn*, буквально 'смотреть в рот', употребляется в значении 'слушаться, повиноваться' (Абаев указывает на тюркские параллели). Ср. русск. *смотреть в рот* 'подобострастно слушать кого-либо',

inslav

'ловить каждое слово, выказывая восхищение и постоянную готовность угодить', укр. *дивитися в рот*, чешск. *koukat do ust*, польск. *wisieć* (*spojrzeniem, wzrokiem, oczyma*) *na* [czyichś] *ustach* то же и т. д.

k$_o$yrm | kurmæ 'слепой' (ИЭСОЯ I: 611). Сочетания названий живых существ с этим прилагательным (в дигорском диалекте эквивалентом ему служит также *qœrœw*), выступающие в терминологической функции, находят смысловые аналогии в славянских языках (и не только в них). Ономасиологический мотив слепоты крота, отразившийся в его осетинском названии *k$_o$yrm must | qœrœw mistæ*, буквально 'слепая мышь' (см. также: Абаев 1965:17, где в связи с этим мотивом затрагивается литов. *kùrmis* 'крот', см. о нем: Fraenkel: 317), реализуется в русских диалектных однословных терминах 'крот', производных от **slěpъ(jь)*: *слепéц, слепóк, слепýх, слепушóнка, слепущёнок, слепы́ш*, также в названии другого насекомоядного – *слепбусья* 'землеройка' (СРНГ 38: 263, 267, 269–271; см. также: ОЛА Животный мир, карта № 12), – но точное соответствие осетинской синтагме – слав. **slěpъjь / *slěpa(ja) *myšь / *myša* – относится к 'летучей мыши': серб.-хорв. *слепи миш*, укр. диал. (полтав., харьков., закарпат.) [sl'ipá mы́š(a)] (ОЛА Животный мир, карта № 15) [и, кроме того, 'слепой мышью' в южнославянских языках называется известная игра в жмурки: серб.-хорв. *слепа миш*, словен. *slepa miš*, ср. иные ее названия – болг. *слѣпа баба*, *слѣпа котка*, *...мачка* 'кошка' (Геров 5: 199), кашуб. *slepå baba* (Sychta V: 73) и под.]. Кроме славянской можно привести тюркские семантические параллели (*көр сычан* и др. 'крот', буквально – 'слепая мышь', – ЭСТЯ 1997: 122, 153). Другое осетинское словосочетание, *k$_o$yrm bynʒ | qœrœw binʒœ*, буквально 'слепая муха', называет 'слепня' (ср. внутреннюю форму русск. *слепень* и его славянских соответствий), но русское словосочетание *слепая муха* обозначает другое кровососущее насекомое: муром. владим. *слёпые мухи* 'комары' (СРНГ 38: 266). Мотив слепоты в номинации жалящих насекомых в славянских языках (и не только в них) весьма назойлив и может реализоваться в иных близких по значению прилагательных, ср. укр. диал. *крива муха* 'насекомое Hippobosca equina L., кровососка лошадиная' (Дзендзелівський 1987: 242), ср. также дигор. *qœrœw* – не только 'слепой', но и 'кривой, слепой на один глаз'.

k'ūxmærzæn | k'oxmærzæn 'полотенце, платок' (ИЭСОЯ I: 644). Сложение из *k'ūx | k'ox* 'рука' и *mærz-* 'чистить', устар. 'вытирать', вполне параллельное русскому *рукотер(ник)*. Этой

inslav

скучной аналогии некоторый интерес сообщается тем, что семантическая составляющая ‘рука’ (‘ручной, для рук’) в осетинском слове выветрилась, “и слово может применяться к любому платку или полотенцу”, подобно тому, как это произошло и в славянских обозначениях полотенца, словообразовательно связанных с *rǫka: русск. *ручник* (диал. ‘расшитое полотенце, употребляемое как украшение икон, стен и т.п.’, ‘полотенце для лица’, ‘носовой платок’, ‘небольшая [sic!] головной платок’, ‘небольшой коврик, сшитый из лоскутков’ и проч. – СРНГ 35: 284), укр. *рушник*, болг. *ръченик*, польск. *ręcznik* и т.п., нижегор. *рукотёр, рукотерник* ‘носовой платок’ (СРНГ 35: 255, 256) и т.д.

k’$_o$yrtt (ирон.) ‘квок’, квохтанье’... (ИЭСОЯ I: 653). Словосочетание *k’$_o$yrtton kark,* буквально значащее ‘квохчущая, клохчущая курица’, применяется к курице, высиживающей яйца, наседке, – как и русск. *квочка, клуша,* укр. *квочка* и т.д. обычно означают не всякую раскудахтавшуюся курицу, а лишь курицу в трогательный период заботы о потомстве – сидящую на яйцах или водящую цыплят.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. I. М.; Л., 1949.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Алинеи М. О названиях радуги в Европе // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.

Аникин А.Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск, 1988.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

БД – Българска диалектология. I–. София, 1962–.

Бломквист Б.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956 (Труды Института этнографии. Новая серия, XXXI).

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Карта 13. Названия радуги // Восточнославянские изоглоссы. 1995. М., 1995.

Булаховский Л.А. Общеславянские названия птиц // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. VII, вып. 2. М.; Л., 1948.

Варбот Ж.Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением ‘быстрый’. III // Этимология. 1994–1996. М., 1997.

Варбот Ж.Ж. Славянские представления о скорости в свете этимологии (к реконструкции славянской картины мира) // Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. М., 1998.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. I, II. М., 2000 (конволютный репринт изданий: I. Харьков, 1916; II. М., 1913).

inslav

Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I–II. Тбилиси, 1984. [Пагинация единая для двух книг.]

Георгиев В. Въпроси на българската етимология. София, 1958.

Геров Н. Речник на българския език. Т. 1–6. София, 1975–1978 [фототипическое воспроизведение издания 1895–1908 гг.].

Гринченко Б.Д. Словарь украинского языка. I–IV. Киев, 1907–1909.

Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже. Ярославль, 1992.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. I–IV. М., 1955 [перепечатка 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882].

Дзендзелівський Й.О. Українсько-західнослов'янські лексичні паралелі. Київ, 1969.

Дзендзелівський Й.О. Програма для збирання матеріалів до Лексичного атласу української мови. Київ, 1987.

Дыбо А.В. Пальцевые меры длины (пяди) в алтайских языках // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы. М., 1995.

Журавлев А.Ф. Из русской обрядовой лексики: "живой огонь" // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1976. М., 1978.

Журавлев А.Ф. Охранительные обряды, связанные с падежом скота, и их географическое распространение // Славянский и балканский фольлор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978 (а).

Журавлев А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994.

Журавлев А.Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры. М., 1999.

Журавлев А.Ф. Материалы к Жиздринскому словарю // Материалы и исследования по русской диалектологии. II(VIII). М., 2004.

Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева "Поэтические воззрения славян на природу". М., 2005.

Завьялова М.В. Модель мира в литовских и русских заговорах "от змеи" (сопоставительный анализ) // Балто-славянские исследования. 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. М., 2000.

Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект "Каталога семантических переходов" // Вопросы языкознания, 2001, № 2.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). [1]: Введение. Сравнительный словарь (*b–Ḳ*). М., 1971.

Исаев М.И. Осетинский язык // Языки народов СССР. I. Индоевропейские языки. М., 1966.

ИЭСОЯ – *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. I. М.; Л., 1958. II–IV. Л., 1973–1989.

Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2003.

Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003.

inslav

Леписье Ж. Этимология русск. *потолок* // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.И. Борковского. М., 1971.

Лисенко П.С. Словник поліських говорів. Київ, 1974.

Майков 1994 – Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова. СПб., 1994.

Макаренко А. Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993.

Меркулова В.А. Народные названия болезней, II. (На материале русского языка) // Этимология. 1970. М., 1972.

Милорадович В.П. Заметки о малорусской демонологии // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.

Мильков Ф.Н. Словарь-справочник по физической географии. М., 1970.

Мурзаев Э.М. Анатомическая лексика в народной географической терминологии // Э.М. Мурзаев. Очерки топонимики. М., 1974.

Мурзаевы Э. и В. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

Непокупный А.П. "Пояс" – одно из названий радуги в атласах балтийских и славянских языков // Baltistica. V (1). Vilnius, 1969.

Непокупный А.П. Балто-севернославянские языковые связи. Киев, 1976.

Никитина Т.Г. Молодежный сленг. Толковый словарь. М., 2003.

Новгородский областной словарь. 1–13. Новгород (Великий Новгород), 1992–2000.

ОЛА Животный мир – Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. 1. Животный мир. М., 1988.

Онишкевич М.Й. Словник бойківських говірок. 1–2. Київ, 1984.

Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964.

Приамурский словарь – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.

Прокопенко В.А. Областной словарь буковинских говоров // Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972.

Проценко Б.Н. Духовная культура донских казаков. Заговоры, обереги, народная медицина, поверья, приметы. Ростов-на-Дону, 1998.

Псковский словарь – Псковский областной словарь с историческими данными. 1–. Л. (СПб.), 1967–.

Романова Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975.

РСА – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. I–. Београд, 1959–.

Русские заговоры и заклинания. Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. М., 1998.

СИГТЯ Лексика 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997.

Славянские древности. Этнолингвистический словарь. 1. – М., 1955 –.

Словарь донского казачества – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Словарь русских говоров Карелии – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1–. СПб., 1994–.

СлРЯ XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. 1–. М., 1975–.

Смирнов–Ильинская 1992 – Встану я благословясь... Лечебные и любовные заговоры, записанные в части Архангельской области. Издание подготовлено *Ю.И. Смирновым* и *В.Н. Ильинской*. М., 1992.

СРНГ– Словарь русских народных говоров. 1, 2. М.; Л., 1965–1966. 3–. Л. (СПб.), 1968–.

inslav

СПЗБ – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. 1–5. Мінск, 1979–1986.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994.

Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.

Страхов А.Б. К балто-славянским семасиологическим параллелям (названия радуги) // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября – 2 декабря 1983 г. М., 1983.

Толовски Д., Иллич-Свитыч В.М. Македонско-русский словарь. М., 1963.

Толстой Н.И. Из географии славянских слов. 8. 'Радуга' // *Н.И. Толстой.* Избранные труды. 1. Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Топоров ПЯ – *Топоров В.Н.* Прусский язык. Словарь. [1.] *A–D.* М., 1975. [2.] *E–H.* М., 1979. [3.] *I–K.* М., 1980. [4.] *K–L* (**kirk – *laid-ik-*). М., 1984. [5.] *L* (*laydis – *lut- & *mod-*). М., 1990.

Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. (Этимологические исследования). М., 1960.

Трубачев О.Н. "Молчать" и "таять". О необходимости семасиологического словаря нового типа // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964.

Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. М., 1967.

Ушаков – Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. I–IV. М., 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. I–IV. М., 1964–1973.

Фольклорные сокровища Московской земли. 1. Обряды и обрядовый фольклор. М., 1997.

Цинциус В.И. Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губно-губным **п''* и заднеязычным **к''* // Алтайские этимологии. Сборник научных трудов. Л., 1984.

Шимански Т. Из праславянската митологическа терминология в българския език: жив огън // Български език, 1983, № 5.

Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М., 2002.

ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–. Мінск, 1978–.

ЭСИЯ – *Расторгуева В.С, Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. 1–. М., 2000–.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1–. М., 1974–.

ЭСТЯ [1974–] – *Э.В. Севортян.* Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974; ...Общетюркские и межтюркские основы на букву "Б". М., 1978; ...Общетюркские и межтюркские основы на буквы "В", "Г" и "Д". М., 1980; [*Коллектив авторов.*] Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы "Ӂ", "Ж" и "Й". М., 1989; ...Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы "К", "Ҡ". Выпуск первый. М., 1997; ...Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву "К". Выпуск второй. М., 2000.

inslav

Юдин А.В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.

Boryś W., Popowska-Taborska H. Słownik etymologiczny kaszubszczyzny. I–. Warszawa, 1994–.

Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago; London, 1949.

Doroszewski – Słownik języka polskiego. Red. *W. Doroszewski*. I–. Warszawa, 1958–.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. (1–). Praha, 1989–.

ESSJ – Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. 1–2. Praha, 1973–1980.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg; Göttingen, 1955–1965.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Aufl. bearb. von W. Mitzka. Berlin, 1967.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Miklosich F. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1867.

Muka E. Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I. Пг., 1921.

Nikolayev S.L., Starostin S.A. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994.

RJA – Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb, 1880-1967.

Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. I–II. Ljubljana, 1894–1895.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Bern, 1949–1959.

Schröpfer J. (Herausgeber). Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Region Mittel-, Ost- und Südosteuropa. I. Heidelberg, 1979.

Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–III. Zagreb, 1971–1973.

Snoj M. Slovenski etimološki slovar. 2 izd. Ljubljana, 2003.

SP – Słownik prasłowiański. I–. Wrocław etc., 1974–.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. I–VII. Wrocław etc., 1967–1976.

Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910.

Э.Г. Туманян

(Россия)

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ПРОЦЕССАХ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

На различных исторических этапах своего бытия народы обнаруживают явления культурно-языковой интеграции и дифференциации, а иногда и то и другое одновременно.

Явления эти в ряде случаев принимают столь причудливые и непредсказуемые формы и настолько противоречиво отражают-

inslav

ся на состоянии самого общества в целом, что заставляют исследователя, желающего добраться до сути проблем, заняться сперва расчисткой беспорядочно нагроможденных исторических фактов и только после этого приступить к анализу самого существа происшедшего. Это особенно характерно для событий, исторически далеко от нас отстоящих. Поэтому их анализ требует комплексного подхода с привлечением данных, освещающих не только историю этноса, состояние языка, уровень культуры, но также и, в немалой степени, конфессиональные параметры – особенности вероисповедания и его атрибуты.

Взгляд, направленный в прошлые тысячелетия, не оставляет сомнения в том, что каждая из конфессий мирового значения в отдельности оставила глубокий след как в истории и культуре, так и в языке принявших ее народов. Воздействие религии было настолько многоаспектным, что изменило саму сущность этнического бытия, восприятие окружающего мира и мировоззрение целых народов. Она изменила эстетику и мораль, а, по существу, и специфику народного менталитета, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. Человечеству известны и мрачные страницы ее истории. Религия способна была разъединить народы, усиливая процессы дифференциации, но она также могла объединить их, организуя новые общества.

Следует признать, что появление и распространение таких фундаментальных религий мирового значения, как христианство, иудаизм, буддизм и ислам, имели для принявших их народов огромное культурно-историческое значение. Они стимулировали зарождение письменности и литературных традиций. Конфессии внедряли в этнические языки множество лексических и синтаксических неологизмов, ведущих нередко к появлению значительных внутриструктурных сдвигов, способных изменять и даже перестраивать этническую специфику языка.

В работе поставлена задача: разобраться на основе документально засвидетельствованных фактов в специфике влияния конфессий на процессы культурно-языковой интеграции, с одной стороны, и дифференциации – с другой. Вероисповедания имели судьбоносные последствия для народов, о которых здесь будет идти речь, хотя результаты их воздействия носили диаметрально противоположный характер.

Исследование, представленное в настоящей, работе касается двух древних народов с совершенно разными историческими и этнографическими параметрами, такими, как язык, культурно-ис-

inslav

торические традиции, вероисповедание, географическое расположение, территория обитания и пр.

Предметом анализа будут, с одной стороны, армяне, жившие в период с I–V вв., и индусы, начиная с XII–XV вв., вплоть до наших дней. Армяне по вероисповеданию христиане, индусы – буддисты. Позже часть индусов приняла ислам. Ниже мы рассмотрим по отдельности исторические судьбы обоих народов.

Среди древних народов армяне были одними из первых, официально принявших христианство. В 301 г. по инициативе Григория Просветителя из рода Аршакидов, опиравшегося на поддержку царя Тиридата III и царского двора, христианство было признано официальной религией. Примечательно, что алфавита и собственной письменности на национальном языке еще не существовало. Идеи христианства в языческой Армении проповедовались еще во II веке. Иррадиация этих идей шла в основном из Сирии и Малой Азии, откуда в Армению проникали сирийские и греческие проповедники христианства. В III веке во многих районах Армении были организованы тайные христианские общины, исподволь дискредитирующие и вытесняющие идеи язычества.

Геополитическое положение Армении было таково, что она исторически постоянно оказывалась между враждующими друг с другом могущественными державами, каждая из которых стремилась склонить армянских правителей на свою сторону либо силой оружия, либо путем коварных дипломатических интриг. На востоке соседом армян была Парфия, впоследствии вытесненная враждебной ей Сасанидской Персией. На западе – грозная Римская Империя, позже – христианская Византия, главный враг Сасанидов. Воюя между собой, они с переменным успехом втягивали Армению в свои распри, устав от которых временами устанавливали непрочное перемирие. В такие периоды в Армении наступал мир, дававший ей передышку и возможность заниматься внутренними делами.

Находящаяся на стыке торговых путей между Западом и Востоком, Армения неизменно рассматривалась окружающими государствами как "лакомый кусок", который, однако, ни одно из них не могло "проглотить" целиком. В течение многих веков Армения лавировала между этими державами и, в зависимости от политической конъюнктуры, а также и от того, кто из воюющих сторон брал верх, склонялась то на одну, то на другую сторону.

inslav

В течение I–III веков Армения находилась в эпицентре римско-парфянского соперничества. При этом она чаще склонялась на сторону Парфии, нередко совместно с парфянами изгоняя римлян со своей территории. "Римляне достигали успеха или военной силой, или коварством; парфы – более глубоким влиянием, основанном на сродстве культуры и обычаев двух народов. Для армян римляне...были народом чужим..., парфы – соседями и друзьями" (Брюсов, 1989: 64).

Культурно-эстетическая и интеллектуальная ориентация армянского общества, особенно его верхних слоев, в отношении окружающих страну государств носила далеко неоднозначный характер. Начиная с I в. до н.э., т.е. с правления армянского царя-эллинофила Тиграна Великого, и до III в. приоритетными для армянского общества считались греко-римские, особенно эллинистические, культурные традиции, которые сильно влияли на языческую Армению, не имеющую пока еще своей письменности. Приверженность армян в эпоху еще до Рождества Христова и все последующие века к эллинской культуре поддерживалась прежде всего высшим светом, царским двором. Армянская молодежь охотно обучалась в греко-римских и сирийских культурных центрах. За неимением собственной письменности армяне использовали греческий или сирийский языки, на которых излагали свои мысли. При дворе Тиграна Великого в I в. до н.э. существовал театр, в котором представления, по всей вероятности, шли на греческом языке.

В отличие от знатной верхушки и армянского двора, основная масса населения, собственно "демос" не был замечен в особом эллинофильстве. Традиционные исторические связи теснее были с Востоком: многовековое соседство с язычниками-парфянами сделало последних духовно более близкими армянам. Более того, в результате контактов с персами в повседневной жизни, общности языческих верований и ритуалов, сходства в пище и одежде, образования внутрисемейных смешанных союзов сформировался в армянском социуме субкультурный слой, наличие которого хорошо отражено в лексике армянского языка с древнейших времен. К этому следует добавить, что персидский язык имел достаточно широкое хождение в повседневной бытовой и дворцовой деловой жизни.

В 226 г. на территории соседнего Ирана возникло могущественное Сасанидское государство, оттеснившее парфян, что совпало с ослаблением Рима. Сасаниды становятся смертель-

inslav

ными врагами Армении, особенно после принятия ею христианства.

Не сумев поглотить всю Армению целиком, Византия и Сасанидская Персия, сговорившись, в 387 г. делят ее для удобства на две части и в таком виде включают в состав своих империй. В результате Византия на принадлежащей ей значительно меньшей территории ликвидировала армянскую государственную самостоятельность. Персы-Сасаниды избрали более утонченную и коварную политику в отношениях с христианской Армением.

В отличие от язычников-парфян, религиозные воззрения которых отличались достаточной либеральностью и нередко совпадали с мироощущением армян, Сасаниды были полны решимости восстановить у себя в стране зороастризм и с не меньшей решимостью намеревались ликвидировать в Армении христианство, не успевшее к тому времени еще достаточно окрепнуть. Христианизацию Армении они рассматривали как идеологическую базу для ее политической ориентации на враждебную персам Византию. С другой стороны, усиление конфессионального противостояния укрепляло у армян идею языковой, политической и экономической независимости от Сасанидов. Поэтому последним необходимо было любой ценой разделаться с христианством, как главной угрозой. Персы, понимая, что христианство нужно было чем-то заменить, стали настойчиво внедрять маздеизм, который при Сасанидах был окончательно оформлен как государственная религия. В случае, если бы это произошло, Армении неизбежно бы грозил возврат к многовековым языческим обрядам, нередко с такими крайне отрицательными явлениями, как распространение промискуитета. Однако этим планы Сасанидов по переустройству Армении не ограничивались. Впрочем, персы настаивали не только на принятии маздеизма, одновременно они добивались и перехода на персидский язык.

Для реализации этих замыслов существовали вполне подходящие условия как в чисто психологическом, так и лингвистическом плане. Во-первых, этому способствовало достаточно шаткое, психологически неокрепшее положение христианского учения в основной массе армянского этноса. Во-вторых, нельзя было не учитывать наличие высокой толерантности армян к персидскому языку Все это весьма облегчало его проникновение в коммуникативное пространство армянского общества. Персы выбрали действительно беспроигрышный вариант полного поглощения Армении. Для этого надо было любым способом принудить армян

inslav

отказаться от христианства и официально принять маздеизм, а также внедрить персидский язык путем его широкого применения в школах и в других социально-общественных сферах. В тот исторический период условия для реализации этого грандиозного плана складывались весьма благоприятно.

Христианство, как уже было сказано, спустя сто лет после его официального принятия в 301 г., еще не успело пустить достаточно прочные корни. За неимением собственной письменности богослужение в церквях и обучение в школах велись на непонятных греческом и сирийском языках (Туманян, 1968, 441). Христианство внедрялось сверху правящим, элитным слоем общества: образованным духовенством, царским двором, представители которого получили образование в эллинистических, а позже и в христианизированных культурных центрах, знали греческий и сирийский языки и были хорошо знакомы с имеющей хождение на этих языках христианской литературой. Они хорошо усвоили и прониклись моральными, духовными и интеллектуальными ценностями христианской идеологии. Основная же масса новообращенного народа религиозные обряды совершала формально, ибо сама сущность духовно-философской концепции этой конфессии из-за языковых барьеров оставалась для бывших язычников чуждой и малопонятной. Главной причиной такой несостоятельности следует считать, прежде всего, отсутствие национальной письменности, а, следовательно, отсутствие возможности делать переводы христианского учения на общепонятный для народа язык. Добавим к этому, что часть князей-нахараров, подкупленная льстивым царским двором Сасанидов, склонялась в сторону принятия маздеизма, или, в лучшем случае, колебалась. Кроме того, в народе все еще сохраняли достаточно прочные корни языческие верования, соответствующие обряды, по словам историков, совершались нередко ночью, “как тайный блуд”.

Внедрение же самого персидского языка в армянскую среду тоже не представляло особых сложностей. Известно, что армяне тесно соседствовали с иранскими племенами, начиная с VII в. до н.э. Более тысячелетия они были либо в вассальных отношениях с персами, либо полностью им подчинялись; нередко совместно воевали против общих врагов. Персидский язык был армянам хорошо знаком, поскольку в течение многих веков соседства, совместных войн, процедур взимания налогов и дани и т.д., он имел достаточно широкое хождение в армянской среде. Как показал анализ заимст-

inslav

вований, относящихся к различным историческим периодам развития персидского языка (пехлевийский, среднеперсидский и пр.), армянский язык был чрезвычайно насыщен, буквально наводнен общеупотребительными иранизмами, притом самыми необходимыми для повседневной коммуникации словами. Естественно, что взаимопонимание в этих условиях не составляло особого труда. Добавим к этому, что дипломатические, деловые и прочие официальные бумаги до изобретения армянского алфавита скорее всего тоже составлялись на персидском языке (Ачарян, 1940: 222). Все это чрезвычайно влияло на армянский язык, заполняя его множеством иранских инноваций, представленных как в виде самостоятельных лексических единиц, так и оборотов и фраз. Мощным также было влияние иранской антропонимики и ономастики вообще: иранские собственные имена охотно перенимались армянами, получая довольно широкое распространение, наряду с манерой одеваться, готовить пищу, обустраивать быт. Армянский язык структурно-семантически приобретал все большее сходство с персидским.

Сравнивая персидский и армянский языки, Р. Ачарян приводит любопытный образец текстов. Сходство, действительно, поразительное. Приведем отрывок из этих текстов с буквальным переводом.

Персидский	Армянский
Yak bizišg ba-mardumī hazār diram pūl dād, va noh māh zamān dād. Īn mardum kafšgar būd va bā čahār šāgirdān-aš kurba-i kafšgari bāz kard.	**Mek bžišk mi mardu hazar dram phoγ tveç, ev inn amis žamanak tveç. Ayn mardn koškakar ēr ev čors ašakertnerov krpak koškakari baç areç.**

Букв. перевод: *Один врач одному человеку тысячу драм денег дал, и девять месяцев время дал. Тот человек сапожник был и с четыре учениками лавочку сапожника открыл* (Ачарян, 1940, 223).

Ниже выборочно приводим список заимствований из различных исторических этапов развития персидского языка (по Ачаряну, 1940: 240–292).

Как видно из списка, звуковое оформление заимствованных слов в значительной степени совпадает с пехлевийским. Это естественно, заключает Ачарян, поскольку в Парфянский период армяне были более тесно связаны с персами религией, литературой и даже родовыми царскими узами. При Сасанидах же они как ре-

inslav

Армянский	Перевод	Пехлевийский	Персидский
axt	болезнь, порок	axt	–
amanak	время	amānak	amāna
azat	свободный	āzāt	āzād
ašakert	ученик	ašākert	šāgird
asp	лошадь	asp	asb
astaŕ	подкладка	āstar	āstar
aržan	достойный	aržān	arzān
bašx	налог, дань	baxš	baxš
barj	подушка	barz	bāliš
bžišk	врач	bižišk	bizišk
brinj	рис	–	birinj
dašn	союз	dašn	–
dašt	поле	dašt	dašt
datavor	судья	dātavar	dādvar
despan	посол	dēspān	–
džvar	трудный	dušvār	dušvār
draxt	рай	draxt	diraxt
gazar	морковь	–	gazar
gah	трон	gāh	gāh
ganj	сокровище	ganj	ganj
gavazan	посох	gavāzan	gēvzana
gerezman	могила	gazōtmān	garazmān
gōyn	цвет	gūn	gūn
erak	жила, вена	rak, rag	rag
erašt	засуха	rašt	rašt
thang	дорогой	tang	tang
thošak	пенсия	tōšak	tōša
zangak	колокольчик	zang	zang
zēnkh	оружие	zen	–
zor, zorkh	войско, сила	zōr	zōr
žahr	яд	zahr	zahr
žamanak	время	žamānak	zamāna
žang	ржавчина	žang	žang

лигией, так и царскими династиями уже были чужды друг другу, а позднее отделилась и литература (Ачарян, 1940: 236).

Продолжая этот список уже без персидских примеров убеждаемся в том, что армянский язык усвоил самые распространенные лексические единицы, которые ввиду их повседневности и длительного употребления стали для современного армянина полностью исконными.

inslav

xortik '*обед*', **kaγamb** 'капуста', **kamay** '*по желанию*', *желание*', **kapoyt** '*синий*' **karmir** '*красный*', **čermak** '*светлый*', **seav** '*черный*', **spitak** '*белый*', **kar** '*сила*', **karag** '*масло сливочное*', **koyr** '*слепой*', **kond** '*инвалид*', **košik** '*обувь*', **hazar** 'тысяча', **hangamankh** '*обстоятельства*', **handart** '*спокойно*', **hašt-uthyun, hašt** '*мирно*', **harevan** '*сосед*', **havasar** '*равноправный*', **hpatak** '*подданный*', **hramayel** '*приказывать*', **hraškh** '*чудо*', **čakat** '*лоб*', **čanaparh** '*дорога*', **čaš** '*обед*', **črag** '*лампада*', **margarē** '*пророк*', **mom** '*воск, свеча*', **yašt** '*жертва*', **yišel** '*помнить*', **naxarar** '*князь*', **nahanj** '*отступление*', **nawth** '*нефть*', **nizak** '*копье, пика*', **nihar** '*худой*', **nšan** '*знак*', **šapik** '*нижнее белье*', **oyž** '*сила*', **ostan** '*большой город*', **pahak** '*страж*', **payman** '*условие, заключение*', **psak** '*корона*', **ґamik** '*простолюдин*', **sahman** 'граница', **sov** '*голод*', **sox** '*лук*', **sug** '*траур*', **vat** '*плохой*', **vasn** '*из-за*', **vermak** '*одеяло*', **vnas** '*вред*', **vtang** '*опасность*' и т.д. (цит. по Ачаряну, 1940).

Анализ лексико-семантического содержания приведенного списка иранизмов в армянском языке вызывает ряд вопросов. Например, в чем причина такой прозрачности армянского языка, толерантности к наплыву персидской лексики? Почему армяне заимствовали самые обычные, общеупотребительные слова, которые не могли отсутствовать в их родном языке, способствуя тем самым появлению множества синонимов? К примеру, почему армяне – известные коневоды – взяли слово **asp** '*лошадь*' у иранцев, образовав от него вдобавок ряд сложных слов, когда у них имелось свое собственное слово **ji**? Понятно, когда в язык проникают такие неологизмы как **brinj** '*рис*', **gazar** '*морковь*': вероятно, у армян отсутствовали указанные овощные культуры. Но почему армяне позаимствовали у персов такие слова как 'поле', 'лоб', 'враг', 'голод', 'могила', 'лекарь' и прочие – остается загадкой. По-видимому, у армян был какой-то респект, психологическая восприимчивость к иранскому быту, образу жизни, которые на протяжении тысячелетия способствовали массовому проникновению иранизмов. Последние до такой степени оккупировали армянский язык, что ввели в заблуждение ранних компаративистов, причисливших его ошибочно к иранской группе индоевропейской семьи языков. Это длилось до тех пор, пока Г. Гюбшман при определении места армянского языка среди индоевропейских языков не решил взять за основу не лексику, а главным образом звуковые соответствия. Этим он и определил самостоятельный характер армянского языка в индоевропейской семье (Hübschmann, 1875: 23).

inslav

Все это свидетельствует о том, что для персов открывалась заманчивая перспектива "имплантировать" персидский язык в армянскую среду, не опасаясь его "отторжения" как "чужеродного" элемента. Плавная лингвистическая интервенция в коммуникативное пространство страны была вполне реальной. Над Арменией, разделенной между Византией и Персией, нависла смертельная опасность потерять этнический язык и национальную культуру (Манандян, 1962: 29). А это, в свою очередь, грозило полной ассимиляцией армянского этноса и исчезновением его самостоятельности как народности. И персы это прекрасно понимали. Но понимали ее и армяне.

Реальная угроза национальной независимости армян с последующей их полной ассимиляцией в чужеродной среде воспринималась армянами, в особенности высшей церковной и дворцовой властью, как призыв к решительным действиям. В качестве первостепенной задачи необходимо было укрепить позиции христианства путем создания возможности для его активной пропаганды в формах, доступных для восприятия широкими массами. Становилось очевидным, что христианство, а вместе с ним и национальную независимость можно было спасти только путем создания собственной письменности, позволяющей переводить на понятный народу армянский язык эстетические, философские и морально-интеллектуальные основы христианского вероучения как духовно объединяющего народ фактора. Проблема создания национального армянского алфавита приобретает неотлагательный, судьбоносный характер. Эту задачу, как показано дальше, берет на себя армянская церковь, которая становится главным организатором и направляющей силой.

Зарождение зачатков письменности в древнейший период, до возникновения религий мирового значения, обычно связано с повседневными деловыми потребностями дворцовых хозяйств: учет товаров, поставок, деловая переписка и т.д. (Туманян, 1985: 37). Так обстояло дело, например, в истории появления алфавита А и В в Микенском царстве во II–I тысячелетии до н.э. О том же свидетельствуют клинописные таблички царского дворца государства Угарит, расположенного у Средиземного моря во II тысячелетии до н.э. Написанные на угаритском языке местной "алфавитной" клинописью, эти таблички являются преимущественно деловыми документами царского дворца, освещающими хозяйственную, торговую, дипломатическую и прочую деятельности (Шифман, 1985: 7 и сл.; Сегерт, 1965: 12 и сл.).

inslav

Наивно-примитивный, предельно приближенный к природе характер верований человека прошлых тысячелетий вполне соответствовал уровню его развития в тот далекий период и не нуждался в письменной фиксации. Иначе складываются обстоятельства, когда религия поднимается на более высокий концептуальный, морально-интеллектуальный уровень, приобретая философские основы значительно более высокого порядка, как это произошло с иудаизмом, буддизмом, христианством и исламом. Для усвоения духовно-эстетических, философских и нравственно-концептуальных основ этих фундаментальных конфессий была необходима их письменная фиксация, облегчающая дальнейший перевод на языки других народов. Все это в конечном итоге являлось поводом и мощным стимулом к созданию письменности и литературных традиций у многих, прежде бесписьменных, этносов.

История изобретения оригинального *армянского алфавита* и возникшей вслед за этим необычайно богатой словесности является блестящим примером наличия причинно-следственных взаимосвязей между принятием христианства и появлением национальной письменной культуры, способствовавшими сохранению армянского этноса от угрозы ассимиляции персами.

Христианское учение сформировалось с середины I–II веков н.э. Примерно этим временем датируется появление книг Нового Завета, куда вошли Евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна, а также Апокалипсиса, затем Деяний Апостолов и Послания Апостолов. В отличие от I века, когда христианство опиралось исключительно на евреев-прозелитов, во II веке этнической базой для распространения новой религии становится многонациональное население Римской Империи (Крывелев, 1985: 58).

Привлекательность христианства во многом была связана с его морально-этическими устоями, проникновением во внутреннее бытие человека, в строй его духовной жизни, в моральном кодексе учения, проповедывающем всепрощение и милосердие.

Для армян христианство имело еще и судьбоносное значение, поскольку духовно объединяло народ, спасая от угрозы ассимиляции. Нужна была пропаганда идеологических основ христианского учения в доступной форме на родном языке. А для этого нужен был национальный алфавит. За эту задачу взялась национальная церковь во главе с католикосом Сааком и при поддержке царя Врамшапуха.

Из истории известно, что всякая необходимость в критических ситуациях способствует появлению в нужном месте и в нуж-

inslav

ное время нужного человека. Таковым оказался Месроп Маштоц – изобретатель армянского алфавита, возведенный впоследствии в армянских скрижалях в ранг святых.

Науке документально известны имена нескольких создателей алфавитов древних народов: это епископ Вульфила – автор готского алфавита (IV в.), Кирилл и Мефодий – творцы старославянского алфавита (IX в.) и Месроп Маштоц – изобретатель армянской письменности в 406 г. Он же осуществил первый перевод Библии на армянский язык (Туманян, 1968: 439).

О Маштоце, как христианском проповеднике и изобретателе армянского алфавита, собрана обширная литература, истоки которой восходят к V в. Важнейшим из таких памятников является "Житие Маштоца", составленный его ближайшим учеником Корюном, благодаря которому мы имеем достоверные сведения о жизни и деятельности одного из величайших основателей армянской национальной культуры и письменности.

В самом начале книги Корюн указывает, что он собирается повествовать "о письменах, дарованных Господом стране Армянской..., о том, когда и при каких обстоятельствах были они пожалованы и рукою какого мужа была проявлена эта новая милость Божья, а также о светлом учении того мужа..." (Корюн, 1962: 77). Этот труд особенно ценен тем, что Корюн, как один из учеников Маштоца, является свидетелем, современником и активным участником описываемых событий. Далее автор сообщает, что Месроп Маштоц с детства обучался греческой письменности, служил при царском дворе, где занимал высокий пост в канцелярии (делопроизводство обычно велось на греческом, сирийском или персидском языках). Вскоре он принимает духовный сан и отправляется в провинцию Гохтн, которая особенно известна своими языческими обычаями. Здесь развертывается его проповедническая деятельность, в процессе которой Маштоц лично убеждается в необходимости иметь общепонятную литературу по основам христианского учения на родном языке.

Интересные сведения об этом периоде жизни Маштоца сообщает историк Моисей Хоренский. "Маштоц во время своего учительства терпел большие затруднения: в одно и то же время он был чтецом и переводчиком. И если другому приходилось читать там, где его не было, слушатели ничего не понимали за неимением переводчика" (Хоренский, 1893: 184). Это угрожало необратимым процессом возврата к привычному язычеству. Маштоц понимал, что положение может спасти только создание национальной

inslav

письменности и перевод христианского учения на армянский язык. Для этого нужен был свой алфавит. С этой задачей Маштоц едет к католикосу Сааку, у которого находит полную поддержку. Они обращаются за помощью к царю Врамшапуху, и он им сообщает, что у сирийского епископа Даниила есть армянские письмена. По повелению царя к епископу был отправлен гонец, который доставил Сааку и Маштоцу указанные "письмена". Маштоц вместе со своими учениками в течение двух лет пользовался этими письменами, после чего он пришел к выводу, что они "недостаточны, чтобы выразить (все) силлабы-слоги армянского языка", так как заимствованы из других языков. Тогда Маштоц с группой учеников направился в города Эдессу, Амид и затем и Самосату, известные в то время своими школами и библиотеками, где он продолжет изучать алфавиты и письмена других народов. Учеников своих он делит на две группы – одна едет в Самосату для изучения греческого языка и словесности, другая остается в Эдессе, чтобы получить сирийское образование. После долгих поисков и раздумий Маштоц создает алфавит. В Самосате Маштоц, по свидетельству Корюна, отшлифовывает свой алфавит и приступает к переводу Библии. Возвратившись на родину с письменами, он при содействии и поддержке католикоса и царя открывает в различных районах страны школы, где развертывает свою культурно-просветительскую и переводческую деятельность (Корюн, 1962: 90–92).

Созданный в начале V в. национальный алфавит дает мощный толчок расцвету армянской словесности и национальной культуры. Основанные католикосом и Маштоцом переводческие школы создали богатую литературу первоначально путем перевода в основном с греческого и сирийского. Основная масса этих произведений в первой половине V в. являлась, разумеется, богословской ввиду необходимости закрепить и упрочить морально-эстетические основы христианского учения. В некоторых из них критиковалась духовно-интеллектуальная несостоятельность насильственно внедряемого в страну маздеизма (Лео, 1962: 80–82). Так, в качестве борьбы с языческой идеологией один из учеников Маштоца – Езник Кохбаци написал "Опровержение ересей". Книга эта считается лучшим образцом древнеармянского классического языка V в.

Многочисленные переводы с греческого и сирийского языков позволили в дальнейшем восстановить ряд текстов древнегреческих авторов, оригиналы которых были утеряны (напри-

inslav

мер, "Хроники" Евсевия Кесарийского, "Апология" Аристида, "О природе" Зенона Стоика). В дальнейшем были представлены почти все отрасли знания древнего мира: философия, география, история и историография, грамматические учения, астрономия и пр.

Наряду с переводной, в V в. была заложена и оригинальная национальная словесность, благодаря чему V в. в истории армянской культуры стал именоваться "золотым веком".

Умер Маштоц 17 февраля 440 г. в городе Вагаршапате.

Расцвет армянской словесности вместе с активной проповеднической деятельностью значительно укрепили идеологические позиции христианства в Армении. Все это стало фактором не только огромного культурно-исторического, но и судьбоносного значения, поскольку способствовало сохранению армянского этноса и его языка в условиях ассимиляторской политики Сасанидской Персии. А последняя не собиралась расставаться со своими планами в отношении Армении.

Правитель Персии Иездигерд II, оставив попытки уговорить армян отказаться от христианства, перешел к решительным и жестким действиям сразу против трех христианских народов – армян, грузин и албанов (или агваны – древняя исчезнувшая кавказская народность). В 449 г. он послал нахарарам (князьям) этих народов приказ, требовавший отказаться от христианства, принять зороастризм, построить капища и вести преподавание в школах на персидском языке.

Заранее предвидя последствия, армяне созвали собор в составе духовенства и нахараров, где единодушно решили отклонить эти требования. Грузия и Агванк поступили так же. В итоге в 451 г. началась длительная война, которая велась с переменным успехом, возобновляясь в 481 г. и даже позже. В конце концов, персы вынуждены были отказаться от своих религиозно-ассимиляторских притязаний и заключили мирный договор, длящийся до VI–VII вв., вплоть до арабского нашествия.

Несмотря на все войны и сражения, армянский народ, благодаря мощной интегрирующей роли и духовно-интеллектуальному воздействию христианской конфессии, смог преодолеть угрозу полной ассимиляции, сохранил свою культуру, родной язык, создал алфавит и богатую национальную словесность. Оригинальный алфавит почти без изменений служит и в настоящее время.

inslav

Перейдем ко второй части нашего исследования, где рассматривается другая ипостась вероисповедания. Здесь религия выступает в качестве дифференцирующего фактора в развитии этноязыковых процессов.

Речь пойдет о расщеплении одного и того же языка на варианты в результате деления самого общества на разные конфессионально-духовные группировки, т.е. о дивергентном развитии одного и того же языка и народа вплоть до образования двух литературных вариантов, которое происходит главным образом вследствие воздействия такого мощного экстралингвистического фактора как ислам. Примером служит образование на базе индийского народно-разговорного языка **кхари боли** двух литературных вариантов – *урду* и *хинди*. "Трудно, пожалуй, найти более яркий и специфичный пример влияния общества на судьбу народа и его языка, чем это имеет место в истории возникновения и взаимодействия хинди и урду" (Баранников, 1969: 157).

Формирование двух литературных вариантов хинди связано с завоеванием Северной Индии тюрками в XII в., созданием государства с мусульманским двором, со своей столицей, культурными традициями, языком и религией. Официальным языком культуры у завоевателей был персидский как язык мусульманства. Тюркский (восточно-тюркский) сохранялся как язык домашнего общения. "Вместе с тюркскими завоевателями, – пишет Чаттерджи, – в Индию пришло и подвластное им персоязычное воинство и чиновничество" (Чаттерджи, 1977: 181) Утвердившиеся в Индии тюрки и персы принесли с собой не только персидский язык: оседая в стране, они стали брать себе в жены индийских женщин. Ассимилируясь с местным населением, завоеватели усвоили язык аборигенов, но обратили их при этом в свою веру: дух мусульманской исключительности взял верх, и завоеванные народы приняли ислам. Этому способствовало, возможно, и то обстоятельство, что ум индуса, по мнению Чаттерджи, не скован религиозной догмой, и он готов принять любую точку зрения, которая представляется разумной (Чаттерджи, 1977: 63).

Язык *урду* возник как следствие мусульманизации части индийского населения. Процесс его формирования первоначально носил стихийный характер (Туманян, 1988: 62). Пришельцы-мусульмане привнесли в Индию много новых общественно-политических институтов, религиозных идей и литературных образов, предметов обихода. В диалекте кхари боли нашли широкое упо-

inslav

требление их названия арабско-персидского происхождения. На основании обогащенного опорного диалекта Дели развился народно-разговорный язык, получивший название *хиндустани* (Клюев, 1965: 84). Таким образом, наибольшему влиянию мусульманской культуры и религии подвергся диалект района Дели – кхари боли. Вместе с арабской и тюркской лексикой в кхари боли проникали и слова повседневного значения, нередко вытесняя индо-арийские эквиваленты (Баранников, 1969: 159).

Первоначально персидский язык завоевателей был всего лишь "официальным языком мусульманских правителей и судов, отправлявших правосудие согласно шариату [...], затем он заменил хинди и другие языки в налоговом управлении" (Чаттерджи, 1977: 148). Многие индусы, чтобы поступить на правительственную службу, стали его изучать. Это дало толчок к развитию *персианизированного хинди*, т.е. **урду.** "В XVIII–XIX вв. писатели городов Дели, Лакхнау, Лахора и Хайдарабада на Декане, являвшиеся проводниками персоязычного влияния, существенным образом изменили самый дух урду, в результате чего появились основания называть урду мусульманской формой языка хинди" (Там же). Урду является языком мусульман на севере Индии от границ Пакистана с Афганистаном до Бенгалии. "С ростом мусульманского самосознания урду в своей правильной форме распространяется среди огромного числа североиндийских мусульман в качестве языка, используемого также и в быту" (Чаттерджи, 1977: 170).

Позиции урду закрепляло и использование арабского алфавита: "Письмо связывало язык урду с персидским и арабским, первый из которых служил официальным литературным языком мусульманских правителей Индии, а второй – священным языком их религии – ислама. Благодаря идентичности письма в урду было легко и просто вводить персидские и арабские слова, которые служили свидетельством принадлежности литератора к определенной религии и культуре и позволяли ему продемонстрировать свою эрудицию в классических "мусульманских" языках" (Чаттерджи, 1977: 201). Далее Чаттерджи заключает, что персидско-арабская лексика вместе с персидско-арабской графикой в значительной степени сделали урду привлекательным в глазах мусульман Индии.

То же самое касается и литературы на урду, во многом черпавшей свое вдохновение в исламе. Язык урду получил в университетах Калькутты и Дакки Бенгалии статус классического языка, как персидский и арабский. В некоторых штатах индусы должны были обучаться урду как официальному языку "мусуль-

inslav

манского государства". Урду поддерживался и британцами в период их господства в Индии, а английское правительство смотрело на урду как на наследство мусульманской империи.

В некоторые периоды всеиндийское радио в Дели и других городах использовало для передачи новостей крайне персианизированный литературный урду, в котором предпочтение отдавалось персидско-арабским словам и старательно избегались все санскритские и многие употребительные слова хинди.

Литературный (высокий) хинди – другая разновидность литературного языка – по своему грамматическому строю почти идентичен урду, но в отличие от последнего, в нем в полной мере употребляются лексические элементы хинди (пракритские), а также укоренившиеся в языке персидские и арабские заимствования, но лексика пополняется из санскрита (Чаттерджи, 1977: 172). Словарь этого языка вообще характеризуется широким использованием санскритской лексики. Литературный хинди привлекателен для его индусских сторонников потому, что он в таких двух существенных проявлениях как словарь и письмо (нагари) отражает "язык богов". Лидеры индусов отдавали себе отчет в том, что исконно индийское письмо (деванагари), будучи принятым для современного языка, принесет с собой санскритскую лексику и индусский дух. Сто лет назад литературный хинди самим своим названием и письмом противопоставлялся урду с его персидской графикой. Литературный хинди стал языком образования и культуры для индусов Северной Индии (за некоторым исключением). Хотя и для индусов в ряде других штатов он также стал языком общественной жизни, школьного образования, литературы и журналистики. История становления двух литературных языков – хинди и урду – свидетельствует, что первоначальные истоки и причины их возникновения заложены в событиях общественно-исторических и связаны с разделением общества на группы по духовно-конфессиональному признаку. Процесс бифуркации языка осуществлялся вначале довольно стихийно. Воздействие общества, которое, несомненно, имело место, можно трактовать как незапланированное. Позже, когда оба варианта языка были уже сформированы, каждая из заинтересованных сторон общества стремилась предельно расширить функции "своего варианта", прекрасно понимая, какие преимущества приобретает язык при таком расширении его функций. Некоторые общественные группировки продолжают сознательно углублять существующие различия в двух литературных вариантах. В высо-

inslav

ком урду словарь насыщается персидской лексикой настолько, что предложение может быть составлено только из персидских и арабских слов с незначительными вкраплениями собственно индийских элементов в виде частиц или отдельных слов. Такой язык становится непонятным не только индусам, которые не изучали данную форму речи, но и многим мусульманам, не получившим специальную подготовку в персидском или арабском языках (Чаттерджи, 1977: 170).

Таким образом, в Индии в результате чисто конфессиональных различий на единой народно-разговорной основе образовалось два литературных варианта – *хинди* и *урду*, которые "избрали свой путь создания культурного слоя лексики, и соединение их теперь немыслимо без поглощения одного другим" (Чаттерджи, 1977: 175). Попытки создания некоего среднего варианта между урду и хинди не увенчались успехом.

В современной Индии социальный и правовой статус у хинди и урду различны. Хинди является официальным языком Индийского Союза, а урду является одним из 14 основных языков Индии. Однако эти два литературных варианта функционируют преимущественно как языки письменного общения, хотя они являются также и языками устного общения городского населения Хиндустана.

По мнению Г. Олфена, ситуация хинди/урду неустойчива (is not a static one) (Olphen, 1988: 745). Действительно, развитие урду приняло иное направление в Пакистане. Процесс этот можно охарактеризовать как продолжение дальнейшей его мусульманизации, которая, как увидим дальше, принимала нередко весьма крайние формы. Раздел Индии в 1947 г. нарушил многовековые связи Северной Индии с районами, отошедшими к Пакистану. Укоренившиеся религиозно-общинные предрассудки, постоянное подчеркивание официальной пакистанской пропагандой мусульманского характера государства и противопоставление пакистанского урду индийскому не могло не наложить своего отпечатка на принципы дальнейшего его развития (Клюев, 1965: 89). Пакистанские правящие круги пытаются представить урду как исключительно "мусульманский" язык, как национальный язык индийских мусульман. Отделение Пакистана имело следствием отрыв "пакистанского" урду от его истоков, районов, где хиндустани был родным языком коренного населения. Изоляция мусульманского Пакистана прогрессировала с усилением конфессионального противостояния с Индией, в результате чего произош-

inslav

ло обособление "пакистанского" урду от его истоков. Урду в Пакистане должен быть исключительно мусульманским языком, выразителем мусульманской самобытности. Повсеместно культивируемая исламская идеология и идущая от средневековья традиция настойчиво требуют отдавать предпочтение иранским и арабским словам и оборотам с целью ярче выразить "мусульманскую самобытность" (Клюев, 1965: 96). Поэтому в урду происходит замена общепринятых слов ирано-арабизмами: вместо **pradhān-mantrī** '*премьер-министр*' внедряется **wizīr-e-alā**, вместо **mīthā** '*сладкий*' – **šīrīn** и т.д. (Чаттерджи, 1965: 96).

Пуристическую тенденцию можно наблюдать в правительственном "Радио Пакистана". Урду в радиопередачах часто до такой степени насыщен арабскими и персидскими фразами и речевыми оборотами, что затрудняет понимание. Специальные комиссии по языку и терминологии при создании новых терминов явное предпочтение отдают арабизмам и иранизмам. Так, подсчет, произведенный на основе отбора 700 вновь созданных терминов и оборотов (1544 слов) показал, что 86% слов имеют ирано-арабское происхождение, 8% – английское и только 6% слов являются собственно индийскими (Клюев, 1965: 92).

Провозглашение урду носителем "мусульманской самобытности" приводит к попыткам персианизировать такие уровни языка, как синтаксис, частично грамматику, в частности, заменой индийских послелогов предлогами. Так, вместо послелога **ko** предлагается персидский предложный оборот **ba-xidmat** (Клюев, 1965: 94). Иногда имеет место механическое перенесение норм арабской грамматики в язык урду, что особенно культивируется посредством радио, которое "исправляет современное произношение в соответствии с нормами арабского языка" (Клюев, 1965: 102). По мнению Клюева, все это свидетельствует о том, что "предпринимаются сознательные попытки создать какой-то новый язык, своеобразный гибрид, в котором от урду остаются лишь часть послелогов и вспомогательные глаголы". И далее: "Не удивительно, что после десяти лет работы языковой комиссии, предложенные ею термины не входят в употребление" (Клюев, 1965: 94–95).

Что касается арабского алфавита, то сторонниками мусульманской самобытности урду он объявлен алфавитом Корана и религии и вследствие этого является неприкосновенным. Хотя некоторыми филологами отмечается, что этот алфавит в полной мере не приспособлен к системе языка урду.

inslav

Подведем краткий итог.

Конфессии являются мощным фактором многоаспектного воздействия на общество. Они формируют не только духовно-эстетическое и мировоззренческое состояние целых народов, но и выступают как активные преобразователи языка и этнической культуры, действуя в самых противоречивых ипостасях. Так, религия может выступать как защитник этноса и его языка от ассимиляции и, напротив, в ряде случаев становится причиной подмены этнического самосознания (и даже этнонима) религиозной самоидентификацией; она может стать фактором, инициирующим создание национального алфавита и письменности, но конфессиональное противостояние может привести к расщеплению этнического языка на два варианта с дальнейшим отрывом одного из них от первичной языковой основы и отказом от национального алфавита и письменности.

Данные истории древней Армении и Индии являются весьма красноречивыми. Так, армяне, приняв христианство в 301 г. и опираясь на него, устояли в IV–V вв. против ассимиляторской политики Сасанидской Персии, которая силой навязывала покоренной Армении зороастризм, персидский язык и капища магов. Для укрепления христианской идеологии был создан армянский алфавит, переведена богословская литература. За этим последовал расцвет оригинальной армянской словесности и культуры. Благодаря христианской религии и армянскому алфавиту, созданному для ее защиты, народ сохранил свою этническую самостоятельность на основе культурно-языковой интеграции

Иная картина воздействия религии наблюдается в Индии, завоеванной в XII в. мусульманами – тюрками и персами. Завоеватели мусульманизировали часть населения. Затем на базе одного из диалектов хинди (кхари боли) создали свой язык урду с широким привлечением арабизмов и персизмов и использованием арабского алфавита, в отличие от хинди, пользующегося своим алфавитом нагари. Здесь мы наблюдаем явно выраженный процесс культурно-языковой дифференциации с дальнейшим углублением раскола.

Впоследствии от Индии был отделен мусульманский Пакистан, в котором потомки бывших индусов стали именоваться мусульманами, а урду объявлен государственным и исключительно мусульманским языком, использующим арабский алфавит. Для выражения мусульманской самобытности урду постоянно насыщался арабизмами и иранизмами, вследствие чего удалился от

inslav

своей первоначальной индоарийской основы, став самостоятельным языком. Функционально и внутриструктурно урду – язык, рожденный на почве религиозного размежевания внутри народов Индии.

ЛИТЕРАТУРА

Ачарян Р. История армянского языка. Ч. I. Ереван, 1940.

Баранников П.А. Хинди и урду: их возникновение, развитие и взаимодействие. Л., 1969.

Брюсов Валерий. Летопись исторических судеб армянского народа. Ереван, 1989.

Клюев Б.И. Некоторые вопросы развития урду в Пакистане // Современные литературные языки стран Азии. М., 1965.

Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962.

Крывелев И.А. Библия: историко-критический анализ. М., 1985.

Лео. Месроп Маштоц. Ереван, 1962.

Манандян Я.А. Месроп Маштоц и борьба армянского народа за свою самобытность // Месроп Маштоц. Сб. Ереван, 1962.

Сегерт Станислав. Угаритский язык. М., 1965.

Туманян Э.Г. Еще раз о Месропе Маштоце – создателе армянского алфавита // Известия Академии наук СССР. Серия литература и язык. Т. XXVII. В. 5. М., 1968.

Туманян Э.Г. Язык как система социолингвистических систем. М.: Наука, 1985.

Туманян Э.Г. О природе языковых изменений // ВЯ. 1999. № 3.

Туманян Э.Г. About Immanent and Social-Determinated Changes in the Armenian Language // Slovo, vol. 26–27 (2001–2002) (Actes du Sixieme Colloque Internationale de Lingistique Armenienne. Paris). INALCO – Academie des Inscriptions et Belles-Lettres, 5–9 juillet, 1999.

Хоренский Моисей. История Армении. М., 1893.

Туманян Э.Г. О разграничении спонтанного и общественно детерминированного в развитии языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. М., 1988

Чаттерджи Сунити Кумар. Введение в индоевропейское языкознание. М., 1977.

Шифман И.Ш. Угаритское общество XIV–XIII вв. до н.э. М., 1982.

Hübschmann H. Über die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen // KZ. 1875.

Olphen Herman. Religion and language varieties: the case of Hindu – Urdu // Languages and Cultures. Studies in Honor of E.C. Polomé, ed. by M. Jazayery & W. Winter. Mouton, 1988.

inslav

Б.П. Нарумов
(Россия)

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ НОРМЫ ГАЛИСИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДНОГО ИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИСПАНИИ

Стремление к сохранению культурно-языкового разнообразия в условиях объединенной Европы привело к осознанию необходимости гармонично сочетать социально-экономический прогресс, ведущий к интернационализации многих сторон жизни современного человека, с поддержанием и дальнейшим развитием региональных традиций во всех сферах деятельности, включая местные языки. Однако эти языки, являя собой своеобразные "остатки" средневекового партикуляризма, не до конца изжитого в процессе национальной консолидации, не могут быть непосредственно наделены коммуникативными функциями, присущими общегосударственным языкам. Будучи связанными в основном со сферой устного общения и с художественным творчеством, они нуждаются в нормировании на всех уровнях языковой системы, а также в том, что в западноевропейской социолингвистике получило наименование "разработка" (нем. Ausbau, франц. élaboration). Имеется в виду прежде всего формирование новых лексических пластов, отражающих современные реалии как вещного, так и понятийного плана. Однако процессы глобализации, протекающие в экономической и социальной сфере, ведут к установлению единообразия как в мире вещей, так и в мире понятий, поэтому местные языки при их введении в формальные сферы общения начинают "говорить о том же", в то время как первичной целью их культивирования объявляется сохранение "инаковости", каковой является национальная или этническая самобытность.

Ярким примером взаимодействия региональных и общеевропейских компонентов является язык и культура Галисии, одной из автономных областей Королевства Испании. В данной статье мы поставили задачу проследить в общих чертах становление галисийского литературного языка на протяжении XIX и XX вв., его эволюцию от сугубо регионального письменного языка художественной литературы, тесно связанного со стихией устной речи, к полифункциональному стандартному языку, в значительной

inslav

степени утратившему свою самобытность, что является неизбежным следствием приспособления к реалиям современной жизни. Галисийский язык представляет особый интерес в том отношении, что его стандартизация происходила в последней трети XX в. на основе идеологии галисийского национализма в условиях перехода Испании от унитаристского государственного устройства к федеральному при одновременной интеграции этой страны в общеевропейские структуры. Согласно закону о языковой нормализации, принятому парламентом Автономного сообщества Галисия 15 июня 1983 г., галисийский является официальным языком этого региона Испании, наряду с испанским (кастильским). Термин "нормализация", фигурирующий в названии закона, имеет точное значение в романской социолингвистике: нормализация ситуации, в которой находится миноритарный язык, означает снятие каких бы то ни было ограничений на его функционирование в формальных сферах коммуникации, ранее для него почти недоступных.

До принятия закона о языке *устный* галисийский язык функционировал в основном в быту, чередуясь с испанским в зависимости от ситуации общения; при этом под устным галисийским языком понимается совокупность многочисленных диалектных и диастратных вариантов, лишенных какого-либо нормирующего центра. Эти варианты имеют достаточно четкую социальную прикрепленность, так как до недавнего времени галисийский был языком социальных низов: крестьян, рыбаков, рабочих. В результате его взаимодействия в бытовой сфере с испанским возникли разнообразные смешанные формы речи (интерлекты, или мезолекты), поэтому обычному говорящему, а часто и специалисту-филологу нелегко отделить "исконные" галисийские формы от испанских или контаминированных с испанскими.

Письменный галисийский язык до последней трети XX в. был представлен в основном текстами художественной литературы и некоторыми жанрами гуманитарной прозы (литературная критика, история, философия и т.п.), однако и в этой сфере коммуникации отсутствовало регулирующее начало, поскольку только в 70-е гг., благодаря усилиям лингвистов, начала формироваться единая письменная норма (языковой стандарт). Письменная продукция на галисийском в количественном отношении была ничтожной по сравнению с печатными текстами на испанском. Разумеется, авторы этих текстов, галисийские ин-

inslav

теллигенты, культивировали также и устные формы родной речи в ситуациях, отличных от обыденных (публичные выступления, дискуссии, беседы на отвлеченные темы), но каждый говорящий, как и на письме, следовал своим привычкам и вкусам, не подчиняясь никаким образцам, которых не существовало ни в письменной, ни в устной речи.

Языковые ситуации, подобные галисийской, в испанской социолингвистике традиционно именуются диглоссными. В своем первоначальном значении термин "диглоссия" обозначает, как известно, ситуацию, в которой два языка или два значительно различающихся варианта одного языка однозначно закреплены за определенными сферами общения, не конкурируя ни в одной из них, однако применительно к Галисии (а также к Каталонии, Валенсии и Стране Басков) этот термин стал обозначать просто неравноправное положение двух языков – регионального галисийского и общегосударственного испанского. Только последний имел официальный статус и использовался во всех сферах общения – формальных и неформальных, в то время как галисийский был ограничен сферой неформального общения. Устранение ситуации диглоссии, грозящей исчезновением миноритарного языка, является главной целью как разработки соответствующих законодательных актов, так и конкретной деятельности галисийских филологов, педагогов и политиков. Основные их усилия направлены на расширение сфер функционирования местного языка, введение его в систему образования, в органы государственного управления, в том числе в работу судебных органов, в средства массовой информации, в производственную сферу. Целесообразность подобной языковой политики обосновывается необходимостью сохранения культурно-языковой "идентичности" Галисии (как и других регионов Испании) в условиях экономической, политической и культурной глобализации, которая неизбежно должна привести ко всеобщей стандартизации во всех областях жизнедеятельности человека. Однако при этом возникает парадоксальная ситуация: одновременно с распространением нормированного галисийского языка в школе, в муниципальных органах, в суде, в средствах массовой информации и в меньшей степени в производственной сфере наблюдается вытеснение устного галисийского языка испанским из бытового общения по причине прекращения "естественного" наследования галисийской языковой традиции в ее ненормированном виде – от поколения к поколению в семье.

inslav

В своих действиях галисийские защитники родной речи находят поддержку как внутри, так и за пределами Галисии. Так, известный испанский политический деятель и юрист Мануэль Фрага Ирибарне, неоднократно избиравшийся на пост президента Галисии, в своей книге "Путь к реальной автономии и истинному самоуправлению" (переведенной на русский язык в Центре галисийских исследований Санкт-Петербургского университета) проводит мысль о том, что современная социополитическая реальность определяется двумя противоположными тенденциями – интернационализацией и регионализацией (Ирибарне Фрага 1999: 82). С одной стороны, наблюдается интернационализация в решении всех проблем, особенно экономических, происходит универсализация поведения, привычек, вкусов, обусловленная развитием техники, прежде всего в области средств коммуникации, с другой, – перед лицом опасности обезличивания и дегуманизации происходит возврат к духовности, к родной земле, возрождаются традиции, формы культуры, наиболее свойственные каждому народу, что представляет собой действенное противоядие против унификации и роботизации личностей в условиях общества конца XX в. с его научно-техническим прогрессом и потребительством (Там же: 49–50). М. Ирибарне Фрага верно отмечает важную особенность европейского ареала, которая позволяет (пока?) успешно противостоять всеобщей стандартизации: под покровом единого наследия (христианство, римское право, греческая философия, ценности плюрализма и демократии) скрывается огромное разнообразие социального, географического, культурного и экономического характера. Внутри европейских государств существуют регионы и малые национальности, получившие (в большей или меньшей степени) юридическое и политическое признание. "Европа предала бы самое себя, если бы структура ее общественных установлений была направлена исключительно на создание экономического пространства, состоящего из обезличенных потребителей" (Там же: 111). Не случайно поэтому в заявлении, сделанном Советом Европы 1 февраля 1978 г., говорится о том, что "регионализация не только благоприятствует единству в многообразии, она является также одним из условий существования самого Совета Европы" (Там же: 121). В соответствии с этим одной из основных идей программы правительства Галисии, по словам М. Ирибарне Фраги, является идея *самоидентификации,* подразумевающая содействие развитию своеобразных черт, присущих галисийскому народу, при соблюдении принципа

inslav

солидарности с остальными народами, составляющими испанскую нацию (Там же: 111).

Попытка обосновать, хотя бы в самом общем виде, целесообразность сохранения культурно-языкового разнообразия Европы как необходимого условия социально-экономического прогресса содержится в докладе, составленном социолингвистами Петером Нельде (Брюссель), Микелем Струбеллом (Барселона) и Глином Уильямсом (Бангор, Уэльс) и озаглавленном "Евромозаика. Производство и воспроизводство миноритарных языковых групп в странах ЕС". Этот документ был опубликован на английском языке в Люксембурге в 1996 г.; мы воспользуемся его переводом на галисийский язык (Euromosaic 1996).

Авторы доклада полагают, что в экономическом соревновании, развернувшемся во всемирном масштабе, преимущество Европы, по сравнению с другими регионами, заключается в ее разнообразии (Euromosaic, 1996: 138). Процесс формирования современных европейских государств, начиная с XVIII в., имел рационалистическую основу; рационалистический подход к формированию буржуазного государства-нации (Estado-nación) предполагает установление единообразия во всех сферах деятельности человека: в языке, культуре, религии, экономике и т.д., ибо только единообразие способно обеспечить эффективное функционирование государственных структур. По ряду причин процесс гомогенизации не удалось довести до конца, и в различных регионах Европы сохранились самобытные культурно-языковые традиции, причем социолингвистические ситуации в разных странах значительно отличаются друг от друга. В течение длительного времени "традиционное" рассматривалось как нечто противное разуму, как принадлежащее миру неконтролируемых эмоций; отсюда отрицательная оценка местных традиций, определение "этничности" как отклонения от нормы, лежащей в основе общественного устройства. Отсюда и противопоставление, с одной стороны, государственных языков как языков разума, "современных" языков, пригодных для функционирования в сферах администрации, науки, образования, с другой, – региональных, или миноритарных, языков как языков, которые могут использоваться в эмоциональном контексте "традиционных" видов деятельности (Там же: 18, 25–27).

Предпочитая говорить не о языках как о неких самодовлеющих сущностях, а о языковых группах (коллективах), которые являются единственно реальными субъектами культурно-языко-

inslav

вых и социально-экономических процессов, авторы "Евромозаики" определяют миноритарные языковые группы как такие социальные группы, которые характеризуются специфическим языком и культурой и существуют в рамках определенного общества и государства, однако лишены при этом политических, институциональных и идеологических структур, способных гарантировать "релевантность" этих языков в повседневной жизнедеятельности данных групп (Там же: 23). Большинство миноритарных языковых групп находится на периферии европейской экономики, а Галисия расположена на периферии Европы также и в географическом отношении. Однако перспективы сохранения и развития галисийского языка оцениваются авторами оптимистически, поскольку у него имеется достаточно солидная демографическая база (около 2,4 млн чел.), он имеет государственную поддержку в системе образования и в средствах массовой информации, экономика же Галисии не основана на монокультуре, она достаточно диверсифицирована и постепенно интегрируется в общеевропейскую экономику (Там же: 62–63, 90). Как было указано в начале нашей статьи, у галисийского имеется законодательная база – закон о языке, а также ряд декретов галисийского правительства, однако, как отмечают авторы доклада, по сравнению с легитимизацией языка гораздо важнее его институционализация, то есть превращение языка в обычный социальный институт в соссюровском смысле – создание такой ситуации, когда носители регионального языка начнут употреблять его в различных контекстах *бессознательно*, по привычке. Собственно, в этом и заключается процесс нормализации, ведущий к устранению ситуации диглоссии (Там же: 42).

Возможна ли нормализация ситуации с миноритарными языками в современном обществе? Авторы "Евромозаики" полагают, что возможна, несмотря на ряд противодействующих факторов, среди которых в первую очередь следует назвать усиление циркуляции капиталов, сопровождающееся миграцией рабочей силы. Это ведет к снижению уровня эндогамности миноритарных языковых групп и к уменьшению роли семьи как агента *воспроизводства* миноритарного языка, то есть передачи его от поколения к поколению (Там же: 41). Но тем самым возрастает роль государственных органов, прежде всего системы образования, которая может обеспечить *производство* языка – возобновление языковой традиции внутри даже тех групп населения (в основном это молодежь), которые не восприняли "родной" язык в детстве

inslav

от родителей. Целесообразность поддержания местной культурно-языковой традиции получает и некоторое социально-экономическое обоснование. Если в прошлом целью государства почти всегда была гомогенизация культурных и языковых элементов, то в будущем должна произойти переориентация на сохранение культурного и языкового разнообразия. Несмотря на то, что государства как таковые не исчезают, образование единой Европы и *надгосударственных* органов, как это ни парадоксально, должно способствовать увеличению роли регионов в общеевропейском концерте, увеличению роли региональных "протогосударств", которые, по мере продвижения вперед дела европейской интеграции, будут брать на себя все большую ответственность как за развитие регионов, так и за развитие кооперации между ними в рамках Евросоюза. Вместе с тем настало время избрать новые экономические принципы взамен принципов "рационалистической" экономики, согласно которым для экономического роста необходим процесс культурной гомогенизации (Там же: 69, 104). Чтобы не попасть в "ловушку модернизации", следует разработать новую модель развития, основанную на *децентрализации,* когда межгосударственная кооперация опирается на инициативы регионов, а местная рабочая сила использует собственные ресурсы культурного разнообразия, находя для себя специфические ниши на рынке труда и используя для этого собственный язык. Из таких ниш можно назвать систему образования, социальное обепечение, традиционные промыслы (Там же: 39, 117).

Таким образом, политическое переустройство современной Европы приводит к тому, что новые европейские протогосударства могут возвести в ранг региональных языков некоторые идиомы, которые до этого рассматривались как диалекты государственных языков, то есть занимали подчиненное по отношению к ним положение, получая отрицательную оценку, в чем и заключается, собственно говоря, процесс миноризации. Если миноритарные языковые группы займут подобающее место в экономической жизни, то тем самым будет обеспечено производство и воспроизводство регионального языка, ибо у его носителей появится стимул к поддержанию и в будущем местной культурно-языковой традиции. В таком случае миноритарные языковые группы перестанут рассматриваться как "культурные аномалии" (Там же: 135), а общество будет пониматься как состоящее из разнообразных социальных групп, кооперирующих друг с другом. Региональные языки и культуры следует рассматривать не

inslav

как некое "наследие", нуждающееся в защите, а как важный компонент новой экономической системы, принципы которой отличаются от принципов классической либеральной экономики, ведущей общество к социальному и культурному упадку, к выключению отдельных личностей из общественной и экономической жизни (Там же: 117).

Позиция авторов "Евромозаики" не может не вызвать симпатии, хотя их рассуждения ведутся на достаточно абстрактном уровне; тем не менее остается все же неясным, насколько реальным является сохранение культурно-языковой специфики европейских регионов в контексте глобализации, несмотря на усилия, предпринимаемые в этом направлении региональными органами власти. Пример Галисии поучителен во многих отношениях, поэтому, описав в общих чертах переход от Европы государств к Европе регионов, как он представляется некоторым лингвистам и политикам, мы обратимся к конкретным особенностям галисийской ситуации в прошлом и настоящем с тем, чтобы показать, сколь противоречивым оказывается процесс национально-языкового возрождения в условиях современной Европы, когда региональные языки, вроде бы призванные служить символом национальной самобытности, в результате стандартизации и унификации в значительной мере теряют свою оригинальность, прежде всего в лексике, а тексты на региональных языках, циркулирующие в формальных сферах общения, оказываются всего лишь иной "звуковой оболочкой" стандартизованных смыслов.

Нормализация языковой ситуации в регионе невозможна при отсутствии языкового стандарта. Его разработка получила в каталонской, а затем и в романской социолингвистике в целом наименование "нормативизация". (Термины "нормализация" и "нормативизация" примерно соответствуют английским терминам status planning 'планирование статуса' и corpus planning 'планирование корпуса'). В Галисии официально утверждены языковые нормы, разработанные Институтом галисийского языка при университете г. Сантъяго-де-Компостела и Галисийской королевской академией и изданные в 1982 г. Характер официальных норм и конкурирующих с ними неофициальных, а также особенности текстов, производимых на их основе, являются ярким свидетельством идеологических различий, проявляющихся при осмыслении места галисийского языка в кругу ибero-романских языков, его взаимоотношений с соседними языками.

inslav

Галисийский язык относится к тому нередкому типу языков, которые занимают как бы промежуточное положение между двумя соседними языками; в качестве примера обычно приводятся белорусский между украинским и русским, македонский между болгарским и сербским или корсиканский между итальянским и французским (Muljačić 1995: 19); впрочем, последняя триада значительно отличается от первых двух. Галисийскому довольно трудно утвердить оригинальность своей структуры на фоне испанского и португальского. Его фонетико-фонологическая система сходна с испанской (различия касаются всего лишь двух гласных и одной согласной фонем), в то время как морфология и синтаксис большей частью следуют португальскому типу. В лексике галисийский проявляет сходство с обоими языками, в то же время его бытование на протяжении веков в виде совокупности сельских говоров в условиях высокой дисперсности галисийского населения, распыленного по небольшим деревням и селам, обусловило его чрезвычайное лексическое богатство, с трудом поддающееся нормированию.

Галисийский входит в одну социолингвистическую ситуацию с испанским, но генетически он связан с португальским. В генетическом плане португальский является производным от галисийского, который в процессе обратного отвоевания (Реконкисты) территорий, занятых арабами в VIII в., продвигался на юг. Галисийские говоры, налагаясь на говоры мосарабов (романского населения, сохранившего свой язык при арабском владычестве), трансформировались в говоры иного типа, на основе которых затем сформировался португальский литературный язык. Образование на южной окраине Галисии Португальского графства, превратившегося затем в королевство Португалия, независимое как от королевства Галисии, так и от королевства Кастилии, является основной причиной того, что действие португальского литературного языка не распространялось на Галисию, которая недолго оставалась независимой и вошла в состав кастильской, а затем испанской монархии. В сравнительно-историческом языкознании все же принято говорить о едином галисийско-португальском языке, существовавшем до середины XIV в., поскольку предметом этой отрасли языкознания являются не обработанные, а устные формы речи, а они действительно были близки друг к другу, и политическая граница между Галисией и Португалией никогда не была языковой границей (в северной части Португалии до сих пор бытуют говоры галисийского типа).

inslav

В Галисии в Средние века существовала собственная письменная традиция, но в начале XVI в. она была прервана, так как в результате испанизации правящих классов (аристократии, духовенства, чиновничества) галисийский в формальных сферах общения был вытеснен испанским. В течение нескольких веков галисийский существовал в качестве совокупности сельских говоров, все больше испытывавших на себе влияние испанского, поэтому на бытовом уровне он нередко осмыслялся как диалект испанского, вопреки его генетическим связям. В романистике же XIX–XX вв., при учете этих связей, его обычно именовали диалектом (или кодиалектом) португальского несмотря на то, что галисийский и португальский никогда не были компонентами одной и той же социолингвистической ситуации.

Возрождение письменной традиции на галисийском в XIX в. связано не столько с влиянием идей романтизма, сколько с конкретными политическими событиями (война с Наполеоном, новое административное деление Испании, приведшее к исчезновению королевства Галисии как единого целого и к обострению национальных чувств галисийцев). Обычно различают три этапа формирования национально-языкового сознания галисийских интеллигентов, выходцев из среды мелкой буржуазии: провинциализм, регионализм и национализм. На основе идеологии национализма разрабатывалась федеративная концепция государственного устройства Испании (Fernández Salgado, Monteagudo Romero 1995: 108). Начало националистического движения в Галисии датируется 1916 г., когда были образованы Irmandades da fala ‘Братства [родной] речи’. До этого письменная продукция на галисийском языке была ограничена художественной литературой; в основном это была поэзия, в меньшей мере проза. Формулирование же национальных идей потребовало расширения жанровых возможностей галисийского языка, поэтому появилась публицистическая и научная проза (Santamarina 1995: 56).

Б. Фернандес Салгадо и Э. Монтеагудо Ромеро, основываясь на особенностях языка печатной продукции, предложили следующую периодизацию истории письменного галисийского языка XIX–XX вв.: 1) популистский галисийский язык (galego popularista, popularizante) – от появления первых печатных текстов в начале XIX в. до его конца; 2) пуристический, или дифференциалистский, галисийский язык (galego enxebrista ou diferencialista) – с конца XIX в. до 1936 г. – начала гражданской войны в Испании; 3) протостандартный галисийский язык (galego pro-

inslav

toestándar) – со времени окончания гражданской войны в 1939 г. до 70-х гг.; 4) стандартный галисийский язык (galego estándar) – с 70-х гг. и по настоящее время (Fernández Salgado, Monteagudo Romero 1995: 117 и сл.). Общим направлением эволюции письменного галисийского языка можно считать его постепенное высвобождение из-под опеки испанского, очищение от многочисленных испанизмов и некоторое, весьма небольшое, приближение к португальскому языку при сохранении своей индивидуальности; другим важным аспектом является постепенное устранение нефункциональной вариативности на всех уровнях языковой системы, кроме лексики, и разработка норм стандартного литературного языка.

Выделенные этапы некоторым образом соотносятся с эволюцией взглядов на место галисийского в кругу ибero-романских языков как языка особой нации. Поэтому интересно проследить несколько подробнее отдельные периоды "национализации" галисийского языка (Там же: 123), в процессе которой говоры социальных низов, не имевшие в ученом мире статуса отдельного языка, усилиями интеллигенции превратились в автономный и функционально развитый язык галисийской нации (мы не имеем возможности проследить здесь процесс консолидации самой этой нации и ее до сих пор спорный статус в кругу народов Испании, образующих то ли испанскую нацию, то ли некое наднациональное единство; ср. приведенные выше высказывания М. Ирибарне Фраги, в которых он говорит о "галисийском народе" как о составной части испанской нации).

Галисийский язык возрождали в XIX в. прежде всего поэты и писатели, а не филологи и лингвисты. На первом этапе, этапе "популизма", им были чужды всякие пуристические наклонности, не было стремления отделить исконные галисийские формы от испанских. При том, что письменная речь никогда не является верным отражением устной, установка все же была на следование всем особенностям устной речи с ее многочисленными испанизмами, вульгаризмами и контаминированными формами; это обусловливалось той идейно-эстетической задачей, которую ставили перед собой поэты и писатели: раскрыть перед испанцами истинную сущность Галисии и ее народа, которые в Испании рассматривались как воплощение провинциальной косности и невежества, показать быт и нравы простого народа, богатство народной поэзии. Это была настоящая провинциальная, фактически диалектная литература при полном отсутствии стремления к уни-

inslav

фикации письменного языка и установления каких-бы то ни было норм.

Лишь на втором этапе, когда произошел переход от провинциализма и регионализма к националистической идеологии, отчетливо проявляется выраженное стремление к очищению языка от испанизмов и к закреплению таких форм, которые максимально отличали бы галисийский от испанского (принцип дифференциализма). Поэтому данный этап называется дифференциалистским, или пуристическим (для обозначения пуризма в галисийском используется слово *enxebre* 'чистый', 'исконный', отсюда *galego enxebre* 'подлинный галисийский язык'). Изменяется и характер художественной литературы: она утрачивает свою провинциальную и костумбристскую направленность, поскольку писатели и поэты начинают следовать последним веяниям европейской литературной моды. В то же время пишутся исторические романы, галисийцы знакомятся с произведениями средневековой галисийско-португальской литературы, которые до этого были известны лишь эрудитам. Публикуются многочисленные эссе, посвященные различным сторонам истории и культуры Галисии. Выход за тесные пределы родной провинции, стремление превратить Галисию в *европейскую* нацию, культивирование новых жанров письменной речи, трактовка новых тем потребовали коренного изменения языка. Второй этап является, пожалуй, самым интересным периодом в истории галисийского письменного языка, ибо в это время он принял весьма причудливый облик, так что можно сказать, что в процессе "национализации" галисийского языка этот язык ушел довольно далеко от свой народной первоосновы.

Принцип дифференциализма в это время был доведен до своей крайности. Из письменного узуса изгонялись не только испанизмы, но и слова, общие испанскому и галисийскому: вместо *alegre* 'веселый' писали всегда только *ledo*, вместо *lágrima* 'слеза' – *bágoa*, вместо *instante* 'мгновение' – *intre* (собственно, 'временной промежуток'). Если в предыдущий период на письме свободно употреблялись такие испанские слова, как *gallego* 'галисийский', *pueblo* 'народ', *castellano* 'кастильский', *Dios* 'Бог', поскольку они вытеснили в устной речи исконные галисийские слова *galego, pobo, castelán, Deus*, то теперь последние были вновь введены в "культурную" речь и постепенно закрепились в ней. Другим проявлением дифференциализма является использование так называемых вульгаризмов; под последними понимаются слова куль-

inslav

турного слоя, переделанные на "народный" лад с использованием характерных для устной речи фонетических явлений (метатеза плавных, упрощение групп согласных, переход *r* > *l*, эпентеза гласных и проч.): *bibrioteca* вместо *biblioteca* 'библиотека', *ademirable* вместо *admirable* 'удивительный', *esquirtor* вместо *escritor* 'писатель', *aitivo* вместо *activo* 'активный' и т.п.

Еще одним проявлением дифференциализма являются так называемые псевдогалисизмы (*pseudogalicimos*); их называют также *hiperenxebrismos*, что можно примерно перевести как 'сверхчистые формы'. Суть этого явления заключается в том, что форма исконных галисийских слов, совпадающая с испанской, "подправляется" в соответствии с давно отжившими фонетическими законами галисийского языка: *estrano* вместо *estraño* 'странный', *brilo* вместо *brillo* 'блеск', *sereo* вместо *sereno* 'безмятежный'.

Широко распространены в устной и письменной галисийской речи так называемые скрытые испанизмы; это слова испанского языка, переделанные в соответствии с законами галисийской фонетики, которые заменяют исконные галисийские слова, утраченные в обыденной устной речи и сохранившиеся лишь в некоторых говорах. К ним относятся, например, *consexo* < исп. *consejo* вместо галис. *consello* 'совет', *lexos* < исп. *lejos* вместо галис. *lonxe* 'далеко', *xusgar* < *juzgar* вместо *xulgar* 'судить', *ánxel* < исп. *ángel* вместо галис. *anxo* 'ангел' и т.д.

Знакомство со средневековыми текстами привело к проникновению в письменную речь некоторого числа архаических форм; сюда относятся и чисто графические архаизмы: *cibdá*, *cibdade* вместо *cidade* 'город', *hestoria* вместо *historia* 'история', *áer* вместо *aire* 'воздух', *tídoo* вместо *título* 'звание', *teebras* вместо *tebras* 'мрак', *veer* вместо *ver* 'видеть', *poboo* вместо *pobo* 'народ', *Galiça* вместо *Galicia* 'Галисия'.

Осознание генетических связей между галисийским и португальским языками и того факта, что португальский развивался в "нормальных" условиях и смог выработать литературную норму, привело к заимствованию португальских слов, чего почти не наблюдалось в предыдущий период: *aldeia* вместо *aldea* 'деревня', *cónego* вместо *coengo* 'каноник', *descer* вместо *descender* 'спускаться'.

В Галисии, в отличие от Каталонии, не нашлось авторитетного профессионального лингвиста или группы лингвистов, которые смогли бы каким-то образом упорядочить анархию, царившую в

inslav

письменной речи. Гуманитарии, объединившиеся в Семинар галисийских исследований, издали в 1933 г. весьма несовершенные орфографические нормы галисийского языка, но им почти никто не следовал. Тем не менее постепенно выработалась определенная традиция передачи галисийских фонем на письме, которая была учтена на следующих этапах. Поскольку, как было сказано выше, фонологическая система галисийского языка близка к испанской, галисийская графика и орфография оказалась ближе к испанской, чем к португальской. О нормативизации на морфосинтаксическом уровне в указанный период не могло быть и речи.

В послевоенный период, именуемый этапом протостандартного галисийского языка (50-е и 60-е годы), происходило дальнейшее упорядочение графики и орфографии. В письменной речи стали реже употребляться испанизмы и вульгаризмы, однако по-прежнему активно использовались псевдогалисизмы. В целом дифференциалистский характер письменного галисийского языка ослабляется, и связано это прежде всего с тем, что культивирование различных жанров письменности в новой социально-экономической и культурной ситуации привело к массовому проникновению в галисийский язык неологизмов, форма которых совпадает с испанской, так как большинство из них имеют общее латинское происхождение.

В конце 50-х – начале 60-х годов, вследствие начавшегося процесса индустриализации и урбанизации, перехода к обществу массового потребления и усиления миграции населения галисийский стал все более вытесняться из сферы повседневного общения; галисийская устная речь все более наводнялась испанизмами, обозначавшими новые реалии быта, которые заменяли традиционные. Галисийское население утрачивало исконный язык и стремительно денационализировалось. Галисийская интеллигенция активно реагировала на эти процессы. Еще при франкистском режиме в 1965 г. удалось организовать кафедру галисийской филологии в университете г. Сантъяго-де-Компостела, а в 1971 г. при этом университете был открыт Институт галисийского языка. Его сотрудники занялись прежде всего диалектологическими исследованиями с тем, чтобы составить полную картину действительного состояния галисийских говоров, определить распространенность и престижность тех или иных форм и некоторые из них выбрать в качестве нормативных. Начался период стандартизации галисийского языка, закончившийся к 90-м годам; с тех пор в литературную норму вно-

inslav

сятся лишь незначительные изменения. Стандартизация была осуществлена довольно быстро, на высоком лингвистическом уровне; главной ее основой послужили галисийские говоры в их *современном состоянии*, но при этом была учтена и предшествующая полуторавековая письменная традиция. Были установлены твердые графические и орфографические нормы, упорядочен морфосинтаксис, устранена нефункциональная вариативность. Что касается лексики, то галисийские лингвисты не пошли по пути жесткого нормирования в этой области, хотя и произвели определенный отбор из бесчисленного множества геосинонимов. Однако главное заключается в том, что они устранили последствия лингвистического дифференциализма, характерного для предшествующего этапа: решительно были изгнаны испанизмы, но при этом были восстановлены в правах исконные галисийские слова, сходные по звучанию с испанскими; столь же решительно избавились от скрытых испанизмов, вульгаризмов и псевдогалисизмов, которые придавали весьма необычный облик галисийской письменной речи. В результате стандартный литературный язык избавился от многовековых иноязычных наслоений, представ в очищенном виде при сохранении основных фонетических и морфосинтаксических структур, характерных для всего галисийского ареала в целом. Разумеется, как и всякий современный стандартный язык, галисийский носит частично искусственный характер; в соответствии с терминологией интерлингвистики его можно назвать *апостериорным* полуискусственным языком (в противовес *априорным* искусственным языкам). Хотя конструирование подобных языков противоречит принципу лингвистической экологии, согласно которому следует стремиться к максимальному сохранению языкового разнообразия, всех диатопических вариантов, все же считается, что только наличие единого стандарта позволяет придать региональному языку статус официального и наделить его всеми теми коммуникативными функциями, которые необходимы для выживания языка в современном обществе.

Консолидированный таким образом галисийский язык одновременно служит символом и национальной консолидации. Галисийские лингвисты неоднократно указывали, что возрождение галисийского языка происходило на основе националистической идеологии. Однако в галисийском национализме существуют различные течения, важнейшим из которых является реинтеграционистское.

inslav

Реинтеграционисты выступают против навязывания государственными институтами стандартного галисийского языка, разработанного лингвистами. Они считают порочным технократический метод построения искусственного языка на основе непрестижных сельских говоров, контаминированных с испанскими. Всю историю галисийского языка начиная с момента расхождения галисийского и португальского в XIV в. и до настоящего времени, включая и историю письменного галисийского языка XIX–XX вв., они рассматривают как некую аберрацию, "историю, которой не должно было быть". Поскольку галисийский бытовал в течение веков в ситуации диглоссии, то, в результате влияния испанского, он утратил свой истинный характер. Вернуть же галисийскому народу его подлинный язык – задача писателей, а не лингвистов. "Вчера язык творил землепашец, а ныне – писатель", – говорил патриарх галисийской филологии Р. Карвальо Калеро, который уже в зрелом возрасте перешел на позиции реинтеграционизма (Carvalho Calero 1990: 75). Подлинный язык следует искать в Португалии, поскольку португальский развивался свободно, в "естественных условиях", не испытывая давления другого языка. Реинтеграционисты прекрасно осознают, что в настоящее время между галисийским и португальским существуют большие различия, и для начала они предлагают приблизить галисийскую графику и орфографию к португальской. Поскольку фонологические системы галисийского и португальского не совпадают и португальская система ближе к средневековой галисийско-португальской системе, то на практике это означает, что галисийцы должны принять этимологические написания, не отражающие современное произношение. Галисийцы должны писать почти по-португальски, а произносить в соответствии со своими навыками. В морфосинтаксисе проблем не возникает, поскольку в этом отношении два языка очень близки друг к другу, что же касается лексики, то реинтеграционисты решают проблему просто: любой словарь португальского языка одновременно является словарем галисийского языка (Montero Santalha 1991–1994: 145).

Любопытны аргументы реинтеграционистов, которые они выдвигают против культивирования автономного галисийского языка. Основных доводов два. Во-первых, современное состояние галисийских говоров не позволяет взять их в качестве основы литературного языка, поэтому автономная литературная норма, разработанная галисийскими лингвистами, является произ-

inslav

вольным построением, которое нельзя считать "аутентичным" языком галисийцев по причине его искусственности и фактической близости к испанскому языку. Реинтеграционисты презрительно именуют официально утвержденные галисийским правительством нормы словом castraро, обозначающим смешанную речь, а сторонников социализации такого языка они называют сепаратистами (сепаратизм здесь следует понимать не в политическом, а исключительно лингвистическом смысле, то есть как стремление культивировать автономный галисийский язык). Во-вторых, как подчеркивает Р. Карвальо Калеро, в современном мире язык может выжить, только если он выдержит конкуренцию с другими языками на международной арене, а эта сфера для автономного галисийского языка недоступна и он обречен на вымирание (Carvalho Calero 1990: 42, 44, 53). Мышление реинтеграционистов полностью противоположно приведенным в первой части статьи высказываниям сторонников регионализации Европы. Согласно реинтеграционистской идеологии, галисийский как региональный язык не способен выжить, даже если превратить его в отдельный *национальный* язык, ибо будущее – за языками международного употребления (Там же: 62–63). Поскольку таковым является португальский язык, то галисийский необходимо представить как один из его *вариантов,* и тогда он приобретет международную значимость.

Теоретическое обоснование возможности представления галисийского в качестве варианта португальского языка очень слабое, и это не удивительно, так как большинство реинтеграционистов не лингвисты, и цель их бурной деятельности, вносящей смуту в процесс нормализации и нормативизации галисийского языка, заключается в том, чтобы разработать только *письменный* вариант нормы *galego-luso-africano-brasileiro* 'галисийско-лузо-африкано-бразильского языка' (Там же: 17), пригодный для использования прежде всего в художественной литературе с тем, чтобы произведения галисийских писателей и поэтов могли читать в странах португальского языка. Игнорируя социолингвистический аспект проблемы, они сосредоточили свои усилия на обсновании возможности сведения всех языковых вариантов, бытующих в Галисии, Португалии, Бразилии и в некоторых других странах, к единой *диасистеме.* Этот термин позаимствован ими из структурного языкознания; им до сих пор пользуются многие романисты-диалектологи и разработчики языковых стандартов для региональных языков, так как

inslav

стандартный язык, особенно что касается графического облика слов, действительно должен представлять собой диасистему, то есть объединение общих элементов некоторого количества идиомов. Используются также известные понятия системы и нормы Э. Косериу: существует единая галисийско-португальско-бразильская система, по отношению к которой галисийский, португальский и бразильский выступают как ее нормативные реализации (Carvalho Calero 1990, 17; Fontenla 1991–1994: 69). Здесь нет возможности рассматривать необоснованность подобной аргументации в структурном и социолингвистическом плане; важно лишь подчеркнуть стремление реинтеграционистов растворить галисийский в португальском во имя ложно понятой интернационализации. В данном случае не может быть и речи об эколингвистическом подходе, ибо реинтеграционисты полностью игнорируют культурно-языковую самобытность собственного народа и с презрением относятся к полуторавековой литературной традиции на галисийском языке, которая, хотя и не привела к унификации языковых норм, тем не менее представляет огромный интерес и для лингвистов, и для литературоведов как яркий образец региональной художественной литературы достаточно высокого уровня.

Не приходится говорить об эколингвистике и при анализе функционирования официального языкового стандарта, который иногда называют *galego identificado* ‘идентифицированный галисийский язык’. Тексты, циркулирующие в формальных сферах общения, сохраняют фоно-морфосинтаксический костяк галисийского языка, в то время как его лексическое наполнение, естественным образом, резко отлично от лексики обыденной и художественной речи. В Галисии в настоящее время наблюдается усиленная разработка научно-технической, административной, юридической терминологии, однако *cultismos* ‘книжные слова’, ‘культизмы’ во всех романских языках имеют сходную форму, будучи в основном латинского происхождения. Именно в формальных сферах общения галисийский более всего утрачивает свою специфику. Одновременно из бытового общения уходят целые пласты лексики, связанные с традиционным образом жизни и с традиционными видами производственной деятельности; обедняется лексика, относящаяся к местной флоре и фауне, к сельскому хозяйству и рыболовству (Graña Núñez 1990: 48 и сл.). Ш. Гранья Нуньес приводит в пример исчезновение значительного пласта лексики, связанной с ручной обработкой льна. Даже ес-

inslav

ли представить себе, что в рамках межрегиональной кооперации в Галисии вернутся к производству льняного полотна, это будет уже механизированное производство, а традиционная лексика сохранится лишь в словарях, которые грозят превратиться в "лексикографические музеи" (Там же: 58).

Не отличается богатством традиционной лексики и современная урбанистическая проза и авангардная поэзия; в наше время художественная литература перестала служить сокровищницей языка. Что же касается средств массовой информации, то и галисийские филологи, и авторы "Евромозаики" (Euromosaic 1996: 76) отмечают, что миноритарный язык используется в них чаще всего в чисто инструментальной функции, для воспроизводства с его помощью господствующей, а не связанной с региональным языком культуры; стало быть, и в этой сфере галисийский язык превращается в звуковую оболочку интернациональных смыслов, утрачивая свою специфику.

Таким образом, культивирование региональных языков в современных социально-экономических условиях оказывается весьма проблематичным. Сама по себе регионализация Европы, протекающая одновременно с процессами глобализации, несмотря на все благие пожелания вряд ли способна сохранить культурно-языковую самобытность национальных меньшинств; самое большее, чего можно ожидать, это искусственного поддержания с помощью государственных институтов функционирования языковых стандартов. Даже если они смогут социализироваться в достаточной мере, производимые на них тексты будут коренным образом отличаться от тех, что характеризовали народную культуру и литературное творчество до недавнего времени. *Производство* языка, если вернуться к терминологии авторов "Евромозаики", есть нечто совершенно иное по сравнению с его традиционным *воспроизводством*, и по существу оно означает становление совершенно иной языковой традиции, сходной с предыдущей лишь в сугубо структурном, фонетико-грамматическом, отношении.

ЛИТЕРАТУРА

Ирибарне Фрага М. Путь к реальной автономии и истинному самоуправлению. СПб., 1999.

Carvalho Calero R. Do galego e da Galiza. Santiago de Compostela, 1990.

Euromosaic. Producción e reproducción dos grupos lingüísticos minoritarios da UE. [Santiago de Compostela], 1996.

inslav

Fernández Salgado B., Monteagudo Romero H. Do galego literario ó galego común. O proceso de estandardización na época contemporánea // *Monteagudo R.* (ed.). Estudios de sociolingüística galega. Sobre a norma do galego culto. – Vigo, 1995.

Fontenla J.L. As ideias linguísticas de Guerra da Cal e o Novo acordo ortográfico // Atas do Congresso internacional de lingua, cultura e literaturas lusófonas (Homenagem ao professor Ernesto Guerra da Cal). Pontevedra: Braga, 1991–1994. – Vol. VII–IX.

Grana Núñez X. O léxico patrimonial galego: algúns aspectos do seu empobrecemento // Cadernos de lingua, 1990. № 2.

Montero Santalha J.-L. A lusofonia e a língua portuguesa da Galiza: dificuldades do presente e tarefas para o futuro // Atas do Congresso internacional de lingua, cultura e literaturas lusófonas (Homenagem ao professor Ernesto Guerra da Cal). Pontevedra: Braga, 1991–1994. – Vol. VII–IX.

Muljačić Ž. A estandardización do galego á luz de procesos análogos noutras linguas minorizadas europeas // Estudios de sociolingüística galega. Sobre a norma do galego culto. Monteagudo H. (ed.). Vigo, 1995.

Santamarina A. Norma e estándar // *Monteagudo H.* (ed.). Estudios de sociolingüística galega. Sobre a norma do galego culto. Vigo, 1995.

inslav

V. ЯЗЫКИ В СПЕЦИФИЧЕСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

А.Д. Дуличенко
(Эстония)

КАШУБЫ И ИХ ЯЗЫК: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНО- И ЛИНГВОДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВВ.

В последние два-три десятилетия во многих европейских странах протекают активные процессы, связанные с возрождением местных, или региональных, традиций – этнических, языковых, культурных. Интенсивный характер подобных процессов отмечается и в ряде славянских стран. Так, с конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. (карпато)русинское движение за возрождение охватило эту популяцию, проживающую в нескольких странах, – на Украине (Закарпатье), в Словакии (восточная ее часть), Польше (прилегающие к Словакии пограничные районы), Венгрии (некоторые русинские острова в северной части страны), а также в Румынии. Движение выразилось прежде всего в стремлении создать на локальной диалектной основе собственный вариант литературного языка и внедрять его в различные сферы жизни – от художественной литературы до преподавания в школе и использования в СМИ (см., например: Дуличенко 1996: 1–17). Коснулись подобные процессы и кашубов польского Приморья (устар. *Померания,* соврем. пол. *Pomorze*), о чем будет идти речь в настоящей статье.

Приведем некоторые общие сведения, касающиеся кашубской этнической и языковой проблематики и актуальной на конец XX–начало XXI в.

До 1998 г. включительно этническую территорию, которую по-русски можно было бы обозначить как *Кашубия*, или *Кашубы* (ср. в этом смысле пол. *Kaszuby*), составили 43 гмины (при административном делении Польши от крупной единицы к наименьшей: воеводство – повят, или повет, – гмина), из них 33 в Гданьском, 9 – в Слупском и 1 – в Быдгощском воеводствах, при этом практически в каждой гмине количество кашубов составля-

inslav

ло не менее 50%. С 1999 г. в связи с административно-территориальной реформой в Польше интересующий нас регион был преобразован в одно воеводство с 19 повятами. Это воеводство стало называться Поморским (пол. *województwo Pomorskie*). Его административным и культурным центром является г. Гданьск. "В новом Поморском воеводстве полностью оказались Кашубы (resp. Кашубия) – от Хойниц через Косцежину и Картузы до Пуцка и Хеля (полуостров), от Бытова до Лэбы и Смолдзина" (Mach 1999: 10). Проведенное в конце 80-х гг. социологическое исследование под руководством М. Лятошека позволило, наконец, установить более точную численность кашубов, которая до сих пор официально приводилась в виде очень приблизительных цифр. К настоящему времени кашубов насчитывается немногим более полумиллиона человек: около 330 тыс. собственно кашубов и около 185 тыс. так наз. "полукашубов", происходящих из смешанных браков, – всего около 487 тыс. (Latoszek, red., 1990). Правда, Й. Мордавский приводит несколько иное соотношение: 368 тыс. собственно кашубов и 119 тыс. так наз. "полукашубов", итого – 505 тыс. человек (Borzyszkowski, Mordawski, Treder 1999: 110). При этом почти 60% их – это сельское население. Более 90% кашубской популяции занимают гмины Хмельно, Суленчино, Линя, Люзино, Пуцк, Шемуд, Пархово. Однако имеется немало сел (не говорим уже о городах!), в которых кашубы составляют незначительный процент. Примечательно, что ежедневно в быту кашубским языком пользуется почти третья часть популяции (28%). В гминах и городах, полностью расположенных в ареале кашубских говоров, процент пользующихся с разной степенью частотности кашубским языком достигает 72%; в местах, частично располагающихся в ареале кашубских говоров, этот процент равен 56%, а вот в местах, выходящих за указанный ареал, – 24%. Кашубы – полные билингвы: кроме родного языка, они владеют польским. Впрочем, нередко польский язык многие кашубы ставят на первое место (Latoszek, red., 1990; Latoszek 1997: 196–197; Borzyszkowski, Mordawski, Treder 1999: 104). Проживают кашубы и за пределами Польши – прежде всего в Канаде, США, а также в Германии (см., например: Szulist 1992 и др.). По некоторым данным, численность кашубов в эмиграции колеблется от 10 до 20 тыс. человек (см.: Lubaś 2002: 265).

Культурным центром кашубов является Гданьск, хотя в разное время на эту роль претендовали также Косцежина, Картузы, Вейхерово.

inslav

Самоназвание кашубов – *Kaszëb* (ед. ч.), *Kaszëbi* (мн. ч.), что соответствует польским *Kaszub* – *Kaszubi*; лингвоним – *kaszëbizna* или *kaszëbskô* mowa 'кашубская речь', а в последнее время – *kaszëbsczi jãzëk* 'кашубский язык'; Кашубия, или Кашубы, – *Kaszëbë* или же *Kaszëbskô* (пол. *Kaszuby*). (Разъяснения по этому поводу ввиду постоянной путаницы терминов в прессе см.: Breza 2003: 60–61).

Впервые этноним *кашубы* в форме *Cassubitae* появляется в рукописях XIII в., в частности, в "Хронике Великопольской" (см., например: Popowska-Taborska 1980: 21); одно из первых печатных упоминаний этого этнонима относится к середине XVI в. и принадлежит К. Гесснеру, автору известного труда "Mithridates", изданного в 1555 г. (см. подробно об этом: Дуличенко 1994: 29–33). Этимология этнонима *кашубы* до сих пор до конца не выяснена. Современный польско-кашубский этимолог Э. Бреза склоняется к тому, что этот этноним произошел от мужского антропонима *Kazimierz*, в частности, от его уменьшительной формы *Kasz*, к которой мог присоединиться суффикс в форме *-ub* или *-ub(a)*. Показательно, что по данным на 1993 г. в Польше и прежде всего в Поморье фамилию *Kaszub* носит 194 жителя, *Kaszuba* – 7641, *Kaszubski* – 1561, *Kaszubowski* – 2529 и т. д. (см.: Breza 2003: 49).

Среди кашубов выделяются мелкие этнические подразделения, например, *быляки* (*Bylacy*), проживающие на северо-востоке и произносящие *ł* как *l*, т.е. "былячат", пол. *bylacza* (*bél* – пол. *był* 'был'); *лежцы* (пол. *Leżcy*) – на северо-западе, носители жарновского говора; *юзцы* (*Józcy*) на среднем западе, носители сераковского говора; *лесаки* (*Lesacy*), *гахи* (*Gachy*), *забораки,* или *крубане* (*Zaboraky, Krubanie*) (Sychta 1960; Treder, Breza 2000: 144). В XX в. исчезла ветвь кашубов – *словинцы* (пол. *Słowińcy*), проживавшие у Гардненского и Лэбского озер в западном Поморье (см.: Lorentz 1903; Słowińcy 1961; Sobierajski 1977: 109–126; Дуличенко 1995: 83–91; Szultka 1992; Rzetelska-Feleszko 2002: 509–512).

Взаимоотношение "поляки – кашубы" имеет давнюю историю и превратилось уже в "вечную проблему". При этом, делая акцент на польско-кашубских языковых отношениях, так или иначе имеют в виду и этнический аспект, т.е. занимаясь статусом кашубщины – "диалект польского языка – самостоятельный язык?", – говорят о них в зависимости от занятой позиции либо как о специфической группе польского народа, либо как о самостоятельном этносе. Такая расстановка научных воззрений сфор-

inslav

мировалась еще в XIX в. и продолжает в целом оставаться таковой до настоящего времени.

Вопрос об этническом и языковом статусе кашубов дискутируется со второй половины XIX в. преимущественно в польской, русской и немецкой славистике. Выработаны две противопоставленные друг другу гипотезы – *полоноцентрическая* и *кашубоцентрическая*. Согласно первой, кашубщина рассматривается как один из специфических диалектов польского языка, а кашубы – как этническая ("этнографическая") группа польского народа; согласно второй, речь идет о языковой и этнической самостоятельности кашубов. Вторая точка зрения развивается преимущественно учеными, находящимися вне рамок польской славистической традиции. На рубеже XX и XXI вв. полемика на эту тему активизировалась, причем в основном в рамках современной полонистики. Так, создатели "Языкового атласа кашубщины и соседних диалектов" (Atlas 1964–1978) сделали на этот счет следующее заключение: "Исследование, проведенное для Атласа, подтвердило теорию об исторической принадлежности кашубского диалекта к лехитской группе и о его переходном характере – от западного до восточного полюса этой языковой группы. С другой стороны, исследования показали также проникающие глубоко в структуру языка давние и современные связи кашубского диалекта с польским литературным языком и польскими говорами. Кашубские говоры, представляющие собой зачастую архаическое состояние языка, как по своему общему с польским языком развитию в прошлом, так и по обнаруживающимся современным тенденциям, принадлежат к польскому языковому ареалу и являются одним из его диалектов" (Хандкэ и др. 1978: 385–386; аналогична также точка зрения одной из составительниц Атласа: Topolińska 1992: 237–243). Таким образом, исторически кашубщина двигалась в пределах лехитской языковой группы от ее западной части (западнопоморские диалекты, полабский язык) к восточной (польский язык), где и оказалась в "лоне" польского языка, приобретя здесь статус диалекта.

В 1988 г. на страницах варшавского журнала "Польский язык" ("Język polski") разгорелась дискуссия на тему о статусе кашубщины. Поводом для нее стала наша монография "Славянские литературные микроязыки. (Вопросы становления и развития)", изданная на основе докторской хабилитационной диссертации под тем же названием (см.: Дуличенко 1981), в которой мы рассматривали кашубский как литературный язык (resp. микро-

inslav

язык), что естественным образом клонило к признанию его генетической самостоятельности. В полемически названной статье "Региональные литературные языки в Польше?" известный польский славист А. Заремба выразил сомнение в отдельности кашубского языка, указав на результаты "Языкового атласа кашубщины и соседних диалектов" (см. выше) и подчеркнув, что речь идет об использовании кашубских языковых элементов в художественных произведениях в целях "стилизации". Эту точку зрения поддержала Х. Поповская-Таборская, а также Э. Жетельская-Фелешко (см. соответственно: Zaręba 1988: 76–86; Popowska-Taborska 1988: 87–96; Rzetelska-Feleszko 1988: 97–101). По странному недоразумению, мы тогда не смогли вступить в эту полемику, поскольку ознакомились с указанными публикациями только через год. Подчеркнем, что именно в 60–80-е гг. XX в. подобная точка зрения господствовала в полонистике. И лишь в 90-е гг. ситуация стала несколько меняться.

На проведенной в Гданьске в 1999 г. конференции "Проблемы статуса кашубщины" (см. материалы в сб.: Problem 1992), в которой участвовали только польские ученые, столкнулись две ранее обозначенные позиции. Так, К. Дейна высказался совершенно определенно: "Кашубы не являются особым народом, но частью польского народа ⟨...⟩, они являются одной из этнических (национальных) подгрупп, отличающихся рядом культурных особенностей ⟨...⟩ вместе с языковыми особенностями ⟨...⟩ от остальных польских региональных культурно-этнических общностей, – таких как гуральская, курпиовская, ловицкая, силезская, цешинская, опольская, келецкая и т.д. Если же признать за кашубским диалектом 'статус кашубского языка', то нужно к этому еще призвать и 'гуральский язык' (język guralski), 'курпиовский язык' (język kurpiowski) 'ловицкий язык' (język łowicki), и силезский, и цешинский, и опольский, и келецкий и много других ⟨...⟩" (Dejna 1992: 33). Иными словами, кашубщина не может иметь самостоятельного статуса только потому, что на подобный статус могут претендовать и некоторые другие культурно-языковые общности. Отсюда запугивание сепаратизмом, дезинтеграцией и т.д. Примечательно, что этот исследователь все же делает некоторую уступку кашубщине. Он пишет: "Она [кашубщина] становится всего лишь одним из славянских 'микроязыков', детально исследованных А. Дуличенко, взгляды которого прореферировал и критически оценил профессор Альфред Заремба" (Там же). Однако далее этого разъяснений не следует.

inslav

Известный польский историк, исследователь Поморья Г. Лябуда, кашуб по происхождению, заметил на этой конференции, что " кашубщина ⟨...⟩ поднимается до уровня отдельного языка (словари, литература, этническое самосознание)" (Labuda 1992: 12). Профессор Познанского университета А. Маевич выдвинул идею "кашубского языкового этнолекта", который может претендовать на отдельность, имея уже собственную историю попыток создания литературного языка (Majewicz 1992: 36).

На прошедшей в конце 1993 г. в Поморье научной конференции "Кашубщина в мире" (см. материалы: Kaszubszczyzna 1994) видный кашуболог Э. Бреза, до того весьма сдержанно высказывавшийся по проблеме генетического статуса кашубского языка, рассмотрев польские и кашубские языковые особенности на разных уровнях, пришел к выводу о том, что "необходимо признать кашубщину отдельным языком" (Breza 1994: 13 и далее). Интересно в этой связи такое фонетическое различие, которое, можно сказать, впервые используется в качестве аргумента в пользу отдельности языкового статуса кашубщины: в связи с тем, что в кашубском вокалическая система состоит из 10 фонем, а в польском только из 6, то "возможно по этой причине трактовать кашубщину как язык вокалический, а не консонантный – как польский" (Там же).

Примечательно, что в современной польской славистике все больше специалистов склоняется к признанию самостоятельного статуса кашубского языка. На заседании прошедшей в Гданьске международной конференции "Кашубоведческие исследования в XX веке" некоторые польские слависты, занимающиеся вопросами кашубского языка, еще находились в некоторой неопределенности по интересующему нас вопросу. По крайней мере, на конференции задавались вопросы вроде того, что "Существует ли кашубский литературный язык?". И как следствие возникла дискуссия, в которой принимал участие и пишущий эти строки (материалы конференции см.: Badania 2001). Показательно в этом отношении также то, что некоторые авторы, создатели "Атласа кашубщины и соседних диалектов", стали признавать возможность существования кашубского литературного языка (см., например, их статьи в сборнике: Kaszubszczyzna/ Kaszëbizna 2001; здесь же краткая статья Я. Зенюковой об эволюции взглядов на статус кашубщины: Zieniukowa 2001: 61–70). Таким образом, поворот в полонистике во взгляде на происхождение кашубского языка очевиден. Хотя все еще продолжаются

inslav

попытки настаивать на его диалектном статусе. Так, профессор Краковского университета В. Маньчак, исследуя лексический состав переводов Священного Писания на польский и кашубский, делает такой вывод: "⟨...⟩ кашубский отличается от польского литературного языка меньше, нежели нижненемецкий (признаваемый всеми как диалект) отличается от немецкого литературного языка. Из этого вытекает вывод: взгляд о том, что кашубщина якобы была отдельным языком, бездоказателен" (Manczak 2002: 74). Ср. также позицию авторов варшавского справочника "Народы и языки мира", в которой есть статья "Кашубы", но нет статьи "Кашубский язык", хотя для других народов такие статьи даются; при внимательном чтении справочника выясняется, что кашубщина трактуется как польский диалект в статье "Польский язык" (Ludy 2000).

Посмотрим, как решается вопрос об этноязыковом статусе кашубов в самой кашубской среде в Поморье. Прежде всего следует обратить внимание на то, что с конца 80-х гг. XX в. вопрос об этно-языковой специфике кашубов стал дискутироваться открыто как среди политиков, так и в польских СМИ. Появляются также научные публикации по проблемам этнических меньшинств в современной Польше. Так, например, в монографии А. Порембского "Европейские этнические меньшинства: происхождение и направления перемен" кашубы рассматриваются наряду с такими меньшинствами, как баски, ретороманцы, шведские финны, серболужичане, черногорцы (Porębski 1991). Интересный материал о кашубах содержится в ряде изданий, среди которых следовало бы назвать материалы "VI международной конференции по малым языкам", прошедшей в Гданьске в 1996 г. (Language Minorities 1997), также сборники "На старой и новой родине. Национальные меньшинства в Гданьске после Второй мировой войны" и "Pomerania Ethnica" (W starej i nowej ojczyźnie 1997; Pomerania Ethnica 1998). Однако, как ни странно, иные публикации, посвященные проблематике меньшинств в Польше, непонятным образом обходят стороною кашубскую общность (см., например: Mniejszości 1998; Chałupczak, Browarczyk 1998). Очень сдержанную позицию по отношению к кашубам заняли и авторы сборника "Регион, регионализм", выпущенного Институтом славистики ПАН в 1993 г. (Region 1993). По существу, без кашубского представительства работает с 90-х гг. при польском сейме Комиссия по национальным и этническим меньшинствам, что вызывает недоумения и даже протесты кашубской общественности

inslav

(см.: Pomerania, Gdańsk, 2001, N 5, s. 19–21). В этом, правда, есть и объективные трудности, связанные прежде всего с терминологией. Так, в Европейском сообществе чаще всего употребляется термин *этническое меньшинство* (по-польски *mniejszość etniczna*) и фактически не используется термин национальное меньшинство (пол. *mniejszość narodowa*). В 1992 г. Совет Европы принял Европейскую хартию региональных и языковых меньшинств, в которой декларируются и обосновываются права таких меньшинств. Ныне в Европе такими языками обслуживаются около 50 млн человек. С 2004 г. в список этих языков войдет и кашубский (Grzędzicki 2003: 53). Здесь используется терминология типа "языки региональные и (языки) меньшинств" – *języki regionalne i mniejszościowe*. Раньше, еще в 1991 г., главная общественная организация кашубов в Гданьске "Кашубско-Поморское объединение" (пол. Zrzeszenie Kaszubsko-Pomorskie) вступила в качестве члена в Федеративный Союз европейских этнических групп, в названии которого используется термин "этническая группа" (по-польски *grupa etniczna*). Упомянутая нами ранее Комиссия по национальным и этническим меньшинствам при польском сейме с 1993 г. работает над соответствующим проектом, однако он до сих пор не принят (Wyrowiński 1999: 19–21).

В 2002 г. "Кашубско-Поморское объединение" и его печатный орган журнал "Pomerania" провели дискуссию по этноязыковым проблемам кашубов, в которой приняли участие видные деятели современного кашубского этноязыкового движения (Pomerania, 2002, N 10, s. 5–10). Поводом для нее послужила бурная реакция польской печати (и не только печати) на инициативу группы деятелей "Кашубско-Поморского объединения", обратившейся в польский сейм с предложением о признании кашубов этническим меньшинством. Председатель названного общества Б. Сынак заявил: "⟨...⟩ Я абсолютно уверен и для меня совершенно очевидно, что кашубы являются этнической группой, но региональной, а не национальной ⟨...⟩ Замыкание кашубов в категории 'этническое меньшинство' определенно не поможет в пробуждении кашубской идентификации" (с. 6). Т. Болдуан высказался в таком духе: "Считаю кашубов культурной, региональной группой. Кто хочет, может говорить об этнической группе, однако я решительно против называния кашубов этническом меньшинством ⟨...⟩ Не представляю, чтобы я мог признать себя членом какого-то меньшинства в Польше. Это абсурдно" (с. 6–7). Этот же деятель высказался и против придания кашубщине ста-

inslav

туса языка, для него она – "речь" (пол. *mowa*): "Не может быть так, чтобы диалект назывался языком. С этим не могу согласиться" (с. 7). Т. Пеховский считает, что "кашубы являются народом" (с. 8). В другом месте он заявляет: "Кашубы сами решат, кем им быть завтра, – народом, этнической группой или территориальной общностью" (Piechowski 2003: 17). Т. Вихеркевич, сотрудник Познанского университета, занимающийся этноязыковыми меньшинствами, также принял участие в дискуссии. Говоря о статусе, он высказал мнение о том, что кашубщина могла быть региональным языком (пол. *język regionalny*) – по аналогии с нижненемецким региональным (литературным) языком, которого Бундестаг наделил этим статусом в 1998 г. (подробнее см.: Wicherkiewicz 2001: 9–10). Однако, как нам думается, в этом случае кашубы должны были бы стать территориальной (resp. региональной) общностью.

Как видим, между самими кашубами нет единства во взглядах ни на статус их как этноса, ни на статус языка. Однако можно констатировать, что с 90-х гг. XX в. стала очевидной и прогрессирующей тенденция к развитию идеи этноязыковой отдельности кашубов и необходимости укрепления самосознания этого народа. При этом данный процесс воспринимается большей частью кашубов (по крайней мере, в своей этнической части) в виде модели, сформулированной как "кашубы являются поляками" ("Kaszubi są Polakami"), "У нас двойное самосознание. Ничего не хотим изменять" ("Mamy podwójną tożsamość. Nie chcemy niczego zmieniać") (Pomerania, 2003, N 6, s. 16–17). Эта позиция своими корнями уходит в XIX в., когда классик кашубской литературы поэт И. Дердовский выразил свое и всех кашубов кредо таким образом: "Нет Кашубии без Польши, а без Кашубии – Польши" ("Ni ma Kaszub bez Poloni, a bez Kaszub Polsczi").

Как мы показали ранее, этнический аспект кашубов все более приобретает самостоятельное решение. Что касается языка, то ныне, когда кашубы переживают новый виток своего этноязыкового возрождения (первый относится к 40–50-м гг. XIX в. и связан с именем Ф. Цейновы, второй – к началу XX в. и вызван был движением 'младокашубов'), становятся весьма популярными среди них афористические высказывания и императивы мобилизующего характера – такие, например, как созданные писателем Я. Трепчиком: "Идемьте вперед с кашубщиной!" ("Pójmë wprzódk z kaszëbizną") или "Кашубщина для нас – как кровь для человека: если из него она вытекает, он умирает"

inslav

("Kaszëbizna je dlô nas jak krew dlô człowieka – czej z niego uńdze, umierô"). Писатель Э. Щесяк, когда ему задали вопрос, можно ли научиться кашубскому языку, ответил: "Да, но – от матери" ("Tak, ale od matki"; Pomerania, 2002, N 10/11, s. 9). Он же автор и такого афоризма: "Нет Кашубии без кашубов" ("Nie ma Kaszub bez Kaszubów") (Pomerania, 1988, N 7, s. 15). Или ср. такое высказывание: "Без кашубщины Кашубия пропадет!" ("Bez kaszëbizne Kaszëbë zdziną!"). В детском школьном сочинении можно прочитать такие цитаты из произведений И. Дердовского: "Кто кашубскую речь знает, тот может ехать во все страны/края" ("Chto kaszëbskô mòwa znaje, ten móże jechac we wszëtczé kraje"; Pomerania, 2000, N 5, s. 11) и т.д. Примечательно, что административно-территориальная реформа, проведенная в Польше, вызвала у кашубов своеобразную реакцию: появились предложения и обращения к властям о названии нового воеводства не просто Поморским, но – Кашубско-Поморским (например: Pomerania, 2002, N 6, s. 4).

Этноязыковое возрождение кашубов проявляется также в том, что кашубский язык начинает использоваться в различных сферах жизни. Кашубская литература успешно развивается с XIX в. и достигла достаточно высокого уровня развития. Произведения кашубских писателей переводятся на многие языки, в том числе и на польский, а также польские – на кашубский (в 2000 г. вышел кашубский перевод "Пана Тадеуша" А. Мицкевича). На кашубский переведено Священное Писание (Swiętė Pismiona 1993), на нем уже ведется служба в церкви, его поддерживает, например, митрополит Гданьский Тадеуш Гоцловский (Pomerania, 2001, N 6, s. 14). В 90-е гг. кашубский язык постепенно вводится в школу: в 2003 г. его изучали около 4 тыс. детей (см. приложение к жур. "Pomerania" – "Najô ùczba", 2003, N 23, s. 1). Кашубщина звучит на волне Гданьского радио и слышна по Гданьскому ТВ (регулярная передача "Rodnô zémia"). Функционирует лекторат кашубского языка в Гданьском университете. Все это свидетельствует о том, что этот язык постепенно расширяет своего функциональные потенции и возможности и со временем выработает более или менее единые нормы, так как сейчас эти нормы нестрогие, поскольку на каждого пишущего по-кашубски сильно влияет родной говор. С 1975 г. действуют правила кашубской графики и орфографии (Breza, Treder 1975), которые в 90-е гг. были несколько реформированы. Выпускаются учебники для школ (например: Cybulski, Wosiak-Śliwa 2001) (по-

inslav

дробнее см.: Treder, Breza 2000: 139–166). Этому процессу мешает в известной мере недостаточная компактность кашубского населения, ср. такое высказывание одного из деятелей Поморья, Д. Туска: "Существует ли гмина, о которой мы могли бы сегодня сказать, что она является образцово кашубской, где *chata* – это *checza*, где можно попробовать кашубские блюда, услышать кашубский язык, кашубскую музыку? ⟨...⟩ Ни в одном месте на Кашубии не отыщите те магические границы [когда можно было бы сказать]: О, въезжаем на Кашубы (в Кашубию)!" (Pomerania, 2000, N 6, s. 16–17). Тем не менее, как свидетельствует профессор Гданьского университета, кашуб по происхождению, Й. Божишковский, "и у нас новая этничность постепенно начинает пробивать себе дорогу" (Borzyszkowski 1992: 32).

ЛИТЕРАТУРА

Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). Таллин, 1981.

Дуличенко А.Д. К незатухающему спору о словинцах и словинском языке. Rocznik gdański. 1995. T. LV. Zesz. 1. 83–91.

Дуличенко А.Д. К истории этнонимов *кашубы* и *словинцы*. Slavia occidentalis. T. 51. Poznań, 1994. 29–33.

Хандкэ и др. 1978 – Языковой атлас кашубских диалектов и смежных говоров – цель, содержание, выводы // Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Zesz. XV. Wrocław, 1978, 373–386.

Atlas 1964–1978 – Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. Zesz. I–XV. Wrocław, 1964–1978.

Badania 2001 – Badania kaszuboznawcze w XX wieku. Materiały pokonferencyjne pod red. J. Borzyszkowskiego i C. Obracht-Prondzińskiego. Gdańsk, 2001.

Borzyszkowski J. Przyszłość kaszubszczyzny // II Kongres kaszubski "Przyszłość kaszubszczyzny". Dokumentacja. Gdańsk, 1992, 17–35.

Borzyszkowski J., Mordawski J., Treder J. Historia, geografia, język i piśmiennictwo Kaszubów. Gdańsk, 1999 (текст книги параллельно на кашубском языке).

Breza E. Kaszubszczyzna wśród języków słowiańskich, jej status językowy // Kaszubszczyzna w świecie. Wejherowo, 1994, 7–20.

Breza E. Kaszuby – nie: kaszubszczyzna // Pomerania. 2004. N 3/4 (361/362), kwieceń/maj, 60–61.

Breza E. Nazwa wsi Kaszuba // Pomerania. 2003. N 6 (363), czerwiec, 49.

Breza E, Treder J. Zasady pisowni kaszubskiej. Gdańsk, 1975.

Cybulski M., Wosiak-Śliwa R. Ùczimë sã pò kaszëbskù. Gdańsk, 2001.

Chałupczak H., Browarczyk T. Mniejszości narodowe w Polsce. 1918–1995. Lublin, 1998.

Dejna K. W sprawie "statusu języka kaszubskiego" // Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1992, 29–34.

Grzędzicki Ł. W sukurs zagrożonym językom // Pomerania. 2003. N 7/8 (364/365), lipiec-sierpień, 52–53.

inslav

Labuda G. Czynniki społeczne i kulturalne w rozwoju języka // Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1992, 5–13.

Kaszubszczyzna 1994 – Kaszubszczyzna w świecie. Wejherowo, 1994.

Kaszubszczyzna/Kaszëbizna 2001 – Kaszubszczyzna/Kaszëbizna. Red. E. Breza. Opole, 2001.

Language minority 1997 – Language minority and minority languages in the changing Europe. Ed. by B. Synak and T. Wicherkiewicz. Gdańsk, 1997. Latoszek, red. 1990 – M. Latoszek. Kaszubi. Monografia socjologiczna. Pod red. M. Latoszka. Rzeszów, 1990.

Latoszek M. Świadomość językowa i kulturowa Kaszubów w kontekście typów orientacji temporalnych i uwarunkowan historyczno-geograficznych // Obraz językowy słowiańskiego Pomorza i Łużyc. Pogranicza i kontakty językowe. Pod red. J. Zieniukowej. Warszawa, 1997, 185–203.

Lorentz F. Slovinzische Grammatik. Spb., 1903.

Lubaś W. Kaschubisch // Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 265–273.

Ludy 2000 – Ludy i języki świata. Pod red. K. Damm i A. Mikusińskiej. Warszawa: PWN, 2000.

Mach J. Region pełnowymiarowy // Pomerania, Gdańsk. 1999. N 1(310), stëcznik, 10–12.

Majewicz A. Formy i możliwości promocji kaszubszczyzny (aspekty europrawne i uwarunkowania socjolingwistyczne) // Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1992, 35–40.

Mańczak W. O pochodzeniu i dialekcie Kaszubów. Gdańsk, 2002.

Mniejszości 1997. – Mniejszości narodowe w Polsce. Pod red. Z. Karcza. Wrocław, 1997.

Mniejszości 1998 – Mniejszości narodowe w Polsce. Praktyka po 1989 r. Warszawa, 1998.

Piechowski T. Nie jesteśmy janczarami // Pomerania. 2003. N 6 (336), czerwiec, 16–19.

Pomerania Ethnica 1998 – Pomerania Ethnica. Mniejszosci narodowe i etniczne na Pomorzu Zachodnim. Red. M. Giedrojc, J. Mieczkowśki. Szczecin, 1998.

Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna. Zarys dziejów. Warszawa: PWN, 1980.

Popowska-Taborska H. "Język czy dialekt?" // Język polski, rocz. LXVIII, Warszawa, 1988. Zesz. 2–3, 87–96.

Porębski A. Europejskie mniejszości etniczne. Geneza i kierunki przemian // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego, CMLXXII. Prace polonijne, zesz. 15. Kraków, 1991.

Problem 1992 – Problem statusu językowego kaszubszczyzny. Gdańsk, 1992.

Region 1993 – Region, regionalizm: pojęcia i rzeczywistość. Zbiór studiów. Pod red. K. Handke. Warszawa, 1993.

Rzetelska-Feleszko E. Dlaczego dialekt słowiński nie stał się językiem? // Język polski, rocz. LXVIII, Warszawa, 1988. Zesz. 2–3, 97–101.

Rzetelska-Feleszko E. Slovinzisch // Wieser Enzyklopädie des europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt, 509–512.

Słowińcy 1961 – Słowińcy, ich język i folklor. Wrocław, 1961.

Sobierajski Z. Proces wymierania języka na przykladzie dialektu Słowińców nad Bałtykiem // Slavia occidentalis, Poznań, 1977. T. 34, 109–126.

Sychta B. Kaszubskie grupy regionalne i lokalne, ich nazwy i wzajemny stosunek do siebie. Gdańsk, 1960 (оттиск из: Rocznik gdański. T. XVII/XVIII).

Szulist W. Kaszubi Kanadyjscy. Okres pionerski i dzień dzisiejszy. Gdańsk, 1992.

inslav

Szultka Z. Studia nad rodowodem i językiem Kaszubów. Gdańsk, 1992.

Święte Pismiona 1993 – Święte Pismiona Nowégo Testamentu. Skaszëbił E. Gołąbk. Gduńsk/Pelplin, 1993.

Topolińska 1992 – Z. Topolińska. "Lechicki" vs. "polski (z kaszubskim)", czyli raz jeszcze o statusie dialektów kaszubskich // Studia z dialektologii polskiej i słowiańskiej. (Język na pograniczach, 4). Warszawa, 1992, 237–243.

Treder J., Breza E. Sytuacja socjolingwistyczna kaszubszczyzny // Kultura – język – edukacja. T. 3. Red. R. Mrózek (Prace naukowe Uniwersytetu Śląskiego, N 1861). Katowice, 2000, 139–166.

W starej i nowej ojczyźnie. Mniejszości narodowe w Gdańsku po II wojnie światowej. Pod red. J. Hełagidy. Gdańsk, 1997.

Wicherkiewicz T. Mądrze i dalekosiężnie // Pomerania, 2001, N 3 (336), strumiannik, 6–11.

Wyrowiński J. Sytuacja prawna mniejszości w Polsce // Pomerania, 1999, N 7–8 (316–317), lëpińc-zélnik, 19–21.

Zaręba A. Literackie języki regionalne w Polsce? // Język polski, rocz. LXVIII, Warszawa, 1988, zesz. 2–3, 76–86.

Zieniukowa J. Ewolucja poglądów na status kaszubszczyzny // Kaszubszczyzna/Kaszëbizna. Opole, 2001, 61–70.

М.И. Ермакова

(Россия)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЛУЖИЦЕ В СВЕТЕ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Тенденции глобализации выступают как объединительные силы мирового процесса. Они проявляются в разных сферах жизни мирового сообщества и обусловлены прежде всего развитием техники, товарообмена, транспорта, различных средств коммуникации, информации, в том числе электронных. В результате этих процессов повышается мобильность как самих их участников, так и результатов их деятельности. Развитие различных сфер производства, создание виртуальных миров ведет к возникновению взаимосвязи членов мирового сообщества, которые не только воспринимают происходящее в мире, но и становятся непосредственными участниками общего мирового процесса. Различные индивидуумы все в большей степени оказываются приобщенными не к одному, определенному, а разным языковым сообществам, что требует от них поиска средств и способов языкового общения, обеспечивающих адекватное понимание и возмож-

inslav

ности дальнейшего развития в разных областях человеческой деятельности. Этот поиск является как целью, так и неизбежным результатом действия тенденций глобализации, ведущих к дальнейшему развитию этого мира. Одним из проявлений этого процесса является стремление к выработке общего, "мирового" языка, на звание которого в данный исторический момент претендует английский язык.

Однако, наряду с центростремительными силами, в мире активно действуют и центробежные силы; тенденции глобализации вызывают к жизни и стремление к сопротивлению этому всеобщему процессу, к проявлению антиглобалистских тенденций. Так, в области политики это проявляется в том, что, наряду со смягчением вопросов, связанных с национальными границами, в рамках одного государства приобретают популярность идеи обособления, самостоятельности отдельных территорий (ср., например, провинция Квебек в Канаде), в области экономики проявляется стремление ограничить влияние крупных монополий и предоставить большую свободу средним монополиям, обеспечивающим конкуренцию и более успешное развитие в отдельных областях экономики; в области культуры и языка усиливаются тенденции к сохранению национального своеобразия и защите своего языка от чуждых влияний, в том числе и от сильного воздействия так называемого "мирового" языка.

Проблемы действия процессов глобализации и противоположных ей тенденций являются предметом обсуждения в лингвистической литературе, в том числе и серболужицкой. В сорабистике изучение данных вопросов связывается прежде всего с рассмотрением возможностей сохранения своеобразия серболужицкого языка, культуры как языка и культуры малой народности, существующей в рамках немецкого государства в течение ряда веков, а также с попытками предсказать судьбу серболужицкого языка и перспективы его развития в новых исторических условиях при усилении объединительных тенденций в современном мире.

Изучение влияния процессов глобализации в области языковой деятельности и их соотношения с тенденциями сохранения национального языка и его своеобразия предполагает для данного языкового сообщества определение состава и роли языков, относящихся к другим языковым сообществам и контактирующих с данным языком; возможности языковой интерференции, взаимовлияния языков на данной территории; отношение данного языка к так называемому "мировому" языку.

inslav

Такого рода исследование опирается прежде всего на знание специфики языковой ситуации на территории распространения данного языка не только на современном этапе, но и в предшествующий исторический период. Характеристика современной языковой ситуации и специфики исторического развития языка, обеспеченная по возможности исчерпывающей информацией о языке и его носителях, дает возможность делать выводы о перспективах его дальнейшего развития, о степени и особенностях вовлечения региона – территории распространения этого языка – в процесс глобализации, о роли языковой интерференции как в пределах соответствующего региона, так и при взаимодействии исследуемого языка с языками других сообществ и с так называемым "мировым" языком.

Изучение серболужицкого языка в языковой ситуации на территории его распространения с учетом специфических исторических условий его развития представляет интерес для исследования возможностей и перспектив развития языка национальных меньшинств в условиях неуклонно действующих тенденций глобализации при массовом двуязычии (немецко-серболужицком), существующем с начала XX в., и господствующей роли немецкого языка как общегосударственного языка Германии. Тенденции глобализации являются фактором, способствующим усилению роли немецкого языка, быстрому переходу (в зависимости от конкретной языковой ситуации на определенной территории Лужицы) к немецкому одноязычию [Nedo 1976: 261; 361–376] или от более комплексного двуязычия к более координированному двуязычию [Michalk, Protze 1974: 8–9]. Языковая ситуация на территории распространения серболужицкого языка в послевоенный период дает основание рассматривать не только проблемы немецко-серболужицкой интерференции, но и вопросы взаимоотношения серболужицкого языка с другими славянскими языками, особенно чешским и польским.

Ситуация в Лужице осложняется взаимодействием верхнелужицкого и нижнелужицкого идиомов, статус которых до сих пор вызывает споры и определяется в сорабистике по-разному [Ермакова 1988: 84–89]. Они различаются характером взаимодействия различных форм существования серболужицкого языка (см. ниже), особенностями функционирования литературных форм, социолингвистическими факторами, определявшими развитие языковой ситуации. При этом важное значение имеет факт большого влияния верхнелужицкого идиома на нижнелужицкий, что

inslav

обусловлено спецификой исторического развития соответствующих регионов.

Язык серболужицкой народности, проживающей на территории современной Германии, в Верхней и Нижней Лужицах, в настоящее время насчитывает приблизительно 50–60 тыс. человек католического и протестантского вероисповедания, полностью двуязычных. Двуязычная немецко-серболужицкая область охватывает около 100 общин и населенных пунктов с более чем 700 тыс. жителей.

По данным, приводимым Ф. Фёрстером [Förster 1990: 207], в нижнелужицких деревнях проживает приблизительно 6460 лужичан, в нижнелужицких городах с населением менее 10000 жителей – около 2240 лужичан. В деревнях лужицкой голи и в евангелической части Воеровского района – приблизительно 13420 лужичан; в деревнях евангелической саксонской части Верхней Лужицы – около 5970 лужичан, в католических деревнях Верхней Лужицы – около 15000 лужичан, в городах с населением 10000–50000 жителей проживает приблизительно 3590 серболужичан; в Воерецах – 755, а в Коттбусе – около 615 серболужичан, что составляет всего 48050 серболужицкого населения.

К серболужичанам причисляет себя и молодое поколение в протестантской части Лужицы, представители которого, частично понимая серболужицкий язык, не используют его как средство коммуникации. Немцы составляют более 99% населения [Чебоксаров 1985]. Основными носителями серболужицкого языка в обеих Лужицах является сельское население, хотя на территории Верхней и Нижней Лужиц находятся как крупные города (ср., например, Бауцен, Коттбус, Хойерсверда, Вайссвассер), так и менее значительные.

Представители серболужицкого сельского населения в большинстве своем владеют только тем или иным серболужицким диалектом. Поэтому современная языковая ситуация конкретного серболужицкого говора в условиях живого общения его носителей дает возможность для наблюдений над явлениями немецко-славянской интерференции, для выводов о степени влияния серболужицких литературных языков на местный серболужицкий диалект сравнительно с влиянием немецкого литературного языка на немецкий язык местных серболужичан, о факторах, обусловливающих взаимовлияние соседних диалектов, о конкуренции серболужицких литературных языков с немецким в определенных коммуникативных ситуациях.

inslav

В силу ряда социальных, экономических, общественных и конфессиональных причин, действовавших в Лужице на протяжении веков (ср. насильственная германизация, репрессивная политика нацистского государства, перерыв в развитии серболужицкого языка в период фашистской диктатуры и т.д.), доля серболужицкого населения в разных частях немецко-серболужицкой территории Верхней и Нижней Лужиц оказалась неодинаковой. На протяжении всей истории серболужичан шел процесс постоянного сокращения населенной ими территории [Mětšk 1959, 1962, 1965, 1968]. Этническая структура, исторически сложившаяся в Верхней и Нижней Лужицах, особенно сильно и быстро изменилась в течение 30 лет существования ГДР в результате превращения ряда крупных городов (кроме Бауцена) и районов центральной части Лужицы в центр разработки бурого угля и энергетики. Ускорению процессов ассимиляции серболужицкого населения, охваченного массовым немецко-серболужицким двуязычием, способствовал приток рабочей силы из всех частей бывшей ГДР и рост численности населения в крупных городах. Процесс ассимиляции серболужичан продолжается и в новых политических и экономических условиях единой Германии после переворота 1989/1990 гг.

Немецкий язык – общегосударственный язык в Германии – является основным средством общения в районах со смешанным немецко-серболужицким населением, при этом большинство населения немецкой национальности не говорит по-серболужицки, а все серболужичане владеют немецким языком. Доминирующее влияние немецкого языка проявляется во всех сферах коммуникации – на радио, телевидении, в торговле, просвещении, кино, в учреждениях здравоохранения, в прессе, в рабочих коллективах и т.д.

Однако и в настоящее время, как и прежде, продолжает существовать область двуязычной немецко-серболужицкой территории, в которой, благодаря историческим и социально-экономическим особенностям, серболужицкая часть населения была самой большой. Это сельские районы Верхней Лужицы, где в силу социально-исторических, демографических и конфессиональных причин и благодаря действию определенной политики властей сохраняются районы с высокой плотностью серболужицкого населения, говорящего по-лужицки. Это, прежде всего, такие районы Верхней Лужицы, как Каменский, Будышинский (Бауценский), Виттихенауский (Куловский), Воеровский (Хойер-

inslav

свердский) и особенно территория распространения католического диалекта, – в районе между Бауценом и Каменцем. Именно эта часть серболужицкой территории является обычно предметом исследования особенностей развития серболужицкого языка в определенных этнических, социальных и политических условиях и дает материал для определения жизнеспособности, потенциала и перспектив развития серболужицкого языка.

Однако и здесь действуют процессы, характерные для той части Лужицы, где преобладает немецкое население и серболужичане составляют меньшинство населения (двуязычные районы Дрезденского и Коттбусского округов) – миграция населения, развитие индустрии и сельского хозяйства. Результатом этого является рост числа деревень со смешанным немецко-серболужицким населением, в которых образуются смешанные трудовые коллективы, возникают смешанные браки. Это способствует изменениям в этническом составе населения и постепенно ведет к преобладанию деревень со смешанным немецко-серболужицким населением.

Миграция населения как один из факторов, влияющих на усиление ассимиляционных процессов на территории Лужицы, имела место уже в XIX в. (ср. эмиграцию серболужичан в середине XIX в. в Америку, Австралию, Южную Африку по экономическим и религиозным мотивам [Mucke 1886]), но особенно большой размах она приобрела после Второй мировой войны. В некоторых деревнях доля иммигрантов достигала иногда 35% от общего числа населения деревни [Kellerowa 2003: 334].

Начало языковой ассимиляции и сокращение числа говорящих по-серболужицки как активный процесс относится к 1880 г. и является результатом целенаправленной политики германизации [Mětšk 1959, 1962, 1968; Ермакова 1979]. Политика властей по отношению к серболужичанам и их языку была одним из важнейших внеязыковых факторов, влиявших на судьбу серболужицкого языка на всех этапах его развития, тем более, что серболужичане никогда не находились под властью одного правительства (ср., например, судьбу серболужицкого языка в Пруссии и Саксонии, начиная с 1815 г.: направленность политики властей Нижней Лужицы на скорейшую ассимиляцию серболужицкого населения и более терпимое отношение к серболужицкому языку в Саксонии; запрет на серболужицкий язык в период фашизма на всей территории Лужицы) [Калнынь 1997]. Об определенной стабилизации в положении серболужицкого языка можно гово-

inslav

рить в период существования ГДР, когда образование на серболужицком языке получило государственную поддержку. Об этом свидетельствует создание Серболужицкого учительского института и серболужицкой высшей школы в Коттбусе, создание средних школ типа А и В, кафедры сорабистики в Лейпцигском университете, деятельность Домовины в Верхней и Нижней Лужицах, создание двуязычной театральной труппы, серблужицкого фольклорного ансамбля, фестивалей народной культуры и, наконец, научного Серболужицкого института (в то время Института серболужицкого народоведения в Бауцене). В тот период произошло некоторое расширение сфер применения серболужицкого языка (в частности, в административной деятельности) и, как результат, некоторое расширение социальной базы носителей серболужицкого языка.

В период после 1945 г. ассимиляция серболужицкого населения в процентном соотношении составляла менее 0,5% (ср. с 2,5% в 30-е годы и вплоть до 1945 г.). В дальнейшем речь идет уже об 1%. Развитие процесса ассимиляции на территории Лужицы и связанное с ней снижение числа говорящих по-серболужицки как результат открытой и целенаправленной политики германизации отражено в таблице, составленной Л. Эле [Ela 1990: 211]: если в 1880 г. количество говорящих по-серболужицки составляло 166000, то к 2001 г. оно снизилось до 50000. В 60–80-е гг., в эпоху научно-технического прогресса и индустриализации число обучающихся на серболужицком языке за короткое время резко упало и не превышало 2/3 прежнего числа обучающихся на серболужицком языке. Как отмечается некоторыми исследователями, серболужицкая школа с течением времени утратила свою функцию быть посредником и носителем серболужицкого языка и стала инструментом языковой и национальной ассимиляции [Förster 1990: 211]. Уже к концу войны процентная доля серболужичан в двуязычной сельской местности значительно сократилась благодаря немецким переселенцам, главным образом из Силезии. В Нижней Лужице ускоренные темпы индустриализации, привлечение населения двуязычных деревень в промышленность увеличили число заброшенных двуязычных деревень. Заселение немецкими переселенцами двуязычных районов Лужицы, развитие производства в деревнях вело к утрате позиций серболужицкого языка в производственной сфере, к изменению в отношении серболужичан к родному языку в рамках семьи, к семейным традициям и их со-

inslav

хранению в языковом общении, к ослаблению национального самосознания.

Языковая и этническая ассимиляция как результат миграционных процессов и политики германизации могла стать угрозой существованию серболужицкого языка и культуры. Тревога по этому поводу находила выражение в различных меморандумах и обращениях к властям серболужицкой интеллигенции.

Множество примеров языковой ассимиляции на территории распространения серболужицкого языка, явившейся результатом активных миграционных процессов, особенно часто наблюдается в евангелических районах Лужицы, где издавна существовала и господствовала внутренняя негативная установка по отношению к серболужицкому языку, что в конце концов привело к утрате лужицкого элемента в смешанных немецко-серболужицких семьях. Однако в некоторых случаях обнаруживаются и другие, противоположные тенденции, особенно в католических районах Лужицы, где иногда есть основание говорить о слиянии, уподоблении представителей иммиграции серболужицкому окружению в такой степени, что серболужицкий язык становится для них частью их личной культуры[1]. Это в первую очередь касается представителей молодого поколения иммигрантов, оказавшихся в серболужицких деревнях после 1945 г. и влившихся в серболужицкое население католических районов Верхней Лужицы. Их социализация начиналась уже в лужицкой среде, языковые навыки, устные и письменные, они получали на серболужицком языке, их дальнейшее школьное образование было двуязычным, а профессия приобреталась ими в серболужицких учреждениях. При существовавшем в то время большом спросе на специалистов, говорящих по-лужицки, они участвовали в создании серболужицких школ и учреждений. Непосредственно участвуя в обще-

[1] Вся история развития языковой ситуации в Лужице свидетельствует о значении миграционных процессов и важности изучения их последствий для всего общества, принимающего иммигрантов в различных регионах на территории распространения серболужицкого языка. Исследование проблем миграции включает широкий круг вопросов: в какой степени миграция способствует ассимиляции иммигрантов с принимающим их обществом, при каких условиях возможно их социокультурное отторжение от нового общественного окружения; какие последствия имеет иммиграция для местного населения, принимающего в свою среду иммигрантов; какие перспективы связаны с контактами местного населения с иммигрантами в отношении сохранения родного языка у тех и других (см. исследования по этим вопросам в сорабистике, начавшиеся в 80-х гг. XX в., в частности, [Kellerowa 2003]).

inslav

ственной жизни серболужичан, представители молодого поколения иммигрантов способствовали экономическому и культурному развитию, обогащению и укреплению "современного потенциала" серболужицкого национального меньшинства [Kellerowa 2003: 372].

Таким образом, характер современной языковой ситуации в Верхней и Нижней Лужице, ее динамику определяют как объективные причины (развитие экономики на территории распространения серболужицкого языка, связанное с общим экономическим развитием в Германии и за ее пределами; миграция населения как черта, свойственная современной жизни общества, имеющая различные результаты в разных регионах Германии, включая серболужицкую территорию и т.д.), так и субъективные, характерные только для данного региона, в данном случае, для Верхней и Нижней Лужицы (особенности функционирования серболужицкого языка в условиях конкуренции с немецким языком, ослабление национального самосознания серболужичан, языковая политика властей в данном регионе, особенности развития школьного образования, слабое влияние серболужицких средств массовой информации, отсутствие детской литературы и т.д.).

В настоящее время можно говорить о трех основных типах современной языковой ситуации на территории распространения серболужицкого языка.

Первый тип языковой ситуации представлен в католической части Верхней Лужицы. На этой территории с компактным серболужицким населением серболужичане представляют большинство населения: католические районы Каменского округа, окрестностей Бауцена/Будышина на крайнем западе верхнелужицкой территории. Здесь наблюдается переход от более комплексного двуязычия к более координированному двуязычию, а в немецком произношении старшего и среднего поколений отмечается сильное влияние серболужицкого языка, на других уровнях языковой системы – влияние немецкого языка. Представители молодого поколения владеют обоими языками, а взаимовлияние языков проявляется слабо. Серболужицкий язык здесь является коммуникативным средством в официальной жизни и на производстве. При этом немецкое население владеет серболужицким языком пассивно или даже активно. Здесь же до недавнего времени существовали школы типа А с преподаванием на серболужицком языке [Nedo 1976; Ермакова 1988].

inslav

Этот регион оказывает большое влияние на языковую ситуацию во всей Верхней Лужице. В этом регионе положение серболужицкого языка в официальной жизни наиболее стабильно, что в значительной мере является заслугой священников и лучших учителей [Ela 1990: 210]. Вся церковная жизнь здесь осуществляется на серболужицком языке. Сохранение подобной языковой ситуации в католических районах крайнего запада верхнелужицкой территории до известной степени объясняется островным, замкнутым положением серболужицких католических деревень, находящихся в соседстве с евангелическими немцами. Изолированный характер данной территории обеспечивает устойчивость определенных традиций, в том числе и языковых [Nedo 1976: 313]. Однако и здесь постепенно усиливается влияние немецкого языка [Michalk, Protze 1974]. Изменения в языковой ситуации наблюдались уже в 1976 г. в процессе культурно-социологического обследования двуязычных окрестностей Каменского района на территории союза гмин Панчицы/Куков, где серболужичане составляли большинство населения каждой гмины, а в центре района немецкое население составляло всего 3% всего населения [Nedo 1976]. Размывание некогда довольно устойчивых границ данного конфессионального и национального островов происходит под влиянием объективных причин, прежде всего социально-экономического характера (развитие индустрии, сельского хозяйства, изменение модели крестьянской семьи и т.д.).

Серболужицкая языковая область с компактным серболужицким населением представляет примерно 15 тысяч человек, говорящих по-лужицки. Значительное большинство их идентифицирует себя как серболужичан. По результатам обследований, в этом регионе носителей серболужицкого языка больше, чем тех, кто идентифицирует себя как представителя серболужицкой национальности[2].

---

[2] В связи с этим явлением отметим, что национальная идентификация в условиях Лужицы является достаточно сложной проблемой. Это, в частности, зависит и от существования скрытого (латентного) национального самосознания, проявляющегося при определенных условиях; группа "скрытых" серболужичан (или потенциальных серболужичан) может составлять примерно 10–15% к общему числу серболужичан обследуемой территории [см. Ela 1989, 1990: 211]. Иногда некоторые информаторы указывают на свою двойную национальную принадлежность, очевидно, ощущая себя ближе к серболужичанам в языковом и культурном отношении. Социологи на этом основании относят их к числу серболужичан.

inslav

Отметим, что и в условиях языковой ситуации первого типа литературным языком владеет значительная часть сельского населения, получившая знание серболужицкого языка в школе. В культурных центрах серболужицкой языковой территории – Бауцен – в Верхней Лужице, Коттбус – в Нижней Лужице и некоторых сельских районах Верхней Лужицы, где сосредоточены административные, культурные, научные учреждения Верхней Лужицы, серболужицкий институт, общеобразовательные школы, политехнические школы (в Ралбицах), издательство Домовина, учительский институт, районные и первичные организации Домовины, ведущие работу по распространению знаний серболужицкого языка, – сферы применения серболужицкого литературного языка расширены – как письменных, так и устных форм (доклады, рефераты, радио- и телепередачи). В районе Бауцена и Каменца сосредоточена большая часть серболужичан, владеющих серболужицкими литературными языками (часть серболужицкой интеллигенции владеет обоими литературными языками – верхнее- и нижнелужицким), а также тех, кто осваивает их в учебно-воспитательных учреждениях для детей. Здесь выходит серболужицкая литература (издательство "Домовина") – учебная и художественная, издаются газеты, журналы, календари.

Серболужицко-немецкое двуязычие здесь характеризуется большей стабильностью.

В серболужицких культурных центрах и особенно в Бауцене (Будышине) концентрируется серболужицкая интеллигенция всех поколений, в том числе и новое поколение, употребляющее в личном общении исключительно литературный язык[3] или разговорный, включающий как литературные, так и диа-

---

Исследование языковой ситуации в Лужице требует и решения вопроса о связи знания родного языка с признанием этого языка языком своей национальности. В результате этносоциологического обследования Лужицы в 1987 г. было установлено, что в регионе, представляющем большую часть католического района Лужицы, большая часть серболужичан в возрасте свыше 16 лет хорошо понимает родной язык, говорит на нем, читает и пишет, и считает себя серболужичанами. Иная ситуация наблюдается в двух регионах Лужицы – верхне- и нижнелужицких.

[3] Г. Фаске [Фаске 1983: 191–192] была предложена теоретическая модель для адекватного описания коммуникативных ситуаций, где употребляются (или не употребляются) серболужицкие литературные языки в конкуренции с немецким языком.

inslav

лектные элементы. Для речевой практики интеллигента, живущего и работающего в одном из серболужицких культурных центров, характерно применение всех форм существования серболужицкого языка: письменная и устная литературные, разговорная как надрегиональная форма устного неофициального общения, и соответствующий диалект, которым обычно владеет представитель серболужицкой интеллигенции [Ермакова 1988].

Однако немецкий язык для серболужичан всегда выступает как универсальное средство коммуникации, которым он владеет на всех стилевых уровнях. При необходимости двуязычный серболужичанин пользуется одной из форм существования немецкого языка: письменным литературным языком, устным литературным языком, региональным разговорным языком (Neulausitzisch). Серболужицкий язык является специальным и при том факультативным средством общения, связанным с некоторыми сферами общественной жизни: наряду с немецким языком он в небольшой степени употребляется при официальных, деловых контактах, в большей степени – на мероприятиях серболужицких массовых организаций – заседаниях Домовины, общества Серболужицкой матицы, в церкви во время семейных праздников. Обычной и самой широкой сферой применения серболужицкого языка является семейная повседневная жизнь, общение с друзьями, соседями, знакомыми.

Другой тип языковой ситуации представлен в протестантской части Лужицы. Здесь процесс ассимиляции, начиная с XIX в., проходил особенно быстро, что было связано как с ускоренным развитием промышленности, так и с обусловленным этим фактором наплывом немецких переселенцев, уничтожением многих серболужицких деревень, созданием смешанных семей, немецких школ и учреждений, службой в немецкой армии, частичным изгнанием серболужицкого языка из церкви и школы. Здесь быстрыми темпами проходил процесс перехода от двуязычности к немецкому одноязычию. Иммиграция тысяч немецких переселенцев после второй мировой войны завершила процесс ассимиляции серболужичан-протестантов: серболужицкий язык ушел из жизни семьи, деревни, церковного прихода.

При этом следует различать языковую ситуацию в протестантской части Верхней Лужицы – в окрестностях Бауцена (Будышина), в Саксонии, где после второй мировой войны серболу-

inslav

жичанами была создана церковная автономия, и в силезской провинции, представляющей часть Верхней Лужицы (эта территория перешла от Саксонии к прусской силезской провинции в 1815 г.), а также в Нижней Лужице, в районе Коттбуса (Кочебуза) (Пруссия), где уже в XIX в. не существовало церковной службы на серболужицком языке. Церковная служба на нижнелужицком, хотя и в ограниченной степени, возобновилась в 1987 г. После переворота 1991 г. начались регулярные церковные передачи на радио и издание в рамках нижнелужицкого ежегодника ежемесячного журнала "Помогай Бог". В 1994 г. было основано "Общество поддержки лужицкого языка в церкви" [Malinkowa 1994: 89–93].

Лужичане – члены евангелических общин – везде составляют меньшинство и представляют исключительно старшее поколение. Редкостью являются протестантские семьи, говорящие полужицки.

В протестантской части Лужицы (часть Верхней Лужицы, центральная часть и Нижняя Лужица) преобладают одноязычные немцы, а серболужицкий язык является средством коммуникации лишь в некоторых формах общественной жизни; совершается быстрый переход от комплексного немецко-серболужицкого двуязычия к немецкому одноязычию. Представители старшего и среднего поколений хорошо владеют обоими языками, но их серболужицкий язык обнаруживает сильное влияние немецкого языка на всех уровнях языковой системы. Представители молодого поколения практически не владеют серболужицким языком [Nedo 1976, Michalk 1978]. Такая ситуация характерна для так называемых двуязычных местностей Дрезденского и Коттбусского округов. В деревнях двуязычных областей с доминирующим немецким языком живет около 45 тысяч человек со знанием серболужицкого языка, из которых значительная часть не считает себя принадлежащей к лужицкому этническому сообществу или попеременно причисляет себя то к немецкой, то к серболужицкой группам населения. Значительная часть населения, которую по языковому и культурному поведению можно было бы скорее отнести к серболужичанам, дает пример двойной национальной самоидентификации. Число понимающих, говорящих и читающих по-серболужицки больше, чем число тех, кто признает себя серболужичанами.

Такая ситуация является результатом серьезных изменений в жизни серболужицкой деревни: сокращение населения, участву-

inslav

ющего в сельском хозяйстве, рост числа технической, аграрной интеллигенции, получившей квалификацию с помощью немецкого языка, возможность для части населения работать за пределами территории серболужицкого языка, там, где единственным средством коммуникации является немецкий язык; большая роль радио- и телевизионных передач на немецком языке, чтение серболужичанами немецких газет, журналов, книг. На территории с языковой ситуацией данного типа распространены общеобразовательные школы так называемого типа В, где серболужицкий язык изучается как специальный предмет (факультативно), два часа в неделю.

Для языковой ситуации данного типа характерно, что среди всех форм существования серболужицкого языка определяющая роль принадлежит региональным формам коммуникации. В условиях того или иного диалекта литературным языком владеет незначительная часть населения, чаще всего – единицы, получившие знание литературного языка в школе. В дальнейшем это знание поддерживалось чтением серболужицкой литературы. В условиях этой языковой ситуации возможности коммуникации на серболужицком языке осуществляются почти исключительно с помощью диалекта.

В Нижней Лужице, в деревнях, населенных серболужичанами, процессы ассимиляции серболужичан приобрели такой характер, что возникла прямая угроза существованию серболужицкого языка как языковой субстанции. Как отмечает Л. Эле [Ela 1994: 33], доля нижнелужицких носителей серболужицкого языка относительно всего серболужицкого населения понизилась с 42,9% (по данным А. Муки) до 28,4% (данные Черника), а затем снизилась до 20%. Серболужицкий язык и культура поддерживаются деятельностью энтузиастов-учителей, священников, народных умельцев, примером серболужицких семей, которые, находясь в немецком окружении, стремятся сохранить свой родной язык и передать знание его подрастающему поколению; серболужицкая культура продолжает существовать и проявляться в области народного искусства, обычаев, культурных мероприятий, организуемых Домовиной и ее местными организациями.

Определить степень сохранности серболужицкого языка на данной территории, степень и характер немецко-серболужицкой интерференции, уровень владения серболужицким языком настоящих и бывших учеников коттбусской нижнелу-

inslav

жицкой гимназии, где они изучали серболужицкий язык как иностранный – такие цели ставили перед собой исследователи при социолингвистическом обследовании нижнелужицкой территории в 1993–1995 гг. Характеристика современной языковой ситуации в нижнелужицких селах, где сохраняется в той или иной степени знание серболужицкого языка [Jodlbauer 2001], предполагало и выяснение степени навыков активного или пассивного владения языком информаторов. Результаты, полученные в процессе данного исследования, могли бы способствовать выработке определенной программы сопротивления явному упадку серболужицкого языка на обследуемой территории и, по существу, рассмотрению возможностей повернуть процесс вспять в условиях, когда число информаторов со знанием родного языка уменьшается с каждым годом. Ср., например, таблицы, приводимые Л. Эле [Ela 1990, 1994], которые свидетельствуют о темпе ассимиляции серболужичан, начиная с 1858–1880 гг. и до настоящего времени (автор таблиц основывается на данных А. Муки, А. Черны, А. Черника, А. Смолера, О. Новина и Серболужицкого института). Эти данные дают представление о поступательном характере целенаправленно проводимой политики германизации серболужицкого населения, начавшейся в XIX в.

Исходными условиями, при которых выполнялась бы программа восстановления серболужицкого потенциала, были бы следующие:

1. Этнические: на всей территории распространения серболужицкого языка у значительной части серболужичан, говорящих по-лужицки, "расколота" этническая идентичность. Именно поэтому авторы программы социолингвистического обследования нижнелужицких сел (с хорошей или плохой сохранностью серболужицкого языка) не включили в нее вопрос об этнической принадлежности информантов. На территории Нижней Лужицы [Jodlbauer 2001] на вопрос о своей этнической принадлежности отвечают "Deutscher" ("немец"), что иногда влечет за собой отрицательный ответ на вопрос о знании серболужицкого языка; но, с другой стороны, на этой же территории, где доминирует немецкий язык и культура, отказ от серболужицкого языка не всегда сопровождается отказом от своей национальной принадлежности. Между тем именно языковая специфика имеет решающее, хотя и не абсолютное значение при идентификации этнических

inslav

групп[4]. Знание серболужицкого языка гарантирует постоянную связь со всем лужицким миром (Sorbentum) в отличие от привычного соблюдения некоторых специфических серболужицких обычаев (ср., например, празднование кануна великого поста – масленицы, карнавал; использование национальной одежды для будней и праздников и др.: любой собственно лужицкий обычай, культивируемый на протяжении веков лужичанами в немецком окружении, может из национального обычая легко превратиться в региональный, свойственный определенному району Германии, ср., например, утрату специфически лужицкого значения костюмом района Шпреевальда) [Jodlbauer 2001: 30].

2. Социолингвистические условия: все говорящие на родном языке серболужичане говорят на соответствующем диалекте. Понимание нижнелужицкого литературного языка для них связано с трудностями субъективного и объективного характера. Немецкий язык при массовом двуязычии населения в известной мере выступает в качестве Lingua franca. Число информаторов со знанием родного языка неуклонно уменьшается.

Очевидно, что на большей части серболужицкой территории и, прежде всего, в Нижней Лужице (в регионах с доминирующим немецким языком) сложились условия для ускоренной языковой ассимиляции двуязычного населения. Как отмечают социологи, изучающие и определяющие жизнеспособность серболужицкого

[4] В процессе национальной идентификации и определения этнической принадлежности среди трех взаимосвязанных компонентов – происхождение, этнокультурный образец и этническое самосознание – при объективной оценке явно доминируют культура и происхождение. При субъективной же оценке серболужичанами язык как признак их национальности оценивается значительно выше других компонентов. Но при этом существует различие между центром (ядром) серболужицкой территории (Kerngebiet) и остальными регионами Лужицы, что в известной мере обусловлено и различиями между ними и в объеме коммуникации на серболужицком языке. При высоком уровне коммуникации на серболужицком языке в центре лужицкой территории 92,4% опрошенных признали язык решающим компонентом при определении этнической принадлежности, а вне этой области – лишь 48,1%. В центральной области эта высокая оценка языка как этнокомпонента зафиксирована у представителей всех возрастных групп, при этом 63% опрошенных, независимо от национального происхождения, участвуют в обучении на серболужицком языке. Вне центральной области уменьшение плотности серболужицкого населения сопровождается и ослаблением субъективной оценки серболужицкого языка как этнического признака. Это связано с очень незначительным объемом коммуникации на серболужицком языке на этой территории и с языковой ситуацией, которая ставит под сомнение возможности дальнейшего существования здесь серболужицкого языка и перспективы его развития [Förster 1990].

inslav

языка, возможности для его репродукции у родителей детей, растущих в настоящее время, очень незначительны. Это подтверждается социолингвистическим обследованием Нижней Лужицы в 1993–1995 гг. [Jodlbauer 2001]. При обследовании деревень (с хорошо или плохо сохранившимся серболужицким языком) учитывалось прежде всего происхождение знания языка у информатора (унаследованное в семье или приобретенное как знание второго языка) и индивидуальное языковое поведение (восприятие информатором средств информации, участие в коммуникации на серболужицком языке и в манифестациях лужицкой культуры). Были определены различные языковые ситуации, в которых применяется (или не применяется) серболужицкий язык представителями пяти возрастных групп.

В результате оказалось возможным выявить различный характер знания серболужицкого языка у информаторов – активное (способность говорить на языке), пассивное (понимание языка при отсутствии разговорной практики) и так называемое деактивное (информатор применял серболужицкий язык раньше или применяет в настоящее время лишь при определенных обстоятельствах; прежнее знание языка при длительном неиспользовании приходит в упадок).

Определение соотношения активного и неактивного (деактивного и пассивного) знания языка является важным критерием при определении жизнеспособности языка. Язык можно считать важным коммуникативным средством в данном регионе, если число его носителей с активным знанием превышает число носителей языка с неактивным знанием. Для Нижней Лужицы данное соотношение характерно для возрастной группы, превышающей 60 лет.

Другим критерием при определении серболужицкого характера какой-либо деревни или региона может служить соотношение количества лиц со знанием серболужицкого языка и общего количества населения деревни или региона.

Важным критерием определения будущего серболужицкого языка на данной территории и перспектив его развития является учет соотношения количества лиц со знанием серболужицкого языка старше 61 года и количества лиц со знанием языка моложе этого возраста, независимо от происхождения знания языка (естественное окружение, школа), а также от характера знания языка (активное, неактивное, пассивное).

Выводы, к которым пришли исследователи в результате социолингвистического обследования нижнелужицкой языковой

inslav

территории с использованием названных критериев, оказались неутешительными: в возрастной группе информаторов от 21–40 лет или от 20 лет и ниже едва ли еще существуют лица с активным знанием серболужицкого языка и почти полностью отсутствуют носители родного языка.

Такая языковая ситуация в Нижней Лужице складывалась постепенно. Об этом свидетельствует сравнение результатов обследования этой территории в разные периоды: ср. научный отчет о демографической, этнографической и лингвистической ситуации в двуязычной Лужице в 1955/56 гг., представленный А. Черником [Tschernik 1995], социолингвистическое исследование языковой ситуации в нижнелужицкой общине Драххаузен/Хохоза (Drachhausen/Hochoza), осуществленное в 1992/1993 гг. М. Норберг [Norberg 1996], социолингвистические исследования Л. Эле [Elle 1991/1992, 1995].

В настоящее время языковая ситуация в двуязычной Нижней Лужице дает основание говорить о том, что еще существующая здесь серболужицкая языковая субстанция слишком слаба и не оставляет надежд на дальнейшее естественное развитие серболужицкого языка в будущем. Целый комплекс признаков, о которых упоминалось выше, свидетельствуют о существовании реальной угрозы дальнейшему развитию нижнелужицкой языковой базы. При этом особое значение имеет тот факт, что носителями диалекта, которые представляют определенные возрастные группы (старше 60 лет); с их уходом из жизни исчезнут и соответствующие диалекты. При отсутствии семейных языковых традиций преподавание языка в школе не в состоянии компенсировать утрату языковой субстанции. Следует также учесть и противоречивое отношение к родному языку на этой территории (ср. с ситуацией в Верхней Лужице).

Тенденция к полной языковой ассимиляции в регионах с доминирующим немецким языком противодействует применению серболужицкого языка, использованию его в средствах массовой информации, развитию серболужицкой культуры, а также взаимодействию с центральной серболужицкой языковой областью (Kerngebiet) в области культуры и национальной политики. Относительная стабильность в жизнеспособности верхнелужицкого языка в центральной области, где серболужицкий язык используется представителями всех возрастных групп, свидетельствует о сохранении здесь более благоприятной ситуации по сравнению с областями, где доминирует немецкий язык, эта стабильность

inslav

жизнеспособности серболужицкого языка нарушается на периферии этой территории, прежде всего там, где не было школьного образования с участием серболужицкого языка.

Хотя в последние годы в новых условиях объединенной Германии и действия отмеченных выше тенденций, языковая ситуация и в центральной области Лужицы меняется не в лучшую сторону, все же взаимодействие нижнелужицкой территории с компактной серболужицкой территорией в Верхней Лужице в области культуры и национальной политики имеет большое значение. Особенно следует учитывать возможную роль верхнелужицкого литературного языка, который в Верхней Лужице используется прежде всего в области культуры, средств массовой информации, образования и науки. Отметим, что влияние верхнелужицкого литературного языка на менее развитый нижнелужицкий литературный язык всегда было значительным, в частности в области лексики, словообразования. Важную роль в этом процессе сыграло и стремление сблизить верхне- и нижнелужицкий литературные языки. Верхнелужицко-нижнелужицкие контакты имеют большое значение в современной языковой ситуации при реализации общественно-культурных задач, способствующих развитию и укреплению престижа серболужицкого языка в рамках немецкого государства и в мире [Petrik 2003].

Отсутствие сильных литературных традиций в двуязычных областях Нижней Лужицы, где нижнелужицкий литературный язык остается непонятным для значительной части населения, является фактором, который отрицательно сказывается на языковой ситуации в этом регионе. Некоторые исследователи видят единственный шанс и гарантию сохранения серболужицкой субстанции на территории Нижней Лужицы в развитии в будущем нижнелужицкой литературной формы наряду с разговорной. Однако реальные возможности такого развития для Нижней Лужицы оцениваются как минимальные.

Такое положение объясняется рядом причин и, прежде всего, составом носителей нижнелужицкого литературного языка. К ним относятся говорящие на родном языке серболужичане Нижней Лужицы, относящиеся к возрастной категории свыше 60 лет, каждый из которых является носителем соответствующего нижнелужицкого диалекта. Представители этой группы населения Нижней Лужицы приобрели знание нижнелужицкого литературного языка в школе и при этом часто в качестве учителей выступали выходцы из Верхней Лужицы, владеющие нижнелужицким

inslav

литературным языком в разной степени (от хорошего до отличного). Это – пришедшие в Нижнюю Лужицу много лет назад учителя, журналисты, сотрудники Домовины и т.д. В рамках этой группы верхних лужичан знание нижнелужицкого литературного языка не передается из поколения в поколение внутри семьи и/или с помощью нового подрастающего поколения – выходцев из Верхней Лужицы. По отношению к этой группе иногда говорят о существовании разновидности (субварианта) нижнелужицкого литературного языка, возникшем на основе верхнелужицкого субстрата. При этом имеют в виду прежде всего фонетические и просодические особенности.

Другими носителями нижнелужицкого литературного языка могут быть представители населения, говорящие по-немецки, в семейном воспитании которых серболужицкий элемент мог присутствовать изначально или отсутствовать. Они учили нижнелужицкий литературный язык как иностранный и имеют, как обычно в результате изучения иностранного языка, языковую компетенцию различного диапазона. Одна эта группа не в состоянии гарантировать дальнейшее существование и развитие нижнелужицкого литературного языка.

Следует учесть и то, что, независимо от достигнутого уровня знаний нижнелужицкого лужицкого языка, выпускники гимназии[5] почти или совсем не имеют возможностей в будущем применять свои знания на практике. Лишь незначительная часть выпускников гимназии продолжает изучать сорабистику в системе образования или науки. Между тем, решение проблем молодого поколения – это гарантия перспектив лужицкой культуры [Černokožewa 2001].

При современной структуре серболужицкого населения и языковой ситуации, сложившейся в новых исторических условиях в рамках объединенной Германии, с развивающимися в ней необратимыми процессами, в которые в настоящее время втянуты все народы, конфессии и культуры, необходима выработка языковой политики, направленной на замедление ассимиляционных процессов. В новой исторической ситуации, сложившейся в Лужице за последние десять лет в период широко действующих процессов глобализации, судьба серболужицкого языка и культуры и их носителей решается на фоне развития всей объединенной

[5] В 1999/2000 г. нижнелужицкий язык изучали почти 1600 учеников (из них 510 в Коттбусской гимназии, остальные – в начальной школе) [Jodlbauer 2001].

inslav

Европы. Новое открытое общество с его системой товарного производства не гарантирует более приемлемых, чем прежде, условий для существования серболужичан. Новая ситуация требует умения приспосабливаться к новым историческим условиям в современном плюралистическом мире, а часто и бороться.

В этой ситуации при попытке сохранить свое национальное своеобразие, свой язык, культуру и традиции для серболужичан возникает опасность оказаться в своего рода блокаде по отношению к окружающему миру. По мнению некоторых культурологов, это объясняется склонностью серболужичан к известной консервации своих национальных особенностей и не только обычаев, но и взглядов на политику, культуру, традиции. Но эта особенность серболужичан, их так называемая фольклористическая экзотика не вписывается в современную ситуацию, равно как и настойчивое внедрение экзотического клише серболужичанина в средствах массовой информации. Консервация культуры и отношение к своей истории только как к объекту интерпретации лишь способствуют отторжению серболужичан от общего процесса. Новая языковая политика и культурная практика должны основываться на необходимости участия в процессе глобализации, на постоянный диалог между разными поколениями и взглядами, на привлечение к осуществлению новой линии поведения критически настроенной молодежи. От отношения к новому пониманию национального единства и участию в процессе глобализации зависит будущее серболужицкого языка на территории Верхней и Нижней Лужиц, перспективы развития влияния относительно более благоприятной верхнелужицкой языковой ситуации на нижнелужицкую в новых исторических условиях.

Новая ситуация в мире у малых народов порождает не только страх за свое будущее, но одновременно предоставляет им исторический шанс.

Принципами жизни в современном и будущем мире являются сосуществование, кооперация и компромисс отдельных народов, культур и традиций. У малых народов (в том числе серболужичан) этот факт может вызвать страх нивелирования особенностей своей культуры. Чтобы избежать этого, они не должны абсолютизировать свое своеобразие, а найти свое место в интернациональной культурной кооперации, развивать свои культурные традиции в контакте с немецкой и славянскими культурами. По мнению таких крупных деятелей серболужицкой культуры, как Ю. Брезан, шанс для серболужичан в новом мире заключается в

inslav

осознании тесной связи их истории и культуры с немецкой историей и культурой. Немецкая культура выступает как лучший союзник, от которого нельзя отмежеваться, чтобы не прийти к стагнации в бикультурной стране. Подчеркивание сосуществования двух культур не даст поводов для умаления значения культуры малого народа, то есть серболужицкой культуры [Brězan 1992].

Ревитализация серболужицкого языка требует создания специальных программ для его изучения, начиная с дошкольного возраста, а затем предоставления возможностей для применения его в повседневной жизни.

Выполнение этой программы предполагает основание детских садов в рамках Witaj-проекта в Коттбусском районе, где с нижнелужицким языком знакомятся с помощью метода погружения в языковую стихию. К сети подобного типа детских садов примыкает и двуязычная школьная система, включающая как начальную школу, так и гимназии. По замыслу авторов программы, осуществление данного проекта создаст условия для того, чтобы в течение 20–30 лет с помощью нового поколения, для которого нижнелужицкий язык является вторым языком, можно было бы хотя бы приблизительно (в количественном отношении) восстановить серболужицкую субстанцию на территории Нижней Лужицы. Отметим, однако, что в системе дошкольного образования Witaj-проект находится в условиях конкуренции с немецко-английским билингвизмом и поэтому его шансы могут быть меньше, если учесть, что немецко-английский билингвизм в современных условиях существования так называемого "мирового" языка, может быть привлекательным для представителей всех поколений. Двуязычный характер школьной системы обусловлен специфической социолингвистической ситуацией. Все предметы (кроме нижелужицкого и немецкого) преподаются на обоих языках, так как это необходимое условие для того, чтобы в дальнейшей жизни носители языка меньшинства имели те же шансы для успешной профессиональной практики, что и носители доминирующего языка. Таким образом Witaj-проект как программа ревитализации серболужицкого языка получает завершение на уровне профессионального или университетского образования[6].

---

[6] О системе серболужицкого школьного образования в объединенной Германии см. [Budayowa 1994].

inslav

Вопросы лужицкого школьного образования в большей степени, чем когда-либо, становятся политическим вопросами, связанными с существованием серболужицкого языка. Сохранение серболужицкого языка и культуры в новых условиях требует выработки новых мер и новых акцентов в действиях представителей активного лужицкого меньшинства. Большое значение имеет политика по отношению к молодежи, особенно тех, кто учится вне Лужицы и является мультипликаторами двуязычия.

Главная цель всех программ, направленных на ревитализацию серболужицкого языка, – восстановить отношение к этому языку у самих носителей языка как к равноправному с другими языками и представляющему самостоятельную национальную ценность.

Достижение этой цели и стало бы лучшим средством защиты от окончательной ассимиляции серболужичан.

ЛИТЕРАТУРА

Brězan J. Trjebamy swój narodny program // Hranicy w swěće bjez hranicow. Přinoški na konferency Zwjazka serbskich wuměłcow 10. oktobra 1992 w Budyšinje. Budyšin, 1992.

Budarjowa L O łużyckim szkolnictwie // Łużyczanie. Słowiański naród w Niemczech. Warszawa, 1994.

Černokožewa E. Serbska kultura z głobalizowanjom // Rozhlad, 2001, Budyšin.

Ela L. K někotarym aspektam recepcije serbskeje kultury w Dolnej Łužycy // Rozhlad, 1989, 11.

Ela L. Wobknježenje a wužiwanje serbskeje rěče // Rozhlad, 1990, 7/8, Budyšin.

Ela L. Łużyczanie w swietle statystyki // Łużyczanie. Słowianski naród w Niemczech. Warszawa, 1994.

Elle L. Zu einigen Aspekten der Vitalität der sorbischen Sprache im deutschsprachig dominierten Teil der zweisprachigen Lausitz // Lětopis, 1995. N 2. Bautzen.

Elle L. Zur Sprachsituation der Lausitzer Sorben // Slawia Occidentalis, 48–49, 1991/92.

Förster Fr. Łiczba a socialna integracija Serbow // Rozhlad, 1990, 7/8, Budyšin.

Jodlbauer R., Spiess, Steenwijk. Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer sociolingwistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995. Bautzen, 2001.

Korjeńk B. Serbja a serbska rěč // Rozhlad. 1981. 9. Budyšin.

Norberg M. Sprachwechselprozess in der Niederlausitz. Soziolingwistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen / Hochoza (Acta Universitatis Upsaliensis: Studia Slavica Upsaliensia 37), Uppsala.

Kellerowa J. "Ze mnu su rigoroznje serbsce rěčeli" – Ćěkańcy a wućěrjeni w dwurěčnej Hornjej Łužicy po 1945 // Rozhlad 2003, 9/10. Budyšin.

Malinkowa T. Ewangeliccy Łużyczanie // Łużyczanie. Słowiański naród w Niemczech. Warszawa, 1994.

inslav

Mětšk F. Der Anteil der Ständes Markgraftums Oberlausitz an der Entstehung der obersorbischen Schriftsprache, 1668–1728 // ZfS1Ph. XXVIII, 1958, H.I.

Mětšk F. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik im Kreise Kottbus. Vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1962.

Mětšk F. Der Kurmärkisch-wendische Distrikt. Ein Beitrag zur Geschichte der Territorien Bärwalde. Beeskow, Storkow, Teupitz und Zossen unter besonderer Berücksichtigung des 16. bis 18. Jahrhunderts, Bautzen, 1965.

Mětšk F. Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deuschen Feudalismus. Bautzen, 1968.

Michalk, Protze 1974 – Studien zur sprachlichen Interferenz II. Deutsch-sorbischen Dialekttexte aus Radibor Kreis Bautzen bearbeitet von S. Michalk und H. Protze. Bautzen, 1974.

Michałk F. Dialekty a spisowna rěč w Serbach w swětle sociolingwistiki // Rozhlad. 1978. 7/8.

Mucke E. Statistika Serbow sakskeho kralewstwa // ČMS. 1886, Budyšin.

Nedo P. Wo wuwiću dwurěčnosće we Łužicy // Rozhlad. 1958, Budyšin.

Petrik H. Quo vadis, dolnoserbšćina? // Rozhlad. 2003, 6. Budyšin.

Tschernik 1995 – Sprachenpolitik in der Lausitz. Eine Dokumentation 1949–1989 (Schriften des Sorbischen Instituts 11), Bautzen, 1995.

Ермакова М.И. Особенности функционирования современных серболужицких литературных языков // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., 1988.

Калнынь Л.Э. Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции // Славяноведение. М., 1997. № 2.

Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков: теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983.

Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы. Расы. Культура. М., 1985.

Е.А. Погорелая

(Приднестровье)

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ

Языковые процессы последнего десятилетия XX в., характер развития которых задан акцией закрепления национальных языков “титульных” народов в качестве государственных, внесли существенные коррективы в осознание приоритетов системы компонентов этнической идентификации русских в странах нового зарубежья. Логическим объяснением превращения языковых процессов в этноязыковые, по нашему мнению, служит осознание того, что язык как феномен не может выдержать той пере-

inslav

грузки, которая стремительно возрастает в процессе реализации главного требования языкового законодательства – сменить формулу межэтнического взаимодействия, форсированно наращивая функциональный спектр государственного языка в сферах общественной и официальной жизни. Для усиления идеологического давления на русскоязычное население независимых постсоветских государств реформаторы обратились к еще более сильному средству – этнической идентичности народов, что ведет к намеренной стратификации полиэтничного сообщества не только по языковому, но и по этническому признаку.

Социально-политические изменения рубежа 80–90-х гг. мобилизовали активность представителей как "титульных", так и "нетитульных" народов, дифференцированно актуализируя все составляющие этнической идентичности. Однако если этничность "титульных" народов усиливалась благодаря растущим представлениям о своей государственности, то укреплению этнических представлений русских в новых геополитических и социокультурных условиях, как это не раз бывало в процессе их этногенеза, способствовало стремление сохранить язык и культуру как духовную основу своей ментальности. Этот крайне важный выбор, акцентирующий языковую и культурную идентификацию всех русских в постсоветских государствах, является проявлением типичных представлений о себе русского этноса. Большой народ, которому сложно самоопределиться и тем более самоорганизоваться на этнической почве, всегда осознавал свою культурно-языковую самобытность, наследуя, сохраняя и приумножая это богатство. Не имея своей государственности, подвергаясь целенаправленному давлению советской идеологии, интенсивно трансформирующей русскую этничность в "советскость", русский этнос ассоциировал свою национальную культуру прежде всего со своим высокоразвитым языком. Эмоциональная реакция на акт законодательного закрепления статуса государственных только за языками "титульных" наций в ходе языковой реформы конца 80-х – начала 90-х годов была естественным выражением этнических чувств местных русских, которые объективно расценили эти действия как акт посягательства на базовый компонент системы их этнической идентичности и попытку трансформации лингвокультурной основы социальных потребностей.

Исследователи давно обратили внимание на сложные взаимосвязи между обострением потребностей и отношением чело-

inslav

века к оружающему его миру. Так, В.Н. Базылев отмечает: «В современном мире “лестница Маслоу обломана” на второй ступени. Обострение потребности в безопасности выражается в чувстве тревоги и враждебности, не способствующих последовательному рациональному отношению к реальной действительности» [Базылев 2000: 9]. Развивая эту мысль, можно полагать, что для русского населения стран нового зарубежья происходит опасная деформация всех ступеней “лестницы Маслоу”, ведущей в новых этнополитических условиях к такой модификации их “русскости”, которая грозит обернуться определенной степенью маргинальности. Попытаемся обосновать эту точку зрения.

Естественный баланс потребностей социально ценной личности ведет к внутренней гармонии, позитивно сказывающейся на толерантности всего общества; оно и призвано культивировать такой набор и иерархию потребностей, которые являются оптимальными как для самореализации личности, так и для конкретного социума на определенном этапе его развития. Удовлетворение, обогащение и возвышение потребностей каждого этнокультурного общества и отдельных его представителей всегда остается в центре внимания социальных институтов демократически развивающихся полиэтничных сообществ, которые стремятся не только к максимально полному информированию всех своих граждан о способах и средствах удовлетворения потребностей, но и к реальному вооружению их необходимыми знаниями, умениями и навыками в целях получения социально значимых результатов. Чтобы избежать эмоционального напряжения, которое оказывает губительное воздействие на духовное состояние общества и личности, необходимо не только осознавать ценность той или иной потребности, но и видеть, к каким социально значимым последствиям может привести отсутствие условий для ее удовлетворения. Психологический шок и эмоциональный взрыв, которые последовали в ответ на законодательное закрепление статуса государственного за языком “титульной” нации, отразили естественную реакцию русского населения стран нового зарубежья, не мыслящего полноценной самореализации без комплексного удовлетворения потребности в общении в широком ее понимании. Столкнувшись с тем, что в новых государствах легитимно разрушена, и это необходимо подчеркнуть, сама возможность удовлетворения потребности русского человека “быть услышанным”, осознали всю трагичность своего положения и русско-

inslav

язычные, юридически лишенные языкового компонента полноценного удовлетворения своих социальных потребностей.

Социальные потребности – это такое соблюдение системы правил, сконцентрированных во взаимных правах и обязанностях отдельной личности и социума (государства), которое обеспечивает стабильность ситуации и комфортное состояние личности. Занимая в одной из социальных групп свое место, личность способна к успешной самореализации только в том случае, если понимает, что это достойное место в обществе, а значит, и в умах окружающих ее людей, поэтому воспринимает эту оценку как удовлетворение потребности в справедливости. Потребность в справедливости – это сущность и основа исходных социальных потребностей человека; она предусматривает не только признание всеми членами общества равных прав и обязанностей во взаимоотношениях, но и определенную общность в представлениях об их содержании. Сам феномен равных прав и обязанностей диалектически обусловлен настолько, что незначительное отклонение в одну из сторон немедленно вызывает болезненную реакцию: расширяя свои права, удовлетворяя свои социальные потребности, выстраивая свои приоритеты, личность, общество, государство автоматически увеличивают объем обязанностей других, социальные потребности которых остаются неудовлетворенными, а сама потребность в справедливости оказывается деформированной настолько, что порождает негативные эмоции, ведущие к кризису толерантных взаимоотношений в группе, обществе, сообществе.

В гражданском обществе подлинно демократических государств целенаправленно формируется такой набор социальных потребностей, которые оказываются оптимальными для "себя" – самореализации личности, обладающей определенными правами, и для "других" – общества и государства, обязательства перед которыми в соответствии с общепринятыми нормами выполняются всеми в равной степени. К сожалению, в полиэтничном сообществе стран нового зарубежья культивируются социальные потребности, удовлетворение которых требует неадекватных интеллектуальных и моральных затрат "титульной" и "нетитульной" составляющей общества. Руководствуясь политическими целями, новые идеологи независимых государств пытаются искусственно трансформировать систему социальных и прочих потребностей русской языковой личности, добиваясь той степени ее ментальной модификации, которая обеспечит реализацию вы-

inslav

нужденной модели ее вербального и невербального поведения. Более того, целенаправленно разрушая саму возможность удовлетворения социальной потребности русскоязычных "быть услышанными", они методично добиваются изменения самого набора и иерархии социальных потребностей, сложившихся в определенных социокультурных условиях для всего "нетитульного" населения. Эти попытки и привели, по нашему мнению, русскоязычное население к признанию доминантной комплексную потребность "быть услышанными" в системе социальных идентичностей.

Сохранение русского языка как средства полноценной самореализации в процессе социальной мобильности было и остается для русскоязычной личности стран нового зарубежья практической доминантой, непосредственно определяющей, по А.А. Ухтомскому, "вектор ее поведения". Практическая доминанта, в ходе формирования которой произошла существенная трансформация исходных потребностей русской и русскоязычной личности, превратилась для нее в ту социально ценную потребность, отсутствие возможностей для удовлетворения которой в экстремальной ситуации немедленно привело к выбору определенной модели поведения. Именно эту практическую доминанту, непосредственно определяющую поведение личности, И.П. Павлов назвал "рефлексом цели", а социальные психологи определили следующим образом: "Практическая мотивационная доминанта, непосредственно определяющая поступок, – пишут П.В. Симонов и П.М. Ершов, – представляет интеграл главенствующей в иерархии мотивов данной личности и той или иной ситуативной доминанты, актуализированной экстренно сложившейся обстановкой" [Симонов, Ершов 1984: 9].

Экстраполируя данную мысль на опыт языкового развития этносоциального организма постсоветских независимых стран, можно с уверенностью утверждать, что лингвокультурная потребность "быть услышанной" стала не только практической доминантой русской языковой личности, стимулирующей выбор определенной ее стратегии поведения, но и положила начало процессам трансформации ее ментальности в изменившейся геополитической и социокультурной ситуации. В таких нестандартных условиях, как нам представляется, отчетливо проявилась органическая взаимосвязь структуры языковой личности и иерархии ее потребностей: инвариантная основа каждого из уровней структуры языковой личности по определению согласуется с

inslav

жизненной доминантой, отражающей целеустремленность каждого человека выполнить сверхзадачу своего предназначения в мире и обществе, в то время как вариативная составляющая, безусловно, коррелирует с многочисленными доминантами ситуативного характера, которые диктуют стратегию поведения личности в данное время и в данной ситуации, актуализируются и удовлетворяются "здесь" и "сейчас". Сила потребности не только в сохранении "для себя", но и в признании другими твоего права быть собой незамедлительно превратила лингвокультурную потребность русского населения постсоветских государств в практическую доминанту, мобилизовала резервы подсознания и направила их на поиск оптимального творческого пути для ее удовлетворения. Таким образом, эмоциональное состояние русских в странах нового зарубежья отражает степень удовлетворения системы их социальных потребностей, иерархия которых существенно трансформировалась для них в исключительных обстоятельствах, а сознание обнаружило и акцентировало практическую доминанту – "быть услышанными" в прямом и переносном смысле. Устойчиво доминируя в иерархии социальных потребностей, она в критической ситуации привела русское население каждой из суверенных стран к осознанному выбору своей модели поведения и дифференциации напряженных отношений с "титульным" населением и его политической элитой.

Независимые постсоветские государства унаследовали ту исторически сложившуюся модель межэтнического культурно-языкового взаимодействия, которая была обусловлена процессами модернизации советского общества. Осознавая позитивные и негативные последствия "модернизации по-советски", объективно нельзя не видеть, что форма национально-русского двуязычия отвечала потребности ускоренной адаптации нерусских народов к социально-культурным преобразованиям, происходившим в стране. Знание русского языка обеспечивало им возможность реально изменить свой социальный статус, сравнительно быстро вписавшись в новое культурное пространство. Актуализированная самой действительностью потребность в освоении русского языка, кроме того, интенсивно стимулировалась идеологическими установками и потому постепенно превращалась в одну из составляющих практической доминанты системы социальных потребностей нерусских народов. Ее выделению в системе социальных потребностей во многом содействовала и национальная политика, аффирмативный характер которой увеличивал возмож-

inslav

ности всех нерусских народов реально изменить свой социокультурный статус. Чем активнее шел процесс освоения русского языка, тем мобильнее социально становились его носители – билингвы, для которых он выступал не только средством межэтнического взаимодействия, но и способом постижения и освоения нового мира. Новые социальные потребности, подчеркнем это, с одной стороны, актуализировали процесс приобщения билингвов к широкому информационному полю русской культуры, в мире которой многие из них добились высокого уровня творческой самореализации и реально оказались "услышанными"; с другой стороны, освоение и активное использование русского языка приводило билингвов к необходимости трансформировать свои социокультурные потребности, удовлетворение которых объективно завершалось позитивной модификацией системы их традиционных представлений. Такая диалектика формирования системы социокультурных потребностей личности не могла, как иногда это пытаются представить отдельные лидеры из числа "титульной" элиты стран нового зарубежья, быть искусственной и носить исключительно вынужденный характер. Связанная с глубинными основами мотивационно-ценностной сферы каждой личности, практическая доминанта административным путем не создается. Конструктивное начало по определению не связано с элементами принуждения, поэтому, на наш взгляд, лишены научных оснований утверждения о массовой принудительности освоения русского языка, который продолжает выполнять свою позитивную функцию, выступая важнейшим элементом системы социокультурных потребностей "титульного" населения новых независимых государств до сих пор. Целенаправленное стимулирование национально-русского двуязычия в полиэтничном и многоязычном сообществе привело к тому, что нерусское население огромного государства стало реально двуязычным. Знание русского языка было и остается для большинства билингвов одной из социально значимых, но, как представляется, все же ситуативных потребностей, удовлетворение которой привело их к качественному изменению и расширению общего спектра возможностей адаптации к новой жизни. Позитивный результат освоения русского языка был не столько предопределен государственной идеологией, сколько ожидаем самой личностью и обществом, потребности которых на определенном этапе развития совпали, что проявилось в процессах активной преобразовательной деятельности, потребовавшей качественно иного уровня профессиональ-

inslav

ной и социокультурной мобильности каждого члена общества. Широкий социальный и интернациональный контекст, требующий интеллектуальной мобилизации всего полиэтничного общества, закономерно способствовал полноценному функционированию русского языка во всех сферах без юридического его закрепления. Реальное двуязычие многочисленных представителей ныне "титульных" народов является подтверждением естественной жизнеспособности национально-русского двуязычия как отражения исторически сложившейся социокультурной потребности нерусского населения.

Феномен двуязычия лишь по отражению степени языковой готовности личности к общению – явление, несомненно, лингвистическое, но по своему наполнению – это социокультурное явление, оказывающее значительное психологическое воздействие не только на характер, но и на поведение личности. Глубинная специфика и исключительное значение феномена национально-русского двуязычия состоит не столько в том, что в едином языке межнационального общения было заинтересовано советское государство, озабоченное идеологическими проблемами роста социальной мобильности нерусских народов без сохранения их культурно-языковой самобытности, сколько в том, что эта форма социокультурного взаимодействия вела представителей нерусских народов к выравниванию по масштабам их приобщения к русскому языку. Идея выравнивания социокультурного уровня существенно отличающихся по характеру и темпам развития нерусских народов на основе приобщения к русскому языку дала действительно позитивные результаты, которые вписываются в логику процессов этноязыкового развития любого полиэтничного социума. Широкомасштабные процессы действительного распространения национально-русского двуязычия, впечатляющая воображение интенсивность и темпы во всех союзных и автономных республиках – это его "лицевая" сторона, целенаправленно стимулируемая идеологической пропагандой, многократно тиражируемая средствами массовой информации и "научными" изысканиями. Нарративная стратегия всей совокупности текстов советского периода, связанных с характером диахронии и синхронии процесса национально-русского двуязычия, – добровольность и массовость овладения русским языком представителями всех нерусских народов. Полагаем, что в таких декларациях следует видеть и "изнанку" национально-русского двуязычия, исключающую мощную массовую стихийность, и предполагать определенную степень организованности.

inslav

Отправной точкой в таких размышлениях должна стать дифференциация факторов внеязыкового и собственно лингвистического характера, которые, с одной стороны, стимулировали процессы распространения национально-русского двуязычия, а с другой, параллельно сдерживали формирование русско-национального двуязычия в полиэтничном сообществе. Природа двуязычия как лингвистического феномена глубоко своеобразна, поэтому достаточно сложным представляется разграничение факторов внеязыкового и собственно языкового характера для осознания его сути. Думается, что усилению процессов национально-русского билингвизма при таких мощных масштабах и темпах его распространения вширь в первую очередь способствовали факторы экстралингвистического характера. Воспитание, обучение, развитие и совершенствование советского человека предполагали наличие такого идеологически единого лекала, благодаря которому только и становилось возможным "формирование" личности по параметрам, заданным программой общественных отношений советского общества. Достойный в представлениях советской ментальности тип личности, воспитанной на стереотипных ценностях советского образа жизни, не мыслился без единого языка межнационального общения, что объективно соответствовало логике языкового функционирования любого полиэтничного государства.

Лингвистический опыт развития советского общества свидетельствует: чем шире распространялся русский язык среди нерусского населения, тем, к сожалению, все реже осознавалась русскими потребность в знании языков нерусских народов, проживающих в союзных республиках, которые со временем стали независимыми государствами. Потребности же русских в знании второго языка при формах русско-национального двуязычия определяются другими факторами и, как следствие, обусловливают возникновение разнотипных форм двуязычия, достаточно дифференцированных и отличающихся не только количественно, но и качественно. Особенной чертой, определяющей своеобразие русско-национального двуязычия в сравнении с формами национально-русского билингвизма, выступает иной характер потребности: *она не отличается универсальностью*. Локальная потребность в многообразных формах русско-национального двуязычия формируется спецификой конкретной лингвистической ситуации в каждом из регионов, где исключительное значение приобретают качественные параметры второго языка: широта функционирования, наличие необходимой терминологической

inslav

системы, степень стилистической дифференциации и гибкости в обеспечении полноценного процесса коммуникации. Иными словами, специфические формы русско-национального двуязычия востребованы локально не столько характером общего развития этноязыковых процессов, специфику которых обусловливает, скорее, воздействие экстралингвистических факторов, сколько конкретными условиями региона, где проживают русские, и причинами межличностного общения, ведущего к усилению контактов и освоению второго языка.

Новый этап научного осмысления феномена двуязычия актуализирован не только значительными событиями последнего десятилетия на постсоветском пространстве, но и потребностью переоценки характера этноязыковых процессов, на протекание которых существенное влияние оказывают геополитические изменения в мире, полноправными субъектами которого стали все молодые независимые государства. Опыт языковой жизни полиэтничных стран в современном мире не только становится все более доступным, но и по-настоящему ценным для постсоветских стран, допускающих немало существенных промахов в ходе преобразований. В новых условиях медленно приходит понимание необходимости изменений демократического характера, которые могли бы устранить противоречия между их декларированием и реальным осуществлением в разных областях, в том числе и в языковой сфере.

Безусловным желанием как можно скорее избавиться от советского наследия в социокультурной сфере, связанной с явлением национально-русского двуязычия, и была обусловлена в значительной степени языковая реформа, вектор которой направлен против русского языка. Увязывая проблему неблагополучного состояния национальных языков с успешным функционированием русского языка, идеологи и авторы языковой реформы целенаправленно выводили его из числа доминирующих; лишая его достойного статуса, они добивались выполнения важной нелингвистической цели – вынудить русских уйти из приоритетных областей производства и органов государственного управления, а затем окончательно выдавить их с территории новых государств. Сознательно или невольно новые идеологи языковой политики разрушали двуязычную основу социокультурного развития полиэтничного общества, проверенную не только в советском государстве, но и признанную оптимальной в современном поликультурном мире. В итоге “наказаны” не только одноязычные русские специалисты, но и представите-

inslav

ли "титульной" нации, потерявшие уникальную возможность широкой социальной мобильности в иноэтничной среде. Чем больше представителей из числа нерусских народов со временем свободно владели русским языком, тем все менее и менее только фактор их двуязычия становился основой успешной карьеры. Понимая это, двуязычные представители "титульной" нации нашли способ еще раз рационально воспользоваться своим билингвизмом, вступив в острое соперничество с одноязычным русским населением: уже в ходе языковой реформы 1989 г. они стали отходить от деклараций о русификации и взяли на вооружение новую идиологему – ускоренное внедрение государственных языков в целях дальнейшего построения моноэтничных государств, для "грузинизации", "эстонизации", "румынизации" которых и понадобилось политизировать культурно-языковые проблемы, превращая их в этноязыковые. Уникальное лингвистическое явление национально-русского билингвизма в новых независимых государствах все чаще стали квалифицировать как опасное "двойное полуязычие" (Л. Блумфилд) и переводить вектор языкового развития народов в политическую плоскость, "забыв" о том, что в конце 80-х годов планировали немедленно приступить к решению всего комплекса культурно-языковых проблем.

Данные нашего исследования свидетельствуют, что определенный опыт русско-национального двуязычия все же накоплен русским населением за время его расселения среди многочисленных нерусских народов. Несомненно, мы отдаем себе отчет в том, что качество и характер русско-национального двуязычия в его исторически сформированном виде значительно отличается от современных его форм, которые содержательно богаче уже потому, что сам феномен владения языком дифференцируется не только в зависимости от потребностей отдельной языковой личности, уровня ее языковой компетенции и речевых навыков, но и от потребностей общества, а также от масштабов, частоты и сфер употребления второго языка, от психологических оттенков его восприятия и отношения к нему лиц различного возраста, входящих в определенные социально-профессиональные группы, проживающих в стратифицированных по плотности и однородности этнических средах.

Обратимся к статистике 70-х годов (табл. 1), чтобы показать не столько впечатляющие масштабы национально-русского двуязычия, сколько зарождение в условиях его мощного распространения и русско-национального типа билингвизма.

inslav

Таблица 1. Данные переписи 1970 г. о русско-национальном и национально-русском двуязычии в различных возрастных группах населения союзных республик, %

Национальность	Свободно владеют вторым языком					
	В своих республиках			За пределами своих республик		
	11–29 лет	30–39 лет	50 и старше	11–29 лет	30–39 лет	50 и старше
Русские	0,6	0,7	0,6	22,2	16,9	12,5
Украинцы	57,7	45,5	20,4	43,4	43,3	40,5
Белорусы	74,7	66,5	37,5	39,6	39,6	33,6
Узбеки	23,4	23,3	6,6	32,3	29,7	19,6
Казахи	38,5	62,6	24,1	56,9	56,8	40,9
Грузины	23,8	30,4	19,0	80,6	84,4	48,3
Азербайджанцы	22,2	27,1	12,4	32,9	34,5	39,6
Литовцы	54,5	49,4	22,2	53,7	62,3	52,4
Молдаване	49,4	47,1	25,9	57,5	50,6	52,4
Латыши	61,5	59,5	39,0	48,4	48,0	41,2
Киргизы	37,1	31,9	6,7	14,6	11,8	29,7
Таджики	31,5	28,5	8,1	16,5	14,3	21,0
Армяне	30,3	38,9	20,4	44,8	54,2	42,0
Туркмены	25,3	26,9	8,4	10,3	11,5	9,2
Эстонцы	42,5	37,0	19,9	38,7	29,3	45,8

Анализируя эти данные, отметим в каждой из республик значительные цифры экстенсивного развития национально-русского двуязычия среди лиц достаточно молодого возраста, когда идут интенсивные процессы самоутверждения личности (украинцы, белорусы, казахи, латыши, литовцы, грузины). Это явление можно квалифицировать как важный поворот от личностного к массовому характеру национально-русского билингвизма среди нерусских народов. На этом фоне зарождающаяся тенденция русско-национального двуязычия существенно отличается, и прежде всего в своей республике – РСФСР, в иноэтничной же среде, среди молодежи особенно, уже заметен рост двуязычных русских (ср.: удельный вес двуязычной молодежи – 22,2%, что почти в два раза выше, чем у лиц старшего возраста – 12,5%, и в 1,3 раза – у лиц среднего возраста – 16,9%).

inslav

Таблица 2. Распределение двуязычного русского населения по союзным республикам (по данным переписи населения 1970 г. и 1979 г., %)

Союзные республики	Свободно владеют языком коренной национальности		Считают родным язык не своей национальности		Итого		В % к общей численности двуязычных русских в союзных республиках	
	1970	1979	1970	1979	1970	1979	1970	1979
Украинская	25,9	29,8	1,5	1,4	27,4	31,2	76,5	75,9
Белорусская	20,6	29,3	1,6	1,6	22,2	30,9	6,3	8,2
Узбекская	3,7	5,8	0,1	0,1	3,8	5,9	1,7	23
Казахская	0,9	0,6	0,1	0,1	1,0	0,7	1,8	1,0
Грузинская	10,5	15,4	0,7	0,9	11,2	16,3	1,3	1,4
Азербайджанская	7,5	9,2	0,2	0,2	7,7	9,4	1,2	1,0
Литовская	30,7	35,2	2,3	2,4	33,0	37,6	2,7	2,7
Молдавская	13,3	10,6	0,9	0,9	14,2	11,5	1,8	1,4
Латвийская	17,0	19,0	1,3	1,1	18,3	20,1	3,9	3,8
Киргизская	1,4	1,1	0,1	0,1	1,5	1,2	0,4	0,2
Таджикская	2,3	2,6	0,1	0,1	2,4	2,7	0,3	0,3
Армянская	17,1	26,7	0,6	0,8	17,7	27,5	0,4	0,4
Туркменская	2,0	2,0	0,1	0,1	2,1	2,1	0,2	0,2
Эстонская	12,5	11,3	1,6	1,7	14,1	13,0	1,4	1,2
Итого	14,5	17,2	0,9	0,9	15,4	18,0	100	100

Обращаясь к статистике переписей 1970 и 1979 гг. (табл. 2), можно видеть, что потребность русских союзных республик во втором языке росла в 1,4 раза быстрее, чем по стране в целом: при общем приросте численности русского населения (без РСФСР) на 12,2% рост двуязычных русских составил 32,7%. Опережающие темпы прироста контингента двуязычных русских по сравнению с приростом их общей численности в союзных республиках свидетельствуют о реальном русско-национальном двуязычии, что подтверждается и демографическим их распределением между республиками.

Вторым языком большей части двуязычных русских, в соответствии с данными переписей, выступают украинский и белорусский языки, что составляет 82,8% от двуязычного населения, проживавшего в союзных республиках в 1970 г., а в 1979 – 84,1%.

inslav

Генетически близкие языки, усвоение которых шло наиболее успешно, дают самый высокий процент русско-славянского билингвизма, за которым на значительном расстоянии следует русско-балтийское двуязычие с латышским и литовским языками, удельный вес которого достиг в 1970 г. – 6,6, а в 1979 г. – 6,5% от всего двуязычного населения союзных республик; русско-тюркское двуязычие, сформированное в ходе приобщения русского населения к узбекскому, казахскому, азербайджанскому, киргизскому и туркменскому языкам, определяется в 1970 г. – 5,3, в 1979 г. – 4,9% от числа двуязычных русских, проживающих в союзных республиках. Эту показательную статистику даже в ходе подготовки законодательных актов о языках ни в одной из союзных республик идеологи новой языковой политики постарались "не заметить": они не увидели, что 88 тысяч, или каждый третий из числа проживавших в Литве русских, уже в начале 70-х годов свободно владел литовским языком (ср.: 1970 г. – 33,0 и 37,6% – 1979 г.); удельный вес русских, в той же мере свободно владеющих латышским языком, составил в 1970 г. – 18,3, а в 1979 г. уже 20,1%; армянским языком – в 1970 – 17,7 и в 1979 г. уже 27,5%; молдавским – 14,2 : 11,5; эстонским – 14,1 : 13,0; грузинским – 11,2 и 16,3% соответственно.

Существенную динамику русско-национального двуязычия 70–80-х годов не "замечали", а психологический настрой русского населения в начале 90-х годов на освоение национальных языков, ставших государственными, был умышленно разрушен, с одной стороны, стремительными темпами дальнейшей суверенизации и созданием такой группы законов, которые не позволили местным русским реализовать свои интенции, а с другой – такими же немыслимо короткими сроками, отведенными для освоения государственного языка без соответствующего научно-методического и финансового обеспечения. Объективно оценивая этноязыковую панораму, отражающую зарождение и развитие тенденции русско-национального двуязычия, можно увидеть, что в значительной группе союзных республик процесс приобщения русского населения к языкам коренных национальностей шел настолько интенсивно, что значительно опережал по темпам прирост общей численности русских и увеличение их доли с родным русским языком. Например: в Армении – на 33,1%, в Грузии – на 30,4, в Литве – на 6,3, в Эстонии – на 4,0%; в другой группе, напротив, общая численность русских росла быстрее, чем численность русских, свободно владеющих язы-

inslav

ком коренной национальности, например: в Казахстане – на 36,3%, Киргизии – на 27,6, в Молдавии – на 22,6%. Таким образом, уже к началу 80-х годов параллельно с формой национально-русского двуязычия сложилась и другая тенденция этноязыкового развития, определяемая как русско-национальное двуязычие, которое в системе локальных координат становилось все более ощутимым компонентом языкового сосуществования полиэтничной общности народов. Так, наиболее заметны масштабы русско-литовского двуязычия: 37,6% местных русских, по данным переписи 1979 г., свободно владели языком литовского народа; существенными оказались сдвиги в увеличении числа двуязычных русских и в других республиках: например, их доля выросла в Армении на 9,8%, в Белоруссии на 8,7, в Украине на 3,8%. Другими словами, в каждой из союзных республик сложилась своеобразная социолингвистическая ситуация, в зеркале которой нашли свое отражение две основные разновидности билингвизма – национально-русское и русско-национальное. Гармоничным и паритетным их соотношение назвать нельзя, учитывая масштабы распространения, интенсивность и темпы протекания, реальные и потенциальные формы проявления, организованные или стихийные факторы, стимулирующие обращение языковой личности ко второму языку.

Требуя в новых геополитических и этнокультурных условиях "паритетного" двуязычия, настаивая на ускоренном варианте освоения государственного языка русскоязычным населением, "титульные" идеологи не готовы к объективной оценке разных "весовых категорий" русского языка как средства межэтнического взаимодействия, потребность в котором определяется социальной доминантой полиэтничного общества, и государственного языка (читай: языка одной из национальностей в полиэтничном социуме), от знания которого проблема общения в условиях полиязычия снята не будет. И даже в этих условиях данные этносоциологических опросов русских, проживающих в разных регионах постсоветского пространства, подтверждают отчетливо проявляющуюся в последнее время тенденцию позитивного отношения к освоению государственных языков в целях восстановления толерантных взаимоотношений и межэтнического согласия, разрушенного оскорбительно резкими эмоциональными заявлениями "титульных" лидеров в конце 80-х годов и реальными политико-правовыми действиями в ходе 90-х годов XX века. Заметим, что речь идет не о естественной внутренней потребности мест-

inslav

ных русских, а о суровой необходимости сохранить в условиях жесткого этнократического курса развития суверенных государств право, акцентируем на этом внимание, быть конкурентоспособными на рынке труда.

Психологический настрой на русско-национальное двуязычие, интерес к которому долгое время формировался за пределами официально поддерживаемой и культивируемой доктрины национально-русского двуязычия, отмечен русскими практически во всех странах нового зарубежья; и это несмотря на то, что этнополитические обстоятельства, в первую очередь законы о государственном языке, со всей очевидностью деформировавшие сложившуюся культурно-языковую ситуацию в постсоветских государствах, целенаправленно обеспечили одноязычным местным русским в сравнении с двуязычным "титульным" населением неравные стартовые условия для профессионального роста и полноценной социальной мобильности. Так, если значительная часть "титульного" населения союзных республик, осваивая русский язык, определенно знала, что это поможет ей удовлетворить многочисленные социокультуные потребности, порождаемые строительством новой жизни, и изменить к лучшему свой статус, то русское население, испытывая силу многоаспектного негативного давления этнополитических обстоятельств, разрушивших их социокультурный статус, вынуждено в трансформированной ситуации только надеяться на перспективы его восстановления. Эмоциональная реакция русских в такой напряженной межэтнической обстановке кажется особенно показательной, так как она сигнализирует о болезненно трудном процессе психологической адаптации к категоричным и принудительным требованиям языковой политики в странах нового зарубежья: «В ходе нашего полевого исследования, – пишет С.С. Савоскул, – отвечая на вопрос: "*Нужно ли русским в Украине знать украинский язык*?", подавляющее большинство, или 85% русских ответили утвердительно, а на вопрос: "*Согласны ли вы с мнением, что все русские, живущие в Украине, обязаны знать украинский язык*?" положительно ответили лишь 47% русских» [Савоскул 2001: 73].

Мы полагаем, что за этой статистикой отчетливо просматривается не только реакция русских на "всеобщую обязанность" знать государственный язык, но, глубже, это реакция на попытку искусственно деформировать практическую доминанту их социальных потребностей, комплексно используя в этих целях давление факторов политического и правового характе-

inslav

Таблица 3. Распространение русско-национального двуязычия среди русского населения Центральной Азии, %

Республика	Свободно владеют языком "титульной" национальности							
	Все население		Городское население			Сельское население		
	1970 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Узбекистан	3,7	4,5	3,1	5,1	4,1	8,6	15,4	12,7
Киргизия	1,4	1,2	1,0	0,8	0,9	2,3	1,7	1,9
Казахстан	0,9	0,85	0,7	0,4	0,4	1,5	1,2	1,6
Таджикистан	2,3	3,5	2,1	2,4	3,2	5,7	7,3	7,9
Туркмения	2,0	2,5	1,9	1,8	2,3	5,9	8,5	10,4

Таблица 4. Динамика русско-национального двуязычия среди русского населения стран Закавказья, %

Республика	Свободно владеют языком "титульной" национальности						
	1970 г.			1989 г.			
	Всего	Городское	Сельское	Всего	Городское	В том числе столичное	Сельское
Грузия	10,5	11,1	7,2	22,5	23,8	34,5	14,5
Азербайджан	7,5	7,3	11,1	14,3	14,1	11,6	18,8
Армения	17,1	21,6	8,6	32,3	34,9	42,2	16,8

ра. Более того, чем интенсивнее сила искусственного давления, рассчитанная на принудительную обязанность, тем сильнее внутреннее сопротивление русских, естественная потребность которых “быть услышанными” в широком социальном контексте становится в такой ситуации безусловной практической доминантой.

Мы сочли логичным сравнить цифровые показатели этих двух огромных регионов, чтобы наглядно показать существенное отличие темпов добровольного и принудительного освоения местными русскими языков “титульных” наций.

Обратимся к статистическим данным общесоюзных переписей 1970, 1979, 1989 гг. (табл. 3, 4).

inslav

Закавказские республики, как известно, на десятилетие опередили другие регионы государства, закрепив конституционным путем статус государственных за языками "титульных" народов уже в начале 80-х годов. Оказалось, что этого срока было достаточно, чтобы межэтническое взаимодействие обеспечивалось не только в форме национально-русского двуязычия, но и в форме русско-национального двуязычия, актуализированной требованиями новой языковой политики. Динамика, отраженная в данных таблицы, показательна в двух отношениях: во-первых, все республики Закавказья вступили в этап суверенного развития с двукратным увеличением числа русских, освоивших в короткий срок государственный язык (ср. данные 1970 и 1989 гг.: Грузия – 10,5% : 22,5%; Азербайджан – 7,5 : 14,3; Армения – 17,1% : 32,3%); во-вторых, эти цифры впечатляют еще более, если сравнить их с аналогичными показателями этого периода в странах Центральной Азии (ср. Узбекистан – 3,7%, по данным 1970 г., и 4,5% в 1989 г.; Казахстан – 0,9 : 0,85; Киргизия – 1,4 : 1,2; Таджикистан – 2,3 : 3,5; Туркмения – 2% : 2,5% соответственно). Думаем, что высказанное предположение о влиянии этнополитического фактора на "добровольный" характер освоения русским населением государственных языков в странах Закавказья подтверждается широким спектром трудностей, с которыми сталкиваются местные русские без знания языка. Эта статистика дает основание полагать, что желание остаться и полноценно адаптироваться к новой этнополитической ситуации, существенно изменившейся этнической и языковой среде, сохранили лишь те русские, которые не только осознали необходимость более глубокого освоения языков "титульных" наций, но и психологически оказались готовы к реально широкому официальному их функционированию. Этот поворот, несомненно, сопряжен с такой гаммой психологических ощущений, которые существенно модифицировали в данных обстоятельствах систему представлений местных русских о себе и о стране проживания, выявили, по сути, естественную лингвокультурную основу практической доминанты в иерархии их потребностей, вынуждая видеть социальную перспективу дальнейшей мобильности только с учетом знания государственного языка. Убеждены, что если бы опыт языкового развития закавказского региона, полученный еще в советское время, своевременно стал объектом действительно научного изучения, то, возможно, многие из "титульных" лидеров суверенных государств в других регионах постсоветского пространства могли бы скорректировать

inslav

языковую политику и программы ее реализации. К сожалению, этот опыт оказался невостребованным.

В русле наших рассуждений о степени "добровольности" и психологической "готовности" русского и русскоязычного населения к освоению государственных языков в короткое сроки красноречиво говорят статистические данные замеров национально-русского и русско-национального двуязычия. Обратим внимание на амплитуду колебаний цифровых показателей в пределах одного региона до обретения его субъектами суверенного права на независимость, а затем сравним их с данными в государствах, ставших самостоятельными. Итак, Центральная Азия и Прибалтика (табл. 5, 6).

Как видим, "титульные" народы в республиках Центральной Азии в массе своей, особенно в Казахстане, чуть менее в Киргизии, Таджикистане, Туркмении говорили на русском языке, демонстрируя ту или иную степень свободы общения в рамках сложившейся модели межэтнического культурно-языкового взаимодействия. Русское население этого региона, о чем можно судить по различающимся на несколько порядков цифрам (ср.: 0,85% : 62,8% в Казахстане; 1,2% : 37,2% в Киргизии) практически "титульными" языками республик своего проживания не владело. Более того, этносоциологи утверждают, что, по данным последней переписи населения, только 4,5% проживающих во всех республиках Центральной Азии владели языками коренных народов. Обращает на себя внимание аналогичная тенденция и в других странах нового зарубежья, кроме прибалтийских государств, хотя и здесь наблюдается существенное отличие в соотношении числа одноязычных и двуязычных русских и "титульных". Так, четверть населения русских Литвы – 25% – не владеют государственным языком на фоне лишь 2% литовцев, которые не знают русского языка, по данным опроса 1993 г.; такая же ситуация и в Эстонии, где 23% русских и лишь 1% эстонцев не владеют вторым языком.

Анализ цифровых показателей двуязычия в регионах, ментальность населения которых заметно отличается, позволяет увидеть, на наш взгляд, явление исключительной важности – мудрость народов, которые осознают потребность толерантного межэтнического взаимодействия и повсеместно проявляют готовность к взаимному освоению языков не благодаря, а, напротив, вопреки акцентированной этнополитическими процессами языковой доктрине стран ближнего зарубежья.

inslav

Таблица 5. Степень владения русского населения республик Центральной Азии "титульным" языком и "титульного" населения стран русским языком (1989 г.), %

Республика	Население	
	"нетитульные"	"титульные"
Казахстан	62,8	0,85
Киргизия	37,2	1,2
Таджикистан	30,5	3,5
Туркмения	28,3	2,5
Узбекистан	22,8	4,5

Таблица 6. Степень владения русского городского населения Литвы и Эстонии "титульным" языком и "титульного" населения этих стран русским языком, %

В какой мере владеет русское / "титульное" население государственным / русским языком?	Литва, 1993 г.		Эстония, 1994 г.	
	русские	литовцы	русские	эстонцы
Совершенно свободно	6	28	2	20
Довольно свободно	16	49	9	34
С некоторыми затруднениями	23	17	20	36
С большим трудом	29	4	37	8
Вообще не говорю	25	2	32	1
Затрудняюсь ответить	1	0	0	1
Итого	100	100	100	100

За более чем десятилетний период независимого развития молодых государств накоплен опыт, в котором есть ошибки и удачи, потери и обретения, но главное состоит в том, что эти годы изменили эмоционально манифестированные в конце 80-х годов представления всех участников этнополитического процесса: этнических лидеров, политической элиты, самого “титульного” населения и местных русских. Так, политическая элита и ее этнические лидеры убедились, насколько проблематично административным путем, опираясь на мощные механизмы государственной власти и идеологии, деформировать самобытную культурно-языковую среду и тем самым попытаться изменить основы практической доминанты системы социальных потребностей русско-

inslav

го населения; "титульное" население, по достоинству оценив слова и дела своих лидеров, стало рационально и взвешенно судить не только о своем прошлом, но и о крайне сложном настоящем и еще более проблематичном будущем, убеждаясь на практике в "перспективах" своей социокультурной мобильности в условиях информационного пространства, ограниченного возможностями только родного, пусть и в статусе государственного, языка; наконец, русские, сделав выбор и оставшись в странах нового зарубежья, вынуждены психологически настраиваться на языковую адаптацию и дальнейшую интеграцию в надежде, что в новой этнополитической ситуации знание государственного языка позволит им не только упрочить вертикаль социальной мобильности, сохранив свой профессиональный статус, но и укрепить лингвистическую основу своей этничности.

Существенный просчет "титульных" лидеров, по нашему мнению, обусловлен тем, что в своем желании ускорить процесс основательного разрушения социокультурного статуса местных русских всеми доступными им идеологическими средствами, включая языковые, они недооценили естественную мобилизацию творческих сил личности в стрессовой ситуации, когда для решения поставленной проблемы, превращенной в практическую доминанту иерархии потребностей, сознание находит резервы и определяет стратегию поведения. Превратившись в практическую доминанту, желание русских "быть услышанными" в широком социальном контексте новой этнополитической ситуации привело их к пониманию необходимости изучения государственных языков. Заметим, что при всей остроте языковой проблемы и парадоксальности отношения к русскому языку как к иностранному, вопреки реалиям его практического распространения, уже в начальный период становления суверенных государств русское и русскоязычное население, пусть и в меньших объемах, чем представители "титульных" народов, но однозначно признавало необходимость государственной защиты всех национальных языков и культур. И только обретение значительных социальных преимуществ "титульными" носителями государственных языков вызвало не просто негативную реакцию одноязычных русских, но естественный активный протест. Объективно это протест против характера осуществления языковой политики и механизмов ее внедрения, основу которых составляют категоричность, обязательность, с одной стороны, и декларативность и недифференцированность требований – с другой; наконец, это про-

inslav

тест против искусственного разрушения исторически сложившейся культурно-языковой модели толерантного взаимодействия народов.

По-прежнему полиэтничное, но резко стратифицированное по разным основаниям население суверенных постсоветских государств во имя толерантного взаимодействия и возвращения к межэтническому согласию готово к компромиссу. Это естественное желание народов, исторически доказавших свою психологическую совместимость, многократно усиливается новым экономическим контекстом, реалии которого требуют такой мобилизации интеллектуальной энергии и знания современных информационных технологий, овладение которыми невозможно без освоения других языков. Чтобы органично и достойно вписаться в социально меняющийся мир и найти свое место в нем, каждая из этнокультурных составляющих общества вынуждена, учитывая взаимные интересы, по-своему искать основания для нового сближения и взаимопонимания. Более чем десятилетний период искусственного сохранения межэтнической напряженности, по нашему мнению, привел к значительному увеличению доли той части населения из числа "титульного" и "нетитульных" народов, которые готовы пройти свою часть пути навстречу друг другу и не только добиться взвешенных оценок языкового поведения, но и способствовать взаимной и полномасштабной социокультурной мобильности в условиях резкой стратификации современного общества.

Мудрость народов, отточенная опытом и временем, сказывается на изменении психологического климата в обществе и формировании атмосферы прагматичной деловой сдержанности, которая медленно сменяет эмоциональную раскаленность духовной обстановки последнего десятилетия XX в. Такая лояльность – основа и суть ситуативной доминанты в иерархии потребностей членов полиэтничного социума, удовлетворение которой и есть платформа для успешного сотрудничества народов, сделавших свой выбор. Характер заявлений "титульной" элиты, осознавшей, что финансовых средств, материально-технической базы, корпуса квалифицированных преподавателей и продуманной государственной системы качественного обучения взрослого населения страны языкам нет и в ближайшее время в связи с экономическим кризисом не будет, меняется. Жесткость прежних заявлений относительно механизмов осуществления главного требования лингвистического законода-

inslav

тельства все чаще уступает место таким технологиям его реализации, которые должны обеспечить реальное русско-национальное двуязычие если не в настоящем, то в будущем – по мере взросления молодого поколения. Выдержавшая испытание временем форма национально-русского двуязычия была, как известно, сформирована в большей степени благодаря системе образования, поэтому рациональный, а не эмоциональный подход к проблеме становления русско-национального двуязычия, наконец, заставил "титульную" элиту обратиться к этому позитивному опыту. Уверены, что только обоюдная забота взрослого населения о судьбе молодежи стран нового зарубежья позволяет рассчитывать на успешную интеграцию одноязычной ее части в сообщество, где возможен выбор вариантов полноценной социокультурной мобильности и всесторонней самореализации каждой личности, языковой диапазон которой не будет ограничен рамками родного языка.

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что в этом отношении полностью совпадают интересы русского и "титульного" населения, однозначно признающего необходимость изучать в школах язык, культуру, историю русского и нерусских народов.

Обратимся к статистике (табл. 7–11).

Как видим, статистика свидетельствует о редком единодушии взрослого населения стран нового зарубежья в отношении необходимости обязательного взаимного освоения народами национальной культуры, и в первую очередь молодым поколением. Однако взрослое русское население убеждено в том, что не только языковая адаптация осложняет процесс их интеграции в новое сообщество, поэтому и называет в каждой из стран различные мотивы, побуждающие их к освоению государственных языков стран проживания. Так, русские стран Центральной Азии, Украины и Белоруссии, где по-прежнему широко функционирует национально-русское двуязычие, указывают в числе мотивов желание максимально сократить культурно-языковую дистанцию и глубже познать национальную культуру "титульных" народов; русские в странах Балтии и Молдавии выделяют мотивы сохранения или упрочения своего социального статуса с целью дальнейшей интеграции в новую систему экономических отношений в государствах своего пребывания; русские же Армении, Грузии, Литвы обращают внимание на отсутствие альтернативы в связи с демографическим и социальным доминированием "титульного"

inslav

Таблица 7. Общественное мнение о необходимости преподавания в русских школах Литвы и Эстонии языка, культуры и истории их "титульных" народов, %

Необходимо ли в русских школах преподавать язык, культуру и историю "титульных" народов?	Литва, 1993 г.		Эстония, 1994 г.	
	Русские	Литовцы	Русские	Эстонцы
Все это безусловно необходимо	90	93	68	72
Нужно преподавать "титульный" язык	6	6	28	15
Пожалуй, можно обойтись и без этого, дети и так слишком загружены	1	0	1	1
Другое мнение	1	0	1	1
Затрудняюсь ответить	2	1	2	11
ИТОГО	100	100	100	100

Таблица 8. Отношение к преподаванию языков в школах Казахстана в качестве обязательного предмета (1994 г.), %

Варианты ответа	Казахский язык		Русский язык	
	Русские	Казахи	Русские	Казахи
Согласны ли Вы, чтобы во всех школах преподавался язык в качестве обязательного предмета?				
Безусловно согласны	31	72	56	44
Скорее согласны	33	22	30	36
Скорее не согласны	15	3	6	12
Безусловно не согласны	13	1	2	4
Затрудняюсь ответить	8	2	6	4
ИТОГО	100	100	100	100

населения. Учитывая специфику этих мотивов, тем не менее, следует обратить внимание на два общих момента: *принудительный характер их формирования и принципиально жесткую правовую фиксацию связи между знанием государственного языка и сохранением местными русскими своего социокультурного статуса.*

Какой бы ни была специфика социально-психологических предпосылок, породивших осознание необходимости освоения государственных языков русским населением стран нового за-

inslav

Таблица 9. Мнение респондентов о том, что необходимо преподавать в школах Украины с русским языком обучения. Горожане (1996 г.), %

Варианты ответа	Национальность	
	русские	украинцы
Согласны ли Вы, что среди прочих предметов необходимо преподавать:		
Украинский язык, основы украинской истории и культуры	85	92
Только украинский язык	7	4
Нет, т. к. дети перегружены	4	1
Другое мнение. Затрудняюсь ответить	4	3

Таблица 10. Мнение респондентов о том, что необходимо преподавать в школах Украины с украинским языком обучения. Горожане (1996 г.), %

Варианты ответа	Национальность	
	русские	украинцы
Согласны ли Вы, что среди прочих предметов необходимо преподавать:		
Русский язык, основы русской истории и культуры	79	64
Только русский язык	13	18
Нет, т. к. дети перегружены	2	9
Другое мнение. Затрудняюсь ответить	6	9

Таблица 11. Мнение респондентов о том, что необходимо преподавать в школах Киргизии с русским языком обучения. Горожане (1992 г.), %

Варианты ответа	Национальность	
	русские	киргизы
Согласны ли Вы, что среди прочих предметов необходимо преподавать:		
Киргизский язык, основы киргизской истории и культуры	45	64
Только киргизский язык	24	16
Нет, т.к. дети перегружены	16	2
Другое мнение. Затрудняюсь ответить	15	18

inslav

рубежья, общими были и продолжают оставаться четко расставленные этнополитические акценты. Сила их влияния так велика, что они определяют характер механизмов не только идеологического, но и социального давления на русских, принуждая последних к модификации естественной системы социальных потребностей. Чем сильнее давление и больше ограничений для полноценного проявления этнокультурной идентичности русских мигрантов с русским этносом, тем глубже осознание значения лингвокультурной составляющей практической доминанты их социальных потребностей. По нашему мнению, эта позиция отражает естественную потребность в справедливости, суть которой, как известно, в органичном соединении прав и обязанностей, что признается в демократическом обществе как должное и создает основу его устойчивого развития. Если же, используя силу власти и закона, стремиться к искусственному изменению системы социальных потребностей, то можно добиться любой степени их трансформации, но нельзя превратить в естественные.

Национальные языки, получившие статус государственных, призванные консолидировать полиэтничное лингвокультурное сообщество независимых государств, к сожалению, пока не обеспечивают выполнение этой важной социальной функции. Оправданное закрепление де-юре за национальными языками "титульных" народов статуса государственных де-факто в подзаконных актах и официальных программах, расшифровывающих порядок введения в действие законов о языках и определяющих механизмы их реализации, обернулось разрушением исторически сложившейся модели эффективного межэтнического общения. Во многом искусственный перевод всей сферы официального общения с русского языка на государственный таит в себе реальную опасность деформации этнической идентичности русской языковой личности и осложняет процесс социальной интеграции русскоязычного населения в полиэтничное сообщество суверенных постсоветских государств. Преимущества, легитимно обретенные "титульными" носителями государственных языков, обеспечили в полиэтничном социуме не только переход от национального неравенства к социальному, но и разрушили естественную систему социальных потребностей русского населения, вынужденно превратив лингвистическую составляющую (потребность "быть услышанными") в основу его практической доминанты. Расшатывая этнокультурную идентичность местных русских и

inslav

акцентируя внимание "титульного" населения только на государственном языке, политическая элита стран нового зарубежья опрометчиво сужает общее поле межкультурной коммуникации в условиях растущей потребности представителей всех этнокультурных групп к расширению границ современного информационного пространства.

Пытаясь исключить русский язык из сферы приоритетного официального общения и разрушить форму национально-русского двуязычия, "титульная" элита не заботится, как выясняется, об истинных перспективах социокультурной мобильности даже собственного народа, так как не может не знать, что общая тенденция языкового развития в мире – это дву- и полиязычие. Полноценный дискурс современной языковой личности возможен только в условиях реабилитации самого феномена билингвизма и закрепления той его социально ориентированной формы, которая обеспечит в странах нового зарубежья оптимальный уровень толерантного межэтнического взаимодействия. Оговоримся, что приводимые статистические данные и таблицы были нами взяты из результатов общесоюзной переписи 1970, 1979, 1989 гг., из публикации "Численность и социально-демографические характеристики русского населения в республиках бывшего СССР" (1994 г.), а также из указанной выше книги С.С. Савоскула.

ЛИТЕРАТУРА

Базылев В.Н. Феноменологическая эйдетическая дескрипция эмоций: враждебность // Язык. Сознание. Коммуникация. Диалог. М.: Изд. МГУ, 2000.

Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984.

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. Выбор судьбы. М.: Наука, 2001.

inslav

А.И. Кузнецова
(Россия)

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ САМОСОЗНАНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ ЭТНОСОВ УРАЛЬСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ

Неизбежность хода истории, неотвратимость направления исторических процессов для малочисленных уральских народов Сибири очевидна, хотя скорость осуществления происходящих изменений различна и трудно предсказуема. Наметившаяся тенденция к глобализации во всем мире – объективный процесс, бороться с которым и трудно, и мало имеет смысла, но для каждого народа (не только малочисленного) заманчиво сохранить свою самобытность, в последнее время быстро размываемую в складывающейся ситуации. По выражению А. Арбатова (члена комитета "Россия в объединенной Европе"), "выступать против глобализма – это все равно, что требовать закрыть Америку или отменить колесо. Глобализация – объективное явление и, как любое подобное явление, несет в себе как положительные, так и отрицательные моменты" [Известия от 06.10.03. С.16]. Как правило, молодые тяготеют к глобализации, не всегда даже осознавая это, а старшее поколение старается сохранить нечто самобытное из уходящего прошлого. Естественно, что плюсы и минусы с разных точек зрения могут не совпадать, как не совпадают сплошь и рядом у миноритарных уральских народов Сибири признаки культурно-языковой ситуации, считающиеся релевантными для нее, и проблемы, связанные с процессами интеграции и дифференциации данных этносов. Возможны, как минимум, три точки зрения на существующую у малочисленных народов Сибири, о которых пойдет речь, ситуацию: официальная точка зрения администрации соответствующего округа или района, часто представляемая на всеобщее обозрение СМИ (журналистами); взгляд исследователя-очевидца и позиция самого народа. В зависимости от позиции пишущих и говорящих на эту тему появляется разная интерпретация имеющейся ситуации.

inslav

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У УРАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ СИБИРИ С ОФИЦИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)

Как выглядит ситуация у современных уральских малочисленных народов в Сибири по сведениям, почерпнутым из СМИ и официальных отчетов администрации того или иного округа, района, можно рассмотреть на примере культурно-языковой ситуации северных селькупов, привлекая также в отдельных случаях для сравнения материалы по другим самодийцам (ненцам, нганасанам, энцам) и обским уграм (ханты, манси).

Селькупов (по переписи 1989 г. [Письменные языки мира 2003: 460–483]), проживающих вразброс на территории России (в основном в Западной Сибири), – 3564 чел. Северные селькупы живут в Красноселькупском и Пуровском районах ЯН АО и в ХМ АО Тюменской обл. (1632 чел. – 45,8%), а также в Туруханском районе Красноярского края (367 чел. – 10,2%); всего их 1999 чел. – 56%). Южные селькупы дисперсно проживают в Томской обл. (1347 чел. – 37,8%). В результате, в целом образуется континуум селькупских диалектов, прерываемый, впрочем, иноязычными зонами, в связи с чем селькупы находятся в контакте с кетами[1], ненцами, ханты, эвенками и повсеместно с русскими. Административная разобщенность, возникшая с конца 1950-х гг. у северных селькупов, является серьезным фактором ускорения ассимиляции (точнее, русификации) селькупов, которая еще более усиливается за счет возрастающей миграции населения не только в города, но и в районные центры, не всегда даже являющиеся городами (Томск, Красноярск, Салехард, Тюмень, Санкт-Петербург, Москва, пос. Тарко-Сале, с. Туруханск и др., в которых суммарно живет 218 селькупов. Кроме того, 48 чел. числится на территории бывших республик. Всего 6,2%). Существующая чересполосица языков и народов, естественно, не может не сказаться на культурно-языковой ситуации данного этноса.

По переписи 1989 г., 47,6% селькупов считает селькупский родным языком. Определить процент селькупов, активно владеющих языком, очень трудно, так как во время переписи нет и ре-

[1] В последние десятилетия социолингвистическая ситуация у кетов (енисейская языковая семья) подробно описана в работах Е.А. Алексеенко [Кеты. СПб., 1999], В.П. Кривоногова [Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998].

inslav

чи о *проверке* степени владения языком; переписчик, задавая вопросы из анкеты, должен верить на слово отвечающему, особенно, если сам не владеет данным языком. Переписи населения в местах проживания малочисленных народов с исчезающими языками должны были бы проводиться под наблюдением специалистов – языковедов и/или этнографов или силами носителей самих языков, как это частично делалось, напр., в Республике Коми (оба варианта, естественно, маловероятны).

Подобно тому, как результаты общероссийской переписи населения вызывают настороженность, так и списки, составляемые ежегодно в районной администрации, в районных отделах образования и других учреждениях часто приводят в недоумение исследователя, непосредственно соприкоснувшегося с социолингвистической ситуацией в том или ином поселке. Отчеты, как правило, пишутся ежегодно по строго заданной схеме. В качестве образца можно привести, напр., "сведения о распределении общеобразовательных учреждений и обучающихся по языку обучения и по изучению родного (нерусского) языка на начало 2001/2002 учебного года".

В отчетах Министерств образования республик в составе РФ, управлений образования краев, областей и автономных образований, которые представляются Министерству образования РФ, приводятся данные по 10 пунктам (не считая двух столбцов с наименованием и порядковым номером языка) для 61 языка, среди которых есть селькупский, ненецкий, мансийский, но отсутствуют (из числа малочисленных языков уральской языковой семьи, проживающих в Западной Сибири) нганасанский, энецкий, хантыйский. Для названных трех языков, попавших в отчетную ведомость, не даются сведения о количестве учащихся в каждом классе начальной (1–4 классы), неполной средней (5–9 классы) и средней (10–11/12 классы) школ. Есть лишь сведения о количестве школ, в которых соответствующий родной (нерусский) язык изучается как предмет, и о распределении учеников (а также их общем количестве) по трем школьным ступеням. При чтении отчетов обращает на себя внимание заметное уменьшение школьников, кончающих неполную (и тем более – полную) среднюю школу по сравнению с количеством учащихся в начальной школе. Так, в селькупских школах, судя по указанной отчетности 2001/2002 учебного года, нет ни одного школьника в старших классах, 21 чел. – в неполной средней школе при 192 в начальной школе; в ненецких школах – 3064 чел. в 1–4 классах, 2373 ученика в 5–9 классах и только 47 в старших классах. При этом неясно, сколько человек реально кон-

inslav

чило полную школу. Странный выброс наблюдается в мансийских школах – увеличение в 2001/2002 гг. количества учащихся во второй ступени. (Откуда они могли появиться? Второгодники? Результат разной рождаемости в разные годы? Опечатка?) Ни количество часов, которые отводятся на языковые занятия в разных классах, ни обязательность посещения занятий после начальной школы, ни уровень владения родным языком среди школьников, ни то, в каких конкретно районах и в течение скольких лет изучаются родные языки, – всё остается неизвестным. Судя по другим источникам, картина несколько проясняется. Напр., в с. Фарково в 1998 г. селькупский преподавался в 1–4 классах, а в 2003 г. – начиная только со 2 класса; в пос. Толька Красселькупская уроки шли не только в начальной, но и в неполной средней школе в статусе факультатива. В социолингвистической энциклопедии говорится, что "в старших классах лишь немногие учащиеся посещают занятия ненецкого языка" [Письменные памятники мира 2003: 378][2], но и в этом случае непонятно, есть ли в школе официальный факультатив или нет его. Ясно лишь одно: непрерывно снижается уровень воспроизводства родного языка.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У УРАЛЬСКИХ ЭТНОСОВ СИБИРИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Не игнорируя сведения, почерпнутые из материалов переписи, исследователи (прежде всего, лингвисты, историки, этнографы, фольклористы) в своей непосредственной работе с информантами и при знакомстве с похозяйственными книгами делают выводы, не только уточняющие официальные сведения о социолингвистической ситуации в местах проживания малочисленных этносов, но и расходящиеся часто с результатами, вытекающими из переписи и из списков районной администрации, о чем уже упоминалось в предыдущем разделе. Примерами подобных расхождений и уточнений является, напр., монография Н.В. Лукиной, посвященная становлению научных центров гуманитарного профиля в ХМ и ЯН АО [Лукина 2002], статья О.А. Казакевич и

[2] К сожалению, в этом справочнике сведения по малочисленным языкам России даются с привлечением официальных материалов разных лет, что не позволяет сравнивать результаты и устанавливать общую тенденцию развития в общеобразовательной сфере.

inslav

О.С. Парфеновой о языковой и этнокультурной ситуации в Красноселькупском р-не ЯН АО [Казакевич, Парфенова 2000a: 270–303], статья тех же авторов о ситуации в пос. Совречка Туруханского р-на Красноярского края [Казакевич, Парфенова 2000b: 304–308], собственные наблюдения автора данной статьи.

У северных селькупов реально владеет языком в настоящее время, по прикидкам разных исследователей, мнения которых не всегда совпадают, от 350 чел. до 550–600 чел., то есть от ~10% до 18,5% (вместо 47,6%, данных в переписи 1989 г.). Это обычно люди 40 лет (когорта 1960-х гг. рождения) и старше, причем степень владения языком среди них разная. Хорошее (а порою – блестящее) владение языком сохранилось всего лишь у нескольких десятков человек, как правило, живущих в лесу. Все они способны рассказывать сказки, а некоторые – и порождать огромные эпические тексты.

Говорящие на родном языке дети школьного возраста встречаются в нескольких поселках, напр., в пос. Ратта, Толька (Пуровская), в отличие от с. Красноселькуп и Фарково, где детей, владеющих языком, или нет совсем, или ничтожно малое количество (обычно это дети родителей, живущих в лесу). При этом нередко ко времени переезда в поселок, когда ребенка отдают в школу, он знает язык пассивно, поскольку родители, понимая, какие трудности ждут их ребенка, уже дома говорят с ним по-русски, общаясь, однако, между собой по-селькупски. Язык утратил большинство своих функций и сохранился (да и то ограниченно) только в качестве домашнего языка общения; в качестве языка общения на работе, в магазине селькупский язык (по крайней мере, в крупных поселках) практически не используется.

Преподавание в школе ведется на русском языке. В этой связи уместно сказать несколько слов о самом процессе обучения в школах.

В северных национальных школах (в том числе, в селькупских, ненецких, нганасанских, хантыйских, мансийских) официально повсеместно ведется преподавание языка как родного через букварь, и обучение письму и чтению происходит по методике, принятой в 1930-е гг. и ориентированной на детей, знающих язык с детства, то есть не учитывается кардинально изменившаяся ситуация с языком у перечисленных народов, при которой дети, идущие в школу, в массе своей родным языком не владеют. Более того, некоторые из перечисленных языков (селькупский и нганасанский) в обязательном порядке изучаются лишь в начальной школе, а энецкий

inslav

не изучается даже в младших классах. Официально признано, что родной язык школьника на протяжении всех лет учения является предметом изучения, а не обучения. Между тем учебники (в частности, книга для чтения) пишутся на родном языке (напр., на селькупском); все задания и проверочные вопросы даются на селькупском языке, как того требуют образовательные программы, но без учета реальной ситуации. Таковы, напр., Букварь, Азбука, книга для чтения и учебники для 1–4 классов С.И. Ирикова и его соавторов О.И. Боякиной и А.А. Хозовой. За год, по два урока в неделю, в школах успевают пройти в лучшем случае лишь половину одного учебника. В результате по окончании начальной школы в памяти школьника остается не более 10 слов (а часто и того меньше – три-пять); как правило, это названия некоторых животных, имена родства (отец, мать), четыре или пять первых числительных и несколько глаголов типа *садитесь, говорит, здравствуйте* (последнее слово представляет собой заимствование из русского языка: *torova*!). По прошествии нескольких месяцев дети не могут уже перевести текст, читанный ими в школе на уроках; лишь смутно помнят его содержание[3]. В пос. Фарково Туруханского района Красноярского края селькупский учат все дети поселка (селькупы и русские), а в с. Красноселькуп ЯН АО существует две школы: русская 10-летка и селькупская начальная школа, в которой учатся дети аборигенов и откуда лишь единицы переходят после 3-го класса в русскую школу, чтобы по окончании ее поступить в РГПУ им. А.И. Герцена в Санкт-Петербурге. Деньги выделяет округ, вступительные экзамены принимаются на месте, но часто студенты не выдерживают жизни в большом городе и возвращаются домой. Кончившие вуз по возвращении домой оказываются обычно безработными. Нередко молодые люди в студенческие годы женятся / выходят замуж и разъезжаются по России: мало кто хочет возвращаться в родное село.

В последнее десятилетие неоднократно предпринимались централизованные попытки разработать проект программы выпуска книг в объеме минимального комплекта на языках мало-

[3] Благодаря финансовой поддержке фондов “Открытое общество” (грант № 1567 / 801 / 1998) и РГНФ (экспедиционные гранты № 02-94-18019е, № 03-04-18007е) удалось не только в период летних каникул беседовать со школьниками, но и присутствовать в сентябре на уроках селькупского языка в с. Фарково, посмотреть тетради учащихся, иными словами, познакомиться с состоянием школьного образования здесь в 1998–1999 гг. Ситуация ухудшилась к 2003 г., когда количество часов преподавания селькупского языка сократилось.

inslav

численных народов Крайнего Севера России для дошкольных учреждений, школ и педучилищ. Однако подобные проекты (если даже они принимались) никогда полностью не реализовывались как по причине отсутствия материальной базы (денег), так и в силу слишком часто меняющейся ориентации в направлении развития и совершенствования преподавания родных языков в районах Крайнего Севера России.

В результате (или независимо от того и другого) на местах стали осуществляться силами исследователей соответствующих языков и народов собственные проекты написания учебников и учебных пособий для отдельных диалектов того или иного языка: появились различного типа разговорники, словари, книги для чтения в школе (к числу таких проектов можно отнести, напр., учебную литературу для южных селькупов); начали издаваться фольклорные тексты на родном и русском языках параллельно (особенно много их для обско-угорских языков, а также для ненецкого; есть для нганасанского и даже энецкого, который в школе не преподается). Одновременно печатаются научные исследования и популярная литература по истории родного края с описанием духовной и материальной культуры и традиционного образа жизни аборигенов Сибири и жителей Крайнего Севера в европейской и азиатской частях РФ; переиздаются монографии, ставшие уникальными, но сохранившие свою значимость вплоть до настоящего времени; словари, мемуарная литература конца прошлого – начала этого века; наконец, стали переводиться и издаваться западноевропейские научные труды. К сожалению, многочисленные и часто очень ценные публикации остаются, как правило, не известными авторам не менее многочисленных проектов реформирования школы и "доктрины образования", к созданию которой приступили в настоящее время в Министерстве образования, пытаясь выработать "стратегию образования". Между тем учет вышедших и готовящихся к публикации на местах рукописей позволил бы внести существенные коррективы в учебные планы преподавания родных языков и краеведения в национальных школах и школах с этнически смешанным составом учащихся.

Национальное самосознание у молодых почти совсем угасло, а билингвизм, еще сохраняющийся у среднего и старшего поколения, у молодых перешел в монолингвизм: большинство владеет только русским языком. При таком положении дел надеяться на подготовку национальных кадров, способных преподавать селькупский язык, нереально. Получается замкнутый круг, патовая си-

inslav

туация, выйти из которой можно, только пробудив самосознание этноса усилиями энтузиастов (которые, к счастью, есть у южных селькупов, но почти отсутствуют у северных). Широко распространенное выражение "язык умирает" следует понимать как "умирает желание носителей языка говорить на родном языке", что, в свою очередь, вызвано проводимой в стране национальной и языковой политикой и все усиливающейся русификацией.

В итоге видно, что официальная точка зрения и наблюдения исследователей не противоречат друг другу. Однако реальная картина культурно-языковой ситуации у миноритарных уральских народов Сибири с точки зрения тех, кто непосредственно исследует разные этносы, неодинакова – у одних она лучше, у других – хуже, чем даже можно предположить; и касается это как языка, так и культуры.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ НАРОДА – НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА НА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В РАЙОНЕ

Отношение к родному языку молодого и среднего поколения скорее безразлично-снисходительное, чем явно отрицательное или явно положительное. Как уже отмечалось, селькупский язык утратил большинство своих функций и сохранился (да и то ограниченно) только в качестве домашнего языка общения. Зато у молодых селькупов в с. Фарково намечается функция тайного языка: не владея по-настоящему языком, они объясняются с помощью корнесловов. Старшее поколение при этом осуждает как незнание молодыми родного языка, так и сам факт говорения на родном языке при посторонних, не владеющих им, считая это проявлением невежливости. В с. Красноселькуп М.И. Федорова (урожд. Ирикова) напела песню под названием "Свой язык знай!", в которой есть такие строчки: "Сейчас (най)[4] новое время.

[4] В селькупской (как, впрочем, и в ненецкой) народной песне, по словам Ю.П. Юнкерова, "вокальная интонация играет второстепенную роль, так как подчиняется словесному тексту и его ритму, то есть его художественному образу" [Юнкеров 1999, с. 3]. В песне селькупов отсутствует рифма, а в строфе – разное количество слогов. Недостающие слоги поющий восполняет восклицаниями (в данном случае – най), которые не несут смысловой нагрузки: "Ти най щенты челоқын. Ийматый щöй қумын Онтын этымтын аща кыкөтыӊ най Куты онты этымтыны, най Аща тэнымыӊыты. Онты торяты, онты торяты, най" (сохранена орфография издания: Федорова 1999, с. 27).

inslav

Молодые селькупы Родной язык не любят (най). Кто свой язык (най) Не знает, Это беда, его беда (най)" [Федорова 1999: 26–27].

Молодые селькупы на вопрос, надо ли детям учить родной язык в школе, отвечают: пусть изучают, свой язык надо знать (а про английский говорят: надо изучать, вдруг пригодится). Из этих ответов следует, что селькупы не верят в то, что родной язык может пригодиться их детям. У молодого поколения селькупов произошло отталкивание от родного языка, добровольный отказ от пользования им. Вместе с тем можно отметить потребительское отношение к родному языку: называть селькупский родным языком выгодно, поскольку для селькупов существуют разного рода льготы. В результате еще теплится преподавание селькупского языка как предмета изучения в младших классах школы.

В нескольких небольших селениях Красноселькупского и Туруханского р-нов (несмотря на то, что носителей селькупского в них может быть меньше, чем в административных центрах) знание языка у представителей этноса иногда находится в лучшем состоянии, чем в базовых поселках с преобладающим селькупским населением, где на язык производится больший прессинг со стороны администрации и русскоязычного населения. Весьма существенным оказывается наличие / отсутствие в поселках языковой среды, с чем связана, в свою очередь, возможность / невозможность воспроизведения языка. Языковая среда сохранилась, напр., в пос. Толька (Пуровская), которая несколько раз меняла свое подчинение[5]. В Пуровском районе ЯН АО, где, по сведениям местной администрации 2000 г., числится 300 селькупов, подавляющее большинство – уроженцы пос. Толька, появившегося в этих местах на месте отдельных стойбищ в начале 1930-х гг. Еще в начале 1970-х гг. (несмотря на попытки дважды закрыть поселок) в нем было около 330 жителей-селькупов, из которых в настоящее время в селе осталось менее 100 человек: более 170 переселилось в райцентр Тарко-Сале (поселок городского типа с населением свыше 14 тыс.) и 30 человек живет в Пуровском районе в нескольких небольших селениях [Казакевич, Парфенова 2000а, с. 270–305].

[5] Районное переподчинение поселков в Северо-Западной Сибири – явление обычное. Так, пос. Пуровская Толька дважды ликвидировали (в 1940-е гг., а затем в 1980-е гг.) и дважды официально восстанавливали, переводя из Ларьякского р-на ХМ АО в Пуровский р-н ЯН АО.

inslav

Несмотря на перечисленные отрицательные факты, свидетельствующие об угасании селькупского языка в районах проживания северных (тазовско-туруханских) селькупов, одновременно наблюдается и другое явление: парадоксальное пробуждение интереса к жизни предков при невостребованности языка в жизни, при полном нежелании молодых (исключения только подтверждают правила) говорить по-селькупски[6]. **Пробуждение самосознания** у одних малочисленных народов, подготавливаемое исподволь, совпало с началом перестройки, у других наметилось в последнее время. Проявляется оно по-разному у разных народов.

У нганасан, ненцев, ханты и манси это произошло раньше, чем у селькупов. У ненцев, ханты и манси этому способствовало наличие собственной автономности. О росте самосознания у этих этносов свидетельствуют, напр., ежегодно проводимые у обских угров медвежьи игрища, появление собственных писателей, поэтов (Ювал Шесталов, Еремей Айпин, Л.В. Лапцуй, М.К. Вагатова-Волдина и др.), музыкантов (Семен Николаевич Няруй у ненцев), художников (Геннадий Степанович Райшев у ханты, ср. Мотюмяку Сочуптеевич Турдагин у нганасан) и т.д. Наиболее яркой формой проявления способностей самодийских и обско-угорских народов в области культуры является орнамент, изучением которого занимались этнографы, в том числе – представители местного населения [Молданова 1999, Сязи 2000; Лукина, Рындина 2002]. Многие исследователи особо отмечали художественную одаренность селькупов. Рисунки селькупов-школьников запечат-

[6] Известен случай, когда две женщины из разных селькупских диалектов, выйдя замуж за русских мужчин и приехав в одно село (с. Бакланиха Туруханского р-на Красноярского края), начали активно общаться между собой на селькупском языке. Или другая ситуация: муж с женой, оказавшись одни в эвенкийской деревне (с. Совречка того же р-на), разговаривают друг с другом по-селькупски, но постепенно один из супругов перестает говорить на родном языке, а другой сохраняет его, что может быть связано с индивидуальными особенностями человека, возможно, с его способностями к языку. Известны также случаи, когда в семье, уехавшей в город (Тюмень), начинают говорить с детьми на родном языке (иногда это может быть лишь один из родителей), объясняя свое поведение тоской по родному языку, на котором, живя в селькупском селе (Фарково Туруханского р-на), человек не хотел говорить. О подобных попытках носителей языка заняться воспроизведением родного (энецкого) языка пишет и В.П. Кривоногов [Кривоногов 1998: 195–202]. Аналогичных случаев можно привести много, но общая направленность процесса затухания родных языков (даже там, где сохраняется языковая среда, как, напр. в пос. Ратта Красноселькупского р-на Тюменской обл. [Казакевич, Парфенова 2000а]) неоспорима и очевидна.

inslav

лены в статье Е.Д. Прокофьевой [Прокофьева 1961]; о художественной обработке бересты селькупами писала О.М. Рындина [Рындина 1999]. Известный краевед И.М. Мягков [Мягков 2001: 79], совершивший несколько экспедиций к хантам и селькупам, писал о последних: "Туземец живет среди искусства, в то время как европеец – около искусства. У туземцев Сибири отсутствует искусство монументальное, что объясняется кочевым образом жизни. Отсутствует и станковое искусство. Главным же моментом в выявлении художественного творчества туземцев является декоративное искусство (орнамент), которое имеется почти на каждом предмете быта туземцев: на одежде, посуде, принадлежностях охоты, скотоводства и пр." Автор приведенных строк сходство художественных форм у разных народов объясняет "не заимствованием, а одновременным самостоятельным возникновением их в результате сходных форм хозяйства" [Мягков 2001: 80]. Отсюда становится понятным и лучшая сохранность культуры у малочисленных этносов по сравнению с сохранностью языка, возможность ее реанимации. Следует добавить, что в последнее время стало возможным говорить о появлении у народов, о которых идет речь, локальных гибридных форм культуры – о поселковом варианте культуры, почти утратившем этническую самобытность, и лесном (или тундровом), сохранившем традиционное сознание, хотя и в трансформированном виде (подробнее см. [Кузнецова 2004]).

Формы проявления самосознания народа могут быть самые разные. Одной из них является интерес к своей "малой родине", к своей родне, к тому, что Евдокия Александровна Кузакова назвала "Древо моей жизни". Речь идет о родословной мансийской семьи Чейметовых из деревни Евра. Е.А. Кузакова в течение трех лет терпеливо собирала материал о членах большой семьи, вела переписку со все новыми и новыми разъехавшимися по всей стране родственниками и свойственниками и в результате установила, что "в шести поколениях (седьмое не завершено) насчитывается 607 членов рода, 153 человека из них – Чейметовы" [Кузакова 1996: 58]. По словам автора, понятие "род" – исчезающее и почти не употребляющееся, причина чего кроется в многочисленных переселениях людей и в смешанных браках. От древа Чейметовых деревни Евры, по разысканиям Е.А. Кузаковой, отпочковалось более 50 других фамилий, представленных разными национальностями.

Формами проявления наметившегося самосознания у селькупов можно также считать **интерес к собственной родословной,**

inslav

интерес к жизни предков. В последние годы расширяется музейная работа; увеличивается время телевизионных передач о селькупах на русском и на родном языках; организуются кружки (напр., песен и танцев). В Красноселькупе в детском доме имеется кружок "Уроки предков", ведет его В.В. Тамелькина. Именно в данном кружке удалось пробудить интерес детей к собственной родословной и построению генеалогического древа. Далеко не каждый человек может похвастаться знанием пяти колен своих предков, что отражено в своеобразно нарисованном с помощью руководителя кружка генеалогическом древе ученицы 5-го класса Красноселькупской школы Тонкиной Ирины Сергеевны 1990 г. рождения (см. рис. на с. 400 под № 8), племянницы Валентины Владимировны Тамелькиной (№ 7). В этом древе[7] обращает на себя внимание неравномерность ветвей: со стороны матери предки известны Ире до пятого (включительно) поколения и с разными подробностями из жизни предков, а со стороны отца – лишь до второго колена (включительно) по восходящей линии при плохом знании двоюродных братьев-сестер и их родителей (собственных дядей). Во многом этот факт можно объяснить тем, что помогающая девочке тетка сама плохо знает свойственников со стороны новой родни сестры.

В роду Иры Тонкиной со стороны матери были известные селькупские шаманы (по отцовской и материнской линиям ее матери, бабушки Иры). Самым знаменитым шаманом был пращур Калин Давыд-ира (Давыд-старик), по прозвищу Тама (букв. 'мышь'). Мышь относится к хтоническим животным, живущим под землей; шаман Тама был шаманом, путешествующим в Нижний (Подземный) мир (№ 2). Были шаманы и среди Кусаминых (№ 1 и № 3). Прозвище (имя) Кусамина Момыка-ира (Момыка-старик) происходит от селькупского *mōmqo* 'сойти с ума'. Наряду с шаманами в роду, видимо, были и попы. Именно так объясняется имя жены Тамелькина Панкрата (№ 4) Повсират Панька, то есть попа-старика Панька (возможно, *popty-irat pan'-ka* > [poftirat > pofsirat]). Среди предков некоторые известны больше по прозвищу. Так, Калина Анна Панкратьевна (прабабушка Иры; родителями Калиной были Тамелькин Панкрат и Повсират Панька) имела тетку Полину по прозвищу *Töqat qopy*

[7] Приношу искреннюю благодарность Н.Л. Шибасовой и Л.М. Захарову за помощь в компьютерной обработке рисунка древа своеобразной формы (горизонтальное расположение), сделанного мною в уменьшенном виде с рисунка В.В. Тамелькиной, первоначальный размер которого был 1 × 3 м.

inslav

‘гусиная кожа’ (№ 5), происхождение которого и фамилия тетки забыты.

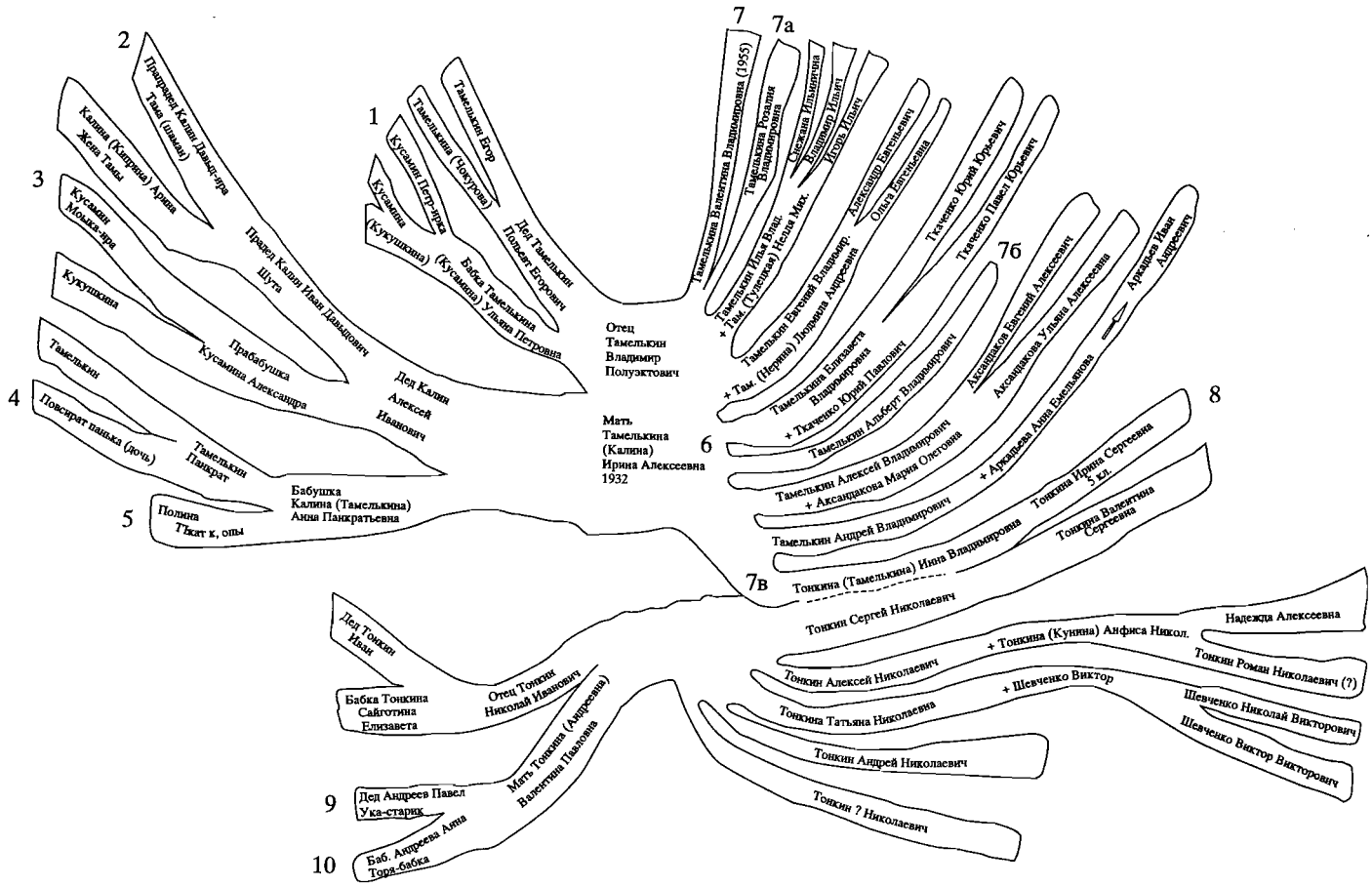
При изучении родословной у людей пробуждается **интерес к происхождению исконно селькупских имен и прозвищ,** оживающих в памяти народа. Прозвища даются разным людям в разные годы их жизни и вызываются разными причинами, что может быть подтверждено и данным генеалогическим древом, где отмечен (под № 9) прадед Иры Тонкиной Ӱка-старик (üqa-ira), означающий ‘счастливчик’ (букв. ‘шапка-старик’, т.е. ‘в шапке родившийся’. Ср. рус. ‘в сорочке родившийся’), и прабабка Анна Андреева (№ 10) Торä-бабка (torä ‘беда’). Второе прозвище появилось и ‘прилипло’ к человеку только после того, как было замечено, что в жизни ей сопутствует постоянно беда. А вот прозвище Қара [Qara] появилось у дальнего свойственника этой семьи с пеленок, поскольку он в детстве всегда кричал qarr-qarr...

В сравнительно недалеком еще прошлом у всех самодийских, обско-угорских и многих других народов ребенку при рождении давали имя-оберег от злых духов, от сглаза, обычно скрываемое от посторонних людей. Часто имена давались по названию того места, где человек родился, напр., Александр Тимофеевич Кусамин известен под именем реки, на которой он родился, – Ширта-старик (širt-ira). Способы имянаречения, как и антропонимика вообще, неоднократно привлекали к себе внимание и этнографов, и лингвистов, изучавших имена, клички, прозвища у разных уральских народностей (см. работы и словари имен: [Атаманов 1988, 1990; Черных 1995, 1996; Тыликова 2002; Лаптандер 2002 a, b; Малиновская 1995] и др.).

Жители с. Фарково с удовольствием рассказывают про историю возникновения прозвищ у своих односельчан. В одних случаях прозвище присваивалось человеку по той или иной характерной для него черте характера или внешнему признаку: *Потыр-ира* ([pōtyr ira] букв. ‘завязка на бакарях старик’; старик ‘украшал себя’ завязками на бокарях); *Пыкыл-ира*-(чопсыты) ‘отекший-старик-(покойный)’ (< *pykymōtqo*, *pykymatpa* ‘отекать, отёк’, то есть старик с желваком, который у него был на щеке. Ср. также: < *taŋkycyqo*, *taŋkypyl’* ‘распухать, опухший’); *čip-ira* ‘жадный, скупой, (< *čimyl’qaty* ‘склеенные ногти, т.е. клеящий к себе всё’); *säqy-unDy-ira* > *säqyunDira Щакундыра* ‘чернобородый старик’ (букв. ‘черная борода старик’); *küšäńča-ira* ‘старик, страдающий недержанием мочи, “писун”’; *čumpyra* (< *čumpy-ira*) ‘длинный старик’ и т.п.

inslav

inslav


Отец
Тамелькин
Владимир
Полуэктович
Мать
Тамелькина
(Калина)
Ирина Алексеевна
1932
1
Тамелькин Егор
Тамелькина (Чекулова)
Кусаинт Петр-ч.
Кусаинна
(Кукушкина) (Кусаинна) Ульяна Петровна
Бабка Тамелькина
Дед Тамелькин
Полиэкт Егорович
2
Прапрадед Калин Давыд-ч.
Тама (шаман)
Калина (Китрина) Арина
Жена Тамы
3
Кусаин
Мокка-ч.
Кукушкина
Прадед Калин Иван Давыдович
Щута
Прабабушка
Кусаина Александра
Дед Калин
Алексей
Иванович
4
Тамелькин
Повсерат панка (дочь)
Тамелькин
Панкрат
Бабушка
Калина (Тамелькина)
Анна Панкратьевна
5
Полина
Тыкат к, опы
6
Тамелькина Валентина Владимировна (1955)
7
7а
Тамелькина Руслана Владимировна
Тамелькин Илья Влад.
+ Там. (Тулецкая) Нелля Мих.
Елисеин Ильинична
Владимир Ильич
Игорь Ильич
Тамелькин Евгений Владимир.
+ Там. (Иерина) Людмила Андреевна
Александр Евгеньевич
Ольга Евгеньевна
Ткаченко Юрий Юрьевич
Ткаченко Павел Юрьевич
7б
Тамелькина Елизавета
Владимировна
+ Ткаченко Юрий Павлович
Тамелькин Альберт Владимирович
Аксандаков Евгений Алексеевич
Аксандакова Ульяна Алексеевна
Арсадков Иван
Андреевич
Тамелькин Алексей Владимирович
+ Аксандакова Мария Олеговна
+ Арсадкова Анна Емельяновна
Тамелькин Андрей Владимирович
Тонкина Ирина Сергеевна
5 кл.
Тонкина Валентина
Сергеевна
8
Тонкина (Тамелькина) Инна Владимировна
7в
Тонкин Сергей Николаевич
Надежда Алексеевна
+ Тонкина (Кунина) Анфиса Никол.
Тонкин Роман Николаевич (?)
Тонкин Алексей Николаевич
+ Шевченко Виктор
Шевченко Николай Викторович
Шевченко Виктор Викторович
Тонкина Татьяна Николаевна
Тонкин Андрей Николаевич
Тонкин ? Николаевич
Дед Тонкин
Иван
Бабка Тонкина
Сайготина
Елизавета
Отец Тонкин
Николай Иванович
Мать Тонкина (Андреева)
Валентина Павловна
9
Дед Андреев Павел
Ука-старик
10
Баб. Андреева Анна
Тора-бабка

Издревле сохранился обычай называть отца и мать по имени их первенца, что наблюдается не только у селькупов, но и у многих других финно-угорских народов. Так, к матери Олега обращаются *Al'kan əmy*! 'Мать Олега!' Или говорят: *Mariškan əsy türsa* 'Отец Марии приехал' и т.д.

Отождествление личности по речи говорящего могут производить не только лингвисты, но и коллектив, в котором живет человек. Именно окружающие человека люди оценивают его, выделяют в речи индивида наиболее характерную черту его речи и приклеивают ее к человеку как ярлык. Так рождаются клички, употребляемые в одних случаях только заглазно, в других – напрямую, при общении с человеком. Это встречается часто в любом сообществе, в том числе, у селькупов. Напр., в пос. Фарково есть два селькупа, одного из которых зовут *Ёлки зеленые*, а второго – *Ёлки-палки*. Как легко догадаться, первый то и дело вставляет в свою речь (как селькупскую, так и русскую) сочетание "ёлки зеленые", а другой – "ёлки-палки": *A sị̄llaka putylmōssa, ёлки зеленые, а... это... совсем как üsserpaty, это... kukany, kukany* "А соболь выскочил, елки-зеленые, а... это... совсем как пьяный, это... качается, качается".

Помимо интереса к истории и именам собственных предков в последнее время у северных селькупов пробуждается интерес и другого типа, уже давший свои плоды в Ханты-Мансийском АО [подробнее см. Кузнецова 2004]. Так, у северных селькупов соблюдение запретов своего рода и фратрии, сохранявшееся всегда, в последнее время привело к **желанию понять суть древних запретов**, узнать, чем они вызваны, с чем связаны приметы и т.п. С детства запавшие в душу и память ребенка запреты действуют всю жизнь. Напр., осенью (17 сентября 2004 г.) в Красноселькупе праздновали 60-летие района. К этому дню в поселке поставили три памятника, прославляющие сказочного героя селькупов Ичу, которого стали отождествлять с национальным героем. В скульптурах запечатлен Ича-рыбак, Ича-охотник и Ича-оленевод. В этой связи мне было рассказано, как многие охотники и рыбаки имеют в качестве талисмана "Ичу", сокрытого в яйцевом коконе паука или хрящик наподобие креста с верхней челюсти щуки, спрятанный в укромном месте. Если охотнику повезет найти такой кокон с яйцами, то ему должно везти в охоте; если же амулет потеряется, удача на охоте кончится и вообще могут на-

←

Генеалогическое древо Тонкиной Ирины Сергеевны (под № 8)

inslav

чаться неприятности. Рассказывавшая селькупка призналась, что ей в детстве всегда хотелось посмотреть, как выглядит "Ича", сидящий внутри кокона, но ни в детстве, ни теперь, в 40-летнем возрасте, она не рискнула сделать это и разломать "домик Ичи" ("береженого Бог бережет", как гласит русская пословица).

Усилиями энтузиастов (как русских, так и селькупов) стали открываться музеи не только на юге (в с. Колпашево), но и на севере (в Красноселькупе). Растет **интерес к национальной жизни и культуре.** В с. Красноселькуп, где в 2002 г. открылся музей, появились люди, интересующиеся своим фольклором. По телевидению показываются выступления самодеятельных ансамблей песни и танцев. Ведутся передачи (диктор Е.С. Сморгунова) из жизни селькупов, в том числе – на селькупском языке.

Кое-где начали создаваться кружки по изучению родного языка. Такой кружок ведет в с. Парабель у южных селькупов селькупка И.А. Коробейникова [Коробейникова 2001: 134–154]; в с. Иванкино – Н.П. Иженбина [2001: 126–131]. У северных селькупов по 20 мин. местное TV передает районные новости, среди которых встречаются передачи (правда, не регулярные) на селькупском языке. Одновременно возрос **интерес к фольклору.** Прекрасную коллекцию произведений народного творчества нганасан, ненцев и энцев собрал и издал К.И. Лабанаускас [Лабанаускас 2002]. В Салехарде издаются сборники песен народов Севера и песни местных композиторов (С.Н. Няруй), стихи поэтов-северян на родных им языках (М.К. Вагатова-Волдина). Активизация деятельности исследователей, собирателей произведений народного творчества во всех сферах искусства привела и к оживлению деятельности самих представителей народов, выступающих фактически в двух ипостасях: носителей языка и культуры и одновременно – ее исследователей, что уже произошло в ХМ АО.

Выпускается газета "Северный край" с фольклорной страничкой, к сожалению, тоже на русском языке. Инициатором этого был энтузиаст В.В. Рудольф, старший методист по фольклору, основавший в с. Красноселькуп первый музей. В 2002 г. для музея построено новое здание; среди работников есть и селькупы.

В одном из выпусков газеты я нашла посвящение Виктору Владимировичу Рудольфу, собирателю селькупских сказок, в котором приводятся его слова о необходимости народа знать собственное прошлое и знакомить с ним другие народы: «*Вот и настал долгожданный день, когда в одном из выпусков газеты "Северный край" представлено устное народное творчество*

inslav

всех групп северных селькупов: тазовских, туруханских (баишенских, фарковских) и пуровских (ларьякских). Путь к первому выпуску сказок был долог и труден в моральном плане, ибо нелегко сломать местнический стереотип мышления: что ближе, – то мое, что выходит за параметры моего околотка – не моя забота. И, возможно, во благо было бы это утверждение с чисто географической позиции (вспомним: мой дом – моя крепость). Понять это с натяжкой можно. Но когда дело касается разделенного народа, и картография выше общности языка, культуры, родственных связей, – трудно с таким положением согласиться. И если уж коснуться фольклора как неотъемлемой части духовного богатства народа, то достойны порицания и манкурты, не помнящие своего родства, и те, кто признают это родство только в своих стенах, отрицающие его за географическими границами, кем-то и когда-то очерченными без позволения на это самого народа. Ведь, согласитесь, нет, скажем, фольклора совхоза "Полярный" или – раздвинем границы шире – фольклора тазовских селькупов, ибо есть фольклор народа, а это – главное. Пусть не всегда воедино будут соседствовать, как сегодня, сказки, предания, мифы Таза, Туруханa, верховьев Толькы-речки (а стремиться к этому следует), но общность сути, стержневая основа устного народного творчества как единое целое, должны быть ощутимы всегда. Когда-то у селькупов был свой отличительный знак, своего рода селькупский герб – лук и стрела – символ единства мировосприятия, быта, культуры, и фольклор в этой цепи был связующим звеном. Помнить об этом надо и сегодня, возрождая духовные традиции народа» [Северный край 23.09.98 № 42 (688): 11][8].

В пос. Фарково среди молодых селькупов появилось желание сыграть пьеску с музыкальным сопровождением; было подготовлено шуточное представление с танцем и пением, содержание которого по-русски звучит так:

Посреди тундры стоял чум. Там жил оленевод.

Оленевод гонял (=пас) оленей.

В течение месяца там (=на пастбище) живет.

Когда пришел домой, упали руки его: чум разломали.

---

[8] Автор данных строк, видимо, не знает, что изображение лука и стрелы представляет собой тамгу и встречается в XVII в. у селькупов, энцев, ханты в качестве знамени князцов и рядовых членов рода, наряду с другими тамгами, среди которых было немало священных тамг.

inslav

Жена его плачет: Пришли чужие люди. Всю еду унесли.
Всех оленей увели. Сами мы спрятались.
Человек пришедший так говорит (жене): Так меня напугала.
Я думал, ты потеряла иголку. Все останемся без вещей!

Эту пьеску рассказала В.В. Чалкину, не говорящему по-селькупски, его мать, старая жительница села Е.С. Аверина. Сын записал текст кириллицей, с ошибками. Мета-информантами (т.е. посредниками между носителем языка, рассказавшим содержание, и исследователем, автором статьи) были носители языка, уточнившие запись пьески и помогшие в дешифровке ее. Пьеска-танец сопровождалась игрой на гитаре и пением на селькупском языке. Так, не зная языка, молодые селькупы исполняют народные песни[9], что свидетельствует о пробуждении у них интереса к своему языку и песням.

Все перечисленные позитивные действия самого коренного населения, появление селькупов с высшим образованием в селькупских поселках предоставляют единственный шанс на воскрешение (хотя бы частичное) селькупского языка, без которого немыслимо и существование культуры, фольклора. Делаются первые попытки издания фольклорных произведений на языке оригинала с переводом на русский язык для всех уральских малочисленных народов Сибири, включая и селькупов. Скорее, рано или поздно все канет в Лету. Существование народности без знания родного языка неминуемо ведет к этнической ассимиляции, в результате чего селькупское население превратится в локальную этническую группу русского народа. К сожалению, к этому дело идет, но, возможно, процесс растянется на полстолетия или даже более, хотя сами селькупы старшего поколения мрачно предрекают полное вымирание своего языка через 30 лет (что, можно считать, уже произошло с энецким языком, поскольку воспроизводства языка нет, и энецкий не ведется в школе даже на правах языка изучения).

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Взгляд на этнокультурные и этноязыковые проблемы в контексте процессов современной интеграции (глобализации) и этнодифференциации позволяет выделить по крайней мере четыре

[9] Исполнение песен на языке, которым человек не владеет, наблюдается достаточно часто. Напр., в 1960-е гг. мне довелось слышать пение на ненецком языке колвинских ненцев, говорящих только на коми-зырянском языке.

inslav

точки зрения (попарно близкие) на ситуацию, существующую в настоящее время у самодийских и обско-угорских малочисленных народов Сибири.

1. Официальная точка зрения на состояние языков и народов-аборигенов северо-запада Сибири имеет двойной характер отражения – в отчетах, направляемых начальству, и газетных статьях, призванных либо воспевать, либо критиковать ситуацию, сложившуюся у аборигенов Западной Сибири. Журналисты (особенно не из числа местного населения) пишут, не вникая в суть проблем, не понимая ситуации.

2. В научных исследованиях и обсуждениях тех же проблем хладнокровно описывается процесс адаптации, охватывающей все сферы жизни этноса (и особенно языка), хотя осуществление данного процесса в каждой сфере обладает своими особенностями. Многие сведения бывают взяты из похозяйственных книг, в которых фиксируется, где и какое время учился тот или иной человек, чем занимается, кто родители и т.д. В результате часто складывается мнение о языковой ситуации, отличное от полученного из официальных отчетов.

3. Очевидец, приехавший из другого места, часто воспринимает, с одной стороны, с ужасом и болью увиденное собственными глазами, с другой стороны, с сочувствием и желанием помочь людям.

4. Взгляд на собственную жизнь у малочисленных народов неодинаков у разных представителей народа. Одни (среди них большинство молодых) сознательно отказываются от родного языка и культуры, другие стараются их оживить, жалея об утрате прежнего образа жизни (старшее поколение). Оживить интерес к языку и культуре можно, осуществляя это через кружки языка, рисования, музыки, шитья национальной одежды, рассказывая сказки с небольшой дозировкой на родном языке и т.п. Однако для всего этого необходимо изменить форму обучения, во время которого изучение родного языка как иностранного должно длиться все 10 лет. Но этого не будет. Именно об этом шла речь в статье. При этом полностью реанимировать культуру и язык невозможно, возникают некие гибридные формы культуры.

inslav

ЛИТЕРАТУРА

Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988.

Атаманов М.Г. Словарь личных удмуртских имен. Ижевск, 1990.

Иженбина Н.П. Разнообразные виды деятельности на уроках родного (селькупского) языка // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 126–131.

Казакевич О.А., Парфенова О.С. Языковая и этнокультурная ситуация в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа; Этнические и языковые общности поселка Советская Речка Туруханского района // Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Статус и функции. М., 2000. (a) С. 270–303; (b) С. 304–308.

Коробейникова И.А. Методические разработки по селькупскому языку // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 134–154.

Кузакова Е.А. Древо моей жизни // Северные просторы. 1996. № 3–4. (М.) С. 58.

Кузнецова А.И. Взгляд лингвиста на реконструкцию традиционного сознания у самодийских и обско-угорских народов // Традиционное сознание сквозь времена. Образ, символ, понятие. Томск, 2004. С. 47–59.

Лабанаускас К.И. (автор-составитель). Родное слово: энецкие песни, сказки, исторические предания, традиционные рассказы, мифы. СПб., 2002.

Лаптандер Т.Б. Неофициальные именования замужних женщин коми-зырян (ижемцев) // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002a. С. 78–84.

Лаптандер Т.Б. К этимологии антрополексем, участвующих в образовании неофициальных именований у коми-зырян // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002b. С. 85–97.

Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002.

Лукина Н.В., Рындина О.М. Система признаков для описания орнамента // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002. С. 53–64.

Малиновская С. Традиционное имя как отражение социальной организации (на материале нарымских селькупов) // FU 8, Pars II. Jyväskylä, 1995. P. 234.

Молданова Т.А. Орнамент хантов Казымского Приобья: семантика, мифология, генезис. Томск, 1999.

Мягков И.М. Заметки об искусстве туземных племен Сибири // Междисциплинарное изучение этносов Сибири. Томск, 2001. С. 77–83.

Письменные памятники мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М., 2003.

Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // СМАЭ. Т. XX. Л., 1961. С. 54–74.

Рындина О.М. Береста и декоративные традиции селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Материалы и исследования к "Энциклопедии Томской области". Томск, 1999. С. 153–162.

Сязи А.М. Орнамент и вещь в культуре хантов Нижнего Приобья. Томск, 2002.

Тыликова Е.И. Прозвищные именования сынских хантов // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 10. Томск, 2002. С. 98–104.

Федорова М.И. Онянты этамты тэнымят (Знай свой язык) // Сборник песен народов Севера. Вып. 3: Старинные и современные селькупские песни. Салехард, 1999. С. 26–27.

inslav

Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола, 1995.
Черных С.Я. Марийская антропонимия: истоки формирования и пути развития. Йошкар-Ола, 1996. 63 с.
Юнкеров Ю.П. По проторенным предками тропам // Сборник песен народов Севера. Вып. 3. Салехард, 1999. С. 2–6.

А. Рангелова, Л. Яновец
(Чехия)

К ПРОБЛЕМЕ РЕЧЕВОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ ПРИ НЕФОРМАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ В ЧЕХОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

Статья представляет собой опыт пробного зондирования проблемы интеграции иностранцев в новую иноязычную среду. Предметом рассмотрения будет служить речевое общение в неформальной коммуникативной ситуации. Об актуальности проблематики интеграции иностранцев в чешском обществе свидетельствуют многочисленные публикации самой различной направленности – назовем лишь выборочно периодическое издание "Lidé města" (особенно выпуск 11 "Česká společnost a etnické skupiny", 1997); публикацию Чешского статистического центра "Cizinci v České republice" (2001); укажем и работу Л. Шатавы [Šatava 2001], а также публикацию С. Броучка, К. Грубого, А. Мештяна [Brouček, Hrubý, Měšťan 2001], Шишковой [Šišková 1998, 2001], Чеховой, Зимовой [Čechová, Zimová 2001] и т.д.

Понятие "интеграционный процесс" по своей сути является комплексным, оно включает в себя социальные, экономические, общекультурные и психологические факторы. В лингвистическом отношении наиболее важным представляется процесс овладения мажоритарным языком, причем в такой степени, чтобы уровень языковой компетенции был достаточным для успешной социальной реализации в иноязычной среде. В ходе этого процесса за относительно короткое время может возникнуть особая специфическая форма билингвизма, характеризующаяся неполным овладением функционально-стилистическим спектром чешского языка. Это означает преимущественное знание разговорного языка, что же касается литературного языка, то степень владения им практически у половины респондентов является ни-

inslav

чтожной – так, подавляющее большинство опрошенных говорит о языковых трудностях, с которыми они сталкиваются при официальном общении, особенно при составлении письменных текстов.

В нашей работе мы оперируем устными текстами представителей болгарской, украинской, а также русской переселенческих меньшинств. Следует отметить трудоемкость сбора, необходимого для исследования материала. Мало того, численность респондентов разной национальной принадлежности в известном смысле является неравномерной: больше всего текстов было получено от болгар; меньше всего – от русских. Несмотря на это, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать некоторые наблюдения общего характера о типах релевантных интерференционных явлений в речи носителей разных славянских языков.

В процессе работы нами изучались типы языковых ошибок, по которым можно судить о некоторых расхождениях, существующих между родным и осваиваемым языками. Дело в том, что вычлененная лишь по языковому признаку миноритарная коммунита в социальном отношении весьма разнородна. В связи с этим мы и решили пойти на выборочное зондирование, ориентированное на изучение качественных параметров процесса интеграции. В наши задачи входило понять и соответствующим образом интерпретировать взаимосвязь и закономерности речевого поведения иностранцев в ситуации контакта с мажоритарным социумом, осуществляемого на его, т.е. мажоритарном языке.

До конца 80-х годов XX в. Чешская Республика относилась к числу так называемых "эмиграционных" стран, т.е. беженцы устремлялись из нее в другие страны. После ноября 1989 г. она стала, напротив, страной "иммиграционной", причем отчасти целевой, отчасти – "транзитной".

Иностранцы, находящиеся на территории Чешской Республики, в юридическом отношении делятся на несколько групп в зависимости от их официального статуса нахождения на территории страны: а) беженцы, претендующие на предоставление им политического убежища или же лица, претендующие на статус беженца; б) лица с правом краткосрочного пребывания на территории государства; в) лица с правом длительного пребывания на территории государства; г) иностранцы с правом постоянного пребывания на территории Чешской Республики; д) национальные меньшинства [ср.: Šišková 1998: 49; Cizinci 2001; Možný 2002].

inslav

Первая и вторая группы для решения стоящих перед нами задач не столь существенны, так как они не могут поддерживать полноценные контакты с мажоритарной коммунитой. Мало того, по крайней мере, до 1989 г. претендентов на убежище среди лиц, относящихся к названным выше трем национальностям, практически не было, если они и появлялись позже, то в очень ограниченном количестве.

Представители последней группы – национальные меньшинства – с точки зрения их гражданского статуса полностью интегрированы в чешское общество, однако в культурном и социальном отношении меньшинство сохраняет свои специфические черты: национальное самосознание, тип идентификации с мажоритарным населением и одновременно выделения из него. Национальное меньшинство обычно характеризуется двояко: или как *группа лиц одной и той же национальности, проживающая в среде инонационального большинства* (количественный критерий), или *как группа лиц одной и той же национальности, находящаяся на данной территории в численном меньшинстве, в то время как в другом государстве та же самая национальность является мажоритарной* (критерий отношения к национальному государству, находящемуся за пределами территории, населяемой меньшинством; при подобном подходе содержание термина "национальное меньшинство" несколько обедняется, так как из него исключаются меньшинства, не образующие собственного народа [ср. также: Šišková 1998: 199]). Критерий гражданства, важный при правовом вычленении меньшинства, для нашей проблематики не является релевантным.

Большинство наших респондентов относятся к лицам, имеющим разрешение или на длительное пребывание на территории государства, или на постоянное проживание на территории Чешской Республики (группы "в" и "г"). Для проводимого нами исследования значимы такие признаки, как родной язык и национальное самосознание респондента, в то время как их юридический статус принципиального значения не имеет. Отметим только, что нижняя граница длительности пребывания нами ограничивалась годом.

Из общего количества интервью (21) для языкового анализа были отобраны 10, впрочем, при анализе внеязыковых аспектов интеграции использовались все записи. Выборка еще больше "усреднялась" путем отсечения записей тех респондентов, которые хуже или же, наоборот, лучше всего владели чешским языком.

inslav

Предлагаемая вниманию читателя статья возникла в результате анализа текстов, собранных в рамках работы над проектом *Řečová integrace cizinců v oblasti slovní zásoby*, выполнявшимся в Институте чешского языка АН ЧР в период 2001–2003 гг. В работе изучались социолингвистические аспекты речевой интеграции, а также овладения чешским языком как иностранным представителями русской, болгарской и украинской национальностей, проживающими на территории Чешской Республики более одного года. При проведении исследования учитывались: место (страна) рождения, языковая среда в семье, образование[1], (отчасти) профессия и место работы. Принимались также во внимание взгляды респондента, мотивация поведения, поскольку именно мотивация оказывает большое влияние на уровень овладения мажоритарным языком.

В лингвистическом отношении первостепенный интерес представляет изучение языковой специфики интеграционного процесса, участником которого является индивидуум, владеющий, по крайней мере, своим родным языком. В ходе повседневного языкового общения отчетливо выявляется контакт двух родственных языков. Чешский язык (равно как и наблюдаемые близкородственные языки) является флективным языком с развитой системой окончаний, которые нередко совпадают с окончаниями родного языка иностранца. Вместе с тем наблюдаются и типологические различия в грамматической структуре: так, чешский, русский и украинский языки относятся к языкам синтетическим, в то время как болгарский является языком аналитическим. Родство изучаемых языков проявляется и на лексическом уровне. Так, при наличии большого количества специфических лексем, характерных именно для данного, конкретного, языка, есть немало сходных слов, главным образом, праславянского происхождения. Обращает на себя внимание и наличие большого количества иностранных слов, как правило, интернационализмов (прежде всего это англицизмы), употребление которых обусловлено современным социоэкономическим развитием общества, оказывающим влияние и на эволюцию словарного состава славянских языков [Мартинцова, Рангелова 1996].

При овладении близкородственным иностранным языком наблюдаются многочисленные интерференционные и трансфер-

[1] Иностранцы, получившие специализацию “богемистика”, в выборку не включались.

inslav

ные явления. Под первыми мы имеем в виду *негативное* влияние одного языка (обычно родного) на речевую практику на другом языке; под вторыми понимается *позитивное* влияние, оказываемое одним языком, обычно родным, на овладение другим языком. В качестве примера последнего можно привести аналогичное использование сходных или же очень похожих конструкций (иногда феномен трансфера специально не выделяется, а вводится в состав явлений интерференции как один из его типов). Предметом нашего внимания будет служить прежде всего интерференция как таковая (анализ ошибок), так как на практике идентификация трансфера может быть затруднительной.

МЕТОДИКА СБОРА МАТЕРИАЛА

В намерения авторов (ср. также Janovec, Rangelova 2003) входило выявление текстов, максимально иллюстрирующих речевую интеграцию иностранца. Они весьма близки к повседневному речевому поведению, характерному для спонтанных неподготовленных высказываний на иностранном языке в сфере главным образом неформальной, деловой или же частной коммуникации. С этой целью мы прибегали к прямой фиксации устной речи респондента на магнитофонные кассеты (продолжительность интервью составляла от 30 до 90 минут). Общение проходило в виде направляемой беседы и биографического рассказа[2].

Принципы и правила сбора, обработки и хранения языкового материала (с учетом их эффективности и возможности варьирования) предварительно апробировались на респондентах и только после их частичной коррекции использовались при основном обследовании.

При ведении диалога применялись заранее подготовленные вспомогательные темы, служившие в своем роде ориентационной рамкой. Поскольку респондент мог отказаться говорить на тему, которая его не устраивала, основное внимание уделялось теме, наиболее интересной для респондента. Личные сведения о

[2] Использование скрытого микрофона в качестве возможного варианта изначально исключалось по этическим и правовым причинам. Таким образом, в течение всего диалога респондент знает об использовании диктофона, в связи с чем приходится принимать во внимание некоторую степень внутренней цензуры и самоконтроля. Невзирая на это, факт неподготовленности высказывания гарантируется, в ходе прямой интеракции между анкетером и респондентом обычно удается создать атмосферу доверительности и непосредственности.

inslav

респонденте (его полные имя и фамилия, точное место происхождения и проживания в настоящее время) для сохранения анонимности не фиксировались. Для поддержания контакта во время разговора использовалось лишь имя; географические сведения фиксировались в самом общем виде (например, ... *я происхожу из небольшого города в Центральной России...; я живу в большом городе на севере Чехии...*).

Каждое интервью состоит из трех частей:

1. Вступительный, мотивационный разговор, т.е. фаза знакомства, установления первого контакта между анкетером и респондентом. Во время этой фазы, не фиксируемой на кассету, анкетер разъясняет респонденту цель и задачи проекта. Целью мотивационной беседы является преодоление коммуникативного барьера, смущения, волнения и недоверия со стороны респондента. Во время этой фазы анкетеру важно смягчить негативные моменты опроса, избежать некоторых проблем и вопросов, неприятных для респондента (так, например, респондент не хочет говорить о своей семье, находящейся в стране, из которой он приехал, о своей работе на территории Чешской Республики и т.п.).

2. Чаще всего в диалоге затрагиваются следующие темы: социальные рамки, в которых проходит интеграция (продолжительность пребывания в ЧР, время и обстоятельства приезда, профессия, семейное положение, образование, место (или же места) пребывания, цель приезда, контакты со своей страной, контакты с чехами и земляками, непрофессиональные интересы, вероисповедание); диспозиционная информация (где, как и почему респондент изучает чешский язык, действительно ли ему нужно знать чешский язык, что и на каком языке он читает, смотрит по телевизору, слушает по радио и т.д.); взгляды и точка зрения респондента (отношение к чешскому или же к другим иностранным языкам, сравнение их с родным языком, проблемы, возникающие при изучении языка, юмор); саморефлексия иностранца в иноязычной среде (трудности и недоразумения при официальной и частной коммуникации, как он воспринимает мажоритарный язык и мажоритарный социум, как воспринимают его самого как представителя меньшинства).

3. В финальной части диалога приносится благодарность респонденту, еще раз уточняется некоммерческий характер проекта, а также то, что анонимность респондента будет сохранена. Помимо этого, подчеркивается, что некоторые фрагменты неличного характера могут быть использованы в специальных иссле-

inslav

дованиях, выясняется также вопрос о возможности установления контакта с другими иностранцами. На этом собеседники прощаются.

После завершения разговора кассеты снабжаются соответствующим комментарием, содержащим основные сведения о респонденте (возраст, национальность, информация о членах семьи), а также кодом, соответствующим коду транскрибированной записи. В дальнейшем и сама запись, и ее акустическая фиксация архивируются электронным способом. Правила транскрипции, в несколько упрощенном виде, соответствуют методике транскрибирования устных текстов, используемой в публикации Я. Гоффманновой, О. Мюллеровой и Э. Шнейдеровой [Hoffmannová, Müllerová, Schneiderová 1992].

ЯЗЫК И ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Язык является очень важным компонентом идентичности личности, этому способствуют такие факторы, как преемственность, неизменность окружающих обстоятельств. При начальном контакте с новой средой индивидууму, находящемуся в состоянии культурного шока, приходится решать целый ряд проблем: при утрате прямого контакта с первоначальным окружением сильнее всего переживается невозможность непосредственного контакта с родным языком, а также утрата или же ослабление прежних социальных связей [Marlinová 2003]. Идентичность (включая и национальное самовосприятие) заключается в продолжении и сохранении норм и системы ценностей, воспринимаемых индивидуумом как свои собственные; ср.: "идентичность проявляется прежде всего в стремлении к преемственности, к сохранению множества стабильных черт, традиций и привычек из своего детства и молодости, проведенных эмигрантом на своей исторической родине" [Diamant 2003: 175].

К числу важных факторов, оказывающих влияние на интеграцию, относятся сходство или же отличие первоначальной культуры и культуры новой, а также знание языка и культуры новой среды. Некоторые авторы разграничивают адаптацию и интеграцию как разные ступени приспосабливания к новой среде: "интеграция есть высшая ступень адаптации, ее можно воспринимать как успешное включение в новую среду, в которой эмигрант не только чувствует себя комфортно, но и сама среда относится к нему доброжелательно" [Diamant 2003: 173]. Процесс ин-

inslav

теграции мотивируется желанием индивидуума сжиться с новым социумом, сохраняя при этом собственную цельность и идентичность, установить как можно больше позитивных отношений с новым обществом (на работе и в личной жизни). Возникающая в такой ситуации идентичность позволяет соединить положительные черты обоих обществ и народов. Проблематичной, впрочем, является идентичность следующего поколения, сохраняющего кратковременные или же спорадические, зачастую опосредованные связи с исконной культурной средой.

Рассматривая успешную интеграцию через призму эволюции личности, следует отметить, что под влиянием новой культуры исконная идентичность иммигранта укрепляется, расширяется и обогащается, причем развивается селективная идентификация с новой культурой – ценностные аспекты новой культуры интериоризируются, воспринимаются новые модели поведения [Marlinová 2003: 187]. В этом процессе, разумеется, играют важную роль черты характера индивидуума, его способность к адаптации, восприимчивость, способность развивать и сохранять вспомогательные интерперсональные отношения.

В ходе преодоления первичного культурного шока можно наблюдать и различные проявления псевдоадаптации. В этом случае индивидуум или замыкается в своей этнической группе, идеализирует прошлое, зачастую критикуя и отвергая новый социум, или же происходит ускоренная имитация нового социума и его некоторых свойств, т.е. новая страна и социум воспринимаются некритически. Как отмечается в Диаманте [ср.: Diamant 2003], к числу основных типов искаженной интеграции относятся: *гипоинтеграция* (отрицательное отношение к новой культуре, слабое владение языком, добровольная социальная изоляция, стремление ограничить свое общение лишь контактами с земляками) и *гиперинтеграция* (стремление слиться с новым окружением, скрыть свое происхождение, как можно быстрее научиться говорить на языке своей новой родины, не используя при этом родной язык даже в частном общении).

ВНЕЯЗЫКОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ УСПЕШНОГО РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИИ

Что касается внеязыковых предпосылок, то здесь существенное значение имеет общая социально-психологическая мотивация эмиграции. Она отражает влияние общей ситуации в первич-

inslav

ном социуме, довольно сходной у всех наблюдаемых групп населения – это перестройка общественно-политической структуры в трех славянских странах. Большую роль играет тип миноритарного этнического континуума (анклав, диаспора, дисперсная группа), к которому наблюдаемые группы иностранцев относятся. Данные экстралингвистические обстоятельства сильно влияют на протекание интеграционного процесса, стимулируют его или же, напротив, тормозят. У болгар следует учитывать и то, что их миграция осуществлялась по крайней мере тремя волнами [см.: Побратим 1994; Гърдев 2003 и др.].

Весьма существенным является тот факт, что для наших респондентов эмиграция не была вынужденной, их контакт с родиной не прерывается ни насильственно, ни окончательно. В новом (чешском) окружении все три коммуниты образуют группы дисперсного типа, что способствует установлению тесного контакта с мажоритарным социумом и его языком. Психологи едины в том, что восприятие отличий является основной причиной отторжения – у наблюдаемых нами этнических групп восприятие отличий находится на низком уровне, причем это происходит в обоих направлениях, а именно: как миноритарная коммунита воспринимает мажоритарную и наоборот. Восприятие отличий иностранцев даной группы проявляется прежде всего в устной коммуникации.

Стимулирующее влияние на интеграционный процесс оказывает то, что речь идет об относительно близких в культурном отношении этносах, которые вдобавок – и это особенно важно – сами осознают эту близость. Специфические черты характера и интеллекта индивидуума могут как ускорять, так и тормозить интеграционный процесс. Немаловажно и то, как относится к эмигранту новое окружение, какой будет его самореализация в нем. На скорость и границы интеграции влияет также конкретная среда, в которую попадает иностранец, ее стереотипы, касающиеся как иностранцев вообще, так и нации, к которой иностранцы относятся [подробнее см.: Kabela 2001: 48–49].

Из внутриязыковых предпосылок существенную роль играет факт родства языков. Так, в нашем случае речь идет о близкородственных языках, имеющих общеславянский словарный состав, а также сходную типологическую характеристику.

inslav

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДИАЛОГОВ

Исследование проводилось в различных городах Чешской Республики, причем контакты с респондентами устанавливались с помощью информаторов (т.е. знакомых и родственников руководителя проекта и его коллег) или же самих респондентов. Среди опрашиваемых преобладали лица с высшим образованием, работающие по полученной ими специальности, а также предприниматели. Большинство респондентов переселились в Чехию вместе со своими семьями или же создали свою семью здесь. Допуская возможное расхождение между декларируемым и реальным положением вещей, следует все же признать, что подавляющее большинство опрошенных считают свою интеграцию в чешском социуме успешной. Овладение мажоритарным языком они расценивают как фактор успешной интеграционной стратегии. Респонденты, как правило, не посещали курсы чешского языка ни у себя дома, ни после переезда в Чешскую Республику. У себя дома они говорят на родном языке; дружеские отношения чаще всего поддерживают с чехами, с земляками же встречаются редко.

Респонденты, приехавшие в ЧР в 80-е годы, а также в первую половину 90-х годов, в большинстве своем не сталкивались с проявлениями недоброжелательности со стороны чехов. Респонденты, приехавшие во второй половине 90-х годов, особенно украинцы и русские, довольно часто сталкиваются с проявлениями недоброжелательности (хотя и в скрытой форме) или же с определенной отчужденностью – чаще всего это касается респондентов из Праги. Что касается уровня образования, то среди респондентов преобладали лица с высшим образованием, преимущественно гуманитарного профиля, далее следуют представители технических специальностей и деятели культуры. Первоначально гомогенный состав респондентов удалось расширить за счет введения в него лиц со средним образованием, а также трех человек с начальным образованием. В болгарской выборке преобладают респонденты, живущие на территории ЧР вместе со своими семьями, причем в эндогамных браках; среди украинцев больше всего респондентов, живущих либо в смешанных браках, либо являющихся холостыми (примечательно, что холостые мужчины предпочитают эндогамные браки, т.е. они хотели бы жениться на женщине той же национальности; незамужние женщины, напротив, более склонны к смешанным бракам). Многие из респондентов заявили о своем желании полной интеграции с мажоритар-

inslav

ным социумом. С тем, чтобы их потомки не забыли о своем происхождении, они соблюдают в своей семье, и намерены это делать и в будущем, культурные и социальные обычаи своей родной среды. Таким образом, они надеются закрепить память о своих корнях, истории и культурной принадлежности.

С учетом длительности проживания можно выделить три рельефные группы: длительность пребывания до 5-ти лет – 5 респондентов; от пяти лет и выше – 7 респондентов; около 10 лет – 6 респондентов; свыше 15 лет – 3 человека. Их переселение в Чехию происходило в несколько этапов и мотивировалось разными причинами: 60-е–80-е годы (разные причины); в 90-е годы (преимущественно экономическая эмиграция); после 2000 г. – экономическая эмиграция, сюда же относятся и студенты, приезжающие на основе длительных стипендий и соглашений. Что касается возрастных показателей, то здесь в основном преобладают респонденты продуктивного возраста, главным образом от 30-ти до 45 лет, несколько меньше респондентов в возрасте от 45 до 50-ти лет. Относительно многочисленную возрастную группу составляют студенты высшей школы (т.е. примерно в возрасте 20–30 лет). Группа лиц старше 50-ти лет немногочисленна. По половому признаку выборку можно признать пропорциональной, хотя женщины в численном отношении несколько преобладают. Большинство респондентов живет в Праге, остальные происходят из относительно крупных городов (Либерец, Яблонец над Нисой, Бероун).

При проведении исследования нас особенно интересовали стороны жизни эмигрантов, в которых знание мажоритарного языка является наиболее существенным (трудовая деятельность, брак, учеба и пр.). Вл. Пенчев [Пенчев 2001 а, б], анализируя мотивационный аспект эмиграции, особенно подчеркивает наличие факторов, общих для различных хронологических срезов (эмиграционных волн): желание избежать безработицы, поиск самореализации и развития личности в новой среде, повышение уровня образования, желание заработать деньги, узнать новое (увидеть мир) и т.д. [Пенчев 2001 а: 39].

Для большинства респондентов данной группы наиболее важным мотивом был “поиск лучшей жизни”. Так, в поисках работы приехало 8 респондентов; для сохранения цельности семьи – 6 человек (впрочем, это лишь вторичная мотивация). Некоторые переехали, стремясь получить образование: в Чехии учились, а потом остались 5 человек; у двух человек играли роль иные обстоятельства.

inslav

Все осознают важность овладения мажоритарным языком, поскольку именно тогда интеграционный процесс становится наиболее успешным. Чешский язык им нужен не только на работе, но и в контакте с друзьями. Все знакомились с местным языком сначала "на марше", а уже потом некоторые из них стали ходить на курсы (т.е. появилась потребность в нем): *Nejdřív v práci jako poslouchala a psala si ti slovička a pak sem absolvovala i nějaký kurz; prosté ja slyším a tak jak to slyším, to tak kopíruju a absorbuju a pak to takhle používám; a to hodně lidi ale ma problém, že na začátku jim stačila mluvena čeština a pak prostě najednou začali potřebovat.*

Сохранение национально-этнической идентичности обычно обусловливается чисто личностными мотивами (впрочем, они могут быть и неосознанными): сохранение целостности личности, преемственность навыков, интериоризация норм и системы ценностей. Как показывает материал, некоторые эмигранты сожалеют об утрате контактов с родиной, родственниками и знакомыми, утрате традиций (*já sem teď zůstala sama takže neudržuju nic i na tu Babu Martu jsem zapomněla*). Многие, впрочем, говорят о том, что они соблюдают исконные обычаи, однако тут же выясняется, что одновременно соблюдаются и традиции чешские (они отмечают рождество как по католическому, так и по православному обряду, иногда упоминают и о праздниках, отсутствующих у чехов, например, праздник Ивана Купалы). При наличии в семье детей родители часто предпочитают говорить с ними в повседневной жизни на родном языке, мотивируя это следующим образом: *"aby ho děti nezapomněly, aby si děti uvědomily své kořeny"* и пр. Несмотря на это, в двух случаях второе поколение уже является монолингвальным, т.е. оно полностью перешло на чешский язык. Таким образом формируется специфическая двойная идентичность, о чем упоминает и Вл. Пенчев [Пенчев 2001 а, б].

Особого внимания заслуживает отношение респондентов к чешскому языку: большинство из них впервые встретились с чешским языком, приехав в ЧР, т.е. они изучали его во время спонтанного контакта с чешским окружением. Они утверждают, что чешский язык не доставляет им особых трудностей, при этом подчеркивается его сходство с родным языком, облегчающее им понимание, а также учебу. По мнению одних (только 4 респондента), чешский язык скорее труден (особенно сложным является произнесение звуков *ř*, *h*, мешает и множество падежных окончаний); для других чешский язык скорее легкий, так как это славянский язык: *už si nevzpomínám na těžkosti, ale asi to h a ch, ze*

inslav

začátku jsem tomu asi nepřikládala takový význam; cítím nedostatečnost při psaní // při psaní ovšem při náročném psaní textu odborných; jazyk jako jazyk и т.д.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

При лингвистическом анализе текстов и их интерпретации наибольшее внимание уделялось словарному составу, хотя учитывались и другие языковые уровни. Ниже мы остановимся на наиболее характерных чертах, выявленных при работе с текстами.

Как уже отмечалось, преимущественным является знание разговорного языка, степень владения литературным языком практически у половины респондентов невелика. Сознавая это, респонденты в подавляющем большинстве случаев говорят о языковых трудностях при официальном общении, особенно при составлении письменных текстов. Характеризуя общий уровень языковой компетенции, отметим, что все респонденты хорошо владеют устным разговорным языком.

Внутренняя языковая цензура у респондентов действует постоянно – в процессе речи они все время спонтанно исправляют допущенные ошибки: *kdo mal // měl víc peněz; ti, který // kteří sem přijížděli; byl tehdy kněz // kníže Boris; nemam moc přátel vůbec ani mezi Češi // Čechy nebo mezi Bulhary*. И тем не менее избежать ошибок, смешения кодов вряд ли возможно. Ср.: *i tady taky držíme ten zvyčej a dáváme si dárky; ta sklenička může být dvě stě hramou; taky byvajut takové chvilky, že strašně chci domů.*

Фонетика

На фонетико-фонологическом уровне наблюдаются отличия лексем в произношении, качестве и количестве фонем. Интонационные интерференции зафиксированы на магнитофонной пленке, однако они не были описаны.

У всех респондентов заметны характерные черты разговорного языка: протетическое *v* – *vokna, voni, de tady vo technologii;* чередование *ý* > *ej* – у прилагательных (*mladej, rychlej, takovej*); чередование *é* > *ý/í* (в корне слова) *mléko* > *mlíko*, (в конце слова) *malé štěně* > *malý štěně*.

Отмечается регулярное упрощение групп звуков, типичное для устной речи: (в начале слова) *no a dyš* (= *když*) *sme se hlásili na*

inslav

ten katechizmus...; tak jsme dycky (=*vždycky*) *vyběhli ..;* (внутри слова) *ono je to obráceně vlasné* (= *vlastně*), *jeden z největčích malířů* (=*největších*); (в конце слова) *ony to dělaj* (= *dělají*) *dobže...; některý lidi to ještě znaj* (= *znají*). Часто элиминируется звук *j*, например, *menuju* (*jmenuju*), *přídu* (*přijdu*), *sme* (*jsme*), *sou* (*jsou*), *eště* (*ještě*). Обычно это происходит перед гласной *i*, например, *iné* (*jiné*), *inak* (*jinak*). Это очень характерный пример интерференции. Плохо осваивается звук *ř*, который один и тот же индивидуум в идентичных фонетических условиях может артикулировать по-разному: *dobže, dobrže, dobše*.

Много ошибок допускается в долготах гласных. Так, например, наблюдается отсутствие долгот (*u nas ten režim nebyl tak tvrdej jako u vas*), иногда же появляются долготы лишние, например, *chodili sme spolu dvá nebo tři roky*. В виде дополнительной долгой гласной в транскрибированных текстах функционирует иноязычное ударение. Чаще всего это происходит, когда оно не приходится на первый слог (*nemijely sme kontákty; no a věčinou se dělály vánočky; takle to dopádlo; když byla Velká Morava*).

Встречаются и случаи недостаточного освоения корреляции по твердости и мягкости у *d, t, n – d', t', ň*. Так, твердо произносится *latyna* (= *latina*); ср. также у *n: jedna chodí do školy s intenzivný výukou* (= *intenzivní*). Наличие мягкого *d'* отмечается в высказывании: *ale snad' jo* (= *snad*).

В чешской речи болгар довольно часто редуцируются безударные гласные, особенно у имен собственных: *Aleku Konstantinov* (вместо *Aleko*); *byl oproti Vituši, to je dosti vysoká hora* (вместо *Vitoši*). У русских респондентов отсутствует вокализация предлогов *s, v, k*: *jednou sem ted' byla s svojí ségrou*.

Морфология

Что касается морфологии, то здесь фиксируются случаи интерференции в склонении и спряжении. С этим связаны трудности при освоении падежных окончаний: *Nó, kontákty byly hlavně díky babičky* (вместо *díky babičce*); *dali se dohromady s těma podnikatele* (вместо *s těmi podnikateli*); *musím jit do Liberci* (вместо *do Liberce*); *Polákám vůbec nerozumím* (вместо *Polákům*); *mít víc peníze* (вместо *peněz*). Часто встречаются окончания, типичные для разговорного чешского языка, например, *mezi Čechama* (= *mezi Čechy*).

Допускаются ошибки при определении рода: *taky možná ňáká ta vloha žejo, která je daná člověku že přijímá ten jazyk* (на фоне болгарского *дарба*), *bez tý schémy* (на фоне русского *схема*).

inslav

Интерференция проявляется также у глагольных форм: *no oni se smějut* (вместо *se smějí*); *svatby u nas probíhajut šíleně – třeba tancujut tři hodiny* (= *probíhají, tancují*), *chutnáje mi i vaše jídlo* (= *chutná*), *oni brú peníze* (= *berou*), *on mal tam pšitelkyni* (= *měl*).

Для носителей всех трех языков камнем преткновения являются местоименные формы: *spíš se potkávám s timi Ukrajinkami* (= *těmi*), *ti advokati jich obhájí* (= *je*).

Синтаксис

Синтаксис лучше всего отражает специфику устной речи [Müllerová 1994; Demlová 1996]. Респонденты так же, как и многие чехи, часто употребляют слова-паразиты типа *jako, tedy: mě se tady jako zalíbilo, a tak sem tedy zůstala.*

Приведем лишь некоторые наиболее характерные случаи интерференции; ср. ошибки в управлении глаголов и существительных со значением глагольного действия: *chodíme na návštěvy do známých nebo příbuzných* (вместо *k známým, k příbuzným*); *v létě chodím někde v parku* (вместо: *do parku* или же *po parku*).

Упомянем также о порядке слов, особенно о постановке энклитик: *český jazyk mě se líbí; zatím libí mi se tady; tak pochopil sem* – у русских и украинцев довольно часто встречается постпозиция возвратного местоимения под влиянием возвратных глаголов в русском языке: *mě líbí se...; u vás asi nedává se tak...*

У болгар отмечается также неверная постановка свободного датива: *tak ja právě si mám hodně práce doma* (вместо *mám hodně práce*); *píšou se tam české reporty, ale tam taky si je zapotřebí ta angličtina* (вместо *je tam zapotrěbí angličtina*). Наблюдается также чрезмерное употребление местоимений *ten, ta, to* в позиции определенного члена: *potom ta pojišťovna koupili ty Němci.*

Лексический уровень

Здесь речь идет прежде всего о замене форм слов, а также о межъязыковой омонимии: *tam v čele byl kněz Rostislav* (вместо *kníže Rostislav*). Можно привести случаи ошибочного выбора эквивалента: *My sme se našli, oženili sme se...* (вместо *vzali jsme se*); *musíme si poslehnout, co se dělá, protože ...* (вместо *co se děje*); *umíš vařit česká jídla? – no, sem se naučila chystát* (на фоне *готовить*).

Межъязыковая интерференция на лексическом уровне зачастую проявляется в дословных переводах типа *mořská zahrada*

inslav

(přímořský park = болг. *Морска градина*), *dlouhá světla* (dálková světla = болг. *Дълги светлини*), *tahám to na svém hrbu* (na svých bedrech/zádech = болг. *Нося на гърба си*).

* * *

Сделанные в ходе исследования наблюдения свидетельствуют о том, что все представители первого поколения эмигрантов, речевое поведение которых мы анализировали, в культурном и языковом отношении успешно интегрировались в мажоритарный чешский социум. Обе тенденции (интеграция и сохранение национальной идентичности) у первого поколения эмигрантов развиваются параллельно, они переплетаются и взаимообусловливают друг друга. В начале пребывания эмигрантов в стране стремление к интеграции обычно доминирует. Второе поколение не только полностью интегрировано, но и нередко сильно акультурировано.

Исследование показало, что респондентам удается соединять положительные стороны жизни на своей исторической родине с традициями и привычками родины новой. Определенная ностальгия по родине у респондентов проявляется по-разному. Это заметно при контактах с земляками и землячествами, при поиске партнера той же самой национальности, в стремлении к эндогамному браку, при соблюдении традиций родной страны, использовании родного языка в домашнем общении. Однако это не дает основания говорить об автосепаратизме, так как респонденты постоянно общаются с чехами, они вступают в смешанные браки, осваивают традиции и праздники нового окружения. Они убеждены в необходимости владения мажоритарным языком, воспринимая его при этом как новое, благоприобретенное культурное достояние.

ЛИТЕРАТУРА

Brouček S., Hrubý K., Měšťan A. (ed.) Emigrace a exil jako způsob života. II // Sympozium o českém vystěhovalectví, exulantství a vztazích zahraničních Čechů k domovu. Nakladatelství Karolinum ve spolupráci s Etnologickým ústavem AV ČR v Praze. Praha, 2001.

Cizinci v České republice – Cizinci v České republice. Český statistický úřad. Scientia. Praha, 2001.

Čechová M., Zimová L. Multietnická komunikace, zvláště ve škole. Naše řeč 84, 2001. S. 57–61.

Česká společnost a etnické skupiny – Česká společnost a etnické skupiny // Sborník k 65. narozeninám PhDr. J. Kořalky, DrSc. Lidé města č. 11. Praha, 1997.

inslav

Demlová E. K textové syntaxi mluvených komunikátů // Sborník prací Filozofické fakulty Ostravské univerzity – jazykověda / linguistica. Ostrava, 1996.

Diamant J. Emigrace a identita // Kořeny a vykořenění. Psychologické dny 2002. Olomouc, 2003.

Гърдев К. Българските общности в Чехия и Словакия. УИ "Св. Кл. Охридски". София, 2003.

Hoffmannová J., Müllerová O., Schneiderová E. Mluvená čeština v autentických textech. Jinočany, 1992.

Janovec L., Rangelova A. Metodika výzkumu řečové integrace cizinců v oblasti lexikální. Dialog kultur II. Sborník příspěvků z vědecké konference s mezinárodní účastí, Hradec Králové. 2003.

Kabela M. Vliv emigrace na psychické problémy a choroby českých emigrantů v Nizozemí // Emigrace a exil jako způsob života. II. Sympozium o českém vystěhovalectví, exulantství a vztazích zahraničních Čechů k domovu. UK v Praze. Nakladatelství Karolinum ve spolupráci s Etnologickým ústavem AV ČR v Praze. Praha, 2001.

Marlinová O. Emigrace a reemigrace. Reflexe osobní a klinické zkušenosti // Kořeny a vykořenění. Psychologické dny 2002. Olomouc, 2003.

Мартинцова О., Рангелова А. Към проблематиката на контактовите неологизми // Езикът и социалните контакти. Проблеми на социолингвистиката 5. Международно социолингвистично дружество. София, 1996.

Možný I. Česká společnost. Nejdůležitější fakta o kvalitě našeho života. Portál. Praha, 2002.

Müllerová O. Mluvený text a jeho syntaktická výstavba. Praha, 1994.

Пенчев Вл. Социалнопсихологически нагласи за емиграция в периоди на преход 40-те и 90-те години на XX в. или за чешките българи // Вл. Пенчев. Паралакс в огледалото или за мигрантските общности в чуждезикова среда (чехи и словаци в България, българи в Чехия). Heron Press. София, 2001а.

Пенчев Вл. Пътят към Ханаан, или какво довежда чехите в България и българите в Чехия // Вл. Пенчев. Паралакс в огледалото или за мигрантските общности в чуждезикова среда (чехи и словаци в България, българи в Чехия). Heron Press. София, 2001б.

Побратим. Българи по чешките земи. София, 1995.

Šatava L. Jazyk a identita etnických menšin. Možnosti zachování a revitalizace. Cargo Publishers. Praha, 2001.

Šišková T. (ed.) Výchova k toleranci a proti rasismu. Portál. Praha, 1998.

Šišková T. (ed.) Menšiny a migranti v České republice. Portál, Praha, 2001.

Перевод Г. Нещименко

inslav

VI. ЯЗЫК И ИСКУССТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Л.А. Софронова
(Россия)

КОММУНИКАТИВНЫЕ СИТУАЦИИ НА СЦЕНЕ СТАРИННОГО РУССКОГО ТЕАТРА*

Как известно, тенденции объединить человечество или хотя бы часть его на основе общего языка время от времени активизируются. Их предлагается реализовывать через язык универсальный, который может возникнуть в результате естественного развития языков (Н.Я. Марр), или через язык искусственный, сконструированный (эсперанто и его прототипы). К созданию универсального общечеловеческого языка призывал Я.А. Коменский. Он полагал, что "причина взаимонепонимания и ненависти между народами, дикости большей части света"[1] кроется во множестве языков. Чтобы преобразовать мир, необходимо создать ясный, простой, совершенный язык с четкой грамматикой и твердым соотношением знака и значения. "Сами буквы и слоги нового языка будут непосредственно выражать элементы вещей, поэтому звучание слов, правильно обозначающих вещь как явление, сделает фразы самопонятными"[2].

Существовали версии создания единого языка как средства общения лишь для тех народов, языки которых входят в одну общую семью. «Результатом интегрирующей культурно-языковой рефлексии становились либо структурно-функциональные языковые утопии – "утопии – создания абсолютно прозрачного языка" посредством функционально-генетической селекции элементов локальных литературных славянских языков, либо функциональные языковые утопии, предполагающие функционирование одного из славянских литературных языков в качестве "общеславянского"»[3].

В настоящее время доминирует идея обязательного двуязычия. Владение только родным языком не обеспечивает международного культурного взаимодействия, как политического, так и

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 03-04-0022а.

inslav

экономического, потому необходимым теперь объявлен второй общий язык, для которого выделяется специальная сфера употребления. Требование двуязычия не распространяется на межличностные отношения, как и те, которые можно описать как внутренние, т.е. не выходящие за рамки моноэтнического государства. Очевидно, что все эти концепции, включая современную, нацелены на то, чтобы облегчить общение всякого рода и достичь понимания. Они явно не ограничиваются только лингвистическими задачами, так как язык сам является историко-культурным феноменом и строит культуру. Следовательно, декларируемое в настоящее обязательное двуязычие будет оказывать влияние на культуру, видоизменять и в какой-то мере обезличивать ее. В намерении осуществить эту концепцию присутствуют отголоски прежних утопических построений, хотя, видимо, эта утопия, к сожалению, более осуществима, чем предыдущие.

Чтобы состоялось общение разных видов, единый язык действительно необходим. Он обеспечивает полное взаимопонимание участников ситуации общения, хотя и здесь возникают проблемы, находящиеся в ведении психолингвистики, рассматривающей соотношения языка, речи и мышления, а также социолингвистики, занимающейся социальной функцией языка.

Проблема понимания, как и непонимания – не только теоретическая. Она не раз возникает во многих произведениях не только потому, что литературные или театральные персонажи говорят на разных языках или диалектах, но и потому, что они владеют разными языками культуры, представляют различные психотипы и проч. Она может приобретать философское звучание, знаменовать разобщенность и одиночество человека или, напротив, его способность проникнуть в мир другого. Она может обыгрываться и становиться источником для построения множества различных сюжетных ситуаций.

Пример того, как происходит коммуникация и осуществляется понимание, в полной мере являет собой театр, где, по мнению многих исследователей, говорить – значит делать. На театральном материале возможно показать, как протекает процесс лингвистического общения и какие сложности в нем заложены. Многие исследователи считают, что именно театр раскрывает его значимость: “Исключительная специфика театра состоит в том, что он представляет свой объект, человеческую коммуникацию, *посредством человеческой коммуникации*: в таком случае в театре человеческая коммуникация (коммуникация персонажей)

inslav

представлена самой человеческой коммуникацией, путем коммуникации актеров"[4]. К ней проявляет интерес любой театр. Достаточно вспомнить народный театр или театр абсурда XX в. Многие пьесы Э. Ионеско строятся на самых различных вариантах нарушения коммуникации. Также Гоголь в "Ревизоре" обращается к тем же приемам.

В театре зритель непосредственно видит и слышит, как персонажи вступают в речевые контакты. Так привлекается его внимание к действию, которое может его развлечь или, напротив, поставить перед ним серьезные вопросы о смысле жизни. Очевидно, что на театральном материале возможно рассмотреть, как происходит речевое общение, как достигается понимание или, напротив, почему люди бывают не в состоянии понять друг друга, владея как разными, так и одним и тем же языком. Театральные примеры, с нашей точки зрения, способны пролить свет на ситуации общения и показать, в том числе, несостоятельность попыток унифицировать язык, которые никак не помогут достичь полного взаимопонимания.

Мы обращаемся к театру школьному и любительскому. Школьный театр в XVIII в. был театром самодеятельным и существовал в духовных школах как особая часть обучения. Студенты, игравшие дидактические религиозные пьесы, учились на сцене прежде всего ораторским приемам. Конечно, они воспринимали и все те назидания, которые сами произносили со сцены. Также они участвовали в панегирических пьесах, игравшихся по случаю важных государственных событий. Это был театр аллегорико-символический и риторический. Риторика разрабатывала не только правила построения текстов, формулировала основные задачи искусства. Она была нацелена на отношения автора и читателя, говорящего и слушающего. Потому проблема понимания также была проблемой риторической.

Любительский, или "охотницкий", театр, существовавший в России с тридцатых по семидесятые годы XVIII в., также был театром самодеятельным. На его сценах играли купецкие дети, ремесленники, приказные люди. Публику составляли средние и низшие слои общества. Такая позиция обеспечивала театру большую свободу, чем театру школьному, что сказалось и в том, что он практически не подчинялся риторическим правилам и заменил их тенденцией к формульности. Тем не менее и этот театр показывал на сцене, как происходит общение персонажей, как они достигают понимания и что происходит, если они этого не достигают.

inslav

Оба вида театра разрабатывают различные виды коммуникативных ситуаций. Они не только показывают, как персонажи вступают в отношения на уровне слова, но не раз демонстрируют многочисленные замешательства и сбивы, происходящие при этом. Драматургов интересует, как налаживаются контакты не меньше, чем их нарушение или вообще невозможность. В случае нарушения контактов создаются комические ситуации, идет активная игра со словом. Обычно они тесно связаны с мотивом идентификации, истинной или ложной. И школьный, и любительский театр не ставят перед собой проблем философии языка. Они не нацелены на чисто лингвистические проблемы, не поднимают их на уровень абстракции. Язык для них – это материал, с которым они работают, сливая его со сценическим действием, жестом и движением. Несмотря на это отдельные ситуации общения легко вычленяются из театрального контекста.

Рассмотрим сначала те из них, которые строятся в расчете на то, чтобы наладить отношения персонажей, говорящих на разных языках. Не раз языковые различия усиливают оппозицию свой/чужой, как в "Действии о короле Гишпанском". Ко двору короля прибывает турецкий Посол со своим Переводчиком. Они начинают переговоры. В пьесе имитируется турецкий язык, на котором они изъясняются. Король не понимает Посла, Переводчик помогает их общению. С одной стороны, здесь разыгрывается одна из постоянных формул любительского театра, прием послов. Он всегда происходит примерно так, как в этой пьесе. С другой, внимание драматурга сосредоточивается на том, как Король и Посол общаются с помощью посредника.

Чтобы продемонстрировать их разные позиции, он заставляет их говорить на разных языках. Посол говорит по-турецки, Король – по-русски (подразумевается, что "по-гишпански"). Их речи переводятся, как и выступления Сенаторов, обращенные к Послу. Сам Посол не ограничивается кратким сообщением, а произносит монолог на иностранном, т.е. тарабарском языке того же объема, что персонажи, говорящие по-русски. Судя по обширному выступлению Переводчика, он "дословно" передает речь Посла. Зато выступления Короля в переводе на иностранный явно сокращаются. "Баска харан чину тоуганес щонем о", – так переводятся слова Короля о том, что он завтра даст ответ Послу, который так кратко заключает этот эпизод: "Базарчи то ужас"[5]. Это не единственный эпизод с Послом. Он вновь приходит к Королю, уже за ответом, и опять Переводчик переводит с

inslav

русского, но гневный ответ Посла остается без перевода: “Даваха Махомет анша белаванякчи”[6].

В турецких монологах мелькают явные славянизмы: “навить, хама, што, великова, и”. Видимо, “споравил”, “даваха” – это искаженные глагольные формы. Можно усмотреть здесь приметы тюркского: *базар*, суффикс деятеля *-чи*, окончание местного падежа *-ра*, имя пророка. “*Ага агей*” – это, видимо, восклицание, предшествующее имени Магомета. Таким образом, драматург стремится указать на этническую принадлежность представителей лагеря противников и дать им языковую характеристику.

Данные эпизоды строятся на ситуации перевода, прямого и обратного, что свидетельствует о тенденции представить на сцене встречу двух языков, пусть один из них и условный. Здесь явно происходит лингвистическая игра, которая всегда входит в арсенал театральных средств для создания комического. В данном случае о комическом говорить не приходится – начинается война между Королем и Султаном.

Когда происходит битва между ними, Переводчик уже не требуется. Все понятно без слов. Султан и его визирь в пылу сражения кричат: “Базогадра халаваи заутнешто у не”. Что это значит, никому неинтересно. Фелтмаршал и Король в это время пытаются спасти положение, что им не удается. Они погибают. Когда турецкое войско под предводительством Паши и Султана выходит с музыкой и знаменами биться с новым Королем, вновь звучит чужая речь без всякого перевода, но недолго. Новый Король побивает турок.

Вторжение чужого языка без перевода должно было подтвердить столкновение двух противостоящих сил и создать сценический эффект “чужого”, которого невозможно понять. Его нужно уничтожить. Заметим, что чужой язык дополняется костюмами персонажей. Они должны были выходить в турецком платье, иначе именуемом карсарским. Так же одеты разбойники в “Акте Ливерском”.

Знание иностранных языков оценивалось в театре достаточно высоко. Так, в “Действе о князе Иефае Галаатском, како принесл дщерь свою единородную на жертву Богу” главный персонаж хочет послать послов к “сынам Аммоним” и велит Воинам их призвать. Они не только идут за ними, но и говорят, что “избранных твоих идем звати посланников, / которые научены премудрости и из разных языков”[7]. Значит, им переводчики не требовались. И здесь знание языка не обеспечивает взаимопонимания.

inslav

В других пьесах богатыри и правители, приезжающие из дальних стран, часто появляющиеся на любительской сцене, не переходят на свой язык. Им достаточно назвать страну, откуда они прибыли. Например, в "Комедии о Фарсоне" в Португалию приезжают французские Сенаторы и участвуют в суде. Их иностранная речь никак не маркируется.

Если в пьесе о короле Гишпанском перевод действительно осуществлялся, то в "Шутовской Комедии" он играется, то есть его можно счесть воображаемым. Здесь Доктор ведет разговор с Панталоном о его болезни, ожидая переводчика: "Ужо толмачь прийдет скоро, подожди немного ... Без толмача не говорю я с болящими"[8]. Толмач, он же Шут, помощник Доктора, появляется и вмешивается в беседу Доктора с пациентом. Он пересказывает Панталону то, что говорит Доктор, а Доктору, – что говорит Панталон. Так как все персонажи говорят на одном языке, то в течение всего эпизода выстраивается ряд двойных повторов, что приводит к избыточной информации. Зато таким путем реализуется оппозиция свой/чужой, играется ситуация затруднительного речевого общения.

Интермедиальный Доктор – всегда иностранец. Он представляется как прибывший из дальних стран, например, из Англии, рассказывает о том, как посетил Голландию, и наконец, прибыл в Москву. Во второй интермедии из собрания "Интерлюдии или междувброшенныя забавная игралища" Доктор, к которому обращается Цыган, говорит только по-латыни: "Scio: fluvium ventristae fegoforni fel, aliquot cruti (...) O quam pulsus est gravis!"[9]. Цыган, мучащийся зубной болью, его, конечно, не понимает и считает, что Доктор его обманывает. Доктор же не может догадаться, на что тот жалуется. Тут на помощь приходит Слуга, выступающий переводчиком. Он по-русски передает Доктору жалобы Цыгана, но вставляя латинские слова: зубы он называет "денте". После оперативного лечения Цыган отказывается платить и требует, чтобы Доктор говорил с ним по-русски, радикально выходя из сложной для него языковой ситуации: "Нуткось со мною по-русску ... (*З бедры о землю ударит Немца*)"[10]. Как видим, разноязычие здесь – источник недоразумений, несмотря на участие в данном диалоге переводчика.

Проблемы перевода, как видим, снижаются в интермедиях. Однажды такой персонаж, как Гаер в пьесе "О Сарпиде, дуксе ассириском", также демонстрирует свою ученость и знание иностранных языков, правда, избирая для перевода грубые речения.

inslav

Он с важным видом переводит с греческого на славянские языки слово *афедрон*, одновременно жалуясь на нездоровье: "Ненасье великое во афендроне, / а по-вашему в жопе, а по-нашему в гузне, / а по-руски в седалищи, / а по-словенски на металищи"[11]. Таким образом, он объясняет простым зрителям "непонятное".

Не только Доктор и Гаер хвалятся своей образованностью. Школяры также пересыпают свою речь латинскими и другими иностранными словами. Известно, что в школах преподавалась музыка и пение, студентов учили искусству танца. Потому в пятой интермедии из сборника П.Н. Тиханова Арликин называет себя "арганистр мусикали", сообщает, что может исполнить "амуре ли заиграть или менуэ, / Тако ж паспуэ и разные фигуре"[12].

Если эти персонажи демонстрируют результаты обучения, закончившегося благополучно, то в другом случае показываются его плачевные результаты. В интермедии "Шляхта, Жена, Гаер" из сборника А.А. Титова обыгрывается обучение чужому языку. Шляхта сидит с Женой и говорит по-немецки, которого она не знает: "А я по-немецки не обучена, / А от тебя бутто как отлучена"[13]. Шляхта желает обучить ее, у него ничего не получается, и его в роли учителя заменяет Гаер. Урок немецкого довольно жесток. Жена начинает лепетать, после того как Гаер откусил ей пол-языка. Только так можно начать говорить по-иностранному, по-немецки, то есть стать немой: "Не надобно и азбуки обучати, / Сейчас можешь все познати"[14]. Так на сцене этимологизируются этнонимы на фоне жестокого обращения с незадачливой ученицей.

Иногда на сцене даже не предполагается, что персонаж должен быть понят, так как он говорит, вкрапляя в свою речь элементы воровского жаргона, языка, который и не должны знать порядочные люди: "На хазишках много западал (...) Как бы ис кармана что бухнуть"[15]. Также картежники, выходившие на сцену, пересыпали речь "своими" терминами: "Полно Костентина загонять (...) Лутче плащ разослать, Петрухою перекинуть"[16]. Это еще один чужой язык, привнесенный на сцену, но по определению не подлежащий переводу.

Отнюдь не всегда в театре выходили переводчики или шли уроки иностранного языка. Отдельные слова и выражения чужого языка вкрапливались в русскую речь иностранных персонажей, которую они нещадно коверкали, что должно было вызывать смех. Иностранцы, появляющиеся на интермедиальной сцене, начинали свой вступительный монолог со слов, которые

inslav

произносили будто бы на своем языке, что было своеобразным сигналом для зрителей – они сразу понимали, с кем имеют дело. Грек, например, так начинал свой монолог: "Алмики милики соломалики сускан кускан мересан ..."[17]. Его греческий подозрительно похож на турецкий в другой интермедии: "Букшин, букшин, саламалик, Я так еду Селим града грек"[18]. Представившись таким образом, он переходит на испорченный русский: "Ходуйто", "пивул вино", "Сукук сун (...) Осудара, моя отурила, окурила", "Моя купца богата: на сери города була / И много ширвонца на кишени здобула". Его понимают, но тут же передразнивают: "Ведь не твоя, моя то денежка купила". Интермедиальные персонажи легко договариваются между собой и также легко обманывают друг друга. Несовершенное владение языком – здесь не помеха.

Старинный театр нередко передает характеристику героя-иностранца через язык. Например, в "Шутовской комедии" вводится приветствие Француза, которое он произносит, завидев Гишпанца: "Сервитер, сен ор"[19]. Ремарка тут же переводит: "то есть, слуга твой". Гишпанцу не нравится это приветствие. Он сообщает, что не знает по-французски, на что Француз говорит, что он не умеет "по гишпански", и удивляется, что Гишпанец глаголет "по славенски". Тот рассказывает, что этому языку научился на войне. Французу все равно странно, что он видит Гишпанца, "иностранным языком глаголюща". Далее разворачивается традиционный спор между представителями двух наций на "славенском" языке. На самом деле эти персонажи все время говорят по-русски и только делают вид, что между ними стоит стена непонимания, то есть они играют.

Необязательно герои старинного театра затрудняются выражать свои мысли на чужом языке. Не всегда их общение осложняется только тогда, когда они являются носителями разных языков. Могут они общаться на одном языке, им одинаково знакомом, но общение их при этом протекает довольно сложно. А.С. Демин уже давно заметил, что драматические герои слабо контактируют между собой, не всегда понимают друг друга, как бы не слышат того, что им говорят. Он полагает, что "их общение друг с другом затрудняется из-за их особой внутренней настроенности"[20]. Исследователь приводит следующие примеры подобного разобщения: "Не слушаю никого", "Вашим же рассказам и не мало внемлю", "Не слушаю тебе, что говориш много". Также персонажи отказываются отвечать на вопросы других:

inslav

"Не мешай", "Не вопрошай", "Не могу о сем объявити", "Не у время о том разсужати". А.С. Демин называет подобные выступления персонажей искусственными, филологическими недоразумениями.

Они утомляют самих персонажей. Разговор Француза с Гишпанцем в "Шутовской Комедии" заканчивается резким выступлением Француза: "Истинно, кому с гишпанцом разговаривать, тому надлежить великое терпение имети, понеже они егда единое слово возглаголют, то десятью наперед одумаются. Егда их о чем вопрошаеши, то не ведают, отвечать ли им на то, или нет. И егда последи и дадут ответ, но и то кратко и доволно грубо"[21].

Это варианты нарушения коммуникативной ситуации, при которых участники действия по сути дела отказываются вступать в речевой контакт. В какой-то мере это объясняется тем, что старинный театр был театром монологов, безотносительных к действию. Диалог в этом театре был развит слабо, но, видимо, не только это является причиной такого сценического поведения. Драматурги таким образом старались передать разобщенность персонажей. Хотя иногда они стремились быть понятыми, требовали, чтобы им ответили как можно скорее, поддерживали выступления других, как Артаксеркс во вставной пьесе драмы "Стефанотокос". Обращаясь к Есфири, он говорит, что ее "глаголы суть сладки и вся суть полезны"[22], а также просит ее не бояться вступать с ним в беседу.

Порой в подобном подбадривании проступает следование риторическим правилам. Особенно ярко их действие проявляется в декламациях. Ораторы, например, уверяют, что не желают обсуждать высокие темы, не дают о них говорить и другим, как в "Стихах, по вопросам и ответам сложенным": "Пред ким ти стал? То б разсуждал: зде молчать пристало!"[23] Начав свои речи, они останавливаются, выражая боязнь: "Мне страх крилат велит воспят вскори уступити, / Дух внутрь тлеет, ум неспеет, слово недоволно, / Мисль неясна, речь некрасна, сердце страха полно"[24]. Они страшатся не того, что будут не поняты, а того, что не в состоянии адекватно выразить свои мысли, особенно тогда, когда обращаются с молитвой к Богу, как Беляндра в "Акте Ливерском": "Ах, што теперь начну, пресекается дух, / Прими ж, о высочайшая власть, речь мою в свой слух"[25]. Персонажи "Истории о царе Давиде и царе Соломоне" часто выражают эмоции, которые у них вызывают сообщения: "Ах, что, моя мати, тако вещаеш, / Ныне весма в сердце моем пламень велий возжигаеш!"[26]

inslav

Иной раз герои старинного театра слышат только желаемое, как Блудный в "Комидии притчи о блуднем сыне". Он не улавливает, что льстивые слуги издеваются над ним, величая его, потому радостно смеется, услышав их слова: "Те чаши испиваем мы за тебе, света, / Буди, государь наш, здрав не многа лета!"[27]. «То, что в "Комидии о блуднем сыне" слуги ни разу не произносят эти слова (многа лета. – *Л.С.*) верно, но издевательски переосмысляют их, показывает, каких слуг ввел в "Комидию" Симеон Полоцкий (в евангельской притче о слугах ничего не говорится»[28].

Другие персонажи уличают друг друга во лжи, как Совесть Верность, говоря при этом, что слышат только правду, как Зависть в пьесе "Стефанотокос": "Сущую правду сказуешь, сестрице! ... О, коль язык сластен и глагол весь златый! / Лгать не умеешь: А се как скоро солгала!"[29] Фигура Тщетной Славы уверяет Презрение Промысла, что "словеса" его суть "неложны".

Следовательно, сообщения на сцене верифицировались как истинные и ложные, на чем строится практически вся пьеса "О Сарпиде, дуксе ассириском; о любви и верности". Здесь персонажи все время проверяют сообщения и не доверяют сказанному: "Ах, Зимфоне, правду ли глаголеши? – Истинну глаголю, что ж мне не вериши ... токмо прошу, да не вознепщует благородие твое, / бутто пред тобою лживо предъявление мое"[30]. Зимфон, подслушивающий чужие речи и на всех клевещущий, жалуется на то, что о нем говорят "ругательные" слова, которых он не заслуживает. Другие персонажи боятся говорить при нем и даже между собой: "Необузданныя челюсти и рот отверстый / имеет, к тому ж, и уши, чрез стену продерстыи"[31]. Они требуют от него, чтобы он перестал лгать, говоря, что у него язык "должайшии" и вообще не хотят с ним о чем-либо "разсуждати". Он же продолжает строить интриги и требует, чтобы его сообщения оставались втайне, на что соглашается даже доверчивый правитель: "Никому ни что ж повех, ниже тя объявлю"[32]. Наконец, обман раскрывается, восстанавливается истина, и злодеи получают по заслугам.

Как видим, герои старинного театра выглядят доверчивыми. Они довольно легко меняют свои мнения. Их не особенно сложно в чем-то убедить. "Персонажи в пьесах как бы находились в готовности принять противоположное мнение о событиях или людях, вопреки тому, которое они обычно высказывали"[33].

О понимании, полном или частичном, говорилось в эпилогах старинных пьес. В таком случае акт коммуникации совершался

inslav

не между персонажами, а между персонажами и зрителями: "Как сей говорил, а вы не разумеете. Он сказал, будто и так, ан не так"[34]. Порой зрителям предлагалось домыслить сказанное и представленное на сцене. "Действо о страдании святыя мученицы Праскевии" заканчивается следующими словами: "Чесо не возмогохом более выразумети, / Вы же благоразумием своим изволте рассудити"[35]. В эпилогах также слышались традиционные сетования на несовершенное исполнение, по причине того, что не все было понято драматургом и актерами: "Не может невежда умное поняти"[36]. Примечательным является завершение эпилога пьесы "О Зимфоне, дуксе ассириском". Оно посвящено языку: "Разсудивый благо простит наше прегрешение, / неграмматических слов произношение"[37].

Коммуникативный акт нарушался не только потому, что персонажи не желали в него вступать или делали это с большим трудом. Он мог вообще не состояться, как в интермедии "Могильник и Кобыляк", где оба персонажа глухи. Они не слышат друг друга, хотя активно общаются, перевирая все, что один говорит другому. Заняты они разными делами. Один копает могилу своему отцу, оплакивая утрату. Другой ищет убежавшую кобылу и говорит только о ней. Их беседа, протекающая над могилой отца Могильника, построена на частичном совпадении слов. Она изобилует бедными рифмами, ясно выказывающими нарушение связей между персонажами: *могилы – кобылы*, *зубом – лубом*, *боком – соком*, *добычку – кобыличку*. Здесь налицо традиции народного театра.

Непонимание между персонажами возникает, когда один из них говорит намеками, которых решительно не понимает другой или не хочет понимать. Подьячий в первой интермедии "Оперы об Александре Македонском" пытается получить подношение от Цыгана за свой труд, спрашивая его, знает ли он, что "в синей продают бумаге, и что болше на воде, на рынке с рогами?"[38] То есть он хочет получить сахар, рыбу и, видимо, корову или козу. Цыган, притворяясь, что он все понял, приносит беса, который тут же кричит, что не очень боится креста Подьячего.

Строится коммуникативная ситуация на путанице некоторых понятий. Расколщик принимает Жида за одноверца, так как он представляется человеком старого закона. Он падает от восторга – наконец, он нашел мужа старой веры, который, правда, заявляет, что на самом деле только он один "староверец": "Який ты староверец? Я то стараго закона"[39]. Персонажи никак не могут

inslav

понять друг друга. Жид знает, что пророки не могли креститься, да и сам не желает этого. Расколщик даже начинает подозревать его в никонианстве, но Жид сообщает, что его вера – "мойсейская", старая. Потому Аввакум для него – не хранитель старой веры, а библейский пророк. После долгих препирательств, спорщики зовут судью, чем интермедия и заканчивается. Очевидно, что так со сцены ведется критика и осмеяние раскола, но вся интермедия завязывается на разном понимании слова *старый*.

Драматурги XVIII в. выстраивали и более сложные ситуации, с помощью которых стремились продемонстрировать проблемы коммуникации, используя, в том числе прием ложной идентификации. Персоны на сцене могут общаться, понимая сообщения, но не зная, кто перед ними находится на самом деле. Потому коммуникативный акт нарушается.

Например, в "Акте или действии о князе Петре Златых Ключах и о прекрасной королевне Магилене Неополитанской" князь Петр не сразу узнает в монахине, врачующей его раны, свою возлюбленную Магилену, так как она сменила свой статус – из принцессы превратилась в монахиню. Он обращается к ней, называя ее матерью, как и положено обращаться к монахине, жалуется на свои беды. В начале беседы они с трудом понимают друг друга, но затем переходят к любовному объяснению. В "Акте комедиальном о Калеанъдре, цесаревиче греческом и о мужественной Неонилъде, цесаревъне трапезонской" главный герой нацепляет седую бороду, чтобы преобразиться в старого волшебника Аристона. Его друг Ураний не узнает его и спрашивает, куда подевался Калеандр. Тот не выдерживает и уходит за дерево, "сняв браду и вышед из-за древа, глаголет Уранию, что он сам Калеандр"[40]. Правильное общение восстанавливается, что бывает далеко не всегда. В цепи превращений некоторые из персон так и погибают, оставшись непонятыми и неузнанными. Другие, чтобы этого не произошло, сразу объявляют "свое име и какой породы".

В интермедиях применяется также прием ложной идентификации. Гаер, как и родственный ему Херликин, часто представляются иностранцами, то голлландцем, то купцом венецианским, что осложняет их общение с другими персонажами или, точнее, намеренно вводит их в заблуждение. Они ведут речи о мнимых богатствах, хвастаются своей образованностью. Так, Гаер, оказывается, читает книги на "росиском" языке и немецком. Все его сообщения на самом деле ложные. Выдавая себя за другого, он

inslav

создает мнимый образ, приписывает себе роль, а вместе с ней и слово. Конечно, его разоблачают, да и сам он не прочь вернуться в свое привычное состояние.

Итак, ложная идентификация искажает коммуникацию или полностью нарушает ее. Адресат и адресант могут взаимно не узнавать друг друга, или один из них, заранее приняв вид другого или воображаемого другого, вводит в заблуждение свое окружение. Кроме того, любительский театр выстраивал эпизоды, в которых постоянно сообщалась избыточная информация. Она содержалась в многочисленных пересказах, никак не двигающих действие и не характеризующих действующих лиц. Зато она способствовала уяснению того, что происходит на сцене.

Многие пьесы старинного театра пестрят одними и теми же сообщениями, разрастающимися в обширные монологи, мало чем отличающимися один от другого. Одно и то же персоны рассказывают разным действующим лицам, повторяют пересказ свершившихся событий. Иногда передают его следующему действующему лицу, и так по цепочке движется пересказ то всей пьесы, то ее отдельных значимых эпизодов.

Персоны, будто твердя один и тот же урок, одна за другой выходят на сцену с сообщением о страшном змее в "Акте о Калеанъдре". Сначала Вестник сообщает царю, что из моря Трапезонского выходит змей и поедает людей. В следующем явлении сам царь говорит о том же Сенаторам, а потом храбрым рыцарям, которые уже прочитали грамоты о змее. Невзирая на это, царь вновь повествует о том, что "в Трапезонте граде ужасно явися, от чего же ум мой в печал обратися"[41]. Затем царь обо всем докладывает богу Аполлону – опять рассказывает, что и как делает этот страшный змей.

Как видим, пересказы следуют последовательно, один за другим, посвящая все большее число персон в произошедшие события. После победы над змеем царь рассказывает о нем своей дочери Тигрине, правда, оговориваясь, что она уже сама обо всем знает, но, несмотря на это, опять рассказывает про "прелютого" змея.

Такое количество избыточной информации было бы понятно, если бы театр не представлял этого змея и сражения с ним. Напротив, змей выходит на всеобщее обозрение и потрясает своим угрожающим видом храбрых рыцарей. Они также принимаются подробно описывать, как этот змей себя ведет и как выглядит после гибели. О нем не забывают и позже и время от времени опять рассказывают, как все случилось.

inslav

Пересказ на сцене существует всегда, как сказал Буало: "Что видеть нам нельзя, пусть нам рассказ изложит". Применялся этот прием во все эпохи, в том числе и Б. Брехтом, который хотел таким образом ввести объективные суждения, рассеивающие сценическую иллюзию. Любительский театр не преследовал подобных целей. Он стремился, видимо, упрочить позицию важного сообщения, что и приводило к описанной выше избыточности, которая была рассчитана зрителя – он должен был уверенно ориентироваться в действии.

Налаживая связи со зрительным залом, театр представлял на сцене различные типы правильной и "неправильной" коммуникации, обыгрывал их, превращая в элементы действия и перевоплощения. Зачастую неверно истолкованные сообщения или вообще непонятные – это речи на других языках. Они создают комический эффект и, кроме того, служат непосредственному введению в русский текст слов иностранного языка, реального или придуманного драматургами.

На сцене любительского театра иностранные слова были знаком приличных манер, политеса, как его понимали интермедиальные герои, например, Гаер. Он время от времени вставляет немецкие слова: "А-а, га-га, гер, гер Зимфон". Перевирает их значения, создавая, таким образом, пару антонимов: "Гутен моргин, прощайте – по-нашему". Мелькают в его речах полонизмы: "Добрый дзень", которыми изобилуют многие интермедии. Он же поет песню, в которой встречаются украинизмы ("зажурився", "схилився"), соседствующие с деепричастиями совершенного вида ("севши", "тоскуючи", "пивучи", "живучи"). Здесь отклонения от нормы русского языка работают на комический эффект или вообще малозначимы. В других случаях они маркируют речь представителей иных этносов, при этом необязательно соотносятся с его реальным языковым портретом. В речи Жида часто встречаются украинизмы: "Ось побацись нечеты будешь говорити", но обязательно он также восклицает: "О вей мир, о вей!" или "Елей от мир!", что можно считать его лингвистическим самопредставлением. Речь Поляка пересыпана польскими формами вежливости и ругательствами: "Как пана шляхова", "Да бут же ласков", "змилуйся", "Панове зацные, моцные", "скурву ее мать", "Ах, ты, скурвей сын". Встречаются и безотносительные в стилевом отношении полонизмы: "А як", "А я схожу тот час по попка", "зробил". Цыган также ругается по-польски и употребляет польские формы вежливости, но на сцену обычно выходит с "цыганским" криком: "Чхабей! Чхабей!".

inslav

Любительский театр задолго до театра профессионального привносил на сцену диалектизмы. Правда, встречаются они спорадически и не мешают персонажам договариваться между собой. Например, в интермедии "Шапошник, Мужик, Мошенники" речь Мужика снабжается такими формами, как: "браечь"/"браець", "горочкие-то купчи", "господин купечь", "деревенские глупчи", "болтатчо", "подвигтачо", "тритчети копеек" (северо-восточный диалект). Очень часто используются частицы *-та*, *-ста*. Не раз персонажи вставляют в свою речь искаженные слова. Так, Дьячок не хочет отдавать своих сыновей в "серимарию". Передается иногда акцент персонажей. Так, Литвин и Жид смягчают шипящие, палатализуют свистящие аффрикаты: "науцысь", "наводзиць", "цорт", "побезиом", "цураются", "сцо".

Наряду с вкраплением иностранных слов драматурги прибегали к просторечиям, которые должны создать контраст с высокими речами персон. Не скованные законами риторики, они позволяли принцессам и кавалерам перемежать высокие речи резкими, но отнюдь не витиеватыми оскорблениями, которые были хорошо понятны всем участникам действия. Так, в "Акте о Калеанъдре" принцесса Тигрина так недовольна претендентом на свою руку, что плюет на него и говорит: "Что се за чючела и дурная рожа? Вот какая харя! Экая пригожа"[42]. После этих высказываний она произносит слезные речи в высоком стиле, оплакивая свою судьбу. Аналогичный контраст наблюдается в "Комедии гишпанской о Ипалите и Жулии", где Сенатор торжественно просит руки дочери Фелтмаршала и, получив отказ, заявляет: "Напрасно славою так возвышаеш, / Ибо дщери твои бляди, сего ты не знаеш"[43]. Стараясь заполучить Жулию в жены, он вкладывает в письмо Иполита "персону некоторой бляди", о чем с гневом сообщает Дукс. Кавалеры, вызывая друг друга на поединки, часто не стесняются в выражениях и обзывают противников канальями и нахалами.

Этот разноречивый хор голосов театральных персон, как видим, дополняется полонизмами, галлицизмами, жаргоном. Театр старательно имитирует диалектное произношение, передает различные искажения русской речи. Таким образом, на сцене ведется лингвистическая игра, лишающая театральное слово однотонности. Театр также нацелен на создание различных вариантов коммуникативных актов, так как постоянно показывает непонимание между персонажами, которые говорят как на разных языках, так и на одном.

inslav

Следовательно, театр, предлагая зрителям поучительные или занимательные пьесы, одновременно занимался проблемой коммуникации и на простых примерах показывал, с каким трудом она выстраивается и к каким итогам приводит непонимание между людьми. Школьный театр призывал к учению, объясняя, сколь полезно знание древних языков, что немедленно обыгрывалось и представлялось в комическом свете в интермедиях. На его сцене в наглядной форме показывалось, как следует говорить правильно и сколь трудно бывает вступить в общение. Любительский театр осмеивал персонажей, путавшихся в собственных речах и с трудом понимавших других, показывал пути к налаживанию отношений между носителями разных языков. Это он ввел на сцену Переводчика. Одновременно не упускал возможности посмеяться над тщетными усилиями овладеть чужим языком, как и над тем, что люди никак не могут договориться между собой, как преднамеренно, так и по воле случая. Он строил на подобных недоразумениях не только комические ситуации, а цельные сюжетные эпизоды, в которых персонажи пытались понять друг друга или, напротив, ввести в заблуждение, что меняло движение сюжета.

1 *Мельников Г.П.* Специфика утопизма Яна Амоса Коменского // Утопия и утопическое в славянской культуре. М., 2002. С. 41.

2 Там же. С. 42.

3 *Запольская Н.Н.* "Общеславянский" язык как лингвистическая утопия // Там же. С. 21.

4 Цит. по: *Пави П.* Словарь театра. М., 1991.

5 Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 59.

6 Там же. С. 63.

7 Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 93.

8 Ранняя русская драматургия: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 374.

9 Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 469.

10 Там же. С. 471.

11 Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 105.

12 Там же. С. 577.

13 Там же. С. 640.

14 Там же. 641.

15 Там же. С. 711.

16 Там же.

17 Там же. С. 630.

18 Там же. С. 655.

inslav

[19] Ранняя русская драматургия: Пьесы школьных театров Москвы. С. 377.

[20] *Державина О.А., Демин А.С., Робинсон А.Н.* Рукописная драматургия и театральная жизнь первой половины XVIII в. // Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 16.

[21] Ранняя русская драматургия: Пьесы школьных театров Москвы. С. 381.

[22] Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 437.

[23] Там же. С. 502.

[24] Там же. С. 502–503.

[25] Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 394.

[26] Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 129.

[27] Ранняя русская драматургия: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 145.

[28] *Демин А.С.* О художественности древнерусской литературы. М., 1998. С. 359.

[29] Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 420, 426.

[30] Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 88, 99.

[31] Там же. С. 93.

[32] Там же. С. 101.

[33] *Демин А.С.* Указ. соч. С. 365.

[34] Ранняя русская драматурги: Пьесы любительских театров. С. 129.

[35] Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 236.

[36] Там же. С. 221.

[37] Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 129.

[38] Ранняя русская драматургия: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 539.

[39] Там же. С. 492.

[40] Ранняя русская драматургия: Пьесы любительских театров. С. 347.

[41] Там же. С. 137.

[42] Там же. С. 144.

[43] Там же. С. 487.

inslav

М.Л. Соснова
(Россия)

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ В ТЕАТРЕ

Для понимания жизни современного мирового сообщества используются понятия *глобализация* и *этнизация*, при помощи которых обозначают два процесса: один процесс, называемый глобализацией, реализуется в форме общественно-экономической деятельности, распространяющейся через государственные границы и сближающий различные этносы, а другой процесс, именуемый этнизацией, направлен против глобализации и реализуется в активности этносов по укреплению своей специфики. Жизнь всех этносов, правда, в разной степени, подвержена влиянию этих двух тенденций.

Современный театр также не избежал этих воздействий. С одной стороны, традиции, профессиональная солидарность актеров, новые информационные технологии способствуют большой скорости распространения знаний в театральной среде, а с другой стороны, популярностью пользуется идея, что каждый национальный театр привлекателен, прежде всего, своей национально-культурной спецификой.

Необходимо сразу же отметить, что процессы глобализации и этнизации по сути изначально были свойственны театру, в первую очередь, европейскому, хотя и под другими названиями. Ведь обмен идеями, знаниями, технологиями всегда был свойственен театру как искусству и как социальному институту с многими его функциями, в том числе функцией воспитания членов общества.

Европейский театр с античных времен способствовал формированию навыков общения у членов социума, наглядно демонстрируя при помощи положительных и отрицательных персонажей одобряемые и не одобряемые образцы поведения. Европейский театр был насыщен идеями планетарного масштаба задолго до того, как в жизнь стран европейского культурного региона вошли явления, ассоциируемые с процессом глобализации. Европейский театр, существующий в структуре европейской культуры даже в других частях света, в последнее тысячелетие был неразрывно связан с христианской этикой и, следовательно, задолго до конца XX в. нес в себе глобализационные черты.

inslav

Больше всего глобализация повлияла на жизнь театра новыми информационными технологиями.

Итак, повторим, что театр есть искусство и одновременно социальный институт, главная функция которого состоит в трансляции во времени и пространстве всех человеческих качеств, в первую очередь навыков общения. Театр – зеркало, в которое смотрится человечество на протяжении многих тысячелетий, помогающее рефлектировать, отбирать наиболее ценные идеи, свойства личности и общества, решать проблемы выживания и развития как человечества в целом, так и отдельных этносов и культур. Театр используется обществом (иногда и государством) как эффективный, многофункциональный инструмент, орудие, с помощью которого обрабатывается человек человеком. Способы, приемы воздействия этим орудием стали для многих культур столь привлекательны во многих отношениях, что они стремятся заимствовать их друг у друга, передавая эстафету театральных идей, языка, организационных структур, техники и пр.

В искусстве вообще, и в театре в частности, наблюдаются две взаимосвязанные тенденции, которые то мирно уживаются друг с другом, то яростно противоборствуют. Но в результате обе обогащают культуру человечества и отдельного этноса, делают ее более разнообразной, многоцветной. Первая тенденция состоит в рецепции конкретными художниками, а через них национальными культурами *общечеловеческих идей* в искусстве, ценностей, сформировавшихся в древности, но постоянно продолжающих видоизменяться, развиваться. Для европейской цивилизации их источниками служат достижения античных творцов, идеи христианства. Это – *глобализационное направление развития культуры и театра*, в частности. Вторая тенденция заключается в охранении, развитии в рамках традиций своей национально-культурной идентичности, питающейся идеями и образами народного творчества, опирающегося на фольклор, на историческую память определенного этноса, нации. Это – *этнизационное направление* развития.

Обе тенденции имели место в театрах большинства современных государств с развитой национальной культурой. Особенности развития театрального искусства в конкретной стране объясняются многими историческими, политическими, экономическими, социально-психологическими факторами. Но в результате именно интенсивность обеих тенденций привела к расцвету национальных театров во многих странах мира. И даже отчасти на-

inslav

сильственное распространение театральных европейских образцов, как это было во времена Советского Союза, принесло больше позитивных последствий для формирования зрелой национальной культуры, хотя имели место и отрицательные последствия. (Среди последних наиболее заметной стала определенная унификация театрального языка, пренебрежение ценностями и образами местной национальной культуры.)

Передача человеческих качеств в этносе осуществляется в ходе присвоения культуры людьми в ее предметной, деятельностной и идеальной формах. Синтетичность театра обусловлена всеми перечисленными формами, являющимися компонентами самого института театра.

Предметная форма культуры в театре заимствовалась и видоизменялась, начиная с античного театра со всеми его составляющими: сцена, место для зрителей, сценические декорации, костюмы, маски, средства для грима и пр.;

Деятельностная форма в театре – это его технологии, т.е. способы и приемы работы драматурга, актера, художника, композитора, организатора спектакля, затем превратившегося в режиссера;

Идеальная форма в театре – это, в первую очередь, сама идея театра, по сути игровая и духовная одновременно, возникшая из древних религиозных ритуалов, необычайно эвристичная в силу своей выживаемости и приспособляемости к каждой из национальных культур, проявивших интерес и потребность в этой поистине великой идее.

Важно отметить, *идея театра* защищена и воплощена самим временем, ведь театр прошел и продолжает идти через "эксперимент", длившийся все время его существования, поскольку все ценностные идеи, театральные архетипы, предметы – все проходило проверку и утверждалось (или отпадало) во встречах с реальным зрителем, современником конкретного театра. И чем глубже и точнее были новые и "старые" (первоначальные) идеи театра, обязанные быть всегда современными, чем точнее они выражали суть бытия и своего времени, тем больше вероятности у них было попасть в категорию "вечных ценностей", утверждаться все новыми и новыми поколениями людей театра и зрителей.

Театральные технологии богаты и разнообразны, а эстетические направления в театре, стили передаются от одной культуры к другой. Эпохи классицизма, просвещения, романтизма, реа-

inslav

лизма, абсурда, модернизма и постмодернизма сменяли и сменяют друг друга, ассимилируясь в той или иной степени почти всеми культурами, заинтересованными в развитии театра по каким-то собственным внутренним причинам. Кроме того, и технология построения, *структура пьесы* со времен античности представляет собой совокупность знаковых событий, действий, происходящих на сцене, соотношение героев-протагонистов и их антиподов, своеобразную модель жизни. В пьесу обычно входят: экспозиция, завязка, кульминация, развязка, финал. И практически любые, в том числе и авангардные, пьесы не могли игнорировать эти структурные основы литературного произведения, предназначенного для сцены, для коллективного полифонического, действенного высказывания, всегда требующего не только понимания, но и сопереживания и соразмышления зрителей.

Воздействующим смысловым центром пьесы и спектакля является *конфликт*, столкновение противоборствующих сил, выражающих определенные идеи. Обычно драматург становится проводником важных для своей национальной культуры, для своего времени идей, и только те идеи, что "висят в воздухе", находят подлинный отзвук в данной культуре, в обществе. Эти идеи затем воспринимаются культурами-реципиентами, когда их театры ставили у себя спектакли на основе пьес определенного драматурга от имени культуры-донора. Так получили мировое распространение идеи, образы пьес Эсхила, Софокла, Эврипида, Шекспира, Мольера, Лопе де Вега, Шиллера, Ибсена, Гамсуна, Чехова, Беккета, Ионеско и др. Для них всех характерен интерес к тому, что называют общечеловеческими ценностями. Большая часть проблем, образными средствами решаемая в пьесах, относится к высокому, духовному уровню работы сознания их творцов, но одновременно и к чувственному их воплощению. В этих пьесах, востребованных мировым театром, затрагиваются проблемы и ценности Жизни, Бытия человека, Родины, Народа, Свободы, Любви, Счастья, Справедливости, Истины, Верности, Мужества и др.

Это модель европейского театра, в которой активный человек противопоставлен другим людям, природе и, в конечном итоге, богам, принимающим образ судьбы. Образ человека-борца в европейской традиции является достаточно укорененным.

Предметом европейского искусства вообще, в частности театра, является ЧЕЛОВЕК, именно на него направлено их внимание, с воздействием на него связаны и основные их функции.

inslav

Каждая из функций театра имеет как *глобализационную* сущность и направленность, так и этнизационную, которая чаще всего выражается и воплощается не столько в идеях, сколько в конкретно-чувственных образах и формах. Рассмотрим некоторые функции театра с интересующих нас позиций, используя для этого анализа номенклатуру, предложенную Ю. Боревым в качестве функций искусства [Борев 1988].

1. Театр может рассматриваться как *знаковая деятельность*, перерабатывающая "материал жизни" с ее конфликтами, кровью, ужасами, любовью в "материал искусства", в художественные образы с их единством чувства и мысли, с их материальной оболочкой, со свойственными им метафоричностью, парадоксальностью, ассоциативностью, оригинальностью и индивидуализацией. Так, многозначность театральных образов – непременный атрибут пьесы, иногда побеждающей трудности перехода во времени и пространстве. Язык этих образов становится понятным и близким в самых разных культурах (хотя всегда остаются лакуны, свои особенности и детали, почти не переводимые, но этого мы коснемся позже).

Одним из драматургов, способствовавших формированию этого общемирового театрального языка, гармонично сочетавшего в себе возможности для распространения общечеловеческих идей в их европейской редакции и вместе с тем проблем национального самосознания, стал В. Шекспир. Чем же именно оказался так дорог театру и человечеству в целом этот драматург? Здесь неуместно подробно рассматривать влияние его пьес, ограничимся лишь предположением, что практически все темы, все глобальные проблемы жизни человека и общества затронуты им. Среди них темы любви и верности, темы справедливости, варварства и дикости, темы разрушительного влияния неограниченной власти, темы хрупкости человеческих отношений и союзов, темы ценности жизни и победы любви над смертью и многие другие. Все они близки людям, иначе не стал бы Шекспир самым востребованным драматургом из всех, живших когда-либо на земле. Трудно не согласиться с П.С. Гуревичем, что "любой из нас может увидеть в истории человечества проекцию собственных чувств. Когда мы говорим о том, что культура держит в своем поле разнообразие духовных веяний, мы прежде всего осознаем, что они восходят к ликам всечеловеческого" [Гуревич 1994: 187].

Добавим к сказанному, что такое "видение" дается лишь в результате серьезных усилий по приобщению субъектом себя к

inslav

культурно оснащенной части человечества, а не только фактом рождения человека.

Гений Шекспира не только в том, что он охватил в своих пьесах главные архетипы человечества, но и придал им форму, узнаваемую, чувственную и одновременно чрезвычайно глубокую, философскую. Однако чтобы воздействие архетипических идей в театре было эффективным, они должны получить знакомое и близкое, не затрудненное для восприятия выражение, в первую очередь, это касается *языка общения* персонажей пьесы.

2. Театр силен способностью *гармонизировать проблемы взаимоотношений мира и человека*, сводить их к оптимистическому, позитивно окрашенному выводу, даже в случаях трагического исхода в рамках отдельной пьесы и спектакля. Другими словами, театр может *утешать*, снимать боль, иногда трудно переносимую, боль от потерь, переживаний, он умеет своими средствами "работать" (как говорят психологи) с этими переживаниями.

Само сочетание интернационального и национального в театре примиряет человека с собой, с миром, делает его частицей человечества. Он становится не одинок в этом мире, его страдания присущи не только ему одному, они превращаются в типичное, в знаковое страдание, приобщают к представлению о Человеке вообще, снимают остроту боли через втягивание в мир переживаний, страстей как в "общее дело" человечества.

Люди театра, являясь посредниками между обществом и миром культуры, выбирают направление этого "общего дела", всегда – коллективного, призванного помочь человеку в его усилиях СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ. А для этого они обращают его внимание на определенный фрагмент реальной действительности, ограничивая свое театральное высказывание определенной *темой спектакля*. Темы любви, верности дружбе, проблемы отцов и детей и некоторые другие свойственны всем типам театра, но многие из них получают высокую степень знаковости, говорят о самом типе государства, о типе власти в нем. Так, в тоталитарных государствах такие темы диктуются королем, вождем, диктатором или верхушкой правящей партии. Обратимся к некоторым темам, важным в контексте нашей работы. Например, в советские годы было типично обращение к темам патриотизма, интернационализма, а развитие национального самосознания отдельных этносов в Советском Союзе не только не поощрялось, но всячески искоренялись любые намеки на него под угрозой художникам быть обвиненными в шовинизме, национализме и т.п.

inslav

Соответственно процесс самоидентификации русских, украинцев, татар, латышей, евреев, таджиков и других представителей наций и народностей был загнан в подполье, а в открытой печати и в искусстве всех видов и жанров оставался лишь в произведениях классики и благодаря использованию национальных языков (и то не везде и не всегда). Последствия этого насилия над важным фрагментом общественного и индивидуального сознания зримы и будут долго еще ощущаться в разных формах, в том числе в виде межнациональных конфликтов, и действительных, и мнимых, служащих для прикрытия определенных политических и экономических интересов.

Разумеется, театр просто по определению не мог не использовать множество своих средств, вольно и невольно служащих национальной самоидентификации, хотя бы через язык, через национальные типажи. Но тематически, проблемно у него почти не было возможности специально формировать лучшее и корректировать негативное из арсенала типичных этнически обусловленных качеств, которые имеются у всех наций и народностей. Но было очень значимое исключение из этого правила, когда в каждом театре должны были ставиться спектакли по пьесам драматургов из национальных республик: например, из Молдавии – пьесы И. Друцэ, из Грузии – Н. Думбадзе, из Киргизии – инсценировки произведений Ч. Айтматова и т.д. Именно благодаря таким спектаклям во многом действительная, а не надуманная дружба между народами имела место, т.к. "межнациональное поле" "засевалось" талантливыми руками, высвечивалось самое драгоценное в каждом народе, этносе и преподносилось в эмоционально привлекательной форме, *этих героев нельзя было не полюбить.* Автор может сослаться и на свой зрительский опыт восприятия талантливого спектакля Г.А. Товстоногова, поставленного в г. Ленинграде в Большом драматическом театре им. А.М. Горького по повести Н. Думбадзе "Я, бабушка, Илико и Илларион". Обаяние персонажей сделало свое дело в моем отношении к грузинам, к их музыкальности, верности дружбе, способности почитать старших и т.п.

3. Близка к предыдущей и функция *воспитания театром*, формирующая в человеке духовные, душевные и эмоциональные качества и потребности, ценности и идеалы. Здесь, как, может быть, ни в каком ином виде искусства, зритель встречается со "всем в человеке", с высоким в нем, с парением его духа и – с подвалами сознания и поведения, с почти религиозным началом, об-

inslav

ращенном к Творцу, и – с сатанинским началом, также присущим человеку. В театре душа, сознание, чувственность зрителя "тренируются", проходя через обработку знаковой квазиреальной ситуацией, проходя через активное заражение, через эмоциональный резонанс, через самоидентификацию с образами героев спектакля.

Охарактеризованное Аристотелем понятие катарсиса как очищения души посредством "подобных эффектов" подтвердилось всей историей театра и подтверждает насущную необходимость человека в таком своеобразном общении, в самом феномене театра. И, несмотря на появление все новых "игрушек" (кино, телевидение, Интернет и пр.), театр не только удерживает свои позиции, но и расширяет области своего пребывания и развития. Как свидетельствуют многочисленные исследования, особенно важно встретиться с театром человеку в детстве и в юности, когда личность еще формируется, закладываются ее приоритеты, формируется направленность, главные черты характера, способы действий и переживаний.

Еще лучше по сравнению с ролью зрителя театр воспитывает юное существо внутри себя, в роли актера. Так, ребенок или подросток, попав в драматический кружок, познает на себе, играя в пьесах отечественного и зарубежного репертуара, что это значит, "быть французом" или "немцем", "русским" или "казахом". Но осознает он это только в случае грамотного развивающего юного участника коллектива руководства, в противном случае будет лишь бездумная дрессура ради формальных внешних целей.

Среди театральных технологий имеется и такая технология, на которую хотелось бы обратить внимание заинтересованного читателя. Речь идет о технологии создания образа персонажа через выращивание в себе нужного для определенной концепции, идеи спектакля сценического характера. Французский семиолог П. Пави подчеркивает, что «"идеальный" (сценический. – *М.С.*) характер сохраняет равновесие между индивидуальными (психологическими и моральными) признаками и социоисторической детерминированностью. В общем смысле сценически действенный характер соединяет универсальность с индивидуальностью; он очень точен и тем не менее позволяет сопоставление с каждым из нас. Ибо секрет любого театрального персонажа состоит в том, что он то же, что и мы (мы отождествляем себя в момент *катарсиса*) и он другой» [Пави 1991: 419].

inslav

Зритель, идентифицируясь с определенным персонажем, выбирает для себя одну или несколько социальных ролей или психологических качеств героев спектакля, наиболее отвечающие его "личностному смыслу" (по А.Н. Леонтьеву). Подсознательно внимание зрителя направляется на определенное качество или роль: будь то "отец", "влюбленный", "трудяга", "скупой", "начальник" или "униженный". В реальных спектаклях все-таки "герой" или "негодяй" в спектаклях Китая или Чехии, Великобритании или России приобретут как общие, так и специфические черты, те и другие важны для воспитания зрителей как граждан этих стран и для приобщения их к человеческому роду.

4. *Информативную функцию* театра невозможно переоценить, т.к. спектакль это обязательно "окно в мир", выход за пределы знакомого, обыденного и привычного. В подсистеме "театр – зритель" конкретному реципиенту открываются новые факты, новые горизонты, новые явления в жизни, новые феномены и качества в человеке, эти открытия помогают иначе взглянуть на себя, на известное и, как раньше казалось, понятное. Все ложится в основу нового опыта, от которого личность отталкивается и, используя собственный жизненный опыт, строит себя, совершает определенные поступки, творит свою уникальную жизнедеятельность.

В этой функции театра заметнее проявляют себя глобализационные, нежели этнизационные тенденции. И это естественно, т.к. новые образы, феномены, отличающиеся от привычных, "скучных", ярче воспринимаются, лучше запоминаются, легче нравятся. Положительная реакция на образы "своей" культуры затруднена отсутствием или недостатком необходимой рефлексии, часто свойственной человеку, живущему в монокультуре.

Тем более важно информирование через театр, его средствами юных зрителей, способных через него постичь значимые события в истории и настоящем их Родины, традиции, характер своего народа. Важно только, чтобы такие этнически ориентированные спектакли были бы в гармонии с остальным репертуаром конкретного театра, не позволяли бы быть использованными примитивно мыслящими людьми, шовинистами и агрессивными националистами, для которых "свое" значит "хорошее", а "чужое" – всегда "плохое".

В подсистеме "театр – театр" информативная функция помогает воспроизводить на своей культурной почве все основные предметные, деятельностные, технологические и идейные фор-

inslav

мы и феномены театра. Недаром уже многие годы успех принадлежит только тем отдельным театральным коллективам и спектаклям, которые совмещают глубокую культурную, профессиональную компетентность и смелый самостоятельный поиск на такой крепкой основе. "Музейные" спектакли репродуктивного типа и малограмотные, примитивные постановки мало кого привлекают, кроме их создателей.

Европейский театр, так же, как и вся европейская культура в целом, создавался и развивался в условиях экспансии, влияющей почти на всю мировую культуру. Это были и остаются условия многовековых традиций и заимствований из одной национальной культуры в другую, все более изощряясь в средствах, совершенствуясь, иногда попадая в тупики, впрочем, далеко не всегда и не всеми замечаемые, особенно "изнутри" определенного творческого коллектива.

5. *Коммуникативная функция* театра проявляет себя в бесконечном и беспрестанном "диалоге культур", в диалоге "субкультур", в диалогах талантливых индивидуальностей, какими только и могут быть люди театра. Познавательная схема "диалога культур", развитая М.М. Бахтиным, В.С. Библером и другими исследователями, позволяет увидеть театр как "чудо", как "вселенную вселенных", как бесчисленное и иногда прекрасное переплетение идей, образов, слов, взглядов, интонаций, форм, звуков, красок, их превращение в единую магическую симфонию, предназначенную и для всех зрителей как целого и одновременно для каждого их них в отдельности. Результаты, "последействие" спектакля зависит и от его качеств и от "искусства зрителя" (по выражению Б. Брехта), от его способностей "эмоционального мышления".

Коммуникативный потенциал театра огромен, поскольку только в нем идеи выражаются в жизнеподобном человеческом действии, ситуации, событии, при условии присутствующих и активно влияющих своей реакцией на происходящее людей, зрителей. Такая коммуникация ничем не может быть заменена именно из-за своей неповторимости, уникальности, живости. Кроме того, есть особая магия и во всегда новом персонаже, даже если это классическая роль, все равно, зритель знает, что Гамлет всегда "сегодняшний" и вечный одновременно. Ведь актер – чрезвычайно чувствительный организм, и он в любой роли адекватно реагирует на события, происходящие в мире и в стране, разумеется, если актер – это зрелая личность и гражданин. Но справедливо счи-

inslav

тается, что особенно ценно для каждого театра ставить современные спектакли по новой, написанной единомышленником театра, пьесе. Тогда коммуникация становится очень острой, злободневной, многослойной, богатой содержанием и удовлетворяющей многие потребности, как создателей, творцов, так и зрителей.

Глобализация и этнизация в театре осуществляется через множество каналов. О некоторых из них нам хотелось бы сказать отдельно, т.к. они мало и редко замечаются исследователями. Глобализация может осуществляться и через доминирующие в определенное время в мировом искусстве *жанры* и даже через *интонацию* произведений. Иногда, правда, они бывают не только созидательными, но и в какой-то мере разрушительными.

Например, в России ирония, скепсис, доходящий до цинизма, возникли не без активного участия СМИ, а во многом и из-за реакции отторжения навязываемого долгие годы официоза, в том числе, к сожалению, и через театральные постановки. Целые поколения молодых людей в нашей стране с трудом воспринимают сегодня темы патриотизма, Великой Отечественной войны и пр. А сегодня множество спектаклей построено по принципу "заигрывания" с молодежной аудиторией, предлагает им сниженную лексику, "пофигистский" настрой и т.п. Является сегодня огромной проблемой для театра поиск нового языка, новых форм социализации через театр юных зрителей, передачи ценностей от предыдущих поколений к новым. Нет уверенности, что театральные деятели адекватно оценивают сложившуюся ситуацию, скорее, многие из них озабочены больше внутрицеховыми вопросами, к тому же их действительно очень много.

Придя в XVII в. в Россию из Италии и Франции, русский драматический театр стал театром европейского типа, постепенно он все больше завоевывал лидирующие позиции в мире, присоединив свои успехи к достижениям мирового театра. Русский психологический театр, созданный К.С. Станиславским и его соратниками и учениками, – источник театральных знаний и заимствований, не переставший быть интересным в самых разных странах мира. Во многом сам *театральный язык*, получивший свое начало в античном театре, пополнялся и видоизменялся усилиями создателей Московского художественного театра, В.Э. Мейерхольдом, Е.Б. Вахтанговым и другими выдающимися деятелями театра России.

Понятие *язык театра* очень многозначно. В него входит и использование профессиональной лексики и фразеологии, и ре-

inslav

шение художественных задач спектакля типично театральными средствами: через поведение персонажей, ритм и динамику действия, декорации и костюмы и т.п. Большое значение в языке театра приобретает использование определенных амплуа, типов человеческого поведения. Глобализационная и этнизационная коммуникация происходит и через поведение этих типов. Одни из них переходят из культуры в культуру, из пьесы в пьесу вполне благополучно (например, "герой-любовник", "благородный отец", "инженю" и т.п.), а другие становятся типичной принадлежностью только одной культуры (например, Пьеро, Арлекин, Коломбина стали знаком итальянской комедии дель арте).

Экспансия европейского театра на театральную жизнь планеты очевидна. Даже страны, имеющие свой многовековой опыт театральной жизни, например, Япония, Китай, не могли и не могут не интересоваться этим типом театра, приглашая к себе на гастроли его представителей, в частности, лучшие коллективы России.

Как уже отмечалось, с появлением МХТа карта театральной жизни Европы и мира изменилась, т.к. появился новый феномен, притягивающий к себе взоры даже корифеев театров тех стран, которые имеют долгую и яркую жизнь в искусстве. Например, Д. Котрелл пишет о том, что "перед Оливье маячила модель для подражания", "ею был Московский Художественный театр, в послевоенные годы считавшийся за рубежом образцом ансамблевого исполнения и самым передовым представителем реалистической школы. Среди всех театров того времени он выделялся безупречным вкусом, общей надежностью и профессионализмом,.. служил примером того коллективного духа, который Оливье хотел привить в Национальном театре" [Котрелл 1985: 302–303].

Всемирная театральная Олимпиада, проходившая в Москве несколько лет назад, лишний раз доказала, что "кровеносная система" театра во всем мире едина, типов театров на земле великое множество, и все же особый интерес вызывали те из них, которые смогли, впитав лучшее из общемирового театрального процесса, создать собственный уникальный национальный театр. Только самостоятельно развивающийся зрелый театр может стать значимой вехой и способствовать общению как внутри своей культуры, так и служить образцом для других культур. Приглашение на постановку в другие страны Ю. Любимова, А. Эфроса, О. Ефремова, В. Фокина, А. Васильева и др. демонстрируют авторитет русского театра в мире. Тем самым получает распро-

inslav

странение не только конкретная театральная идея, но передаются и значимые фрагменты русского сознания, менталитета, а это уже выходит за рамки искусства, становясь принадлежностью процесса формирования общего культурного сознания, близкого и понятного многим людям в других странах. Важно в этой связи вспомнить о пророческих словах Ф.М. Достоевского о влиянии русских на общемировое культурное пространство, сказанные им в речи, посвященной открытию памятника А.С. Пушкину в Москве в 1880 г.

Известно, что при личном общении актеры всего мира хорошо понимают друг друга, т.к. их деятельности в целом идентичны. Почему известный актер для своей нации является значимой фигурой? Возможно, потому, что зритель хочет видеть в нем самого себя, но улучшенного, себя, но поэтически возвышенного, стремится через него понять себя и других. В конце концов, он просто по-человечески к нему привыкает как к близкому знакомому, к другу, ведь "вместе" с ним он переживал замечательные минуты и часы своей жизни, находясь одновременно и "в проблеме", и в безопасности, что дает только искусство. Кроме того, актер не просто обычный человек, он еще и "живой кусок искусства", ведь он воспринимается как бывшая и потенциальная часть спектакля, фильма, художественного произведения.

Актер должен быть в высшей степени "человеком культуры", т.к. он, воспринимая идею пьесы, понимать ее должен с позиции людей своей нации, учитывая ее традиции и нормы. За ним остается последнее значимое слово в художественной интерпретации пьесы, своей роли, он должен быть способен на "созидание смысла" в ней, "когда знаки производятся не как следствие заранее существующей системы. Но как структурирование и производство этой системы", именно такая *интерпретация* "составляет *материю спектакля*" [Пави 1991: 419].

Если же актер способен только на размышление, на создание роли на уровне обывателя, не может возвыситься до "философских, психологических обобщений", о необходимости которых говорил в интервью И.М. Смоктуновский, работа такого актера служит лишь развлечению, но не подлинной культурной коммуникации.

6. Театр предоставляет обществу и отдельному человеку, зрителю свою *художественную концепцию, свой образ мира*, в котором в единстве выступают мировоззренческие идеи, но, в отличие он философии и науки, облеченные в своеобразную более

inslav

или менее жизнеподобную, чувственную художественную форму. В этой функции в большой мере востребованы идеи глобализации, единства мира, сходства его культур, но облаченные в яркие национальные "одежды".

В этом контексте приобретает большое значение реальное мировоззрение художников театра, их способность выявить конкретную идею, сверхзадачу будущего спектакля, умение организовать идеи иерархически, построить концепцию, в первую очередь, выявляя либо глобализационные, либо национально ориентированные черты в нем. Не провозглашаемые творцами лозунги, а лишь конкретное сценическое решение наглядно демонстрирует, в какой мере национальное в сознании постановщиков и актеров имеет место. К примеру, тандем режиссера Р. Стуруа и композитора Г. Канчели всегда означает то, что в спектакле обязательно будет в разной степени выраженная "нота", интонация, аромат грузинской культуры. Некоторыми режиссерами используется образ "русскости" через показ героев в костюмах, напоминающих дымковскую игрушку, на самом же деле еще очень мало попыток адекватно представить этот образ в его сути.

Создание глубокой концепции спектакля невозможно без напряжения всех интеллектуальных сил его авторов. Герои спектакля мыслятся на фоне Большого времени, в масштабах жизни человечества, а это может быть доступно только людям с ярко выраженным креативным началом, для которых нормально мышление "на равных" с гениями мировой драматургии. Например, при постановке пьес экзистенциалистов А. Камю, Ж.-П. Сартра и др., для которых значимо само существование на земле человека, утверждение самоценности жизни, протест против давления на живую жизнь пресса идеологии, капитала, равнодушия обывателя, массы и пр., режиссеру и актерам необходимо иметь такое содержание собственного сознания, которое они могут предложить в развитие содержания пьесы.

В последнее время многих заинтересовал мир образов А.Н. Островского, который видится не только пространством замоскворецких купцов, но и читается теперь как "мир новых русских". Почему стал так интересен и востребован Островский сегодня? – "Понимание человека как образа и подобия Божия лежит в основе православной антропологии и является альфой и омегой художественной антропологии Островского"; "Пространство Островского предстает как земля людей, которые живут на ней, православно веруя и мощно врастая в почву. У них и мысли

inslav

нет, что они проживают на обочине культурного мира. Напротив, они – в центре"; "Время Европы на пространствах России предстает как эпоха скудного *трудового хлеба, бешеных денег*, охоты *красавцев-мужчин за богатыми невестами*, время нещадного деления на *мудрецов и простаков, волков и овец*" [Шалимова 1998: 154, 157, 160].

Как видим, многие из названных идей и архетипов, в том числе и выраженных через перечисленные названия пьес А.Н. Островского, в которых проблемы отношения к собственности, зависящих от этого отношений людей, духовные запросы и ориентиры, стали интересовать современного российского жителя, а новых пьес достойного уровня на эти темы еще не появилось. Как всегда, выручила классика.

Искусство театра дорого соединением большого масштаба идей и образов с выражением их в детали, в звуке, вплоть до стрекота сверчка и интонации актера, довершающих общую идейно-образную концепцию и придающих им уникальность и неповторимость. "Неповторимый миг" театра может способствовать открытиям мира и себя во внутреннем пространстве зрителя, помогать ему выстраивать психологические и интеллектуальные опоры, характер, судьбу, вырабатывать свое мировоззрение и миропонимание. В этом сложном процессе *узнаваемость, ментальная близость* красок, интонации конкретному зрителю становятся очень дороги, форма их этнически близка целой группе людей и одновременно индивидуальна. То есть общение идет на уровне ментально близких ощущений, предугадать, найти которые – одна из специфических задач театра и актера.

Способствовать росту самосознания нации, развивая многоаспектное воздействие на зрителя, создавая образную модель жизни нации, она же – художественная концепция национального характера и поведения, может только национальный театр. И эту работу за него никто не сделает. Лучшие деятели мирового театра это понимают. Так, знаменитый итальянский режиссер Дж. Стрелер полагал, что у театра "должна быть за плечами *народная аудитория*, вообще нация в целом", он это не только провозгласил, но и осуществил реально в известном на весь мир "Пикколо театро ди Милано" [Стрелер 1984: 33]. Он же подчеркивал, что бедой театра может быть утрата связи между "итальянскими драматургами" и "итальянским обществом", когда одни других не слышат. И это типично не только для Италии, разумеется.

inslav

7. *Гедонистически-игровая функция* театра проявляет себя во всем обширном арсенале театральных средств: в знаковости предметов и ситуаций, рассчитанной на игру смыслов и понимание, в наборе персонажей, предъявляющих разные модели поведения и считывание их, в топике юмора, который может быть воспринят лишь на близкой реципиенту "волне" и т.д.

Гедонизм, стремление к наслаждению, по-видимому, одна из причин отвержения театра многими религиозными конфессиями, обвиняющими его в растлении душ и других подобных грехах. Но время показало, что театром движет гуманное стремление помочь человеку, возвысить его помыслы, и в этом у него с религией имеются общие цели. Игровое начало как "незаинтересованная, бескорыстная форма" активности (по Ю. Бореву) присуще человеку изначально, связано с его естеством, природой (как и многих животным). "Игра свободных сил", одновременное присутствие в событии и вместе с ним взгляд на него со стороны, физическая близость к происходящему, втянутость в него эмоциональная, – это и еще многое другое делает общение зрителя со спектаклем событием уникальным для обеих сторон, превращает его в совместный игровой поступок.

В этом специфически "художественном поступке" глобализация театральной деятельности уступает по значимости этнизационным проявлениям и взаимным воздействиям, т.к. зал отзывается (или не отзывается) на событие смехом, слезами, либо – равнодушным кашлем, уходом зрителя после первого акта. Отчасти по этой причине, как получение ответной реакции от современников, лучшие режиссеры обращают внимание на факт наличия или отсутствия аншлагов на спектаклях.

Зарубежные гастроли – особый случай проявления игровой функции театра. Здесь налаживаются особые отношения в подсистемах "театр – зритель" и "театр – театр". Личные воспоминания автора статьи об игре Жана Вилара, отдельных актеров труппы Комеди Франсез, Анны Маньяни и других крупных творцов зарубежного театра помогают утвердиться в мысли, что и в драматическом театре возможно потрясение, несмотря на языковой барьер. Большие актеры, даже говорящие на другом языке, воспринимаются глубоко благодаря их обаянию, заразительности, яркости, мастерству, часто уникальному голосу и темпераменту, правда, иногда может воздействовать и магия мировой славы актера.

Актеры, режиссеры – это люди, которым близка игровая стихия, у них чрезвычайно развито интуитивное знание, подсо-

inslav

знание их насыщено образами, всегда готовыми к использованию по мере необходимости. В этой связи представляется близкой к нашей теме идея "**мыслеобраза**", подаренная Георгием Гачевым: "Работа мыслеобразами есть особый род духовной деятельности, где соединяются рассудок и воображение, упражняется и рационалистическая наша способность, и художественная, и оседает она в текст (или в спектакль. – *М.С.*)... И всякая мысль здесь – не однозначный тезис, а многозначный образ, что смысл свой имеет лишь в контексте, и может быть и игровой (с юмором) и даже ошибочной... Дедукция воображением есть пристальное вглядыванье, вслушивание в данный (или найденный) мыслеобраз – и взвиденье: какими смыслами и производными связями он чреват" [Гачев 1988: 178]. Многие находки в сфере творческого, созидающего сознания творца близки людям театра, поскольку они ежеминутно встречаются с моментами перехода, перевода понятий в образы, перевода "чужих" национальных образов сознания в свои и т.п. Они сталкиваются с задачей постижения, понимания общего и особенного в авторском драматургическом тексте, в проблеме, реконструируемой на его основе, они окончательно оформляют в свое понимание в отдельном, конкретном поведении актеров в спектакле.

К примеру, Г. Гачев говорит о том, что "выявление *порогов* национального эстетического восприятия очень много дает для изучения национальных образов мира" [Там же: 135]. Допустим, ставя комедию Мольера, режиссер и актеры сталкиваются с проблемой соотношения русской и французской ментальности, они вынуждены решать множество психологических и технических задач, например, таких, как овладение более быстрым темпом речи, движения, иное качество отношений мужчины и женщины (эротика для французов и русских в их культурах традиционно имела разное значение). Постепенно для опытного актера становится необходимым осваивать общие подходы, в том числе и к национальности его героев. Играть итальянца – это нечто иное, чем играть скандинава, а американского ковбоя приходится создавать иными средствами, чем японского генерала. Создание всегда нового характера, образа включает в себя и его национальную принадлежность, хотя русскими актерами они будут переводиться по-своему, немцами – своими средствами и т.п. Иначе говоря, трансформация, рождение новых видеообразов и ощущений может проходить лишь на основе уже имеющихся у челове-

inslav

ка внутренней творческой лаборатории, в которой образное и понятийное сливаются в единый процесс.

8. *Эстетическая функция* театра является для него специфической, ею в большой мере оправдан этот необычный способ общения одних людей с другими. Благодаря этой функции зритель оказывается втянут в особый мир театра с его *условностями*, его богатым и своеобразным *языком*, с его кодами и знаками. Постигая эту квазижизнь и находя в ней особые, нигде больше не испытываемые эмоции, мыслеобразы и переживания, человек превращается в потенциального театрального зрителя, испытывающего потребность в посещении спектаклей.

Чем такой человек отличается от "незрителя"? Стремление к прекрасному, возвышенному, как и комическому, трагическому делает его человеком, т.к. приобщает к мировой культуре. Одновременно у него развиваются многие психические способности: различные виды памяти, способность к многообъектному восприятию и вниманию, умение понимать и сочувствовать другому, развивается интеллектуальное и эмоциональное начала и т.п. *Социализация* личности, ценностное ориентирование осуществляются не в результате прямого дидактического воздействия, не всегда достаточно эффективного, а подспудно, через суггестивное влияние, через опыт сопереживания. В нем может постепенно вырабатываться эстетический вкус, чувство меры, чувство формы, что очень важно, – *чувство красоты родного языка*, ведь он может услышать со сцены образцы такой речи, какую не имеет возможности услышать больше нигде. Так, вспоминая волшебный голос и интонации И.М. Смоктуновского, понимаешь, что, слушая его, испытывал редкое эстетическое наслаждение, которое не осталось без последствий, а живет в тебе в виде памяти о чем-то необыкновенном, прекрасном, близком многим людям, будящем в них лучшие, самые нежные и возвышенные чувства.

Эстетическое воздействие театром невозможно разложить по отдельным составляющим, т.к. это интегративная функция, одно из главных ее направлений пробудить в человеке *дух творчества*, развить творческую активность, нацеленную на *позитивное созидание, на творчество жизни и себя в ней*. И в этом сложном процессе глобализационное и этнизационное начала театра проявляют себя гармонично и по принципу взаимного дополнения, они нуждаются друг в друге и практически не существуют по одиночке.

inslav

Хочется привести пример, подтверждающий мысль о постоянном взаимообогащении и взаимопроникновении "жизни" и театра. В Италии в городе Верона есть старый дом, который называют Домом Джульетты. Правительство города наметило его несколько обновить и реконструировать: во-первых, нужно отмыть стены дома от граффити, нанесенных туристами и влюбленными, а во-вторых, дом будет оборудован компьютером, чтобы все "фанаты Джульетты" могли в реальном времени прочитать послания любимой героине, оставляемые теми же туристами и влюбленными, уже с помощью современных средств.

ЛИТЕРАТУРА

Борев Ю. Эстетика. М., 1988.
Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.
Гуревич П.С. Философия культуры. М., 1994.
Котрелл Д. Лоуренс Оливье. Пер. с англ. М., 1985.
Пави П. Словарь театра. Пер. с франц. М., 1991.
Стрелер Дж. Театр для людей. Пер. с итал. М., 1984.
Шалимова Н. Русский космос Островского // Театральные течения. Сборник статей к 100-летию со дня рождения П.А. Маркова. Сост.: Б.Н. Любимов. М., 1998.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

IV. ЯЗЫК, ЭТНОС, КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССЕ ЭТНИЗАЦИИ

Чмейркова С. (Чехия). Они наши или чужие? .О репатриации волынских чехов 3

Елинек М. (Чехия). О чешском языковом пуризме нового времени 30

Мюллерова О. (Чехия). Динамика литературного и обиходно-разговорного чешского языка в некоторых типах публичной коммуникации ... 63

Мусилова К. (Чехия). Отношения чешского и словацкого языков в период с 1918 по 1992 г. и их развитие после распада Чехословакии 85

Крчмова М. (Чехия). Процесс конституирования современной повседневной речи 102

Багдасаров А.Р. (Россия). К проблеме этноязыковой конфликтологии в СФРЮ (социолингвистический аспект хорватско-сербских отношений) 119

Тяпко Г.Г. (Россия). Хорватское "триязычие" в начале XXI в. 153

Усикова Р.П. (Россия). Этноязыковые и этнокультурные проблемы в македонском языке 174

Макарова И.Д. (Россия). Особенности языковой интеграции в люблянском городском койне 197

Остапчук О.А. (Россия). Языковое варьирование как фактор внутренней динамики в современном украинском языке: уровни и способы манифестации 210

Деркач Е.П. (Украина), Парфенова О.С. (Россия). Украинские болгары: феномен стабильности языкового и этнокультурного своеобразия 238

Журавлев А.Ф. (Россия). Из наблюдений над славяно-иранскими семантическими параллелями (slavo-ossetica) 252

Туманян Э.Г. (Россия). Роль религии в процессах культурно-языковой интеграции и дифференциации 284

Нарумов Б.П. (Россия). Особенности формирования литературной нормы галисийского языка как одного из региональных языков Испании 305

V. ЯЗЫКИ В СПЕЦИФИЧЕСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ

Дуличенко А.Д. (Эстония). Кашубы и их язык: некоторые аспекты этно- и лингводифференциации на рубеже XX и XXI вв. 325

Ермакова М.И. (Россия). Перспективы развития языковой ситуации в Лужице в свете тенденций глобализации 337

inslav

Погорелая Е.А. (Приднестровье). Русская языковая личность в контексте социокультурной динамики постсоветских государств 360

Кузнецова А.И. (Россия). Формы проявления самосознания у представителей малочисленных этносов уральских народов Сибири 387

Рангелова А., Яновец Л. (Чехия). К проблеме речевой интеграции иностранцев при неформальном общении в чехоязычном социуме 407

VI. ЯЗЫК И ИСКУССТВО В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Софронова Л.А. (Россия). Коммуникативные ситуации на сцене старинного русского театра 424

Соснова М.Л. (Россия). Глобализация и этнизация в театре 441

inslav

Научное издание

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ЭТНИЗАЦИЯ:

Этнокультурные и этноязыковые процессы

В двух книгах

Книга II

Утверждено к печати
Научным советом РАН
"История мировой культуры"
и Ученым советом
Института славяноведения РАН

Зав. редакцией *Е.Ю. Жолудь*

Редактор *Т.М. Скрипова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *В.В. Лебедева*
Корректоры
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова,
А.В. Морозова

Подписано к печати 19.05.2006
Формат 60 × 90 $^1/_{16}$. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,0. Усл.кр.-отт. 29,0. Уч.-изд.л. 32,0
Тираж 530 экз. Тип. зак. 3378

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

inslav

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 **www.LitRAS.ru** E-mail: info@litras.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433) 50-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@ krasmail.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-0333, 737-0377 (доб. 50-10)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 3833) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 277) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; (код 812) 297-91-86
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-62 akademkniga@ufacom.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
www.LitRAS.ru
E-mail: info@litras.ru
zakaz@litras.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

inslav

По вопросам приобретения книг государственные организации просим обращаться также в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat @ naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ISBN 5-02-035614-X

inslav

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ – ЭТНИЗАЦИЯ

Книга II

inslav